

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

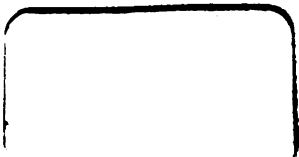
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Рослин;

сборник
общества любителей
русской словесности

на 1891,

Росин ; сборник Общества ...

СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

на 1891 годъ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва М. М. Мушкетеръ и №,
Пименовская улица, собственный домъ.

1891.

Serial
set

PG2900
P63
1891
MAIN

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Законы Дружескаго литературнаго общества. 1

Восемь писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. В. Гоголю. Сообщ. Я. И. Греть. . . 15

Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, со-
ставленный Н. В. Гоголемъ. 24

Коляска, повѣсть Н. В. Гоголя (въ первоначальномъ видѣ). 55

Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. П. Толстому. Сообщ. Я. И. Греть. . . 67

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу (по поводу печатанія
„Нови“ въ 1876 году). Сообщ. М. М. Стасюлевичъ 69

Двѣ сцены изъ трагедіи Шекспира: „Антоній и Клеопатра“, въ переводѣ А. Н.
Островскаго. 77

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ г. Е. 88

Письмо Почетителя Московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьева къ сту-
денту Р. Ѳ. Тимковскому. 85

Отзывъ профессора О. И. Буслаева о программѣ русскаго языка и словес-
ности, составленной учителями гимназій Московскаго учебнаго округа
на сѣздѣ 1866 г. въ Москвѣ. 87 —

Монологъ Гамлета. Пер. С. А. Юрьева 97

Мысли священника при возношеніи Святаго Агнца (изъ Лопе де Веги). Пер.
С. А. Юрьева. 99

Замѣтка о Словарѣ, составленномъ Н. В. Гоголемъ. Н. С. Тихомирова . . . 101

Выдержки изъ дневника О. М. Боданскаго. 109

Возрожденіе Общества Любителей Россійской Словесности въ 1858 году.
Рѣчь Н. П. Гилярова-Платонова. 139

Стенка Разинъ. Двѣ картины изъ неоконченной піесы. И. А. Чаева. 158

Баймаганъ, киргизская сказка. Д. А. Мамина 182

Для любителей книжной старины. Библиографическій списокъ рукописныхъ
романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и проч., въ особенности изъ первой
половины XVIII вѣка. А. И. Пыпина. 194 —

О письмахъ В. Г. Бѣлинскаго къ Бакунинымъ. В. А. Гольцова. 277

Последняя депеша. П. Д. Боборыкина. 283

Лихомецъ. Разсказъ. И. Резиной. 293

Аванасій. Разсказъ. Л. Н. 304

Царь Іоаннъ четвертый. Хроника въ пяти дѣйствіяхъ. Им. А. М. Сумбагова. . 315

Дмитрій Кадницинъ. Драматическая повѣсть въ пяти картинахъ. В. Г. Бѣлинскаго. 437

Письма А. С. Грибоѣдова къ Н. А. Каховскому. 534 —

Дополненія къ „Библиографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣ-
стей и пр. первой половины XVIII вѣка. А. И. Пыпина 541 —

Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ въ XVIII столѣтіи. И. Е. Забѣлина. 557

Законы дружескаго литературнаго общества *).

Ц ѣ л ь.

I.

Мы всё такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ трогать и убѣждать другихъ словестностію, мы всё удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства любовь къ Добродѣтели и Истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша обязанность; мы всё льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ безцѣнный талантъ.— Да будетъ же сіе образованіе, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій.

П р е д м е т ь.

II.

Очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно:—вотъ достойный предметъ нашихъ упражненій!

С р е д с т в а.

III.

Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно:

1-е. Особенно заняться Теоріею изящныхъ наукъ.—Она покажетъ

*) Общество, уставъ котораго появляется теперь въ печати, основано было В. А. Жуковскимъ. Ср. *Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета*, II, стр. 57 и слѣд. *Шевырева, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи*, стр. 71. *М. А. Дмитріева, Мелочи изъ записокъ моей памяти*, стр. 180. Уставъ печатается съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

намъ мачтабъ всего изящнаго и будетъ служить въ Лаберинтѣ юродствующаго воображенія.

2-е. Разбирать критически переводы и сочиненія на иностранныхъ языкахъ.

3-е. Можно иногда прочитывать какіе нибудь полезныя книги, и объ нихъ давать свой судъ.

4-е. Наконецъ трудиться надъ собственными своими произведеніями, обрабатывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ.

Всѣ сіи упражненія при взаимныхъ пособіяхъ будутъ имѣть сугубую пользу.

П о р я д о к ъ.

IV.

Общество будетъ состоять изъ малаго числа членовъ, дружествомъ соединенныхъ.

V.

Для принятія въ наше Общество непременно должно, чтобъ которой нибудь изъ членовъ коротко зналъ пріемлемаго.— Въ выборѣ членовъ должно смотрѣть не только на то, готовъ ли онъ содѣйствовать къ предложенной цѣли, но особенно на его нравственной характеръ.

VI.

Вновь входящій членъ долженъ прежде написать просительное письмо; но это не касается до почетныхъ.

VII.

Засѣданіямъ быть однажды въ недѣлю по субботамъ въ пять часовъ.

VIII.

Всякой разъ долженъ чередной ораторъ читать рѣчь: выборъ матерій предоставляется дѣлать всякому члену для себя.

IX.

Члены обязаны всякой мѣсяцъ въ первому числу, особенно отъ рѣчей, приносить по піесѣ.

X.

Сочинитель или переводчикъ при чтеніи своей піэсы лишается голоса, и отвѣчаетъ только тогда, когда требуютъ отъ него объясненія.—Онъ долженъ положиться на безпристрастіе своихъ товарищей.

XI.

По прочтеніи піэсы которой нибудь изъ членовъ можетъ взять ее на критику или на опроверженіе; иногда и двое или нѣсколько изъ членовъ могутъ критиковать или опровергать ту же піэсу.

XII.

Критика касается до плана піэсы, до словъ, выраженій, оборотовъ, въ прозѣ до гладкости, ясности и пріятности стиля, въ стихахъ до мѣры стиховъ, рифмъ, гармоніи. Опроверженіе же касается до мыслей автора.

XIII.

Критики и опроверженія должно приносить въ слѣдующее засѣданіе, а опроверженіе философическихъ піэсъ черезъ двѣ недѣли непремѣнно и безъ всякихъ отговорокъ. По прочтеніи критики піэса отдается на поправленіе Автору или можно поправить ее и въ засѣданіи, если время позволитъ. Если же возвратится она автору на поправленіе, то онъ непремѣнно долженъ принести ее въ слѣдующій разъ исправленную и тогда, если кто найдетъ въ ней еще недостатки, то можетъ опять ее взять на критику, слѣдующую по назначенному порядку.

XIV.

На опроверженіе авторъ можетъ дѣлать отвѣтъ, на отвѣтъ антагонистъ его можетъ опять писать опроверженіе и такъ далѣе. Но если президентъ замѣтитъ, что которой нибудь изъ противниковъ, или оба они, не приводя доказательствъ, будутъ только стараться поддерживать свои парадоксы и явно впадать въ противорѣчіе, то онъ съ согласія всѣхъ членовъ долженъ прекратить эти споры, которые не только бесполезны, но даже могутъ быть вредны; они могутъ приучить насъ ложно умствовать.

XV.

Если критика будет недостаточна, то президентъ долженъ дать это на замѣчаніе члену, которой ее дѣлалъ, ибо это означаетъ нерадѣніе.

XVI.

Въ критикахъ и опроверженіяхъ можно позволить остроты, которыя, не будучи вредны, могутъ быть пріятны; но напротивъ должно изъ нихъ изгнать все грубое и обидное.

XVII.

Критики и опроверженія оставлять при дѣлахъ общества, потому что все то, что читано въ собраніи, должно ему принадлежать.

XVIII.

Каждый изъ членовъ можетъ предлагать задачи, или свои сомнѣнія о всякой вещи. На нихъ отвѣчаетъ одинъ членъ, или больше, смотря по важности вопроса.

О порядкѣ упражненій въ собраніяхъ.

XIX.

1-е. Какъ скоро соберутся члены въ назначенный часъ, то секретарь долженъ спросить у всякаго изъ нихъ, какую піесу будетъ читать, и расположить ихъ чтеніе по нижеписанному порядку.

2-е. Секретарь прочтетъ протоколъ и члены подпишутъ его.

3-е. Чередной ораторъ прочтетъ рѣчь.

4-е. Философическія и политическія сочиненія.

5-е. Философическіе и политическіе переводы.

6-е. Беллетрическія сочиненія.

7-е. Беллетрическіе переводы.

8-е. Критика и опроверженіе философическихъ піесъ.

9-е. Критика и опроверженіе беллетрическихъ піесъ.

10-е. Предложенія.

11-е. Чтеніе лучшихъ иностранныхъ и національныхъ авторовъ.

12-е. Президентъ назначаетъ мѣсто, куда собираться для будущаго засѣданія.

XX.

Если кто изъ членовъ не придетъ въ началу собранія въ назначенное мѣсто, такого дожидаться не должно. Собраніе должно кончиться въ девять часовъ; но если оно не успѣетъ еще окончить своихъ упражненій, то не должно ихъ прерывать. Если же напротивъ нечѣмъ будетъ заняться до девяти часовъ, то не оканчивая засѣданія, можно заняться трактованіемъ какойнибудь философической матеріи.

XXI.

Собранія ни для какой причины не откладываться до другаго дня, потому что изъ того можетъ вытти замѣшательство.

XXII.

Если кто изъ членовъ не можетъ быть въ собраніи, то долженъ по утру въ субботу написать о томъ секретарю съ объявленіемъ причины, а секретарь долженъ прочесть это письмо въ собраніи. Если же членъ, который не можетъ быть въ собраніи, назначенъ былъ череднымъ ораторомъ, то рѣчь свою долженъ прислать для прочтенія.

XXIII.

Невозможно ограничить причинъ, которыя могутъ побудить членовъ не быть въ собраніи; но предполагается, что никто не пожелаетъ воспользоваться симъ неограниченіемъ, и не употребить его во зло.

XXIV.

Если которойнибудь членъ опоздаетъ приѣхать въ собраніе, и если онъ имѣетъ чтонибудь читать, то въ наказаніе долженъ читать свою піэсу послѣ всѣхъ упражненій.

XXV.

Въ засѣданіи должно наблюдать возможную благопристойность, — какъ въ такомъ мѣстѣ, которое посвящено музамъ и дружеству.

Должность президента.

XXVI.

Въ обществѣ долженъ быть президентъ, которой избирается по большинству голосовъ. Онъ имѣеть законы собранія у себя и призываетъ ихъ всякой разъ въ засѣданіе.

XXVII.

Президентъ долженъ смотрѣть за наблюденіемъ законовъ и исполненіемъ ихъ.

XXVIII.

Онъ долженъ смотрѣть, чтобы при чтеніи піэсъ, предложеній и проч. сохраняемо было молчаніе.

XXIX.

Онъ долженъ собирать голоса въ разсужденіи предложеній; самъ онъ имѣеть два голоса; но какъ скоро онъ дѣлаеть предложеніе, то не имѣеть ни одного. При собираніи голосовъ долженъ онъ спрашивать всякаго члена о причинахъ, которыя заставляють его соглашаться на предложеніе или отвергать его, и если эти причины покажутся ему несправедливыми, то онъ долженъ показывать, что членъ ошибается. Членъ, дѣлающій предложеніе, не имѣеть голоса.

XXX.

Если случатся какія нибудь споры вразсужденіи философическихъ матерій или предложеній, то президентъ долженъ наблюдать, чтобъ не болѣе, какъ двое изъ членовъ говорили вдругъ, ибо въ противномъ случаѣ порядковъ можетъ быть нарушенъ, и самыя эти пренія будутъ бесполезны, потому что поореди всеобщаго крика члены не могутъ другъ друга понимать.

XXXI.

Если президентъ замѣтитъ, что которой нибудь изъ членовъ нарушаетъ порядковъ, то долженъ ему о томъ напоминать; если членъ не услышитъ его напоминанія, или не захочетъ его слышать, то президентъ можетъ повторить его два три раза; если и

то будетъ тщетно, то въ наказаніе лишаетъ его голоса въ предложеніяхъ, которыя будутъ дѣланы въ томъ засѣданіи, или, смотря по поступкамъ члена, можетъ распространять это наказаніе на два, на три засѣданія или болѣе. Если же которой нибудь изъ членовъ поступками своими или словами будетъ явно стараться нарушать порядокъ, то президентъ, по разсмотрѣніи, съ согласія всѣхъ членовъ, можетъ такого члена лишить навсегда голоса; и какъ таковой членъ почти не нуженъ нашему обществу, то президентъ можетъ со временемъ попросить его оставить насъ въ покоѣ.

XXXII.

Президентъ долженъ наблюдать, чтобъ въ собраніяхъ члены не говорили ничего, что не касается до общества.

XXXIII.

Президентъ долженъ предъ всякимъ засѣданіемъ разсматривать протоколъ и если найдеть, что въ немъ что нибудь упущено или не такъ написано, до долженъ сказать о томъ секретарю, которой обязанъ прибавить или перемѣнить.

XXXIV.

Президентъ избирается на три мѣсяца; но если онъ самъ пожелаетъ оставить свою должность или если его слабость побудитъ членовъ его смѣнить, то должно избрать другаго.

Должность секретаря.

XXXV.

Секретаръ избирается по большинству голосовъ и долженъ быть непремѣннымъ, если только онъ самъ не пожелаетъ сложить съ себя свое званіе.

XXXVI.

Секретаръ долженъ изготовить ко всякому собранію протоколъ. Въ немъ записываетъ онъ все, что происходило въ собраніи, напр., кто открылъ его рѣчью, кто читалъ переводъ или сочиненіе; объ чемъ?—Содержаніе каждой пѣссы получаетъ онъ отъ трудившагося и помѣщаетъ его также въ протоколъ. Въ немъ записываетъ онъ

также предложенія членовъ и приняты или отвергнуты они. Протоколъ подписываютъ всѣ члены.

XXXVII.

Секретарь имѣетъ на своихъ рукахъ общественную бібліотеку и всѣ бумаги общества. Онъ ведетъ переписку съ отсутствующими членами и вообще обо всемъ ихъ увѣдомляетъ.

XXXVIII.

Изъ всѣхъ сочиненій и переводовъ философическихъ, политическихъ и моральныхъ, особенно отъ протокола, долженъ онъ дѣлать экстратъ. Экстратъ изъ шѣсъ, читанныхъ въ одномъ собраніи, долженъ онъ приносить въ слѣдующее; онъ долженъ прибавлять въ экстрату собственныя свои мысли. Всѣ эти экстраты должно вписывать въ особую книгу подъ именемъ *Записокъ*.

XXXIX.

Секретарь долженъ собирать протоколы и всякой годъ переплетать въ особую книгу.

Должность казначея.

XL.

Казначей избирается по большинству голосовъ и также долженъ быть непремѣннымъ.

XLI.

Всякіе три мѣсяца члены должны вносить въ общество положенное число денегъ. Эти деньги должны храниться у казначея, которой, употребляя ихъ на нужды общества, обязанъ держать имъ расходъ, представляя его на разсмотрѣніе членамъ черезъ три мѣсяца.

XLII.

Если какой нибудь членъ имѣетъ внезапную временную въ деньгахъ нужду, то онъ имѣетъ право просить ихъ у казначея, которой, по разсмотрѣніи назначивъ срокъ для заплаты оныхъ денегъ, долженъ ихъ ему дать.

XLIII.

Если секретарь имѣетъ нужду въ деньгахъ для покупки книгъ, бумаги и прочихъ надобностей общества, то онъ долженъ требовать деньги у казначея. Но казначей долженъ наблюдать, чтобъ всегда оставалось довольно количество денегъ въ запасѣ для непредвидѣнныхъ надобностей. Онъ долженъ требовать у секретаря отчетъ въ употребленіи данныхъ ему денегъ.

XLIV.

Деньги, которыя члены или кто нибудь посторонній будутъ вносить въ общество для бѣдныхъ, должны храниться у казначея особо отъ первой суммы, и онъ долженъ представлять членамъ всякіе три мѣсяца приходъ и расходъ этой суммы.

XLV.

Казначей можетъ по своему благоразсмотрѣнію подавать изъ этой суммы помощь бѣднымъ, наблюдая притомъ, чтобъ всегда оставались у него въ запасѣ деньги для другихъ несчастныхъ.

XLVI.

Если которой нибудь изъ членовъ потребуешь у казначея денегъ для вспоможенія несчастнымъ, то казначей обязанъ ему дать ихъ, наблюдая вышечисленную осторожность.

XLVII.

Казначей и члены должны подавать помощь бѣднымъ съ разсмотрѣніемъ и остерегаться, чтобъ не подавать ее тѣмъ, которые ея недостойны, или которымъ деньги могутъ служить не въ пользу, а во вреду. Сколько можно найти истинно несчастныхъ, если только мы будемъ умѣть ихъ находить.

О почетныхъ членахъ.

XLVIII.

Въ общество могутъ быть принимаемы почетными членами люди, которые были бы извѣстны всѣмъ членамъ и на скромность которыхъ можно бы было положиться.

XLIX.

Почетные члены могут не всякой разъ прїѣзжать въ собраніе, но когда прїѣзжаютъ, то имѣютъ особенныя отъ прочихъ членовъ мѣста. Они могутъ подавать въ собраніе переводы или сочиненія свои, и члены должны разсматривать шѣсы ихъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и собственныя свои.

L.

Если какія нибудь обстоятельства побудятъ кого изъ членовъ вытти изъ общества, то онъ все остается его членомъ, но не дѣйствительнымъ, а почетнымъ.

LI.

Отъ почетныхъ членовъ можно также принимать деньги для нуждъ общества и для бѣдныхъ.

LII.

Почетные члены имѣютъ такія же права, какъ и дѣйствительные въ голосахъ и выборѣ.

О экстраординарныхъ собраніяхъ, или торжествахъ.

LIII.

Всякіе три мѣсяца должны быть экстраординарныя собранія, или торжества. Каждой изъ сихъ праздниковъ можетъ носить на себѣ особенное имя.—Иной посвящается отечеству, другой которой нибудь изъ добродѣтелей, третій наприм. поэзіи, четвертой благотворительности и пр. Они вселятъ въ насъ энтузіазмъ ко всему любезнѣйшему для сердецъ нашихъ.

LIV.

Отдается на волю членамъ написать къ торжеству что нибудь въ стихахъ или въ прозѣ, прилчное къ той добродѣтели, которой оно посвящено. Одинъ изъ нихъ долженъ написать рѣчь вступительную, а другой заключительную.

LIV.

Піэсы, читанныя въ торжествахъ, должны вписываться въ особую книгу.

LVI.

Стихи и прочія піэсы, читанныя въ торжествахъ, могутъ быть помѣщаемы въ изданіи, еслии окажутся къ тому годными.

LVII.

Ко всякому торжеству должно имѣть одну уже напечатанную часть изданія нашего, и одну вновь заготовленную и переписанную на бѣло.

LVIII.

Въ торжествахъ кромѣ чтенія сочиненій должно происходить избраніе президента, члены должны разсматривать приходы и расходы казначейскія, должны вносить деньги, назначенныя на нужды общества.

LIX.

Сіи торжества послужатъ дружескимъ экзаменомъ для всѣхъ насъ и для каждаго. Они будутъ возбуждать въ сердцахъ нашихъ новое поревнованіе, новый жаръ къ трудамъ!

LX.

Еслии обстоятельства потребуютъ, чтобъ сдѣлать кромѣ этихъ трехмѣсячныхъ другое экстраординарное собраніе, то президентъ долженъ о томъ дать знать всѣмъ членамъ за два дни. Эти собранія могутъ имѣть поводомъ выходъ какого нибудь члена изъ общества или принятіе новаго, нужныя предложенія и другія непредвиденныя случаи.

Какимъ образомъ въ отсутствіи всѣхъ членовъ продолжить наше заведѣніе.

LXI.

Еслии бы случилось, что по какимъ нибудь обстоятельствамъ всѣмъ или большей части членовъ должно было разстаться, въ

такомъ случаѣ общество наше не должно рушиться, но для сего должно:

LXII.

Выбрать по большинству голосовъ секретаря, которой долженъ хранить дѣла общества, вести переписку со всѣми членами и отвѣчать на всѣ ихъ письма.

LXIII.

Въ письмахъ должны какъ всѣ члены равно и секретарь наблюдать возможную скромность, въ осторожность отъ почты.

LXIV.

Секретарь долженъ имѣть у себя адресъ всѣхъ членовъ, также и всѣ члены должны имѣть адресъ секретаря и всякаго изъ нихъ.

LXV.

Члены обязаны всякіе три мѣсяца по одной піесѣ присылать въ секретарю.

LXVI.

Секретарь долженъ во всякому члену посылать по экземпляру піесъ, имъ полученныхъ, требовать отъ всякаго изъ нихъ объ оныхъ мнѣнія или критики и могутъ ли онѣ быть помѣщены въ изданіи; собравъ всѣ эти мнѣнія, послать съ піесою для поправленія въ автору; но получа исправленную піесу, вписывать въ книгу.

LXVII.

Секретарь долженъ вести реестръ входящихъ и выходящихъ бумагъ, какъ піесъ, въ нему присланныхъ, равно и писемъ, имъ полученныхъ; имѣть книгу для вписыванія піесъ, сохранять всѣ письма и дѣлать записки изъ сочиненій или переводовъ, которые для того покажутся ему способными, какъ и прежде было постановлено.

LXVIII.

Когда наберется для одной книжки изданія довольно число піесъ, которыя по большинству голосовъ всѣхъ членовъ могутъ

быть въ него помѣщены, то секретарь долженъ прислать ихъ въ члену, который имѣетъ жительство въ Москвѣ или въ скромному и надежному корреспонденту, который будетъ стараться о напечатаніи.

LXIX.

Всякой годъ каждый изъ членовъ долженъ присылать въ секретарю по двадцати рублей на переписываніе піасъ, на бумагу и на прочія надобности общества. По истеченіи года секретарь долженъ сообщать каждому члену расходъ изъ этой суммы.

LXX.

Деньги для бѣдныхъ, которыя ктонибудь будетъ вносить въ общество, должны также храниться у секретаря, который долженъ вести имъ особливой расходъ и также присылать его для свѣденія каждому изъ членовъ.

Вотъ главные законы, которые должны мы сохранять для общей нашей пользы!—Они важны и полезны;—но для такого уже общества, которое оживлено собственнымъ своимъ духомъ!—Какой это духъ?—Это тоже, что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно;—это тоже, что до сихъ поръ составляло радость и щастіе нашей молодости;—это духъ благий дружества, сердечная привязанность къ своему брату; нѣжное доброжелательство къ пользамъ другаго!

Такъ!—Никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ.—Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали;—пламя патріотизма потухнетъ въ уединенномъ сердцѣ земнаго страдальца,—и міръ не увидитъ восходящей зари великаго.—Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе—*великихъ*?—Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалкою въ рукѣ низлетающее божество, единымъ взглядомъ озаряющее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія:—это дружество!

Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга; сладостные узы связали насъ почти всѣхъ

издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ друга:— гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Естьли не всякой изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ въ изящному, естьли не всякой можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи; то по крайней мѣрѣ мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго наши погрѣшности; его любовь говорить намъ: правда ли то или нѣтъ,—онъ желалъ намъ добра.

Такой духъ долженъ оживлять cadaго изъ членовъ. Въ противномъ случаѣ общество наше подобно будетъ мертвому растерзанному тѣлу. Этотъ духъ есть начало и конецъ всѣхъ нашихъ законовъ! Онъ долженъ руководствовать насъ каждую минуту.— Общество наше—младенецъ въ колыбели.—Пусть же мирты и лавры обовьются вокругъ его колыбели! Пусть сей образующійся Гераклъ младенческими руками разорветъ змѣй несогласія и раздора!

Не станемъ надѣяться на эти законы! Не будемъ думать, чтобъ довольно было ревностнаго ихъ исполненія! — Нѣтъ! Одинъ энтузіазмъ въ доброму, одна истинная любовь къ своимъ сочленамъ— вотъ все, что можетъ вдохнуть душу въ наши законы и заставить ихъ говорить не въ журналахъ, а въ нашей совѣсти!!—

1801, генваря 12. *М. Кайсаровъ.*—*В. Жуковскій.*—*Андрей Тургеневъ.*—*Александръ Воейковъ.*—*Александръ Тургеневъ.*—*Семенъ Родзянка.*—*А. Мерзляковъ.*—*А. Кайсаровъ.*—*А. Обросимовъ.*

Сообщилъ Н. С. Тихонравовъ.

Восемь писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. В. Гоголю.

I.

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ. Не сердитесь на мое молчаніе, не толкуйте его криво и вѣрьте моей искренной къ вамъ дружбѣ съ письмами отъ меня и безъ писемъ. Еще я не послалъ къ вамъ критики на ваши „Души“, потому что это работа большая, а я не скоро могу рѣшиться на длинное письмо. Вамъ же моя критика не такъ теперь необходимо нужна—книга уже напечатана. Вообще же мое мнѣніе о знакомыхъ мнѣ отрывкахъ вы знаете.

Но теперь не мѣсто говорить о мертвыхъ душахъ. Я взялъ перо, чтобы сказать вамъ о живой душѣ; порадайтесь со мною: у меня за четыре дня предъ симъ родилась дочка. Рекомендую вамъ ее и прошу васъ ее полюбить заочно. Пусть будетъ пока для васъ довольно этаго извѣстія; оно стоитъ критики и вѣрно вамъ будетъ пріятно. Дружески васъ обнимаю.

Вашъ Жуковскій.

²/₁₄ ноября 1842 г.
Дюссельдорфъ.

II.

Ну, Гоголекъ, хорошо, что вы, наконецъ, отделинулись; вѣдь ужъ мнѣ начинало казаться, что вы обнаружили передо мною бытіе свое на минуту какимъ то безтѣлеснымъ фантомомъ, или призракомъ и что я вмѣсто васъ видѣлъ передъ собою нѣкоего, такъ сказать, изшедшаго изъ-за предѣловъ онаго міра духовнаго прихлебателя земныхъ отношеній. Слава Богу, что это не такъ, и что вы, искренно сказать, истинный Гоголь, то есть такой же человекъ, осязаемый руками и видимый глазами, какъ всѣ прочіе люди, обитающіе на землѣ, производящей множество злаковъ и добрыхъ цѣлебныхъ, и злыхъ ядовитыхъ. Я во Франкфуртѣ; главное дѣло сдѣ-

лано; то есть вся пакость, принадлежащая къ жизни человѣка безсмертнаго, созданнаго по образу и подобію Божію, столы, стулья, швалы, перины, горшки, стаканы, стаканчики, ложки, плошки, шляпы и тряпви, все пріѣхало въ добромъ здоровьи и все лежитъ передо мною въ томъ видѣ, въ какомъ пребывалъ міръ до великаго слова: да будетъ свѣтъ! Поелику я не могу сказать такого слова, то и окружающій меня хаосъ можетъ продолжаться не день и не два, а, можетъ быть, и четырнадцать дней, или двѣ недѣли. И въ эти четырнадцать дней (въ которыя, по вашему мнѣнію, я долженъ быть въ нѣкоторомъ экзальтированномъ расположеніи духа) легко случится, что и пророкъ Даніилъ можетъ подь часъ приобрести или толчокъ въ заднія регіоны бытія своего или соотвѣтствующее сему толчку русское привѣтственное и поощрительное слово. Черезъ двѣ недѣли все вокругъ меня придетъ въ устройство и свѣтлый порядокъ, и самъ я просвѣтлѣю; но вотъ окаязія: тѣмъ временемъ Императрица прибудетъ въ Берлинъ, и я долженъ буду поѣхать туда. Еще не знаю сроку ея прибытія, потому не могу опредѣлить ни сроку моего отбытія, ни продолженія моего Берлинобытія, ни возделеннаго дня моего возврата. Все это послѣ уладимъ на письмѣ; вы же пока живите въ Баденѣ; тамъ хорошо: сторона Божія, народу для наблюденія довольно, уединеніе для работы есть, съ нимъ и свобода; а въпереди Франкфуртъ и работа наша совокупная. Это все хорошо. Я же теперь знаю, гдѣ васъ отыскать. Только нетрогайтесь съ мѣста, а если тронетесь, дайте знать. Между тѣмъ вотъ вамъ извѣстіе о нѣкоемъ дѣлѣ, которое для васъ, конечно, не будетъ неприятно. Я былъ долженъ великому князю наслѣднику 4000 рублей. При отъѣздѣ его изъ Дармштата я сдѣлалъ ему предложеніе: „не благоугодно ли будетъ Вашему Высочеству, чтобъ я заплатилъ эти деньги не вамъ, а извѣстному вамъ русскому, весьма затѣйливому писателю господину Гоголю; такъ, чтобы бы (sic!) я ему сіи деньги платилъ въ годъ по тысячи рублей, начавъ съ будущаго генваря (понеже *вдругъ* сего сдѣлать не могу вслѣдствіе чахоточнаго состоянія мошны моей)?“—И Его Высочество на сей вопросъ мой изрекъ и словесное, и письменное *быть по сему*. Такимъ образомъ я состою вамъ долженъ четыре тысячи рублей, съ коиими и пребываю

вашъ богомолецъ Жуковскій.

Жена и моя дочка также
вамъ кланяются.

(Адресъ письма: „A Monsieur Gogol à Baden-Bad en Hôtel de Hollande“. Почтовый штемпель: „Frankfurt 25 Mai 1844“.)

III.

Милый Гоголекъ, вы безбожно и безчеловѣчно поступаете съ нами. Для чего не увѣдомляете вы насъ о себѣ? Что съ вами дѣлается? Какъ вы? Гдѣ вы? Куда вы? Писать много не нужно; а два слова написать необходимо; и не написать ихъ грѣхъ. Мы объ васъ въ тревогѣ; и жена только о томъ и думаетъ, что съ вами дѣлается съ тѣхъ поръ, какъ проѣхалъ здѣсь Плещеевъ и сказалъ ей (я былъ въ Швальбахѣ въ это время), что вы бросили Карлсбадъ и отправились въ Гренфенбергъ. Но Богъ знаетъ, въ Гренфенбергѣ ли вы теперь или еще куда нибудь уѣхали. Какъ же не написать? Куда же я буду пересылать вамъ и письма и деньги?—На всякой случай, пишу теперь въ Гренфенбергъ. А васъ прошу отвѣчать немедленно. Да напишите два письма, то есть двѣ коротенькія записки, одну во Франкфуртъ, а другую въ Ниренбергъ *poste restante*. Я туда послѣ завтра ѣду на встрѣчу Императрицѣ. А отъ насъ вотъ какое предложеніе: возвращайтесь прямо къ намъ и поселитесь опять у насъ въ домѣ; вамъ съ вашею теперешнею слабостію разѣзжаться по свѣту не можно. Подлѣ насъ Коппъ (жаль, что вы его не послушались и въ Гастейнѣ не поѣхали); да и въ моемъ домѣ, хотя вамъ часто бываетъ и пусто, вы будете посреди своихъ; о васъ будетъ дружеское сердечное попеченіе. Жена этого требуетъ отъ васъ съ величайшею о васъ заботою и вы не должны отказать ей въ ея просьбѣ. Прошу васъ скорѣе рѣшиться и къ намъ пріѣхать на житье. Не хотители, чтобы я къ вамъ прислалъ Данила, чтобы онъ васъ проводилъ изъ Гренфенберга во Франкфуртъ? Однимъ словомъ, пріѣзжайте непременно; у насъ ждетъ васъ пріютъ родной и вамъ у насъ будетъ спокойно и беззаботно. Отвѣчайте немедленно (въ двухъ экземплярахъ)

Жуковскій.

4 сентября.

(Это письмо относится къ 1845 году. Отвѣты на него см. въ *Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя*, изд. Кулиша, томъ VI, стр. 212. Н. Т.).

IV.

Любезнѣйшій Гоголекъ, наконецъ есть отъ васъ извѣстіе и довольно удовлетворительное. Слава Богу и благодарствуйте. Мы всею семьею радуемся тому, что вы наконецъ на мѣстѣ. Авось Римъ уговоритъ ваши нервы. Ему ли бы, кажется, съ нами не сладить,

ему, побѣдителю столькихъ народовъ? Помогите ему Богъ. У насъ все идетъ довольно порядочно; въ мысляхъ готовимся мы къ переѣзду въ Россію на будущій годъ, а желаніе удерживаетъ здѣсь.— Нескоро найдется въ Россіи для меня такой покойной уголокъ, какой я здѣсь себѣ устроилъ; нигдѣ не допишется Одиссея на просторѣ такъ, какъ здѣсь; нигдѣ и первые годы дѣтей такъ беззаботно не разовьются, какъ въ тишинѣ и безпрепятственности здѣшняго уединенія. Но живи, какъ велятъ, а не такъ какъ хочешь— это русская пословица. Впрочемъ скажу вамъ, что я все еще не принимался снова за Одиссею, и ничего новаго не сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались: какой-то вредоносный Самумъ на насъ обоихъ повѣялъ. Но теперь снова берусь за перо. Можетъ быть, и вы начинаете острить свое. Въ часъ добрый. А хотѣлось бы, очень бы хотѣлось привезти на родину кончанную Одиссею. Она будетъ моимъ гробовымъ монументомъ.

Получили ли вы вѣсель, отправленный мною въ Римъ на имя Бутенева. Его доставила мнѣ Смирнова, которая теперь губернаторствуетъ въ Калугѣ, что конечно не разсѣитъ ея хандры, которая, кажется, совсемъ ее лишила всякой бодрости. Ея положеніе тягостно. Свѣтъ ей надоѣлъ и не имѣетъ болѣе для нея прелести. Домашней жизни у нея нѣтъ; дѣти еще для нея слишкомъ малолѣтны. Внутренняя жизнь ея еще не образовалась: это переходное состояніе души мучительно; оно часто бываетъ и гибельнымъ. Напишите въ ней.—А меня увѣдомьте, полученъ ли вами вѣсель.— Поклонитесь Бутеневу. Слухи ходятъ, что будто нашъ Императоръ будетъ въ Римѣ. Если это совершится на дѣлѣ, то опишите мнѣ его тамъ пребываніе.

Прощайте. Жена вамъ дружески влѣпнется. Сашка не въ порядкѣ: занимается п.....мъ. Павелъ Васильевичъ толстѣетъ и уже подаль просьбу о произведеніи его въ быки. Вчера соблаговолилъ онъ, смотря на портретъ отца и матери, впервые произнести: Рара, Мама. Это подаетъ надежду, что онъ современемъ будетъ владѣть русскимъ языкомъ лучше, нежели его родитель.—У Авдотьи Петровны Елагиной въ домѣ свадьба: сынъ ея Василій Елагинъ женится на Катѣ Мойеръ. Это и васъ порадуетъ.

Вашъ Жуковскій.

5/17 ноября 1845 г.

V.

Любезный Гоголекъ, вы не измѣняете своему характеру и рѣшительно отказались отъ всякой точности. Доказательствомъ сему служитъ прилагаемое письмо отъ Плетнева, которому напрасные дѣлаете вы хлопоты, высылая ему свидѣтельство о жизни по новому, а не по старому стилю, непременно надобно, чтобы эти свидѣтельства были выдаваемы $\frac{1}{13}$ января, $\frac{1}{13}$ мая и $\frac{1}{13}$ сентября, иначе происходятъ изъ этого затруднительные расчеты, суммы исполнѣ не выдаютъ, и тѣ, которые хлопочуть о ихъ полученіи, теряютъ время на ненужные хлопоты: если вы безпечны на счетъ себя, то не будьте безпечны на счетъ другихъ; вотъ вамъ урокъ матеріальный въ воздаяніе за ваши моральные уроки. Письмо Плетнева было ко мнѣ прислано не запечатанное. Я его и прочиталъ.— О себѣ скажу, что мое здоровье весьма поправилось: біеніе сердца, одышка и кровотеченіе миновались. Но вотъ что дурно: глаза слабѣютъ и даже и съ очками трудно становится читать. Я уже начинаю обдумывать средства, какъ облегчить бы себѣ занятія въ такомъ случаѣ, когда, если на то воля Божія, совсемъ ослѣпну. Состояніе слѣпоты имѣетъ и свои хорошія стороны: но сколько лишеній!—

Надѣюсь, что чаша пройдетъ мимо; но если надобно будетъ ее выпить, то я знаю, что въ ней подано будетъ мнѣ лекарство. Лекарь знаетъ свое дѣло; надобно только выпить не морщась. При семъ прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь двѣ тысячи вамъ заплачены. Еще остается на мнѣ двѣ тысячи, которыя въ свое время вы получите. Прошу немедленно увѣдомить о полученіи векселя.—Я долженъ себя осудить теперь на двѣ недѣли совершеннаго бездѣйствія. Надлежитъ только еще написать нѣсколько писемъ; потомъ дамъ отдохнуть *) глазамъ моимъ: надѣюсь, что это поправить ихъ обстоятельства.

Обнимаю васъ.

Жуковскій.

*) 21 февраля 1846 г.

VI.

Обними за меня Шевырева. Благодарю его за дружескій отвѣтъ на мое письмо изъ Варшавы. Онъ очень, очень бы одолжилъ

*) Въ подлинникѣ: „отнуть“.

меня, доставивъ мнѣ черезъ Булгакова свои статьи объ Одиссеѣ (если можно и первую и вторую), если эта написана.

(Это письмо вложено было Жуковскимъ въ письмо его къ Булгакову отъ 31 октября—(12 ноября) 1849 г. См. „Сочиненія Жуковскаго“ изд. седьмое, VI, 585. Письмо не имѣетъ адреса, писано на голландскѣй почтовой бумаги малого формата, сложенномъ пополамъ. На послѣдней страницѣ письма надпись рукою Гоголя: „Бѣльеу“. Н. Т.).

VII.

20 января—(1 февраля) 1850 г.

Бадень-Бадень.

Наконецъ, мой милой Гоголекъ, я получилъ отъ тебя что-то похожее на письмо, послѣ двухъ лѣтъ разлуки, и какой разлуки? Во время это случилось столько съ тобою, что было бы довольно-матеріаловъ для продолжительной переписки. Впрочемъ я не слишкомъ тебя обвиняю—всѣ возможныя загадки лѣни мнѣ понятны, ибо всѣ мною самимъ были разгаданы. И теперь волку отливаются овечьи слезы: всѣ мои друзья молчатъ, какъ мертвые. Ни одинъ даже изъ учтивости не поблагодарилъ меня за присылку Одиссеи. Весьма сожалѣю, что истратилъ деньги на напечатаніе ста экземпляровъ in 8° *Полныхъ моихъ сочиненій*, для раздачи моимъ друзьямъ и пріятелямъ; изъ лавки Смирдина каждый получилъ бы свой экземпляръ безъ хлопотъ; а я не остался бы въ убыткѣ. Но оставимъ это. Благодарю тебя за письмо. Что скажу о себѣ? Я не на розахъ, по прежнему, какъ то было при тебѣ. Жена продолжаетъ страдать, и тебѣ понятнѣе, нежели другимъ, каково ей—ты самъ испыталъ всѣ эти муки, которыя не потому такъ тягостны, что сокрушаютъ счастье жизни, но болѣе потому, что отымаютъ у души всякую способность переносить ихъ съ покорнымъ терпѣніемъ. Убѣжденіе говоритъ: „здѣсь все добро, и все къ добру, потому что Богъ хозяинъ въ домѣ своемъ и самъ обо всемъ заботится лично, слѣдственно все должно быть въ совершенномъ порядкѣ. Да не смущается сердце твое!“ Такъ думается всегда, но не такъ чувствуется въ нѣкоторыя минуты, которыя своею тревогою сокрушаютъ *) душу, какъ нечаянное **) наводненіе, которое вдругъ уноситъ хижину со всѣми въ ней живущими.

Но объ этомъ предметѣ будемъ говорить послѣ. Обращаюсь къ

*) Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: „возмущаютъ“.

**) Въ подлинникѣ: „нечаянное“.

историческому. Изъ Швейцаріи, куда мы спасались отъ нѣмецкаго колбаснаго бунта, мы переселились снова въ Баденъ-Баденъ. Зима у насъ жестокая, какой нивогда здѣсь не бывало; она мѣшаетъ Гугерту приняться за леченіе жены; по его плану, мы должны остаться въ Баденѣ до конца іюня, провести іюль въ Остендѣ, потомъ возвратиться въ Россію и провести зиму въ Ревелѣ. Исполнится ли этотъ планъ—это знаетъ одинъ всевышній Хозяинъ. Межь тѣмъ я, побывавъ въ Варшавѣ, хворалъ и хотя не было у меня лежачей болѣзни, но чуть не появилась смертельная—темъ все поправилось. Но кончивъ свой большой трудъ, я вдругъ остался безъ дѣла, какъ корабль, который плылъ съ попутнымъ вѣтромъ на всѣхъ парусахъ и вдругъ, обхваченный штилемъ, остановился посреди неподвижнаго моря и лѣнливо покачивается на одномъ мѣстѣ, производя въ пассажирахъ тошноту и рвоту. Изъ этой неподвижности я вышелъ однако, принявшись послѣ эпической поэмы за азбуку, то есть принявшись за обученіе грамотѣ моей Сашки. И такъ какъ это дѣло должно совершаться по моей *собственной*, мною самимъ изобрѣтенной методѣ, то оно имѣетъ характеръ поэтическаго созданія и весьма увлекательно, хотя начинается чисто съ азбуки и простаго счета. Что моя метода хороша, то кажется мнѣ доказаннымъ на опытѣ, ибо вотъ уже цѣлой мѣсяцъ, какъ ежедневно (правда не болѣе получаса въ дни) я занимаюсь съ Сашей, а она не чувствовала ни минуты скуки, именно потому, что я заставляю ее свою головкою работать, а не принуждаю сидѣть передо мною съ открытымъ ртомъ, чтобы принимать отъ меня жеваные мною, а потому и отвратительные куски пищи: сравненіе немного нечисто, но оно вѣрное. Изъ этихъ уроковъ можетъ составиться полный систематическій курсъ приготовительнаго, домашняго ученія, который современемъ можетъ принести и общую пользу. Между тѣмъ береть меня подъ часъ и охота побесѣдовать съ моею старушкою музою; хотѣлось бы прочѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего Странствующаго жида; но это могу сдѣлать только урывками. Теперь главный мой трудъ педагогическій. Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ Странствующаго жида тебѣ извѣстенъ: я тебѣ его рассказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе, какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, и видѣлъ глазами христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ

просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ рассказывающій, что гдѣ съ нимъ было) то, что ты видѣлъ въ Святой землѣ; я бы желалъ имѣть передъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Виллеема, Мертваго моря, Пустыни искушенія, Фавора, Кармила, Степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской—все это, вѣроятно, ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется, мнѣ это будетъ несказанно полезно *) и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что въ собственнымъ моимъ **) мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою. Не полѣнись же, напиши, сдѣлаешь мнѣ дорогой подарокъ, да и самому тебѣ будетъ пріятно мнѣ его сдѣлать: поневолѣ воротиться въ Палестину. А я буду ждать твоего отвѣта—утвердительнаго или отрицательнаго, и до тѣхъ поръ не примусь за свое лебединое пѣніе.

Прости. Пришли свой адресъ. Ты такъ облѣнился, что и объ второй части Одиссеи не сказалъ мнѣ ни слова, а я ея болѣе доволенъ, нежели первою. Какъ ты?

VIII.

Милый Гоголевъ. Вотъ ужъ моя очередь передъ тобою вѣстись: на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо о Палестинѣ совсемъ не отвѣчалъ; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно, такъ сказать, негативное изображеніе того, что ты видѣлъ въ землѣ обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То, что не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею дасться въ *прошедшемъ*. И современемъ твои воспоминанія о Святой Землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія.—Скажу тебѣ теперь нѣсколько словъ о себѣ. Но нѣтъ, еще нѣсколько словъ о тебѣ. Здѣсь въ Баденѣ Кошелевъ (второй однако нынче отъѣзжаетъ); онъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что Мертвыя души идутъ шибко впередъ. Онъ знаетъ, что ты читалъ многое Хомякову; но Хомяковъ не сказалъ, что, какъ и каково, сохраняя данное тебѣ обѣщаніе не произносить никакого сужденія. Но для меня довольно знать, что ты пишешь и что пишется—дѣло будетъ вѣрно хорошо кончено.

*) Въ подлинникѣ: „полено“.

**) Въ подлинникѣ не дописано: „мои“.

Теперь обо мнѣ. Я надѣюсь вѣрно возвратиться нынѣшнею весною или въ началѣ лѣта въ Россію. Прежде всего поѣду въ Дерптъ и тамъ на первый случай оставлю жену и дѣтей; самъ же въ Августѣ мѣсяцѣ отправлюсь въ Москву и тамъ отпраздную коронацію и царскіе юбилеи; туда, надеюсь, на это время съѣдутся всѣ мои родные; туда, равно надѣюсь, приѣдешь и ты и, по образу и подобию Хомякова, дашь мнѣ хлѣбнуть твоихъ Мертвыхъ душъ.—Я же теперь работаю много, но мои теперешнія работы всѣ ограничиваются педагогикою, то есть приготовленіемъ къ предварительному курсу ученія дѣтей моихъ. Эта работа беретъ все мое время и не позволяетъ мнѣ ни за что другое приняться. Если бы ее не было, то я бы перевелъ всю Иліаду; полторы пѣсни переведены (каталогъ кораблей сбросилъ съ плечъ: это самое трудное), все пошло бы по маслу; но трудъ по службѣ, то есть по домашнему министерству просвѣщенія, долженъ быть впереди; надеюсь, что Иліада отъ меня не уйдетъ: великое было бы дѣло оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера. Объ этомъ однако прошу тебя не говорить. Хотѣлось бы и Вѣчнаго Жида успокоить; это(тъ) трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ. Моли Бога, чтобы даровалъ мнѣ еще десятокъ лѣтъ здоровой жизни; я буду стараться употребить ихъ съ пользою, покорствуя святой Его волѣ; тогда послѣ меня что нибудь дѣльное останется на добро дѣтямъ моимъ и отечеству.

Прости, Гоголекъ. Я напишу къ тебѣ, когда поѣду отъ сюда или когда приѣду въ Россію. Жена дружески тебѣ кланяется.

Твой вѣрный Жуковскій.

1/18 февраля 1861 г.
Баденъ.

Сообщилъ почетный членъ Общества Я. Е. Гротъ.

СБОРНИКЪ

словъ престонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ,

составленный

Н. В. ГОГОЛЕМЪ.

- Водникъ**, водоемъ, водовмѣститель, водобой.
Водникъ, родъ барки небольшой.
Водсводъ, каналъ; водоводство, строеніе каналовъ.
Вожакъ, водокъ, водитель, вожатай.
Возрожденіе.
Возградить: возградилъ небесамъ памятникъ.
Возило, маленькая тележка.
Возовикъ, тележная лошадь.
Волдырникъ.
Воркотня кошья.
Воушеша, серги.
Впятилъ: его въ самой нужникъ всадылъ.
Врачать отъ враки.
Всецарь, царь вселенной.
Вспухлина.
Всевиновный, первая причина.
Всполохъ, тревога, испугъ.
Выведенецъ, колонистъ.
Выверстывать,—стать, вознаграждать, уравнять.
Вывихъ на ногѣ.
Вывѣвки, мякина.
Выгнѣбъ.
Видвойна, видвонть, дистиллировать.
Видрыхнуться, выспаться.
Вывонить, вызванывать.
Вывкуть: и выенеть къ своему горю.
Выволоситься—о хлѣбѣ.
Выкружить его точиломъ.
Вылкомъ.
Вынянчить.
Вынашь, земля изнуренная и черноземная.
Выворотокъ, животное, извлеченное изъ брюха самки.
Выпулина, выпуклость.
Видѣть: такую выпѣлъ пѣсню.
Выворить собаку.
Выславлять, выславить, выработать пѣннемъ въ день Рождества.
Вытормошить у кого что-нибудь.
Вышутить.
Вѣдунъ, вѣдунья.
Вѣжество, вѣжество, знакомство, учтивость.
Вѣримость, свойство вѣрить.
Вѣроотѣтчикъ, безбожникъ, отступникъ.
Вѣропроповѣдать.
Вѣсло, вѣсы; вѣсовщикъ, отвѣщающій.
Вѣскій, тяжелый; вѣвѣсъ, во сколько вѣсить.
Вѣсовое, что продается на вѣсъ.
Вѣтрельникъ, флюгеръ, вѣтрогонъ.
Вѣтренѣть, вѣтренѣть.
Вѣялица, круженіе снѣга.
Вѣяло, опахало.
Вязея, женщина, которая вяжетъ.
Вѣха, крѣпкій ударъ.
Вѣхирь, ветвистый.
Вѣйтаны, веревка.
Гбеніе—гнуть.
Гѣйголка, трасогузка.
Гладышь, здоровый человѣкъ, крѣпкій.
Глазунъ, ротозѣй.
Глиноваль, валяющій ногами глину.
Глубникъ, сѣверо-западный вѣтеръ.
Глумъ, насмѣшка; глумный, насмѣшникъ.
Глумилище, комедія, спектакль.
Глумышъ, бурная птица.
Глушникъ, густой, заросшій лѣсъ.
Гнидинъ, шивая трава.
Гнусаръ, въ носъ говорящій.
Гоготать, гоготунья.
Головачъ, человѣкъ съ большой головой.
Головаши, передняя часть саней.
Головчатый, узловатый—о растеніи.
Головщикъ, первый пѣвецъ церковный.
Гонзула, большой кусокъ хлѣба.

Гомоза, беспокойный, вертлявый.
Гомбла, куча.
Гонзать, гонзнуть, убъжать.
Гоны, расстоянія, которыя пробѣгаютъ.
Гордынный, гордословіе.
Горлепятица, всѣ горькіе фрукты.
Горстать, забирать обѣими руками.
Горчанка, трава.
Горчать, горькнуть, сдѣлаться горькимъ.
Господица, воскресеніе.
Граканье, гракать, каркать.
Гроженіе, угроза, человекъ-гроза, грозность.
Гроноздъ, высоко вознесенный, куча.
Грудастый, широкогрудый.
Грудень, декабрь.
Губачь, губастый, губанъ.
Гудить гудецъ, играющій на арфѣ.
Гукъ, гуканье, глухой шумъ; гукать, гукнуть.
Гуртикъ, край монеты.
Гушь, гушище, веревка.
Дергота, спазмы.
Держидерево, родъ терна.
Дериб, валъ, пометъ.
Доба, годъ, возрастъ, время.
Доблехушіе, сила души.
Доброгласіе, гармонія.
Доволишь, довольноствовать.
Догружать, ованчивать нагрузкой.
Долбѣшь.
Допрануть, доскочить до чего.
Доршъ, рыба.
Драгеть, матерія.
Драблѣй, поблѣкльї; драбнуть.
Драгѣть, драгнуть, драганіе ногою.
Драгиль, носильщикъ.
Дриселовать, сдѣлаться мрачнымъ.
Дуваниль, дѣлать дуванъ.
Дубникъ, дубовый лѣсъ.
Дулиль, сдѣлать внутри дуло.
Дутникъ, пустой внутри изъ метала или стекла.
Дутышъ, опухлый лицомъ.
Душистникъ, растеніе.
Дымволокъ, овшко позади печи у мужиковъ.
Дымникъ, дыра, въ которую проходитъ дымъ.
Дымовникъ, труба въ каминѣ.
Дѣдина, земля, наслѣдст. отъ дѣда.
Дѣдичъ, наслѣдникъ дѣда.
Дѣи, дѣла, провѣществія.
Дѣгиль, дяглица, анжелика.
Дѣбникъ, пятилистникъ.
Дѣгра, труть.
Дѣровая гуша, передъ печки.
Дѣгутить, бить дѣгутомъ.
Дѣгавица, горячка.
Дѣлкнуть, железнуть, желтѣть.
Дѣмокъ, жемудька, кусокъ чего-нибудь мягкаго, скатаннаго и смятаго руками.
Дѣмъ, гнетъ, прессъ, давило, заворотень.

Дѣратокъ, вола.
Дѣровина, клежка.
Дѣстить, дѣлать твердымъ.
Дѣгалка, колючая муха.
Дѣлбой, пульсъ.
Дѣрникъ, ночникъ.
Дѣтѣрь, надсмотрщикъ надъ хлѣбн. магазиномъ.
Дѣнво.
Дѣбра, прожора.
Дѣланъ, лучший сортъ зеленаго чаю.
Дѣбойка, огороженное мѣсто въ рѣкѣ, откуда берутъ рыбу.
Дѣвозжать, дѣвозживать, дать въ ротъ узду.
Дѣвалъ, завалавшее что-нибудь.
Дѣвѣтрянный, испорченный вѣтромъ.
Дѣвѣкать, заболтать вздоръ.
Дѣгробокъ, дѣгривокъ, дѣтмокъ, дѣшекъ.
Дѣдворье, мѣсто позади двора.
Дѣжѣтникъ, поставщикъ припасовъ.
Дѣжора, дѣжорина, вода, собравшаяся подъ снѣгомъ.
Дѣзвонный колоколь—маленькій, которыми начинаютъ.
Дѣзвонный, вѣчный говорить.
Дѣзвонный звонъ, начало колоколен. звона.
Дѣзѣмье, первый морозъ.
Дѣзорный, безстыдный; дѣзоръ.
Дѣзѣблина, вредъ отъ стужи деревьямъ.
Дѣзѣбный, треснувшій отъ стужи.
Дѣзѣпцы, заплывшія волны.
Дѣзѣблучье, ваблуть.
Дѣзѣкорючистый, дѣзѣкорюка, дѣзѣчкова-тый; дѣзѣкорючивать.
Дѣзѣкрдина, борка хлѣба, ледъ у берега.
Дѣзѣкотыга, развратный.
Дѣзѣкоглица, когтоѣда.
Дѣзѣозѣрье, по ту сторону озера.
Дѣзѣпѣрка, родъ замка, дѣзѣворека.
Дѣзѣпѣски, берегъ.
Дѣзѣпѣчье, мѣсто позади плечъ.
Дѣзѣпѣйса, дорожка, проспектъ между нивъ.
Дѣзѣполье, земля позади полей.
Дѣзѣпруда, плотина.
Дѣзѣри, гнѣвъ; варить, вариться.
Дѣзѣрыскается, бѣжать туда и сюда, вѣдаться въ развратъ.
Дѣзѣсквернить.
Дѣзѣстѣнокъ, отвѣтная комната.
Дѣзѣтрапѣцъ, бумажная матерія, тикъ.
Дѣзѣулокъ, пѣшеходная дорожка въ сторовѣ.
Дѣзѣхватъ, ручка.
Дѣзѣхлѣбестить, загромоздить мусоромъ.
Дѣзѣхлюстать, замучать водой.
Дѣзѣходникъ,—чикъ, вывозитель мусора и говна.
Дѣзѣцыганить, засмѣять.

Зачаливать, тянуть веревку прямой линіей.
Зачастить, часто куда-нибудь ходить.
Зачѣсъ, головная уборка, бахрама у края чулокъ и перчатокъ русскихъ.
Зачието, безъ сомнѣнія.
Зашеецъ, маленькой заливъ.
Зашейну, ударъ въ ватылокъ.
Заѣдки, десертъ.
Заяловѣть, перестать тѣлиться.
Звать, который зоветь.
Звонки, растеніе.
Звонница, колокольня.
Звѣздонаблюдатель, обсерваторія.
Звѣдословіе, астрономія.
Звякать, побренькивать.
Звяки, глупости, побрякушки.
Здѣ, кровля.
Землеваніе, геогнозія.
Землесловіе, геологія.
Зѣль, карманъ.
Зломудріе, злоуміе.
Злорадливый, злорадствовать, радоваться несчастію другаго.
Зобастый, съ зобомъ.
Зобать, ѣсть, клевать носомъ.
Зубарь, стругъ, скобель.
Зубило, ножницы, которыми дѣлаютъ зубцы.
Зуекъ, птица.
Зуй, родъ морскаго павлина.
Зыбать, колебаться.
Зыбка, люлька, повѣшен. на веревкѣ.
Ибунка, вероника, водян. растеніе.
Иверень, отколокъ.
Игралище, театр; игрище, танецъ.
Игренин, рыжій, съ бѣловатой гривой и хвостомъ.
Ибонна, есosse.
Ибочениваться,—иться, на сторону наклоняться.
Ивадка, вкоренившаяся привычка.
Ивиннъ, алкогольъ.
Ивертка, увертка.
Ивольничаться, распусться, исповѣсничать.
Иворотъ, способъ тонкій получить деньги.
Иворотъ, около.
Ивѣство, знаніе всякое: ивѣство ему ивѣстно.
Ивѣтовать, объявить, донести; ивѣтчикъ, ивѣтчикъ, доносчикъ; ивѣтомъ, подъ предлогомъ.
Ивѣять.
Игага, cardiogme, изжога; желѣзо горячее.
Игуль, ивѣщество разврата.
Идичать.
Идой, время, когда корова меньше даетъ молока; идойка, молоко въ такое время; идойная корова, которая начала давать мало молока.
Иждать, иждидать, терять время въ ожиданіи.

Издѣтъ изъ чего-нибудь стремительный.
Измуха, еще вѣриче.
Изалукаивствовать.
Изалытаться, сдѣлаться лѣнливымъ.
Иметъ, бразъ, выкидывъ.
Инивать,—кнутъ, инивадіе.
Износокъ, изношенное.
Ираратъ, изрости.
Иноцвѣтный.
Инокольный.
Инообразный.
Ипородецъ, иноплеменникъ, иноязычникъ.
Ирха, кожа телячья или баранья, отдѣленная отъ шерсти, радуга.
Иршеникъ, приготовляющій такіа кож; иршитъ.
Исамалъ, гумрабикъ.
Ископѣять, выкинуть.
Искривина.
Искрякъ, сортъ камня.
Исповѣдуемо, очевидно.
Исправа.
Испрогортиться, издержать.
Источина, рывина.
Кабѣшки, шарики сыра.
Кабаргá, мускусное животное; — ргниская струя.
Кáвераникъ, интриганъ.
Кавсякъ, многоножка, коржакъ.
Кадъкъ, горловой узелъ.
Кáженникъ, евнухъ.
Какорва, родъ ромашки.
Каламѣнокъ, шерстяная матерія.
Кандѣя, кандейка, кружка.
Канлоухій, съ малыми ушами.
Канлюженикъ, няница; канлюжничать.
Карагаинъ, сода.
Караганъ, стеновая лисица.
Карагатка, земляная утка.
Карагачъ, маленький сибирскій вязъ.
Карагушь, большой орелъ, морской.
Караея, матерія.
Карбасъ, родъ маленькаго судна.
Карбышь, хомлякъ.
Кашлюнъ, который кашляетъ.
Кваква, выпъ, птица.
Керкать, кричать—о бекасахъ и курицахъ.
Кинамонъ, корица.
Кипень, кипятокъ, источн. минер. водъ.
Кипѣлка, живня.
Клевáка, сварливая птица.
Клетгать, крикъ орловъ.
Клѣкъ, метанье икры у лягушекъ.
Клещакъ, насѣкомое.
Клещинѣцъ, телячья нога.
Клокастый, клокать.
Клобѣвникъ, длинй розмаринъ.
Книгозданіе.
Кббузь, птица.
Кбванъ, всякое надѣлие кузницы.
Кбвкъ, самая работа, дѣйствіе.
Кежеѣдъ, насѣкомое.

Кожура, кожуринна, кожа фрукта.
Колодасіе, пѣнье на козинный ладъ.
Кокать,—жуть, тихонько стучать.
Кокаться, пятиться навадь, топорщиться.
Кокбра, гнилое дерево.
Кокоткі, составы пальцевъ.
Коксунъ, сортъ утки.
Колба, рыба, головка на палкѣ, кубъ перегонный.
Колѣистый, отъ колей, полонъ колей.
[Колодка] колѣка, воложье дерева.
Колода отъ козь.
Коловращать.
Колокольчатый, колоколообразный.
Колосеница, мѣсто, гдѣ держать вымоченный стебель, волосъ.
Колотырникъ,—ница, скупой; колотырничать, колотырнить, продавать по мелочамъ.
Колча, хромоногий; колченогий, колчить, колченожить.
Колѣть, чувствовать холодъ.
Комель, комлинь, комлище, верхушка бревна, чуба, пучка.
Комблый, безъ роговъ.
Комыга, комыга, родъ барки.
Кондырь, кондырькъ, отворотъ, обшлагъ у руск. кафтана.
Конать, до крайности доводить или догонять.
Конегонитель.
Кониобъ, большой горшокъ.
Концевой, продаваемый кусками и кусочками.
Копёръ, финоки *).
Копка, производство копанія; копкій.
Копорула, заступъ.
Копытникъ, дивій нарды.
Кораблехованичъ.
Кореникъ, корзинка.
Коржавѣть, дѣлаться жесткимъ; коржавина, жесткое мѣсто на кожѣ.
Користый, твердокожій.
Корконосый, коротконосый.
Коркота, спазмы.
Корнать, окорнать, укоротить.
Корневатка,—ватикъ, корзинка изъ корвей.
Корневатый, корнистый, много корней.
Корнеухій, съ отрѣзанными ушами.
Коротышка, коротенькой.
Корытшица, ремню гусарской шапки.
Корсакъ, степовая лисица.
Косный, медленнѣй, нѣмой, восновычнѣй.
Кострѣць, бычачья нога.
Костякъ, скелеть.
Кочедыкъ, шило, которымъ плетутъ лапти.
Кощение, кошений.
Кощлакъ, молодой камчатскій боберъ.
Краеградїе, предмѣстїе.

Крѣпчатый, пятноватый.
Краткословіе, краткословно.
Кремнякъ, кремень.
Кресиво, огниво; кресить—выбивать огонь.
Крестовая, комната, въ которой крестятъ дѣтей.
Кривда, неправда, кривосудїе.
Кривовѣръ.
Кривушина, корчатая сторона дерева.
Крѣшево, блюдо изъ рубленой капусты.
Крѣтило, колесо у плетущаго веревки.
Крутойаръ, крутой берегъ.
Крушець, руда, копь.
Крушнїячъ.
Крылатѣть, окрылатѣть.
Кстырь, насѣкомое.
Кряква, палка повади кибитки.
Кукать, кунуть, заговорить.
Куклевѣнецъ, приманка на удъ.
Кулганъ, металлическая кружка.
Купоръ, ватывающій бочку пробкомъ.
Курлукъ дивій, сибирская гречиха.
Куроглашенїе, пѣнье пѣтуха.
Кутный чубъ.
Кучеляба, цѣлибуха.
Кущуръ, ситнїеъ.
Кучиться умолять.
Лабзяться, ласкаться, лѣстить.
Лазнѣ, родъ лѣстницы.
Лайно, грязь.
Лалъ, рубинъ.
Ласксердіе, мягкосердіе, слабость.
Лбица, лобовина, лбище.
Левкасить, набросать въ живописи эскизъ, первые роды.
Легкота, легкость, глупость.
Лобаць, лобастый.
Ловушка, приманка.
Ложица, долина.
Лобать, локнуть (языкомъ).
Лобанецъ, горшокъ, который трескается въ огнѣ.
Лопотня, шумъ.
Луговина; часть луговины.
Лощенка, клеенка.
Лузъ, уголь глаза.
Лука, излучина, кривизна рѣки.
Лушеникъ, бревна безъ коры.
Луска, луца, лущина, тонкая кожа на шелухѣ.
Лучить, попадать въ цѣль.
Лыба, густой гѣсъ на болотѣ.
Лызбкъ, дать лызка, убѣжать.
Лымы, мошенничество.
Лыготить отъ лыготы.
Лыгло, трюмъ.
Лютотвѣрчнїй, свирѣпато вида.
Лядѣ, поле, покрытое молод. деревьями.
Лястовина, (sic) лястовина) орѣховое дерево.
Макать, макнуть, маканный, маканїе.
Мализна, мелузка.
Малить, уменьшаться, малѣть.

*) T. e. phoeniculum, der Fenchel. H. T.

Малка, угломёръ, наугольникъ.
Малы́га, маленькое дитя.
Мальханщикъ, — ханъ, шарлатанъ.
Мала́вва, всякій сортъ мелкой рыбы.
Мамичъ, молочный братъ.
Мамонъ, желудокъ; мамона, богатство.
Маму́ль, дикая кошка.
Махъ, движеніе въ воздухъ.
Межень, середина лѣта.
Мезга, меза, мяга, тонкая кожа подъ древесною корою.
Мезать, имѣть что въ мысляхъ.
Меньша́тъ, меньшей смѣть.
Мжить, шурить глаза.
Мадить, благодарствовать, награждать.
Меледа́, заповданіе; работа, требующая времени; желеденный, медленный.
Мизга́рь, родъ тарантула.
Мишу́литься, нацѣлвшись не попастьъ.
Миробѣ́тіе, продолженіе, стояніе міра.
Минуть, заперать.
Многолиственный.
Многочислитель, полиграфъ.
Могу́та, могущество, сила, брѣпность; могутникъ, могутный.
Мозглякъ, человекъ необыкновенно худой.
Мозголо́мный: водка — мозголомъ.
Моклокъ, затвердѣвшая земля.
Мокрѣ́тъ, сырость; мокрединя, болот. мѣсто.
Молетб́чина, дыра, молю сдѣланная; молица.
Молкомъ, тихомолкомъ.
Молодь, молодивна, пѣна на молодомъ пивѣ.
Моско́тъ, москотил. товаръ.
Мотыга.
Моты́ло, — лъ, навозъ; мотыльной половъ дранн.
Моты́ла, вступъ.
Обмохнатѣ́тъ.
Моча́лить, раздражать; мочалка.
Мочевина, стоячая вода.
Му́рчать, о медвѣдяхъ; мурчанье.
Муса́тить, острить; мусать, сталь.
Мухоронка, отгонялка мухъ.
Мухобѣ́ръ, волнистая бухарская матерія.
Мчаніе.
Мша́рина, мшистое мѣсто, мшина; мшарить, сдѣлать шершавымъ, неровнымъ.
Мшель, лихомство.
Мшеникъ, зимній хлѣвъ.
Мшить, убирать мохомъ; мшеніе, мшениный.
Мшица, гусеница.
Мща, молодая лошадь.
Мызь, мычаніе.
Мяло, мялка.
Набедѣ́рникъ, чепракъ у ковака на лошади.

Наблосни́тъ, наблоснитъ, наполнить блохами.
Наблосни́ться, (?)* формироваться.
Наболотный, находящійся на болотѣ.
Набухну́тъ, вспухнуть; **набухивать**, наливать полно.
Нава́дникъ, клеветникъ; **наваждѣ́тъ**, навадить на кого, наущать.
Нава́ра, жиръ, который плаваетъ сверху; наварка, наварить, прибавка новаго желѣза въ ковѣхъ.
Навечеріе, канунъ праздника, вечеръ.
Наверѣ́тъ, совершенно полно.
Навара́чъ, на первый глазъ.
Навѣ́тки, посылаемыя извѣстія о себѣ.
Нага́рь.
Наво́локъ, дугъ воагъ рѣки, сторона возвышенная морскаго берега.
Нагоріе, мѣсто на горѣ.
Надъизби́ца, чердакъ.
Надобникъ, повязка на лбу.
Намо́й, мель песчаная.
Напордникъ, нарыльникъ.
Наму́тки, сплетни злословныя.
Навѣ́дренникъ, панатія.
Наотко́сь.
Наотма́шь, отрицаніе.
Напало́къ, палець перчатка, рука-виды.
Напа́рье, сверло, буравъ.
Наплавъ, продолженное движеніе судна въ весельяго.
Напойка, понюшка (табака).
Наполе, многія поля одно воагъ другаго.
Напу́рйи, вѣрпикъ.
Напрыскъ, накрапъ.
Напрягай, строгій выговоръ.
Наро́къ, [значокъ] предѣлъ.
Наручи (въ латахъ).
Насбалма́шь, безразсудно.
Наскверни́тъ.
Наско́къ.
Наступъ, атака.
Насѣ́дъ, зародышъ въ яйцѣхъ.
Натѣ́чка, преслѣдованіе звѣря на охотѣ.
Наторѣ́мый.
Нахалиться, быть нахаломъ.
Нахитить, нахищенный.
Нахра́помъ, живою силою.
Начало́родный, первоначальный.
Начало́численіе, начало эры.
Началобытны́й, вѣчный.
Начѣ́локъ, начельникъ, лента вокругъ головы молодыхъ крестьянокъ.
Нашилъникъ, нагрудникъ.
Найнитъ, быть дерзку.
Небла́жный, совершенный, добродѣтельный.
Небопарны́й, парящій въ воздухъ.
Нево́ротъ, платье, которое еще не было выворочено.

* Вопросительный знакъ въ рукописи.

- Невстѣпно, несовсѣмъ.
 Невѣйка, еще невѣянный хлѣбъ.
 Нѣгли, можетъ быть.
 Недовѣсь.
 Недодѣлка, кусокъ, который остается
 кончить.
 Недомѣръ, кусокъ, который остается
 намѣрить.
 Недомѣсь, недомѣшенный хлѣбъ.
 Недошка, недопеченный хлѣбъ.
 Недонѣсь, молодая лисица, коротко-
 шерстая.
 Недомечатка.
 Недолгата.
 Недопродать, не все продать.
 Недордѣлый, невѣрный.
 Недородь, малоурожайный годъ.
 Недоудокъ.
 Нѣкленъ, дерево.
 Неключимость, бесполезность.
 Нѣльма, сортъ рыбы.
 Непрачный, необлачный.
 Ненаѣда, обжора.
 Необинновѣнный, искренній.
 Неодержимо, безъ основанья.
 Неожиданный, неоросенный.
 Неосужденно, безъукоразненно, безъ
 предубѣжденя.
 Неотложно.
 Неподобный, своеобразный.
 Непосѣдь, непостоянникъ.
 Нещивѣаніе, подозрѣніе, воображеніе.
 Свойственность.
 Несвязица, нескладница.
 Несюзный.
 Несумка курица.
 Несѣдальень, акаеиствъ.
 Нѣтель, телица, тѣлка.
 Нѣтій, племянникъ, сестринъ сынъ.
 Неудобъ, совершенная неудобъ.
 Неумойка, неумывка.
 Неумытный, неподвержен. развраще-
 нію.
 Неурѣживать, учащать.
 Неурядица, беспорядокъ.
 Неутрудимый, неутомимый.
 Нецадство, безчадіе.
 Нѣсытъ, сова.
 Ниченки, у ткачей цѣпь.
 Нищевродъ.
 Новѣца, novise.
 Новозданный.
 Нововѣрецъ, неопитъ, новообращен-
 ный.
 Ноголомъ, подагра.
 Нутро, нутръ.
 Нѣщечко, рѣдкая вещь.
 Нятіе, рабство.
 Обвѣсло, передняя часть саней.
 Обдѣла, плуть.
 Обезденежать.
 Обезживогить, исчерпать силы и
 бить.
 Обезнародить, —ить.
 Обѣлъ, рабъ.
- Обечайка, ободъ вокругъ рѣшета.
 Обирока, плуть и мошенникъ, облу-
 пала.
 Облѣва, родъ охоты въ степяхъ.
 Облазнить, —ять, оболщать.
 Облець, обрубокъ, чурбанъ.
 Оближь, фигура, обличіе.
 Облѣй, сля, мелкій дождь, гололе-
 дца.
 Облыи, толстый.
 Обметъ, сѣть для ловли соболей, куча.
 Обмоганіе, выздоровленіе; обмогаться,
 обмочьса.
 Обмѣлокъ, остатокъ мыла.
 Ободворъ, возлѣ, тутъ же.
 Обоедесный, обоеручный, обоудный.
 Обѣй, фрукты, сбитые вѣтромъ.
 Обойма, шина вокругъ колеса.
 Обонница, обжинальница, механизмъ
 блока.
 Обонполь, по ту сторону.
 Обиньъ, ожерелье.
 Оборъ, ремень, которымъ крестьяне
 привязываютъ обувь.
 Оборы.
 Оборышъ, послѣдній оборъ.
 Оборъ, мелкая рыба; бичевка.
 Обротъ, недоудокъ.
 Обушіе, хряцъ въ ухѣ.
 Обуца, подарокъ.
 Обшивни, широкія сани и плутни.
 Овѣршье, верхушка скирда.
 Огнепоклонникъ.
 Огница, огневица, горячка.
 Огнушатъ, огнусить.
 Огнианка, красная лисица.
 Огорьжнутъ; огорьжлый.
 Огорѣлышъ, загорѣвшій человѣкъ отъ
 солнца.
 Огрызливый; огрыза.
 Огрызокъ, объѣдокъ.
 Огүзокъ, часть кожи возлѣ хвоста.
 Огүзье, крестецъ.
 Огүрливость, огурство, упорство;
 огурливый, огурникъ, бгуръ, —упор-
 ный.
 Охѣръ, старая скотина, не могущая ра-
 ботать.
 Одиначка, безъ пары.
 Одиородецъ, отъ одной фамиліи.
 Одолень, кувшинчикъ.
 Одѣнье, остатокъ, куча волосевъ.
 Одранъ, одѣръ.
 Одуванчики, львиный зубъ.
 Одутливой.
 Ожѣна, ситникъ.
 Ожѣитъ, жатва.
 Овѣдь, позади.
 Оземствовать.
 Озимѣтъ отъ зими.
 Озѣръ, дерзкій человѣкъ.
 Окалина, шлакъ.
 Окатъ, косая выпуклость.
 Око, тяжесть въ 3 фунта.

- Околбѣнь**, дѣланный неисправимо.
Окольность, окрестность.
Окомболокъ, старый вѣвникъ или метла.
Окреснять, окреснить, рассмотреть поближе.
Оловина, всякое пьяное питье не вино.
Ольховина, ольховникъ, дѣсь ольхъ.
Ольшанка, зимній травникъ—птица.
Омегъ, цыгута.
Омела, амела, растеніе.
Омеркнуть, потемнѣть; омерцать.
Омуль, сортъ рыбы форелей.
Омѣгъ, край платяя.
Опакій, отвергаемый,—нутый.
Опѣра, мука разжиженная пивными дровжами для пирожковъ.
Опашъ, хвостъ у лицъ и проч.
Опѣчекъ, фундаментъ печки.
Опѣвки, остатки питья.
Оплѣта, плуть; оплестъ, обмануть.
Оплѣче, украшеніе на поповской ривѣ отъ воротника до плечъ.
Опѣка, камень отъ скалы.
Опояска, опоясъ.
Опрѣсъ, экзамень.
Опрѣлина, порча, произведенная сыростью.
Орало, плугъ.
Орарій, діаконскій эпитрахиль.
Орью орать, кричать.
Орань, ораніина, обработаная земля.
Орлить, орленіе, отпечатывать орла.
Орѣшина, орѣшникъ.
Оружеборецъ, оружеборство, оружеборствовать, сраженіе съ оружемъ въ рукахъ.
Осерчать,—чалый, раздражить.
Осілъ, сілокъ, петля.
Осинникъ, осинный дѣсь.
Осейстый, длинношерстый (о мѣхахъ).
Оскользень, промахъ на биліардѣ.
Оскордъ, молотокъ.
Оскрыльцы, родъ колпака.
Ослизлой, слизкой.
Ослопѣна, дуракъ; ослопѣе; остолопъ.
Осмѣтокъ, старый, изношенный сапогъ.
Осьмигранникъ, осмиплощадникъ.
Осьмицѣ, восьмая часть.
Осбѣяться, удалять(ся), жить особнякомъ.
Осѣсокъ, поросенокъ корм. молокомъ.
Осѣтъ, волчець.
Остойчивость, неподвижность, устоявленіе.
Остродѣнный.
Остроковой, проникательный.
Острословъ.
Остружны, стружки.
Остуда, охлажденіе.
Остушь, оступиться.
Ость, борода у волоса; остистый.
Осынь, осыпавшаяся земля отъ берега или песокъ.
Осьмица, число осьми.
- Осѣтовать**, оплакать.
Отава, вторая трава.
Отвѣльное, якорное хѣсто.
Отволагий, отсырѣвшій; отволаживать.
Отѣкъ.
Отѣдъ, отъ сегодняшняго дня.
Отзиміе, вторая зима.
Отиніе, портъ.
Отлетъ, отлетныя птицы.
Отолгать,—ся, выйти изъ затрудненія посредствомъ жи.
Отмашъ, на отмашъ ударъ.
Отмоина, кусокъ земли, отторгн. водою.
Отмычка, поддѣльный ключъ.
Отмынность, отличіе.
Отнѣлѣже, съ тѣхъ поръ, какъ.
Отнюдуже, откудова; отонудуже.
Отѣкъ, островъ и еще что-то.
Отюнокъ, истощанный башмакъ.
Отписъ, отписка, отвѣтъ на записку.
Отпугнуть.
Отпелонить, отнять плѣнниковъ.
Отрѣпка, накла.
Отреблять,—ить, обезвѣтвить, обчистить.
Отрѣгъ, дѣль горъ идущихъ въ сторону отъ главныхъ горъ.
Отродокъ, отпрыскъ, отрасль, отропокъ.
Отрубъ, діаметръ отрублен. дерева.
Отсверкивать,—кнуть, отражать лучи.
Отелуга, служба за службу
Отелиться, удалиться изъ отечества.
Отеталый вѣкъ.
Отетой, отеталый.
Отсупотиву, съ противоположной стороны.
Отталіна, мѣсто гдѣ растаялъ снѣгъ.
Оттойно, отъ того мѣста.
Оттѣги, связь у конька для катанья.
Отхлопнуть, отереть съ шумомъ.
Отщепенець, раскольникъ.
Отѣмъ, отнатиѣ, лучшая водка.
Отымалка, тряпка для вытиранья.
Охабень, предметъе.
Охабень, родъ балахона.
Охлада, прохладженіе.
Оходъ, желудокъ.
Охракъ, выплюнутая мокрота.
Оцѣпка, зацѣпленіе съ раздѣлкой.
Оцѣпъ, рычагъ, коромысло.
Очень палка, на котор. вѣшаютъ колыбель.
Очереть, тростникъ, женск. р.
Очеретянка, овсянка въ тростянкахъ.
Очертаніе, очеркъ.
Очеставый, утѣвный.
Очѣчникъ, футляръ для очковъ.
Ошѣбъ, хвостъ у скотины.
Ощадливость, экономія.
Павлиця, растеніе.
Пѣголенокъ, пѣголенки, чулки безъ пята.
Пѣдубъ, каменный дубъ.

Падѹнь, водопадъ.
Падѹ, падѹ, глубокая долина.
Пазанки, слѣды зайца.
Паздеръ, стебелекъ.
Паздерникъ, октябрь.
Пазитъ, жолобитъ.
Пазило, пазникъ.
Пазногти, роги и ногти у скотинъ.
Пазушина, иалучина язвы.
Пазъ, вставленіе; пазъ, ремень ресор-
 ный.
Пайва, маленькая корзинка изъ дерева.
Палтусъ, рыба turbot.
Пальникъ, фитиль, трутъ.
Панагія, изображеніе Христа или Бо-
 городицы, носимое на шеѣ еписко-
 пами.
Панель, обшивка.
Пара, обработ. поле.
Парва, родъ бекаса.
Паркая баня, которая долго держитъ
 паръ.
Парный, до пары. **Парникъ**, панданъ
 къ картинѣ.
Пародокъ, горькій и терпкій фруктъ.
Патеріца, пастырская палка.
Паузинокъ,— жина, полдникъ.
Паузокъ, родъ барки.
Пахотá, сильный запахъ.
Пахота, паханье.
Пахтатъ, пахтанье, сколачиванье мас-
 ла.
Пачеси, очески льна.
Пашеки, [ротъ], зѣвъ, пасть, глотка.
Пеклеванный, изъ ржи.
Пеленгъ, компасъ.
Пелесина, пятно другаго цвѣта на шу-
 бѣ; **пелесый**.
Первина, новость, первая вещь.
Первоучка, первый опытъ.
Перебойникъ, крѣпкое яйцо, перебив-
 шее другія.
Перебой, смѣшавшій(ся) бой часовъ,
 рядъ свай.
Переведенецъ, переселенецъ.
Перевѣдина, архитравъ, сволочный
 брусъ.
Перевѣтникъ, измѣтникъ.
Перевѣсло, луча дризгу.
Перегибъ, складка.
Перегаой, испорченный навозъ.
Перегуанъ, родъ кунци.
Перекись, пероксидъ хим.
Пережокать, разбить въ большомъ ко-
 личествѣ.
Пережой мѣсяца, лунная четверть.
Перелѣфтъ, халпедонъ.
Перелой, honorthee.
Перемѣтъ, веревка, которая въ попе-
 рѣгъ рѣки, родъ сѣти.
Перемиги, дѣвическія перемиги.
Перемѣга, пересиліе, преимущество.
Перемѣча, родъ плотины, сводъ въ
 церкви.
Перенюхиваться, соглашаться. „Ну,

что жъ? они ужъ перенюхались!“
Перепелесый, перепелестый, покры-
 тый красными пятнами, пестрый.
Перепелатникъ, дербничокъ, родъ со-
 кола.
Перепѣча, перепечка, родъ толстой
 ячницы.
Перепруда, плотина.
Переслащиванье, переслащивать.
Пересмягнуть, перетрескать отъ вѣ-
 тру (о губахъ).
Пѣреступень, растеніе.
Перетѣга, поддержка стѣны съ верху.
Перехваты, боли въ родахъ.
Перечневой, сокращенный.
Перистиль, галерея.
Перната, палка командующаго.
Пернатка, животное.
Песика, короткая и жесткая шерсть
 въ шубѣ.
Песиковатый, въ шерсти короткій и
 жесткій волосъ.
Пестерá, корзинка изъ березов. сучковъ.
Пеструшка, рыба.
Пестредина, пестредь, пестредин-
 ный.
Песчанка, песчаная земля, птичка въ
 родѣ овсянки.
Печеночникъ, растен.
Печесá, [гдѣ пекутъ хлѣбъ] булочница.
Печиво, все печеное: пироги и проч.
Печина, глина, жжена въ печѣ.
Печище, остатокъ разломанной печи.
Пешія, ущипокъ.
Пиганъ, рута, раст.
Пигва, яйва, квить.
Пигусъ, карты того же цвѣта въ игрѣ.
Піжи, кожи молод. якутск. оленей.
Піжма, тысячелетникъ.
Пилкать, рѣзать чѣмъ-нибудь тупымъ
 (на крышеѣ).
Пилюкъ, коршунъ курятникъ.
Піра, сума.
Пирожня, гдѣ пекутъ пироги.
Писангъ, банановое дерево.
Писало, стилъ древнихъ.
Питобъ, питухъ.
Пішка, трясогузка.
Пищуха, родъ зайца въ горахъ.
Плавникъ, минерал.
Плавунъ, плавающая глѣсъ.
Планка, планочка.
Пластать, пласть, тонкій кусокъ чего.
Пластинникъ, бревно вдоль.
Плаунъ, растен. волчья нога.
Плачевница, плакальщица при погре-
 беніи.
Плѣхта, власяница.
Плѣвникъ, плевница, житница для мя-
 кины.
Племонаначальникъ.
Пленица, ожерелье.
Плѣсо, пространство поля или воды.
Плетешбъ, шуручокъ, влетаемый
 въ волосы.

Плѣстовка, реполѣвъ.
 Плитникъ, четверугольникъ.
 Плища, черпакъ для выкачиванія воды изъ лодокъ.
 Плищъ, крикъ; плищевать, производить шумъ.
 Плодствовать, плодить.
 Плотъ, складывать.
 Плотолюбець, сладострастный.
 Плутать, блуждать.
 Плутоносъ, ковсунъ (утка).
 Плъжина, изьянъ, пятна.
 Плъжить, ползать грудью.
 Плеснѣвьтъ, плеснѣть.
 Плъшанка, горная трясогузка.
 Плюскá, зеленая шелуха орѣха.
 Плюсна, запятокъ у ноги.
 Плюсникъ, сортъ мха.
 Побурѣлый, рыжеватый.
 Побѣдище, поле битвы; побѣтець, побѣдитель.
 Повапленный, выбѣленный; пованить.
 Повитуха, повивальная бабка.
 Поводливый, прилежный, воспримчивый.
 Повѣтеръ, благоприятный вѣтеръ.
 Погань, дрянь, нечистота.
 Погибadio, попарно.
 Погромъ, разрушеніе.
 Погрузный.
 Поградю, отъ грядъ.
 Погудáю, скрипачъ, разкащикъ.
 Подбѣра, веревка у конца сѣти.
 Подбрежіе, мѣсто внизу около берега.
 Подбрюшина, нижній желудокъ.
 Подбѣль, мать и мачиха.
 Подвѣртка.
 Подздохи, то же, что подбрюшина; — здошный.
 Подвѣй, столбъ деревянный, косякъ.
 Подволока, чердакъ.
 Подвохъ, заговоръ.
 Подвязи, подмостки, лѣса при стройкѣ.
 Подгѣнь, гоньба скота на продажу; подгонный.
 Подградіе, подгоріе.
 Подгрудокъ у быка.
 Поддатель, подчиненный.
 Поддергáй, который носить очень короткое платье.
 Подъдонъ, поддонокъ, что подставляется подъ сосудокъ или тарелку.
 Поддымье, поддымка, время, когда мужики топятъ печь.
 Подживотникъ, ударъ подъ животъ.
 Подгнѣта, — гнѣтъ, поджогъ дровъ и хвоста, подкладъ. въ печь для зажиганья подтопка.
 Подзаводскій, принадл. фабриктъ.
 Подзолки, подзолъ.
 Подкапокъ, бабій колнакъ.
 Подкладень, подкладъ, подкладышъ, яйцо, подкладъ. подъ курицу.
 Подклетъ, нижній этажъ деревяннаго дома.

Подколodникъ, олышанка птица.
 Подкрыльный, что подъ крыломъ.
 Подъкрѣпа, подпора.
 Подлаза, хитрой человекъ.
 Подлъбоникъ, дикой народъ.
 Подмáренникъ, растен.
 Подмѣжный, посланный на помощь.
 Подмѣсь, подмѣсь.
 Поднáрье, низъ кровати.
 Поднáрьдъе, поднáрьдъ.
 Подбáа, обычай.
 Подбикки, отстой, дрожжи.
 Подпалка, мука разведен. на маслѣ.
 Подпахивать, подпахнуть.
 Подпѣха, припеченная до красна сторона хлѣба.
 Подпечье, подпечекъ, подпечникъ [мѣсто подъ печью], пустое мѣсто подъ печью.
 Подплáта, подплетало, плуть.
 Подполье.
 Подпулье, подбрюшина.
 Подрѣвъ, подошва.
 Подслуга.
 Подстолипе, пѣдесталь.
 Подсумокъ, отъ сумки.
 Подсунѣить, — побивать, опоясать.
 Пдѣсѣдъ, бѣлые волосы на мѣхахъ.
 Пдѣтлокъ, тленокъ годовой и дальше.
 Подтяпать, стануть въ карманъ.
 Подуть, рыба налимиъ.
 Подъемная лошадь—тянущая тяжести.
 Подъязбица, кладовая у мужика, полагалище.
 Подъимáнчикъ, владѣющій подъ именемъ другого.
 Подъягривать, аккомпанировать.
 Подымная, подать отъ дыма.
 Подюжѣтъ.
 Пожѣга, земля оплодороденная чрезъ выжегу лѣса.
 Пожеланое, тюремныя деньги.
 Пожилѣе, наемъ, плата за труды; пожилыя деньги.
 Позáриваться, позариться, прельститься на что или чѣмъ-нибудь.
 Пѣдность, замедленіе.
 Поземельное, подать отъ земли.
 Покатная рыба, — которая изъ Волги возвращается въ Каспійское море.
 Покатунъ, перекати-поле.
 Поконь, обычай.
 Пожорѣжная, паспортъ на право зарабатывать хлѣбъ.
 Покромь[ъ], покромка,—мочка, край сукна.
 Покрученникъ, охотникъ, нанятый [для ловли] въ собольей охотѣ.
 Поличное, преступленіе.
 Полма, двѣ половины.
 Полновластіе, верховное, совершенное владычество; полновластный.
 Полѣ, открыто, на открышку дѣйствовать.

Полобошій, изнуренный, замученный, о лошадахъ.
Половикъ, половина кирпича.
Половинить, раздѣлить надвое.
Половѣть, блѣднѣть; **половѣлый**, **половѣый**, желтый блѣдно.
Полость, пустота, впадина.
Плооть, кусокъ отрѣз. сала, пласть.
Полохъ, испугъ.
Полубарокъ, суденышко, полъ барки.
Полугаръ, водка низшаго сорта.
Полудурье.
Полуочиникъ, козодой, птица.
Полугорникъ, тѣсный экипажъ на двѣ персоны.
Получай, судьба, участь.
Полуфунтовѣкъ, мѣра тяжести въ полфунта.
Полчетверта, три съ половиною.
Полѣтная, паспортъ; **полѣтный**, годичный.
Полѣтокъ, матерія полушерст. и полуитианая.
Поноровникъ, — **вищикъ**, **угодникъ**, услужливый; **поноровка**, потворство.
Понюра, человекъ съ сентябрской рожей; **понурый конь**, держащій голову внизъ; **понурно**, къ землѣ; **понурность**, наклонность внизъ.
Понѣва, **пѣнька**, юбка у крестьянокъ, рубашка.
Понѣмо, (sic!) пасмами нитокъ.
Понеръ, бить.
Поблодзень, дитя, не умѣющее ходить; птица.
Пополосно: **краснѣла** пополосно.
Попрыгунъ, поплауецъ.
Попутникъ, трава.
Попыривать, посылать кого всякую минуту.
Попырка, выговоръ.
Порожитый, много пороговъ.
Поровъ, некладеный боровъ.
Порекать, **порекнуть**, усьвнуть собакамъ по звѣрю.
Порубень, борть у барки.
Поручъ, манжеты у рубаховъ.
Поршень, обувь крестьянъ изъ кожи.
Порядъ, отъ пораждать, — условіе, согласіе.
Поскѣрдно, кучами, скирдами.
Поседнично, понедѣльно.
Поскрѣбъшъ, **поскрѣбокъ**, остатокъ отъ посребыванья.
Послень, трава, паслякъ.
Послухъ, свидѣтель, слышавшій ушами.
Послѣдышъ, меньшей сынъ или дочь.
Постатейно, **par article** (sic!).
Посторонъ, возлѣ.
Поскѣкаться, — **скѣкнуться**, испытывать.
Поталь, мишура.
Потатуйка, ударъ.
Потесь, бревно вмѣсто руля у барки.
Потѣръ, чаша для Св. причастія.

Потретно, по третямъ.
Потщѣнно, послѣбно.
Потѣгъ, **шпандѣръ**, ремень у сапожниковъ.
Похлѣбство, ласкательство.
Почерпало, слѣпокъ.
Почечѣмиться, жеманиться.
Почечульникъ, растен.
Починѣльникъ, зажигатель.
Починокъ, земля близъ деревни.
Пошѣчно, шайками, обществами.
Пошерѣжно, рядами.
Поѣжанинъ, **поѣжатой**, принадлежашій къ поѣзду.
Правѣло, руль, кормило.
Правица, правая рука; **правинѣ**.
Правель.
Прапоръ, **прапорецъ**, знамя, ватага солдатъ.
Прасолъ, перепродавецъ.
Превѣй, **копакъ**, чалма.
Предвѣдецъ.
Предвозгласный, **предвозгласникъ**.
Предвратіе.
Предврѣніе.
Предустановка, распоряженіе, заранѣ сдѣланное.
Предхраміе.
Преимѣть, имѣть предпочтеніе.
Преклѣтъ, **комната**, сдѣл. перегородкой.
Прекословникъ, спорщикъ.
Прелѣгатай, лазутчикъ.
Преполовеніе, середина; день, въ который празднуется середина великаго поста.
Преирѣстіе, величайшая простота.
Прерястаніе, **привъзъ** на бѣгахъ, на града.
Прѣ(б)тельный, ссорящійся.
Прябойникъ, **фитильникъ** (артилер.)
Прывада, **приманка**.
Приверженикъ, послѣдователь, партизанъ.
Приволока, плащъ, пивная пѣна.
Притгаръ, запахъ приторѣлаго.
Приглѣдка, **привѣръ**.
Пригнушивать, немного гнустить.
Приголовокъ, первое спиртовое испареніе при перегонкѣ.
Пригрѣбный, который при погребеніи.
Придуривать, дѣлать глупости.
Прижикъ, нажатое, жатва.
Приколѣа, **приколѣтая вещь**: **приколѣа съ бову**.
Прикопъ, приступъ въ осадѣ.
Прикосъ, **косость**, **косоватость** глаза.
Прикрой, **кусокъ** отрѣзаннаго сукна.
Прилика, доказательство; то, что служить къ тому, чтобы убѣдить; **приличать**, — **чить**.
Прилогъ, хитрость.
Прилѣбина, **наносъ** земли водою.
Пришракъ, **привидѣніе**; **прирачаться**, **примрачный**, **потемнѣвшій**.

Прии́брь, излишнее въ тяжести, при-
вѣсь.
Припой.
Припѣкивать, засунуть зарядъ въ
пушки.
Припьянѣть, пьяновать.
Присѣлокъ, деревушка маленькая.
Присельникъ, собѣдъ по деревнѣ.
Присносущный, вѣчно пребывающій.
Приснѣ, чистосердечнѣй.
Приспѣшная, комната, гдѣ пекутся
пирогъ; приспѣшникъ.
Пристанодержатель, принимающій
подозрит. людей.
Присѣдливость, свойство и охота си-
дѣть; присѣдникъ.
Присѣнный, дающій тѣнь.
Присѣсть [сломанная жердь].
Приталина, открытое мѣсто на льду.
Притолока, брусь надъ дверью.
Присудъ.
Приточникъ, говорящій притчами.
Притрава, приманка.
Притрапѣсникъ, иногда застошный
товарищъ, а иногда и просто прихлѣ-
батель и блюдолизъ.
Притѣлье, мѣсто, гдѣ можно спра-
таться.
Прѣхвостень, надобдала, всюду слѣ-
дующій.
Прихичивать, — хитить, поправить.
Прихлѣбка, все, что пьется во время
ѣды.
Пришельствіе, обиталище въ чужой
землѣ.
Пріятелище, сосудъ.
Пробирщикъ, испытывающій.
Пробой, желѣзная скоба; пробойна,
дыра.
Проборъ, раздѣлъ въ головной прическѣ
(гаіе).
Пробрызнуть: все поле пробрызнуто
цвѣтами.
Пробудъ, пробужденіе; пробудокъ.
Провальщина, поперечное время, не-
взгода.
Провѣшивать, провѣсь, сдѣшкомъ
провѣсьется, обчесться въ вѣсѣ въ
уронъ себѣ.
Провѣсный, высушенный на воздухѣ.
Прогаливаться, проясниться; прога-
лина на небѣ, по льду, въ лѣсу—очи-
щенное мѣсто.
Прогарина, мѣсто, прожженное огнемъ.
Продушина, отверстіе, трещина во
льду.
Пробѣ, поперечная дыра (въ попе-
регѣ).
Пробѣжать, желтый съ перемѣшаннымъ
цвѣтъ.
Прокладка, вещь, положен. между
двумя.
Прокосыразем, гуляя, все спустилъ.
Прокуда, шалунъ.
Прокѣра, полная власть.

Промгивать, — гнуть, потерять отъ
нерадѣнія, простеречь.
Промытъ, контрабанда.
Проповѣдалище, кафедра.
Пропой, на водку деньги.
Прѣрость, говядина, проросшая жи-
ромъ.
Прорѣзной, просевоженный.
Прорѣзъ, судно съ дырами для сбе-
реженія живой рыбы.
Просверкивать, — жнуть.
Просѣрки, просеурникъ, растен.
Прѣснѣ, голубоватый цвѣтъ.
Прослѣга, неисправность въ службѣ.
Прострѣзъ, сонъ-трава.
Протазанъ, эспонтопъ.
Протажить, обмануть таможеню; про-
тажоме, штрафъ за это.
Протавостоганіе, оповиція.
Проторжка, банкротство; проторго-
ваться, обанкрутиться.
Промлѣцъ свѣоз огонь и воду.
Прѣсти, задержен.
Прѣги, пружіе, саранча.
Прѣгло, шнурокъ, сѣтъ.
Прѣднѣй, полный подводныхъ камней.
Прѣженіе, вадутость; прѣжить, вду-
ваться, оттуда прѣжина.
Прѣжковая игра, невычищенная; прѣ-
жковая рыба, разрѣзан. пополамъ и
высушенная; прѣжковая сталь — въ
прутахъ.
Прѣжнѣ, хвостникъ.
Прѣгъ, прыжокъ.
Прѣжчикъ, травяная кобылка.
Прѣжнець, лютикъ.
Прѣженъ, friture.
Прѣжно, всякое тѣсто въ маслѣ.
Отвѣсъ, примана.
Прямнѣй, находящій(ся) насунротивъ.
Прямъ, прямая линія.
Прѣсло, часть забора.
Прячь, соединять.
Прѣсныи, растен. съ черными ягодами.
Пѣга, толстый конецъ яйца.
Пѣдаръ, носильщикъ.
Пѣмна, подошвенная кожа.
Пѣночка, снѣговая овсянка, птица.
Пѣна, овинъ, или житница для соломы.
Пѣстельга, птица.
Пѣстосвать, тартюфъ, святоша.
Пѣстошка, удоль.
Пѣтлице, стремяной ремень.
Пѣтло, узкій и долгій ремень.
Пѣтлянка, лабиринфъ.
Пѣчеглазый, съ большими глазами.
Пѣшь, мягкая рухлядъ; пушнѣрь, про-
давецъ мягкой рухляди.
Пѣшювникъ, трава.
Пѣшонникъ, пшонный пирогъ.
Пѣрѣй, спорышъ, птичій горець.
Пѣро, горохъ.
Пѣхта, гордость.
Пѣщить, надувать; пѣщиться, гор-
диться.

Пѣганка, атѣйка, карганъ (утка).
Пѣжина, пятно круглое на шерсти.
Пѣязникъ, банкирь.
Пѣшеходка, ходьба, бочка; пѣшешество.
Пѣло, инструментъ сырнатики.
Пѣстать, давать удары кулаками; пѣсть, кулакъ.
Пятилистникъ, пятипалечникъ, трава.
Пятника, мотокъ, пасма нитокъ.
Развиллина, двѣ вѣтви одного стебла.
Развѣбится, громко расплакаться.
Развѣтъ, возстаніе, возмущеніе.
Развоститься, долго зажитья въ гостяхъ.
Развратать, разгрязнута, начать замѣшиваться въ грязь.
Разгѣлка, сильнѣй прогнѣкъ.
Раздобриться, вдругъ сдѣлаться вѣскодушнымъ.
Разлогій, наклонный на обѣ стороны; разложистый, разлогость.
Распасливать,—слить, передать много масла и приятно говорить.
Разпамашетый: природа распорядилася рамашисто.
Разпиріе, несогласіе; разшириться.
Разобщать, раздѣлять на особенные міры.
Разрятье, разъединеніе.
Разсеребрить, разсеребриться.
Разсоха у плуга.
Разстрой, разстройка, dissonance.
Разземный, раздѣляющійся; разземъ, складной.
Рай-дерево, италіанскій проскурнякъ.
Ракушка.
Рамѣнь, лѣсъ на постройку.
Раскалпать, выдернуть гвозди.
Расклинивать,—нить, и вынуть клинъ, и вставить клинъ.
Раскоробить.
Расль, вѣтвь.
Распой, разстриженный попь.
Распырять, расвѣять.
Растагъ, день отдохновенія для стада.
Растѣкъ, рукавъ рѣки.
Растрѣбы, уши за которыя тянуть сапоги.
Растъ, время, въ котор. созрѣваетъ frutto.
Расчечиниться, возгордиться.
Расщечить, раскрадывать.
Ратай, воинъ.
Ратовище, древо алебарды.
Рѣшля, рыба морская ангель.
Рванъ, желѣзн. кольцо.
Рѣйна, рей.
Рѣкло, порекло, прозвище.
Рѣлашки, растен.
Рѣшевецъ, болота.
Ристать, скоро бѣжать; ристательный; ристалище, циркъ; ристатель.
Ровниникъ, прудъ, колодець.
Ровнѣтый, наполненный равами.

Роговикъ, роговой гребешокъ.
Роговъ, растен. massette.
Рогоуля, рогоулька, крочковатое дерево.
Розвальни, низкіе сани съ загнут. бочками.
Розыскная, уголовный судъ. **Розыскъ**.
Рогошъ, возмущеніе.
Рѣпать, капище явчское.
Росница, растен. львиная нога.
Росторѣшиа, растен. родъ волчца.
Рострѣтъ, дикая мята.
Ртачиться, упорствовать; ртачивый.
Рубанъ, столярный стругъ.
Рудословіе, минералогія; рудословъ, —вный.
Рукопуты, цѣпи на рукахъ.
Руманка, (sic!) растен.
Рухлякъ, мергель.
Ручевина, болотное мѣсто.
Рыкъ, рычаніе.
Рылячій, догорылый.
Рѣднина, рѣдъ, рѣдно.
Рѣха, (sic!) сѣто съ широкими петлями.
Рѣжи, бревна въ видѣ клѣтокъ надъ большими мостами.
Рѣжуга, (sic!) растен.
Рѣзанъ, древняя мелкая монета.
Рѣзка, мелкозерубл. солома.
Рѣзоимство, лихоимство.
Рѣшца, хвостъ лошадиный куций.
Рѣшце, рѣнное поле, рѣшникъ.
Рѣшникъ, сулъ изъ рѣпы и крупы овсян.
Рѣшенотъ, приличіе.
Рѣшетина, решетчатая работа.
Рѣшма, серебрянное украшеніе узды.
Рѣбикъ, остроконечное судно съ веслами.
Рѣбка, куропатка.
Рѣвца, рыба.
Рѣдъ, согласіе; рѣдець, рѣдчикъ, рѣдная запись; рѣдный, соглашенный; рѣдъ, строй.
Рѣбанъ, плугъ двуколесный.
Рѣбельникъ, шпажникъ; ирь сивая, растен.
Рѣбуръ, алое.
Рѣвка, саутка, утка съ Новой Земли съ длин. хвостомъ.
Рѣднѣтъ, содрать, спарпать; саднѣ, исцарапина.
Рѣженецъ, лукъ [пересаженный] посаженный.
Рѣжалка, садоеъ.
Рѣзанъ, родъ варпа.
Самоборство, дуель: самоборець, дуельность.
Самобратъ, двоюрод. братъ.
Самогласная, буква гласная.
Самозаконно, верхновластно.
Самостина, аксіома.
Самонѣние, самочванство, самочвольство, увѣренность въ себѣ.
Самонравіе, особенность характера.
Самоугодникъ, который удовлетворя-

еть себя въ желаньяхъ, родъ эгоиста
Самшитъ, геванъ.
Санничій, смотрящій за санями (чинъ древн.).
Санюбецъ, человекъ любящ. почести.
Сареларакъ, родъ соды.
Сбиральце, водоемъ.
Сбой, хитрость; сбойничать,—чанье.
Сбойливость, хитрой характеръ; **сбойникъ**, **сбойчакъ**, хитрецъ.
Сботать, построить безъ всякаго разбра и толку, какъ попало.
Сбруеположница, комната для храненія оружія. **Сбруехранилище**, арсеналь.
Сбруйный.
Сбѣгъ и **сбѣги**.
Свада, интрига, ссора.
Свайный, отъ свая.
Сварка, мѣсто, гдѣ два желѣза соединены спайкой.
Сведенникъ и **сведенницы** братья и сестры отъ равныхъ постелей.
Свербѣчка, растен.
Сверлило, сверло, сверлить.
Сверщъ, сверчокъ.
Свѣдникъ, ¹⁾ дерень.
Свиль, кривизна дерева, отъ вилать; **свилянный**, шогѣ, слоями.
Свиноуха, вонючій грибокъ.
Свинчатка, сѣтъ для рыбы; бабка, набитая свинцомъ.
Свиристель, птица.
Свирять, отъ свирѣли—играть.
Свѣтецъ, желѣзо съ тремя концами, куда всажив. лучина для освѣщенія.
Свѣтлякъ, свѣт. червь.
Свѣтоначальникъ, источникъ свѣта.
Свѣтоносецъ, утрен. звѣзда.
Свѣтецъ, святой, святольпный.
Священнострадалецъ, мученикъ.
Сгибной, складывающійся.
Сгономъ, всѣхъ вмѣстѣ; **сгонный**, **собранный**.
Сгромозженіе.
Сдвонть, ссучить (о канатѣ), повторить; **сдвоенный**, ссученный; **сдвойка**, двойн. слѣдъ звѣря.
Седмизвѣздіе, плеады.
Селѣва, плотва (рыба).
Селѣжій, толкиій, эгакой.
Селѣтва, обталище.
Семидаль, цвѣтъ лица.
Сербаринникъ, дикой шиповникъ.
Сердѣчникъ, растен.; шкворень.
Сердечной корень, растен.
Сердѣтка, сердящійся человекъ или женщина.
Сивоворонка, птица.
Сивожелѣзный, цвѣтъ ныхъ лошадей.

¹⁾ Слѣдуетъ читать: **свидникъ**.

Сивизанъ.
Сидьма, то есть сидя.
Сизякъ, голубъ свинов. цвѣта.
Сильникъ, богатырь.
Сима, бичевка, веревочка.
Синѣль, сирѣнга, синія сиренги.
Синешейка, варакушка, птица.
Синтепá, рыба.
Синюха, василекъ.
Сипль, долгоноска, насѣком.
Сиповка, свирѣль. **Сиповщикъ**.
Сипль, Альпійскій коршунъ.
Сирѣна, большой котель.
Сиринъ, сова.
Скалка, goulet.
Сканъ, сученая нитка.
Сквара, нечистота, жаръ.
Скитникъ; **скитнякъ**, **пустынный** — отъ скитаться.
Складень, ожерелье.
Склады, досточки съ образами, которыя вмѣстѣ складываются.
Скнипы, мошки, блохи.
Скомлѣть, двигать языкомъ (Славянск.).
Скопа, рыболовный коршунъ.
Скора, кожа, мягкая рухлядь. **Скорнякъ**, выдѣлывающій кожу и мѣха; **скорнячить**,—чество.
Скорогибельный, ломкій.
Скоросѣшный, скоротечецъ.
Скоросый, живой, прыткой.
Скотоподобникъ, живущій подобно звѣрямъ.
Скрыпунъ (насѣком.); **скрыпунъ-трава** (раст.).
Скровъ, скрытое мѣсто.
Скрѣпки, штопанье; чортъ знаетъ, какая работа.
Скрѣпать, кое-какъ сдѣлать; **скрѣпкъ**, чортъ знаетъ, какъ сдѣланное платье.
Скудель, глина; **скудельникъ**, горшечникъ; **скудельница**, глиняная ваза.
Скуднѣкъ, бѣднякъ.
Скудоборѣдый, съ малой жидкой бородкой.
Скудогласный, слабого голоса; **скудогласіе**.
Скудоброухій, поджарой, тонкой.
Слабодуше, безхарактерность, безжліе души.
Слабомысліе, слабость ума, лишеннаго напряженія.
Сладкоуханный.
Славецъ, захирѣвшее дерево, аспидный камень.
Слана, изморозь.
Слегá, слезка, длинное бревно средней толщины.
Слезохранилище¹⁾, плачальный сосудъ.
Сливнякъ, сливной садъ.
Слитяй, сліяній.

¹⁾ Слѣдуетъ „слезохранилище“.

Слобода, больш. деревня изъ одной улицы; **слобожанинъ**, обитатель такой деревни.

Слотá, дождливое время.

Слушатище, аудитория.

Слякйй, кривой, согнутый.

Слякать, слячить, согнуть; **слячность**, кривизна.

Смазень (о кристал.).

Смарагдъ, изумрудъ.

Смерче, мозжевелникъ.

Смерчь, смерць (trombe).

Смокъ, рыба, морской драконъ.

Смолячугъ, дерево (passe).

Смоляръ, который смолить или выдѣл. смолу.

Смолебникъ, съ которымъ вмѣстѣ молились.

Смородинникъ, земля, засажен. смородиной.

Смбродъ, запахъ чего-нибудь сожженного.

Смотрѣливой, пронизательный.

Смрадитъ, насмрадитъ.

Смутничать, проивод. смутни; **смутникъ**.

Снарядохранилище, арсеналъ.

Снаслаждаться, вмѣстѣ съ другомъ наслажд.

Снаслѣдникъ.

Снимокъ, копія.

Снить, дагилъ, дикая анжелика.

Снобродъ, лунатикъ.

Снычъ, замочный языкъ.

Сббина, добро, приобрѣт. бережливостю; **сббить**, накоплять.

Совоздвигнуть, соорудить вмѣстѣ съ кѣмъ-либо.

Совоздыхать.

Совойственникъ, сотоварищъ въ битвахъ.

Совбкъ, чаша, лопата.

Совопршаться, совопршеться, диспутовать.

Совопршникъ, диспутиющій.

Совоспитаніе, публичное воспитаніе.

Совесельникъ,—льница, живущій съ другимъ.

Содбнить, подымать шумъ.

Сбдругъ, содруженный, сбдлавшійся другомъ.

Содѣйственникъ.

Сонганникъ, человекъ, изгнанный вмѣстѣ съ другимъ.

Сбима, родъ барки.

Сбкальница, кухня.

Сбколий перелетъ, горчанка, трава.

Сбкунъ, изъ породы утокъ.

Сбние, бредъ.

Сбнная одуръ, бшшеная вишня (трава).

Сбнь-трава, весенній прострѣлъ (трава).

Сбнливая бѣлка, Сбня.

Сббнать, жить вмѣстѣ.

Сооживляться, сооживиться со всѣми.

Сонель, сонелька, свирѣль; **сонецъ**, игрокъ на свирѣли.

Сопрестольникъ.

Сопричастникъ.

Сбрма, гладкое и неглубокое дно въ рѣкѣ.

Сбрный, полонъ пыли и всякаго сору.

Сорубежный, сопредѣльный.

Сосовдѣтель: былъ ему сосовдѣтель.

Сбска, иногда пьяница.

Сословъ, синонимъ.

Сосунъ, животное, которое еще сосетъ

Сбчиво, кушанье изъ чечевицы.

Сосѣдятся, помѣститься вмѣстѣ; **сосѣдатель**.

Сотовой, отъ сота медоваго.

Сбчень, блинъ въ соименномъ соусѣ.

Сочить, схватить.

Спакостить.

Спáлый, упавшій внизъ.

Спеськб, спѣсивецъ.

Спблье, края поля.

Спбна, препитствіе.

Спбрб, выгодно; **спбрный**, выгодный.

Спбркъ, распоротый кусокъ.

Спбрбство, помощь.

Спбдвалъ, все, безъ исключенія.

Спправщикъ, факторъ въ типографіи.

Спачка, летаргія.

Средиградіе, центръ города.

Средостѣние, простѣнокъ.

Србслень, вѣтви, срсшіяся вмѣстѣ.

Сривъ, незаконный барышъ.

Срѣзень, отрѣзанная корка; **срѣзокъ**, отрѣз. кусокъ; **срѣзъ**, мѣсто, гдѣ отрѣзано.

Севкъ, филейный кусокъ.

Сбвилло, шедесталъ.

Сбвленикъ, кандидатъ въ священство.

Сбдаться, статься, собираться въ кучи, оттуда **стайный**.

Стáмня, ведро, кружка.

Старательство, покровительство.

Старбордъ, правая сторона корабля.

Стародубка, чемерица.

Старопомѣстный, владѣющій съ давнего времени землемъ.

Стихира, пѣснь, поемая въ заутрен. и вечерню.

Створчатый, съ двумя половинками; **створъ**, половинка двери.

Стеблище, стебель, стеблестый.

Степеникъ, солидный.

Стѣчь, стигнуть, гнаться.

Стиховна, послѣдній стихъ, поемый въ вечерню.

Стоголовникъ, родъ волчца.

Стойковыя каблучки, изъ дерева подъ башмаками женскими.

Стойкій, упорный.

Столѣчникъ, скатерть.

Сторожбкъ, вѣсовая игла въ вѣсахъ, стрѣлка въ западнѣ.

- Страда**, трудная работа, время жатвы и работъ.
Стрекало, палка, рогатина, жало; стрекать, стрекнуть, поощрить, козынуть.
Стремить свои желанья.
Стрекотать—о стрекотѣ.
Стреножить, спутать путями, (о лошадяхъ).
 Дать стречка навострить лыжи.
Стригуль, молодой жеребецъ однолѣтній съ обстриженной гривой.
Строить, крыша, хоры.
Струганецъ, каменный хрусталь.
Струйный, тихо—, свѣтло-струйный.
Стрый, дядя (братъ отцевъ); стрія тетка, сестра отца.
Стрѣля, туль, волчанъ, славянск.
Стрѣчная жалоба, перебранка.
Стужать, стужить, беспокоить; стуженіе, угиѣненіе, преслѣдованіе.
Стукальце у воротной скобы.
Стушь, походка, иноходъ.
Стыженіе, униженіе; стыдный, бесчестный.
Стѣнбой, стѣноломъ, баранъ, таранъ.
Стагольникъ, знаменносецъ, прапорщикъ.
Сугонять, сугнать, достигнуть въ бѣгъ; сугонь, сугонка.
Сугубить.
Сударь, саванъ.
Судачить, поносить.
Суевѣрить, невѣрить и суевѣрить.
Суесловецъ, суесловный.
Сулца, дротикъ.
Сулдой, разведенная мука для каши.
Сумѣть, громада снѣга.
Супснь, ремень съ двумя крючками у лошаднаго ошейника; супонить, связать ихъ вмѣстѣ.
Сурма, антимонія; сурьма.
Сусакъ, человекъ или животное жирное и толстой.
Сусланикъ, хлѣбъ съ пранностями; сусло.
Суслъ, мучница, водоемъ.
Сутуга, проволока.
Сутужникъ, калиберъ.
Суховершки, сальный корень.
Суходоль, высушенный ручей, балка, оврагъ.
Сухонось, острія башмаковъ для снѣгу у сибиряковъ, дикій гусь.
Сучецъ, стебелекъ, соломинка.
Сушнякъ, сухіе дрова.
Сушанца, сушеная говядина или рыба.
Суягная, брюхатая овца.
Сходникъ, шпіонъ.
Сходня, лѣсница просто изъ гладкой доски, на которой прибиты деревянные досточки вмѣсто ступеней.
Сцѣпъ, связь, соединяющая многія вещи вмѣстѣ.
- Счалить**, связать два судна вмѣстѣ; счалка.
Счунать, выговаривать, упрекать.
Съдѣга, большой ибедникъ.
Сыкнуть, заставить молчать (о собакахъ).
Сыпонецъ, маленькая лопата.
Сыновецъ, сынъ брата, племянникъ.
Сырѣжки, родъ грибовъ.
Сычухъ, свиной желудокъ съ фаршемъ.
Сѣдалентъ, стихъ, при пѣніи котораго можно сидѣть въ церкви.
Сѣдлестый, (о конѣ) съ углубленной спиной.
Сѣнооставецъ, горный заяцъ.
Сѣръ, сѣрой, сѣрвана.
Сѣянецъ, сѣянный чеснокъ.
Сѣкнуть, высхаты, сохнуть.
Тавантъ, навадъ гребсти.
Тавлѣй, (толкадиль), игра.
Таганъ, треножникъ.
Тагасы, большіе сѣти для рыбной ловли зимою.
Табѣнные, данники сибирскіе въ лѣсахъ и горахъ.
Тавать, бранить.
Тайничецъ, незаконнорожденный сынъ.
Таль, все замороженное.
Тальникъ, дерево.
Тамга, клеймо, налогъ.
Таранушка, родъ смородины въ Сибири.
Тарѣль, винтъ у пушки.
Тарпанъ, дикая лошадь.
Тарчъ, круглый щитъ.
Татбина, краденая вещь; татбинный, татобвинный, татство.
Тѣя, коробка или обертка для пересылки товаровъ.
Творожиться, ссѣдаться; отъ „творогъ“.
Творожникъ, сырникъ.
Твердохушіе, твердохушный.
Творило NB.
Тѣза, имя; оттуда—тезка, сомненный.
Тепломѣръ, термометръ.
Тередорить, печатать; тередорщикъ, печатальщикъ.
Течбѣ, курьеръ.
Тимѣніе, болото.
Тись, дерево.
Тморичный, бесчисленный; тморично, тморичею.
Тобблецъ, сумка охотничья.
Тождесловіе.
Тонмаръ, томячъ, колотушка.
Тончавый, худой.
Тончѣца, тонкая матерія.
Топотный, произведенная множествомъ людей.
Торбасы, сапоги.
Торжникъ, торговецъ, купецъ.
Торить, выучить.
Торѣца, растеніе.
Торный, ровный, гладкій (о дорогѣ).

Торочить, убирать лентами.
Торчкомъ, торчмя, прямо, стоймя.
Торчокъ, верхушка кирпича въ поперекъ стѣны.
Точью, только.
Тощно, со стараніемъ.
Травникъ, ботан. садъ, птица.
Трѣба, жертва, исполненіе дѣйствій церковныхъ.
Трѣбнице, капище; трѣбникъ, жертвенникъ, церковный уставъ.
Требуха, требушина, кишки.
Трегубо, втрое, третично.
Тревонить, ударить по три раза во всё колокола церкви.
Трѣкровный, въ три этажа; трѣкровникъ, трехэтажный домъ.
Трелюдь, насмѣшникъ; трелюдиться, посмѣваться надъ кѣмъ.
Тремѣрный, трехътактный, трехразмѣрный.
Трѣпель, уздечка.
Трѣпало, трѣпалка, мялица, мяло, мялка.
Трѣпель, трипель, родъ земли.
Трѣсна, цѣпочка золотая или серебряная.
Трѣтіна, третія часть.
Третинны, службы, отправляемыя въ третій день по смерти кого-либо.
Треухъ, копанъ треугольный у крестьянокъ.
Трестать, начальникъ
Тричленный, составленный изъ трехъ.
Тройни, три близнецы.
Тропарь, пѣснь, изображающая дѣянія святыхъ или божіи.
Троскотъ, хворостникъ; слав.
Тросакъ.
Трошѣлка, (?) трощеніе шелка.
Трупорѣховатый, трухлый; трупорѣшина, трупорѣховатость.
Трусся, трусь.
Труха, мелкое сѣно, сѣмя сѣнное.
Трѣсавица, лихорадка съ трясеньемъ.
Туга, тужить, туженіе.
Тузлукъ, рассоль.
Турианъ, родъ утки.
Тухоль, тухлость, испорченность.
Туязъ, коробочка изъ березовой коры; туязокъ.
Тщегласіе, суетласіе, тщеславіе.
Тщедушный, плохаго здоровья.
Тщій, бесплодный, тщетный.
Тылье, обухъ.
Тынить, окружать тыномъ.
Тысячелетникъ.
Тысячелѣтіе.
Тѣльное, рыбное блюдо безъ костей.
Тѣнникъ, тѣнистое мѣсто, экранъ.
Тѣнина, узкое мѣсто, ущелье.
Тюрюкъ, мѣшокъ, который надѣвають на голову преступнику при казненіи.

Тюря, куски разрѣзаннаго хлѣба, омокнутые въ квасъ.
Тягалець, мужикъ, подверженный господской работѣ; тягалъ, подать, бирка, число работающихъ крестьянъ.
Тюкъ, кипа.
Тюнь, тюкъ (нанкина), китайки изъ 10 штукъ, считая по 8 и 9 арш. въ штукѣ.
Тяжаніе, работа; тяжатель, рабочій.
Тяжелина, тяжесть, грубая тяжесть.
Тяжкосердіе, тяжкосердный.
Тяжь, веревка, привязанная къ концу дышла и съ другой стороны къ концу веретена.
Тяпка, поваренный ножъ.
Убивалка, для убиванья земли.
Убожить, довести до бѣдности; убожница, домъ бѣдныхъ; убожить, обдѣнѣть.
Убойный скотъ для мяса.
Уборчивость, полнота въ платьѣ; уборство—роскошь.
Уборщикъ, волосочесатель.
Убрусъ, платокъ, покрывало; діадема, украшен. перлами на образахъ; убрусованіе, уменьшеніе.
Увалъ, маленькой холмъ, ступень; увалистый, наполненный пригорками.
Увальчивый, гнѣбный; увалень.
Уваръ, отваръ, декокътъ.
Уверстывать, уравнивать.
Увѣтливость, снисхожденіе.
Увѣтъ, увѣщаніе.
Увавало, діадема.
Угожий, способный на что; угождать.
Угонзатъ, исчезнуть.
Угрюмѣть, сдѣлаться угрюмымъ.
Удобовращательный, легко поворачиваемый.
Удобопреклонный.
Удолие, удолю, долина.
Удумать, рѣшиться, остановиться на чемъ.
Уѣмъ, уменьшеніе; уѣмный, служащій къ уменьшенію.
Уѣць, племянникъ, сынъ сестры.
Ужалъ, укулооть, ужаленье.
Жика, родственникъ, близкій.
Ужина, часть добычи.
Ужинать, урѣзывать хлѣбъ; ужинъ, срѣзь хлѣба.
Ужничество, родство; ужничество—вать, наследовать.
Ужовка, раковина.
Ужвище, тюрма.
Ужина, тѣсное мѣсто.
Узлы, родъ пышекъ.
Узорочье, драгоценности, украшенія.
Уй, дядя, братъ матери.
Уклануть, упасть внизъ.
Укладистый.
Укладъ, вакаленое желѣзо.
Уклея, уклейка, плотва, рыба.
Уклонка, уклонность.

Уклонъ, спускъ, покатошь.
 Уклюжій, ловкій, искусный.
 Уключина.
 Уклѣль.
 Уноснѣть, уноснѣтъ, замедлить; уносеніе.
 Укорный, укоривленный.
 Укосъ сѣна.
 Укрѣй, сукно, покрывающее гробъ.
 Укромность, удобство.
 Укромать, штонать въ разныхъ мѣстахъ.
 Укрутъ, сръзанный кусокъ хлѣба.
 Укрѣна прибываетъ желѣзную скобу.
 Улещать, улестить, льстить, получать что лестью.
 Улѣвъ, прѣвъ рыбы.
 Улѣмокъ, отломокъ.
 Умѣтъ, навозъ, нечистота (sic!).
 Умодѣльщикъ, искусный человѣкъ.
 Умолотъ, молодѣба хлѣба.
 Умелъ, что съ мельницы.
 Умоначертаніе, идея, планъ.
 Умудить, приобрести подарками.
 Умѣчка, потеря отъ смачиванія.
 Умѣкать, вычесать хорошенько ленъ.
 Умышленникъ, заговорщикъ.
 Уне, унес, хорошо; уншій, лучший.
 Унзвать, унзгъ, погрузиться, войти, Слав.
 Униамальщикъ, надсмотрщикъ надъ дѣтми.
 Унаравливать, уноровить, сдѣлать что встать.
 Уносъ, похищеніе; уносный, краденый.
 Унадъ, паденіе.
 Унцистый, вмѣстительный, тѣснымъ почеркомъ.
 Унолѣвникъ, чумичка.
 Упрунеться, убѣжать.
 Уразна, дубина, толстая палка.
 Уразъ, ударъ, рана.
 Уровень, ватерпасъ.
 Урѣки, болѣзнь, произведенная дурнымъ глазомъ.
 Урадливый, сохраняющій порядокъ; урядникъ.
 Урядство, порядокъ; урядить, приноровить, примирить.
 Усадѣба, господскій дворъ въ деревнѣ.
 Усерявъ, серги.
 Усѣлокъ, крѣпкій человѣкъ.
 Усма, кожа; усменный, усмарство; усмаръ, жожевникъ; усмошвецъ, сапожникъ.
 Усббиза, взаимная вражда.
 Усовершенствитель.
 Усынальна, кладбище, гробъ.
 Усыпка.
 Усѣкальницы, щипцы.
 Усѣчекъ, отрубленный кусокъ.
 Утѣнокъ, утя,

Утѣкъ, падушая болѣзнь, черная немочь.
 Утлый.
 Уторить.
 Утрѣница, раннее утро. Слав.
 Утріе, послѣзавтре.
 Утѣлый, разжирѣвшій.
 Ухѣчивать, ухѣтить, старательно исправлять.
 Ухлѣбить, питать, насытить пищею.
 Ухоботѣе, рублен. солома мѣлкая.
 Учтѣвецъ, обходительный человѣкъ.
 Учугъ, перегорода для лова рыбы.
 Ушествоіе, уходъ.
 Ушкуй, родъ судна.
 Ушлѣцъ, бѣглый, побѣгшій.
 Ушельникъ, обитатель ушеля.
 Ущипать, ущиптѣтъ, защищать.
 Уютъ, удобное мѣсто.
 Уять, уменьшать.
 Фертигъ, почти то же, что фурскигъ, пестиметръ.
 Фря, жеманная женщина.
 Фуговать, вставлять.
 Хабарный, прибыльный, хлѣбный.
 Хавъ, конецъ куска матеріи; дерской человѣкъ.
 Хайлить, кричать, шумѣтъ; оттуда: хайло.
 Халванъ, гальбанъ, родъ комеди.
 Халуга, ограда. Слав.
 Харіусъ, рыба (Хѣшт).
 Харкѣтина, плеваки; харкунъ, певало.
 Хасѣтъ, растеніе, львиной зубъ.
 Хахалча, рыба.
 Хвальный, достойный похвалы.
 Хватка, скорая распродажа.
 Хватски ¹⁾, очень скоро.
 Хвостить, хвощу, бить вѣвникомъ.
 Хвощъ, растеніе лошад. хвостъ.
 Хвостѣцъ, кость въ хвостѣ.
 Хвѣи, иглы древесныя; волочія листья сосны или ели; хвойный.
 Хѣвать, смѣяться.
 Хирѣтѣнія, рукоположеніе.
 Хитрокъ, артистъ.
 Хламостить, наваливать въ кучу.
 Хлѣпный, дрянной, слабый; хлѣпность; оттуда хлѣпать.
 Хлопѣтникъ, хлопотунъ.
 Хлѣбоудъ, блюдолизъ.
 Хлѣбодаръ, ключникъ въ монастырѣ.
 Хлѣвица, хлѣвъ; хлѣвина, северная рыба.
 Хлѣстать, мочить; хлѣсть, игра въ карты.
 Хлѣбать, колебать; хлѣбъ, шлювъ.
 Хмѣлить, рѣзать кирпичъ.
 Ходѣцъ, ходокъ.
 Ходѣій, легкаго шагу, легкой поступи.
 Ходунъ, верхній жерновъ.

¹⁾ Въ рукописи описана: „хвостки“.

Ходуля, ходулька, стуль съ поворо-
томъ.
Хоженное, плата [ходуку] ходящему.
Холодникъ, холодный погребъ.
Холстоиѣръ, мѣщ. холстъ; холщев-
никъ, продавецъ холста.
Хольный, чисто содержанный.
Хохауша, хохлатая курица.
Хохотунъ, хохотунья.
Хранило, хранильница, хранилище.
Хранильничъ, казначей или экономъ
въ монастырѣ.
Хранунъ, хранѣжь.
Хребетный, хребтовый мѣхъ.
Хрепезать, ржать, прыскать.
Хромота, хроманіе.
Худогласый, слабого голоса.
Цаты, золотой полуѣсаецъ надъ голо-
вою святыхъ.
Цвиль, хмѣльное сѣмя.
Цвѣтеніе; цвѣтоносный, несущій цвѣ-
ты.
Цвѣтоносная недѣля.
Цѣвнина, фаянсъ цѣвинный.
Цѣба, кова.
Цыкъ, куриной крикъ; цыкать.
Цѣлибуха, кучеляба, водяной орѣхъ.
Цѣленіе, цѣльба, лѣченіе.
Цѣпка, крѣпкій выговоръ
Чабѣръ.
Чавкать во время ѣды.
Чадный, дымный съ воньюю.
Чалка, лошаде смѣшаннаго цвѣта.
Чалбышъ, малый осетръ.
Чалить; чалъ, канать, прикрѣпляющій
лодку къ берегу.
Чашура, цапля.
Часовать, остановиться на нѣсколько
времени.
Частѣть, густѣть.
Чванъ, фанфаронъ.
Чварка, черная (музыкал. нота).
Чебакъ, рыба.
Чеботарить, дѣлать сапоги.
Чебнуть, сдѣлать худимъ, исчерпнать-
ся.
Чекалка, чекушка, маленькой заяцъ.
Чекмаръ, долбня, валѣкъ.
Человѣкоугодникъ, въ родѣ подлнца.
Чѣлядня, комната для челяди.
Чемеза, чемезанна, деньги; чемезин-
никъ, сѣрага.
Чѣмеръ, крестецъ, хребеть.
Череміца, дикій чеснокъ.
Черѣмушникъ, лѣсъ изъ черѣмухъ.
Чернедь, черноработа, черная эмаль(ъ).
Чернѣль, родъ красной вохры.
Чернѣчникъ, кустарникъ черники.
Чернобыльничъ.
Чертогрызъ, чертово удило, одышникъ,
грудная трава.
Чертополохъ, волчець стоголовый.
Чѣтверни, четыре близнеца.
Честивый, благочестивый.
Чехона, рыба.

Чечениться, дѣлать тоненькія губки;
чечѣна, женщина жеманная.
Чѣчеть, чѣчѣтка, птица.
Чѣчина, лютикъ.
Чѣченіе, почтить подаркомъ.
Чилимъ, родъ каштана.
Чирѣкъ, родъ утки.
Чистикъ, изъ породы птицъ.
Чистодушіе.
Чихѣтка, чемерица.
Чтилице, калище.
Чугунникъ, комликъ.
Чуръ, граница.
Чушки, ножны на пистолеты.
Шабашить, перестать работать.
Шагла, рыба щѣка.
Шадра, сердцевина моржеваго зуба,
человѣкъ съ рябинками отъ оспы.
Шадрина, самая рябина.
Шадровитый, весь покрытый ряби-
нами.
Шайка, шаечка, черпачка.
Шакать, (объ уткѣ) крикать.
Шаламанникъ.
Шалберить, шалберничать, лѣвиться,
нести вадоръ по глупости; шалбѣръ,
лѣвнвецъ и болтунъ.
Шамшитъ, говорить не связано, такъ
что нельзя разобрать словъ.
Шастить, слышать шумъ; шастать,
производить шумъ.
Шатунъ, потаскунъ, дармоѣдъ.
Шашень, древесный червь.
Швырокъ, бросанье, ударъ.
Шевелять, говорить съ присвистомъ.
Шевелунъ, говора свищущій.
Шелушить, чистить.
Шелыга, металлическій пруть.
Шепетать, говорить свиста, шепетунъ.
шепеляющій, шепотня, шепеть,
шепотникъ, расквашъ.
Шептала, персикъ.
Шѣрехъ, шершпѣръ, рыба.
Шерошница, неровность; шерош(щ)ить,
сдѣлать неровнымъ.
Шефѣль, родъ хлѣбной мѣры.
Шѣкша, фруктъ.
Шилохвость, утка съ длиннымъ хво-
стомъ.
Шипунъ, сортъ утки.
Широконько, широко; широковатый.
Ширій, человѣкъ широкой въ пле-
чахъ.
Шитикъ, судно съ палубой 5 саж.
длины и 2-хъ ширины.
Шиншима, путь; шиншморить.
Шиншкать, шиншлять, медлить, водить
за носъ.
Шиншмода.
Шквара, окалина, шлакъ.
Шлея, дольникъ у шоръ.
Шлифы, подвязки.
Шмякать, шмякнуть, бросить что-ни-
будь съ шумомъ на полъ (говорится о
мокр. бѣльѣ).

Шбры, конская бзруа.
Шпынь, насмѣшникъ; шпыньство, на-
 смѣшничество; шпынять, насмѣхатъ-
 ся надъ кѣмъ.
Шугай, шугаецъ, шугайникъ, родъ
 корсета обыкновен. женщинъ.
Шумиголова, сортъ раковины.
Шумливой, говорится о человѣкѣ.
Шулята, растеніе.
Шуфла, зарядница у артилер.
Щаный, отъ щей.
Щанленіе, щанство, щанливый, ве-
 ликолюбный, гордый; щанственникъ,
 роскошно похотливой человѣкъ; щан-
 ствовать, вести роскошную жизнь.
Щебенить, наполнить щебнемъ.
Щевронокъ, птица, родъ травника.
Щеколда, защолда, замычка.
Щелуха, собачій языкъ, растеніе.
Щелочь, алкали.
Щелять, дѣлать щели; щеляться, трес-
 скаться.
Щемло, гнѣтъ, пресъ.
Щепанъ, щепки; щепать.
Щепетильникъ, лавочникъ; щепе-
 тильной, ничтожный.
Щепѣткій, щепѣтный, тѣсный (о платъ-
 яхъ); щепетливый, который любитъ
 носить тѣсное платье или сапоги.
Щербъ, вода, въ которой была варена
 рыба.
Щетинокатый, упорный; щетиниться,
 топириться и сердиться.
Щечило, плутъ, воръ, крючокъ.
Щечить, красть, потихоньку что под-
 тибрить.
Щипать, щипнуть, щипцами снять со
 свѣчки.
Щирость, чистота, справедливость.
Щунять, выговаривать.
Щунальце у насѣкомыхъ.
Щупъ, лотъ, глубомѣръ; щунальце.
Щура, человѣкъ, щуращій глаза.
Щурка, птица.
Щурунить, завинчивать шурунъ.
Ъдалъцы, челюсти у насѣкомыхъ.
Юдоліе, юдолъ, долина.

Бабничать, бабничанье, повивальни-
 чать, повивальное искусство, повои.
Бабашка, крючекъ, привязанный къ
 сѣти.
Подбабѣкъ, подпора, поддерживающ.
 подкосъ или планку.
Багральщикъ, багрячій, рыболовъ ба-
 гронъ.
Подбагрщикъ, помощникъ багрячаго;
 подбагреникъ, малый багоръ.
Багранка, краска пурпурная изъ ра-
 ковина.
Вадрѣнка, родъ персидскаго лимона.
Вазарить, быть расточительнымъ, раз-
 сорить деньги.
Вакаутъ, дерево.

Вавиться въ чепъ-либо.
Вагульникъ, дикой розмаринъ.
Ваданъ, каменоломная трава.
Вадыя, бадѣйка,—ечка, сосудъ изъ де-
 рева, плоскодонный.
Вазанить, лавировать, быть осторож-
 но (sic), болтать.
Вайдакъ, родъ барки.
Ваканить, красить базановою кра-
 ской.
Вакланъ, морской воронъ.
Валобанъ, родъ сокола.
Валабанъ, дуракъ отъ рожденія.
Валабѣлка, побрягушки, которыми
 украшаются татарскія женщины,
 убирала ими платье.
Валабѣщикъ, болтунъ; балабѣй.
Валастить, нагружать баластомъ судно.
Валасъ, родъ яхонта цвѣту темнокрас-
 наго вина.
Валда, (татарское) набалдашикъ.
Валдырянъ, растеніе valeriana.
Передбанникъ, комната передъ баней.
Варабѣшить, производить шумъ.
Варденикъ, скоть, уученный отъ
 барды.
Ватырщикъ, набойщикъ; также нама-
 зывающ. въ типографіи на буквы
 чернило.
Вахаръ, болтунъ.
Вахвалъ, фонфаронъ.
Вахилы, обувь крестьянская, привя-
 зывается къ ногамъ ремнями; вахиль-
 щикъ, дѣлатель такой обуви.
Вахмѣтъ, большая татарская лошадь.
Вахромиль, обкладывать бахрамой.
Вахвалъ, фонфаронъ.
Баяльникъ, баяльникъ, колдунъ, шар-
 латъ¹⁾; баяльство, баяльство, окол-
 доводство, обманъ; баяльствовать, окол-
 довывать; корень—баятъ.
Обакула, обманщикъ; обакуливать.
Перебѣсеникъ, пересвасчикъ.
Ободрительно, разбодрѣться,—йтъся.
Безблагодатный, неблагоприятный, бес-
 плодный.
Безбранный, мирный.
Безболіе.
Безвкусица.
Безвластіе, анархія.
Безвыводно.
Безгодица, нещастія.
Бездородица.
Безвѣдный (sic) и безълуный сводъ
 неба.
Безквасіе.
Безкручинный.
Безладица.
Безооброчный.
Безрадостный.
Безсердный.
Береговище, крутой берегъ.
Вѣло, чугуная доска, клепало.

¹⁾ Читай: „шарлатанъ.“

- Бичникъ**, возница, помахивающій бичемъ.
Бойка, вбиваніе свай и всякое вбиваніе.
Забіячивость, забіячество, забіячить.
Вразбивку, разбивочно, по мелочамъ.
Суббій, громада снѣгу.
Убойчивый, вѣрно нацѣливающій.
Влажливо, дерзко, капризно.
Поблажка, излишнее снисхожденіе, попушеніе.
Плевѣка, человекъ, который много плюетъ.
Влѣбникъ, растеніе.
Наблѣснять, наблѣснить, наполнять блохами.
Влудно, развратно; блудодѣй, блудникъ.
Влудяга, бродяга.
Вляхарь, дѣлатель вляхъ; вляшечный.
Воговидецъ.
Вогоблагодатный.
Вогоглагольникъ, боговѣщатель, богоспровидецъ, пророкъ.
Вогомудріе, богомудренный.
Вогомысле.
Вожить; боженъе; божба; отбожить-ся.
Влаговоздушіе, здоровый воздухъ.
Влагогласіе, пріятный голосъ.
Влагодвижный, подвижный на доброе дѣло.
Влагодушіе, величіе души
Влагодерзостный, храбрый.
Влагозрачіе лица.
Влагоизбранный.
Влагознаменитый, славный.
Влагоумный, разумный; благоуміе.
Влагоподвижникъ.
Влагозданный.
Водунъ, скотина, бодающая рогами.
Водень, въ ярости скотина.
Водѣць, шпора; водѣло, всякій про-
 калывающій инструментъ.
Воковнй, куча, изъ 500 рыбъ, выстав.
 на сушку.
Обовѣнать, дать первую грубую фор-
 му; обовѣнванье.
Вольшакъ, старѣйшій въ деревнѣ,
 старшій сынъ; большуха, старшая
 дочь.
Вѣтень, личинка, закрывающая за-
 мокъ.
Вореальный, бореальные вѣтры, отъ
 борея.
Ворайтъся, бѣрзо, вбѣраѣ, скоро,
 вмигъ.
Ворщевникъ, родъ аканта.
Врюханъ, толстякъ.
Ветѣлость, разбѣтѣлый, разжирѣвшій;
 бѣтѣтъ, добрътъ.
Обородатѣтъ, отрости (sic!) бороду;
 скудобородый, жидкобородый.
Вратствовать, жить братьей.
- Разбрататься**, перестать жить по-
 братски.
Бористый, со многими складками.
Доббрь, недоббрь, отъ недобрать.
Набирка, маленькая корзинка.
Побирчій, мѣтарь.
Соборно, виѣстѣ.
Сноборникъ, помощникъ въ битвѣ.
Бранникъ, воинъ.
Бранко, охотникъ браниться и со-
 риться.
Верѣнь, препятствіе, отпоръ; брѣн-
 никъ, латникъ.
Збруехранилище, збруеположища.
Бревенчатъ, дѣсь для бревенъ
Бережатый, хранитель; бережь, эконо-
 номія.
Бубрѣгъ, сл. почка у животъ; бубреж-
 ный, бубрежникъ, болѣзнь въ поч-
 кахъ.
Броднй, шатаніе взадъ и впередъ.
Бродильщикъ, пролагающій дорогу
 соболынымъ охотникамъ.
Набрѣдъ всякаго народу.
Бровистый, имѣющій густыя брови,
 междубровіе.
Вросѣльница, мыканца.
Пробросчивый, непопадающій; пре-
 браскваты; собака пробросилась ми-
 мо вѣтря.
Прѣтникъ, растеніе.
Брыкутъ, брыкающій.
Брюзгунъ, брюзжать, набрюзжать.
Весбрюхій.
Подбрюшникъ, ремень сбруи, прохо-
 дящій подъ брюхомъ у лошади.
Воснякъ, мѣсто, засаженое бузиной,
Вѣйны, холстаной зонтикъ, отъ дож-
 дя на небольшихъ судахъ. Слав.
Вудый, пьяный; набуянить.
Вусловіе, вздорныя, нелѣпыя разска-
 зы; буселовъ.
Вучильня, щелочня; бученье, бучить,
 выбучить.
Вулавастикъ, родъ грибовъ.
Вубенить, пробубенить, разнести, раз-
 болтать.
Вудырь, домъ особнякомъ, дурно
 выстроенный.
Вухать, стрѣлять изъ ружья; сбуха,
 внезапно.
Вурчѣстый, бурый.
Вѣгалище, циркъ, ристалище.
Вудькаты, булькнууть, налить съ шу-
 момъ.
Набуровить, насцать полный урыль-
 никъ; напладудить, насцать на полъ
 цѣлую лужу.
Буркало, родъ праща; буркальщикъ,
 бросающій его.
Вурундукъ, бичевая веревка, сибир-
 ская полосатая бѣлка.
Вурно, бурность, бурливо, буранъ.
Вурдло, неугомонный человекъ,
 ворчунъ.

- Бычѣться**, упорствовать, смотрѣть по сторонамъ.
Быстрѣкъ, живой, ловкій, смѣлый; бы-
 строуміе, скоропроницающее свой-
 ство ума.
Убыстрѣть, ускорить.
Обезубыточить, вознаградить за убыт-
 ки.
Вѣгомѣръ, инструментъ для измѣре-
 нія скорости бѣга.
Вѣгунѣць, рысакъ.
Вѣгунка, болѣзнь, заставляющая бѣ-
 гать.
Бѣгучій, скоропреходящій: бѣгучій
 цвѣтъ, лиляющій, непрочный; бѣгу-
 чій металлъ, чернящій.
Навыбѣгъ, наперегонку.
Убѣжникъ, бѣглець.
Набѣдокурить, надѣвать бѣды.
Многобѣдственный.
Вѣлогузка, птица.
Вѣлокопытникъ, растеніе.
Вѣломойка, прачка.
Впробѣль, мѣстами съ бѣлизной.
Вѣсникъ, ночной повѣса.
Важна, публичные вѣсы. **Важникъ**,
 тяжесть.
Ввадка, обычай, понемногу вкоренив-
 шійся; отвѣдка.
Повѣдно, пріятно.
Ванда, родъ верши. **Вандовщикъ**, ры-
 баць съ такою вершей.
Дѣведь, дамка въ шапкахъ.
Самовольникъ, своевольникъ, свое-
 волецъ.
Овражистый, съ оврагами; **овражникъ**,
 растеніе.
Возвергать упованіе на Бога.
Опровергать.
Врѣвесель, вполъзана, подгулявши.
Веснѣуха, весенняя лихорадка.
Увеселитель, слово купеческое, шут-
 никъ.
Веснѣкъ, родившійся въ деревнѣ.
Завечерѣть: вдругъ за вечерѣло среди
 поля.
Видѣкъ, очевидный свидѣтель; само-
 вѣдецъ.
Ввидѣть, прозрѣть послѣ ослѣпле-
 нія.
Беззавистіе, равнодушіе, немѣнне за-
 висти.
Винготнѣ, безпрерывный крикъ.
Винарь, виноградарь.
Ивинь, алкоголь, чистѣйшій спиртъ,
 извлеч. пзъ вина.
Ивинитѣть, испортить винъ отъ за-
 вертыванья.
Вислѣй, дубина.
Вислокрылка, насѣкомое.
Перевислѣй, перевиснуть на одну
 сторону, болѣе чѣмъ на другую, о
 налкѣ, утвержден. баткомъ.
Самовѣсь, безмѣнь; довѣсокъ, недо-
 вѣсь.
- Отвѣсь**, ватерпасъ, уровень, стѣна
 по отвѣсу.
Свѣсь, сводъ, столярной обшивки.
Развѣсь, распредѣленіе тяжестей.
Вилѣй, завернувшійся; **вилѣя** капу-
 ста; **вилѣкъ**, голова капусты.
Вихрѣць, хохолъ.
Вѣжорокъ, мотовило, сорть птицы.
Завѣсокъ, затылокъ.
Повитуха, повивальная бабка.
Видѣльщикъ, увертщикъ; **навиливать**,
 отвилинуть.
Обладательство. **Властолюбствовать**.
Единовластникъ.
Волосочѣтъ, парикмахеръ, волосонлѣ-
 ка, то, что влетается въ волосы.
Влаянне, движеніе безновойное; **вла-**
ять (течь), **развлаять**, **разсѣять**;
влага, **волгнуть**, **отволаживать**, **от-**
волгнуть; **отволглый**, **влажный**.
Валунь, круглый камень, голышъ.
Валюга, лежебокъ, гѣннвецъ; **зава-**
лень.
Волокуша, сѣти, употребляемыя на
 отмеляхъ.
Безволоктно, неоткладывая, вдругъ.
Волочайка, женщина потаскушка; **во-**
лочья, **волоча**.
Водобѣй, **водометь**; **водоливныя** тру-
 бы; **водоколье**, понятіе луговъ.
Водорѣй, рытвина, произведенная во-
 дою.
Водосточный: **водосточныя** трубы.
Водоходство, **навигация**; **водоходъ**,
морякъ.
Надводникъ, растеніе.
Волоклай, птица.
Вѣрвань, рыбій жиръ.
Вѣронь, **воронить**, **воронило**, **воро-**
нилъщикъ.
Завирѣха, завирающійся.
Вредословъ, **вредословить**.
Временѣръ, хронометръ; **времен-**
никъ, **хроника**; **ежевременно**, **на-**
временать,—**ить**, дожидаться поры.
Варовикъ, (рукавъ) сапожника на-
 рукавникъ.
Вѣдецъ, знатокъ; **вѣгласъ**, опытный
 чловѣкъ; **невѣгласъ**, **невѣжа**; **не-**
вѣгласіе.
Изнѣвѣсть, противу всякаго ожида-
 нія.
Благовѣстникъ.
Возвѣстие, **новость**; **возвѣщеніе**, **обна-**
родованіе; **обвѣщеніе**, **обвѣщать**,
 весь кругъ увѣдомить.
Сопредѣлчнѣй.
Вѣроломѣць, предатель.
Вѣроимѣць, **логговѣрный**; **вѣроим-**
ство, **вѣроимно**.
Обѣтникъ, **давшій обѣтъ**.
Совѣтніо, согласно умомъ, больше
 чѣмъ другимъ; **единосовѣтїе**; **без-**
совѣтїе, несогласіе.
Усовѣтовать, рѣшить съ совѣта об-

шаго.
Вещественникъ, материалистъ; не-
 вѣщественникъ, неважественно.
Валомъ валить.
Валиюга, валялка, гѣнтай.
Вариво, супъ и всякое кипяченое.
Варъ (о солнечномъ жарѣ).
Ватаженъ, многонародный, многочи-
 сленный.
Вахлянье, пачканье; свахлялъ, кое-
 какъ сдѣлалъ.
Вахлакъ, неучъ, грубиянъ.
Ввислый, во внутрь наклоненъ: весъ
 ввиснулъ въ пропасть.
Вогнуть во внутрь: вгнѣть, вгнать.
Вогнать, вгонять.
Вгрузать: вгрузился въ судно.
Вязожелдъ, растеніе.
Вѣтвіе, толстая вѣтвь; вѣіе, вѣія,
 вѣтвь.
Вѣтроносець.
Вѣзель, растеніе.
Вѣзень, плѣнникъ.
Вѣтчикъ, крикутъ.
Вѣтный, изобрѣтенный по случаю,
 данный, полезный.
Вѣтравный, ѣдкій.
Вѣтчикъ, пашникъ; вытъ, пай.
Вьюшка, рыба.
Вдвижной, вдвигнуть.
Ведрить.
Верѣло, великанъ, длинный.
Вертошейка, вертоголовка.
Верхотворецъ, творецъ.
Верховникъ, начальникъ.
Вечья, вечейка, дыра въ мельничномъ
 жерновѣ.
Вешнякъ, весенняя дорога, отверстие
 надъ плотиною съ шлюзнымъ затво-
 ромъ.
Взгаркнуть, вскрикнуть во всю мочь.
Взгонять (на гору), взгонять.
Взодратъ, разодр. снизу вверхъ.
Валомъ, валомъ, вломленный.
Варыхлить, облегчить, сдѣлать дыру.
Вѣйсканецъ, любимецъ.
Видальщина, извѣстная вещь.
Висулька, что висить.
Вѣтѣнь, длинная розга.
Вихлять, нерасторопно ковылять, во-
 лочить ноги, оттуда вихляй, нера-
 сторопный.
Вихорный, отъ вихря.
Вѣблинки (растеніе) enflechures.
Выбивальникъ.
Вѣбровки, (sic!) бесполезныя вещи.
Вѣшенникъ, вишневой садъ.
Вкомкать что въ середину, во внутрь.
Властодержецъ, повелитель.
Вманивать: вманилъ его въ самый
 кругъ.
Виннать, винять.
Выбонсто.
Выведенышъ, дышлонокъ, только что
 изъ яйца.

Вывалка, выческа.
Вывалокъ, небѣдный подкладенъ подъ
 курицу, провонявшій.
Выворотные башмаки—въ одну подо-
 шву.
Вѣгарь, вѣгарки, обалина, шлакъ.
Вѣжжаникъ, который отдѣляетъ зо-
 лото огнемъ.
Вѣзольникъ, растеніе, жавороночь
 нога, живокость.
Выка гусья, журавлипой горохъ.
Выкленать, посредствомъ біенія утон-
 чить металлъ.
Вымольтъ, вымольтъ, количество муки,
 полученной съ мельницы отъ умо-
 лоту.
Вѣморъ, погашеніе, уплата; вымороч-
 ный, вакантный.
Вѣмшель, флюгеръ.
Вышлава.
Выпоръ.
Выпятка.
Выпѣтовать, (sic!) вылѣлѣять.
Вырѣтъ, вырѣтъ.
Вѣселокъ, хуторъ, мыза.
Высидка, количество выдвоеннаго ли-
 кера.
Высоковѣнный 1), гордый.
Высокомудріе, высокодержавный.
Высокосердый, гордый.
Вѣстой.
Вѣсѣчка, рѣзба, скульптура.
Вѣторжка, спускъ цѣны.
Вытяжной, вытянутый, тонкій; вы-
 тяжка.
Вѣхлебатъ, выхлебанье.
Выщечить, выщелутовать или посред-
 ствомъ заскательстъ.
Вабѣло, приманка; вабить, вабитель.
Вабій, зять.
Вавилонъ, дорожки.
Вайда, трава.
Ваія, пальма.
Валенець, родъ бѣлаго хлѣба.
Валенки, валенцы, шерстяныя вале-
 ныя сапоги.
Валка, срубъ лѣса, починка корабля.
Валкость, патаніе; валкій.
Валотѣргъ, торговля гуртовая, оп-
 томъ.
Валѣльщикъ, сукноваль; валяльня.
Вандышъ, морская корюха, рыба.
Ванленье, бѣленіе; ванить.
Ванъ, красный мѣлъ, карандашъ,
 красн. земля.
Варакушка, синешейка, птичка.
Варвѣрка, маленькая ленточка.
Варовѣна, сапожничья дратва, смо-
 лянная нитка.
Варя, (варка), пивоварный чанъ.
Варѣтъ, мти впередъ, предупредить
 (слав.); варяніе.

*) Слѣдуетъ читать: „високовѣнный.“

Василистникъ, родъ руты, раст.
 Вайло, скульптурный рѣзецъ.
 Выкание, привычка.
 Вгнетаніе, вгнетать, вгнестъ.
 Вдавиѣ, въ прошлое время; вдалекѣ, слишкомъ давно.
 Вдругорядъ, въ другой разъ.
 Вѣверица, горностай.
 Вѣжа, ставка, шатеръ.
 Велѣнь, (sic!) телачій пергаментъ, веленева бумага.
 Великорѣднѣй, знаменитаго происхожденія.
 Веліалъ, дьяволъ.
 Вербейшица, растеніе.
 Вербица, вербная недѣля.
 Вербоникъ, трава.
 Верва.
 Вѣрвица, четки у бѣдныхъ.
 Верводѣля, дѣлатель веревокъ.
 Вѣредовець, тоже родъ руты.
 Верерагъ, крикунъ; верезглавый, верезжать.
 Верейка, маленькая барка.
 Вересклѣдъ, растен.
 Верез, столбъ, деревян. косякъ.
 Верповѣть, буксировать.
 Вертебиственный, пещерный; вертепный, вертепникъ.
 Вертлюгъ, мышѣлокъ, вертлюгъ у пушки; вертлюжокъ, деревянный маленький замочекъ.
 Вертляность.
 Верть, садъ, огородъ, славянск.
 Вѣрченнѣй.
 Верховица, верхушка горы.
 Верхоглядичанье, верхоглядство.
 Вѣршиѣ, верхніе кончики растеній, отпрыски
 Вѣселыщикъ, гребецъ.
 Вѣсларъ.
 Перевесновать, завесновать, весновать.
 Ветла, бѣлая верба; ветловый.
 Ветѣшить, подкладывать старье и ветошки подъ мѣхъ; ветошенный, ветошеніе.
 Вѣчерница, вечерная звѣзда.
 Вечъ, башня.
 Вещелюбець, жадный человекъ.
 Взбрыгивать, взбрызнуть.
 Взбранный, храбрый.
 Вѣзвѣть, вѣзвѣть.
 Взброкъ, холмъ.
 Вздѣжка, толстая игла.
 Взалѣть, взалетать.
 Взамѣчивость, замѣчивый.
 Взметчикъ, потѣшатель на пиру.
 Взмѣрчивость, высокомѣріе.
 Взнакъ, взничъ.
 Взъезъ.
 Взаъездъ.
 Виноягодникъ, птица.
 Виноставъ, винной торговецъ.
 Вица, вичка, (вичъ, вичикъ), вѣтвь

для связыванія судовъ, розга; вичень, длинная розга.
 Витвица, вѣтвь.
 Вкрутъ, крѣпко, на живую нитку.
 Вкрѣплять,
 Влагодѣръ, гѣрометръ.
 Влазаное, тюремныя деньги.
 Властель, начальникъ.
 Водопѣрица, тысяцелистникъ.
 Воскорѣтъ.
 Воссіяніе.
 Вѣйдъ, дрема, анемонъ, Passe-fleur.
 Вѣтромѣръ, анемометръ.
 Волонина, волнуха, сортъ грибовъ.
 Волитель, человекъ предавшійся чему-либо; волить, хотѣть.
 Волковна.
 Волковица, кража воловь.
 Вологодка, вологодникъ, растеніе.
 Волосоуплетина, затылокъ.
 Женскій волосъ, растѣніе.
 Волосникъ, волосная повязка.
 Волосѣта, каракатица.
 Волочайка, потаскушка.
 Волочмѣ, таца, влечевѣмъ.
 Волчанъ, трава.
 Волчѣсы.
 Волчки, родъ саней.
 Волчникъ, растен.
 Волшба, волхованіе.
 Вѣнныи, издающій запахъ.
 Воочѣть, возвратити зрѣніе.
 Воилъный, крикливый.
 Ворѣба.
 Ворѣбы, сучильная; мотальная ворѣбы.
 Воробейникъ, растеніе—воробейное сѣмя.
 Ворѣвочникъ, дягильникъ, анжелика.
 Воронѣць, трава св. Христофора.
 Воронѣкъ, медъ, извлеченный изъ остатковъ очищеннаго воска.
 Ворѣтѣло, хвостъ вѣтренной мельницы.
 Ворѣть, вороченная на изнанку матерія, выворотъ.
 Ворѣсныи, длиношерстный.
 Воспѣтословіѣ, пауза, остановка, отдыхъ словъ.
 Воскрилять, воскриленіе, восторгъ, воскрильство, возвыситься, возметѣть духомъ.
 Восперять, возвыситься; восперенный.
 Вотѣла, рубашка у дитяти.
 Воцерковлѣть, воцерковленіе, воцерковленный.
 Впрѣбѣль, впрѣсмы, впрѣжелъ, впрѣвелень, впрѣчеръ.
 Впуклость, вогнутость.
 Врѣска, морщина, складка,
 Вратникъ.
 Вратѣло, навой.
 Врѣсенъ, древнее имя севтабря.
 Врѣсенѣтѣ, воистинну, поистиннѣ.

Врѣивать, врѣитѣ, врѣтатѣ, всу-
нуть куда.
Временомѣръ, хроноскопъ, хроно-
метръ.
Врухъ, родъ кузнечика, восточная
сарача.
Вседушно, охотно, отъ всего сердца.
Всекорѣнїѣ, совершенно.
Всельникъ, поселившїйся, колонистъ.
Вскормленникъ, питомецъ.
Вскрамѣлиться, возмутиться, забунто-
ваться.
Вскрѣй, вскрытіе рѣки.
Встанъ, возмущеніе: поднялась встанъ.
Вторачивать, второчить, привязать къ
сѣдлу; вторачиванье, второченіе.
Втулка, затычка.
Вторетвовать, имѣть второе мѣсто,
быть вторымъ (славянское).
Втемашить, вбить въ голову, заста-
вить войти въ голову.
Видѣль, цѣликомъ.
Гагать.
Гайка, шурупъ.
Гайно, постылка у свиней.
Гаконица, пиналь съ крючкомъ.
Галбанъ, гумми.
Галѣга, козья рута, растен.
Галмей, каламантъ; галамейный.
Гананіе, проблема, загадка.
Гарпиусъ, бѣлая резина.
Гарпунъ, копьцо.
Гарь, сожженое, сгорѣвшее.
Гасло, крикъ, порядокъ, слово.
Гасары, бойница, амбразуры.
Гаспель, родъ рогатки на подобіе
вертающагося креста у рудокоповъ.
Гать.
Гаубица, граната.
Габаница, родъ кренделя.
Галь, птица, горихвостка; гѣль.
Гѣрло, устье рѣки.
Главотажъ, покрывало, которое надѣ-
ваютъ жиды во время молитвы.
Глашникъ, дерево.
Глѣтъ, овисъ серебра.
Глѣмеръ, слюда.
Глѣнища, мергельная ломка.
Глнноваль.
Глехъ, глогъ, деревъ.
Глотъ, ябеда, сутяга.
Глузгъ, уголь глаза, лувгъ.
Глушендѣй.
Глумникъ, насмѣшникъ.
Глѣнь, сокъ.
Гблеа, шумъ.
Головиана, голова рыба или свиная.
Голобль, шумъ моря.
Голоколѣнецъ, нищїй, славянск.
Голоминный, отдаленный отъ берега.
Головѣтеръ, морской вѣтеръ.
Голѣмный, голѣмный, большой, пред-
почтительный.
Горбѣль, горбъ и горбатый, криво
ходящїй.

Горѣшить, рассказывать кому свои
кривды.
Горстатъ, собирать обѣими руками.
Грабаадать, сграбаадать, схватить,
подцѣпить, что наскоро; дограбаа-
даться, наконецъ дойти докрута.
Гравилать, (sic!) растен.
Грѣять, каркать.
Гребѣкъ, гребло, весло.
Грезъ, сонъ, болтунъ, рассказчикъ.
Гремѣніе, громаженіе, громогласіе.
Громдѣла, родъ дикаго бадьяка, ра-
стен.
Груженіе, грузилщикъ,
Груило, свинець на удочкѣ.
Груна, лошадиной бѣгъ; грунь, малень-
кая рысца.
Грѣлка, жаровня для согрѣванія.
Грѣховодство, грѣхотворникъ.
Гудило, гудилщикъ, плохой скры-
пачъ.
Гуза, лѣвтай; гузатъ, гузанье.
Гудѣ, удовольствіе, публичное гу-
ланье.
Гудъ, крикъ для призыва голубей.
Гудючки, жмурки; гудюкать, играть
въ жмурки.
Гушь, гуны, гутей, квить, пѣгва,
айва.
Гуньба, дѣвникъ, растеніе.
Гуна, ветошь, рубище.
Гунявый, плѣшивый, послѣ болѣзни;
гунявить.
Гусаръ, гусарникъ, гусиной пастухъ
Двойничникъ, близнецъ.
Дворобродъ, праздношатайка.
Двуверхїй, двувершинный.
Двусвѣщїе, трисвѣщїе, подсвѣш-
ники.
Девесилъ, девятисилъ, растен.
Девятїльничкъ, растен.
Девятїны, молитвы по мертвыхъ.
Дѣлава, бочка; дѣлводѣля, бочаръ.
Демьянка, бадижанъ растен.
Дербъ, земля заново удобренная; дер-
бинъ, дербовать, (écouper).
Дерезъ, родъ акаціи.
Державецъ, монархъ; державица.
Держалка, ручка.
Дѣржка, голубятня.
Десятирикъ, мѣшокъ въ которомъ 10
четвериковъ.
Десятитычковый, decandre.
Дикуща, греча.
Дитячиться, ребячиться.
Дивїй, дикїй, славян.
Дженіе, джентль.
Доброзвучный.
Добролюбець.
Добытокъ.
Довѣлитъ, довѣлить, дозвѣтвить,
дозвѣтвеніе, дозвѣтъ кому.
Догадъ, смекающїй человекъ.
Додѣръ, растолканіе толпы народа.
Дождевикъ, сортъ гриба.

Довѣла, сильно, совершенно.
 Докись.
 Добрасна, добѣла, дочерна, дѣсна.
 Долгоденствовать.
 Доложить, работать съ долотомъ.
 Дольникъ.
 Домовничать, домождничать.
 Домодатель, архитекторъ.
 Домысль, проникновеніе, открытіе.
 (Доршъ, рыба).
 Дотѣнка, совершенно, цѣлкомъ, до глубины.
 Дохлѣць, яйцо безъ зародыша.
 Дошлый, искусный, опытный.
 Драгѣна, оторванный кусокъ.
 Драчѣ, иглы, шины.
 Древодѣла, древодѣль, — латель, древодѣланіе, — дѣльство.
 Древяница, деревяная нога.
 Дремликъ, чемерица.
 Дремуцестъ.
 Дресва, хрящъ.
 Дресвякъ, дресвянникъ, родъ гриба.
 Дробяникъ, мелочные товары.
 Дрогливый, трусливый.
 Дрѣчень, жирное и толстое дѣтя; дрѣчить, баловать.
 Другакъ, второе пиво изъ ячменя того же.
 Дружить, углублять.
 Друскъ, хворостникъ.
 Дручить, притѣснять, мучить.
 Дряхлѣць, подержанный человѣкъ.
 Дубасъ, платье у женщинъ, выращенное листьями дуба; ящикъ или корыто изъ дуба.
 Дубѣвка, родъ маленькой дикой мяты.
 Дубѣска, птица, желтогрудый подорожникъ, гѣсничій.
 Дубанка, чернильный орѣшекъ.
 Дудакъ, дряхва.
 Дудчатый.
 Думець, партизанъ, соумышленникъ.
 Дулмѣть, дулла, большая дыра.
 Дурнопахучникъ, растеніе.
 Духовальна, для духовъ сосудъ.
 Духословіе; духовность.
 Душѣца, растен.
 Дыхало, дыхательное горло.
 Дѣвула, женоподобный, обабившійся.
 Дѣйственный, сильный.
 Еврашка, заецъ изъ Даурія.
 Единсовѣтіе, согласіе чувствъ и мыслей.
 Единнощи, одинъ разъ, однажды, слав.
 Ёжа, растеніе.
 Еже, на тотъ конецъ, чтобы; слав.
 Ежѣватый, упорный; ёжиться.
 Ежѣвка, земляничное дерево.
 Езь, годъ.
 Еленецъ, летающій олень.
 Емѣць, продажный человѣкъ.
 Ергакъ, шуба на сани.

Ёрикъ, маленькой ручеекъ.
 Ёрять, забраться, паранать, прост.
 Ёрникъ, дробный гѣсъ.
 Еруникъ.
 Еомноны, вечера въ теченіе первыхъ четырехъ недель великаго поста.
 Жаратокъ, дыра въ печи, гдѣ жаръ загребаεται.
 Жатель, жнецъ,
 Жгучка, крапива.
 Жегало, у кузнецовъ раскаленный свердь.
 Жестость, дурное время.
 Живокость, растен. жавор. нога.
 Жидѣль, всякій сортъ жидкости.
 Жирѣ, водное мѣсто, гдѣ рыбы любятъ плавать.
 Жогарка, птица—желтогрудый подорожникъ.
 Жирникъ, ночникъ.
 Жужелица, жуэбка, окалина, шлакъ, садовый жукъ.
 Жукать, говорить тихо.
 Журавъ, блокъ; журавить, подымать вверхъ.
 Журанъ, луговая цапца; растен.
 Журкнѣть, зажурчать.
 Жучина, въ деревѣ, душло.
 Заботникъ.
 Завида, слав., ревность.
 Завирушка, птица—назаборный травникъ.
 Завѣкъ, затылокъ у животныхъ.
 Завѣй, инструментъ для стагиванія.
 Волѣкъ, пространство между двумя, рѣками судоходными; гористый и покрытый гѣсомъ участокъ земли; медвѣдки, на которыхъ перевозятъ пушкв; доски, для закрытія оконъ у крестьянъ.
 Заволочьѣ, мѣсто по ту сторону волога.
 Забора, слав. засовъ.
 Загвоздить.
 Заголовокъ, украшеніе позади саней, спинка у кровати.
 Заграда, защита.
 Загуль, большое пьянство и распускъ.
 Закобъ, (сѣнокосъ) начало сѣнокоса.
 Закрутъ, коника.
 Залежь, старый товаръ.
 Закута, скрытое мѣсто.
 Залавокъ, длинный ящикъ.
 Залишекъ, что сверхъ.
 Замчать, увлечь далеко.
 Замятна, возмущеніе.
 Запахнуться, закрыться полой платья.
 Запѣйчивой, человѣкъ, наклонный къ пьянству.
 Зарубень, зарубка.
 Зарукавье, браслетъ у кисти руки; запастье, браслетъ у писти руки.

Заскорбнуть, съзуться; заскорблый.
 Засла, ячменная каша или овсяная.
 Заслонъ, экранъ; заставъ.
 Засрочный, перешедшій срокъ; засрочные дни—дни благосклонности.
 Заставица, виветка.
 Застѣла, бесѣда за столомъ.
 Застѣнять, застѣнить, покрыть тѣнью; заключать въ четыре стѣны монаха.
 Затѣнь, бастіонъ.
 Затѣкъ, утѣкъ, поперечное тканье.
 Затѣнье, мѣсто за тыномъ; застѣнье, мѣсто за стѣной.
 Зауторникъ, у бочарей.
 Захолодъ, темное мѣсто.
 Защѣбъ, ущемленное мѣсто.
 Защѣбнивать, наполнить простѣнки въ стѣнѣ мусоромъ и щебнемъ.
 Звиздѣть, слав. посмѣиваться и свистѣть; звиздѣ, посвистѣ; звѣздить, посмѣять(ся) кому, прост.
 Звѣздообразный.
 Зрячка у ружья, цѣль.
 Ивнякъ, лѣсъ ивы.
 Ивнеше, сорть грибовъ.
 Ивращевать, излѣчить.
 Извѣряться, извѣрнуться, потерять весь кредитъ.
 Изгнѣнь, изгнанье.
 Издробить.
 Изслиха (sic!) слишкомъ сильно, еще, сильнѣе.
 Изневѣсть, вдругъ.
 Изрѣшить, предохранять.
 Изубѣтчивать, изубѣтчить, ввести въ издержки.
 Изувать, изуть, раззуть сл.
 Изъинить, изъинный.
 Изнакъ, другой.
 Изнѣха, корюха, рыба.
 Изновидный, инако сформованный.
 Изорѣче, другое значеніе рѣчи.
 Иноходъ.
 Иночимъ, сынъ, дочервій мужъ.
 Ину́да, инудѣ, въ другомъ мѣстѣ.
 Ипѣтка, птица.
 Ирѣа, кизильникъ, деренъ.
 Ирѣ, ирѣой.
 Ирѣ, лилія; сняя ирѣ, ирѣсь цвѣт.
 Исамѣкъ, гумми арабикумъ.
 Исѣпки, бархатецъ, амарантъ.
 Исѣрва, искони.
 Истома, изнуреніе; истомѣть, истомѣный.
 Исто(суть), точность.
 Истрата, истраченный.
 Исходнище, источникъ.
 Исшество, исходъ.
 Ишѣкъ, мулъ.
 Кадѣло, трилистный плакунъ.
 Кааачить, работать поденно, прост.
 Кааачка, ручка у плуга.
 Кааачника, скамья у печки; каота на-чальника на баркахъ; подкровельная свѣтелка.

Кайманъ, алигаторъ, крокодилъ.
 Калѣнки, колонокъ, сибирскія куницы.
 Калачникъ, булочникъ, пекущій калачи.
 Калкунъ, индюкъ; калкунка, индѣйка.
 Камбала, соль, рыба.
 Камчюга, подагра.
 Камыкъ, драгоц. камень.
 Кандыкъ, собачій зубъ, трава.
 Каниюкъ, родъ совы, голосъ завывающій.
 Каргалъ, атайка, каркавъ (утка).
 Карлукъ, рыбій клей.
 Картауна, большая пушка.
 Барша, дерево, исторгнутое и увесенное водою; каршевикъ, количество такихъ деревьевъ.
 Кастѣха, неопрятная женщина.
 Катанцы, обувь, го же, что вѣляны.
 Каурка, лошадь сбрая въ яблокахъ.
 Качарка, морская ласточка.
 Келаръ, монастырскія казначей.
 Кликуша, женщина одержимая.
 Книгобѣй, комисаръ, слав.
 Ковало, ручной молотъ у кузнеца.
 Ковникъ, дурной человѣкъ.
 Козаить, невѣрно пѣть.
 Козаить, сорть шампилона.
 Козодой, птица.
 Колотыгство, сплетни.
 Колты, препятствіи.
 Колченожить, хромать; колченожка, хромая женщина.
 Колышка, кстаги связанная пословица простон.
 Комшить, тузить.
 Кондакъ, малый гимнъ въ честь святаго.
 Коновать, шелковая волнистая матерія.
 Коневодецъ, который держитъ конные заводы.
 Конопѣтка, молотокъ для укнон.
 Кѣпа, лѣнвивый.
 Кораблеполченіе, оснастка кораблей.
 Кортышки, плечи, простонарод.
 Корчагъ, большой сосудъ, чашка, кружка; корчага, глиняный горшокъ.
 Борытничій, сворный прислужникъ, приставленный кормить собакъ.
 Косѣтникъ, шпатель, ирѣсь, цвѣт.
 Косѣчь, тетеревь.
 Коси́къ, лента, влетаемая въ косу.
 Кѣбность, медленность; коси́внѣе.
 Брагуй, кречеть.
 Краснозѣбка, птичка—зимній травникъ.
 Краснопѣрка, рыба.
 Красовитый.
 Крестонеклонная медѣля, четвертая медѣля великаго моста.

Брѣчель, носилки.
Брѣма, бѣлый купоросъ.
Брутѣть: гора крутѣть, чѣмъ да-
 гѣе.
Брукъ масла.
Брушѣнникъ, крушина, черемха.
Брутигъ, обыкновен. идиго.
Брышечный, отъ крыши.
Брышкоуядый, крѣпикій устами.
Брытиана, пеньковая веревка.
Брынь, сила.
Брычить, согнуть въ крюкъ.
Брыжь, коренастый человекъ, народъ.
Брыжевина, дерево вязкое, которое
 трудно колетса.
Бузовъ, въ смыслѣ остова.
Букавъ, веревка, которою навизыва-
 ютъ рыбу, много рыбъ на связкѣ.
Булага, ржавое тѣсто.
Булакъ, скупщикъ.
Булма, капканъ для медвѣдей.
Булига, красный барашекъ, сортъ
 кулика; новина, вновь распаханная
 земля.
Будонѣкъ, сибирская куница.
Бултукъ, рѣчной рукавъ, морская
 губа.
Булбаба, одуванчики.
Бультый, искалеченный.
Буманка, сѣверная земляника.
Бурегъ, абрикосовое дерево.
Бунжа, лаксфорель, рыба.
Бупина, растение болотное.
Буролѣсъ, шалунъ.
Буролѣтъ, мокрица, трава.
Буролѣтникъ, бѣлый дерень.
Бутасъ, бутасикъ, пучокъ.
Бухланка, шуба у якутцевъ.
Бущникъ, обитатель хижины.
Буяки, древняя кольчуга.
Бурень, общество съѣстныхъ продав-
 цовъ.
Лаванда, или лавенда, растен.
Лагунъ, лагушка, лагунка.
Лазъ, походка дикаго звѣря.
Ларь, ларикъ, ларище, мукохранили-
 ще.
Ласа, ласочка, продолговатое пятно;
 ласить, пятнать, нестрить.
Лакрица, солодковый корень.
Латунъ, мѣдъ желтая.
Легчать, сдѣлаться легче; легчить,
 ослабить умягчить, холостить.
Ледвѣць, журавлиный горохъ.
Лѣжень, архитравъ, перекладина.
Лѣжка, отдохновеніе послѣ работы.
Лежня лежать.
Лѣлекъ, козодой, птица.
Летчатка, оперментъ, жолтый арсе-
 никъ.
Летяга, летающая бѣлка.
Лжесловесникъ, лжесловіе, ложный
 учитель и ложное (условіе) уче-
 ніе.
Лещадникъ, аспидный камень для

кровель; лещадка, тонкая плита для
 покрышки пола.
Ливерь, насосъ.
Лизунчикъ, молодая собачка.
Лиликъ, гагара, птица, славъ.
Липякъ, липовая роца, гѣсъ.
Липовка, бочка изъ липы.
Лиственѣтъ, славъ, пускать деревья.
Листобойня, плющильня.
Лиховать, ложно свидѣтельствовать.
Лѣбовый мѣхъ, личной отъ лба.
Лѣгово, леговице.
Лѣговина, резервуаръ, бассейнъ.
Ложевье мѣсто въ Волгѣ.
Лѣло.
Ложбина, дыра.
Ложить, рыть дыру или погребъ.
Ложгомой, ложжомойка.
Ломовикъ, тяглая, ломовая лошадь.
Лопѣтъ, лѣпотъ, изношенное платьѣ.
Лѣпастъ, половина, плоскость чего-
 нибудь.
Лохъ, дикое оливное дерево.
Лѣговица, пеголица; лѣговка.
Луда, платьѣ на шутѣ.
Лудъ, подводный камень.
Лудѣшка, молодая липа.
Лудить, ловить рыбу при факелахъ.
Лудича, славъ, родъ тростника, трава.
Лущеніе, отъ лѣстить.
Лѣпотный, красявый; лѣпотствовать.
Лѣтникъ, лѣтнее платьѣ.
Любодѣйчищъ, незаконный сынъ.
Любословіе, филологія.
Лютникъ, маленькая лягушка съ хво-
 стомъ.
Лѣгомъ, на вечерѣ.
Ляденѣтъ, покрываться молодыми де-
 ревами.
Лядъ, нещастіе, бѣда, оттуда ляд-
 щій.
Ляка, собака съ горбатою спиной; ля-
 кій, горбатый.
Масранъ, растен.
Маликъ, заячій слѣдъ.
Маломощіе, слабость.
Малорѣчивый, малорѣчіе.
Малоуміе.
Мана, приманка.
Маниста, нижняя челюсть осетра.
Маничикъ, приманная птица.
Маниха, маленький приливъ, предше-
 ствующій большому.
Марена, крапъ; марена, красная кра-
 ска.
Марь, лебеда, или гуся нога (фр.).
Мастакъ, мастеръ, искусный чело-
 вѣкъ; мастачить, критиковать.
Маховыя перья, большія правильныя
 перья у хищныхъ птицъ.
Маховое движеніе.
Манистый, невоздержный, сладостра-
 стный.
Маятъ, омять, умаять, истомить; ма-
 янье, истощеніе силъ.

Мгла́ный, мгла́стый, туманный.
Медвя́ный, отъ меда, ме́дovýй.
Медовина, напитокъ изъ меда и пива.
Медунка, растеніе.
Межгорье, междугорье.
Меженна, засуха.
Ме́жники, граница между двумя полями.
Ме́дники, слав., поденщикъ.
Ме́дрá, мядрá.
Ме́лать, имѣть что въ мысли.
Ме́ливо, молотье; смѣсь ржи, пшеницы и ячменя.
Мень, назимъ, рыба.
Метловище, палка метлы.
Мзгнуть (о пивѣ), сдѣлаться кистымъ.
Мигуль, мигачь.
Милотарь, баранья шуба; милоть, овечья шеура.
Милѣть, быть милымъ кому-либо.
Мирникъ, любитель мира, другъ мира; миролюбіе.
Многогласный, въ нѣсколько голосовъ.
Многоинсатель, полиграфъ.
Можуха, можжунникъ, зерна мозжевельника.
Молоде́жникъ, молодой гѣсь.
Молодечествовать.
Молодило, дикой чеснокъ; свѣтацией молодиль.
Единокупство, монополія.
Молотовая, кузница.
Молочайникъ, молочай.
Морбѣ, ловкое плутовство; морбчить.
Морхъ, флоконъ, бархатъ, старин.
Моряна, морской вѣтеръ.
Морянинъ, обитатель приморс. стороны.
Морянка, морская соль.
Мосбѣ, большая бычачья кость.
Мотавница, мотовило.
Мотовязъ, мотовязъ(ъ)а, веревочка.
Мотбры, мотушка, малое мотовило.
Мотчать, медлить.
Мохбръ, мо́хры, мохры́, бахрома.
Мраволёвъ, муравыный левъ.
Мужатая, мужатица, замуж. женщина.
Мутѣвка, мельница малая, болтуня.
Мытна, таможня; мытоимецъ, мытовчикъ, мытникъ.
Мышчина, ручка у кресель, слав.
Мѣдничество, мастерство мѣдника.
Мѣдьяница, сортъ амѣи.
Мѣсиво, масса, тѣсто.
Мѣшáлка, хвостъ осетра, лопатка.
Мѣшанина, смѣсь.
Мякхонравіе.
Мягнууть, сдѣлаться мягкимъ; мякүшка, гнилой фруктъ.
Мятежникъ.
Мятликъ, дневная бабочка.
Мяхунка, жидовскія вишни.

Наблюдáлице, обсерваторія.
Набористой, полный свѣточекъ.
Набродъ, чернь, стеченіе.
Наглазникъ у лошадей.
Нагостѣться, долго прожить въ гостяхъ.
Нагость, нагота.
Надворье, дворъ.
Надвысѣть, сдѣлать повыше.
Надкрыліе.
Надесно, направо, сл.
Надломъ, мѣсто отбитое, изломлен.
Надлопатникъ.
Надѣрно, безмѣрно.
Надолба, родъ деревяннаго забора.
Надстройка.
Наждакъ, желѣзная руда, оловянный пепель.
Назбромъ, не теряя изъ виду.
Назѣвичный, который самъ себя приглаголаеть.
На́кра, родъ барабана.
Накѣтка, деревяшка для накатыванія бѣзья.
Наколѣнникъ, на колѣняхъ въ сапогахъ или кирасѣ.
Нали́цный, приста́вшій въ большомъ количествѣ.
Налытаться, вести потаскливую жизнь.
Намнѣсь, въ послѣдній разъ.
Напа́стный, несчастный.
Напу́тное, что дается на дорогу и проѣздъ.
Напѣтитъ, напѣченный, натянутый.
Наразумленіе, наразумленный, наразумить.
Народовѣщатель, проповѣдникъ.
Народоуправленіе, народодержаніе, демократія.
Нарыльникъ.
Нарыскъ, лисичій слѣдъ.
Нарѣдчикъ, смотритель надъ работниками.
Насвѣщникъ, подсвѣщникъ предъ образами.
Насѣльникъ, сл. туземецъ.
Насильникъ, получающій силу.
Настъ, кора на свѣгу послѣ мороза.
Натаривать, натѣрять, выгладить.
Натопырить, напалить крылья; щетиниться, натопыриться.
Нату́га, чрезмѣрная работа.
Неболѣзнованіе, слав. безвѣчность.
Невозбранный, позволенный.
Невѣрствовать.
Негодъ, дурной годъ, несчастье.
Недоаисъ, молодая лисица, короткошерстая.
Недособоль, недоросшій соболь, короткошерстый.
Недосбѣ(ть), малосольность блюдъ.
Невазорный, безпорочный.
Некошній, дьяволъ, простон.
Неко́шный, слабый [о человѣкѣ], бесполезный [о вещахъ].

Непостоянникъ, непостояпствовать.
Непрозрачный, непрозрачность.
Несмутный, спокойный, мирный.
Нестроеіе, безпорядокъ.
Неуклонный, твердый.
Нефорощь, сортъ полыни.
Нечествовать, безпутничать: нече-
ствуетъ.
Ниварь, нивководѣлатель, земледѣ-
лецъ.
Низина, низкое мѣсто.
Нищаетъ духомъ: нищать.
Новословіе, новословіе.
Новѣть, новѣть противополож. вет-
шать.
Норѣца, язва на загривкѣ у лоша-
дей.
Норникъ, молодая бѣлая лисица.
Ноская, курица; носкость; крѣпость
матеріи; носкій.
Ночесь, прошлая ночь, простои; но-
чешный, случившійся въ прошлую
ночь.
Новодѣйство, возрожденіе.
Нововѣрецъ, новокрещенецъ.
Пошакъ, помощникъ каменщика.
Оболтѣть, наклеветать.
Обезопасить, обезопасенный.
Обиновеніе, боязн, недоувѣренность.
Облецъ, чурбанъ.
Обливалецъ, крещенный окропленіемъ
воды.
Обливка, маринада.
Облупала, обманникъ, крочекъ.
Облѣвлый, лисій.
Обмыкать, обмыкнуть, оградить во-
круг; обмыкнутый.
Обиѣръ, ложное измѣреніе.
Обмыслить, обмыслить, обмысле-
ніе, обмысленный.
Обнизывать, обнизать, убрать во-
круг; обнизка, обнизываніе, об-
ниванный.
Обнизь, ожерелье.
Обнищальный.
Обносъ, сплетни, наговоры; обносокъ,
старый башмакъ.
Обнощъ, въ продолженіи ночи; обно-
ществовать, обнощевать, слав, про-
вести ночь.
Обойденіе, несправедливость.
Оболонка, кожаца, плева; оболочеч-
ный.
Образа, стыдъ, безчестіе.
Обрись, обривовать, набросать, на-
чертывать.
Обротѣть, обротѣть, надѣть обротъ,
недоуздокъ.
Оброчка, господская тяжелая работа;
оброчникъ.
Обрубка, обтеска.
Обручи, болѣзнь у лошадей.
Обрѣзокъ.
Обрадаивый, церемонный.
Обрѣзокъ, обрѣзокъ, обрѣзокъ.

Обсеять, обсеить, наполнить наро-
домъ, населить.
Обстѣть, помѣститься вокругъ чего;
обстаніе.
Обѣвка, обѣвки.
Обхлопывать, охлопывать, — пать, об-
бивая вычистить.
Обшнвибй, обшитый каемкой.
Общѣться, сл. обще — виѣсть, ку-
повью; община, общее добро.
Общникъ, соучаствующій.
Обѣздникъ, патруль, развозящій.
Обѣхать, провести, обмануть.
Обѣзжій, инспекторъ.
Обьярь, шелковая матерія; обьярин-
ный, шелковый волнистый.
Обьясачивать, — сачить, наложить
мѣховую подать.
Обыскной, свидѣтель (ислѣдывающій)
въ сомнительномъ дѣлѣ.
Обычный, употребительный, упор-
ный.
Обѣщникъ.
Обѣднйлыи.
Обѣленіе, обѣлка, обѣлить, выбѣ-
лить вокругъ.
Обѣтникъ, обѣтница, давшій обѣтъ,
обѣтовать, обѣтованіе.
Обѣручъ(ь), обонии руками, нарѣчіе.
Овошникъ, огородникъ.
Овражистый.
Овчаръ, овечій пастухъ; овчарка,
овечья собака; овчарникъ, овечій
загонъ; овчарня.
Овоый, тотъ; ово, частію; овогда, нѣ-
когда, иной разъ.
Овсяникъ, хлѣбъ изъ овсяной муки.
Огарь(ь), смуглый цвѣтъ.
Оглавлять, надписать сверху, дать
заглавіе; оглавленный.
Оглагольщикъ, обвинитель, оговор-
щикъ.
Огневращный, огневидный, огнеды-
хательный.
Огнемѣръ, пирометръ.
Огнищанинъ, свободный человѣкъ.
Огонѣкъ, соболій или куній хвостъ;
огонки, хвосты соболя носимые
на шеѣ, палатки.
Огрузать, огрузнуть, тихо, временемъ,
вѣсками погружаться; огрузный.
Одериѣлыи, покрытый дерномъ.
Однорядка, праздничное платье.
Одолжителъ, обязавшій насъ.
Окѣтка, свиная щетина со спины.
Окликъ, крикъ стражи; окрикъ.
Околица, лугъ, обнесенный заборомъ.
Околічно
Околъ, облышъ.
Оконничникъ, стекольщикъ.
Окоренѣлыи, крѣпко утвердившійся.
Окрестъ, вокругъ.
Оманъ, дѣвсиль.
Онагръ, дикій оселъ.
Онамо, тамъ, славяне.

Ондѣ, въ другомъ, въ вѣкоторомъ мѣ-
стѣ.
Оногдѣсь, недавно, въ послѣдній разъ.
Ономѣсь, ономедии, онемедись,
только-что, чуть не сегодня; ономед-
нишній.
Опаль, листья и фрукты падающіе.
Опальчивый, горчичй, вспылчивый.
Опасать, опасти, оберегать кого.
Опашень, женскій плащъ.
Опашка: надѣть платья на опашку, то
есть на плечо; опашной, не за-
стегивающійся, безъ пояса и пере-
хвата.
Опивало, опивбоха, опивальщикъ —
пьющій на счетъ другого.
Оплавивый, слишкомъ любопытный.
Оплавиваніе, плаванье вокругъ чего,
вокругъ свѣта.
Опрометываться, опрометнуться.
Опруженный, опрокинутый; **опру-**
жить, опруживать, опрокидывать.
Опрѣлшиа, мѣсто, поврежденное сы-
ростью.
Опушь, опушка.
Орлячищъ, орленокъ.
Ослухъ, ослушникъ.
Осмѣкивать, осмѣкать, выпадить,
вырвать веревку.
Остегны, остегны, порги, слав.
Остѣжка, рубецъ на рукавахъ рубаш-
ки.
Остѣстый, остіе, иглы растенія.
Оснастщикъ.
Осужденникъ, преступникъ.
Остѣнять, окружать стѣною.
Отдѣтка, славян., съ малыхъ лѣтъ.
Отемнѣть, отемнѣвать, отемнѣль,
сдѣлаться темнымъ, помрачиться.
Отенять, отенять, помрачить.
Отеребливать, отеребити, содрать,
оторвать все вокругъ.
Отѣчникъ, слав., біографія святыхъ
отцевъ.
Отжидѣть, превратиться въ жид-
кость.
Отливной, отливметый.
Отлогъ, покатость; отлогій.
Отломъ, отломленная сторона, отку-
да отломленъ отломокъ.
Отметъ, отгольновеніе; **отметникъ**,
возмутительный, опровергающій, не-
признающій; **отметный**, **отметаніе**,
отметать.
Отмывка.
Отмякнуть, отойти, смягчиться.
Отпорный.
Отпугнуть.
Отстройка.
Отсѣвъ, окончательно произведенный.
досѣвъ.
Отсѣдъ, отстой, подонки.
Отсѣлый, пошедшій на дно.
Отходъ, удаленіе, нужникъ.
Отъежомъ взять, силою.

Отничивать, отничить.
Охрабръ, охрабрить, приободрить.
Ошаваться, ошаняться, избѣгать, воз-
держиваться.
Ощадливый, воздержливый, эконом-
ный.
Палья, родъ форелей.
Памятописецъ, хронографъ; памято-
писная книга.
Панцырникъ, латникъ.
Паренина.
Парусентъ, дуть въ вѣтрила.
Пашбирикъ, земледѣлецъ.
Пайло, паяльникъ, чѣмъ паяютъ.
Первобѣтіе, первоначальное проис-
хождение.
Первозданный, прежде всѣхъ со-
зданный, протопласть.
Первоверховный, первый надъ пер-
выми.
Первоучка, первоучина, первый
опытъ.
Перегуль, піанство, перепойка.
Передрябнуть, совершенно увать.
Переэвонъ, колокольный звонъ по-
гребальный.
Перекоробить: перекоробило его —
смазны.
Перелетъ птицй.
Перелогъ, свѣжее поле, недавно об-
работанное.
Перемочься, укрѣниться.
Перемошь, мелко измолоченное.
Перенюхатоя: перенюхались вмѣстѣ.
Перенѣдки, барышъ, провить (sic!).
Перенадчивый, слабого здоровья.
Перѣстый, покрытый перьями.
Пересудчикъ.
Неструха, степная курица.
Пискаль, игрокъ на свирѣли.
Писчокъ, приманная дудка.
Письмосецъ, 1) письморазнощикъ.
Племенитость, плодородіе фамиліи;
племенитый, многочисленный.
Плеснѣ, подошва ноги.
Плужникъ, сошникъ у плуга.
Плясальный, принадлежащій къ тан-
цамъ.
Плясавица, плясальница.
Побитецъ, одолѣвшій.
Поборствованіе, помощь, защита; по-
борствовать.
Побѣжникъ, вмѣсто дышла изъ рем-
ня для запряжки собакъ у камча-
даловъ.
Повѣлка, эпидемическая болѣзнь.
Поваръ, лошадиннй жукъ.
Повертанный, уравненный.
Повихнуть, наклониться слегка.
Повсюдный, повсемѣстный.
Новытно, частями; **новытокъ**, отдѣлъ,
часть.
Новычка, привычка.

*) „Письмосецъ.“

Пѣвьязь, пѣвлязка у молодыхъ крестьянокъ на головѣ.

Пѣгадка, кракъ, болѣзнь у соколовъ.

Пѣгѣнь, выжимки, итогъ водки.

Пѣгонялка, вьнуть.

Пѣгѣсть, приходъ, община, кладбище около церкви.

Подгвоздить, раздражить еще болѣе.

Подглядчикъ, шпионъ; подзиратай, подворщикъ, подсмотрщикъ.

Подгнѣта, подгнѣтъ, щепки колотыхъ дровъ, подкладываемыя подъ дровавъ

печахъ; подгнѣщаты, подгнѣтити.

Подманка, подманъ.

Подметышь, подкидышь.

Подмостье, мѣсто подъ мостомъ.

Подначальный, подчиненный.

Подовѣкъ, кирпичъ для очага въ печкѣ.

Подпорожье, мѣсто позади порога, или каскада.

Подперье, помощь.

Подсытъ, вещь тайно подославная.

Подуститель, подстрекатель.

КОЛЯСКА

повѣсть

Н. В. Гоголя ¹⁾).

(Въ первоначальномъ видѣ).

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ, а (до) ²⁾ того времени бывало въ немъ страхъ скучно. Бывало проѣзжаешь, невольно чувствуешь на сердцѣ какую-то тоску. Домики—низенькія мазанки; (иной) глядитъ на улицу такъ кисло; глина на нихъ обвалилась отъ дождя и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, вазуются пѣгими; крыши большею частію очеретяны, какъ въ южныхъ городахъ нашихъ; садики для лучшаго вида городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь развѣ только пѣтухъ перейдетъ черезъ мостовую, мягкую какъ пуховикъ отъ лежащей въ четверть аршина пыли, которая при маленькомъ дождѣ, какъ посредствомъ волшебнаго прутика, въ одну минуту превратится въ грязь, и тогда улицы города Б. наполнятся въ одну минуту тѣми животными, доставляющими намъ превосходные окорока, и прохожій слышитъ такое страшное хрюканье, съ которымъ никогда не сравнится звукъ, издаваемый городничимъ во время сна послѣобѣденнаго. Самая рыночная площадь имѣетъ не-

1) „Коляска“ напечатана была въ первый разъ въ первомъ томѣ „Современника“ Пушкина, появившемся „въ первыхъ числахъ апрѣля“ 1836 года. Пушкинъ получилъ эту повѣсть еще въ 1835 году для „Альманаха“, который онъ предполагалъ издать и который былъ замѣненъ журналомъ „Современникъ“. 11 октября этого года поэтъ писалъ Плетневу: „Спасибо, великое спасибо Гоголю за его „Коляску“, въ ней Альмавазъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ „Коляски“ не брать, а установить ей цѣну“. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Грота III, 380. Печатаемая нынѣ редакція этой повѣсти предшествовала той, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ Пушкина къ Плетневу и которая появилась въ „Современникѣ“. Эта первоначальная редакція сохранилась въ одной изъ записныхъ книгъ Гоголя, подробно описанной П. А. Кулишомъ въ его „Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя“ I, 165—167.

²⁾ Пропущено.

много печальный видъ. Домъ портнаго выходитъ чрезвычайно глупо не фасадомъ, а угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ безъ всего модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краской, который на образецъ другимъ строеніямъ выстроилъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ обыкновенія играть въ бостонъ и отдыхать послѣ обѣда. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. По срединѣ площади небольшія лавочки, и глазъ прохожаго можетъ только увидѣть связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндаля, дробь для стрѣлянія, домикотонъ и двухъ купеческихъ прикащиковъ, играющихъ въ свайку. Но, какъ сталъ въ уѣздномъ городкѣ кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось; заперстрѣли улицы, оживились,—однимъ словомъ, все приняло другой видъ. Черезъ улицу уже не пѣтухъ, но офицеръ въ трехъугольной шляпѣ съ перьями шелъ на квартиру къ другому поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожжи, которыя назывались полковыми, потому что успѣли, не выходя изъ полку, обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маіоръ, завтра—глядь—они очутились въ поручичьей конюшнѣ, а черезъ недѣлю снова маіорскій денщикъ подмазывалъ ихъ масломъ. Деревянный плетень былъ весь убранъ солдатскими фуражками; въ городскихъ закоулкахъ иногда попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетил. Соберутся ли на рынокъ съ ковшиками мѣщанки, изъ-за плечъ ихъ глядятъ усы. На ¹⁾ мѣстѣ ужъ вѣрно солдатъ усатый мылилъ бороду мужика, который, сидя молчаливо, разсуждалъ объ остротѣ бритвы служиваго. Посмотришь въ ворота какого-нибудь дома: на дворѣ усы лежатъ противъ самаго солнца и грѣются. Словомъ, городокъ Б. сдѣлался усатымъ городомъ. Офицеры составили довольно пріятное общество, особливо послѣ судьи, жившаго съ какою-то дѣвоншею въ одномъ домѣ, и городничаго, разсудительнаго челоувѣка, но спавшаго рѣшительно весь день, начиная отъ обѣда, который былъ въ одиннадцать часовъ утра. Общество еще болѣе сдѣлалось занимательнымъ, когда переѣхалъ въ городокъ Б. бригадный генераль. Окружные помѣщики, о которыхъ существованіи никто бы (до) ²⁾ того не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городъ, чтобы видѣться съ г-ми офицерами, а иногда поиграть

1) Одно слово не разобрано.

2) Пропущено.

въ банчикъ, который чрезвычайно уже темно рисовался въ ихъ умѣ, завиданномъ (занятомъ) посявами и [бѣгну] за зайцами. Одинъ разъ случился у генерала обѣдъ: большой обѣдъ—событіе для уѣзднаго города чрезвычайно важное, потому что весь рынокъ былъ забрать на генеральскую кухню и два солдата съ страшными усами гонялись цѣлое утро за двумя избѣжавшими цыпленками. Поваръ бѣгалъ назадъ и впередъ по небольшому двору, въ которомъ была помѣщена квартира генерала. На дворѣ стояло нѣсколько дрожекъ и коляска. Общество было большею частію изъ офицеровъ; были однакожъ и нѣкоторые помѣщики. Изъ помѣщиковъ былъ особенно замѣчательный человекъ Кротовъ¹⁾, лицо немаловажное въ уѣздѣ, одинъ изъ числа аристократовъ, болѣе всего шумѣвшій на дворянскихъ выборахъ, куда пріѣзжалъ онъ всегда въ хорошемъ экипажѣ. Онъ служилъ когда-то въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, былъ одинъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ,—по крайней мѣрѣ, его видали во многихъ собраніяхъ, раскиданныхъ по всей безконечной Руси, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ. Впрочемъ, объ этомъ можно спросить у женъ и дѣвицъ саратовской губерніи, пензенской, тамбовской, вологодской, симбирской, подольской, херсонской и другихъ. Онъ бы, можетъ-быть, и болѣе еще былъ извѣстенъ, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называютъ „непріятною исторіей“. Онъ ли далъ кому-то оплеуху или ему дали оплеуху²⁾, этого совершенно не помню; дѣло только въ томъ, что его попросили³⁾ выдти въ отставку. Впрочемъ [все-таки], онъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпору и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ пѣхонтеріей. Онъ ѣздилъ по многочислѣннымъ ярманкамъ, куда внутренность губерній, состоящая изъ роевъ тетокъ, дочекъ, матушекъ, нянекъ и добрыхъ толстяковъ, называемыхъ помѣщиками, наѣзжала веселиться линейками, рыдванами, таратайками, тарантасами и возками. Словомъ, онъ испытывалъ во всей силѣ непостоянство колеса фортуны. Узнавши, гдѣ стоитъ кавалерійскій полкъ, онъ всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко соскакивалъ передъ ними съ своей легкой колясочки и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы онъ

¹⁾ Ниже это лицо именуется „Крапушкиннимъ“.

²⁾ Написано сверху.

³⁾ Прежде было написано: „ему приказали“.

(хотѣлъ быть маршаломъ) и далъ дворянству прекрасный обѣдъ. Вообще велъ себя довольно солидно. Женился на очень хорошенькой, взялъ за нею 200 душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капитала. Капиталь былъ тотчасъ употребленъ на шестерку лихихъ вороныхъ и хомуты,¹⁾ изъ Петербурга, на коляску, карету, пару чрезвычайно рѣдкихъ собакъ, вызолоченныя ручки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкого. 200 душъ были, въ придачу къ его собственнымъ, заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Однимъ словомъ, онъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ помѣщиковъ, къ которымъ мелкопомѣстные подступаютъ робко и всегда почти кланяются, а имѣющіе большія помѣстья и служившіе за Екатерину поглядываютъ отчасти сардонически.

Два помѣщика, бывшіе у генерала на обѣдѣ, были люди тоже въ своемъ родѣ замѣчательные; но они не являются дѣйствителями нашей исторіи и потому ихъ можно оставить въ тѣни. Прочіе были все военные. Вездѣ были видны лопаткообразные оберъ-офицерскіе эполеты, висячіе принадлежали только двумъ: полковнику и довольно плотному маіору. Генераль былъ нѣсколько дюжій, тучный, какъ всегда бываютъ генералы, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ сами офицеры. Говорилъ онъ, какъ говорятъ всѣ генералы—довольно густымъ басомъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный; изъ рыбъ: осетрина, бѣлуга; изъ мясныхъ: дрофа, перепелки, куропатки, дупельшнепсы; грибы, спаржа. Однимъ словомъ, все доказывало, что поваръ еще со вчерашняго вечера не бралъ и въ ротъ хмельнаго, и четыре солдата съ ножами работали на помощь ему фригасе и желе. Вина было тоже вдоволь: на столѣ стояла такая бездна бутылокъ, что врядъ ли бы отыскалъ солонку: ножъ его непременно тыкался въ короткошейку мадеру или долгошейный лафитъ. Прекрасный лѣтній день, окна, открытыя на пролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, отстегнутая послѣдняя пуговица у господъ офицеровъ и растрепанная манишка у владѣльцевъ уютнаго широкаго фрака,—все споспѣшествовало и отвѣчало одно другому и не мѣшало всеобщему разговору, который былъ довольно шуменъ и шелъ объ разныхъ исторіяхъ, о которыхъ, право, никакъ нельзя вспомнить послѣ обѣда. Всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривши трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли съ чашками кофею въ рукавъ

¹⁾ Не разобрано.

на крыльцо. У генерала, полковника и даже маіора мундиры были вовсе растегнуты, такъ что видны были слегка благородныя подтяжки изъ шелковой матеріи; но господа офицеры, сохраняя должное уваженіе, пребыли съ застегнутыми, выключая трехъ послѣднихъ пуговиць.

„Вотъ ее можно теперъ посмотрѣть“, сказалъ генераль. „Подика, любезнѣйшій“, примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку пріятной наружности: „скажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу! Вотъ вы увидите сами: она еще не слишкомъ въ холѣ. Провлѣтый городишка! нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь... пуфъ, пуфъ... очень порядочная“.

„И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее?“ сказалъ Храпушкинъ.

„Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пууфъ... не такъ давно; она взята мною съ завода два года назадъ“.

„А получить ее изволили объѣзженную или уже здѣсь ее объѣзжали?“

„Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пуууфъ... здѣсь“.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ и послышался стукъ копытъ; наконецъ показался другой въ бѣломъ балахонѣ съ черными обкнутыми въ ваксу усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, поднявъ вдругъ голову вверхъ, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата съ его усами.

„Ну жъ, ну, ну, Марья Ивановна!“ говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо. Лошадь называлась Марьей Ивановною. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась. Генераль оставилъ трубку и началъ смотрѣть (съ) ¹⁾ довольнымъ видомъ на Марью Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Марью Ивановну за морду; самъ маіоръ потрѣпалъ по задней ляшѣ и пощупалъ хвостъ, нѣсколько офицеровъ пощелкали языкомъ.

Храпушкинъ сошелъ съ крыльца и зашелъ ей въ задъ. Солдатъ, вытянувшись, глядѣлъ, держа узду, прямо въ глаза посѣтителемъ, какъ будто бы хотѣлъ вскочить туда.

„Очень, очень хорошая“, сказалъ Крапушкинъ (sic!). Манера превосходная. А позвольте узнать, ваше превосходительство, сколько ей лѣтъ?“

¹⁾ Пропущено.

„Не умѣю вамъ сказать“.

„А въ зубы, ваше превосходительство, не смотрѣли?“

„Въ зубы не смотрѣлъ, потому что... чортъ его знаетъ этотъ дуракъ фершелъ далъ ей какихъ-то пилюлей и вотъ ужъ два дни все чихаетъ“.

„Очень, очень хороша. А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?“

„Экипажъ? Да вѣдь это верховая лошадь“.

„Я это знаю; но я такъ спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и въ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ“.

„Экипажей у меня достаточно, коляски только нѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы достать новую. Я впрочемъ объ этомъ писалъ въ брату моему и онъ, вѣрно, мнѣ вышлетъ въ будущемъ мѣсяцѣ.“

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство“, замѣтилъ полковникъ: „нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская“.

„Вы справедливо замѣтили... пуфъ, пуфъ, пуфъ“.

„У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска“, прибавилъ Крапунъ (sic!): „настоящей вѣнской работы“.

„Какая? Эта самая, въ которой вы пріѣхали?“

„О, нѣтъ! Это такъ—разъѣздная, собственно для поѣздокъ. Но та, ваше превосходительство... это просто удивительно: легка, какъ перышко. А когда вы сядите въ нее, то просто какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала“.

„Стало быть, покойна?“

„Очень, очень покойна“.

„Подушки, ресоры, все это какъ будто (на) ¹⁾ картингѣ нарисовано“.

„Это хорошо“.

„Сундукъ [кожаный сзади] ²⁾, ваше превосходительство, кажется величиною вотъ въ эту трубку, а я служилъ, такъ у меня шесть мундировъ и столько же исподняго укладывалось. Чрезвычайно помѣстительна. Въ боковой карманъ можете положить человѣка и незамѣтно пятнадцать штофовъ коньяку всегда помѣстится“.

„Это хорошо“.

„Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее восемь тысячъ“.

„Да, по цѣнѣ должна быть хороша. Вы купили ее сами?“

¹⁾ Пропущено.

²⁾ Два слова послѣ „сундукъ“ сверху строки написаны неразборчиво. Кажется: „кожаный сзади“.

Мой одинъ товарищъ и старый другъ заказывалъ ее нарочно въ Вѣнѣ для себя. Я (у) ¹⁾ него ее перекупилъ. Не угодно ли вашему превосходительству сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать, вмѣстѣ и коляску посмотрите“.

Генераль сжалъ нижнюю губу и немного надулся. „Съ большимъ удовольствіемъ и почту себѣ за честь, но, вы извините меня... я такъ не могу... а развѣ съ господами офицерами?“...

„И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше сдѣлать мнѣ честь. Сдѣлайте милость, я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ“.

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

„Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, чтобы, если покупать вещь, то непременно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня тоже, когда сдѣлаете завтра мнѣ честь пожаловать, я покажу кое-какія заведенія“.

Генераль посмотрѣлъ и пустилъ длинный „пuffъ“ изъ своей трубки.

Крапушкинъ былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ. Онъ уже заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на офицеровъ, которые съ своей стороны тоже какъ-то удвоили расположеніе къ нему, что замѣтно было изъ глазъ и изъ небольшихъ тѣлодвиженій въ родѣ полупоклоновъ. Крапушкинъ выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

„Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома“.

„Мнѣ очень пріятно“, отвѣчалъ генераль, поглаживая...

„Однакожь, подумалъ про себя Крапушкинъ, мнѣ нечего здѣсь сидѣть. Я немножко посидѣть (sic!) да и домой поскорѣй—приказать заранѣе, чтобы все приготовить съ вечера“.

Между тѣмъ солнце незамѣтно начало садиться ниже. Генераль и гости возвратились въ комнаты, гдѣ разставлены были карточные столы. „Ну что жъ“, подумалъ онъ, „въ вистунъ можно сыграть робертика два, такъ только для виду, да сію минуту и домой“. Скоро все общество раздѣлилось на четверныя партіи, поразсѣлись ²⁾

¹⁾ Пропущено.

²⁾ Въ рукописи: „поразсѣли“.

по всей комнатѣ; прочіе съ трубками въ зубахъ присосѣдились къ игравшимъ, съ значительнымъ безмолвіемъ, игру. Два роберта, на которые сѣлъ Крапушкинъ, кончились въ одну минуту. „Ну что-жь, за эти нечего и садиться; еще четыре можно сыграть“. Между тѣмъ подали свѣчи. На особомъ зеленомъ столѣ развернулся банчикъ, и маіоръ, потасовывая карты, поглядывалъ на желающихъ. Передъ каждымъ гостемъ нечувствительно очутился довольно увѣсистый стаканъ. Пуншъ былъ превосходенъ. Генералу былъ присланъ изъ Риги какой-то необыкновенный ромъ и удивительный шнапсъ, который тутъ же подавался въ большихъ стабанахъ. Ромъ и шнапсъ были дѣйствительно превосходны. По крайней мѣрѣ генералъ послѣ четырехъ стабановъ заеричалъ громко одному изъ лаеевъ въ узенькомъ мундирѣ: „Подай, дуракъ, свѣчу: я не могу видѣть, что у меня на рукѣ, король или дама“. Между тѣмъ около его превосходительства стояло по двѣ свѣчи съ каждой стороны. Превосходство рома было признано и почувствуемо всѣми. Такъ, маіоръ, страшный шулеръ, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію передернуть карту, взялъ и смѣшалъ всю колоду по срединѣ талии и (на) ¹⁾ вопросъ оскорбленнаго понтера: „что это значить?“ посмотрѣлъ ему пристально (въ глаза) и велѣлъ подать себѣ рюмку мадеры. Самъ Крапушкинъ замѣтилъ, что онъ что-то выигралъ, но что именно выигралъ никакъ не могъ вспомнить, а тѣмъ болѣе не могъ найтись, какъ нужно потребовать выигранное. Ужинъ былъ въ 2 часа ночи, — ужинъ превосходный; но уже врядъ ли кто изъ гостей могъ припомнить, какія онъ ѣлъ блюда.

Словомъ (пиръ) былъ на чудо и когда начали разѣзжаться, то кучера брали просто своихъ господъ въ охапку, такъ какъ бы узели съ покупкою. И Крапушкинъ, не смотря на свой аристократизмъ, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ большимъ раскачиваніемъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ своихъ (усахъ) ²⁾ два ³⁾ репейника.

Въ домѣ все спало совершенно. Кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который отеръ, какъ попало, глаза свои, втащилъ, подпирая на плечо, своего господина въ гостиную. Вошедши въ гостиную, Крапушкинъ спросилъ только: „отъ чего криво выстроена комната?“ и, не говоря ни слова, отправился въ слѣдъ за дѣвушкой въ спальню жены своей. Молодая хорошенькая жена, которая

1) Пропущено.

2) Пропущено.

3) Перепрямено изъ „три“.

спала, свернувшись въ прозрачной, бѣлой, какъ снѣгъ, рубашечкѣ, поднявши рѣсницы и раза ¹⁾ три зажмуривши быстро глаза свои, открыла ихъ съ полусердитою улыбкою и, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ на этотъ разъ оказать никакой супружеской нѣжности, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щеку на руку, заснула спустя нѣсколько времени подлѣ него.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возлѣ храпѣвшаго Крапушкина. Вспомнивши, что онъ вчера возвратился домой въ три часа ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ выписывалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и приблизилась къ своему туалету. Взглянувши раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда красное, какимъ можетъ только похвалиться южный лѣтній день. Солнце, ступавшее на полдень, жарило всею силою лучей своихъ, но подъ темными густыми алейми было гулять прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утروали свой запахъ. Хорошенькая жена Крапушкина вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ и супругъ ея спитъ. Уже толстый дворецкій французъ объѣлся, какъ порядочная бочка, и шель, покачиваясь, черезъ дворъ съ ключами (въ рукахъ). А до слуха хозяйки доходило храпѣніе послѣобѣденное 6 кучеровъ и одного фореитора.

Она сидѣла въ густой алей, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность; какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей: впереди ѣхала открытая, двумѣстная легинькая колясочка, въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми, блестящими на солнцѣ, эполетами и рядомъ съ нимъ полковникъ; за этой слѣдовала другая четверомѣстная: въ ней сидѣлъ майоръ съ адъютантомъ генеральскимъ и насупротивъ ихъ два какіе-(то) ²⁾ офицера. За коляскою были из-

1) Въ рукописи *иза*.

2) Не дописано.

вѣстные полковые дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный маіоръ. За дрожками слѣдовалъ бонвоажъ четверомѣстный, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ. За бонвоажемъ рисовались верхомъ на прекрасныхъ, темныхъ въ яблокахъ, лошадяхъ три офицера.

„Неужли это къ намъ?“ подумала хозяйка. „Ахъ, Боже! Въ самомъ дѣлѣ къ намъ! Они поворотили на мостъ!“ вскрикнула она, всплеснувши руками, и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

„Душинька, вставай!“ сказала она ему, торопливо дергая его за руку. Въ отвѣтъ на это Крапушкинъ, не открывая глазъ, проворкоталъ какую-то бессмыслицу несвязную.

„Вставай, пульпультикъ! 1). Вставай, душинька! слышишь: 2) гости“.

„Гости? Какіе гости? М... м...“ При этомъ онъ потянулся и поднялъ (руки).

„Ну, поцѣлуй же меня, моя Пуньлуна: протяни свою шейку, я тебя поцѣлую“.

„Ахъ, Боже мой! Вставай скорѣе. Генераль съ офицерами! Ахъ, Боже мой! У тебя въ усахъ репейникъ!“

„Генераль? А да, такъ онъ ужъ ѣдетъ? Да что жъ это, чортъ побери, меня никто не разбудилъ! А обѣдъ? Что жъ обѣдъ? Все ли тамъ исправно (ты сдѣлала, душинь)“.

„Какой обѣдъ? Для насъ готовлено, а больше (ни для кого)“.

„А я развѣ не заказывалъ?“

„Ты? Ты пріѣхалъ въ три часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ничего мнѣ не сказалъ и заснулъ. Я тебя, пульпультикъ, не будила, потому мнѣ тебя жаль стало: ты ничего не спалъ“. Это сказала съ чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ видомъ.

Крапушкинъ минуту лежалъ на постелѣ, какъ громомъ пораженный. Наконецъ онъ вскочилъ безо всего, въ одной рубашкѣ съ кровати, позабывши, что вовсе неприлично показывать свои ноги, которыя были всѣ въ волосахъ, какъ въ лѣсу.

„Ахъ я лошадь!“ сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. „Я звалъ ихъ обѣдать. Что тутъ дѣлать? Гдѣ они? Далеко?“

„Теперь, я думаю, подъѣзжаютъ къ мельницамъ“.

„Душенька... спрячься!... Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка, ступай сю-

1) Нѣсколько словъ не разбрано.

2) Слово въ концѣ строки не дописано.

да. Дура! чего боишься? Приѣдутъ офицеры сію минуту, ты скажи имъ, что дома нѣтъ барина... Скажи, что и не будетъ весь день, что еще съ утра выѣхаль. Слышишь? И дворовымъ всѣмъ скажи чтобы такъ свазали. Ступай скорѣй“.

Сказавши это, схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, почитая тамъ гораздо безопаснѣе. „Нѣтъ, шельмовство ¹⁾, [сыскать] ²⁾ издѣсь могутъ, а вотъ лучше всего въ эту коляску“. Сказавши это, онъ отперъ дверцы, сѣлъ въ коляску и закрылся кожею.

Между тѣмъ экипажи подѣхали въ крыльцу. Вышелъ генераль и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ, потомъ офицеры, потомъ слѣзъ съ дрожекъ толстый маіоръ, держа подъ мышкою саблю ³⁾, (выскочилъ) изъ бонвоая сидѣвшій на рукахъ офицеръ, наконецъ сошли съ сѣделъ, рисовавшіеся ⁴⁾ на лошадяхъ.

„Барина нѣтъ дома“, сказалъ вышедшій на крыльцо французъ дворецкій.

„Какъ нѣтъ? Стало быть, онъ однакожь будетъ къ обѣду?“

„Нѣтъ, генераль: они уѣхали на весь день; развѣ завтра поутру будетъ“.

„Вотъ тебѣ на“, сказалъ генераль: „какъ же это?“

„Признаюсь, это штука“, сказалъ полковникъ, смѣясь.

„Какъ же этакъ дѣлать?“ продолжалъ генераль съ неудовольствіемъ. „Ну, не можешь принять, такъ не проси. Зачѣмъ же просить?“

„Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно этакъ сдѣлать.“ замѣтилъ одинъ молодой офицеръ.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство: какъ можно поступить такимъ образомъ?“

„Конечно, какъ же... Ну, нельзя, не случилось что ли, такъ зачѣмъ же просить? или дай знать въ такомъ случаѣ“.

„Что-жь, ваше превосходительство, нечего дѣлать—поѣдемъ назадъ“, сказалъ полковникъ.

„Да, конечно, коли нѣтъ другаго средства. Впрочемъ коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него; онъ вѣрно ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда“.

1) Въ рукописи: „шелмовство“.

2) Слово не дописано.

3) Въ рукописи: „подъ саблей“.

4) Въ рук.: „рисовавшія ихъ“.

„Чего изволите?“

„Ты конюхъ?“

„Конюхъ, ваше превосходительство“.

„Покажи намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ“.

„А вотъ пожалуйста въ сарай“.

Генераль вмѣстѣ съ офицерами отправился въ сарай.

„Вотъ я вамъ немножко вывачу, здѣсь темно“.

„Ничего, видно и такъ; развѣ немножко подкати. Вотъ такъ, довольно“.

Генераль и господа офицеры обошли вокругъ коляск(у) ¹⁾ и тщательно рассмотрѣли колеса и ресоры.

„Ну, ничего нѣтъ особеннаго“, сказалъ генераль: „коляска самая обыкновенная“.

„Никакого совершенно нѣтъ дива“, сказалъ полковникъ: „коляска самая простая“.

„Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ восьми тысячъ“, прибавилъ одинъ офицеръ.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она вовсе не стоитъ восьми тысячъ“.

„Какое осьми тысячъ! Она и трехъ тысячъ не стоитъ. Ничего совершенно не нахожу въ ней хорошаго. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное. Пожалуйста, любезный, отстегни кожу“.

И глазамъ господъ представился Крапушкинъ, сидящій въ халатѣ.

„А вы здѣсь? Какъ ваше здоровье?... Ну, прощайте“.

Сказавши это, генераль застегнулъ опять дверцы и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

¹⁾ Не дописано.

Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. П. Толстому*).

Милостивый Государь

Графъ Александръ Петровичъ!

Гоголя нѣтъ на свѣтѣ; вчера я получилъ это печальное извѣстіе изъ Петербурга отъ Петра Александровича Плетнева. Онъ между прочимъ извѣщаетъ меня, что Гоголь жилъ послѣднее время у Вашего Сіятельства въ домѣ. Это меня порадовало: онъ Васъ любилъ; въ его смерти не могло быть одиночества. Обращаюсь къ Вамъ съ покорною просьбою: благоволите сообщить мнѣ подробности о причинѣ его смерти и о его послѣднихъ минутахъ. При этомъ почитаю обязанностію обратить Ваше вниманіе на слѣдующее: послѣ Гоголя остались мать и двѣ сестры; я не знаю, какое ихъ положеніе; друзьямъ Гоголя надлежитъ позаботиться о двухъ предметахъ: о благосостояніи оставшагося послѣ его семейства и о полномъ изданіи его сочиненій, подпискою на которое могло бы быть устроено это благосостояніе. Я увѣренъ, что Вы не откажетесь дать ходъ этому дѣлу: во первыхъ, надобно снестись съ семействомъ, оставшимся послѣ Гоголя, которому принадлежитъ право изданія его сочиненій; потомъ составить комитетъ изъ нѣсколькихъ литераторовъ, дабы привести въ порядокъ сочиненія, уже напечатанныя и неизданные манускрипты; въ Москвѣ для этого рекомендую Вамъ профессора Шевырева, а въ Петербургѣ Ректора Университета Петра Александровича Плетнева, который завѣдывалъ всегда дѣлами литературными Гоголя. Если бъ я былъ въ

*) Это письмо—одно изъ послѣднихъ, написанныхъ Жуковскимъ: оно подписано имъ 4-го марта 1852 года, а 12 апрѣля того-же года онъ скончался. Только фамилію свою, время и мѣсто написанія Жуковскій написалъ собственною рукою (отмѣчено здѣсь курсивомъ), весь остальной текстъ письма писанъ другою рукою.

Н. Тихомировъ.

Россіи, я бы предложилъ Вамъ охотно свои услуги. Простите, что безъ всякаго съ Вашей стороны вызова я предлагаю Вамъ свои совѣты: это служить доказательствомъ моего уваженія къ Вашему благородному характеру.

Съ неизмѣннымъ чувствомъ этого уваженія честь имѣю быть

Вашего Сіятельства

поворнымъ слугою

Жуковский.

Bade-Bade

Maison Kleinmann

1852 $\frac{1}{16}$ марта.

Сообщилъ почетный членъ Общества Я. К. Гротъ.

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ М. М. Стасюлевичу

(по поводу печатанія „Нови“ въ 1876 г. ¹).

I.

Буживаль ²), les Frènes, Chalet (Seine-et-Oise). Воскресеніе ^{7 окт.} 25 сент. 1876 г. — Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣвичъ, я третьяго дня кончилъ переписку „Нови“ (вышло 298 листовъ, по 37 строкъ въ каждомъ листѣ), а сегодня перечелъ всю эту махину ³). Сегодня же я напишу П. В. Анненкову и попрошу его прибыть сюда для произнесенія суда; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что черезъ двѣ недѣли или три (крайній срокъ) рукопись отправится къ вамъ, и вы будете ее имѣть задолго до 1 ноября ст. стилия. Я видѣлъ третьяго дня вашу супругу и уговорился съ нею: рукопись возьметъ она, или г. Д. Такимъ образомъ, все будетъ въ исправности. — То, что вы говорили мнѣ объ ожиданіяхъ, возбужденныхъ „Новью“, пугаетъ меня значительно. — Какъ оправдать ихъ?! Но, какъ говорятъ французы, *le vin est tiré, il faut le boire*; а по-русски: „назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ...“ Поклонитесь всѣмъ пріятелиамъ (не забывая Кавелиныхъ ⁴) и примите увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

¹) Переписка И. С. съ редакторомъ „Вѣстника Европы“ отъ сентября до конца декабря 1876 г., пока печаталась первая часть и набиралась вторая часть „Нови“, составляетъ 25 писемъ; изъ нихъ помѣщаются въ настоящемъ собраніи 9. — Оригиналы писемъ хранятся въ редакціи журнала.

²) Близъ Парижа, на р. Сенъ; les Frènes — такъ называлась вилла Виардо, возлѣ которой стояла дача (Chalet) Тургенева.

³) По смерти И. С., упоминаемая имъ собственноручная рукопись „Нови“, вмѣстѣ съ корректурными листами и телеграммами автора, была предоставлена редакціею „Вѣстника Европы“ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ.

⁴) Т.-е. отца — Константина Дмитріевича и бывшую въ живыхъ тогда его дочь С. К. Брюлову.

II.

Буживаль. $\frac{2}{11}$ октября 1876 г.—Любезнѣйшій М. М., вотъ вамъ дѣловое письмо.

Во 1-хъ, я получилъ отъ П. В. Анненкова увѣдомленіе, что онъ переѣзжаетъ въ Баденъ къ 1-му ноября *нов. ст.*—и тотчасъ потомъ пріѣдетъ сюда для чтенія моей вещи, такъ что рукопись отправится 8-го въ Петербургъ и во всякомъ случаѣ будетъ въ нашемъ распоряженіи до 1-го ноября стар. стиля.

Во 2-хъ, ко мнѣ приходилъ Чуриловъ (авторъ экономо-политическихъ статей) и показывалъ ваше письмо къ нему, а также возвращенную ему рукопись.—Но тутъ вышло недоразумѣніе. Онъ послалъ вамъ *дѣтъ* статьи: одну, дѣтомъ 1874 года, подъ заглавіемъ: „Прогрессъ съ фізіологической точки зрѣнія“; другую, нынѣшней зимой, черезъ меня: „О возрастѣ вступленія въ бракъ“. Вы возвратили ему первую статью, а о второй (про которую вы мнѣ сказали, что готовы ее помѣстить) не сказали ни слова. Пожалуйста, будьте добры, увѣдомьте его окончательно: принимаете ли вы эту *вторую* статью; если же нѣтъ, то пришлите ее ему обратно. Онъ человѣкъ работающій и заслуживаетъ поощренія.

Во 3-хъ, я надѣюсь завтра быть въ Парижѣ и посѣщу вашу супругу; я узнаю отъ нея, будетъ ли она еще здѣсь около 8 ноября *нов. ст.*, а если нѣтъ, то когда уѣзжаетъ г. Д.

Здѣсь всѣ со дня на день ожидаютъ войны между Россіей и Турціей, и русскія бумаги падаютъ, падаютъ...

Я остаюсь въ Буживалѣ до 10 ноября, а тамъ—въ Парижѣ. Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ.

III.

Буживаль, четвергъ, $\frac{2 \text{ нояб.}}{21 \text{ окт.}}$ 1876 г.—Любезнѣйшій М. М., вотъ — l'état des choses: завтра мой человѣкъ отправляется вмѣстѣ съ рукописью къ Анненкову въ Баденъ, остается тамъ три дня и возвращается съ рукописью же сюда; а съ 9-го до 12-го числа я отыскиваю въ Парижѣ случая отправить ее вамъ либо съ г. Д., либо съ курьеромъ отъ Орлова; если уже ничего не найду, то—нечего дѣлать—отправляю страховымъ по почтѣ. Я вамъ во всякомъ случаѣ пошлю телеграмму объ ея отправленіи, а вы, пожалуйста, извѣстите меня тѣмъ же путемъ объ ея прибытіи.

Я вамъ отправилъ вчера небольшой рассказъ, подписанный буквами Л. А. Авторъ его—нѣкто д-ца Елена Бларамбергъ. Я нахожу, что эта небольшая вещь не лишена таланта и могла бы быть помѣщена въ декабрьской книжкѣ „В. Е.“. Если вы того же мнѣнія, будьте такъ любезны—извѣстите меня. Этотъ рассказъ—первый опытъ молодаго пера.

Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Парижъ, 50, rue de Douai, и конечно увижу Зола. Я ему тогда сообщу ваше замѣчаніе на счетъ его послѣднихъ фельетоновъ, которое я, впрочемъ, слышалъ не отъ однихъ васъ.

Очень безпокоятъ насъ здѣсь послѣднія извѣстія съ Востока. Что Сербія не могла не быть раздавлена въ концѣ концовъ, Tchernaпajevo regnante, не составляло сомнѣнія; но Россія теперь не можетъ отступить—столько ея крови пролилось, и мы, вѣжета, не избѣгнемъ войны.

Страховое письмо, пересланное чрезъ ваши руки, я получилъ. Переводъ разсказа Флобера вы получите скоро; но помѣстить его, я полагаю, раньше марта нельзя.—Поклонитесь отъ меня вашей супругѣ; дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ.

IV.

Парижъ, 50, rue de Douai. Вторникъ, $\frac{9}{11}$ ноября 76.—Любезнѣйшій М. М., сегодня утромъ я вручилъ мою рукопись („Нови“) Г. Г., а сегодня вечеромъ, по его словамъ, братъ его отправляется въ Петербургъ, не останавливаясь, такъ что вы, можетъ быть, настоящее письмо получите уже послѣ рукописи. Въ пакетѣ вы найдете (или уже нашли) письмецо на ваше имя, въ которомъ я излагалъ вамъ свои желанія, или, говоря правильнѣе, свое желаніе, а именно: чтобы „Новъ“ была напечатана въ одномъ №. Надѣюсь, что, прочтя романъ, вы убѣдитесь, что это необходимо, хотя я и не скрываю отъ себя, что это довольно отяготительно для журнала ¹⁾. Но было бы хуже, еслибы по поводу разсѣченія романа на двѣ части вышли бы недоразумѣнія или затрудненія. Впрочемъ, мы еще сплшемся. Такъ какъ рукопись будетъ у васъ въ рукахъ въ пятницу вечеромъ,—если ничего съ ней не случится на дорогѣ,—то, вѣроятно, вы начнете печатаніе съ субботы, и потому, я надѣюсь, времени будетъ достаточно для отправленія ко мнѣ корректурныхъ листовъ, которые не будутъ задерживаться ни одной лиш-

¹⁾ Въ „Нови“ заключалось около 15 печатныхъ листовъ, т. е. полкниги журнала.

ней секунды.—Вы мнѣ не отвѣтили на мой запросъ о разрѣшеніи „Орловскому Вѣстнику“ напечатать маленькій отрывокъ (изъ „Нови“).

Третьяго дня Золя пришелъ ко мнѣ весьма растревоженный: принесъ свою рукопись и просилъ сравнить ее съ переводомъ, появившимся въ ноябрьскомъ номерѣ „В. Е.“¹⁾ Оказалось, что вы не одни цитаты повыкинули, но и захватили порядочную частицу его текста. Съ первымъ фактомъ онъ бы могъ помириться (такъ какъ онъ созналъ, что пустилъ уже слишкомъ много цитатовъ), но второй фактъ былъ ему весьма чувствителенъ. Изъ его словъ, а также и изъ статьи, написанной имъ для „*Bien Public*“—въ качествѣ театральнаго рецензента—нельзя было замѣтить, чтобы онъ отрицательно отнесся къ „*Rome vaincue*“,—напротивъ, онъ остался ею въ общности доволенъ и во всякомъ случаѣ не для того только привелъ эти цитаты, чтобы его текстъ разбухъ. Впередъ этого конечно не повторится; ваше письмо къ нему его также немножечко поцарапало — и вы останетесь друзьями по-прежнему.

Если это окажется нужнымъ, я вамъ напишу маленькое объяснительное предисловіе къ „Нови“ (не для печати), которое вы будете въ состояніи показать предержавшимъ властямъ²⁾.

За симъ яду отъ васъ сперва увѣдомленія о прибытіи рукописи, а тамъ—и первыхъ корректуръ. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

V.

Парижъ, rue de Douai, 50. Понедѣльникъ, ^{23 нояб.}_{4 дек.} 76. — Любезнѣйшій М. М., сегодня въ 2 ч. пополудни явился второй пакетъ корректуръ—и вотъ въ 4 часа онъ отправляется обратно. (Прочелъ я его, какъ и прежній, съ великимъ вниманіемъ; только за знаки препинанія, особенно за тире—не отвѣчаю; ну, ужъ это ваше дѣло.) Радуюсь вашему одобренію, а также и похваламъ Кавелина и его дочери: это—большое ручательство. Радуюсь также тому, что вы не предвидите никакихъ затрудненій. Съ просьбой о дозволеніи чтенія (публичнаго) до сихъ поръ никто ко мнѣ не обращался; но вы можете отвѣчать всѣмъ отъ моего имени, что я рѣшительно противлюсь *всякому* чтенію отрывковъ, до появленія книги, для

¹⁾ Дѣло идетъ объ одной изъ корреспонденцій Золя.

²⁾ На это предложеніе Тургеневъ получалъ отрицательный отвѣтъ, и потому упоминаемое „предисловіе“ осталось не написаннымъ.—М. С.

кабой бы то ни было цѣли. Такимъ образомъ, мы оба будемъ покойны.

„Орловскій Вѣстникъ“ обращается ко мнѣ съ напоминовеніемъ моего обѣщанія дать ему отрывочекъ до новаго года; я ему напишу, что вы это исполните, а васъ прошу—выслать ему (вотъ его адрессъ: Орѣль, въ редакцію „Орловскаго Вѣстника“, г. А. Чудинову) по вашему благоусмотрѣнію какой-нибудь отрывокъ, чтобы хватило на фельетонъ, изъ текста, *уже просмотрѣннаго мною*; можете въ случаѣ нужды велѣть переписать—и доставьте ему не позже 10 декабря. Полагаю, что вы въ этомъ ничего не увидите затруднительнаго или неудобнаго.—Засимъ, до послѣ-завтра. Дружески жму вамъ руку. Преданный Вамъ.

VI.

Парижъ, 50, rue de Douai. Среда, $\frac{25 \text{ нояб.}}{6 \text{ дек.}}$ 76.—Любезнѣйшій М. М. Сейчасъ пришла *третья* корректура; но такъ какъ теперь *четверть четвертаго*, то я никакъ не успѣю ее хорошенько просмотрѣть до 4-хъ часовъ, и потому она поѣдетъ обратно завтра, а не въ тотъ же день, какъ первая двѣ.—Сегодня я только хочу написать вамъ, что въ *последнемъ листѣ 2-ой* присылки у меня въ двухъ или трехъ мѣстахъ Калломѣйцевъ названъ *Степаномъ* Петровичемъ, а онъ—*Семѣнъ*; я это просмотрѣлъ, и если вы этого не поправили, то поправьте. Вѣроятно, еще успѣете. Также, я полагаю, „Орловскому Вѣстнику“ можно выслать первую главу или, еще лучше, третью, гдѣ описанъ визитъ Сипягина у Нежданова.

Очень вы меня порадовали тѣмъ, что сказали о Соломинѣ. Значить, я попалъ въ точку. Я вамъ когда-нибудь покажу формулярный списокъ этого Соломина (у меня, прежде чѣмъ я примусь писать самую вещь, всегда составляются формулярные списки всѣхъ дѣйствующихъ лицъ)—и главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ Соломина, выставлено на верху большими буквами слово: *резвый*.—Вотъ какъ вы угадали!

Крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ.

VII.

Парижъ. Четвергъ $\frac{26 \text{ нояб.}}{7 \text{ дек.}}$ 76.—Вотъ, любезнѣйшій М. М., вчерашнія двѣ формы. У меня не въ корректурѣ, а въ самомъ текстѣ, проскочила слѣдующая небрежность. Въ самомъ началѣ *первой* главы я, говоря о Машуриной, упоминаю о „широкой темной блу-

зѣ“, да и тутъ же сейчасъ говорю объ ея *широкой* ругѣ; а въ концѣ *пятой* главы у меня опять является „*широкая темная блуза*“—на Маріаннѣ. На Маріаннѣ такъ и слѣдуетъ ей сидѣть, а на Машуриной—нѣтъ.—Такъ какъ *эта* форма, вѣроятно, уже окончательно набрана и отпечатана, то помочь этому нельзя; но для очистки совѣсти прошу помѣстить въ январьской енижкѣ на концѣ, въ видѣ опечатки: на такой-то страницѣ и строкѣ, вмѣсто: „*въ темной широкой блузѣ*“, читай: „*въ черномъ шерстяномъ платьѣ*“. Надѣюсь, что другой опечатки не будетъ да—и эта по моей винѣ.

Я думаю еще вотъ что: не лучше ли послать „Орловскому Вѣстнику“ если не всю, то *часть VII-й* главы, съ описаніемъ сада и т. д. Это будетъ болѣе подходящее дѣло.

Кстати: намѣрены ли вы напечатать въ „В. Е.“ ту драму изъ крестьянскаго быта нѣкоего Брянчанинова (орловскаго чиновника), которую я вамъ передалъ?

VIII.

Парижъ. Среда, ¹⁸/₂₇ дек. 76; 11 часовъ вечера. — Вотъ, любезнѣйшій М. М., вы хвалили, хвалили мою „Соломинскую“ аккуратность, а я на радости взялъ да цѣлыхъ пять дней не писалъ. Ну, теперь разомъ все наверстаю.

1) Деньги 500 руб. (1495 фр.) я получилъ, и также получилъ телеграмму съ обѣщаніемъ высылки другихъ 500—за что благодарю искренне.

2) Получилъ также два письма отъ васъ, въ которыхъ вы общаете о вашихъ распоряженіяхъ на счётъ довѣренности—за что опять благодарю искренне,—а также и о безобразіи, совершенномъ передъ Казанскимъ соборомъ. Вотъ ужъ точно можно связать: всему можно назначить предѣлъ, за исключеніемъ глупости нѣкоторыхъ россіянъ: она безпредѣльна! Хотя вы и прибавляете, что въ высшихъ сферахъ не придають этой чепухѣ слишкомъ важнаго значенія, однако объяснительное (для моего романа) письмо къ Вамъ напишу—завтра же или послѣ-завтра, которое, въ случаѣ нужды, вы можете показать, гдѣ и кому слѣдуетъ.

3) Получилъ я также чистые листы „Нови“ до 128 страницы, то-есть почти всю первую часть. Отсутствіе опечатокъ поистиннѣ изумительное—и за которое опять-таки благодарю отъ избытка авторскаго сердца! Всѣхъ я выудилъ три, изъ коихъ только одна

немаловажна. Вот онъ (не считая, разумеется, платья Машуриной):

Стран.	строка:	Напечатано:	Читай.
46	8 сн.	отъ 9 до 5	отъ 2 до 5
52	15 св.	засѣяль	засѣль
122	22 сн.	молчаливый	молчавшій.

Нѣтъ сомнѣнiя, что въ недостающихъ пока 8 страницахъ ничего не будетъ. Я бы васъ попросилъ, помѣщая эти опечатки, оговорить, что онѣ—въ романѣ „Новъ“, а то, называя однѣ страницы и строки, читатель проскочитъ мимо, что впрочемъ въ данномъ случаѣ совершенно индифферентно.

4)—и главное. Я такое получилъ письмо отъ Кавелина..., что, не обинуясь, скажу: во всей моей литературной карьерѣ я не испыталъ ничего, что бы доставило мнѣ бѣльшее удовольствiе! Я ему отвѣчу подробно; пока, попросите его принять отъ меня самое душевное спасибо! По неволѣ приходять въ голову эти стихи.

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten!

Еще два пункта—и „лѣтопись окончена моя“:

5) Не можете ли вы прислать мнѣ теперь же sous bande—одинъ или даже два экземпляра чистыхъ первой части „Новъ“?

6) Такъ какъ война, кажется, опять становится неизбежной, то не слѣдуетъ ли теперь же прислать хотя тѣ деньги, которыя придутся за первую часть „Новъ“? Курсъ, правда, теперь, какъ вы говорите, паршивый, но тогда онъ можетъ стать паршивѣйшимъ! Изъ двухъ банкировъ, съ которыми я совѣтовался здѣсь, одинъ мнѣ сказалъ: „Ждите! хуже не можетъ сдѣлаться!“ Другой, напротивъ, увѣрялъ, что деньги надо сейчасъ выписать, пока все еще не провалилось. Оба—люди авторитетные; кого послушаться?! Посоветуйтесь-ка вы съ компетентными людьми въ Петербургѣ—и какъ вы рѣшите, такъ и поступите.

Извините, пожалуйста, что я на васъ наваливаю всяческiя обязанности; но вотъ что значить избаловать человѣка—сирѣчь меня. За симъ влѣваюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

IX.

Парижъ. Суббота, ¹/₁₃ января 1877.—Съ новымъ годомъ, любезнѣйшiй М. М. Вчера вечеромъ поздно, возвращаясь отъ нашего

патріарха-художника Боголюбова, гдѣ встрѣчалъ новый годъ, я нашель вашу успокоительную телеграмму, а сегодня въ 11 часовъ утра явилась и сама январская книжка. Остается мнѣ благодарить васъ искренне и надѣяться, что ваши ожиданія на счётъ „Нови“ оправдаются...

Послѣ-завтра вы должны получить послѣднюю корректуру второй части, а тамъ я буду ждать бѣлаго экземпляра, чтобы, въ случаѣ если она встрѣтится, поймать какую-нибудь блоху-опечатку.

Еще разъ кланяюсь Вамъ и всѣмъ вашимъ и остаюсь душевно вамъ преданный—*Ив. Тургеневъ.*

Сообщилъ дѣйствительный членъ Общества **М. М. Стасюлевичъ.**

Двѣ сцены изъ трагедіи Шекспира
АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

С ц е н а IX. *)

Александрія. Во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ: Антоній и начальники отрядовъ.

Антоній.

Послушайте! Земля ужъ не желаетъ ¹⁾,
Чтобъ я топталъ ее, она стыдится
Носить меня! Друзья, ко мнѣ ²⁾, поближе!
Меня ночь жизни захватила, мною
Потерянъ путь на вѣки. У меня
Есть съ золотомъ корабль; онъ вашъ, возьмите
И подѣлите межъ собой. Бѣгите,
Миритесь съ Цезаремъ.

В с ъ.

Бѣжать? О, нѣтъ!

Антоній.

Я самъ бѣжалъ; училъ я трусовъ спину
Показывать врагамъ. Друзья, уйдите!
Рѣшился я на дѣло, при которомъ
Вы будете не нужны. Удалитесь!
У пристани сокровища мои,
Возьмите ихъ. Я успѣшилъ ³⁾ за той,
Боторую теперь стыжуся видѣть.
Мои враждуютъ волоса: сѣдые
Упрекъ бросаютъ чернымъ за оплошность ⁴⁾,

*) Послѣ проиграннаго Антоніемъ морскаго сраженія при Акціумѣ. ¹⁾ Сверху карандашомъ: „не хочеть больше“. ²⁾ Сверху карандашомъ: „сюда“. ³⁾ Карандашомъ: „бросился“. ⁴⁾ Карандашомъ: „промаху“.

А черныя сѣдымъ за страхъ и слабость.
Друзья, уйдите; я вамъ письма дамъ
Бъ моимъ друзьямъ, чтобъ разнести дорогу
Вамъ къ Цезарю. Прошу васъ, не горюйте,
И не выказывайте нежеланья
Меня покинуть; покидайте то,
Что кинуло само себя, намекомъ
Пусть служитъ вамъ отчаянье мое.
Идите къ берегу; въ владѣнныя ваше
Боравль и всѣ сокровища на немъ
Вамъ отдаю. Оставьте же меня
Хоть на минуту! Ну, я васъ прошу!
Ну, исполняйте, я прошу; прошу же
Я потому, что потерялъ ужъ право
Приказывать. Увидите потомъ. (*Садится. Начальники отрядовъ
уходятъ. Входятъ: Клеопатра, под-
держиваемая Хармианъ и Ирой, и
Эросъ.*)

Эросъ.

Подойди къ нему, царица, утѣшь его!

Ира.

Да, утѣшь его, милая царица.

Хармианъ.

Утѣшь! Что-жь тебѣ больше дѣлать?

Клеопатра.

Дайте мнѣ сѣсть! О, Юнона!

Антоній.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Эросъ.

Взгляни сюда, повелитель.

Антоній.

О, фи, фи, фи!

Хармианъ.

Царица!

Ира.

Царица! о, добрая царица!

Эросъ.

Повелитель, повелитель!

Антоній.

О, да, да! Въ сраженьи при Филиппи
Онъ, какъ фигляръ, вертѣлъ своимъ мечемъ,
Пока я Кассія разбилъ, худого,
Морщинистаго; я жъ добилъ и Брута,
Безумнаго; а за него воюють
Начальники его отрядовъ,—самъ-то
Неопытенъ совсѣмъ онъ; а теперь...
Ну, все равно...

Клеопатра.

Ахъ, подойдите!

Эросъ.

Царица, повелитель, царица!

Ира.

Поди къ нему и съ нимъ поговори,
Царица! Видишь, онъ убить стыдомъ.

Клеопатра.

Ну, хорошо, поддержи меня. О!

Эросъ.

Встань, благородный вожь; къ тебѣ царица,
Склонилась голова ея, и смерть
Готова поразить ее... Ты словомъ ¹⁾
Ее утѣшить можешь.

Антоній.

Я подвѣйшимъ
Поступкомъ славу оскорбилъ свою.

Эросъ.

Царица, повелитель!

Антоній.

До чего же,
Египтянка, ты довела меня!

¹⁾ Карандашомъ: „лаской“.

Гляди ¹⁾, отъ глазъ твоихъ я стыдъ скрываю,
Гляжу на то, что я оставилъ даже,—
Погромъ свой и безчестье.

КЛЕОПАТРА.

Повелитель,
Прости моихъ трусливымъ парусамъ!
Не знала я, что ты пойдешь за мною.

АНТОНІЙ.

Египтянка, ты знала, что я сердцемъ
Прикованъ къ твоему рулю, что ты
Меня потащишь слѣдомъ за собою;
Ты знала, что душой моею владѣешь
Ты безпредѣльно, что, кивни ты, я
Самихъ боговъ ослушаюсь.

КЛЕОПАТРА.

Прости!

АНТОНІЙ.

Теперь я къ молодому человѣку
Униженно съ переговоромъ долженъ
Пословъ послать, и прибѣгать къ уловкамъ, уверткамъ
Торгашескимъ; а я владѣлъ ²⁾ по волѣ
Полміромъ цѣлымъ, создавая людямъ
Несчастье и счастье. Ты знала,
Что мечъ мой въ подчиненіи у страсти,
Что онъ послушенъ ей всегда.

КЛЕОПАТРА.

Прости!

АНТОНІЙ.

О, ни одной слезы! Твоя слеза
Дороже мнѣ всего, что я доселѣ
И выигралъ, и проигралъ. Цѣлуй, —
И за все я награжденъ. Послалъ
Учителя; не воротился онъ?
Любовь моя лежитъ тяжелымъ камнемъ
На сердцѣ у меня. Вина мнѣ дайте
И ѣсть чего-нибудь! О, счастье знаетъ,

¹⁾ Карандашомъ: „Смотри“.

²⁾ Карандашомъ: „игралъ“.

Что чѣмъ оно гнететъ меня слытье,
Тѣмъ болѣе его я презираю. (*Уходитъ*).

С ц е н а X.

Лагерь Цезаря въ Египтѣ.

Цезарь.

Пусть посланный Антонія войдетъ!
Вы знаете его?

Д о л а в е л л а.

Учитель, Цезарь!

Какъ доказательство, какъ онъ ощипанъ,
Антоній посылаетъ намъ перо
Изъ своего крыла, а то, бывало,
Не много мѣсяцевъ тому назадъ,
Онъ слава царей послани.

Цезарь.

Подойди

И говори!

Э й ф р о н и й.

Таковъ, какъ есть, Антоніемъ я посланъ.
До сей поры я такъ ничтоженъ былъ
Для дѣла его, какъ на листочкѣ мирты
Роса въ сравненіи съ океаномъ.

Цезарь.

Такъ.

Докладывай, зачѣмъ пришелъ!

Э й ф р о н и й.

Онъ шлетъ

Властителю судьбы своей привѣтъ
И проситъ позволенья жить въ Египтѣ;
А если нѣтъ, онъ просьбу умяляетъ:
Позволь лишь жить межъ небомъ и землею,
Въ Афинахъ частнымъ человѣкомъ. Вотъ
И все объ немъ. Признала Клеопатра
Величіе твое и подчинилась
Твоей могучей силѣ. Умоляетъ
Дѣтямъ ея корону Плотомеевъ,
Боторая проиграна тебѣ,
Ихъ возвратить.

ЦЕЗАРЬ.

Ушей я не имѣю
Для просьбъ Антонія; царицы просьбамъ
Ни во вниманьи я не откажу,
Ни въ исполненьи, если изъ Египта
Прогонить опозореннаго друга,
Иль умертвить его. Когда исполнить,
Что сказано, тогда и просьбы будутъ
Услышаны. Вотъ мой отвѣтъ обожми.

ЭЙФРОНИЙ.

Да будетъ счастье спутникомъ твоимъ. (*Уходитъ.*)

ЦЕЗАРЬ.

Провести его за лагерь. (*Тирею*) Вотъ пора
Для краснорѣчья твоего. Спѣши
Антонія отвлечь отъ Клеопатры,
Во имя наше все ей общай,
Чего она желаетъ, даже больше,
Что самъ придумаешь. На высотѣ
Величія нѣтъ стойкости у женщинъ;
Въ несчастіи нарушить и весталка
Свои обѣты. Все свое умѣнье
Употреби, Тирей; потомъ назначь
Себѣ награду за труды; закономъ
Мы утвердимъ твой приговоръ.

ТИРЕЙ.

Иду.

ЦЕЗАРЬ.

Вглядись попристальнѣй, какъ переносить
Свое несчастіе Антоній, и старайся
По признакамъ наружнымъ угадать
О скрытомъ замыслѣ.

ТИРЕЙ.

Исполню, Цезарь. (*Уходитъ.*)

Перевелъ А. Н. Островскій..

Письмо Ф. М. Достоевскаго къ г. Е.... *).

Семиналатинскъ 8-го Февр. 1858.

Благодарю васъ за всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя вы мнѣ сообщили, и за старанія ваши обо мнѣ. Насчетъ моего романа вотъ чтò я долженъ вамъ написать окончательно. Я его оставилъ (до времени). Значительная часть его уже была совсѣмъ готова. Но одна мысль, что прійдется кончать его за деньги, на почтовыхъ, какъ это случалось со мной прежде, до того убивала меня, что я сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я помню, какъ мнѣ случалось губить недурныя вещи, оттого что надобилось исполнить условия съ журналами, выдававшими деньги впередъ. Романъ же мой я полюбилъ и ожидаю отъ него чего-нибудь. Взамѣнъ того принялся за одну длинную повѣсть, листовъ въ 8 печатныхъ, которая легче и покамѣстъ идетъ хорошо. Работа меня обыкновенно очень волнуетъ, не могу писать хладнокровно, а слѣдов. и скоро. Во всякомъ случаѣ къ концу марта надѣюсь кончить, выслать вамъ и даже застать васъ письмомъ моимъ въ Москвѣ. Но прежде того скажу вамъ, что я самъ написалъ Каткову—письмо странное, но необходимое. Долговъ у меня здѣсь 600 р. сереб. (сдѣланныхъ при свадьбѣ). Срокъ имъ былъ 1-го января 58 г. Братъ Михайло (въ Петербургѣ) написалъ мнѣ, что проектируется на будущій годъ журналъ „Русское Слово“. Денегъ на него далъ нѣкто графъ Кушелевъ, редакторы мнѣ неизвѣстны. Fac-totum Кушелева по дѣламъ нѣкто Моллеръ. Сей послѣдній явился къ брату и просилъ мой романъ, повѣсть и т. п. Братъ, зная, что мнѣ надо денегъ, и не имѣя средствъ мнѣ помочь самъ, вступилъ съ Моллеромъ въ конкратъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) я доставляю повѣсть къ концу 1858 года, 2) плата 100 р. сереб. съ листа,

*) Два письма Ф. М. Достоевскаго къ г. Е.... напечатаны были въ журналѣ „Русская Старина“ 1883 г., августъ, стр. 645—648.

3) 500 рублей выдаются впередъ, сей же часъ. Такъ и вышло, и деньги (500 руб.) я уже получилъ. Для Моллера у меня уже есть повѣсть листовъ въ 5 печатныхъ. Слѣдовательно, насчетъ выполнения условій съ предполагаемымъ „Русскимъ Словомъ“ я спокоенъ. Но мнѣ было мало 500 руб. Мнѣ надо было 1000, ибо, расплатившись со всѣми, надо было чѣмъ жить. Я и написалъ Каткову откровенное письмо (не думаю, чтобъ Катковъ могъ имъ обидѣться), въ которомъ предлагалъ ему мой романъ (на этотъ годъ), а его просилъ мнѣ выслать сейчасъ же 500 р. Пославъ письмо, я рѣшилъ не писать мой романъ (отложилъ на время), а писать небольшой романъ (листовъ въ 8), о которомъ я упоминалъ выше. Если Катковъ деньги пришлетъ, то надѣюсь, что онъ не раскается очень. Не говорю впрочемъ, что напишу что-нибудь очень хорошее. Но сносно, можетъ быть, будетъ. Не пришлетъ деньги, его вода. Но если пришлетъ, то я опять въ затрудненіи: 50 р. мнѣ мало съ листа. И потому я рѣшилъ такъ. Вы, добрѣйшій Е. . . ., получивъ мой романъ, снесите его къ Каткову, и если понравится, то онъ мнѣ прибавитъ, если же нѣтъ, то я достану денегъ отдать. Вся бѣда оттого, что Плещеевъ увѣрилъ меня, что плата болѣе 50 р. Но все это ничего; какъ-нибудь обойдется. Что же касается до романа (большаго), то въ концѣ года я имъ крѣпко займусь. Лѣтомъ надѣюсь получить деньги и выѣхать отсюда. Я подалъ въ отставку и пропусъ въ Москву: можетъ быть, пропустятъ. До свиданія, благороднѣйшій Е. . . .; не взмните, если въ письмѣ моемъ большая безурядица: третьяго дня со мной былъ припадокъ падучей, и теперь я буквально не въ своемъ умѣ. Не свѣжа голова, и всѣ члены разбиты.

До свиданія. Въ этомъ году надѣюсь съ вами увидѣться.

Вашъ Достоевскій.

НВ. Впрочемъ нечего загадывать заранѣ. Съ Катковымъ я поступилъ такъ, что онъ не будетъ раскаиваться,—по крайней мѣрѣ, какъ умѣю лучше.

**Письмо Попечителя Московскаго учебнаго округа
М. Н. Муравьева къ студенту Р. Ѳ. Тимковскому *).**

Государь мой!

Отличные труды ваши и успѣхи въ руководствѣ г. Студентовъ-пенсіонеровъ къ изученію латинскаго языка, по свидѣтельству почтеннаго ректора вашего, Харитона Андреевича, заслуживаютъ съ моей стороны истинную признательность, которую съ удовольствіемъ чрезъ сіе вамъ изъясляю. Университетъ не преминетъ ободрить васъ въ поприщѣ учености воздаяніемъ трудолюбія вашего. Устремите всѣ ваши желанія къ достойному достиженію чести, предоставленныхъ ученому. Постарайтесь въ особенности часть отъ часу болѣе успѣвать въ классической учености, въ изученіи духа и красотъ древнихъ. Сіе искреннее знакомство съ ними рассыплетъ цвѣты на поприще ваше, усладитъ, облегчитъ самой упрямой и неблагодарной трудъ. Внушите въ слушателей вашихъ тоже страстное удивленіе къ благородной простотѣ Корнелія и Теренція, къ величественному изобилію Цицерона и Тита Ливія, къ щастливой дерзости Горация, къ неподражаемой избранности Virгилія. Пусть будетъ имъ учиться—наслажденіе, для васъ учить—необходимость. Ваши слушатели, нѣвогда въ шумѣ и дѣятельности гражданской жизни, вспомнятъ, чѣмъ обязаны вамъ въ юности, и вы будете имѣть въ сердцѣ своемъ сознаніе, что и вы споспѣшествовали къ распространенію знаній и просвѣщенія. Я желаю Университету, чтобъ онъ нашель въ васъ достойнаго соревнователя дѣлающихъ ему честь Венсовичей, Щеголевыхъ, Тимковскихъ, Яценковыхъ, Мерзляковыхъ, и

*) Напечатано по автографу, хранящемуся въ библиотекѣ Общества Люб. Росс. Словесности. Р. Ѳ. Тимковскій, которому адресовано письмо, былъ впоследствии профессоромъ греческой и римской словесности, памятью неоконченнымъ изданіемъ Лаврентьевскаго списка лѣтописи.

не сомнѣваюсь, чтобы вы не поставили долгомъ своимъ принять примѣръ старшихъ и предать оный послѣдующимъ. Посѣщайте прилѣжно библиотеку. Vos exemplaria ista nocturna versate manu, versate diurna. Пишите много по латинѣ, учитесь древности, обрядамъ, нравамъ, исторіи, преданіямъ древнихъ грамматиковъ, безъ которыхъ невозможно войти въ современную смыслъ языка. Я вамъ желаю успѣховъ и есмь вашъ охотной слуга

М. Муравьевъ.

1804 Генв. 5 дня.

Г. Студенту Тимковскому.

Отзывъ профессора Ѳ. И. Буслаева о программѣ русскаго языка и словесности, составленный учителями гимназій Московскаго учебнаго округа на съѣздѣ 1866 г., въ Москвѣ *).

Методъ *филологическій*, выработанный на изученіи языковъ классическихъ, рассматриваетъ языкъ какъ средство для уразумѣнія писателей, и предлагаетъ основательное знакомство съ грамматикой для правильнаго употребленія языка устно и письменно. Правильно говорить и писать полатыни и понимать латинскихъ и греческихъ писателей—вотъ задача филологическаго обученія, которое потому и называется *классическимъ*, что имѣетъ предметомъ изученіе классиковъ. Сколько грамматика древнихъ языковъ способствуетъ для умственной гимнастики, столько изученіе классиковъ, поэтовъ и прозаиковъ, обогащаетъ свѣдѣніями реальными, историческими и воспитываетъ нравственное чувство и эстетическій вкусъ. Это вмѣстѣ и матеріалъ для исторіи,—и преимущественно для исторіи литературы,—и практическая школа для риторики и эстетики. До какой степени доведено это реальное изученіе древнихъ классиковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, можно видѣть изъ того, что на педагогическомъ съѣздѣ филологовъ въ Гейдельбергѣ (29 и 30 сент. прошлаго 1865 г.) между прочимъ принято рекомендовать изученіе древнихъ поэтовъ (Гомера, Виргилія, трагиковъ) при пособіи памятниковъ античнаго искусства. „Здѣсь“,—сказано въ тезисахъ этого съѣзда,—„монументальное обученіе служитъ столько же для уразумѣнія писателей по взаимному

*) Отчетъ о Съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ, Московскаго учебнаго округа былъ напечатанъ въ видѣ приложенія въ № 8 Циркуляра по Московскому учебному округу на 1866 годъ. Отзывъ Ѳ. И. Буслаева о программѣ, составленной Съѣздомъ, до сихъ поръ оставался въ рукописи.

отношенію литературы и искусства, сколько и для изученія древностей вообще, для которыхъ въ одинаковой мѣрѣ важны оба эти источника“ (Сборникъ на 1866 г., изд. Обществомъ древне-русскаго искусства, отд. II, стр. 144).

Итакъ, основательное грамматическое изученіе классическихъ языковъ, доведенное на практикѣ до правильнаго употребленія ихъ устно и письменно, и чтеніе прозаиковъ и поэтовъ Греціи и Рима въ связи съ древностями и исторіей литературы и искусства— вотъ та приуготовительная основа, которая называется *гуманнымъ образованіемъ*, та *общая* пропедевтика, которая предшествуетъ въ гимназіяхъ университетскимъ спеціальностямъ. Молодой человѣкъ— такъ подготовленный, поступаая въ университетъ, не только знаетъ древніе языки грамматически, но и владѣетъ элементами общечеловѣческаго образованія, завѣщанными Европѣ ея исторіей. На каковой факультетъ онъ ни поступитъ, хотя бы на медицинскій, онъ уже вооруженъ элементами просвѣщенія, которые навсегда оставятъ въ немъ неизгладимые слѣды общаго, гуманнаго образованія. Такихъ результатовъ не можетъ дать преподаваніе ни одного изъ языковъ новыхъ народовъ. Потому-то въ *гимназіяхъ классическихъ* гуманное образованіе, воспитывающее умъ, нравственное чувство и эстетическій вкусъ, почерпается преимущественно изъ классическаго обученія. *Языкъ родной* служитъ только дополненіемъ къ этому источнику гуманности.

Школы *реальныя*, лишеныя этихъ преимуществъ классическаго образованія, тщетно стремятся восполнить этотъ недостатокъ исторіей литературы роднаго и новѣйшихъ языковъ.

Наши гимназіи, при незначительномъ обученіи латинскому языку и за отсутствіемъ въ нихъ языка греческаго, имѣли и доселѣ имѣютъ характеръ *реальныхъ школъ*. Образованія гуманнаго онѣ не давали и доселѣ не даютъ. Педагоги, слѣдуя реальному методу, стремились восполнить этотъ недостатокъ исторіей литературы и дошли до вреднаго энциклопедизма, какъ это основательно замѣчено на учительскомъ съѣздѣ. Послѣднюю попытку удержать въ нѣкоторыхъ границахъ произволъ энциклопедизма, господствующій въ классахъ русской словесности, предлагаетъ нынѣ принятая программа для поступающихъ въ университетъ. Но исходя отъ односторонняго направленія реального, въ виду преобразованія русскихъ гимназій въ классическія, эта попытка оказалась мѣрою отсталую.

Программа, выработанная учительскимъ съѣздомъ, беретъ въ

основу *предположеніе о существованіи* уже въ нашихъ гимназіяхъ гуманнаго образованія, и рассматриваетъ обученіе отечественному языку *только какъ дополненіе* къ этому классическому воспитанію, и сверхъ того — ограничиваетъ обученіе грамматикой и практическимъ употребленіемъ языка.

Очевидныя достоинства этой программы слѣдующія:

1) Приспосаблия обученіе русскому языку къ преподаванію языковъ древнихъ, эта программа имѣетъ твердую основу классическаго направленія;

потому 2) предохраняетъ преподаваніе отечественнаго языка отъ вреднаго энциклопедизма;

3) сосредоточиваясь на языкѣ, она значительно очищаетъ классъ отечественной словесности отъ пустословія и произвола, и наконецъ—

4) практическимъ направленіемъ обезпечиваетъ наши гимназіи въ отношеніи правильнаго употребленія языка въ письменныхъ упражненіяхъ.

Что же касается недостатковъ программы, то, по моему крайнему разумѣнію, они состоятъ въ слѣдующемъ.

1) Уже въ самомъ принципѣ, принятомъ программю, заключается причина ея несостоятельности въ настоящее время. Будучи составлена по образцу программъ нѣмецкихъ классическихъ гимназій и въ предположеніи гуманнаго образованія, которое со временемъ можетъ быть дано нашимъ гимназіямъ обученіемъ классическимъ, программа учительскаго съѣзда, ограничивающая преподаваніе отечественнаго языка только стороною формальною и не дающая никакого историческаго содержанія, можетъ быть полезна только тогда, когда наши гимназисты, такъ же какъ и нѣмцы, будутъ свободно читать въ подлинникѣ Гомера, Виргилія, Софокла, и изучать ихъ въ отношеніи древностей и исторіи литературы и искусства. Нѣтъ надежды, чтобы этихъ результатовъ достигли наши гимназіи даже черезъ четверть столѣтія. Иное дѣло — желать водворенія въ нашихъ гимназіяхъ истиннаго и полнаго гуманнаго образованія, въ объемѣ нѣмецкихъ классическихъ гимназій, иное, — въ виду будущихъ надеждъ, болѣе или менѣе обманчивыхъ, — въ настоящемъ жертвовать для будущаго гуманизма въ нашихъ гимназіяхъ—всѣми средствами, какія для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго образованія можетъ дать преподаваніе отечественнаго языка и словесности. До тѣхъ поръ, пока у насъ еще не водворится истинно-гуманное, т.-е. классическое воспитаніе, наши

гимназіи еще не классическія, а реальныя, и когда будутъ настоящими классическими—неизвѣстно, потому что это зависитъ не отъ предписаній правительства, а отъ мѣстныхъ и временныхъ средствъ. Программа, составленная для гимназій классическихъ, какъ бы ни была она удовлетворительна, безъ существеннаго ущерба образованію, не можетъ быть введена въ гимназіяхъ реальныхъ; ибо, какъ сказано, тѣ и другія гимназіи не могутъ имѣть одну и ту же программу преподаванія отечественнаго языка и словесности. Программа учительскаго съѣзда можетъ годиться для нашихъ гимназій по малой мѣрѣ лѣтъ черезъ 25, и то въ томъ случаѣ, если счастливыя обстоятельства, теперь еще непредвидѣнныя, будутъ способствовать у насъ успѣшному развитію классическаго гуманизма.

2) Опасаясь энциклопедизма и произвола, господствующихъ у насъ въ гимназическомъ преподаваніи отечественнаго языка, программа учительскаго съѣзда вдалась въ крайность формализма и безжизненной схоластики. Грамматика и логическіе разборы разныхъ статей, составляющіе преподаваніе во всѣхъ семи классахъ гимназій,—дѣло очень полезное, но оно далеко не объемлетъ всѣхъ задачъ преподаванія. Слово получаетъ свое значеніе отъ *мысли*, и логическое расположеніе сочиненія есть только абрисъ, внѣшнее очертаніе болѣе существенной части сочиненія, именно его *жизненнаго, бытоваго, историческаго содержанія*. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ читаются Нибелунги и другія произведенія древней нѣмецкой литературы, по хрестоматіи Вавернагеля, не для одного только языка и слога, но и для исторіи быта, мѣологии и литературы, какъ это замѣчено и въ статьѣ преподавателя Поливанова, приложенной къ программѣ учительскаго съѣзда. На упомянутомъ мною прошлогоднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ въ Гейдельбергѣ предположено въ гимназіяхъ чтеніе Лессинга и Гёте въ связи съ исторіею развитія художественныхъ идей, при пособіи памятниковъ искусства. Напротивъ того, программа учительскаго съѣзда требуетъ только чисто внѣшняго, формальнаго,—грамматическаго, стилистическаго и логическаго,—разбора разныхъ статей и отрывковъ изъ писателей новой русской литературы, и немногихъ древней и народной; именно: изъ житія Θεодосія и изъ Лѣтописи Нестора, Слова о полку Игоревѣ и одной русской былины (о Садѣ). „Объясненіе этой былины“,—говоритъ программа,—„должно быть направлено *исключительно* на особенности языка и стиля. Преподаватель не касается ни историко-литературнаго значенія, ни мѣологическихъ элементовъ былины“.—Это требованіе едва ли исполнимо на

практикѣ между знающимъ и даровитымъ учителемъ и способными учениками, которые непременно пожелаютъ видѣть въ этой былинѣ какой-нибудь смыслъ: и тогда окажется необходимымъ объясненіе реальное, бытовое, историческое. То же должно сказать и о Житіи Θεодосія и о Лѣтописи, и о Словѣ о полку Игоревѣ—о произведеніяхъ, которыя программа предписываетъ изучать только для языка и стила. Сверхъ того, едва ли можно основательно изучить *стиль* какого-нибудь произведенія, особенно древняго, независимо отъ исторіи языка, быта и литературы.—Точно также разборъ отрывковъ и небольшихъ сочиненій Ломоносова, Карамзина, Пушкина, ограничивается, какъ сказано, тѣмъ же внѣшнимъ, схоластическимъ разборомъ теченія мыслей, независимо отъ реального содержанія, которое дается исторією и личностью писателя, такъ что ученикъ гимназіи, по окончаніи курса, прочитавшій такимъ образомъ нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе мелкихъ статей и отрывковъ, не обязанъ знать ни Ломоносова, ни Жуковского, ни Пушкина, хотя и прочелъ кое-какія выдержки изъ ихъ сочиненій. Поступивъ въ университетъ съ такими отрывочными и поверхностными свѣдѣніями, молодые люди только на историко-филологическомъ факультетѣ могутъ восполнить и расширить свои понятія о русскихъ образцовыхъ писателяхъ, на другихъ же факультетахъ навсегда останутся въ полномъ о нихъ невѣдѣніи, только съ знаніемъ ихъ именъ, почерпнутымъ изъ политической исторіи.—Это чисто-формальное обученіе отечественному языку, возможное при гуманномъ образованіи классическихъ гимназій, у насъ въ настоящее время можетъ принести существенный вредъ—именно въ томъ противодѣйствіи, какое не преминутъ оказать реализмъ и энциклопедизмъ схоластическому обученію отечественнаго языка, лишенному историческихъ основъ литературы и разборомъ однѣхъ внѣшнихъ формъ доведенному до пустоты излишнихъ логическихъ словозвѣтій и тонкостей. Противъ удручающей массы матеріаловъ реального направленія классическое образованіе дѣйствуетъ не однимъ склоненіями и спряженіями, а тоже *массою реального содержанія*, которое почерпается изъ *непосредственнаго* знакомства съ *классиками*. Ученикъ классической гимназіи получаетъ гуманное образованіе не потому, что логически разбираетъ разные отрывки, а потому что изучаетъ *именно* Гомера или Виргилія. Въ тѣхъ же гимназіяхъ въ Германіи изучаются Лессингъ и Гёте: почему же мы опасаемся для своихъ гимназій предложить изученіе Ломоносова, Жуковского или Пушкина, и скрываемъ ихъ имена и ихъ

историческую дѣятельность подъ логомахіей такъ называемой *диспозиціи* разныхъ отрывковъ изъ ихъ сочиненій?—И такъ, программа учительскаго съѣзда хотя и составлена по методу, принятому въ классическихъ гимназіяхъ Германіи, но существенно уклоняется отъ своего образца. Она предоставляетъ отечественному языку и словесности несравненно меньшее значеніе въ *чуждомъ* и *реальномъ* образованіи, нежели сколько допускаютъ классическія гимназіи нѣмецкой въ преподаваніи языка и литературы нѣмецкой.

3) Не смотря на строгость въ выдержкѣ и въ систематическомъ проведеніи принятаго программю принципа, она не могла избѣжать самыхъ рѣзкихъ *противорѣчій* себѣ самой. Это произошло по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому что составители программы чувствовали, что они даютъ эту *классическую* программу отечественнаго языка гимназіямъ *еще реальнымъ*, а для того внесли въ нее, какъ вопіющее противорѣчіе, чтеніе одной пѣсни Илиады *по переводу Гиндича* (въ 6-мъ классѣ), съ объясненіями не только языка, стиля и диспозиціи, или расположенія, но и *реальныхъ обстоятельствъ*, предлагаемыхъ ею (черты быта, міеологию и проч.), и даже *отношенія автора къ своему произведенію*. При этомъ сдѣлано одно замѣчаніе, которое, по моему мнѣнію, подрываетъ всю систематическую выдержку программы, и которое ясно свидѣтельствуетъ, что учительскій съѣздъ былъ убѣжденъ въ возможности непременно ввести эту *классическую* программу въ наши *еще реальныя* гимназіи. „Само собою разумѣется“,—сказано въ программѣ,— „что когда чтеніе Илиады въ предложенномъ видѣ будетъ возможно въ греческомъ классѣ,—чтеніе ея на урокахъ отечественнаго языка будетъ устранено“. Если здѣсь сдѣлана уступка для Гомера въ ожиданіи, когда упрочится въ нашихъ гимназіяхъ классическое обученіе, то, снисходя къ настоятельнымъ потребностямъ учащихся въ *чуждомъ образованіи*, для чего съѣздъ не далъ ему болѣе обширнаго развитія въ программѣ отечественной словесности—конечно, съ тою же оговоркою, что эта уступка допускается, покамѣстъ не водворится въ гимназіяхъ надлежащее изученіе древнихъ классиковъ? Съѣздъ это, очевидно, чувствовалъ, и сдѣлалъ другую уступку, уже въ пользу *Шекспира*, изъ котораго рекомендуетъ прочесть одну трагедію въ 7-мъ классѣ. Это—противорѣчіе, тѣмъ болѣе грубое, что оно въ конецъ подрываетъ кредитъ программы, принявшей въ основу классическій, и именно *филологическій* принципъ. Если допущенъ въ программу русскаго языка *Шекспиръ*, то не будетъ конца разнымъ уступкамъ и исключеньямъ. Самый приѣмъ—

изучать писателя въ переводѣ, да еще не вполне удовлетворительно, противенъ строгому классическому методу, основанному *на непосредственномъ знакомствѣ* съ оригиналомъ. Также уступка и такая же ошибка программы—и относительно „Апологии Сократа“ Платона, въ переводѣ Карпова (для 7-го класса). Вторая причина противорѣчій программы себѣ самой состоитъ въ рѣшительной невозможности упорно держаться только внѣшней стороны при объясненіи произведеній литературы. Программа учительскаго съѣзда не допускаетъ исторіи литературы (состоящей въ связи съ исторіей быта и культуры), и читаетъ съ гимназистами житіе Θεодосія, лѣтопись Нестора и Слово о полку Игоревѣ *только для языка и стиля*, а вмѣстѣ съ тѣмъ для ученическихъ сочиненій задаетъ темы по тѣмъ же произведеніямъ съ точки зрѣнія литературы и быта; а именно въ 6-мъ классѣ: „Составленіе на основаніи образца, *разобраннаго* въ классѣ, *характеристики быта и лиць* (наприм. по житію Θεодосія, по лѣтописи Нестора“.....); или въ 7-мъ классѣ: „Отношеніе древне-рускаго писателя къ книжной мудрости, по предисловію Нестора къ житію Θεодосія, по послѣсловію *мнѣх* Лаврентія“ и проч. И также самая программа въ 6-мъ классѣ, какъ приведено выше, запрещаетъ учителю касаться историко-литературнаго значенія и миеологическихъ элементовъ русской былины, т.-е., ея реального, бытоваго содержанія, между тѣмъ, какъ въ томъ же классѣ по Иліадѣ въ переводѣ Гнѣдича изучается бытъ и миеологія Грековъ. Отрывки изъ новыхъ писателей, отъ Ломоносова до Гоголя, изучаются только ради *диспозицій*, а не содержанія, которое объясняется исторіей литературы, устраненною изъ программы. Наконецъ это противорѣчіе программы себѣ самой высказалось и въ результатѣ, въ требованіи на экзаменѣ 7-го класса „объясненія избранныхъ образцовъ (указанныхъ выше разсужденій, трагедій Шекспира, одной пѣсни Иліады и т. д.) со стороны логическаго ихъ построенія и по отношенію къ ихъ *содержанію*“.

4) Противодѣйствуя пустословію и произволу, программа учительскаго съѣзда даетъ однако поводъ къ тому и другому, основывая все литературное образованіе гимназистовъ *на разборъ* образцовъ. Разборъ—это пріемъ самый растяжимый. Всякій учитель будетъ разбирать и объяснять образецъ по своему: учителю даровитому это—широкое поле для полной свободы его мыслей и фантазіи; учителю недаровитому (вакихъ больше) это—камень преткновенія, тяжелое бремя, которое наляжетъ невыносимою скукою на

способности учениковъ; наконецъ для учителя бойкаго, съ пивантными тенденціями—отличный конекъ, на которомъ тѣмъ ловчѣе ему красоваться, что изъ разбора устранена положительная, реальная, т.-е., историческая сторона. Чтобы рѣшительно и окончательно устранить произволъ, этотъ главнѣйшій порокъ въ преподаваніи отечественной словесности, необходимо ввести обязательное *руководство* для реторическаго или логическаго разбора, или *Руководство къ прикладной логикѣ*, или что-нибудь другое, что замѣнило бы въ гимназіяхъ и реторику съ пѣтливой, и исторію русской литературы, если ужъ этотъ предметъ будетъ обреченъ на изгнаніе изъ гимназическаго курса. Пока не будетъ такой книги, введеніе программы учительскаго съѣзда въ гимназіяхъ невозможно.

5) Распространеніе грамматическаго обученія по всѣмъ семи классамъ гимназіи, какъ связано, составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ программы; но не мнѣ быть судьбою, до какой степени можетъ быть полезна, какъ гимназическое руководство, моя *Историческая Грамматика*, составленная, какъ я надѣялся, для публики болѣе развитой и болѣе знакомой съ исторіей русской литературы, нежели та недалекая публика гимназистовъ трехъ старшихъ классовъ, которую программа учительскаго съѣзда лишаетъ возможности узнать, кто такіе были Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ - Визинъ и Пушкинъ. — Сверхъ того, за отсутствіемъ въ гимназіи живаго, интереснаго преподаванія, основаннаго на исторіи литературы, надобно опасаться, чтобъ это непрестанное заучиванье параграфовъ грамматикѣ не повело къ отупѣнію—учениковъ и къ апатіи—самихъ учителей, которые могутъ облегчить свою обязанность старинною рутинною — задавать ученикамъ затверживать наизусть §§ руководства, чему найдутъ они законное оправданіе въ самой программѣ, которая на экзаменѣ 7-го класса требуетъ именно „*теоретическихъ*“ отвѣтовъ по грамматикѣ русской и церковно-славянской“. Иное дѣло — твердо и основательно знать грамматику *практически* и давать изъ нея отвѣты на разборѣ текста, и иное дѣло отвѣчать изъ нея *теоретически*, т.-е. дѣлать перечни грамматическимъ правиламъ по §§-мъ и рубрикамъ, съ разными подраздѣленіями и исключеніями. Такіе отвѣты даже для самаго составителя грамматикѣ, по его собственному руководству, были бы сущю пыткой.

6) Школа есть приуготовленіе къ общественной дѣятельности, потому вопросы педагогическіе, въ ихъ общемъ результатѣ для

цивилизации страны, не могут быть отдѣлены отъ вопросовъ политическихъ и государственныхъ. Вотъ причина, почему публицисты такъ часто берутъ въ свое вѣдѣніе педагогію. Вопросъ о преподаваніи отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ тѣсно связанъ съ вопросами о русской національности, о централизаци и сепаратизмѣ, которыми особенно заинтересована публицистика нашего времени. Имѣющіе причину игнорировать русскую національность въ литературѣ, какъ выраженіи жизни, охотно дали бы просторъ классическому образованію въ гимназіяхъ и поспѣшили бы изученіемъ Гомера и Виргилія удалить на задній планъ Ломоносова, Пушкина и другихъ представителей русской цивилизаци и національности. Можетъ быть, нѣкоторое оправданіе этому предположенію видимъ въ Западномъ краѣ, гдѣ съ бѣльшей энергіей, нежели у насъ, преобразуются гимназіи въ строго-классическія школы, и, вѣроятно, не по одному только тому, что тамошняя публика развитѣе нашей. Превосходство русской національности надъ малорусскою, въ отношеніи литературы, можетъ быть убѣдительно для учащихся поколѣній южной Руси только при возможно полномъ, для гимназій, обзорѣніи литературныхъ заслугъ лучшихъ нашихъ писателей, начиная съ Ломоносова до Гоголя, а не въ схоластическомъ наблюденіи надъ ходомъ мыслей въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ ихъ сочиненій. Господствующій правительственный языкъ законно и прочно преобладаетъ надъ мѣстными нарѣчійми провинцій не потому, что на немъ преподаются всѣ предметы гимназическаго ученія, а потому что самая литература его имѣетъ обязательную силу, заставляющую всякаго образованнаго человѣка эту литературу вѣдать.—Хотя программа учительскаго сѣзда составлена для гимназій только Московскаго Учебнаго Округа, но если она будетъ утверждена для экзамена поступающихъ въ Московскій университетъ, то получить значеніе всероссійское, потому что въ нашъ университетъ молодые люди стекаются оговсюду.—Въ программѣ русскаго языка, будетъ ли то для реальныхъ или классическихъ гимназій, должно быть заявлено полное уваженіе въ русской національности въ лицѣ ея лучшихъ писателей, изъ которыхъ главнѣйшіе должны быть коротко знакомы всякому поступающему въ Университетъ.

Въ заключеніе почитаю нелишнимъ сказать два слова о самомъ сѣздѣ. Съ рвеніемъ, очень понятнымъ въ этомъ новомъ, для нашей педагогической публики, дѣлѣ, учительскій сѣздъ, кажется, слишкомъ много взялъ на свою отвѣтственность, поусерд-

ствовавъ въ какую-нибудь недѣлю выработать цѣлую гимназическую программу преподаванія отечественнаго языка и словесности; потому слѣдуетъ быть снисходительнымъ въ этому первому опыту. Много сдѣлано на сѣздѣ удовлетворительно; много поднято дѣльныхъ вопросовъ; но главное и существенное еще ожидается впереди.

Монологъ Гамлета *).

Быть или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ.
Что доблестнѣй душѣ: сносить удары
И стрѣлы оскорбительной судьбы,
Или, возставъ противу моря бѣдствій,
Въ борьбѣ покончить съ ними? Умереть—
Уснуть, не болѣе,—и знать, что въ снѣ
Всѣмъ мукамъ сердца, тысячамъ страданій,
Съ природой жизни нашей неразлучныхъ,
Конецъ найдемъ мы,—кто-бъ не пожелалъ
Отъ всей души такого окончанья!
Но умереть—уснуть; уснуть! Быть можетъ,
И грезить... вотъ и камень претягоуенья!
Какія грезы въ этомъ смертномъ снѣ
Насъ посѣщать, когда страхнемъ съ себя
Всю смуту этой жизни на землѣ?—
Вотъ что впередъ стремиться намъ мѣшаетъ,
Вотъ отъ чего страданья нашей жизни
Такъ долго длятся! Кто бы перенесъ
Ругательства и бичеванья эти,
Какими современность насъ дарить;
Кто-бъ перенесъ всю ложь деспотовъ наглыхъ,
Обидное презрѣнье гордеца,
Страданія отверженной любви,
Безсиліе закона и нахальство
Безстыдное служителей его,
Пиней ногой, которыми ничтожность

*) Печатаемый впервые отрывокъ изъ начатаго покойнымъ С. А. Юрьевымъ перевода шекспировской трагедіи и помѣщенное ниже переложеніе религіознаго стихотворенія Лопе де Веги, найдены были въ бумагахъ С. А. и сообщены его семьей.

Алексѣй Веселовскій.

Достойнаго съ презрѣньемъ награждаетъ, —
Когда избавить можетъ насъ
Одинъ ударъ винжала?
Кто бѣ сталь влачить такое бремя жизни,
Кто бѣ гнуться сталь подѣ тяжестью такой,
И вынесъ все, когда бѣ не страхъ,
Что будетъ тамъ, какъ пронесется жизньъ,
Въ безвѣстной сторонѣ, откуда нѣтъ
Для путниковъ уже возврата?
Трепещетъ воля, принуждаетъ насъ
Терпѣть все зло, но не спѣшить туда,
Гдѣ все безвѣстно! Страхъ въ насъ губить бодрость,
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ предѣ напоромъ тусклой мысли,
И сила замысла великаго,
Вперивши взоры вдаль, идетъ назадъ,
Лишаясь дѣла. Ахъ, Офелія!
О, нимфа, помани грѣхи мои
Въ твоихъ святыхъ молитвахъ!

Перев. С. А. Юрьевъ.

Мысли священника при возношеніи Святаго Агнца.

(Изъ Лопе де Веги).

Когда преступными руками я подъяму
Тебя, мой Царь, Владыка и Господь вселенной,
Когда я въ руки грѣшныя приѣмлю
Пречистый Жертвы даръ, сей даръ любви безцѣнной,—
Дивлюсь преступной дерзости моей,
Дивлюсь смиренной кротости Твоей.

* * *

Надъ страшной пропастью, разверстой подо мною,
Я трепещу, и ужасъ душу леденить;
Страдая, ваюся во прахъ предъ Тобою.
Спаси! Душа въ Тебѣ любовію горить!
Вишу надъ бездной... Сердце замираетъ...
Мутится умъ и сила оставляетъ...

* * *

Изъ рукъ Твоихъ не выпусти меня... я погибаю..
Ты Самъ идешь ко мнѣ, Предвѣчная Любовь!
Тебя принять вкрестомъ я руки простираю.
Распну-ль Тебя, о Боже праведный, я вновь?!
Любовь! Готовлю новый крестъ Тебѣ!
Иуды казнь готовлю я себѣ.

* * *

Любовь! Сожги меня Твоимъ Святымъ огнемъ,
И зло погибели все дымомъ разнесется,
И пламенемъ любви къ Тебѣ, очистишься въ немъ,
Душа моя въ Твои селенья вознесется.

О, не суди меня Твоею кровью!
Суди Твоей безмѣрною любовью!

* * *

Несу Тебя, несущаго весь міръ любовью.
Дивятся ангелы, дивятся херувимы:
Пролившій кровь Твою—спасенъ святою кровью,
Позорный вѣстѣ—престоль любви непобѣдимой!
Дивлюсь спасенью моему!
Дивлюся чуду Твоему!

Перев. С. А. Юрьевъ.

Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ.

На швольной свамѣ, въ Нѣжинѣ, Гоголь уже началъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря: указанія на это уцѣлѣли въ самой старой изъ сохранившихся записныхъ книгъ поэта, нынѣ принадлежащихъ его наслѣдникамъ. Эта объемистая книга, переплетенная въ кожу, съ напечатанными съ праваго боку буквами алфавита, имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедія. Составл. Н. Г. Нѣжинъ. 1826“. Статьи, вносившіяся въ „Подручную Энциклопедію“, располагались въ алфавитномъ порядкѣ; слова, составлявшія „лексиконъ малороссійскій“, также вписывались въ эту книгу подъ отдѣльными буквами, а не выдѣлялись въ самостоятельное цѣлое. Такъ, на страницѣ 35-й, подъ рубрикою: „Лекс. Малор.—Л. М.“ записано: „*Вага*, тяжесть; *ваги*, вѣсы (*Терезы*, коромысло на большихъ вѣсахъ; *Шальки*, малые вѣсы).—*Вермяный*, то же, что румяный.—*Вчинки*, проступки.—*Вько*, крыша на дижѣ, или на скрынѣ.—*Вздобный*, борзый.—*Впень*, до основанія.—*Волкилакз*, оборотень, превращающійся въ волка, чтобы пугать людей и душить овецъ по злобѣ на хозяевъ.—*Валаны*, корытца, изъ которыхъ ѣдятъ козаки.—*Вадить*, тошнить.—*Ватажокз*, приводецъ.—*Веремія*, волобродъ.—*Версти*, вздоръ говорить.—*Веселка*, или *оселка*, радуга.—*Вирва*, *въ три вирвы*, въ три шеи.—*Выкрутасомз* танцовать—разными тѣлодвиженіями, выхлясомъ.—*Вырій*, мѣсто, куда улетаютъ птицы на зимовье.—*Вырлоокій*, пучеглазый.—*Выступци*, туфли.—*Высивки*, отруби.—*Вечеря*, присядка.—*Вериадло* (sic!), зеркало.—*Высткака*, дерзкой“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываются источники, которыми Гоголь пользовался при объясненіи отдѣльныхъ словъ: 1) небольшой словарь, приложенный въ *Опытѣ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней Цертелева* (Спб. 1819), 2) болѣе подробный словарь, напечатанный при книжкѣ: *Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ* (М. 1827 года) и 3) толкованія отдѣльныхъ словъ въ *Энеидѣ Котляревскаго*¹⁾. Малороссійскія пѣсни Максимовича вы-

¹⁾ Такъ подъ буквою *В* записано: „*Байракъ*, бунракъ (по Макс.); *оврагъ*, порослая гѣсомъ“ (по Церт.). Подъ буквою *И*: „*Интимматоръ*, переплетчикъ (Котляр.)“. Подъ буквою *К*: „*Коракъ*, лепенка судая (Изъясненіе Котляревскаго)“. Подъ буквою *Л*: „*Лунъ вглотить*, погибнуть кто“ (требуется поясненія). По Котляр.

шли въ свѣтъ въ 1827 году: изъ этого видно, что Гоголь продолжалъ и въ послѣдствіи собраніе малороссійскихъ словъ, начатое въ 1826 году. Въ ту же „Подручную Энциклопедію“ внесенъ довольно длинный перечень „именъ, даемыхъ при крещеніи“, съ указаніемъ ихъ книжныхъ и народныхъ формъ, въ такомъ, напр., видѣ: „Андрій, Андрійко, Андрусъ—Андрей“. На страницахъ 139-й и 140-й, подъ буквою *К*, помѣщенъ „Комерческій словарь“. Нѣкоторыми объясненіями малорусскихъ словъ, внесенными въ эту записную книгу, Гоголь воспользовался при изданіи, отдѣльными книжками, „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Гоголь оставилъ мысль о составленіи малорусскаго словаря; въ записной его книгѣ, заведенной въ Петербургѣ и наполненной замѣтками и произведеніями 1832—1835 годовъ, не встрѣчается толкованій малороссійскихъ словъ. Поэту открывался для наблюденій, для изученія совершенно новый міръ; провинціальная жизнь стала тускнѣть въ его памяти¹⁾. Нужно было изучать языкъ этого новаго міра, мало того:—нужно было изучать разновидности этого языка по сословіямъ. Прислушиваясь къ живой рѣчи русскаго народа, Гоголь чувствовалъ въ то же время потребность знакомиться съ лексикологіею великорусскаго языка, чтобы правильно на немъ выражаться и писать, чтобы усвоить себѣ русскую литературную рѣчь. Письма Гоголя къ роднымъ и знакомымъ, относящіяся къ его школьному періоду, даютъ намъ возможность составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно состояли недостатки Гоголевскаго языка: письма богаты провинціализмами; слова употребляются въ нихъ нерѣдко совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое закрѣплено за ними въ русскомъ литературномъ языкѣ; не мало словъ, искусственно и неправильно образованныхъ; глаголы, оканчивающіеся на *ся*, употребляются почти постоянно безъ этого мѣстоименія²⁾; правила орфографіи какъ будто неизвѣстны Гоголю.

Гоголь поразилъ Пушкина неправильностью своего литературнаго языка. Въ замѣткахъ 1830—1831 г. Пушкинъ записываетъ: „Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ сти-

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша V, 261. ²⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: „Уроченное время“ (V, 59); „наименить“ (V, 55, 56); „Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ“ (V, 56); „жить въ разрозненіи“ (V, 53); „не пораскажете ли чего-нибудь намъ животренищаго“ (V, 62); „дѣлюю ихъ сотеро разъ“ (V, 61); „узнай, чтѣ стоитъ пошить самое отличное фрака“ (V, 60); „чѣмъ богѣе близится мѣта свиданья“ (V, 53, 50); „вамъ много заботъ и до провасти дѣль“ (V, 49); прикубникъ (V, 61); „несбытодуміе“ (V, 49); „я думаю, что къ празднику зима гораздо

хахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже, и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь“¹⁾. Погрѣшности противъ литературной рѣчи пестрятъ петербургскія письма Гоголя²⁾ и его первыя литературныя произведенія; съ теченіемъ времени онѣ становятся рѣже, но поэтъ никогда не могъ очистить отъ нихъ свои сочиненія. Въ началѣ декабря 1846 года, когда уже окончены были Гоголемъ всѣ напечатанныя имъ при жизни произведенія, онъ писалъ Плетневу: „Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ перяшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣеть право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцемъ словесности, и тотъ наставникъ поступить неосторожно, кто посоветуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать“³⁾.

Гоголь, дѣйствительно, долго „бился“, чтобы обработать свой языкъ и слогъ. „Надобно сказать“,—признается онъ,—„что я получилъ въ школѣ воспитанье довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученїи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія“⁴⁾. Въ составъ этого самообученья Гоголя входило и грамматическое и лексикологическое изученіе русскаго языка. Памятникомъ этихъ занятій остался напечатанный выше (стр. 24—54) „Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“. Рукописная тетрадка, въ которую тщательно переписанъ начисто Гоголемъ этотъ „Сборникъ“, не имѣеть заглавія. Поэтъ началъ выписывать матеріалы для этого „Словаря“ не ранѣе 1835 года и окончилъ не ранѣе 1848 года.

увеличѣна“ (V, 30); „объ которой ты, я думаю, самъ знаешь, какаго я глубокаго свѣдѣнія“ (V, 57); „мы теперь живемъ въ совершенномъ забитїи: всѣ разѣхались“ (V, 81); „благодарю васъ за забыванїе“ (V, 46); „теперь мнѣ нужно не болѣе 80 рублей для сдѣлки платья лѣтняго“ (V, 33); „несостояніе имѣть ее“ (V, 58); „онъ беретса за себя доставить въкоторыя вещи; остальные могу искупить здѣсь“ (V, 28); „утѣнительная мысль, приближаемая праздникомъ Рождества“ (V, 44); „не находя здѣсь ни одного, кому бы могъ вывѣрить мысленія свои“ (V, 55).¹⁾ Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго фонда, V, 135. ²⁾ Ср. Сочиненія и письма Гоголя V, 209, 216, 222, 232, 237, 238, 245, 250. ³⁾ Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, IV, 233. Ср. впрочемъ, тамъ же стр. 281—282. ⁴⁾ Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, IV, 253.

Самая значительная часть словъ, вошедшихъ въ „Сборникъ“ Гоголя, заимствована составителемъ изъ книги, обратившей на себя, при появленіи въ свѣтъ, вниманіе русскихъ писателей и ученыхъ и удостоенной Академіею Наукъ полной преміи Демидова: „Русско-французскій словарь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію, или этимологической лексиконъ Русскаго языка, составленный Ф. Рейфомъ“ (С.-Петербургъ, 1835 г.). Самъ Рейфъ на заглавномъ листѣ „Словаря“ такъ излагаетъ содержаніе своей книги: „1) Сравненіе *Славянскихъ корней* съ корнями Санскритскими, Персидскими, Греческими, Латинскими, Германскими, Арабскими и Еврейскими; 2) *Этимологія* Русскихъ словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, Европейскихъ и Азіятскихъ;—3) Сверхъ словъ общеупотребительнаго языка *техническіе термины* математическіе, военные, морскіе и архитектурные и вообще употребляемые во всѣхъ Искусствахъ и Наукахъ, и великое число *выраженій* и *словъ* древнихъ и новѣйшихъ, простонародныхъ и мѣстныхъ, не помѣщенныхъ ни въ одномъ изъ Словарей, доннынѣ изданныхъ; 4) *Опредѣленія* Русскихъ словъ и разныя ихъ значенія, въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, объясненныя на Французскомъ языкѣ *синонимами*, или однозначными словами, съ *примѣрами* изъ лучшихъ Авторовъ и съ означеніемъ *грамматическаго согласованія* и *управленія* словъ;—5) Показаніе *ударенія* на всѣхъ словахъ; 6) Сокращеніе *Русской Грамматики*, съ синоптическими таблицами склоненій и спряженій;—7) *Русская Азбука*, сравненная съ Азбукою Санскритскою, Арабскою, Еврейскою и Греческою;—8) Синоптическая таблица *Россійскихъ чиновъ* и *степеней* военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ;—9) Таблица Россійскихъ *тѣсовъ*, *мѣръ* и *монетъ*, съ приведеніемъ ихъ во Французскія мѣры;—10) *Алфавитный списокъ* всѣмъ Русскимъ словамъ, помѣщеннымъ въ семь Словарѣ, для удобнѣйшаго присканія“. По своему содержанію, Словарь Рейфа очень пригоденъ былъ для этимологическаго изученія Русскаго языка безъ пособія наставника. Пушкинъ обращался къ этому лексикону для уясненія производства словъ и высказывалъ мысль, что „не худо бы вѣзаться за лексиконъ или хоть за критику лексиконовъ“ ¹⁾. Можетъ быть, онъ и рекомендовалъ Рейфа Гоголю. Какъ бы то ни было, послѣдній запасся этимъ словаремъ до отъѣзда за границу и принялся старательно изучать его. За границу въ затруднительныхъ орографическихъ случаяхъ Гоголь прибѣгалъ къ „Этимологическому лексикону“ Рейфа ²⁾.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, VII, 258. ²⁾ Анненковъ, переписывавшій въ Римѣ, подъ дик-

Составленный Гоголем „Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“ (см. выше, стр. 24—54) свидетельствуетъ очень краснорѣчиво, что поэтъ старательно изучалъ книгу Рейфа: дѣлалъ изъ нея выписки, которыя или приводилъ потомъ въ алфавитный порядокъ, или оставлялъ иногда въ той послѣдовательности этимологической, въ какой слова расположены въ лексиконѣ Рейфа—по корнямъ. Определенія значеній словъ, внесенныхъ въ „Сборникъ“ Гоголя, переведены съ французскихъ определеній Рейфа. Послѣдній, въ свою очередь, переводилъ эти определенія на французскій языкъ изъ „Словаря Академіи Россійской“, первое изданіе котораго (1789—1794 г.) расположено было въ этимологическомъ порядкѣ— по алфавиту корней. Переводъ на русскій языкъ, изъ „Лексикона Рейфа“, определенія словъ, вписанныхъ въ „Сборникъ“, Гоголь конечно не зналъ, что самъ Рейфъ переводилъ эти определенія изъ „Словаря Академіи Россійской“, иначе онъ замѣнилъ бы свои переводныя съ французскаго толкованія текстами Академическаго Словаря. Определенія словъ въ „Сборникѣ“ Гоголя ближе къ „Этимологическому Лексикону“ Рейфа, нежели къ „Словарю Россійской Академіи“ (по первому и второму изданію) и къ „Словарю церковно-славянскаго и русскаго языка“, изданному Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ (1847 г.). Напр. слово *крестовая* опредѣляется у Гоголя: такъ: „комната, въ которой крестятъ дѣтей“ (стр. 27). Это опредѣленіе сокращено изъ слѣдующаго текста Рейфа: *chambre, où l'on inscrit et baptise les enfants déposés aux enfants trouvés* (р. 458); въ Словаряхъ Россійской Академіи такого опредѣленія нѣтъ. У Гоголя: „*нарокъ*“—(значекъ), предѣлъ; у Рейфа: „*terme, temps fixé; sort, maléfice, charme, sortilège*“; въ Акад. Словарѣ нѣтъ слова „предѣлъ“, есть: 1) имя, названіе и 2) „срокъ“, „опредѣленное, уреченное, назначенное къ чему время“. У Гоголя: „*оловина* — всякое пьяное питье, не вино“ (стр. 30); у Рейфа: „*toute boisson enivrante à l'exception du vin*“ (641); въ Акад. Словарѣ по первому и второму изданію: „Всякій хмѣль-

товку Гоголя, первую часть „Мертвыхъ Душъ“, рассказываетъ: „Помню, напримѣръ, что, передавая ему написанную фразу, я вмѣсто продиктованнаго имъ слова „щекатурка“—употребилъ „штукатурка“. Гоголь остановился и спросилъ: „отъ чего такъ?“—„Да правильнѣе, кажется“. — Гоголь побѣждалъ къ книжнымъ шкафамъ своимъ, вынулъ оттуда какой-то лексиконъ, *прискалъ немецкій корень слова*, русскую его передачу и, тщательно обслѣдовавъ всѣ доводы, закрылъ книгу и, поставивъ опять на мѣсто, сказалъ: „А за науку спасибо“. Воспоминанія и критическіе очерки, I, 192. Этимъ лексикономъ могла быть только книга Рейфа. Ср. стр. 1087.

ный напитокъ, кромѣ винограднаго вина“ ¹⁾. У Гоголя: „*выворотные башмаки* — въ одну подошву“ (стр. 45); у Рейфа: „*Souliers à simple semelle*“; въ Словарѣ Росс. Академіи: „Реченіе сапожническое, означающее башмаки или сапоги, у коихъ подошва изънутри безъ каймы къ передамъ пришивается“. Во второмъ изданіи: „Обувь: изнутри на выворотъ безъ каймы къ передамъ пришиваемая, или въ верхъ бахтармою шитая для смазыванія“. У Гоголя: „*стихира*—пѣспь, поемая въ заутрен. и вечерню“ (стр. 37); у Рейфа: „*cantique de louanges qu'on chante aux matines et au vêpres*“; въ Словарѣ Рос. Ак.: „тропарь похвальный, стихами сложенный, поемый на утрени и вечерни“. У Гоголя: „*хариусъ* — рыба (Thum); у Рейфа: „*thum, ombre de rivière*“; въ Акад. словаряхъ нѣтъ слова: Thum. У Гоголя: „*однорядка*—праздничное платье“; у Рейфа: „*habit de fête*“; въ Словарѣ Росс. Академіи (по 2-му изданію): „Уборное платье, общее многимъ, одинаковаго цвѣта, покроя и прочаго портнаго прибора“. У Гоголя: „*пеструха*—степная курица“ (стр. 53); у Рейфа: „*une poule de bruyère*“; въ Словаряхъ Росс. Академіи этого слова нѣтъ.

При слабомъ знаніи французскаго языка, Гоголь нерѣдко переводитъ опредѣленія Рейфа неточно или невѣрно. Напр. въ „Сборникѣ“ Гоголя „*застѣнокъ*—отвѣтная комната“ (стр. 25); опредѣленіе переведено изъ Рейфа: „*chambre de la question*“. Въ „Словарѣ Россійской Академіи“: „Такъ называлось прежде мѣсто, гдѣ допрашивали съ истязаніемъ обвиняемаго или обличаемаго въ чемъ-либо“. У Гоголя: „*парникъ*—пантанъ къ картинѣ“ (стр. 31); у Рейфа: „*pièce d'une paire; pendant, tableau en symétrie avec un autre*“; въ Акад. Словарѣ (по 1-му изданію): „подходящій подъ пару“; по второму изданію: „дружка каковой вещи“. У Гоголя: „нахрапомъ—живую силою“ (стр. 28); у Рейфа: „*à force ouverte, de vive force, avec violence*“; въ Словарѣ Рос. Ак.: „насилъно, отъемомъ“. У Гоголя: „ночесь—прошлая ночь“ (стр. 52); невѣрно переведено опредѣленіе Рейфа, отмѣтившаго это слово *наръчѣмъ* (adv.): „*la nuit passée*“, т.-е. въ прошлую ночь. У Гоголя: „*община*—общее добро“; у Рейфа: „*bien commun*“. У Гоголя: „*мутовка*—мельница малая, болтунья“; у Рейфа: „*moulinet, bâton pour remuer; femme bavillarde*“: Гоголь смѣшалъ moulinet съ moulin. Иногда опредѣленія Рейфа передаются Гоголемъ сокращенно, переводятся не вполне и потому въ объясненіяхъ Гоголевскаго „Сборника“ замѣ-

¹⁾ Ср. также опредѣленія словъ: „глувшъ, головщикъ, горлоплатива, громоздъ, гага, кабаргинвал, каворва, ластовина, покатынй, тажъ, узлы, халванъ, катарка, кулбаба, ледвецъ.“

чается неточность, которую легко было устранить простою справокою съ „Словаремъ Россійской Академіи“ ¹⁾. Нерѣдко французскія опредѣленія Рейфа остаются Гоголемъ безъ перевода, или присоединяются къ переводному опредѣленію ²⁾. Внося изъ книги Рейфа слова въ свой „Сборникъ“, Гоголь часто искажалъ ихъ неправильнымъ правописаніемъ или описками ³⁾.

Слова, заимствованныя, вмѣстѣ съ опредѣленіями ихъ, изъ „Этимологическаго лексикона Рейфа, составили основной, первоначальный слой въ „Сборникѣ“ Гоголя. Впослѣдствіи поэтъ познакомился съ „Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка, составленнымъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“ (1847 г.): книга эта доставила новый матеріалъ для „Сборника“ Гоголя.

Изъ „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка“ Гоголь 1) внесъ въ свой „Сборникъ“ (нерѣдко безъ опредѣленія значенія) значительное количество словъ, которыхъ не было въ лексиконѣ Рейфа ⁴⁾, и кромѣ того 2) заимствовалъ нѣсколько опредѣлений отдѣльных словъ ⁵⁾. „Словаремъ Россійской Академіи“ Гоголь

¹⁾ Ср. слова: „Дымволокъ, жаровая туша, зватай, надолба“.

²⁾ Ср. слова: „палтусъ (стр. 31), постатейно (38), проборъ (34), разстрой (35), скалка (36), смерчь (37), смольчугъ (37), выблинки (45), дербовать (47), перепадки (53).

³⁾ Такъ въ „Сборникѣ“ Гоголя читаемъ: „жератокъ, жеровина, затрапецъ, каляминокъ, кривушина, обозъ, осиль, осмичіе, павилица, паць, парва, подклетъ, понаровникъ, попасмо, посторонъ, потесь, расклепать, расклинивать, распопъ, руманка, рѣха, рѣжуга, рѣшма, санничій, скрипуць, сонма, сычухъ, ужничество, увругъ, хвостить, хоженное, хранильникъ, цѣнина, чернѣль, шешмола, безсерднній, сбуха, выщикъ, витѣнь, выпѣствовать, захолодь, камчюга.

⁴⁾ Таковы слова: возвожденіе, воушеца, *встужина*, всевиновный, вытѣски, выславить, жора, звѣдонаблюдалице, зломудріе, извертка, извольничаться, изгуль, издой, излукавствовать, иноцѣтнній, иноволѣннній, инообразнній, корыстмй, кошеніе, лабзяться, льяло, *набедерникъ*, намой, наполюе, насбалмашъ, неблазнній, неодоержимо, неподобнній, неудобъ (?), нечадство, новнца, обель, обонполь, осметокъ, осьмигранникъ, отмонна, отвелѣже, отиудуже, перевасло, подбрежіе, подвохъ, *подымная* (—ое), *предустановка*, савка, самоборство, *самобратъ*, самогласна, сведенники, свѣтоначалникъ, сладкоуханнній, смолелникъ, сосвидѣтель, средиградіе (средоградіе Ак.), сусакъ, теза, *трусъ*, тричисленнній, угрумѣтъ, утинъ, уать, шагла, балабойщикъ, бездорожница, *безоброчный*, благодвижнній, благодарзостинній, благоизбраннній, благознаменитмй, благоумнній, *валлока*, вгрузить, *ведрить*, верховворецъ, *верговникъ*, взрихлить, выброски, владодержецъ, вманивать, валомъ валить, выленать, высокодержавнній, высокосерднній, веревка, *верговина*, *вещемлюецъ*, взбраннній, *въземъ*, верѣплять, *влатомъръ*, водоперница, волчанъ, вресень, зауторникъ, изречать, иновиднній, инорѣчіе, инѣчимъ, наурка, красовитмй, мекать, мильтъ, многогласнній, народовѣщатель, несмутнній, новодѣйство, обѣручь, *оиметръ*, опрѣлина, отсѣльнній, первозданнній, первоверховнній, пласавица, кашлюнь.

⁵⁾ Блаже къ „Словарю церковно-слав. и рус. языка“, чѣмъ къ лексикону Рейфа, опредѣленія слѣдующихъ словъ: „тропарь, картауна, маховыя перья, побѣжымтъ“ толкованія акад. Словаря и Рейфа слиты въ опредѣленіи словъ: „ирха, лмва“.

почти не пользовался, составляя свой „Сборник“: мы замѣтили только два простонародныя слова (*трелюдь* и *колышка*), заимствованныя изъ этого „Словара“ и не принятыя въ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“; зато изъ послѣдняго въ „Сборникъ“ Гоголя внесено нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ въ „Словарѣ Россійской Академіи“ ¹⁾.

Таковы главные источники, изъ которыхъ Гоголь черпалъ матеріалы для своего „Сборника словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“. На основаніи указанныхъ источниковъ можно приблизительно опредѣлить время составленія самаго „Сборника“: онъ началъ не ранѣе 1835 года, когда вышелъ въ свѣтъ „Этимологическій лексиконъ“ Рейфа, и былъ продолжаемъ и послѣ 1847 года, когда Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изданъ былъ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“. Гоголь не оставлялъ этого труда до конца своей жизни. Работа его надъ Лексикономъ Рейфа и Словаремъ Второго Отдѣленія Академіи возобновлялась въ нѣсколько пріемовъ: на это указываетъ расположеніе словъ, вошедшихъ въ составъ уцѣлѣвшей части труда Гоголя, въ тетрадь недописаннаго и не имѣющаго заглавія. „Сборникъ“ распадается на двѣ части, составленныя, очевидно, въ разное время; онѣ раздѣлены въ рукописи поперечною чертою (стр. 42). Въ первой части „Сборника“ (стр. 24—42) слова расположены въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ; во второй части алфавитный порядокъ не выдержанъ: она, очевидно, не получила окончательной обработки. Въ началѣ второй части (отъ слова „бабничать“ до слова „выведенышъ“ включительно, стр. 42—45) слова расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ выписаны были изъ Лексикона Рейфа (стр. 15—81), гдѣ они расположены (подъ бузвами *б* и *в*) въ алфавитномъ порядкѣ корней; потому въ „Сборникѣ“ Гоголя стоятъ рядомъ: „багрильщикъ“ и „подбагорщикъ“, „бойка“ и „забѣчливость“, вразбивку, субой, убойчивый“. Начиная съ слова „вывалка“ до конца „Сборника“, Гоголь снова располагаетъ слова по алфавитному порядку который, впрочемъ, нерѣдко нарушается вставками, повидимому, *позднѣйшаго* происхожденія. Этотъ послѣдній отдѣлъ „Сборника“ обнаруживаетъ другой ходъ работы надъ „Лексикономъ Рейфа“, несогласный съ тѣмъ, который соблюдался въ началѣ второй части „Сборника“: теперь Гоголь читаетъ Лексиконъ Рейфа *не подъ рядъ, страница за страницю*, а сначала выби-

¹⁾ Въ нашемъ перечнѣ они напечатаны курсивомъ.

расть нужныя ему слова изъ „Алфавитнаго списка русскимъ словамъ“, приложеннаго въ Лексикону, а затѣмъ переводить объясненія этихъ словъ изъ текста книги; эта работа облегчалась тѣмъ, что въ „Алфавитномъ спискѣ словъ“ указана была „страница, на которой каждое изъ нихъ было объяснено“. Позднѣе въ составленный такимъ образомъ перечень вставляются, куда попадется, съ нарушеніемъ алфавитнаго порядка, слова, заимствованныя изъ „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка“ и изъ другихъ источниковъ, а затѣмъ сложившійся такимъ образомъ послѣдній отдѣлъ „Сборника“ Гоголя, безъ поправокъ, т.-е. безъ приведенія въ алфавитный порядокъ, переписывается набѣло въ ту же тетрадку, которая послужила оригиналомъ при печатаніи этого труда. Само собою разумѣется, что во вторую часть „Сборника“ вносились Гоголемъ изъ Лексикона Рейфа слова, не вошедшія въ первую: надобно полагать, что работа надъ книгою Рейфа совершалась не въ одинъ приемъ, а въ нѣсколько, съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками. Первая часть „Сборника“ составляетъ результатъ первоначальныхъ занятій Гоголя русскимъ словаремъ; во второй части сохранилась работа позднѣйшаго періода по тому же предмету, не получившая окончательной отдѣлки и удержавшая мѣстами признаки черновой рукописи ¹⁾.

Руководствуясь при составленіи своего „Сборника“ Лексикономъ Рейфа и „Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка“, Гоголь нерѣдко отступаетъ отъ этихъ руководствъ, 1) присоединяя къ заимствованнымъ изъ нихъ опредѣленіямъ словъ свои примѣры ²⁾, или 2) давая нѣкоторымъ словамъ, внесеннымъ въ „Сборникъ“, свои опредѣленія, несогласныя съ тѣми, которыя предложены Рейфомъ и Словаремъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ ³⁾. Изъ этихъ самостоятельныхъ опредѣленій отмѣтимъ одно: „человѣкоугодникъ—въ родѣ подлеца“ (стр. 41). При словѣ „увеселитель“ отмѣчается и среда, въ которой оно особенно употребляется: „купеческое слово“; такія указанія дороги были для поэта, который жаждалъ получить даже замѣчанія на свои „Мертвыя Души“ „съ сохраненіемъ самой фізіогноміи замѣчаній“, находя, что „это ему

¹⁾ Поэтому нѣкоторыя слова вписаны по два раза (напр. бахвалъ, валюга); встрѣчается неодинаковое написаніе слова „жаратокъ“ въ первой и второй части „Сборника“.

²⁾ Таковы примѣры при словахъ: „нищать“ (стр. 52), вознаграждать (стр. 24), выкнуть, выкружить, выпѣть (стр. 24), перекухиваться (стр. 31), пополосно (стр. 88).

³⁾ Таковы опредѣленія словъ: наотмашь (стр. 28), недомѣръ (стр. 29), плавузь (стр. 31), притрапезникъ (стр. 34), разгулка (стр. 35), соска (стр. 37), сонная окуръ (ibid.), бухать (стр. 43), махунак (стр. 51), норникъ (стр. 52), проковзырлся (стр. 34).

очень нужно и полезно" ¹⁾). Наконецъ, въ „Сборникѣ“ Гоголь есть нѣсколько словъ, не вошедшихъ ни въ „Этимологическій Лексиконъ“ Рейфа, ни въ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“. Вотъ эти слова: „душистникъ, жирникъ, закронна, землезнаніе, книгоизданіе, немрачный, обвясло, отсвербивать, орью орать, оцапка, оцадливость, пижи, подбалка, пробрызнуть, сима, скудобрюхий, тысящелѣтіе, убрусованіе, удобовращательный, шадрина и шадровитый, благоподвижникъ, благозданный, набуровить, наплаудить, валоторгъ, вдалеко (?), виногодникъ, войдъ, воспятословіе, кайманъ, вастѣха, кухлянка, малорѣчіе, малорѣчивый, неболѣзнованіе, некошндй, оцадливый, погадка“. Изъ предложеннаго перечня видно, что нѣкоторые слова заимствованы Гоголемъ изъ произведеній духовной литературы, которою онъ сталъ интересоваться съ 1845 года, другія—изъ живаго народнаго говора. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпалъ Гоголь и свои примѣры въ опредѣленіямъ словъ, заимствованнымъ изъ лексикона Рейфа и Словаря Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Сравнительно съ объемомъ Гоголевскаго „Сборника“, сумма словъ, внесенныхъ въ него изъ живаго говора, очень невелика. Между тѣмъ Гоголь прилежно изучалъ живую русскую рѣчь, слѣдя упорно за ея разновидностями по сословіямъ. Записныя книжки, веденныя поэтомъ во время пребыванія въ Россіи, наполнены подслушанными имъ разговорами крестьянъ, народными пословицами, словами народнаго говора, терминами разныхъ специальностей. Гоголь тщательно собиралъ тѣ „положительныя и практическія свѣдѣнія“, которыя такъ были ему „нужны“ для созданія „Мертвыхъ Душъ“ ²⁾). Приступая къ этому труду, Гоголь искалъ „хорошаго ябедника“ ³⁾, который могъ бы дать „тѣло“ для будущаго Чичикова; для характеристики мелкихъ подробностей русскаго быта поэту также нужно было предварительно запастись „положительными и практическими свѣдѣніями“, дабы его произведеніе „предстало предъ читателемъ въ полной ясности и порядкѣ“ ⁴⁾. „Вещественная“ статистика Россіи была для него такъ же необходима, какъ и „духовная“ ⁵⁾. Онъ стараетъ желаніемъ знать ее и, поэтъ-затворникъ на чужбинѣ, падаетъ, можетъ быть, жертвою ея невѣдѣнія. П. В. Анненковъ очень вѣрно замѣтилъ о Гоголѣ: „Поэзія, которая получается въ созерцаніи живыхъ, существующихъ, дѣйствительныхъ предметовъ, такъ глубоко пони-

¹⁾ Русское Слово 1859 г., № 1, стр. 116. ²⁾ Сочиненія и письма Гоголя, VI, 338.
³⁾ Русскій Архивъ, 1880 г., II, 514. ⁴⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 383.
⁵⁾ Ср. Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, томъ IV, стр. 472.

малась и чувствовалась имъ, что онъ, постоянно и упорно удаляясь отъ умниковъ, имѣющихъ готовыя опредѣленія на всякій предметъ, постоянно и упорно смѣялся надъ ними и, наоборотъ, могъ проводить цѣлыя часы съ любимымъ воннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости игры въ бабки, со всякимъ специальнымъ человекомъ, который дайте своей специальности и ничего не знаетъ. Онъ собиралъ свѣдѣнія, полученные отъ этихъ людей, въ свои записочки, которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько ихъ видѣлъ г. Кулишъ,—и они дожидались тамъ случая превратиться въ части чудныхъ поэтическихъ картинъ¹⁾. Въ одну изъ записныхъ книжекъ Гоголя, дѣйствительно, вписаны замѣтки, вынесенныя изъ подобныхъ бесѣдъ со „специалистами“, по разнымъ отраслямъ домашней жизни и помѣщичьего быта. Такъ, въ записную книжку, предшествовавшую изданію первой части „Мертвыхъ Душъ“, вписанъ перечень кушаній подъ заглавіемъ: „Блюда“. Въ той же книжкѣ помѣщены Гоголемъ свѣдѣнія о порокахъ, достоинствахъ и недостаткахъ собакъ,—свѣдѣнія, очевидно, продиктованныя ему „специалистомъ“ этого дѣла, можетъ быть, С. Т. Аксаковымъ. Вотъ эта записъ: „Густо-псовыя, чисто-псовыя.—*Чисто-псовыя*—гладкія, съ шерстью длинною на хвостѣ и на ляшкахъ, т.-е. на черныхъ мясахъ. *Густо-псовыя*—съ шерстью длинною на всей собакѣ.—*Крымскія*—съ длинными ушами висячими. *Цѣпть*: *Мазурка*—красная собака съ чернымъ рыломъ. *Черная*—съ подпалиною съ красною мордою. *Муругая*—изъ красна черная съ чернымъ рыломъ. *Половая*—желтая. *Полвоптыя*—по бѣлому желтыя пятна. *Муруоптыя*—по желтому черныя пятна. *Красноптыя*. *Черноухая*. *Спруухая*. *Статки*: Голова—*Щипецъ*, чтобъ длиненъ и тоновъ. *Ребра*: достоинство ребръ—бочковатость, выпукловатость... Толщина и крѣпость черныхъ мясовъ... *Хвостъ*—называется правиломъ, достоинство его въ тонкости; хорошее правило то, которое *въ серпъ*. *Правило въ серпъ*—хвостъ, имѣющій форму серпа. Достоинство ногъ въ прямизнѣ, сухости и въ сжатости пальцевъ,—когти называются зацѣпами,—чѣмъ болѣе она стоитъ на корточкахъ и менѣе захватывается земля. Лапа въ комѣ—сжатая лапа. Клички: Стрѣлай, Обругай, Свосыръ, Терзай, Азарной, Наянъ, Буранъ, Нахоръ (Назоръ?), Черкай, Мазуръ, Саргущъ, Ахидъ, Северга, Свосырка, Касатка, Награда, Вѣдьма, Крамфа (Крамза?), Юла,—во время травли охотникъ зоветъ Юлинькой,—*Пожаръ*“. На основаніи этой записи, сдѣланной со словъ

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки, I, 190.

спеціаліста - охотника, вироботанъ былъ слѣдующій розказъ въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“: „Я тебѣ, Чичиковъ“,—сказалъ Ноздревъ, — „покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитовъ—игла!“ и повелъ ихъ къ выстроеному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ: и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ. Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣлай, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, червай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у сабачеевъ правилами, полетѣли прямо на встрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться“ ¹⁾. Въ той же записной книжкѣ находятся термины, относящіеся къ лѣсу, къ плотничеству, къ „цѣху, сословію ремесленниковъ“, къ „банчишкѣ“, къ „избѣ“ и ея составнымъ частямъ, „загибанья“, наконецъ просто „слова“, взятые изъ народнаго говора, или изъ народныхъ пѣсень, „прилагательныя“, т.-е. народныя прозвища ²⁾, „птичьи и звѣринныя крики“, „цвѣта“. Объемъ и предметы „практическихъ свѣдѣній“, заносившихся въ записныя книжки со словъ спеціалистовъ, опредѣлялись въ значительной степени ходомъ работъ надъ „Мертвыми Душами“. Даже въ одну изъ позднѣйшихъ записныхъ книжекъ (послѣ октября 1846 года) Гоголь заноситъ такое свѣдѣніе: „Сувна: Зиберъ, Клеръ и черныя, и темное зеленое, коричневые, синіе и сѣрые“,—и пользуется впоследствии этою замѣткою при переработкѣ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ ³⁾. Изучать живую русскую рѣчь Гоголь началъ ранѣе выхода въ свѣтъ „Этимологическаго Лексикона“ Рейфа. Впоследствии это изученіе шло параллельно, совмѣстно съ занятіями русскою лексикологією и этимологією по Рейфу и Словарю Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Конечно, непосредственное ознакомленіе съ великорусскимъ языкомъ всегда преобладало у Гоголя надъ изученіемъ этихъ словарей. Подъ конецъ оно, повидимому, вытѣснило занятія лексиконами Рейфа и Словаремъ Академіи,—и вторая часть „Сборника“ Гоголя осталась незакончен-

¹⁾ Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, III, 70. ²⁾ Подъ этою рубрикою стоятъ, между прочимъ: „Софронъ—простякъ“. Ср. обращеніе Ноздрева къ вятю: „Эхъ ты Софронъ!“ Сочиненія Гоголя, III, 71. ³⁾ Сочиненія Гоголя, IV, стр. 564.

ною. Въ ноябрѣ 1848 г. Гоголь писалъ Плетневу: „Прежде чѣмъ при-
мусь серьезно за перо, хочу называться русскими звуками и рѣ-
чью. Боюсь нагрѣшить противу русскаго языка“ ¹⁾. Въ это время
онъ „часто читалъ вслухъ русскія пѣсни, собранныя г. Терещенко,
и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ сва-
дебныхъ пѣсень“ ²⁾. Есть извѣстiе, что въ послѣднiе годы своей
жизни Гоголь проектировалъ составить „народную ботанику, въ ко-
торую предполагалъ внести не только сравнительный словарь народ-
ныхъ названiй растений, но и легенды о цвѣтахъ“ ³⁾. Много та-
кихъ названiй занесено Гоголемъ въ записныя книжки; для О. Н.
Смирновой онъ составилъ даже гербарiй ⁴⁾.

Поэтъ, часто увлекавшiйся планами грандиозныхъ трудовъ, меч-
талъ даже напечатать „Объяснительный Словарь великорусскаго
языка“. Въ бумагахъ Гоголя сохранился слѣдующiй набросокъ объ-
явленiя объ изданiи этого словаря: „Въ продолженiе многихъ
лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣт-
костью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ су-
щественной необходимости такого объяснительнаго словаря, кото-
рый бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его
прямомъ значенiи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоин-
ство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое
происхожденiе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой сло-
варь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало
свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное
значенiе коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой
смыслъ, другiя позарываются вовсе. Академiя Наукъ тремя изда-
нiями своего Словаря ⁵⁾ теперь проложила путь въ этому под-
вигу, безъ того бы неудобноисполнимому и почти невозможному.
Послѣднее изданiе, полнѣйшее всѣхъ предъидущихъ (по значитель-
ному умноженiю собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнiю, ту
объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя
изданiя; но, принимая въ уваженiе то, что это было бы невозможно
для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ,
нельзя упрекнуть Академiю. Напротивъ, она поступила благора-
зумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лин-

¹⁾ Сочиненiя и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 476. ²⁾ С. Т. Аксакова, Исторiя моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 185. ³⁾ Olga Smirnoff, Etudes et souvenirs въ La Nouvelle Revue 1885, 1-er Novembre, p. 20. ⁴⁾ La Nouvelle Revue 1-er Decembre, 1885, p. 474. ⁵⁾ Гоголь разумѣетъ два изданiя „Словаря Академiи Россiйской“ и „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, изданный Вторымъ Отдѣленiемъ Императорской Академiи Наукъ“.

гвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленія такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ необыкновенныхъ лингвистическихъ способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья. Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, любовь, просто одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставляла меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженьемъ. Для меня было наслажденьемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою— и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принести пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробныя листки, я могу услышать мнѣнье и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возможность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью“.

Ссылка на „Словарь Второго Отдѣленія Академіи Наукъ“, вышедшій въ 1847 году, показываетъ, что приведенный проектъ объ явленія объ изданіи „Объяснительнаго Словаря русскаго языка“ набросанъ Гоголемъ не ранѣе 1847 года. Проектированное объ явленіе не было напечатано: смѣлое предпріятіе Гоголя постигла та же судьба, которая выпала на долю его обширной „Исторіи Малороссіи“.

Н. Тихонравовъ.

Выдержки изъ дневника О. М. Бодянского *).

1852 годъ.

Апрѣля 15. Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета слушали профессора Высочайшее повелѣніе, по представленію министра просвѣщенія кн. Ширинскаго-Шихматова, о томъ, чтобы отнынѣ было наблюдаемо въ греческомъ языкѣ Рейхлиново произношеніе—такое, какое сами нынѣшніе греки употребляютъ и какое изстари введено въ наши духовныя училища. Говорятъ, поводомъ къ тому былъ отзывъ одного греческаго архимандрита и вмѣстѣ ректора Аѳинскаго университета, который, будучи въ Петербургѣ, недавно былъ приглашенъ на испытаніе студентовъ педагогическаго института и сказалъ на вопросъ, что онъ думаетъ о знаніи греческаго языка испытуемыхъ: „Видно, что они понимаютъ, что читаютъ“,—сказалъ онъ,—„только они читаютъ по-нѣмецки, а не по-гречески“.

Ноября 6. Въ бытность у А. П. Елагиной слышалъ я вмѣстѣ съ К., что Гоголь просилъ ее и еще кого-то принять на себя трудъ—тѣ деньги, которыя выручатъ за послѣднее изданіе его сочиненій, раздать бѣднымъ. Вечеромъ читалъ съ П. А. К. статью Данилевскаго, помѣщенную въ 12 № Московскихъ Вѣдомостей подъ заглавіемъ *Хуторъ близъ Диканьки*. Въ ней исправилъ всѣ невѣрности и промахи, а также по поводу ея вошелъ въ нѣкоторыя подробности о послѣднемъ моемъ свиданіи съ Гоголемъ, что все записано было К., со словъ моихъ, для составленія особой статьи въ отвѣтъ Данилевскому и В. П. Г-скому на его „*Замѣтки для біографіи Гоголя*“, помѣщенные въ Современникѣ 1852 года, внига X.

* По списку, хранящемуся въ бібліотекѣ Общества Любителей Россійской Словесности.

Ноября 29. А. А. А. рассказываетъ, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы отнынѣ всякое столкновеніе власти съ другими лицами было объясняемо въ пользу первой. Къ этому подало поводъ дѣло военнаго г.-губернатора черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго Ковошкина съ харьковскимъ головой Рудаковымъ, который жаловался сенату на то, что г.-губернаторъ заставляеть его дѣлать особые налоги на горожанъ. Сенатъ нашелъ Рудакова правымъ, велѣлъ его снова возвратить въ должности, отъ которой онъ былъ отставленъ г.-губернаторомъ, и сдѣлалъ послѣднему выговоръ за превышеніе власти. Это однакоже не уняло г.-губернатора, и онъ попрежнему тѣснилъ голову, такъ что тотъ принужденъ былъ въ послѣдній проѣздъ Государя черезъ Харьковъ подать отъ себя жалобу на Ковошкина, положивъ ее на блюдь, на которомъ по обыкновенію подносятъ хлѣбъ и соль.

Декабря 23. „Бывши у Государя“,—рассказывалъ гр. С. Г. Строгановъ,—„послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ въ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: „что ты тамъ печатаешь такое?“—„Государь“,—отвѣчалъ я,—„я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Федора Ивановича; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее непохожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣлать изъ этого шума и представить В. В. какъ нѣчто зловердное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получить его 33, т.-е. изъ всѣхъ, въ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались“.—„Но и архіереямъ не все можно позволять читать“. „Такъ, Государь; но если ученымъ мы не будемъ позволять знать худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усомнится“.—„Хорошо, хорошо“,—подхватилъ тогда Государь: „мы все это уладимъ скоро и пострадавшій отъ Уварова *) возвратится непременно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро наступитъ“. И, точно, ровно черезъ годъ (20 октября 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ.

*) Этимъ пострадавшимъ былъ, какъ извѣстно, самъ О. М. Бодянский, которому велѣно было перейти въ казанскій университетъ.

Разговаривая со Строгановымъ, я, между прочимъ, спросилъ, каково кажется ему новое сочиненіе о войнѣ нашей 1799 г., написанное Михайловскимъ - Данилевскимъ и Милютинымъ?— „Что написано первымъ“, отвѣчалъ онъ: „написано холопомъ, съ цѣлью унижить Екатерину II-ю; но что написано вторымъ, пока я прочелъ, все живо, увлекательно и благородно. Я не понимаю намѣренія, чьего бы то ни было, унижить, Государыню и Суворова. Князь Горчаковъ самъ рассказывалъ мнѣ, что ему Государь Павелъ I-й поручилъ склонить Суворова возвратиться въ Петербургъ, но тотъ отвѣчалъ, что онъ получилъ 7 параличей, 70 подагръ и 700 горячекъ съ тѣхъ поръ, какъ въ деревнѣ. Послѣ многихъ усилій, наконецъ, удалось Горчакову уговорить Суворова пріѣхать къ Государю.“ „Когда же это будетъ?“— „Я поѣду, какъ больной, на долгихъ“. И тотъ, какъ ни старался склонить, чтобъ онъ назначилъ день, никакимъ образомъ не могъ. Воротившись въ Петербургъ, Горчаковъ донесъ государю о намѣреніи Суворова прибыть. „Скоро ли же это послѣдуетъ?“— „Дней черезъ 5“,—отвѣчалъ тотъ, рассчитывая, что въ это время авось Суворовъ подоспѣетъ; но еще нужно было два лишнихъ дня. На послѣдокъ Суворовъ прибылъ и прямо поѣхалъ къ дочери своей, бывшей за Зубовымъ. Горчаковъ, имѣя приказаніе Государя немедленно доложить ему, когда Суворовъ пріѣдетъ, въ какую то ни было пору дня и ночи, явился во дворецъ; но дежурный долго не соглашался сказать о Горчаковѣ, и только послѣ угрозъ послѣдняго—рассказать объ этомъ Государю на другой день,—тотъ пошелъ съ докладомъ. Государь принялъ Горчакова въ халатѣ, и приказалъ сказать о томъ Суворову. „Въ какомъ же мундирѣ явиться Суворову?“— „Ну, хоть въ твоемъ!“—отвѣчалъ Государь; и дѣйствительно, Суворовъ уволенъ былъ даже безъ мундира, и потому, въ буквальномъ смыслѣ, явился, какъ приказано, въ моемъ мундирѣ; въ ночь нельзя было спать никакого. Ровно въ 11 часовъ утра Суворовъ былъ во дворцѣ и вышелъ черезъ часъ съ четвертью. Это время проведено было, по словамъ самого Государя, сказаннымъ послѣ Горчакову (племяннику, кажется, Суворова), въ напрасномъ усиліи навести на мысль Суворова о необходимости снова служить ему въ арміи. „Всякій разъ, какъ я дамъ ему этотъ намекъ, онъ сведетъ то на Прагу, то на Варшаву, то на Измаилъ, то на Очаковъ. Нельзя же было мнѣ“,—заклучилъ Государь,—„прямо сказать ему: „Я прошу тебя служить“. Они разстались, не сошедшись; впрочемъ, Государь пригласилъ его на разводъ, который прождалъ лишнихъ часъ съ чет-

вертью его, чего никогда не бывало. Но Суворовъ, прибывши въ полкамъ, тотчасъ сталъ жаловаться на боль въ животѣ, и какъ ни упрашивалъ его Горчаковъ, онъ уѣхалъ съ развода. Это было чрезвычайно неприятно Государю, который изъявилъ о томъ свое неудовольствіе тогда же Горчакову, призвавъ его во дворецъ и говоря: „Вѣдь ты самъ видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ?“ Суворовъ, привыкши при Екатеринѣ II-й къ разнымъ своимъ странностямъ, обыкновенно входилъ въ залу, въ которой собирались всѣ предварительно для представленія Государынѣ, одѣтый въ фельдмаршальскій мундиръ и на одной ножкѣ. Тогда никто не смѣлъ ему на это и вообще на всѣ его продѣлки ничего замѣтить; но при Павлѣ I-мъ многіе начали надъ его странностями надсмѣхаться, а княгиня Салтыкова, жена фельдмаршала, даже сказала какъ-то ему: „Вѣрно, князь, мундиръ вашъ тяжелъ для васъ?“—Суворовъ, посмотрѣвъ ей быстро въ глаза, сказалъ: „Да, да, мундиръ, матушка, военный очень тяжелъ; его не всякій сможетъ снести, наприм. хоть твой мужъ: помилуй Богъ, какъ онъ для него тяжелъ!“

1853 годъ.

Января 26. Послѣ обѣда у Н. В. Сушкова, — пригласившаго меня лично, наканунѣ, по случаю приѣзда брата его жены Ѳ. И. Тютчева, который, однакоже, отозванъ былъ графомъ С. С. Уваровымъ, и пришелъ уже вечеромъ, часу въ 7-мъ, — разговоривая о томъ о семъ, между прочимъ рѣчь зашла о покойномъ Гоголѣ. Тутъ онъ показалъ мнѣ письмо его къ Ф. Ф. Вигелю, писанное въ отвѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и письмо Вигеля. Оба взялъ я себѣ списать, какъ чрезвычайно замѣчательныя характеристики того и другаго. Не помню, кто-то мнѣ сказалъ на дняхъ, что М. П. Погодинъ, продавъ свое древнехранилище (въ которомъ, правда, много древняго и важнаго, но не менѣе и дряннаго) въ Публичную Петербургскую бібліотеку (по однимъ за 150 тысячъ серебромъ, а по другимъ только за 125), сказалъ: „Ну, теперь я богатъ, слава Богу! Прежде бился я, какъ рыба объ ледъ: и хотѣлъ бы помочь друзьямъ, да не могъ. Нынче добился своего, и спѣшу сдержать слово, данное самому себѣ, въ отношеніи къ лучшему моему другу: надняхъ посылаю ему вексель въ три тысячи рублей серебромъ“. Это было П. П. Шафарику, въ Прагу. Что хорошо, то хорошо, великодушно и благородно. Дай Богъ, чтобы

отнынѣ М. П. пересталъ кулаковать, не имѣя, по его же словамъ, болѣе нужды биться объ ледъ, какъ та рыба.

Апрѣля 22. „Зачѣмъ вы выбираете все такія болящія стороны для своихъ повѣстей?“ спросилъ гр. С. Г. Стр... Н. Ф. П., когда тотъ жаловался нѣсколько разъ ему на цензуру, и, вслѣдствіе того, послѣдній взялся самъ предварительно просматривать все, что онъ ни напишетъ.— „Это ужъ такой у меня взглядъ и такое чутье: чтѣ болитъ, то на меня и глядитъ“, отвѣчалъ Павловъ.

Мая 13. Чаадаевъ (П. Я.) вечеромъ у С. П. Ш-ва увѣрялъ, что А. И. Тургеневъ, когда-то, въ его присутствіи, сказалъ напрямикъ московскому митрополиту Филарету: „Что же, высокопреосвященнѣйшій, вѣдь всѣ мы, безъ исключенія, во время оно были протестантами“.— „Что вы, А. И., Богъ съ вами!“— „Ну, да, чтѣ правда, то правда; было время, еще разъ скажу, когда всѣ мы были протестантами“. И точно, замѣтилъ въ этому разсващивъ, катихизисъ перваго изданія, составленный Филаретомъ московскимъ, далеко не то, что теперешній катихизисъ: въ первомъ всюду стоитъ только „Учитель“, между тѣмъ, какъ во второмъ разнообразно: „Господь, Спаситель и т. п.“ Это обстоятельство припоминаетъ разсказъ гр. С. Г. Строганова о Филаретѣ, епископѣ харьковскомъ (прежде рижскомъ). „Будучи въ Петербургѣ“,—говорилъ онъ мнѣ разъ вечеромъ у себя,—„я слышалъ отъ самого оберъ-прокурора синода гр. Протасова, родственника моего, что когда вышелъ періодъ синодальный его „Исторіи русской церкви“, то онъ, Протасовъ, принужденъ былъ самъ войти съ представленіемъ къ Государю объ этомъ сочиненіи, боясь, чтобы кто другой не опередилъ его и тѣмъ не подвергъ большой отвѣтственности. На представленіи Государь написалъ было: „отобрать всѣ экземпляры и сжечь“, но онъ отговорилъ Государя отъ этого, представляя, что это не только не уменьшитъ опасность, но еще болѣе увеличитъ ее, обративши всеобщее вниманіе на сочиненіе, которое безъ того гораздо меньше можетъ вредить. Напротивъ, нужно поспѣшить вторымъ, передѣланнымъ изданіемъ, надъ чѣмъ уже и трудится сочинитель по Высочайшему де приказанію. Ему грозило лишеніе сана и заточеніе, тѣмъ болѣе, что этого періода (синодальнаго) онъ никому не посылалъ изъ тѣхъ, кому отправлялъ первые, избѣгая такимъ образомъ какъ бы большей огласки преждевременно. И точно, мнѣ самому“,—завключилъ оберъ-прокуроръ,—„періодъ этотъ попался въ руки спустя почти полгода“.

Мая 21 дня. Въмѣсто обыкновеннаго своего дня среды былъ

сегодня у С. П. Шипова, потому что вчера был весь день дождь, а вечером довольно свежо. Изъ постороннихъ почти никого не нашлось. Странно, съ тѣхъ поръ какъ я избралъ среду для своихъ посѣщеній, число прѣвѣжающихъ на вечеръ къ нему до того увеличилось, что среда сдѣлалась самымъ богатымъ днемъ въ недѣлѣ посѣтителями, между тѣмъ, какъ прежде такимъ былъ четвергъ. Будучи одни, рѣчь зашла по поводу новаго слуха о выѣздѣ князя Меншикова изъ Царьграда и предстоящей, вслѣдствіе того, войнѣ съ Турціей, вообще о военачальникахъ. Между прочимъ хозяинъ разсказалъ, что онъ слышалъ отъ самого Опочинина и о Кутузовѣ, какъ тотъ, находясь въ немилости, говорилъ кому-то: „Между нами разсудить Богъ; но я все таки не выйду въ отставку, какое бы мнѣ ни дали мѣсто, потому что я предчувствую, что со временемъ я могу быть полезенъ отечеству, которому, а не другому кому, собственно служу, служилъ и хочу служить. Какъ ни велика, ни сильна во мнѣ преданность къ главѣ его, какъ главѣ, но къ своему отечеству, во всему тому, еще выше и сильнѣе всякой части его, хоть бы то самой важной и главной“.

Юня 3 дня. Было преніе, въ большой университетской залѣ стараго зданія, исправляющаго должность адъюнта по греческой кафедрѣ, Осипа Пѣховскаго, защищавшаго свое изслѣдованіе: „De Q. Horatii Flacci epistola ad Pisones“.

Возражали по-латыни, какъ обыкновенно водится, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ по римской кафедрѣ, ординарный профессоръ Арс. Ив. Меншиковъ по греческой и преподаватель по римской Эрнстъ Клинтъ. Слушая ихъ довольно жаркія пренія, сидѣвшій подлѣ меня профессоръ юридическаго факультета Василій Николаевичъ Лешковъ замѣтилъ мнѣ, что идетъ борьба одного Горація съ Куріаціями; „и, вѣжется“,—прибавилъ я,—этотъ Горацій не Cocles, но quadrocles“. Защищавшій былъ въ очкахъ. Болтовня наша тотчасъ разнеслась тутъ же и дошла до декана, который, по окончаніи, поздравивъ Горація, отпустилъ громогласно чужую остроу ему за свою.

Юня 4 дня. Въ этотъ разъ П. А. К., вечеромъ, къ слову, разсказалъ два слѣдующихъ малороссійскихъ анекдота. Однажды, входя въ женѣ кушнера (скорняка) кума и, будучи поражена сильнымъ запахомъ дубленыхъ кожъ, сказала: „Охъ, якъ же въ васъ, кумо, воняет!“—„Вамъ воняет“,—отвѣчала та,—„а намъ такъ пахнетъ; мы съ іею хлѣбъ имѣмъ“.—Мужъ съ женой отправились на ярмарку

въ ближайшій городъ, или село, и взяли съ собою первое дитяго, на которое не могли вдоволь никогда налюбоваться, а тѣмъ меньше разстаться съ нимъ. Дорогой жена и говоритъ мужу: „Одже цилуй теперь, чоловічи, дытну, а то тамъ зъ народомъ и не доготовнысья!“ Но, прибывъ на армарку, оба нивагъ не могли понять, отчего никто не обращалъ на ихъ дытнку ни малѣйшаго вниманія.

Среда, іюня 10. Послѣ обѣда у Н. В. Сушкова, племянница его, графиня Е. Ростопчина, показала маленькій медальонъ, оправленный золотомъ, на которомъ съ одной стороны былъ гербъ Ростопчинныхъ, а съ другой—буква N подъ императорскою короной, внутри же прямо волоса Наполеона, съ надписью на французскомъ языкѣ вокругъ, или въ серединѣ, а на внутренней сторонѣ дворецъ, съ другой: „графу Ростопчину, Графъ Сегюръ. Парижъ 1818 г.“

Вечеромъ, сидя у С. П. Шипова, слышалъ его разсказъ, со словъ генерала Е. А. Головина, о томъ, какимъ образомъ очутился принцъ Виртембергскій въ Смоленскѣ въ 1812-мъ году. Кто-то изъ генераловъ послалъ ему адъютанта, прося, чтобы онъ поспѣшилъ присоединиться къ нему, но принца никто не могъ добудиться, который за обѣдомъ порядочно напился и спалъ мертвецки. Между тѣмъ время шло да шло; уже къ ночи принцъ проснулся, но было поздно. Впрочемъ, онъ, узнавъ въ чемъ дѣло, велѣлъ выступать, но на дорогѣ встрѣтилъ адъютанта Невѣровскаго, который писалъ, что онъ разбитый отступаетъ въ Смоленскъ, а за нимъ по пятамъ идетъ самъ Наполеонъ со всею арміей, и потому просилъ поторопиться къ нему въ этотъ городъ, что тотъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ Невѣровскій съ принцемъ достойно встрѣтили Наполеона и тѣмъ доставили возможность соединиться за Смоленскомъ нашимъ арміямъ. „Пьянство генерала чрезвычайно пригодилося намъ и спасло отъ большаго несчастія“,—прибавлялъ всякій разъ Головинъ, разсказывая это происшествіе: „я былъ самъ въ этомъ дѣлѣ, служа въ Фанагорійскомъ полку“.

Іюня 11-го дня. Вечеромъ Адрианъ Ф. Головачевъ, уѣхавшій на Уралъ въ первыхъ числахъ мая поспѣшно, и потому не могшій, по обѣщанію, побывать у меня еще разъ, прислалъ своего младшаго брата, которому и вручены были нѣкоторыя книги, назначенныя для подарка Т. Г. Ш. (Шевченку). Это нѣсколько оттисковъ изъ Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ, да сочиненія М. Н. Авося, онъ проведетъ за ними пріятно время въ своемъ уединеніи и вспомнить старину, самъ старѣясь съ каж-

дѣль днѣмъ болѣе и болѣе не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстановки своей.

Октября 31-го дня. Было преніе въ Университетѣ на степень магистра славянской словесности, А. Ф. Гильфердинга. Какъ общалъ, такъ и сдѣлалъ: пропустилъ его на испытаніи и состязаніи, хотя и то и другое были очень слабы, и только въ память прекрасныхъ студенческихъ занятій его сжалился надъ нимъ послѣ долгаго колебанія, давши, однако, слово, — никогда не дѣлать подобнаго послабленія никому. Конечно, черезъ годъ нельзя было ему приготовиться къ испытанію достойнымъ образомъ; но въ такомъ случаѣ кто же торопилъ его? Не пропустить же значило бы, статья можетъ, навсегда убить въ немъ охоту къ занятіямъ Славящиной, къ которой такъ мало у насъ еще охотниковъ, даже между учащимися. Впрочемъ, слабость его въ испытаніи выставлена была ему на видъ послѣ окончанія, въ присутствіи декана и одного профессора (Θ. И. Буслаева), присутствовавшего на экзаменѣ, причѣмъ я сказалъ ему, почему рѣшаюсь его пропустить. Защищалъ же онъ изслѣдованіе свое: „Объ отношеніи славянскаго языка къ родственнымъ“ точно такъ, какъ я его научилъ за два дня передъ тѣмъ, сказавъ, чтобы онъ, для избѣжанія посрамленія, рубилъ бы направо и налево, и такимъ образомъ, новостью и нечаянностью оборотовъ, озадачилъ бы, не щадя, въ случаяхъ нужды, и самого меня; одно лишь не забывать при томъ: не допускать до того, чтобы я разгорячился. Все это исполнено было имъ въ точности. Защищеніе было блестящее, такъ что многіе изъ профессоръ остались имъ и мною недовольными; но за то дѣло выиграно, и публика развѣхалась совершенно увѣренною въ превосходствѣ защищавшагося передъ всѣми его возражателями, что и составляло главную цѣль мою, послѣ того, какъ я рѣшился уже его пропустить. Хуже было бы, еслибы я его смялъ на диспутѣ, какъ того требовали мои недовольные товарищи. Тогда, кто же бы могъ назвать меня благороднымъ? Пропустить до диссертациіи и потомъ совсѣмъ уничтожить: развѣ можетъ быть сомнѣніе въ превосходствѣ учителя надъ только что вышедшимъ ученикомъ? Развѣ не могъ учитель достигъ своего, не безчестя его предъ всѣми? Но пропустивъ, обязанъ поддержать и совершить все.

1854 годъ.

Января 13-го дня. С. П. Шиповъ говорилъ, что проѣзжая однажды въ владимірской губерніи, на одной станціи слышалъ, какъ

ямщиками его ямщика называли князькомъ. То же повторилось и на слѣдующей, куда онъ съ нимъ отправился. Это возбудило его любопытство, и онъ спросилъ одного, почему тотъ слыветъ у нихъ князькомъ?— „Да онъ, вѣдь, изъ роду князей Мышецкихъ“, отвѣчалъ ямщикъ. При семъ одинъ изъ гостей разсказалъ, что въ Петербургѣ у Александры Осиповны Смирновой былъ дворникъ ночной, о которомъ узнали, когда онъ заболѣлъ, что онъ князь Борятинскій. Хозяйка тотчасъ дала знать о томъ князькамъ Борятинскимъ, и онъ исчезъ потомъ навсегда изъ Петербурга.

Января 20-го дня. Ан. Евг. Шипова разсказываетъ, что сестра какого-то молодого офицера, Попадогло, услышавъ, что онъ, сражавшись въ Азіатской Турціи, былъ сильно раненъ, но не оставилъ своего мѣста, продолжалъ битву, пока не выбылъ изъ строя, сильно зарыдала, но потомъ вдругъ перестала плавать, отерла слезы и, перекрестившись, сказала: „Ну, слава Богу, что братъ мой палъ за Царя и Отечество!“ Это начальница Еватерининскаго Петербургскаго Института, въ коемъ малютка Попадогло (ей около 10-ти лѣтъ) воспитывается, тотчасъ довела до свѣдѣнія по начальству, и Государь приказалъ привести воспитанницу къ себѣ, облакалъ ее съ Государыней и потомъ приказалъ выдавать ей по 100 рублей ежегодно, до замужества.

Января 29-го дня. Прїѣхавшій изъ Петербурга П. А. К-шъ сказывалъ, что онъ въ поѣздѣ по чугункѣ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, недавно купившимъ имѣніе въ орловской губерніи, который между прочимъ и о слѣдующемъ, поразившемъ его обыкновеніи въ его деревнѣ передавалъ. „Разъ легши уже спать, вдругъ пробужденъ я былъ“,—говорилъ онъ,—„какимъ-то страннымъ шумомъ на дворѣ; гляжу въ окно: вся деревня, т. е. та ея часть, которая была въ виду моего дома, освѣщена, словно въ какой высокотожественный день; выбѣгаю на дворъ, и что же вижу? девять бабъ (именно девять) съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ пучами лучинъ въ рукахъ и косой, о которую молотками и другими желѣзными орудіями, что есть силы, ударили и производили тѣмъ страшный шумъ, идя рядомъ, одна за другой чинно и важно по улицѣ. На вопросъ мой у дворовыхъ людей, что бы это значило, отвѣчено, что бабы, де, наши прогоняютъ смерть, отъ которой вотъ намъ пало нѣсколько въ ихъ деревнѣ коровъ да быковъ, безъ всякой видимой причины. При этомъ я замѣтилъ, что онѣ тащили за собою и соху, которою, вышедши на поле, собирались провести борозду кругомъ деревни, послѣ чего, по мнѣнію

ихъ, лиходѣйка не посмѣетъ больше показаться въ ихъ пріютъ. Говорятъ, что когда попадется имъ въ ту пору незнакомый чело-вѣкъ, то плохаго до смерти заколотятъ, полагая, что это-то и есть то самое, что онѣ прогоняютъ изъ своего жилища“. Кто при семъ не вспомнитъ остатка нашей языческой старины, когда за тысячу и больше лѣтъ назадъ предки наши точно такъ провожали зиму, какъ символъ смерти, передъ наступленіемъ первыхъ вешнихъ дней, извѣстную у нѣкоторыхъ Славянъ подъ именемъ Мораны, Мараны и т. п.

Разговорившись о послѣднемъ его (К-ша) сочиненіи о Гоголѣ, которое должно показаться въ февральской книжкѣ „Современника“ и т. п., я ему разсказалъ, что поводъ къ сочиненію „Ревизора“ былъ истинное происшествіе, случившееся, какъ было мною уже замѣчено, въ Бессарабіи съ П. Свинынымъ и разсказанное мнѣ его близкими родственниками, что онъ тутъ же и записалъ, для памяти, при дальнѣйшей оцѣнкѣ его.

Января 31-го дня. П. А. К—шъ, бывши у М. С. Щепкина съ письмомъ отъ молодаго Маркевича, А. Н. (сына историка Малороссіи), котораго Щепкинъ очень цѣнитъ, какъ отличнаго музыканта, между прочимъ сказалъ, что М. С. на слова его: „Я пріѣхалъ просить у васъ“ позволенія прочесть вамъ нѣсколько отрывковъ изъ біографіи Н. В. Гоголя, память котораго для васъ, какъ короткаго его знакомаго и почитателя, должна быть, конечно, драгоцѣнна; а мнѣ не хотѣлось бы сказать что-нибудь такого, что было бы не такъ, или непріятно Вамъ“,—разсказалъ тотчасъ слѣдующее. Когда покойный Гоголь напечаталъ свой „Римъ“ въ „Москвитинѣ“, то, по условію, выговорилъ себѣ у Погодина 20-ть оттисковъ, но тотъ, по обыкновенію своему, не оставилъ, сваливая вину на типографію. Однако Гоголь непремѣнно хотѣлъ имѣть ихъ, обѣщавъ напередъ знакомымъ по оттиску. И потому, настаивая на своемъ, сказалъ, разгораясь мало-помалу:— „А если вы договора не держите, такъ приважите вырвать изъ своего журнала это число оттисковъ“.— „Но какъ же“,—замѣтилъ издатель,— „вѣдь тогда я испорчу 20-ть экземпляровъ?“— „А мнѣ какое дѣло до этого?... Впрочемъ, хорошо: я согласенъ вамъ за нихъ заплатить“,—прибавилъ Гоголь, подумавъ немного: „только чтобъ, непремѣнно, было мнѣ 20-ть экземпляровъ моей статьи, слышите?— 20-ть экземпляровъ!“ Тутъ я увелъ его въ его комнату, на верхъ, гдѣ сказалъ ему: „Зачѣмъ вамъ бросать эти деньги такъ на вѣтеръ? Да за 20-ть цѣлковыхъ вамъ наберутъ вновь вашу статью“.— „Въ

самомъ дѣлѣ?“—спросилъ онъ живостью. „Ахъ, вы не знаете, что значить имѣть дѣло съ кулакомъ“.—„Тавъ зачѣмъ же вы связываетесь съ нимъ?“ подхватилъ я.—„Затѣмъ, что я задолжалъ ему шесть тысячъ рублей ассигнаціями: вотъ онъ и жметъ меня. Терпѣть не могу печататься въ журналахъ,—нѣтъ, вырвалъ таки у меня эту статью! и что же, какъ же ее напечаталъ? Не далъ даже выправить хоть въ корректурѣ. Почему ужъ это такъ, онъ одинъ это знаетъ!“—„Ну“, подумалъ я, прибавилъ тутъ Щепкинъ: „потому это такъ, что иначе онъ и не сдумѣетъ: это его природа дѣлать все, какъ говорится, тапъ да ляпъ“.

Февраля 13-го дня. Ныняшняя война съ Турціей, Франціей и Англіей, а можетъ быть, и Австріей, и Пруссіей, могла бы быть предупреждена еще въ 12-мъ году, да и этотъ едва ли бы состоялся, если бы Чичаговъ исполнилъ повелѣніе покойнаго Государя. В. А. Полѣновъ, бывший правителемъ у Чичагова, говорилъ, что Государь, проникая замыслы Наполеона, вдругъ отправилъ Чичагова поспѣшно на Дунай съ повелѣніемъ принять начальство надъ тамошней арміей и, распечатавъ потомъ пакетъ, поступить по приказанію, въ немъ заключенному. Но Чичаговъ, питая ненависть къ старинному врагу своему, Кутузову, цѣлыхъ шесть недѣль занимался повѣркой денегъ, бывшихъ у послѣдняго въ распоряженіи, какъ у главнаго начальствующаго, и только тогда распечаталъ пакетъ, когда все покончилъ, нашедши чрезвычайныя злоупотребленія. Однако, раскрывъ пакетъ, нельзя было уже ничего, по приказанію Государя, сдѣлать, такъ какъ время было пропущено, т. е. нельзя было направиться со всѣми Дунайскими войсками въ Австрію, поднять тамошнихъ Славянъ и вмѣстѣ съ ними заставить уничтожить Австрію, чѣмъ, разумѣется, вниманіе Наполеона было бы отвлечено отъ насъ и онъ долженъ бы слѣшить не къ намъ, но на спасеніе своего тестя и союзника. Но пакетъ распечатанъ былъ въ то время, когда Наполеонъ перешелъ уже Нѣманъ. Кутузовъ, мстя своему врагу, отплатилъ ему тѣмъ, что мало-помалу, какъ главноначальствующій, лишилъ его многихъ дивизій и оставилъ только чрезвычайно мало войска, съ которымъ тотъ не могъ воспрепятствовать переправѣ Французовъ черезъ Березину. Не будъ этой мести, конечно, Наполеонъ былъ бы до послѣдняго человѣка истребленъ тутъ.

Марта 17-го дня. На вечерѣ у С. П. Ш., сынъ М. А. Д—ва, въ разговорѣ, рассказавъ между прочимъ о двухъ анекдотахъ, относящихся къ предметамъ всеобщаго вниманія современниковъ:

войнѣ и Рашели, недавно уѣхавшей изъ Москвы. „Что, баринъ, правда ли, что на насъ поднялись четыре земли?“ спросилъ мени недавно извозчикъ, везшій днемъ въ одному пріятелю. „Ну четыре, не четыре“,—сказалъ я ему,—„а три цѣлыхъ“. Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ: „Видно, порознь не сладятъ. Да еще говорить“,—прибавилъ онъ,—„въ томъ числѣ и французъ?“ — „Да, и онъ.“ — „Гм... Мало еще его били!“ сказалъ онъ, не много думая.

— „Ѣхавши какъ-то мимо театра, около масляной, я спросилъ своего извозчика: „Не знаешь ли ты, братецъ, отчего такой тутъ сѣвѣздъ сегодня?“ — „Да что, баринъ“,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—„говорятъ, какая-то Нѣмка обираетъ господъ“. — „Да чѣмъ же?“ — „Да Богъ знаетъ; бають чудеса: ни пляшетъ, ни поетъ, а все только умираетъ“.

.....
..... Говорятъ также, что московскій митрополитъ представилъ Государю отъ себя приношеніе въ 50-тъ тысячъ серебромъ, и Государь отвѣчалъ собственноручно на представленіи отъ синода: „Благодарить, а пожертвованное употребить на возобновленіе храмовъ божіихъ въ землѣ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, или же храма Софійскаго, когда, дастъ Богъ, возьмемъ Царьградъ“. Прибавляютъ, что копія съ этого находится у самого Владыки, который многимъ показывалъ ее.

Марта 24-ю дня.—„Какимъ образомъ случилось, что Пруссія такъ стала къ намъ расположенной?“ спросилъ я сегодня графа С. Г. Строганова.—„Очень просто“,—отвѣчалъ онъ: „когда нашъ посланникъ (Будбергъ) сталъ говорить Мантейфелю (предсѣдателю Прусскаго министерства), что странно, де, Пруссія поступаетъ теперь, отдѣляясь отъ Россіи, которая столько всегда добра дѣлала ей и никогда не подала малѣйшаго повода къ сомнѣнію объ искренности своего расположенія; тогда Прусскій министръ сказалъ: „Дѣло въ томъ, что теперь не король, а камеры все дѣлаютъ. Король ничего не можетъ безъ нихъ“. Будбергъ тотчасъ передалъ свой разговоръ королю, который, узнавъ все это, чрезвычайно разсердился. — „Ну, такъ я же покажу имъ, что значить король въ Пруссіи и при камерахъ“.

Апрѣля 10-ю дня. Говѣя, т.-е. исповѣдуясь и приобщаясь въ церкви Божіей Матери Смоленской, что у Никитскихъ воротъ, извѣстной больше подъ именемъ Θεодора Студита (по придѣлу), встрѣтился нежданно съ Михаиломъ Александровичемъ Стаховичемъ, бывшимъ во время моего кандидатства моимъ ученикомъ по

приготовленію его въ университетъ, а теперь помѣщикомъ съ чиномъ коллежскаго секретаря по кандидатской степени, полученной имъ при выходѣ изъ университета. Весь обросъ бородою, до того, что когда онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю ли я его, то отвѣтъ мой былъ отрицательный. Онъ сказалъ, что живетъ зиму и весну въ Москвѣ и занимается изданіемъ „Голосовъ великорусскихъ пѣсенъ“ съ текстомъ по тетрадамъ, и извинялся, что не былъ до сихъ поръ у меня. Пришедши сегодня ко мнѣ утромъ, между разговора, сообщилъ мнѣ, увидѣвъ на стѣнѣ портретъ Новикова, что дѣдъ его по матери, Первовъ, былъ самый приближенный къ Новикову, поставленъ послѣднимъ, какъ преемникъ, хотя пережилъ его только двумя годами; что у дѣдушки было много бумагъ масоновскихъ, большею частью переводныхъ разными лицами и переписывавшихся особыми писцами въ нѣсколько рукъ для членовъ, которыхъ дѣдушка, умирая, завѣщаль передать * * * * *, по смерти коего дочери увезли всѣ бумаги въ какую-то тамбовскую деревню. Въ числѣ послѣдователей Новикова были: Семень Ивановичъ Гамалѣя, письма коего были изданы моими родителями („Письма С. И. Г. Москва 1832 г., въ Университетской типографіи, 8°, 2 книжки; они тотчасъ запрещены были), далѣе Дубовицкій (отецъ зятя моей сестры), Бѣликовъ, Невзоровъ, Лабзинъ и друг. Замѣчательно, что общество это распалось подъ конецъ на общества московское и рижское: первое считалось высшей степенью, такъ что члены втораго не всегда общились съ послѣдними и даже не всегда знали по именамъ другъ друга.

Увидя на стѣнѣ другой портретъ, гетмана Разумовскаго, онъ припомнилъ, что это списокъ съ подлиннаго, находившагося у жены Францена, урожденной Вихманъ, красавицы въ свое время, выданной за берейтора гетмана, который тоже извѣстенъ своими похождениями; между прочимъ тѣмъ, что подавалъ прошеніе Петру III о вознагражденіи за услуги, оказанныя имъ ему, его отцу и матери, что тотъ и сдѣлалъ. „Послѣ него копія этого прошенія сохранилась у вдовы, а отъ нея перешла къ отцу моему, которую спешу Вамъ. Прочія вещи, по кончинѣ ея у насъ, перенесены были къ ея брату, аптекарю гдѣ-то въ Малороссіи. Она вынянчила меня, моего брата и сестру. Старушка эта рассказывала намъ много анекдотовъ о покойномъ гетманѣ, на примѣръ, какъ онъ однажды, пришедши въ Петербургъ къ капельмейстеру Двора Рачинскому (отцу извѣстнаго малороссійскаго музыканта),— жившему въ небольшой комнатѣ, почти рядомъ съ Государевой, съ обязанностью тотъ-

часъ являться по первому зову и играть что приказано будетъ,— сказалъ: „Что, какъ?“— „Пьяно!“ Последнее какъ-то было сказано довольно громко, такъ что Петръ III-й услышалъ самъ, или же кто ему тотчасъ передалъ, въ ту пору, когда онъ дѣйствительно веселился съ своими потѣшными лицами. Разгнѣванный Петръ вбѣжалъ въ комнату и спросилъ съ грознымъ видомъ: „Какъ смѣешь ты..... говорить такія слова?“— „Помилуйте, государь“ — отвѣчалъ за музыканта гетманъ, ни мало не смущаясь такимъ вопросомъ: „мы разговаривали о музыкѣ и, между прочимъ часто повторяли: crescendo, piano, forte и т. п. музыкальные термины“.— „То-то же!“ сказалъ Петръ и удалился, вполне увѣренный въ справедливости рѣчей Разумовскаго.

Апрѣля 15 дня. Слышно, будто поляки предлагали Государю составить изъ себя и своихъ подданныхъ особый корпусъ, но Государь, поблагодаривъ ихъ за то, отклонилъ, говоря, что онъ непремѣнно воспользуется ихъ вѣрноподданническимъ усердіемъ, когда нужно будетъ послать войска въ Китай.

Апрѣля 23 дня. Бывши въ нижней лавѣ И. В. Базунова, вскорѣ послѣ извѣстія о бомбардированіи Одессы, слышалъ, какъ одинъ изъ посѣтителей, между прочимъ, сказалъ: „Да, батюшка! Нонче-то ужъ и простой народъ узналъ, въ Москвѣ, знаетъ все, что ни на есть тамъ въ газетахъ. Вотъ намерднись я ѣхалъ въ Рогожскую и слышу, какъ одинъ извозчикъ, осерчавъ на своего брата, гаркнулъ во все извозчикье горло: „Погоди, мошенникъ, я тебѣ такую задамъ нахмьку въ Синопѣ, что будешь помнить меня долго!“

Мая 21-го дня. Узнавъ о возвращеніи графа С. Г. Строганова изъ Петербурга, я навѣстилъ его и между разговора узналъ слѣдующее: „Государь спросилъ меня о мнѣніи Москвы въ нынѣшнее время, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ сказалъ: „Хорошо, что Москва постепенно разгорячается: у нея много для будущаго въ запасъ; будетъ чѣмъ показать себя и постоять за свое. Я приказалъ генералъ-губернатору не торопиться пожертвованіями; теперь пока и своими средствами я могу изворачиваться. Но когда наступитъ пора послѣ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, тогда необходимыми станутъ жертвы для каждаго истиннаго русскаго, потому что я не спѣшу войной и думаю окончить ее не ранѣе 6-ти лѣтъ“.

Анатолій Демидовъ, явившись ко мнѣ, спрашивалъ, какъ ему покончить свое дѣло пожертвованія. Я совѣтовалъ ему изъявить готовность каждый годъ приносить въ теченіе 6-ти лѣтъ по 100 ты-

сячь рублей серебромъ, что и было имъ сдѣлано. Сперва было онъ хотѣлъ уплачивать металломъ, но Казначейство отвѣчало, что это сопряжено съ большими затрудненіями.

Юня 2-го дня. О. И. Тютчевъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, рассказывалъ, что главной причиной такого медленнаго дѣйствія съ нашей стороны противъ Турковъ—ожиданіе, чтобы Нѣмцы, наконецъ, высказались вполнѣ, чего они хотятъ. На вопросъ, предложенный вѣмъ-то въ Петербургѣ Паскевичу, касательно войны съ послѣдними, этотъ отвѣчалъ: „Дѣло статочное, что и Нѣмцы пойдутъ на насъ. Если на первый разъ они одержатъ значительный верхъ, войска ихъ, особливо австрійское, стануть продолжать войну; въ противномъ случаѣ большая часть ихъ передается намъ, а остальное разбѣжится, кто куда попалъ. Впрочемъ“,—продолжалъ Т.,— „едва ли король прусскій поднимется на насъ: сколько извѣстно, онъ скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ это сдѣлаетъ, судя по разнымъ слухамъ, прямо изъ Берлина доходящимъ въ намъ“.

Юня 5-го дня. Гуляя съ Т—вымъ, снова разговорились мы о событіяхъ военныхъ, о которыхъ трудно и не говорить, такъ какъ они дѣйствительно стоятъ впереди всего, что ни совершается вокругъ насъ, а потому, какъ таковыя, и не могутъ не быть предметомъ разговора и сужденій. Года четыре тому назадъ, Государь въ первый разъ, въ разговорѣ съ графомъ Орловымъ, сказалъ между прочимъ: „Сколько я могу видѣть и судить о томъ, что теперь совершается въ мѣрѣ, кажется, что пришла уже пора намъ подумать и о Турціи: она ясно разлагается“.

Юня 8-го дня. Катковъ привелъ г. С., адъютанта по кафедрѣ русской словесности; онъ пріѣхалъ на вакаціи поработать въ нашихъ духовныхъ книгохранилищахъ, равно какъ у Троицы, имѣя съ собой письмо къ Владыкѣ отъ харьковскаго Владыки. Въ разговорѣ коснулись прежняго министерства нашего, и онъ сообщилъ, какъ слышалъ отъ старшихъ своихъ сотоварищей по университету о первомъ, такъ сказать, выходѣ въ званіи министра Уварова: „Прошу быть господа, покорными мнѣ: кто иначе станетъ думать, того я безъ дальняго удалю. Не ссылайтесь мнѣ на законы. Я знаю лучше всякаго, какъ и для чего у насъ законы. Законы—воля министра, и больше ничего. Надѣюсь, это немудреное и простое правило вы легко запомните и постараетесь исполнять,—тогда мы сдѣлаемся друзьями! Вы увидите во мнѣ не господина, не начальника, но вашего друга и благопріятеля.“

Юня 19-го дня. Слышу, что А. С. Хомяковъ за свои сти-

хи, по случаю войны съ Турціей, написанные и обращенные въ Россіи, получилъ не только замѣчанье отъ правительства, черезъ генераль-губернатора, но даже взята, говорятъ, отъ него подписка, или же, просто, честное слово, ничего не распространять изъ своихъ стихотвореній, прежде нежели одобрить ихъ петербургская цензура, въ которую онъ долженъ ихъ представить. Стихи эти начинаются:

„Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ“, и пр.

Правда, они чрезвычайно звучны, проникнуты неподдѣльнымъ жаромъ любви въ родному, но тѣмъ не менѣе большинству не могли прійтись по-нутру, потому что заключаютъ въ себѣ упреки, хотя и справедливыя, но совершенно *неумѣстныя*, безвременныя въ ту пору, когда всѣ и все устремились въ дѣлу и дѣланію великому, можетъ быть, единственному въ лѣтописяхъ міра. Тутъ не до исчисленія гадостей, которыхъ у насъ, какъ и у всѣхъ смертныхъ, довольно, и не до заботъ объ истребленіи ихъ. Словомъ, пѣвецъ сплосалъ: „Россія не Ниневія, а Х—въ не Еремія“, какъ-то пришлось мнѣ выразиться въ одномъ домѣ, на вечерѣ, когда зашла рѣчь объ этомъ: „хоть и родился въ день Еремія“, кто-то замѣтилъ мнѣ тутъ изъ слушающихъ. И справедливо: я вспомнилъ потомъ, что почитатели и пріатели его обыкновенно поздравляютъ его со днемъ рожденія 1-аго мая, въ день пророка Іереміи. Какъ бы то ни было, только съ нимъ случилось на этотъ разъ по пословцѣ: „На вѣку—не на боку, достанется и хомяку.“

Февраля 12-го дня. Кандидатъ нашего Университета по историко-филологическому факультету, бывшій мой студентъ, въ разговорѣ о перепискѣ Гоголя съ нашими писателями (по случаю „Опыта біографіи Гоголя“, соч. Н. М., появившейся только что во 2-ой книжкѣ „Современника“), сообщилъ, что съ писемъ Гоголя къ матери и нѣкоторымъ другимъ лицамъ III—въ имѣеть лишь воші, но что подлинники всѣ у матери; далѣе, что II—нѣ охотно, кажется, передаетъ K—шу переписку свою съ Гоголемъ и что онъ теперь разбираетъ еще кое-что изъ найденнаго вмѣстѣ съ „Острицею“ въ чемоданѣ Гоголя, находившемся у Жуковского и переданнаго женою его А. П. Елагиной. „Мнѣ передавали“, прибавилъ онъ: „что Жуковский въ теченіе 4-хъ лѣтъ платилъ Гоголю по тысячѣ рублей серебр., испросивъ на это согласіе Государя Наслѣдника, которому былъ эти деньги долженъ“. Высокій примѣръ съ обѣихъ сторонъ!

Сентября 24-го дня. Разговаривая съ графомъ С. Г. Стрѣгановымъ, пришли къ М. Н. П. и Академіи Наукъ. „Если бы мнѣ когда привелось быть министромъ просвѣщенія, первое, на что обратилъ бы я свое особенное вниманіе, была бы Академія Наукъ. Надобно, чтобы она была чисто русская, изъ однихъ русскихъ. Что до того, что мы, конечно, во многомъ не можемъ еще тягаться съ другими? Со временемъ потягаемся и въ этомъ. А теперь главное, чтобы мы воздѣлывали свое сами, а не чужими руками. Только свой о своемъ можетъ радѣть, какъ слѣдуетъ, а наемникъ—наемникъ“.

Октября 21-го дня. Много еще другаго любопытнаго рассказывалъ Н въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ. Подъ конецъ разговоръ съклонился на событія дня. „Я прямо изъ Крыма“,—сказалъ онъ: „и говорилъ съ Меньшиковымъ наканунѣ Альмскаго побоища. Когда я спросилъ его: „Скажите мнѣ, князь, сколько у васъ войска?“ онъ отвѣчалъ мнѣ: „35 тысячъ.“—„А сколько въ запасѣ?“—„Ни солдата.“—„Скоро ли ждете?“—„Дня черезъ три, четыре отъ Хомутова, полка два съ нѣсколькими сотнями казаковъ.“—„И только?“—„И только.“—„Что же вы думаете сдѣлать?“—„Сдѣлаться и тѣмъ показать непріятелю, что Русскіе не такіе, какими онъ привыкъ себѣ представлять ихъ съ нѣкотораго времени. Я хорошо знаю, что мнѣ не устоять, но и онъ послѣ будетъ не то ужъ, что есть и былъ бы безъ того. Я продержусь здѣсь (указывая на свою позицію) 5—6 часовъ, а потомъ отступлю церемоніальнымъ маршемъ подъ Севастополь“.

1855 годъ.

Февраля 5-го дня. Утромъ въ 11 часовъ отправился къ Попечителю въ первый разъ послѣ 12-го января 1855 г. На вопросъ: „дома ли?“—получилъ отвѣтъ утвердительный. Ну, думаю, это счастье! Но не тутъ-то было. При входѣ въ прихожую (а домъ, въ которомъ онъ живетъ, принадлежитъ теперь Аксакову, родственнику С. Т. Аксакова, купившему его у наслѣдника И. И. Дмитріева) изъ двухъ, дожидавшихся уже, одинъ, стоявшій поближе къ дверямъ, тотчасъ ускользнулъ, а другой остался на своемъ стулѣ, подлѣ окна, у самаго порога. Слишкомъ часъ ходилъ я по комнатѣ. Наконецъ явился на выручку М. Н. Похвисневъ, который сталъ извиняться тотчасъ въ томъ, что по сю пору не побывалъ у меня и не поблагодарилъ за экземпляръ цензурованного имъ сочиненія моего, посланнаго недѣли съ полторы въ нему въ пере-

плетѣ. Вошедши въ кабинетъ, онъ черезъ 15 минутъ вышелъ и позвалъ меня, а со мной и товарища моего Рулье, только-что вваливагося съ 3-мъ нумеромъ „Вѣстника Естественныхъ Наукъ“, издаваемаго имъ другой годъ. Съ нимъ было я завелъ разговоръ о послѣднемъ, который такъ какъ былъ довольно громокъ, то, кажется, это самое и ускорило наше приглашеніе. По входѣ въ кабинетъ, правитель канцеляріи Должиновъ, приостановилъ чтеніе докладныхъ бумагъ, и Попечитель принялъ отъ меня экземпляръ моего сочиненія въ сафьянномъ переплетѣ и пустился въ изъявленія благодарности. Между прочимъ сказалъ нѣсколько разъ: „Безъ васъ мы бы рѣшительно не могли выполнить программы торжества. Государь чрезвычайно остался доволенъ вашимъ трудомъ, который объяснялъ Шевыревъ („ну, хорошъ же объяснитель!“ подумалъ я себѣ), особенно долго останавливался на разсматриваньи снимковъ, кои тоже и тотъ же объяснялъ—изъ какой рукописи, какого вѣка“ и т. п. Послѣ того еще нѣсколько разъ повторилъ: „Безъ васъ мы бы не исполнили своей программы“. Я осмѣлился присоединить къ словамъ объяснявшаго ваше сочиненіе: „Подобнаго у насъ еще и Академія не дѣлала“. Богъ ему судья во всемъ этомъ: если и десятая доля правды, много и премного, послѣ пятилѣтняго разрыва и самыхъ жаркихъ заочныхъ перепалокъ. Выходя, ерѣпко жаль мнѣ руку и нѣсколько разъ поцѣловался. Свиданіе продолжалось около 25—30 минутъ. Послѣ первыхъ словъ его ко мнѣ, онъ обратился къ Рулье, торжественно вручилъ ему брильянтовый перстень отъ Государыни, за поднесенный экземпляръ „Вѣстника“, самъ надѣлъ его ему и любовался долго тремя рисунками въ вышедшемъ 3-мъ № „Вѣстника“, изъ коихъ въ послѣднему дѣйствительно превосходенъ; причемъ пустился въ рассказъ, какихъ трудовъ стоило ему основать это изданіе. „Мнѣ принадлежитъ лишь мысль, а выполнение ему (Рулье); безъ него ничего не было бы. Я уже самъ начиналъ послѣ трехлѣтнихъ неудачъ приходить къ убѣжденію, что, точно, на русскомъ такое изданіе невозможно еще, между тѣмъ какъ годичный выпускъ показалъ всю ложность представленій этихъ, и теперь не только изданіе окуплено, но и въ значительныхъ барышахъ. Сколько понинѣ подписчиковъ?“ спросилъ онъ Рулье. „Вдвое противу прошлогодняго въ эту пору, а первый годъ не только разошелся, но уже и продается за двойную цѣну“. Потомъ круто поворотивъ снова къ юбилею, сказалъ: „Я радъ, что мнѣ удалось министра склонить представить Государю списокъ лицъ и тѣхъ, кои имъ были вычеркнуты

изъ боязни, чтобы не показаться слишкомъ докучливымъ (или что-то въ этомъ родѣ) и, въ совершенному удовольствію моему, Государь и этихъ наградилъ. Вы не знаете, какое впечатлѣніе такіа милости Государя произвели въ Петербургѣ; ко мнѣ со всѣхъ сторонъ начальники учебныхъ заведеній то и дѣло пріѣзжали съ поздравленіями и благодарностью за такой успѣшный ходъ всего дѣла. „И намъ отнынѣ будетъ теплѣе“, говорили они мнѣ; особливо много и горячо толковалъ объ этомъ ректоръ петербургскаго Университета (Плетневъ)“. „Право, награды истинно царскія. Въ 25 лѣтъ прежде Университетъ нашъ не получалъ того, что теперь за одинъ разъ“, подхватилъ Рулье.—„Да, да!“ сказалъ онъ,—„не получалъ, не получалъ! Совершенная правда!“—„Что въ этомъ особенно утѣшительнаго, это всеобщее сочувствіе“,—сказалъ я,—„выражаемое самимъ дѣломъ, даже и тѣми, кто не могъ присутствовать у насъ, на примѣръ кievскій университетъ“...—„Ваша правда. Я недавно получилъ письмо отъ одного лица, участвовавшаго на обѣдѣ, данномъ тамъ Университетомъ въ самый тотъ день, что и у насъ, и изъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ на немъ, прислана ко мнѣ одна—помощника Попечителя... — „М. В. Юзефовича“,— прервалъ я: „воспитанника нашего Благороднаго Пансіона“.—„Такъ точно, вотъ она!“ И началъ читать. Дѣйствительно, рѣчь оказалась очень встать: коротко и толково. „Но вотъ“,—подхватилъ Похвисневъ,—„въ сожалѣнію, стихи Майкова я никакъ не рѣшаюсь пропустить“.—„Какіе?“ спросилъ я.—„Стихи, читанные имъ на обѣдѣ у Министра нашего“, отвѣчалъ онъ (Попечитель) и написанные имъ же по случаю нашего торжества: они были переданы Абрамомъ Сергѣевичемъ Ректору для дальнѣйшаго распоряженія. „Что-жъ тамъ у нихъ такого, что вы затрудняетесь? Прочтемъ“. По прочтеніи, я сказалъ, что затрудненіе это, можетъ быть, въ другую пору, и возбудило бы какіе толки, но теперь всякое, даже излишнее предпочтеніе Москвы передъ Петербургомъ не только пройдетъ даромъ, но еще будетъ и одобрено.“—„Право, и я такъ думаю“, подхватилъ хозяинъ. Тутъ человекъ доложилъ о профессорахъ, прибывшихъ и желавшихъ предстать. Я тотчасъ же за шляпу и въ передней встрѣтилъ точно изъ новопожалованныхъ трехъ: Глѣбова, Лешкова и Менщикова, которые, безъ сомнѣнія, явились по повѣсткѣ за своими украшеніями. Возвратившись въ Университетъ, въ сѣняхъ столкнулся съ Шевыревымъ, который встрѣтилъ меня сухимъ извѣщеніемъ, сказаннымъ сквозъ зубы и какъ бы нехотя, что

мое сочиненіе было вмѣстѣ съ другими тоже представлено (еще бы!) Государю и всей Царской Фамиліи.

Распрашивая его о мѣстѣ, гдѣ собираются профессора дать обѣдъ своему Начальнику завтра, я потерялъ минутъ десять, и когда вошелъ въ залу Правленія, никого не засталъ тамъ. Напрасно посылалъ я къ синдикѣ за листомъ, на которомъ подписывались товарищи: онъ куда-то ушелъ, и потому, наказавши принести ко мнѣ на домъ при первой возможности, ушелъ во-свои. Черезъ два часа принесли его: собрано оказалось до моей подписи (1150 р. с.) тысяча-сто-пятьдесятъ рублей серебромъ. Есть на что попить за говѣнье. Любопытны статистическіе выводы: по 100 руб. 2 (Ректоръ и Иноземцевъ), по 50—3 (Шевыревъ, Брашманъ и Веселаго, все новопожалованные), по 40—1 (Фишеръ), по 30—1 (Клименковъ), по 25—6 (Анке, Вернадскій, Глѣбовъ, Грановскій, Полунинъ, Кохъ: всѣ, кромѣ послѣдняго, новопожалованные), по 20—4 (Баршевъ, Зерновъ, Варвинскій и Спасскій—новопожалован.), по 15—9 (Басовъ; Рулье, Буслаевъ, Оверъ, Давидовъ, Ершовъ, Броссе, Матюшенковъ, и еще кто-то, подписавшійся неразборчиво; первые 3 новопож.), по 10—35, по 5—3 (Пѣховскій, Пако и Гарвей). Я попалъ въ предпослѣдній разрядъ и подписался послѣднимъ. Обѣдъ назначенъ въ 4-й гимназіи.

Февраля 6-го дня. Обѣдъ былъ довольно хорошъ. Изъ профессоровъ нашего факультета не подписалось 4: Соловьевъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ и Петровъ; послѣдніе, какъ обойденные, могли имѣть нѣкоторый поводъ къ тому, но первый—непопятно почему.

За обѣдомъ читалъ свои стихи Шевыревъ, конечно, съ холопскимъ направлениемъ, но, говоря искренно, они были далеко лучше стиховъ его на юбилей. Послѣ него произнесъ рѣчь Погдинъ; сверхъ всякаго чаянія, она удалась ему; особенно хорошо выразился онъ о бѣдномъ состояніи ученаго сословія въ Университетѣ нашемъ, на основаніи данныхъ „Биографическаго Словаря“, изготвленнаго ко дню столѣтія.

Февраля 16-го дня. Вечеромъ, въ среду, бывши у С. П. Ш—ва, узналъ о выборѣ А. П. Ермолова вчера въ Начальники Московскаго Ополченія: изъ 280 шаровъ только 6 черныхъ; а сегодня, говорятъ, получено уже утвержденіе по телеграфу, или же извѣстіе о томъ. Генераль-губернаторъ будто-бы считалъ своею обязанностью, — по однимъ письменно, по другимъ словесно, — черезъ одного сына Ермолова, служащаго у него адъютантомъ, предупредить старика, что, де, вѣроятно, онъ откажется отъ выбора въ Начальники Опол-

ченія, на случай, если бы его выбрало московское дворянство, какъ ходять о томъ слухи, и т. п. На это Ермоловъ отвѣчалъ письмомъ, которое тутъ же Анна Евгр. показала мнѣ и дала списать. Вотъ оно: „М. Г. А. А! Благодарю Васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія Вашего по предмету предстоящихъ выборовъ и со всею откровенностью отвѣчаю Вамъ. Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію; но если я буду удостоенъ избранія Московскаго дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ, и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, и если бы даже не утвержденъ былъ въ званіи Начальника Губернскаго Ополченія, въ какое я, вѣроятно, могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найтись люди способнѣйшіе и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ. 24 года вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и въ теперешнемъ случаѣ ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю и, конечно, искать не стану. Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему Графу, и никому другому я не скажу иначе. Душевно преданный“ и пр.

Говорять, что письмо это было объявлено сыномъ его въ собраніи дворянства, когда стали было нѣкоторые дѣлать замѣчанія въ родѣ того, которое вызвало самое письмо; оно было тутъ же списано и разошлось молніей по городу. Послѣ выбора „ура!“ продолжалось безъ умолку слишкомъ четверть часа. Вторымъ по немъ избранъ Графъ С. Г. Строгановъ, тоже значительнымъ числомъ. Онъ въ это время, съ святою, находился въ Петербургѣ и лишь сегодня вернулся изъ него.

Февраля 18-го дня. Въ два часа отправился къ графу С. Г. Строганову, прибывшему утромъ 16-го изъ Петербурга. Я ему вручилъ книгу свою, съ положеніями, рассказомъ о приѣмѣ меня Попечителемъ 5-го февраля и узналъ отъ него о разговорѣ его съ Наслѣдницей, спросившей, почему онъ не захотѣлъ остаться на юбилей нашего Университета. „Потому, что я вообще не охотникъ до комедій“,—отвѣчалъ онъ,—„а тѣмъ болѣе комедій торжественныхъ, безъ нихъ же это торжество не могло обойтись, судя по приготовлениямъ къ нему“; и тутъ же рассказалъ ей все, что только зналъ объ этомъ, съ чѣмъ она и согласилась исполнѣ. Далѣе показалъ онъ мнѣ сочиненіе на французскомъ противу Муравьева,

написанное княземъ Иваномъ Гагаринимъ, обратившимся къ католической церкви. Самъ Муравьевъ находитъ въ немъ очень слабыми всѣ теоретическія умствованія, но часть, въ которой дѣлаетъ онъ замѣчанія на отношеніе церкви нашей къ государству, совершенно справедлива: — „и я“, говорилъ мнѣ Муравьевъ, „ничего не въ состояніи сказать противъ нея“.

Послѣ показалъ мнѣ нѣсколько старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, особливо Супрасльской типографіи и даже одна изъ Гродненской, предлагаемыхъ ему для покупки. Цѣны очень дороги, и я предложилъ ему наполовину сбавить. Также похвалился отысканнымъ въ его Петербургской библіотекѣ экземпляромъ перевода на бѣлорусскій языкъ Библии Скориной, именно книги Руфь, Исуса, сына Сирахова и т. д.; экземпляръ прекрасный.

Августа 30-го дня. Вторникъ вечеромъ. Андрей мой, пришедши отъ портнаго, къ которому былъ посланъ, сказалъ, что, молъ, „Севастополь взятъ.“ — „Какъ?“ — „Да такъ-съ“, говорить, „ужъ и читаютъ: взятъ, молъ, съ бою французами. Народъ сотнями топится въ трактирахъ, въ городѣ охаютъ и крестятся отъ ужаса.“ Провѣрить его нечѣмъ было, но и не вѣрить нельзя. На другой день весь городъ узналъ о томъ изъ особыхъ прибавленій къ „Московскимъ Университетскимъ Вѣдомостямъ“ и изъ „Полицейскихъ“.

Разсказываютъ, одни, что первую вѣсть объ этомъ привезъ какой-то князь Оболенскій, который, прибывши изъ Петербурга по чугункѣ утромъ, успѣлъ де явиться съ представленіемъ къ генералъ-губернатору по случаю тезоименитства Государя и распустить вѣсть между собравшимися. По другимъ, будто бы вѣсть эта разнеслась, когда чиновничество находилось въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ графъ Закревскій получилъ депешу по телеграфу, отошелъ къ овну, прочелъ и тотчасъ сообщилъ шепотомъ окружающимъ его. Ударъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что неожиданъ нигѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ и печатнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многие изъ Москвичей лишились, отъ одной вѣсти о взятіи недолимаго, своихъ членовъ: напримѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного Москвича, который созвалъ было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ именинникъ, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость изъ почтамта вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя. Гости не могли болѣе продолжать обѣда, встали и черезъ минуту разошлись во свояси.

Сентября 4-го дня. Воскресенье. Умеръ въ квартирѣ своей, въ домѣ Пучковой (на Арбатѣ, въ Николо-Плотницкомъ переулкѣ) бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, говорятъ, на 71 году отъ рожденія. Тотчасъ дали знать сыну его, Алексѣю Сергѣевичу, находившемуся въ городѣ Кромахъ, по службѣ своей въ ополченіи, по прибытіи котораго послѣдуетъ отпѣваніе и похороны. Упокой, Господи, умершаго! Не тѣмъ будь помянуть, онъ былъ весьма умный человѣкъ, единственный министръ, но по сердцу незавидный и довольно мирволившій иностранцамъ, особенно Нѣмцамъ. Жаль было видѣть его, почти всѣми своими клеветами оставленнаго въ Москвѣ, въ послѣдніе годы его пребыванія въ ней по жестокой болѣзни, не позволявшей уже болѣе жить въ Петербургѣ.

Сентября 5-го дня. Понедѣльникъ, въ 12-ть пр. п., часы 1—2-й долженъ былъ открыть лекціи свои, вопреки обычаю не начинать ничего важнаго въ этотъ день; но „нужда законъ измѣняетъ“, или по пословицѣ малороссійской: „Скачы, враже, якъ панъ каже.“ А такимъ паномъ является тутъ министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, который пріѣхалъ къ намъ наканунѣ прибытія Государева и тотчасъ принялся посѣщать аудиторію. Не успѣлъ я придти, какъ ужъ вбѣгаетъ за мной помощникъ инспектора студентовъ и только что я вошелъ въ аудиторію свою (малую словесную), какъ съ другой стороны и онъ показался. Въ этотъ день по распредѣленію пришлось читать о сербскомъ языкѣ. Сдѣлавъ общій взглядъ на населеніе Сербскаго народа, я остановилъ вниманіе въ особенности на жилищахъ Сербовъ въ старину и нынѣ. Тутъ было открытое поле показаться; кончивъ, послѣ 1¹/₂ часовъ чтенія, я сошелъ съ кафедры, и ко мнѣ тотчасъ же подошелъ министръ, и сказавъ, что давно желалъ познакомиться съ моимъ преподаваніемъ, прибавилъ, что лекція моя была мастерски изложена мною, вполнѣ Риттеровская; послѣ нѣкоторыхъ любезностей въ этомъ родѣ, простился, но, уходя, вдругъ обратился ко мнѣ и приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ, въ среду, въ половинѣ 5-го, прибавивъ, что, на случай, еслибы случилось какое помѣшательство, онъ извѣститъ меня о томъ.

Сентября 7-го дня. Въ назначенное время я явился къ министру, въ квартирѣ инспектора студентовъ (въ старомъ зданіи, подъ библиотекой, на углу Никитской и Моховой). Кромѣ меня, обѣдали еще: Попечитель Университета (Назимовъ) его помощникъ (П. В. Зиновьевъ), какой-то его племянникъ и племянница, еще

какой-то мужчина, въ которому, подведши меня, министръ сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, и лично, и по имени знаетъ меня, новогреческій поэтъ Суццо. Съ нимъ министръ свелъ меня еще передъ обѣдомъ, сказавъ, что мы можемъ на какомъ угодно европейскомъ языкѣ объясняться между собою; но тутъ онъ немного ошибся: я не говорю по французски, онъ по нѣмецки, и потому рѣшились прибѣгнуть къ итальянскому, на которомъ тоже я довольно поотвыкъ болтать; однако, часа на 3 хватило меня. За третьимъ блюдомъ вошелъ профессоръ Э. И. Иноземцевъ, который, какъ оказалось, уже принялъ его (министра) въ свои руки, потому что послѣ обѣда подалъ ему коробочку съ припасами для перевязки, необходимыми при лѣченіи холодною водою (кусочки фланели, клеенку, не пропускающую воздуха и т. п.). Въ разговорѣ объ этомъ лѣченіи, онъ указалъ на меня, какъ на испытавшаго пользу на себѣ онаго лѣченія въ Грефенбергѣ у самого Принца и Вейса; но я замѣтилъ ему, что послѣдніе не только не употребляютъ льду при этомъ (какъ онъ совѣтовалъ министру), но, напротивъ, приказываютъ очищать воду отъ него зимой: „развѣ вы, медики, пошли ужъ дальше изобрѣтателя?“ — „Да“, сказалъ онъ мнѣ: „мы немножко повели это дальше, и я самъ испыталъ на себѣ это, приказывая тереть себѣ спину льдомъ послѣ купанья разъ въ день, въ продолженіе полугода.“ — „Вольному воля“, возразилъ я: „но что до меня, то, купаясь постоянно, круглый годъ утромъ, я не употребляю того и не вижу въ томъ нужды. Да и то сказать, что повязки должно дѣлать по Грефенбергски, т. е. класть на ночь, отнюдь же не днемъ; природа ночью очень помогаетъ искусству: можно лучше прикрыться, а днемъ, при всемъ желаніи и осторожности, невозможно избѣжать простуды. Впрочемъ, ученаго учить—только портить“.

Продолжая дальше разговоръ, дошли до раскольниковъ, только что передъ тѣмъ являвшихся въ министру, въ числѣ 4-хъ (изъ коихъ онъ назвалъ Сопѣлина и Кабанова), отъ Рогожскаго владыки, соединившихся съ нами. Онъ каждаго изъ нихъ обнялъ и настаивалъ на единеніи братскомъ. Когда они ушли, онъ сказалъ, что накануне долженъ былъ посѣтить ихъ новую церковь, по просьбѣ придворнаго духовника Бажанова. Послѣ я слышалъ, что часовъ въ 8-мъ вечера къ нему явилось еще нѣсколько человѣкъ Рогожскихъ, которыхъ тоже принялъ такъ же, какъ и первыхъ. Главною виной упорства раскольниковъ почитать слѣдуетъ: непросвѣщеніе съ одной и матеріальныя выгоды съ другой стороны; стало, чѣмъ

больше будетъ училищъ, тѣмъ меньше раскола, потому что по сую пору не видано еще было, чтобы образованный оставался или дѣлался расколникомъ, кромѣ, разумѣется, людей неблагонамѣренныхъ, ищущихъ въ расколѣ цѣлей политическихъ; съ образованіемъ же ума должно соединять и образованіе сердца,—особенно нужно, чтобы наставники въ вѣрѣ тѣмъ и другимъ отличались и подавали паствѣ своей хорошей примѣръ.

Сентября 8-го дня. Четвергъ. Въ этотъ день Государь, послѣ смотра на Красной площади, возвратившись домой, вскорѣ явился въ Успенскій соборъ съ супругой и Матерью. Ключарь Собора (какъ самъ рассказывалъ мнѣ), оставшійся одинъ послѣ обѣдни на всякій случай (Петръ Ильичъ Виноградовъ), едва успѣлъ приказать постлатъ ковры и, накинувъ епитрахиль, явиться у дверей съ крестомъ и водой. Поклонившись и приложившись къ иконамъ, Государыня-мать спросила, гдѣ гробъ патріарха Филарета, и когда онъ былъ указанъ, она долго молилась у него и близъ лежащихъ митрополитовъ (Фотія и Кипріяна), равно какъ и ризы Господней, сильно обливаясь слезами сама, благословляя сына, который тоже крѣпко плакалъ, обнимая ее; Государыня-супруга стояла поодаль съ заплаканными глазами. То же самое, говорить ключарь, произошло и въ Лаврѣ Сергіевской, именно въ свитѣ, когда Владыка поднесъ ему тотъ самый образъ, написанный на доскѣ гроба преподобнаго Сергія, который былъ также въ походѣ царя Михаила Феодоровича и въ московскомъ походѣ Петра I-го. Государь, принимая и лобызая его, почти навзрыдъ плакалъ. Выходя уже почти изъ собора, Александра Феодоровна спросила, гдѣ надпись, сдѣланная въ 1812-мъ году на одномъ изъ столбовъ собора, въ которой сказано, сколько пудовъ золота и серебра взято ими въ ономъ; но ключарь не могъ показать ея, такъ какъ она еще при возобновеніи была замазана по неосмотрительности завѣдывавшаго этимъ дѣломъ.

Сентября 9-го дня. Пятница. Былъ выносъ тѣла графа Уварова, въ 3 часа пополудни, въ университетскую церковь, а на другой день отпѣваніе тамъ же. Весь Университетъ съ профессорами, студентами и начальниками: министромъ, помощникомъ попечителя, который заболѣлъ, и пр. Онъ былъ бальзамированъ профессоромъ анатоміи Иваномъ Мат. Соколовымъ весьма удачно, такъ что это обратило вниманіе каждаго, и когда министръ спросилъ, во что обошлось оно, тотъ отвѣчалъ не болѣе 50-ти руб. сер.—„Какъ? Вы шутите!“—„Совсѣмъ нѣтъ, ваше превосходительство: Ни больше, ни меньше“. — „Подите жъ тутъ, толкуйте на-

шимъ петербургскимъ эскулапамъ, которые за северное балзамированіе покойнаго Государя содрали 10 тысячъ червонцевъ. Вотъ вамъ добросовѣстность Нѣмцовъ. Просто разбойники. Уморили да и обобрали“.

На отпѣваніе пріѣхала Великая Княгиня Елена Павловна и нѣкоторые изъ случившихся придворныхъ; отпѣвалъ самъ митрополитъ, а слово сказывалъ П. М. Терновскій, профессоръ богословія. Приготовлено было нѣсколько рѣчей другими: Погодинымъ, Шевыревымъ, Грановскимъ и Леонтьевымъ, но Владыка не согласился, считая это языческимъ обычаемъ. Даже за заставой не позволено было прочесть своего краснорѣчія нашимъ витіямъ, и, такимъ образомъ, человекъ, столько любившій въ свою жизнь рѣчи и самъ щеголявшій ими, остался безъ рѣчей.

Обѣдня началась въ 10 утра, а поѣздъ двинулся въ 1 часть пополудни. Я по той же причинѣ, что и на представленіи къ Государю, не могъ быть ни на выносѣ, ни на уносѣ его. Миръ праху его!—еще разъ скажу ему въ слѣдъ.

Ноября 5. Кончивши лекцію, я остановился на нѣсколько минутъ въ профессорской. Вдругъ входитъ раздосадованный П. Я. Петровъ и говоритъ, что онъ никого не засталъ въ аудиторіи, что чрезвычайно удивляетъ его. Я сказалъ, что и у меня, вопреки обычаю, мало было студентовъ, едва человекъ 15, но странность эта объяснится скоро кѣмъ-нибудь изъ слушателей: должна быть тому причина, и причина недюжинная. „А!“ вскричалъ онъ тутъ: „понимаю! Знаете ль, что Грановскій умеръ?“—„Что?“ спросилъ я его.—„Грановскій еще вчера умеръ“.—„Полноте, шутить. Онъ боленъ, это правда“.—„Ну, а теперь умеръ!“ сказалъ онъ въ третій разъ. Долго я не вѣрилъ ему, и чтобъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ, предложилъ тотчасъ же отправиться со мной въ домъ предмета нашего спора. Пріѣхавши къ нему, мы застали его уже на столѣ, въ залѣ посерединѣ, и вокругъ его камелин и лавровые вѣнки. Жена сидѣла подлѣ него и, положивъ лѣвую руку на его руки, вперла въ него глаза свои и не замѣчала никого. Это до того поразило меня, что я не могъ и пяти минутъ перенести: слезы брызнули ручьемъ отъ такой безмолвной, глубоко-сосредоточенной въ высшей степени горести и отъ всей души пожелалъ ей слезъ, которыя могли бы облегчить ее и, можетъ быть, и спасти. Ничья смерть такъ сильно не поражала Университетъ съ незапамятнаго времени, какъ смерть его; всѣ безъ исключенія были подъ гнетомъ ея; съ утра и до поздней ночи двери жилища его не затворялись. Только на тре-

тій день вынесли его въ университетскую церковь. Торжественность была полная, но и того полнѣе была она на слѣдующій день, когда хоронили его. Послѣ обѣдни, совершенной ректоромъ семинаріи Леонидомъ, и панникиды, профессора историко-филологическаго факультета, при помощи нѣкоторыхъ изъ другихъ, а также и самого попечителя, вынесли гробъ его изъ церкви до сѣнныхъ дверей и сдали студентамъ, которые понесли его гробъ на своихъ рукахъ черезъ весь городъ на Пятницкое кладбище, разстояніемъ верстъ 6. Путь былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями. Давно наша столица не видала такихъ похоронъ, давно нивого она такъ славно, такъ единодушно не чтитъ. Какъ можно сравнить его похороны съ похоронами человѣка, далеко больше его дѣйствовавшаго на томъ же поприщѣ просвѣщенія и притомъ большею частію во главѣ, — разумѣю похороны бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, случившимися ровно мѣсяцемъ раньше! Тамъ все было должностное, такъ сказать, заказное, — здѣсь, наоборотъ, добровольное, непринужденное чествованіе. Честь и благодарность Москвѣ, умѣвшей понять, оцѣнить и отдѣлать истинныя заслуги отъ мнимыхъ или, по крайности, взять во вниманіе и взвѣснить средства и дарованія двухъ дѣятелей, не увлекаясь громкостью роли перваго, — могшей почувствовать, какъ много требовалось истиннаго дарованія и умѣнья отъ покойника, чтобы возбудить въ себѣ такое повсемѣстное и единодушное сочувствіе на томъ низкомъ поприщѣ, каково поприще профессора. Прекрасно охарактеризовалъ въ краткихъ, но полновѣсныхъ словахъ умершаго М. Н. Катковъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, извѣщая по долгу издателя о кончинѣ его. Лучше, благороднѣе и съ большимъ сочувствіемъ и оцѣнкой нельзя сдѣлать, извѣщая о подобномъ событіи. Собираютъ подписку для содержанія на проценты съ нея въ продолженіе двухъ лѣтъ кандидата, желающаго получить магистерство по нашему факультету. Самый прочный и благородный памятникъ покойному! Безъ сомнѣнія, сборъ будетъ больше, чѣмъ сколько нужно.

Покойникъ былъ нашимъ факультетомъ избранъ весной въ деканы, но только разъ подписался деканомъ на повѣстѣй къ засѣданію факультета 20 сентября, по случаю испытанія кандидата юридическаго факультета N. на степень кандидата нашего факультета, который однако провалился у меня окончательно — окончательно потому, что раньше въ маѣ уже провалился. Нельзя было помочь горю, какъ ни просилъ онъ и другіе товарищи, тѣмъ болѣе, что испытывавшійся желалъ послѣ держать экзаменъ на ма-

гистра русской исторіи. „Хорошъ будетъ магистръ русской исторіи, который ничего не вѣсть въ славянскомъ мірѣ“, сказалъ я тогда всѣмъ. И однакоже, когда я прискакалъ съ Петровымъ въ мертвому, уже нашелся человекъ, что отведши меня въ другую комнату, сталъ упрашивать меня пропустить Н., хоть изъ-за памяти къ покойному, который самъ собирался просить меня о томъ; но я отказался это сдѣлать, сказавъ, что на добро всегда готовъ, будетъ ли то на пиру или у гроба, что въ этомъ случаѣ не вижу ничего добраго: „мы уронимъ факультетъ и самый университетъ, допуская подобныя продѣлки“.

Октября 8. На другой день попечитель, призвавши въ одну изъ аудиторій декановъ, нѣсколько профессоровъ и студентовъ, сталъ выговаривать имъ за вѣнки (лавровые), которыми накануне забросали Грановскаго при опущеніи въ могилу гроба его. „Это обычай рѣшительно языческой, противный нашей церкви. Какой-нибудь афинскій ареопагъ или римская академія могли то дѣлать, но намъ, христіанамъ, такіа дѣла неприличны!“ Что прикажете дѣлать съ такими головами? А. туда же еще съ ссылками на исторію! Жди тутъ толпу и прову отъ нихъ для университета!

Октября 15. Вечеръ провелъ у С. П. Шинова; говорили, разумѣется, о настоящихъ событіяхъ, но и прежнихъ не забывали, когда приходилось сказать о нихъ встать.

„Много я слышалъ о Павлѣ I“, сказалъ между прочимъ С. П. „Бывши у одного знакомаго, я встрѣтилъ какого-то старика генерала. Когда онъ уѣхалъ, хозяинъ сказалъ мнѣ, что этотъ послѣдній преблагороднѣйшій изъ генераловъ Павла Петровича, именно Путиловъ. Разъ присланъ былъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, которой онъ начальствовалъ, какой-то несчастный съ приказаніемъ пытать и бить нещадно, а буде же не сознается — убить.— „Представивши все это на видъ подсудимому, я“, говорилъ Путиловъ: „какъ ни старался подмѣтить не искренность въ его показаніяхъ, не могъ; напротивъ, все говорило, что признанія его были искренны, а онъ невиненъ; поэтому я удовольствовался только однимъ страхомъ и, не достигши цѣли, остановилъ приказаніе за сѣчь его и немедленно же рѣшился донести Государю обо всемъ. Какое же было мое удивленіе, когда черезъ три часа послѣ отпращиванія своего донесенія прискакалъ фельдъегерь съ повелѣніемъ приостановить пытку, такъ какъ присланный для нея невиненъ“.

Октября 16. Воскресенье. Навѣстивши А. Ѳ. Вельмана часа

въ 2 пополудни, засталъ у него брата его супруги, который разсказалъ о настоящей причинѣ очищенія нами Севастополя. „Товарищъ мой по флоту М. Н. теперь здѣсь и, видѣвшись со мной на дняхъ, говорилъ, что солдаты наши, утомленные непрерывною стрѣльбой днемъ и ночью, 27 августа по обычаю отдыхали, а многіе даже спали, воспользовавшись тѣмъ, что стрѣльба на время стихла. Какъ вдругъ дано было знать, что французы движутся въ траншеяхъ. Извѣстіе послано тотчасъ же въ Сакену, а тотъ въ хлопотахъ забылъ извѣстить тутъ же кн. Горчакова, пока не прибылъ къ нему кн. Васильчиковъ, который, узнавши отъ него самого о томъ, тотчасъ же послалъ нарочнаго къ Горчакову, а самъ бросился на Малаховъ курганъ. Но было уже поздно: онъ былъ занятъ непріателемъ, а наши войска отступали, успѣвъ только одинъ разъ выстрѣлить по немъ, когда онъ подходилъ къ укрѣпленію, но на второй и третьей оборонительной чертѣ французы встрѣтили отчаянное сопротивленіе. На вопросъ Горчакова: почему войска отступаютъ?“ Васильчиковъ отвѣчалъ, что они не знаютъ, кто ими начальствуетъ. Тутъ Сакенъ вызвался не только очистить курганъ отъ непріателя, но и поставить его въ прежнее положеніе въ разсвѣту, если только поручено будетъ это дѣло ему; но Горчаковъ, обратившись къ начальнику штаба Коцебу, спросилъ его мнѣнія.—Коцебу сказалъ, что по его мысли нельзя долѣе защищаться и должно перейти на сѣверную сторону. Такимъ образомъ начальникъ штаба рѣшилъ судьбу Севастополя; тотчасъ же было послано приказаніе къ сборамъ. Да и чего было ждать отъ главнокомандующаго, который во время приступа безпрестанно твердилъ въ лихорадочномъ расположеніи окружавшимъ его: „Я бѣгу, непременно бѣгу!“

24 *Апрѣля. Вторникъ.* А. М. Маркевичъ разсказываетъ, что когда онъ былъ зимой въ Петербургѣ, то въ то время играли трагедію *Дмитрій Донской* въ бенефисъ Орловой, бывшей въ Севастополѣ въ числѣ сестеръ милосердія. При стихѣ: „Лучше смерть, чѣмъ миръ позорный!“ публика неистово хлопала; многіе до того стучали, что при выходѣ были взяты подъ стражу; о нихъ доложено было Государю, какъ о людяхъ безповойныхъ. Но Государь, напротивъ, похвалилъ ихъ чувства, сказавши, что тутъ не видить ничего предосудительнаго, и если принужденъ будетъ сверхъ чаянія вести долѣе войну, непременно воззоветъ къ содѣйствию такихъ патриотовъ и обѣщаетъ ихъ послать впередъ всѣхъ на непріателя.

Къ этому разговору присоединился ректоръ московской семинаріи архимандритъ Леонидъ (бывшій мичманъ) и сказалъ, что онъ слышалъ, какъ нынѣшній Государь, по довлѣду гр. Орлова, призвалъ одного изъ молодыхъ людей, взятыхъ за вольные разговоры полиціей. Государь спросилъ его, чѣмъ онъ и его товарищи занимались тамъ-то и тамъ-то. Тотъ отвѣчалъ, что разговаривали между прочимъ и о теперешнемъ состояніи вещей. „А не было-ль у васъ какихъ-либо особыхъ замысловъ противъ государства?“— „Государь“,—отвѣтилъ тотъ,—„скрывать мнѣ не приходится, во первыхъ потому, что не слѣдуетъ лгать честному человѣку ни передъ кѣмъ, тѣмъ паче передъ своимъ Государемъ, а во вторыхъ, по простому благоразумію, ибо если бы я сказалъ неправду, то графъ сейчасъ же обличилъ бы меня.“— „На, посмотри“,—сказалъ Государь, подавая ему списокъ его товарищей: исѣ-ли тутъ записаны?“— „Кромѣ одного“ В. В.— „Ну этого я знаю“,—замѣтилъ Государь и, отпустивши допрашиваемаго, приказалъ позвать послѣдняго. Когда тотъ явился, Государь спросилъ его: „что побудило сдѣлать донесеніе на своихъ товарищей?“— „Обязанность гвардейскаго офицера и усердіе о благѣ отечества“.— „Не правда“,—возразилъ Государь: „обязанность гвардіи сражаться открытымъ оружіемъ противъ враговъ, а доносить—обязанность жандармовъ. Возьмите его къ себѣ, графъ; онъ будетъ у васъ прекрасный жандармъ, да ужъ никогда и не выпускайте изъ своего корпуса: жаль будетъ лишиться такого способнаго человѣка“.

Возрожденіе Общества Любителей Россійской Словесности въ 1858 году.

(Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества 7 декабря 1886 года.)

Мн. гг.! Мое чтеніе будетъ посвящено любопытному явленію въ жизни нашего Общества—Любителей Россійской Словесности. Основалось оно въ 1811 году и 24 года дѣйствовало; затѣмъ другіе 24 года бездѣйствовало и въ 1858 году пробудилось. Этого пробужденія я былъ свидѣтелемъ и участникомъ и о немъ буду повѣствовать.

Теперешніе люди съ трудомъ и представляютъ себѣ конецъ пятидесятихъ годовъ. Намъ легче вообразить времена, слѣдовавшія за царствованіемъ Еватеринны или Александра I; съ начальными же годами Александра II наше время не имѣетъ аналогій. То было состояніе влюбленныхъ передъ свадьбою: апрѣль мѣсяць, когда снѣгъ еще на поляхъ, но уже бѣгутъ ручьи, солнце пригрѣваетъ, почки надулись, жаворонки поютъ, сворцы суетятся около гнѣздъ. Облегчилось на душѣ; ждалось чего-то еще неизвѣстнаго, но непремѣнно свѣтлаго; въ умахъ бодрость, силы оживились, старики помолодѣли.

Вотъ къ какому времени относится событіе, о которомъ я говорю. Оглядываюсь: какъ давно это было! Щедринъ тогда только-что дебютировалъ *Губернскими Очерками*, Тургеневъ извѣстенъ былъ лишь *Записками Охотника*, о Левѣ Толстомъ говорили, что это будущій большой талантъ, Достоевскій еще не отбылъ наказанія. Но что же было тогда особеннаго? Откуда такое праздничное настроеніе?—Совершался переломъ, начинался новый историческій періодъ. Крѣпостное право стояло въ самой силѣ, здравствовали уѣздные суды съ магистратами, рекрутчина и откупа. Но, какъ выразился тогда Н. Ф. Павловъ по поводу прощенія дека-

бристовъ, слышалось, что „новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“. Редакціонные комитеты и спеціальные отдѣлы толстыхъ журналовъ работали надъ крестьянскимъ вопросомъ; для обсуждения его явились даже два особые изданія, исключительно имъ занимавшіяся. За исходомъ крестьянскаго виднѣлись въ туманѣ другіе вопросы, отъ рѣшенія которыхъ ждали тоже свободы или, какъ выражались тогда, избѣгая этого запретнаго слова,—ждали „улучшенія бытѣ“,—узаконенное выраженіе, затасканное потомъ до комизма и бессмыслицы.

Печать по наружности оставалась въ прежнемъ положеніи: тотъ же Цензурный Уставъ висѣлъ надъ нею, да еще въ добавокъ въ нему тринадцать или больше спеціальныхъ цензуръ каждаго вѣдомства. Еще сидѣли на мѣстахъ старые цензоры, изъ нихъ одинъ вычеркивавшій „вольный духъ“ въ поваренныхъ книгахъ, и другой, тоже мой сослуживецъ, выходившій со двора не иначе, какъ въ сопровожденіи слуги и съ запискою въ карманѣ: „сей трупъ принадлежитъ статскому совѣтнику такому-то, жительствующему тамъ-то“. Цензурная обязанность и страхи, съ нею соединенные, развили до такой болѣзненности мнительность старика, что онъ боялся умереть на улицѣ, быть поднятымъ и отправленнымъ въ полицейскій домъ, а не то въ анатомическій театръ.

Однако въ цензурѣ явились и свѣжія силы; однако носилось слово Государя министру Норову: „избавь меня отъ цензуровъ глупыхъ, дай мнѣ цензуровъ разумныхъ“; однако товарищемъ министра былъ Вяземскій, самъ писатель и поэтъ, считавшійся въ Николаевское царствованіе представителемъ либеральнаго направленія.

Циркуляры по цензурному вѣдомству сыпались, правда, какъ дождь; молодымъ цензорамъ слали выговоры, угрозы отставкой, да и отставляли ихъ; еще не забытъ былъ арестъ Никитенки, посаженнаго за то, что въ повѣсти, при описаніи бала, допустилъ фразу: „танцовалъ и инженеръ съ выпущенными воротничками“. (Выпускать воротнички противно дисциплинѣ, и вымыселъ таковаго факта оскорбителенъ для вѣдомства). Но плотина была прорвана, и если перечитать то, что писалось въ періодъ 1857—1861 годовъ, то даже усомнишься, много ли шагнула къ нашему времени впередъ свобода слова противъ того времени и не понятилась ли она даже назадъ нѣсколько.

Жажда публичности въ обществѣ,—разумѣю, конечно, мыслящій классъ,—была чрезвычайная. Отъ тѣхъ временъ и пошло выраже-

ніе „благодѣтельная гласность“, истаскавшееся потомъ не менѣе „улучшенія быта“. Починъ „благодѣтельной гласности“ принадлежалъ, какъ извѣстно, еще *Морскому Сборнику*, въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія. Необходимость поворота уже тогда чувствовалась, и морское вѣдомство выступило застрѣльщикомъ, благодаря тому, что во главѣ его стоялъ сынъ Государя. Министерство, ему подчиненное, образовало лабораторію новыхъ государственныхъ силъ, гдѣ готовились будущіе министры: Головинъ—просвѣщенія, Набоковъ—юстиціи, Рейтернъ—финансовъ, графъ Толстой—просвѣщенія, духовныхъ дѣлъ и потомъ внутреннихъ, князь Д. Оболенскій—государственныхъ имуществъ. Все это было тогда директорами и вице-директорами морскаго министерства. Съ воцареніемъ новаго Государя гласность, по слѣдамъ *Морскаго Сборника*, уже завоевала право, хотя законъ ея не признавалъ. Все, вольно и невольное молчавшее, заговорило. Такъ было въ обѣихъ столицахъ; но въ Москвѣ, которая была общественнымъ центромъ, предоставляя Петербургу быть государственнымъ, жизнь была особеннымъ ключомъ. Въ этомъ горнилѣ, какъ вамъ извѣстно, работали главные дѣятели и по крестьянской реформѣ, и послѣ—по судебной. Отсюда они вышли и здѣсь они надумались объ основаніяхъ. Два журнала въ Москвѣ выставили силы. За ними вслѣдъ являлись непрерывно, хотя и лопались, газеты одна за другою. Но этимъ не довольствовались; зародился здѣсь обычай спичей, о которомъ въ Петербургѣ не посмѣли бы и думать. И ради нихъ,—да, ради спичей единственно,—устраивались богатые обѣды съ сотнями кувертовъ. Робко о своемъ правѣ заявлялъ этотъ обычай тоже еще въ прошлое царствованіе, начавшись чествованіемъ севастопольскихъ защитниковъ. Но теперь слово просилось по каждому поводу, хоть и теперь если не робость, то застѣнчивость не повидала еще знаменитыхъ даже впослѣдствіи ораторовъ. Какъ вспомнишь тогдашнее, да сравнишь теперешнее, то даже смѣшно становится. На знаменитомъ обѣдѣ-монстрѣ, который данъ былъ Коворевымъ чуть ли не на 500 человекъ, куда названы были всѣ, кто только имѣлъ притязаніе на интеллигентность, говорилъ между прочимъ Ю. О. Самаринъ. Онъ читалъ свою рѣчь по рукописи, подобно другимъ. И поразился и даже обидѣлся за него. Знавшіе Юрія Федоровича засвидѣтельствуютъ, что въ дарѣ живаго слова онъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Это бывалъ потокъ, и притомъ искрящійся: рѣчь необыкновенно правильная, выдержанный логическій строй, и вмѣстѣ блескъ остроумія, пропитаннаго ироніей—все это было при немъ и

ранѣ Кокоревскаго обѣда, какъ и послѣ, на земскихъ и дружескихъ собраніяхъ. Я выразилъ ему удивленіе. „Хорошо вамъ дѣлать замѣчанія, когда вы привыкли импровизировать на каеѣдрѣ!“ — отвѣчалъ онъ. Въ наше время развязнаго краснорѣчія „прелюбодѣевъ слова“, какъ ихъ назвалъ ихъ же собратья, не правда ли, даже съ трудомъ вѣрится, о чемъ я рассказываю?

Боюсь злоупотребить терпѣніемъ собранія, но не могу умолчать о другомъ спичѣ, котораго авторомъ былъ недавно скончавшійся Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Состоялись выборы предсѣдателя въ коммерческой судъ. Обѣдъ. Какъ же безъ спичей и какъ безъ гостей, интеллигентныхъ вообще, а не однихъ купцовъ и юристовъ? Приглашенъ и я. На этотъ разъ спичъ былъ импровизованный. Кетчеръ съ бокаломъ въ рукахъ вскопчилъ на столъ (обѣдъ былъ въ Благородномъ Собраніи). Подробности рѣчи не помню. Ораторъ говорилъ, разумѣется, о новомъ времени и новомъ духѣ, о предвидимыхъ реформахъ, которыми обязанъ народъ Государю, и въ заключеніе воскликнулъ памятнымъ каждому, кто знавалъ Кетчера, вычнымъ голосомъ, достойнымъ командовать полками: „на колѣни!“ Послѣдовалъ народный гимнъ. Всѣ опустили кромѣ двоихъ. Я не послѣдовалъ общему примѣру по неожиданности приглашенія; думаю, по тому же побужденію—Д. А. Ровинскій, теперь сенаторъ, одинъ изъ творцовъ судебной реформы, тогда служившій еще губернскимъ прокуроромъ. П. М. Леонтьевъ (его на обѣдѣ не было) смѣясь выразился мнѣ по этому случаю не безъ остроумія: „какъ вышло на-изворотъ: въ вѣрнопоходнической демонстраціи не приняли участія прокуроръ да цензоръ“.

А было въ Москвѣ когда-то Общество, обладавшее даже законнымъ правомъ публичной свободной рѣчи (право это представлено было ему уставомъ) — Общество Любителей Россійской Словесности.—„Общество Любителей Россійской Словесности... да, помнится, было когда-то, и публичныя засѣданія были. Да его нѣтъ, оно превратилось“.—Нѣтъ, оно не превратилось; почему же такъ думать?

Да, мм. гг., Общество наше, во времени, о которомъ говорю, то есть, къ концу 50-хъ годовъ, и продолжало существовать, и его не было. Оно продолжало существовать, потому что не было закрыто, хотя перестало уже и значиться въ официальныхъ актахъ университета, при которомъ состояло. Оно не собиралось; приходили сроки выборовъ,—ихъ не возобновляли. Его не было уже: его должностныя лица и на дѣлѣ, и по уставу, опредѣляющему имъ

известный срокъ, кончили свою службу; печать, бумаги, бібліотека были выморочнымъ имуществомъ, къ которому только не являлась полиція за описью, потому, конечно, что никто не находилъ интереса въ этой руинѣ.

Откуда произошла такая летаргія? Грѣхъ сказать, чтобы содѣйствовало внѣшнее давленіе. Никакихъ казусовъ не происходило, которые бы возбудили подозрѣніе, а тѣмъ болѣе гоненіе властей. Времена были крутыя, правда, и съ 1848 года просторъ умственной жизни все болѣе и болѣе стѣснялся; но Общество Словесности замерло гораздо ранѣе Февральской революціи, и послѣднимъ предсѣдателемъ его былъ графъ Строгановъ, считавшійся въ свое время либеральнѣйшимъ изъ попечителей и поощравшій свободу умовъ.

Замерло Общество потому, что цѣль, которой оно служило, преданія, которыми жило, потеряли смыслъ. Основалось оно, когда въ литературѣ видѣлась лабораторія, назначенная къ выдѣлкѣ просвѣщеннаго языка, — языка, какъ орудія, прибавлю для ясности. Возьмемъ его первоначальный уставъ. Цѣль Общества опредѣлялась: „распространить свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здоровой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на російскомъ языкѣ, рассмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ собраніи“. Задача, какъ видите, теоретическая и практическая; отъ практической требовалось, при оцѣнкѣ произведеній спрашивать не о томъ, что, а главное о томъ, *какъ* написано. Такое формальное направленіе было не исключительною принадлежностью нашего Общества, — вся литература ему служила. Припомнимъ Шишкова и Карамзина, *Бесѣду* и *Арзамасъ*; припомнимъ, что даже при появленіи Пушкина журналы препирались о томъ, допустима ли такая вольность, какъ „топъ“ вмѣсто „топотъ“, не ошибка ли заглавія *Цыганы* вмѣсто *Цыгане*, и о подобныхъ вопросахъ. И этотъ волосъ въ исторіи нашего просвѣщенія не служитъ ли самъ въ томъ уликою? Положивъ послѣдній камень въ строеніи литературнаго языка, онъ не оказался вполнѣ равнодушнымъ къ содержанію своихъ произведеній только потому, что былъ слишкомъ геніаленъ. Но безпечность его музы или даже безпринципность, какъ выражались иные, была, по моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, главнымъ образомъ данью времени, искавшему больше формы, нежели содержанія. Добавлю: въ томъ-то между прочимъ и сказалась вся мощь этого художника-титана, что, несмотря на предписываемую временемъ исключительную заботливость о формѣ, онъ явился такимъ

воплотителемъ эпохъ и лицъ, какимъ показалъ себя напригѣръ въ сценахъ изъ среднихъ вѣковъ, гдѣ въ небольшой рамкѣ представлена полная картина цѣлаго историческаго періода.

Но жизнь перешагнула дѣтскій періодъ. Строеіе языка кончилось, и отъ формы общественная мысль обратилась къ содержанию. На мѣсто изящества потребовалась отъ авторовъ художественность, не стиль, а идеи. Поднялись вопросы жизни, и общественныя дѣла перестали считаться принадлежностью однѣхъ дѣловыхъ бумагъ. Народилась литература, ученою назвать ее много, но—догматическая, въ формѣ критики и изслѣдованій, содѣйствовавшая сознанию не правилъ грамматическихъ и риторическихъ, а началъ политическихъ и соціальныхъ. Тѣмъ же одѣлся художественный вымыселъ. Явился Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ съ „Записками охотника“. Уволены въ отставку Нарциссы, Аглаи, Хлои, даже и Людмилы съ Дмитріями Донскими, только привидывавшіеся идеей, а въ сущности служившіе балластомъ, макиной, чтобы только набить фигуру, во внѣшней отдѣлкѣ которой, какъ въ чучелѣ птицы или звѣря, полагалось главное достоинство. Итакъ, публика созрѣла и не могла не сучать, когда бы ей на засѣданіяхъ стали предлагать бессодержательныя стихи съ щегольскою версификаціей (это послѣ Пушкина-то и Лермонтова) или красивыя описанія вымышленныхъ мѣстностей, послѣ Гоголя и Тургенева. А потомъ, смѣшно даже и представить себѣ, чтобы писатели новаго періода, предварительно печатанія, почли себѣ за честь подвергнуть себя суду московской публики чтеніемъ въ открытыхъ засѣданіяхъ. Умственную дѣятельность поглотили журналы со „всероссійскою“ публикою; слишкомъ бѣднымъ должно было казаться поощреніе со стороны столь тѣснаго круга, какъ комитетъ при нашемъ Обществѣ, состоявшій притомъ изъ лицъ, голосъ которыхъ для молодыхъ талантовъ не представлялъ и авторитета.

Общество должно было умереть, и умерло естественною смертью, медленно, постепенно, такъ что нельзя даже указать грани, когда оно разсталось съ жизнью,—было ли то въ тридцатыхъ годахъ или въ сороковыхъ. Сначала публичныя засѣданія становились рѣже, за неимѣніемъ матеріаловъ для чтенія; о засѣданіяхъ 1833 и 1834 гг. даже неизвѣстно, въ чемъ они состояли, осталась память только, что они были. Потомъ выборъ должностныхъ лицъ прекратился за отсутствіемъ даже частныхъ собраній, и лишь въ адресъ-календаряхъ оставался ихъ слѣдъ, при чемъ показывались должностныя лица, уже отбывшія срокъ; календарь ограничивался

очевидно перепечаткой стараго изданія. Наконецъ, и перепечатки прекратились. Торная дорога превратилась въ тропинку; наконецъ и та затерялась.

За Обществомъ оставалась еще возможность трудиться по теоріи языка. Но эта сухая пища не по зубамъ большинства, и никогда она не предлагалась преимущественнымъ содержаніемъ публичныхъ засѣданій. Публикѣ требовался десертъ въ видѣ образцовыхъ сочиненій, а его-то не было.

Позволяю себѣ мимоходомъ сказать, что общество наше по теоріи языка потрудились таки. Имена Каченовскаго, Калайдовича, Болдырева, Снегирева, И. Давыдова, Мерзлякова значились въ его трудахъ. Наконецъ, многимъ ли даже извѣстно, что знаменитое разсужденіе знаменитаго Востокова *О Славянскомъ языкѣ*, произведшее переворотъ въ наукѣ и послужившее исходною точкой для новаго направленія славянской лингвистики, въ первый разъ напечатано въ нашихъ *Трудахъ* *)?

Общество не съ охотой умерло; оно боролось съ агоніей. Тогдашніе старики сказывали мнѣ, что когда охладѣла публика, а потомъ и писатели, Общество стало набирать въ члены, чуть не зазывая, кого пошло, лишь бы продлить дѣятельность и чѣмъ-нибудь наполнять публичныя засѣданія. Авторское самолюбіе этимъ поддупалось, но не соблазнялась публика. Наконецъ стали прибѣгать къ героическому средству: на засѣданія приглашался оркестръ, выписывали чтецовъ, отличавшихся декламацией; не доставало, чтобы разносили мороженое и угощали шампанскимъ. Тщетно: публика не находила интереса. Съ другой стороны, серьезнѣйшіе изъ членовъ, и молодыхъ и старыхъ, находили профанацію Общества шумиху внѣшнихъ эффектовъ.

Но Общество, какъ я сказалъ, обладало важнымъ правомъ, и

*) Вотъ, по перечисленію Лонгинова, научные труды членовъ, помѣщенные въ первомъ собраніи изданій общества. Мерзлякова: *Разсужденіе о Россійской Словесности, разсужденіе о синонимахъ, Разборъ 8 оды Ломоносова, О вкусѣ и его измѣненіяхъ, О началѣ, годѣ и успѣхахъ словесности, Разсужденіе о драмѣ вообще, Державинъ*, Его же во второмъ собраніи: *О стариннѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненій, О характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ*; Калайдовича: *Синонимы; О Бѣлорусскомъ нарѣчій, О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ, О времени перевода нашей Библіи*. Болдырева: *Разсужденіе о глаголахъ, Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ русскихъ глаголахъ, Ничто о сравнительной степени*; Каченовскаго: *О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ, Историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій*; Снегирева: *Опытъ разсужденія о русскихъ пословицахъ, О простонародныхъ изображеніяхъ*; Давыдова: *Опытъ о порядкѣ словъ*; Востокова *Разсужденіе о славянскомъ языкѣ* напечатано въ первомъ собраніи трудовъ (1816—1822).

притомъ единственное въ Россіи: правомъ свободнаго слова, подчиненнаго лишь своей внутренней цензурѣ. Право это оставалось за нимъ, и оставалось именно потому самому, что Общество перестало жить фактически; иначе, нѣтъ сомнѣнія, контроль надъ своими публичными рѣчами у него былъ бы отнятъ въ періодъ усиленной общей цензуры, сокращенія слушателей въ университетахъ, изгнанія философіи изъ аудиторій и прочихъ подобныхъ мѣръ. Когда на общественномъ воздухѣ полегчало, о правѣ свободнаго слова, принадлежавшаго Обществу, именованному Обществомъ Любителей Словесности, вспомнили. Это было въ кабинетѣ С. Т. Аксакова. Мысль принадлежала Константину Аксакову, исполненіе Михаилу Николаевичу Лонгинову.

Личность Константина Сергѣевича Аксакова достаточно очерчена въ печати и собственными его сочиненіями и воспоминаніями о немъ современниковъ. Исторію моего семилѣтняго знакомства съ извѣстнымъ славянофиломъ я не буду обременять собранія. Для цѣли настоящаго разсказа достаточно упомянуть, что К. Аксаковъ былъ энтузіастъ свободнаго слова; я свазалъ бы даже фанатизмъ, еслибы съ фанатизмомъ не соединялось понятіе, наоборотъ, о противодѣйствіи свободѣ. Вѣра въ свободное слово и его разумную силу, убѣжденіе, что въ немъ одномъ кроется цѣленіе всѣхъ золъ и источникъ всякаго прогресса, истекали изъ возрѣній Аксакова, философскихъ и политическихъ, своеобразныхъ, но строго послѣдовательныхъ. А онъ самъ былъ членъ нашего Общества, выбранный еще мальчикомъ (полагаю, въ члены-сотрудники), вѣроятно за какіе-нибудь стихи. Сергѣй же Тимоѣевичъ, почетный членъ Общества, принадлежалъ къ числу немногихъ патріарховъ, сослуживцевъ и Мерзлякова, и Прокоповича-Антонскаго. Не разъ между авторомъ „Семейной хроники“ и сыномъ его заходила рѣчь, чтобы возобновить Общество; воспоминанія, въ которыхъ неистощимъ былъ Сергѣй Тимоѣевичъ, тѣмъ болѣе разжигали это желаніе. Разсуждали, что Общество при настоящихъ обстоятельствахъ могло бы, видоизмѣнивъ задачу, стать важнымъ органомъ общественнаго сознанія, пусть и ограничиваясь сферою литературы; но сама литература теперь такъ связана съ общественною жизнью, что даже въ своей легальной рамкѣ можетъ Общество, не безразборчиво составленное, послужить общественному воспитанію. Случалось и мнѣ участвовать въ этихъ обсужденіяхъ; я любилъ бесѣду съ Сергѣемъ Тимоѣевичемъ и часто его навѣщалъ.

Съ принципомъ нечего было спорить, но вопросъ: какъ его

осуществить? Какъ поднять мертвеца изъ гроба? Объ основаніи новаго подобнаго общества нечего было и думать; въ уставѣ именно эта статья непремѣнно и была бы вычеркнута, ради которой воскрешеніе Общества признается необходимымъ. Средство одно: чтобы проснулось то самое Общество, которое есть, но завалилось гдѣ-то; чтобы оно само собралось въ томъ самомъ составѣ членовъ, который пока здравствуетъ. Но опять: какъ это исполнить? Члены Общества суть подлинныя члены: никто ихъ не выключалъ, и они выбраны пожизненно. Они могутъ собраться легально; да кто же ихъ созоветъ? Нѣтъ ни предсѣдателя, ни временнаго предсѣдателя, ни секретаря, ни вазначя. Тоніѣ сказать: они есть пожалуй, но они отслужили срокъ, выбыли изъ своихъ полномочій. Не обратиться ли къ графу Строганову, послѣдному предсѣдателю? Это значило бы только надоумить администрацію на исправленіе оплошности, которую она допустила,—напомнить ей, что она должна постановить и объявить о давно состоявшемся прекращеніи Общества. Общество считается состоящимъ при университетѣ; слѣдовательно, нужно обдѣлать здѣсь, въ университетѣ, и притомъ типкомъ. Попечителемъ теперь Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, прекраснѣйшій человѣкъ, благороднѣйшая душа, неформалистъ; онъ же очень хорошъ съ Хомяковымъ; слѣдовательно на него можно подѣйствовать. Можно ожидать косыхъ взглядовъ отъ Закревскаго и даже оффиціальнаго противодѣйствія, доносовъ. Противъ него выставить таранъ въ видѣ Лонгинова, который не только у него служить, но вхожъ къ нему, домашній человѣкъ. Таковъ былъ планъ заговора.

Въ статьѣ Лонгинова, напечатанной современно возобновленію Общества, сказано, что еще въ 1856 году, когда попечителемъ былъ Ковалевскій, состоялась просьба о разрѣшеніи членамъ Общества собраться и что даже послѣдовало разрѣшеніе высшаго начальства; подразумѣваю—министра. Но я сомнѣваюсь въ полной точности этого извѣстія. Кто же могъ подать просьбу? Вѣрнѣе были *переговоры*, конфиденціальная переписка, и въ *частномъ* письмѣ могъ министръ выразиться, что отъ него препятствій не послѣдуетъ. Но я помню, что при возрожденіи Общества возлагаема была главная надежда на благодушіе Алексѣя Николаевича Бахметева.

А кто такой былъ этотъ Лонгиновъ, которому поручалась исполнительная часть плана? По литературѣ онъ числился библиографомъ, по службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-

губернаторѣ; какъ сынъ статсъ-секретаря, онъ принадлежалъ къ большому свѣту и имѣлъ связи при Дворѣ. Если для Константина Аксакова догматъ свободнаго слова былъ основаніемъ убѣжденій, къ которому онъ относился почти религіозно; то у Логинава служеніе тому же принципу было фанфаронадою. Въ виду послѣдующей общественной дѣятельности покойнаго библиографа позволяю себѣ это выраженіе. Собраніе припомнить, что послѣ изданія временныхъ правилъ, опредѣлившихъ съ извѣстными ограниченіями свободу печати, стѣсненіе ея и урѣзываніе ея правъ началось со времени именно, когда Главное Управление по дѣламъ печати поступило въ руки Логинава: онъ былъ зачипчивъ репрессивнаго направленія. Онъ примѣнилъ къ книгамъ средневѣковое ауто-да-фе, придумалъ карательное запрещеніе розничной продажи; безцензурныя изданія обязалъ предварительною цензурою публикацій. Озлобленіемъ онъ дышалъ противъ печати во время управленія ею, видѣлъ въ ней какъ бы личнаго врага, исхищрялся въ средствахъ задавить то свободное слово, котораго выставлялъ себя нѣкогда самымъ яркимъ защитникомъ и самымъ рѣзкимъ порицателемъ цензурнаго учрежденія: „эти баши-бузуки печати“... такъ возглашалъ онъ въ какой-то статьѣ, разумѣя цензуру и смакуя это выраженіе, находя его художественно-точнымъ. Однимъ изъ предметовъ похвалы его было, что нѣтъ запрещеннаго русскаго изданія, которое не стояло бы на полкахъ его шкапа. Герценъ былъ однимъ изъ божествъ его Олимпа; для изслѣдованій своихъ онъ выбиралъ преимущественно пикантныя событія, гдѣ являлись страдалцы за свободное слово, Радищевъ, Новиковъ. Не хочу хвалиться проникательностью, но и тогда я сомнѣвался если не въ искренности, то въ глубинѣ либерализма, которымъ направо и налево хвалился Логинавъ. Онъ былъ либераль, пока дѣло его лично не касалось и ограничивалось словами. Съ 1860 г. въ тѣхъ же гостинныхъ; гдѣ онъ вопіялъ прежде противъ Держимордъ всякаго рода, онъ сталъ разливать въ негодованіяхъ противъ пути, по которому направились редакціонные комитеты въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ: изъ - подъ краснаго демократа вышелъ плантаторъ. Когда его назначили Орловскимъ губернаторомъ, онъ поставилъ себѣ за правило противодѣйствовать крестьянскимъ и земскимъ учрежденіямъ во всемъ, во всемъ безъ изыятія, даже по вопросамъ безразличнымъ. На этомъ онъ душу отводилъ, и этимъ хвастался предъ знакомыми.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ необходимымъ человекомъ при во-

зобновленіи Общества и затѣмъ оказалъ себя не только дѣльнымъ секретаремъ, но и безъ преувеличенія—лучшимъ изъ всѣхъ, какіе были. Надѣюсь, что преемники его не погнѣваются на меня за эту похвалу; но его заботливость объ Обществѣ и энергія были безпримѣрны. Онъ искалъ, понуждалъ, торопилъ. Самый первоклассный режиссеръ театра могъ позавидовать въ рвеніи и искусствѣ, съ какимъ Лонгиновъ ставилъ засѣданія,—можно такъ выравиться. Сейчасъ вижу его на публичныхъ собраніяхъ. Онъ весь вливался въ чтеніе; можно сказать сопутствовалъ чтенію, читалъ, только молча, выстѣ съ авторомъ. Въ ожиданіи счастливаго мѣста рѣчи приготовительная улыбка уже озаряла лицо; глаза расширялись и всѣ мускулы начинали ходить, когда ожидаемый эффектъ достигнуть и публика рукоплескала. Этой горячности въ дѣлу и успѣху въ немъ помогало между прочимъ самое отсутствіе направленія въ Лонгиновѣ; вездѣ онъ былъ свой: состоялъ непремѣннымъ членомъ вражной комнаты въ Англійскомъ клубѣ, входъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, гдѣ и сотрудничалъ, постоянный гость на славнофильскихъ вечерахъ Авсакова, Хомякова, Елагиной, Кошелева. Но ему дорогъ былъ шумъ и блескъ, внѣшнее проявленіе свободы и сценическій эффектъ чтенія.

Въ статьѣ самого Лонгинова объяснено, какъ состоялось наконецъ первое собраніе возродившагося Общества. Скромность не позволила автору высказать, что весь подготовительный трудъ принадлежалъ ему. Онъ отрылъ и старыхъ членовъ, и мѣсто ихъ жительства; онъ успѣлъ удостовѣриться, что дѣла Общества сбереглись у Шевырева, бывшаго послѣднимъ секретаремъ. Онъ написалъ повѣсти, приглашавшія на собраніе, переговорилъ съ университетскимъ начальствомъ о мѣстѣ засѣданія. Собралось всего шестеро: Масловъ, Погодинъ, Кубаревъ, Хомяковъ, Вельтманъ и Максимовичъ. Не лишены краснорѣчія слѣдующія строки бытописателя, на предварительномъ совѣщаніи уже предназначеннаго въ секретари: „Странное чувство испытали, вѣроятно, члены Общества, сойдясь послѣ двадцатичетырехлѣтняго прекращенія своихъ собраній. Четверть вѣка съ бурными своими событіями унесла память мнувшаго; нравы, люди, интересы измѣнились: прошедшаго не осталось и тѣни... Мы не сомнѣваемся, что гг. члены встрѣтились въ этотъ день съ невольнымъ душевнымъ волненіемъ“.

Въ этомъ засѣданіи, 27 мая 1858 года, въ 7-мъ часу вечера, выбраны были во временные предсѣдатели Хомяковъ и во временные секретари Максимовичъ. Копія съ протокола, подписанная

старшимъ по времени членомъ Масловымъ, отправлена министру и послѣдовало утверженіе, равнявшееся вторичному основанію Общества.

Собраніе 27 мая состоялось съ цѣлью только оформить бытіе Общества, заявить о его существованіи. Временный предсѣдатель и временный секретарь нужны были для того, чтобы слѣдующія повѣстия могли быть отправлены легальнымъ путемъ, а не апокрифическою рукою литератора, даже не принадлежащаго къ Обществу. На слѣдующемъ собраніи избранъ былъ уже полный составъ должностныхъ лицъ и новые члены.

Я сказалъ: „на слѣдующемъ собраніи“, но не увѣренъ; точный отвѣтъ должны дать архивы Общества. Помню твердо, что я вмѣстѣ съ другими былъ избранъ въ члены Общества и въ члены приготовительнаго собранія. Заразъ это сдѣлано или порознь, память мнѣ не сохранила. Знаю только, что я, должно-быть, въ качествѣ уже члена участвовалъ въ избраніи должностныхъ лицъ, потому что какъ сейчасъ вижу Сергѣя Тимоеевича Аксакова, къ которому послѣшилъ я тотчасъ послѣ засѣданія. Съ удивленіемъ, не безъ примѣси даже негодованія, онъ воскликнулъ: „что это, кого вы выбрали еще въ члены приготовительнаго комитета?“— „Павлова“—отвѣчалъ я спокойно.— „Это Видовъ!“—возразилъ онъ. Что означало это восклицаніе, и чѣмъ это Н. Ф. Павловъ стяжалъ себя репутацію Видова, и основательно ли, я не зналъ и послѣ не сталъ разбирать; но восклицаніе удивленія осталось у меня въ памяти.

Затѣмъ пошли своимъ чередомъ собранія, какъ и теперь, частныя и публичныя. Первымъ предсѣдателемъ былъ Хомяковъ, секретаремъ Лонгиновъ. На собраніяхъ, особенно публичныхъ, подобно мертвецамъ, возставшимъ изъ могилъ, появлялись старики, которыхъ имя изъ литературы уже исчезло, а то и такіе, при видѣ которыхъ поднимался вопросъ: „да что же они писали?“ Меня, этотъ вопросъ занималъ, но изъ деликатности я не допытывался. Ученая дѣятельность Кубарева мнѣ была извѣстна; но старецъ Зиновьевъ, но Антонъ Францовичъ Томашевскій, самъ по себѣ милый человѣкъ впрочемъ, но Николай Васильевичъ Путята, чѣмъ они ознаменовали себя въ русской словесности? А Николай Васильевичъ былъ даже избранъ во временные предсѣдатели.

Въ перечисленіи собравшагося на первоначальное засѣданіе не значится ни Сергѣя Тимоеевича Аксакова, ни Константина Сергѣевича. Но первый, состоявшій почетнымъ членомъ Общества, по

болѣзни никуда не выѣзжалъ изъ дома. А второй былъ *bête noire* для высшихъ сферъ, и выставлать его сразу на показъ найдено было неудобнымъ, несмотря на то, что онъ былъ душою возрожденія. Да и послѣ, по самомъ открытіи Общества, я что-то не помню его *чтецомъ*. Хотя читалъ онъ несомнѣнно, но добродушіе его не настаивало, даже не предлагало къ прочтенію нѣкоторыхъ стихотвореній его, остававшихся въ рукописи. Всѣ ли они попали даже въ полное изданіе его сочиненій? Помню слышанное мною отъ него стихотвореніе, оканчивавшееся словами:

Игъ ярки золотыя главы,
Игъ оглушительнъ твой звонъ.

Дѣло шло о Москвѣ и петербургскихъ правящихъ сферахъ. Старикъ Сергѣй Тимошеевичъ, единственный свидѣтель, присутствовавшій при этомъ чтеніи, сказалъ мнѣ серьезно: „Я посовѣтовалъ ему уничтожить рукопись, когда онъ прочелъ мнѣ эти стихи. Ну, да вѣдь пойдете,—прибавилъ онъ смѣясь:—онъ ихъ помнитъ наизусть“. И старикъ махнулъ рукой съ улыбкой, которая говорила: „неисправимый!“ Попало ли это стихотвореніе въ собраніе сочиненій и записано ли оно?

Въ первыя времена по пробужденіи Общества, выборъ членовъ былъ очень строгъ, и задачу оно поняло свою въ той строгости, которая предначертана была предварительными тайными совѣщаніями, когда будущіе члены собирались своего рода заговорщиками. Я говорю о Хомяковѣ и Аксаковѣ. Общество Любителей Россійской Словесности должно стремиться въ тому, такова была мысль, чтобы образовать изъ себя въ Москвѣ общественную академію въ параллель Петербургской казенной. Предметъ ея—языкъ и словесность, но послѣдняя не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понималось пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Общество должно слѣдить за успѣхами литературы, служить для нея зеркаломъ, отчасти руководствомъ. Критическія обзорѣнія — безпристрастныя, стоящія выше партій—должны быть постояннымъ чтеніемъ на публичныхъ собраніяхъ. Языкъ и его исторія должны быть предметомъ тщательной разработки. И эта академія должна быть не *scribens* только, пишущая, но *legens*, читающая; рѣчи въ Обществѣ должны быть на половину и лекціями. Хомяковъ, при всей своей лѣни, послужилъ съ своей стороны добросовѣстно предначертанной задачѣ: онъ давалъ обзоры современной литературы. А Общество принялось за редакцію русскихъ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ. Душой

этого дѣла былъ Константинъ Аксаковъ. Я былъ въ числѣ членовъ комитета, работавшаго надъ сокровищемъ, которое оставлено Грирѣвскимъ, и могу засвидѣтельствовать объ усердіи и внимательности работъ. Для самого Аксакова онѣ были священнодѣйствіемъ. Онъ возмущался даже, что при обсужденіяхъ—въ комитетѣ ли, въ собраніяхъ ли Общества—позволяютъ себѣ курить. Самъ онъ былъ изъ числа курящихъ; сигара не выходила у него изо рта. Но при обсужденіяхъ находилъ куреніе халатностью не только неумѣстнокъ, но вредною для дѣла, разсѣивающею вниманіе. Долгія объ этомъ были пререканія, на которыхъ Аксаковъ уступалъ только однажды, но никакъ не папирсы или сигары.

Затѣмъ Общество на первыхъ же порахъ впрягло В. И. Дала за составленіе Словаря изъ собраннаго имъ матеріала, снабдивъ его на это чрезъ Кошелева средствами.

О строгости же выборовъ могутъ дать понятіе слѣдующіе три случая. Предложенъ былъ Григорій Ефимовичъ Щуровскій, и поставленъ былъ вопросъ: профессоръ геологіи, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ ученыхъ достоинствахъ, имѣетъ ли право быть членомъ Общества Словесности? Предоставляется ли ему это право тѣмъ однимъ, что его ученые труды напечатаны и представляютъ вкладъ въ литературу вообще? Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ принципѣ отрицательно. Но въ собраніи было прочитано его описаніе альпійскихъ ледниковъ, свидѣтельствовавшее, что Григорій Ефимовичъ не только ученый изслѣдователь, но и художникъ слова, и онъ былъ выбранъ.

Графъ А. С. Уваровъ былъ предложенъ въ члены, и выборъ его отклоненъ: иное дѣло занятія археологіею, иное—заслуги по словесности.

Наконецъ забаллотированъ былъ Илья Васильевичъ Селивановъ, авторъ, стоявшій тогда на виду, но избравшій себѣ подъ заглавіемъ не помню какимъ, *Провинціальныя Воспоминанія Чудана*, спеціальностью обличительные очерки, — „ябеду, облеченную въ литературныя формы“, — какъ нѣкто выразился тогда на засѣданіи.

Хомяковъ вскорѣ умеръ. За нимъ послѣдовалъ Константинъ Аксаковъ. Общество разслабло, прежняя дружность исчезла. Руководители частью не обладали достаточнымъ авторитетомъ, частью не имѣли достаточнаго досуга, а можетъ-быть и любви. Но нельзя не признать высшими задачи, предносившіяся возстановителямъ Общества, и нельзя нашему Обществу не помянуть добромъ и Хомякова, и Константина Аксакова, и даже М. Н. Лонгинова.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ *).

I.

(Апрѣль мѣсяцъ. Черкасскъ. Площадь. Вдали слытъсь Донъ въ разливъ. У берега лодки, плоты и нѣсколько строящихся барокъ.)

Корнило Яковлевъ, Логинъ Семеновъ, войсковой подъячій, Васька Усъ, Серезка Кривой, Иванъ Черноярецъ, Казачій кругъ.

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Давно ли ты съ Лютика-то?

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Вечорсь такъ на свѣту вернулись.

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Что, хорошо идти полями-те?

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Хорошо. Кое-гдѣ буровить, лодки грузны шли, а ничего, хорошо,—вода вольная.

ВОЙСКОВОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Читать что ли, Корнило Яковличъ? Читали вѣдь мы не одинаво.

КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Читай еще. Мало что читали.

ВОЙСКОВОЙ ПОДЪЯЧІЙ (*читаетъ*):

„Вѣдомо вамъ атаманы и казаки, что ни намъ казакамъ въ Азовъ, ни мимо Азова на море стругами, ни имъ Азовцамъ въ

*) Дѣй картини изъ неоконченной піеси „Стенька Разинъ“.

наши казацьи верхніе и нижніе городеи безъ проѣзжихъ памѣтей не ходити.“

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Да вѣдь ужъ это читано.

КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Читано... А ты гдѣ вчера былъ съ Разинными-те?

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

На Лютинѣ, подъ Азовомъ. Мы за дубасами ходили.

КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Не ваше дѣло было ходить. Что въ грамотѣ-то вамъ писано? Читай дальше.

ВОЙСКОВОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

„А у которыхъ казаковъ съ прежнихъ годовъ суда подъ Азовымъ затоплены для переду и мы, атаманы, тѣ суда, сославшись съ Азовцами, воротимъ“.

КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Слышалъ?

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Слышалъ. Такъ не назадъ гнать паузки-то; вѣдь мы ихъ привели ужъ.

ВАСЬКА УСЪ.

Да какъ не ходить-то? Нонѣ народу на Дону не съ преждее, съ Москвы и отсюду ордами бѣжить голытьба. Чѣмъ ей кормиться, не ходи ты на промыслы?

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Спроси это, съ голоду помирай. Хошь расходися всѣ съ рѣки.

ЛОГИНЪ СЕМЕНОВЪ.

Съ голоду на Дону никто не помиралъ. Промышляй дома.

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Много ты, сидя на печи, промыслишь!... Толкуете вы, атаманы, невѣдомо о чемъ.

КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Какъ невѣдомо о чемъ? Такъ по-твоему миръ надо порушить?

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Да какой миръ съ врагами креста Господня? Ты подумай-во, какой съ ними миръ христiянину?

Г О Л О С А.

Съ собакой еще бы побрататься! Наладили—миръ съ погаными.

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

У нихъ и души нѣтъ, у окаянныхъ,—одинъ паръ.

КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

Видно наважено, что наряжено. Ино, молодцы, какъ знаете, такъ и творите. Наше дѣло объявить. Объявлено вамъ?

Г О Л О С А.

Объявлено.

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Атаману нельзя, братцы. Объяви. Это порядокъ.

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Стало-быть наказъ таковой: подходи сзади.

ВАСЬКА УСЪ.

А прикалывай навѣрняка.

(*Всѣ смѣются.*)

СТЕНЬКА, ФРОЛЬ РАЗИНЫ.

СТЕНЬКА.

Богъ помочь, атаманы молодцы!

Г О Л О С А.

Здорово, Степанъ Тимоѣичъ! Вотъ онъ. Гдѣ пропадалъ?

СТЕНЬКА.

О чемъ въ кругу рѣчи: на печь, али съ печи?

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

На печь, братъ Степанъ Тимоѣичъ. Бабымъ ремесламъ насъ наваживать хотять.

Г О Л О С А.

Съ худыхъ харчей животы подвело. У атамановъ, братъ, не

подведеть, небось. Толсты, Богъ бы съ ними. Голодать ли, нѣтъ ли—рядовому.

С Т Е Н Ъ К А.

Ты прислалъ по меня, Корнило Яковличъ?

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

Прислалъ. Для того прислалъ—хочу пожаловаться на тебя вругу. Ты атаманскій урядъ ни во что ставишь. Ради какихъ потребъ было тебѣ водить молодыхъ въ Азову? Для чего вы задорите безъ пути Азовцовъ? Изъ-за васъ, зачинщиковъ, всей рѣкѣ дурно чинится. Вотъ съ Москвы пріѣхалъ нонче приказный: опалоу, гнѣвомъ Великаго Государя за вашу дурость всему войску грозить.

С Т Е Н Ъ К А.

Грамота, что ли?

С е р е ж к а К р и в о й.

Нѣту грамоты. Съ отпиской изъ приказа.

С Т Е Н Ъ К А.

А коли его Великаго Государя слова въ намъ нѣтъ, неча и слушать приказнаго.

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

А другое, слухи есть, семь мурзь собираются въ казацки и на государевы украинные городки.

С Т Е Н Ъ К А.

Не замай собираются.

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

Какъ не замай собираются? Изъ-за васъ вѣдь кровь польется христіанская.

Л о г и н ъ С е м е н о в ъ.

А отвѣтъ держи въ Москвѣ за нихъ мы, атаманы.

С Т Е Н Ъ К А.

За тебя пазуха отвѣтитъ. Какъ же ты говоришь, будто изъ-за насъ кровь льется христіанская? Да полно, изъ-за насъ ли?

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

Изъ-за кого же? Вы бродите да шарпаете около Азова. Безъ васъ, безъ вольницы, и не подумали бы въ намъ идти Азовцы.

С Т Е Н Ъ К А .

Да что бы вы тутъ дѣлали безъ насъ, безъ вольницы? Эта вольница давно бы добыла Азова, кабы вы, домовитые, Государю да казачеству, а не себѣ, радѣли. Азовъ-отъ былъ у васъ въ рукахъ не вдавиѣ,—вы не умѣли удержать, вы отдали его назадъ поганымъ. А кто въ Азовѣ въ осадѣ сидѣлъ?—Вольница. Кто бился до костей, до мозгу?—Вольница же. А вы, старшины, на печей въ тѣ поры лежали, грѣлись; а послѣ и предали братью свою. Не вашимъ дѣдамъ, да отцамъ эта кровь—атаманы, не нашимъ.

Логинъ Семеновъ.

Эти были давно слыли.

С Т Е Н Ъ К А .

Стояли бы донныѣ эти были, кабы вы правду любили.

Иванъ Черноярецъ.

Еще какъ стояли бы!

Корнило Яковлевъ.

Молодъ бы ты, ровно, намъ указывать-то.

С Т А Р И К Ъ .

Въ уймѣ не безъ звѣря, въ людяхъ не безъ лиха, а эти твои рѣчи не пригожи, Степанъ Тимошеичъ.

С Т Е Н Ъ К А .

Не прогнѣвайтесь. Каковы вы до насъ, таковы и мы къ вамъ. Вы думаете, съ чѣмъ на Москву пошла отъ васъ станица? Съ чѣмъ вы послали Михайла-то Самарца?

Корнило Яковлевъ.

Съ челобитьемъ къ Великому Государю о кормахъ, о жалованьѣ станица пошла.

С Т Е Н Ъ К А .

Толкуй, а мы слушальщики. Не учи плясать, батько,—я самъ скomorохъ.

С Т А Р И К Ъ .

Съ чѣмъ же по-твоему пошла станица?

С Т Е Н Ъ К А .

Съ наговорами, да съ ябедой, да съ поминками приказнымъ. Вотъ съ чѣмъ станица пошла.

Г о л о с а.

А то съ чѣмъ же?—Знамо такъ. Окромѣ наговоровъ мы ничего не видимъ отъ стариковъ. Не отъ чего—отъ этого и рознь въ войскѣ.

И в а н ь Ч е р н о я р е ц ь.

Кабы о жалованьѣ били челомъ, давно бы жалованью на Дону быть. А на Валуйкѣ нѣтъ и слуховъ о запасахъ. Я нонче отудова.

Д ь я к ь.

Здравствуйте, атаманы и казаки!

Г о л о с а.

Здравствуй.

К о р н и л о Я к о в л е в ь.

Вотъ, честная станица, къ намъ съ Москвы съ отпискою изъ Казанскаго приказа дьякъ заѣхалъ. Ёдетъ на Астрахань тожъ съ отпискою.

Г о л о с а.

Милости просимъ!

С т е н ь б а.

И по рылу знать, что не простыхъ свиней.

Д ь я к ь.

Великій Государь Царь... *(все снимаютъ шапки)* и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Росіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель отчичъ и дѣдичъ, велѣлъ васъ, атамановъ и казаковъ, спросити о здоровьѣ.

С т а р и к ь.

Этою его Великаго Государя милостью мы много довольны и впередъ на нее надежны.

К о р н и л о Я к о в л е в ь.

Все войско этому его слову зѣло радуется. Какъ его, Государя, Богъ милуетъ?

Д ь я к ь.

огъ хранить,—оставили его, Великаго Государя, здоровъ былъ.

Г о л о с а.

Дай Богъ!

К о р н и л о Я к о в л е в ь.

Послали мы, о маслянной, станицу на Москву бить челомъ о

жалованья. Вѣстей доселѣ не получаемъ, ни о хлѣбныхъ, ни о пушечныхъ запасахъ, ни о сукнахъ. Не наказано ли тебѣ чего объ этомъ?

Дьякъ.

Наказывали. Радѣнье ваше и служба Великому Государю забвенна не будетъ. Вышлется вамъ жалованье вскорѣ.

Г о л о с а.

Добрѣ бы. Мы служить ради ему, Великому, всѣмъ сердцемъ. Не забывалъ бы онъ насъ. А то вотъ кормиться нечѣмъ, хоть разбрестись всѣмъ ровно, буде не придуть запасы въ скорости.

Дьякъ.

Вскорѣ вышлются запасы.

С т е н ь к а.

Это вскорѣ-то мы слышали.

Дьякъ.

Медлили за бездорожицей.

С т е н ь к а.

Еще что молвишь! Чать по первому пушку, прежде на Николу зимняго намъ жалованье привозили. Это не кѣмъ-нибудь приказными... За бездорожицей!

Корнило Яковлевъ.

Лучше бы тебѣ помолчать, Степанъ Тимоѣичъ.

С т е н ь к а.

Пытались мы молчать-то,—хуже.

Г о л о с а.

Впрямь насъ тутъ голодомъ морять приказные, а мы молчи. Вы сыты, вамъ тужить не о чемъ.

Дьякъ.

А кромѣ бездорожицы не высылали запасы и опасу ддя. Слухъ былъ у насъ на Москвѣ, что голутвенные, съ молодежью, не однава къ Азову, на задоръ ходили, и азовскіе мурзы, въ отместку, подъ украинные государевы городки собирались. На Москвѣ боялись, не отбили бы въ степи запасы.

Корнило Яковлевъ.

Вотъ лучше ты на это отвѣть, чѣмъ лаяться. Для чего вы миръ нарушаете?

С т е н ь к а.

А для того, что этотъ миръ вы учинили особѣ, безъ круга.

Корнило Яковлевъ.

Мелешъ. На кругу миръ установленъ.

С т е н ь к а.

Да на томъ,—на томъ на кругу уставлено? Кругъ выговариваль вольный проходъ мимо Азова на море.

Корнило Яковлевъ.

Коли Азовцы не сдавались?...

С т е н ь к а.

А пищали-то, да сабли у казачества на что? Сдались бы.

Г о л о с а.

Еще какъ. Мы присмирѣли, вотъ они башки и подняли. Имъ дай, поганцамъ, волю, они двѣ возьмутъ.

Корнило Яковлевъ.

Завести вражду еще? Зачни мы кроволитье, гостей не жди на рѣку.

С т е н ь к а.

Вдвое бы больше гостя было. На Царицынѣ-то, али въ Астрахани тишь, да гладь; а они гостю солонѣй Азова. Вы знаете ли что чинять тамъ воеводы?

Логинъ Семеновъ.

Что?

С т е н ь к а.

Что?... Вотъ вы—атаманы, а не знаете. Отсидѣли, видно, уши-то.

Иванъ Черноярецъ.

Не однимъ гостямъ тамъ солоно. Съ казаковъ, кои за солью приѣзжаютъ, воевода тоже беретъ пошлины.

Д ь я к ъ.

Буде взято что у казаковъ—розыщется.

Г о л о с а.

Розыщете вы! Знаемъ мы ваши розыски....

Д ѣ я к ъ.

На Валуйку я привезъ отписку изъ холопьяго приказа, атаманъ: которые объявятся у васъ на Дону бѣглецы кабальные люди и холопы съ Москвы и иныхъ мѣстъ, и вамъ бы тѣхъ бѣглецовъ имати и отдавать воеводѣ съ товарищемъ на Валуйку.

С т е н ь б а.

У казаковъ того не повелось, что бѣглыхъ людей отдавать.

Г о л о с а.

Этого николи не бывало. Какъ рѣка взялась, искони къ намъ приходить никому не заказано.

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

Это, не во гнѣвъ, у насъ здѣсь необычно.

Г о л о с а.

Бояре отъ себя это выдумали. Сами бы они поголодали, какъ холопы голодаютъ у нихъ, сами бы на правезахъ постояли; стрекнули бы не то, что на Донъ, а на край свѣта. Семерыхъ въ одинъ кафтанъ сгоняютъ. Нѣтъ, бѣжить вѣдь не отъ радости. Еще бы!

Д ѣ я к ъ.

Ну, а чѣмъ здѣсь, на Дону, кормиться будетъ, набѣжить народу?

Г о л о с а.

У Бога милости много. Великій Государь слугъ своихъ прокормить, не покинетъ. Не опасайтесь.

Д ѣ я к ъ.

Да и ослушниковъ жаловать тожъ на вредъ ли станеть.

Л о г и н ъ С е м е н о в ъ.

Впрямъ тутъ воровство чиниться учнетъ, а Великій Государь станеть за то насъ жаловать?

С т е н ь б а.

Для ча же ты воруетъ?

Л о г и н ъ С е м е н о в ъ.

Не съ больной ли головы да на здоровую?

С Т Е Н Ъ К А.

А коли такъ, сказывай, кто своровалъ. Мы по бревну дворн разнесемъ у нихъ, у государевыхъ измѣнниковъ. Сказывай кругу.

Г о л о с а.

Сказывай!... (*Молодые обступаютъ.*)

Логинъ Семеновъ.

Ты мнѣ не указивъ.

С Т Е Н Ъ К А.

Не я указываю, кругъ.

Г о л о с а.

Сказывай! Безъ этого не выпустимъ изъ круга.

Корнило Яковлевъ.

Честная станица, атаманы, дайте слово молвить!

Г о л о с а.

Послѣ молвишь. Сначала пускай воровъ намъ назоветъ, государевыхъ измѣнниковъ... Говори!

Логинъ Семеновъ.

Про измѣну я не говаривалъ. Я говорилъ, молодцы, про то что уряда нѣту въ войскѣ.

Г о л о с а.

Врешь, и урядъ есть. Какого тебѣ еще уряда?

С Т Е Н Ъ К А.

Дворъ вотъ разнести ему за эти рѣчи. Ну, атаманы, попадете ко мнѣ въ ступу, взвоете.

Корнило Яковлевъ.

Либо ты взвоешь. Я тебѣ послѣдній разъ говорю: я съ тобою раздѣлюсь по войсковому обычаю. Ты у меня позабудешь молодыхъ задорить, позабудешь затѣйныя слова говорить.

С Т Е Н Ъ К А.

Руки коротеньки. батьео. Ты господинъ, да и я не одинъ.

С Т А Р И К И.

Добудемъ, братъ, Степанъ Тимоѣенчъ, — и не эдакихъ добывали.

М о л о д ы е.

Ну, это старуха на двое сказала. Либо вы насъ добуде, либо мы васъ.

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

Коли ты учаль такую рѣчь, и я другую рѣчь съ тобой поведу Погоди.

С т е н ь к а.

Не за тотъ гужъ тянешь.

Г о л о с а.

За одно съ приказными они, братцы, съ государевыми измѣнниками. Они не атаманы войску, а вороги.

С т е н ь к а.

Продадутъ васъ приказные. Они къ намъ съ грамотами что ли ѣздятъ? ѣздятъ лазутчиками. Допросимъ дьяка, братцы, отъ кого онъ пріѣхалъ—отъ Государя, али отъ бояръ.

Г о л о с а.

Допросимъ-те. Допрашивай приказнаго!

К о р н и л о Я к о в л е в ъ.

Нѣтъ, больше, видно, дѣлать нечего. Эсаулы, связать его!

Г о л о с а.

Вязать!.. Сунься кто; попробуй повязать. Мы васъ всѣхъ перевяжемъ, лежебоковъ, чихирниковъ.

С т е н ь к а.

Не подступайсь! ожгу.

С т а р и к и.

А коли такъ, по сабли, братья. На коней! Нѣтъ, видно надо проучить ихъ, голытьбу, чтобы не повадно имъ было смуту чинить. По сабли!

Г о л о с а.

Что за сабли? Кулаки ближе. Кто съ нами, съ голытьбой? Вались. Вались! *(Драка.)* Такъ ихъ!

(Логинъ Семеновъ, Корнило Яковлевъ и дьякъ уходятъ.)

С т а р и к и.

Не подавайся на голытьбу!

С Т Е Н Ъ К А.

Выдавай запасы, атаманы!

С Т А Р И К И.

Мы вамъ дадимъ запасы. Десятники, по сабли!

С Т Е Н Ъ К А.

Плюнь на нихъ, братцы. На Волгу, на раздольную, коли такъ!
Тамъ хлѣбъ будетъ.

Г о л о с а.

На Волгу, на Царицынъ!

СЕРЕЖКА КРИВОЙ.

Нѣтъ, Волга—Волгой, а надо имъ бова память.

С Т Е Н Ъ К А.

Али дорогу перво расчистить? Дѣло! (*Драка увеличивается.*)
Валися, коли такъ. Сначала! (*Засучиваетъ рукава.*)

Г о л о с а.

Такъ ихъ, братцы!

С Т Е Н Ъ К А.

Фролка, что же ты?

Ф р о л ъ.

Ну, васъ.

С Т Е Н Ъ К А.

Али жены жаль? Вишь собака. Верстай дорогу! Расчищай, знай,
во чисто поле! Заслышитъ про Пахома большая хорона!

II.

(Таборъ подъ Царицынымъ. Разсвѣтъ. Царицынъ вдали. Волга въ разливѣ.
Шалаши. Телѣги. Направо атаманскій шатеръ бѣлый съ красными разводами
и съ золотою маковицею. Подлѣ шалашей спятъ казаки.)

I.

А Л Е Ш Е К А К А Т О Р Ж Н Ы Й (*входитъ со связкою
дровъ*).

Вставайте. Будеть дрыхнуть-то...

П Е Р В Ы Й К А Ш Е В А Р Ъ.

Чего тебѣ?

А Л Е Ш К А К А Т О Р Ж Н Ы Й.

Чего? Что бѣлмы выпучилъ? Свѣтаеть. Атаманъ ужъ воротился въ Едисанъ. *(Кладетъ связку.)* Эка сторонка, лядь бы ее взялъ: барабанной палки негдѣ вырѣзать; человекѣка высѣчь нечѣмъ. Безногой Митька! Подымайтесь! Разводи огонь... Свѣтаеть.

М И Т Ь К А.

Да гдѣ дрова-те?

А Л Е Ш К А К А Т О Р Ж Н Ы Й.

У тещи на задворкѣ; проспалъ разумъ-отъ. Сыщи. Камышу напорите, нѣтъ ли де зимовалаго. Да шевелитесь.

Ө Е Д Ъ К А Ш Е Л У Д Я К Ъ.

Эге, гдѣ ужъ солнышко-то! Впрямь, заспалися!

Д р у ж и н и н ѣ в ѣ.

Д р у ж и н ѣ в ѣ.

Здорово, атаманъ молодцы! Өедоръ Тимоѣенчъ, поздорову-ль?

Ө Е Д Ъ К А Ш Е Л У Д Я К Ъ.

Здравствуйте. Ну, что у васъ на городу?... Мы въ славномъ градѣ во Царицынѣ?

Д р у ж и н ѣ в ѣ.

Впрямь, что во славномъ градѣ... Да что на городу?... Мы въ вамъ. Мы со скотиною не знаемъ что и дѣлать; дѣло весеннее; сѣна хошь бы те влогъ у кого; водопоя тожъ нѣтъ. Повелите отворить ворота.

Ө Е Д Ъ К А Ш Е Л У Д Я К Ъ.

Вотъ те на. Такъ развѣ это наше дѣло? Мы хотимъ вашъ городъ боемъ брать. Ино поговорите вы объ этомъ воеводѣ.

Г о р о ж а н ѣ в ѣ.

Говорено...

Д р у ж и н ѣ в ѣ.

Воеводѣ... Воевода вытолкалъ насъ въ шею изъ палаты-то, пришли мы съ этими было рѣчами. Заставьте за себя Бога молить. Скотина третьи сутки вотъ безъ корму. Ревъ несусвѣтимый подняли коровы въ городѣ. Не знаешь, что и дѣлать.

Өвдѣка Шелудякъ.

Еще поговорите начальнымъ людямъ объ этомъ. А буде не отопруть, что тутъ? Сбивай замокъ съ воротъ, и дѣло съ концомъ.

Горожанинъ.

Мы и сами тоже думали, да вѣдь сбить-то... Мы вамъ не супротивны. Нешто мы отворимъ ворота, погонимъ стадо, а вы тѣмъ временемъ и...? Только ужъ не уделите, атаманы молодцы. А опоздаете, намъ одна дорога—въ пеглю.

Дружинкинъ.

Повѣсятъ это такъ, какъ пить дадутъ.

Өвдѣка Шелудякъ.

Не опоздаемъ, не бойтеся. Вы въ толкъ возьмите: мы вѣдь вамъ не вороги; мы пришли васъ же свободить отъ государевыхъ измѣнниковъ. Читали грамоту, атаманъ на Царицынъ переслалъ?

Дружинкинъ.

Читали.

Өвдѣка Шелудякъ.

Ну вотъ, намъ не вы нужны, а тѣ, кои потолоще. Сдадите городъ волею, пальцемъ васъ никто не тронетъ. Ваши животы всѣ будутъ въ цѣлости. Стрѣльцовъ те много ли нонѣ въ Царицынѣ?

Дружинкинъ.

Стрѣльцовъ? Да сотни двѣ будетъ ли... Да что стрѣльцы!... Войдете въ городъ, всѣ будутъ съ вами.

Өвдѣка Шелудякъ.

Пушки заклепали всѣ?

Дружинкинъ.

Всѣ, какъ есть, заклепали. Одну мартилку, грѣшнымъ дѣломъ, позабыли. Слышали, чай, давѣ пукнула?

Өвдѣка Шелудякъ.

Слышали.

Дружинкинъ.

Ну вотъ. Въ углу стояла, окаянная,—намъ и невдомекъ; шли мимо самоѣ ея, проглядѣли.

Өвдѣка Шелудякъ.

Пастуховъ-то у васъ много ли?

Г о р о ж а н и н ь .

Трое: пастухъ, да двое подпасковъ. Да вы не опасайтесь.

Ө е д ь к а Ш е л у д я к ь .

Я не ради опасности васъ спрашиваю... Гдѣ вы посетесь-то?

Г о р о ж а н и н ь .

На городищѣ, да по уймѣ пасемся, по островамъ.

(Казакѣ сходятся.)

Ө е д ь к а Ш е л у д я к ь .

Если такъ, я кругъ соберу. Эй, молодцы! Вотъ пришли съ Царицына; просятъ выпустить стадо изъ города для пастбища.

Г о л о с а .

Какъ же такъ? Стало, это ворота отворять?

А л е ш а в а т о р ж н ы й *(разводитъ оионь)*.

А ты думалъ — черезъ стѣну коровъ те высаживать учнугъ? Знамо дѣло, выгонять въ ворота.

Г о л о с а .

Такъ что же? Это дѣло... ничего... Незамай выгоняютъ.

Г о р о ж а н и н ь .

Ужъ не оставьте, атаманы молодцы. Не обижайте насъ.

Ө е д ь к а Ш е л у д я к ь .

Никто васъ не обидитъ. У насъ скота своего дѣвать некуда. Вотъ Степанъ Тимоѳеичъ пригналъ ясырь—головъ за триста, отъ татаръ изъ Едисанъ, съ Сарпы. Гоните, знай, не опасайтесь.

Г о р о ж а н и н ь .

Тамъ мы пойдемъ, перетолкуемъ со своими, васъ оповѣстимъ.

Ө е д ь к а Ш е л у д я к ь .

Ладно.

Д р у ж и н к и н ь .

Струги гдѣ сплавить на Волгу молодцамъ, мы указали.

Ө е д ь к а Ш е л у д я к ь .

Спасибо. Мы велѣли перетаскивать.

Д Р У Ж И Н К И Н Ъ .

Ну вотъ! Прощенья просимъ. (*Уходитъ.*)

Ө Е Д Ъ Е А Ш Е Л У Д Я В Ъ .

Прощайте. (*Уходитъ.*)

Г о л о с а .

А вѣдь это лучше не нужно. Безъ бою Царицынъ засадемъ. Да на что ужъ лучше! Пора за умъ имъ взятыся, толоконникамъ. Да какой бой, съ кѣмъ биться-то? Бойцы... Ну, вѣтъ, братъ! Воевода, баяли, Тургеневъ врутъ. Дратся будто бы собирается. А не замай... Собирается зимою сѣно косить. Гдѣ атаманъ, не слыхали?— Да говорятъ на пристани. (*Выстрѣлы вдали.*) А вѣдь это на городу.

А л е ш к а К а т о р ж н ы й .

На Волгѣ. Вишь, дымъ какой повалилъ по водѣ-то; струговъ за туманомъ что ли не видать. А жарять ловко.

(*Казакѣ всматриваются вдали.*)

Г о л о с а .

Слышь и пушечки застучали. Знать бой. Гляди двѣ косныя съ луговой летать на веслахъ. Эхъ, ловко-жъ идутъ!

Первый казакъ, второй казакъ (*входятъ съ пика-
лями.*)

П е р в ы й к а з а к ъ .

Помогай Богъ.

А л е ш к а К а т о р ж н ы й .

Спасибо. Отколѣ вы?

В т о р о й к а з а к ъ .

Съ луговой. Сторожевые.

А л е ш к а К а т о р ж н ы й .

Съ кѣмъ бой идетъ? Съ стрѣльцами, что-ль?

В т о р о й к а з а к ъ .

Нешто. Съ московскими приказами, вое плыли было на Царицынъ изъ Нижняго.

Г о л о с а .

Дерутся еще?

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Перестали. Мы ихъ отрѣзали отъ города стругами. Споначалу они на морѣ; стали мы забѣгать, окружили и давай шарить. Они было вздумали на проломъ ѣхать, пошли, да атаманъ на Соголѣ, спасибо, подоспѣлъ на встрѣчу имъ и осадилъ. Головъ вяжутъ, — мы мимо ѣхали, такъ видѣли.

АЛЕШКА КАТОРЖНЫЙ.

Дѣло. А Шорина струги съ хлѣбомъ взяли же?

ВТОРОЙ КАЗАКЪ.

Взяли еще ночью безъ выстрѣла. Василий Усь какъ налетѣлъ: „сарынь на вичку!“—весь народъ подъ палубу. Приващикъ выбѣжалъ было, кричить: „сюда, сюда!“ Никто ни съ мѣста, лежать какъ мертвые. Прикащика схватили, повѣсили на шолгу, а гребцовъ съ собою повели.

АЛЕШКА КАТОРЖНЫЙ.

Ну, къ кашицѣ молодцы, къ кашицѣ, къ котелкамъ! Митька! кроши свѣжину. Да проворнѣе! Садитесь. Подкати боченовъ-отъ.. Подвеселить молодцовъ надобно. Живѣе!

(Усаживаются къ котламъ и вынимаютъ изъ-за пазухи ложки. Каторжный подноситъ вино.)

Первый прыжка, второй прыжка, бабы съ калачами, сбитеньщикъ, второй гороманинь.

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Никакъ съ города народъ-отъ?

АЛЕШКА КАТОРЖНЫЙ.

Гляди. Ай тетка! Вотъ спасибо, калачиковъ принесла. Что на Царицынѣ?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Вошелъ атаманъ въ городъ и хорунжи разставили на стѣнахъ-то, на долбалѣ.

АЛЕШКА КАТОРЖНЫЙ.

Какъ такъ? А воевода?

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Бой идетъ съ воеводою. Засѣлъ въ башню съ племянникомъ.

Да врядь долго насидать. Надо, скоро привезуть сюда. Атаманъ съ городу хотѣлъ сюда прїѣхать.

А л е ш к а К а т о р ж н ы й.

Вотъ такъ ловко! И гости не знали, какъ хозяина связали. Была не была. Митька, цѣди еще по чарочкѣ! Погрѣйтесь, молодцы, погрѣйтесь.

С в и т е н ь щ и к ъ.

Гдѣ бы мнѣ тутъ, эсаулы, Тимоѳея Дементьева сыскать? Кумъ онъ мнѣ.

П е р в ы й к а з а к ъ.

Это какого Тимоѳея?

С в и т е н ь щ и к ъ.

Съ Зимовейкой онъ у насъ въ Царицынѣ на огородахъ жилъ. Таковой дураковатый словно, Палѣнымъ прозываютъ.

А л е ш к а К а т о р ж н ы й.

Палѣный?—знаю. Вонъ ступай къ крайнимъ буренямъ, спроси у сторожевыхъ. Тамъ скажутъ. Да онъ, гляди, не на городу ли?

С в и т е н ь щ и к ъ.

Нѣтъ, здѣсь, мнѣ связывали ваши молодцы, здѣсь слышь. Спасибо. (*Уходитъ.*)

П о с а д с к и й.

Что, молодцы, нѣтъ ли у васъ лошадки? Недорогаго бы мнѣ маштачка продажнаго! Атаманъ, слышь, цѣлый косякъ лошадей пригналъ отъ татаръ съ Сарны.

П е р в ы й к а з а к ъ.

Еще дувана не было. Вотъ раздуванята косякъ, приходите. Какъ не быть,—будуть.

П о с а д с к и й.

Приду. (*Уходитъ.*)

Первый ярмына, второй ярмына.

П е р в ы й я р ы ж к а.

Знать не дождемся... Сбѣгать нешто на городъ?.. Слышь, молодецъ?

ВТОРОЙ КАЗАКЪ.

Чаво вамъ?

ВТОРОЙ ЯРЫЖКА.

До атамановъ мы было... Есть дѣльце.

ВТОРОЙ КАЗАКЪ.

Атаманъ на Царицынѣ. Да что вамъ?

ПЕРВЫЙ ЯРЫЖКА.

Да еще насады съ хлѣбомъ бѣгутъ съ верховья. Знаютъ ли атаманъ? А то вотъ нѣмцы на судахъ идутъ на Астрахань. Знаютъ ли? По водѣ плыветъ, стало, Богъ даетъ.

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

Не знаю; ступайте, ино, на Царицынѣ.

ПЕРВЫЙ ЯРЫЖКА.

Пойдемъ и впрямь; а то безъ насъ провѣдаютъ. Эка, не застали здѣсь! Кое мѣсто у тебя лодка-то? (*Уходятъ*).

КАШЕВАРЪ.

А вотъ и наши. Съ города, что ли?

ТРЕТИЙ КАЗАКЪ (*выходитъ съ винтовкой*).

Нешто. Взяли воеводу и головъ стрѣльцевыхъ. Атаманъ идетъ сюда въ трехъ лодкахъ. Гдѣ барабанщики? Сборъ велѣно ударить.

ГОЛОСА.

Вона они! Пристали къ берегу. Гляди, воеводу ведутъ.

Стенька Разинъ, Иванъ Черноярецъ, Воевода Тургеневъ, Иванъ Лопатинъ. (*связанные*). Казани (*съ знаменами*), дьякъ Аннудиновъ, стрѣльцы, литаврищи. Трое казаковъ (*несутъ въ охабкахъ бумаги и столбцы*).

Народъ.

СТЕНЬКА.

Собирай кругъ! (*Литавры*) Фу, ты жара какая! Это что?

Дьякъ Аннудиновъ.

Списки.

СТЕНЬКА.

Списки съ отписки... Жги!

Дьякъ Анкудиновъ.

Впрямъ сжечь повелишь?

С т е н ь к а.

А ты думалъ, я солить ихъ стану? Кабалы, небось, да лбеди?

А л е ш к а К а т о р ж н ы й.

Подъ котлы намъ, кашеварамъ. Важно! Замѣсто хворосту. Ван ихъ сюда вотъ, молодцы, въ кучву.

Г о л о с а.

На этомъ дай Богъ тебѣ здоровья, Степанъ Тимофеечъ!

А л е ш к а К а т о р ж н ы й.

Это доброе дѣло на вѣкъ, міряне. Жили дѣды, и безъ грамоты да лучше нашего. Бумаги ключевъ вѣдь въ судъ волочатъ.

Дьякъ Анкудиновъ.

Бумага терпитъ, перо пишетъ.

С т е н ь к а.

Колодниковъ выпустили?

Г о л о с а (въ толпѣ.)

Выпустили Дай Богъ тебѣ здоровья, отецъ нашъ! Выпустили.

С т е н ь к а.

Знамена на струги снесите. Всѣ ли въ сборѣ?

Г о л о с а.

Всѣ опричь тѣхъ, кои на городу.

С т е н ь к а.

Горожане, кому доправы нѣтъ ли съ воеводы? Сказывайте.

Г о л о с а.

Сказывайте, братцы. Надо бы міру доправить съ него. Крутъ былъ больно.

С т е н ь к а.

За крутость и безъ васъ съ него доправится. Казакамъ тогъ онъ былъ солонъ. Вы доправляйте, что у кого взято.

Г о л о с а.

У кого, братцы, взято, сказывайте. Сила Терентьичъ, ты да въ гяжилъ. Ступай въ кругъ, сказывай. Чего боишься?

СИЛА ТЕРЕНТЬЕВЪ *(выходитъ напередъ и снимаетъ шапку).*

У меня взято ружьяди на воеводу рублевъ на десять, киндякъ лазоревый, по мѣръ шти аршинъ, пара соболишекъ, да...

Г О Л О С А.

Ну, вотъ расхвастался. Гдѣ тутъ перебирать? На десять рублевъ и шабашъ.

В О В О Д А.

У него взята воровская ружьядь.

Г О Л О С А.

Эт о не дознано. Его подъячіе обличовали. Міръ не дознался, воровская ли. Мы на міру это дѣло обыскивали.

В О В О Д А.

Воровская, коли я говорю. Знать я не хочу вашего міра, безтолочи. Я ворами не потатчикъ.

С Т Е Н Ъ К А.

Кто же потатчикъ, по-твоему?

В О В О Д А.

Да первый ты потатчикъ.

С Т Е Н Ъ К А.

Ну, думалъ я тебя помиловать, да, видно, не помилюю.

Г О Л О С А.

Въ воду его, въ Ершову слободу! Опять учнетъ въ тюрьму сажать да морить на дыбѣ, выпустите.

В О В О Д А Т У Р Г Е Н Е В Ъ.

Всѣхъ перевѣшаю зачинщиковъ, первое, что учну, отпустите.

С Т Е Н Ъ К А *(толкаетъ его въ грудь).*

Молчи.

В О В О Д А Т У Р Г Е Н Е В Ъ.

Не замолчу. Ты сынъ діавола, антихристъ! Быть тебѣ на плахѣ, помани мое слово.

С Т Е Н Ъ К А.

Буду ли, вѣтъ ли, а вамъ посверчу головы; васъ всѣхъ пересажаю въ воду.

Воевода Тургеневъ.

Удалось сидю съ печки упасть. Богатырь! Не досужествомъ своимъ,—измѣной взялъ ты городъ.

С т е н ь к а.

А ты досужествомъ вѣшаешь да голодомъ моришь?

Воевода Тургеневъ.

Я вѣшалъ и пытаю разбойниковъ да татей такихъ же, какъ и ты.

С т е н ь к а.

А на Москвѣ какое ваше досужество? Кто патриарха-то съ царемъ поссорилъ? Прахъ съ ногъ отрясъ у воротъ у вашихъ. Сбудется его слово: метлой васъ разметутъ всѣхъ по лицу земли. Въ народѣ, что въ тучѣ: въ грозу все наружу выдетъ.

Г о л о с а.

Правда, батюшка Степанъ Тимошеичъ, правда! Въ воду ихъ! Дошли до Бога наши слезы... Веди, проси прощенья.

Воевода Тургеневъ.

Прощенья? Проклясть васъ всѣхъ предателей. Счастье ваше, не подоспѣли ко мнѣ съ Москвы приказы во-время, я бы вамъ далъ прощенье! Живыхъ пересажалъ бы душегубовъ васъ всѣхъ на воля...

Г о л о с а.

А коли такъ, веди... Отъѣлись кабаны. Ведите, братцы! Нечего съ ними больше толковать. Топить ихъ! Въ воду! Бери и голову Лопатина. Веди! *(Ведутъ воеводу и голову Лопатина.)*

С т е н ь к а.

Взята ли казна и рухлядь воеводская?

Иванъ Черноярецъ.

Взято все; со сторожами я послалъ на твой стругъ.

С т е н ь к а.

Ладно. Да не расходитесь, молодцы.

Г о л о с а.

Не расходитесь всѣ-то. Въ кругъ! Безъ васъ утопать. Поги-

дѣтъ?—есть чего глядѣть. Не послѣдняго, наглядитесь. Къ хорунжѣ, молодцы. Атаманъ рѣчь держать хочеть.

С т е н ь к а.

Вотъ что, атаманы молодцы, честная станица. Вылетѣли мы съ гнѣзда на волю не для поживы одной. Всѣ ли знаютъ, для чего мы вылетѣли? А другое и совѣтъ дѣлу не порча, пословица. То жъ померекать надобно собща, какъ намъ орудовать. Сами вы вѣдаете, отъ кого у насъ все лихо. Лихо все отъ воеводъ да отъ подъячихъ у насъ. Они царю застытъ, народъ напастятъ. Кабы не они, не было бы пошлннъ, да правежей; тѣсноты казачеству не было бы. А вотъ и переплись, бають, не нонче, завтра на Дону и всюду будетъ; слухъ есть, и не бездѣльный, что казаковъ въ рейтары, въ солдатскій строй верстати учнутъ. Годъ отъ году, день ото дня тѣсноты больше. Спроси-ка стариковъ, какъ прежде на Дону жили, да погляди, какъ нонѣ живутъ; казачьи старинныя права и вольности, то и дѣло, руются, жалованье царское въ боярское рѣшето сѣтется. Какая ваша мысль? А моя дума постоять за правду, послужить царю и землѣ, сколько силы хватить.

Г о л о с а.

И мы не для одной добычи вышли. Не на золото, впрямь, женъ да дѣтей промѣняли. Наша мысль такая же, какъ и твоя, Степанъ Тимоѣичъ.

С т е н ь к а.

А буде ваша мысль такая же—и дѣло съ концомъ. Одно только помните: грозцы грозись, а мы другъ за друга держись. За великаго государя, не воеводы, мы искони стояльщии. А нонѣ чѣмъ ему мы не стѣна, чѣмъ не ограда?

Г о л о с а.

Да повели онъ только, куда хошь поидемъ. Головами за него ляжемъ.

С т а р и к ѣ.

Намъ это не новина. Наше казацкое поле изъ старины булатнымъ копьемъ пахано, конскимъ хвостомъ боронено, головами засѣвано.

С т е н ь к а.

А что до вѣстей, братья,—вѣсти добрыя отъсюду. И на Яикѣ, слышно, и на Запорогахъ крылья расправляютъ орлы; давнымъ-

давно возрились въ степь; ждуть, не дождутся удалаго посвиста. Дай-ко имъ всѣмъ слетѣться! Головной поквитимъ города по Волгѣ; во весь подъемъ стругами и вонми на Нижній, оттолѣ, рукой подать, и въ бѣловаменную, расправу чинить, государю служить.

Запорожець.

Отъ ее заспива, таѣъ заспива! Экъ лыхо, що не слышать тѣи заспивы у Запорогахъ!

С т е н ь к а .

Заслышать, братъ,— дай срокъ. Сосна шумить, боръ слышитъ.

Г о л о с а .

Былъ бы запѣвало, подголосковъ найдемъ. Да вотъ что, Степанъ Тимоѣичъ, одно тебѣ слово: ты намъ глазомъ кинь, а мы туда головы понесемъ. Это не онъ, братцы, это душа казацкая заговорила! На томъ на атаманскомъ словѣ всему кругу стоять. На атаманскомъ словѣ стойте, братцы, съ тѣмъ словомъ и на Запороги, съ тѣмъ на Яикѣ и къ Гребенскимъ посылать. Вотъ, молъ, товарищи, вотъ наша душа!

И в а н ь Ч е р н о я р е ц ь (снимаетъ шапку).

Неспорно, атаманы молодцы, атаманское слово, не спорно, истинное. Одно я, не во гнѣвъ, честная станица, скажу: хлѣба у насъ есть въ войскѣ въ волю покудова, а что до оружья, до пушечныхъ запасовъ, до одежды—этого въ войскѣ мало. Окромѣ казаковъ, пойдутъ съ нами тожъ прибылые, а прибылые, сами вѣдаете, безоружны и безконны, да и голы. Поначалу объ одежѣ, о порохѣ, да о свинцѣ надо бы намъ подумать.

Г о л о с а .

Послѣ ужина похлебка твоя рѣчь, Иванъ Дементычъ. Что до запаса, промыслимъ, чать, на городахъ и запасы, и все.

С т е н ь к а .

Нѣтъ, эсаулъ дѣло молвилъ,—на городахъ плохіе промыслы. Что дѣло, то дѣло. На городахъ сидятъ по сотнѣ, по двѣ стрѣльцовъ, не болѣе. А изъ тѣхъ стрѣльцовъ съ нами жъ пойдутъ многіе,—не безоружнымъ же, не нагимъ итти имъ.

Г о л о с а .

Это дѣло!

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Та добудема же, що до потреби. Эхъ!

Г о л о с а.

Добудемъ. И по нашему бы такъ.

А л е ш к а К а т о р ж н ы й.

Мало что! Съ чѣмъ ты, и впрямь съ бабьимъ коромысломъ, что ли, пойдешь?

С т е н ь к а.

Вотъ иво что, соколы! На верховье успѣемъ.

С т а р и к ъ.

Изготовится Москва, станеть города вѣршитъ, народу подсылать, слышитъ; не застали бы въ распахъ.

С т е н ь к а.

Эка бѣда! И мы изготовимся. Съ Яика, съ Запорожья подойдуть. И съ Дону еще многіе собираются. Нѣтъ, на верховье рано, внизъ споначалу спустимся. Мимо Астрахани пролетимъ, не стануть драться воеводы,—маломочны. А съ Астрахани на Яикъ, тамъ ради будутъ. Вѣдь насъ безъ малаго двѣ тысячи, да яицкіе пристануть. Съ Яика на море, тамъ недалеко, въ три гребва дойдемъ,—въ Дербентъ да въ Баку: есть чѣмъ поживиться. Да вотъ постоитъ. Есть, что ли, кто съ Яицаго?

М о л о д о й в о з а к ъ.

Ести. Я съ Яика, меня нарочито послали васъ провѣдать. Зовутъ тебя, какъ можно, на Яикъ. У насъ привольно. Золотое дно Яйкушка, одно слово. Съ Яйва, вуды хошь, дорога: въ степь ли тебѣ, на море ли—всюду вольный проходъ. А молодые на Яикѣ то и думаютъ—съ тобою поголовно. Мы гулять водой ли, степью ли охочи.

С т е н ь к а.

Спасибо. Загуляемъ и къ вамъ. Такъ вотъ, молодцы, думайте.

Г о л о с а.

Пройдемъ мы мимо Астрахани? Нешто Актубой?

А л е ш к а К а т о р ж н ы й.

Ну, вотъ, понесъ. Курицѣ по холву твоя Актуба-то. Пролѣзешь ты Актубой со стругами!

Г о л о с а.

Мимо Астрахани пройдемъ: тамъ малоллюдно. Нечего и думать болѣ, молодцы. На низовье! Да пошто бы на низовье?

А л е ш а К а т о р ж н ы й.

Тебѣ говорили, пошто. Не слыхалъ,—знать проспалъ.

Г о л о с а.

А какъ съ Царицынымъ?

С т е н ь к а.

Здѣсь треть оставимъ.

Г о л о с а.

Коли такъ, конайтесь по сотнямъ, молодцы: кому здѣсь оставаться? Когда побѣжимъ?

С т е н ь к а.

Нонче ночью пойдемъ. Кослякъ гоните за Царицынъ берегомъ, тамъ раздуванимъ.

Г о л о с а.

Тремъ первымъ сотнямъ оставаться на Царицынѣ. Сконались.

А л е ш а К а т о р ж н ы й.

И Петръ Ильинъ, стало быть, сдѣся? Дѣло. Задасть же онъ звону Царицынцамъ! Онъ, братцы, гдѣ побываетъ, семь лѣтъ рыба не ловится.

С т е н ь к а.

Такъ, вси съ нами, во стругамъ! Къ вечеру побѣжимъ,—ждать нечего. Иванъ Дементычъ, на струги!

И в а н ь Ч е р н о я р е ц ь.

Ладно. Послѣ вечеромъ выбѣжимъ.

Д р у ж и н к и н ь.

А теперь хлѣба-соли нашего просимъ милости отвѣдать.

С т е н ь к а.

Спасибо. Ваши гости. *(Садится.)*

Д р у ж и н к и н ь.

Какъ безъ этого? Ужъ только не взыщите.

ПЕРВЫЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Мы такъ какъ много довольны вами, мы вотъ какъ етъ вамъ...
всѣмъ сердцемъ. Просимъ милости.

С Т Е Н Ъ К А.

Что у васъ тамъ спятъ на Запорожьѣ?

З а п о р о ж е ц ѣ.

Бисъ ихъ знае. Усе кошевы мутятъ.

С Т Е Н Ъ К А.

Пора бы вашимъ кошевымъ подъ заступъ, какъ и нашимъ же.
Ты молодець съ какой станицы?

В т о р о й в о з а к ѣ.

Богъ хранить.

С Т Е Н Ъ К А.

Около насъ, Богъ дастъ, научится. Еще кто Зимов'йскихъ?

В т о р о й в о з а к ѣ.

Да я съ братомъ, да Петръ Шелудякъ, Зазноба, Дольный.

С Т Е Н Ъ К А.

Который Зазноба? Ихъ, вѣдь, четверо?

В т о р о й в о з а к ѣ.

Четверо. Василій сдѣся. Нивита хотѣлъ тоже итти, да лошадь
у него захромала. Не подойдетъ ли съ Сергѣемъ Гаврилычемъ.

Д р у ж и н к и н ѣ.

Коиъмъ здѣся мѣста нѣтъ, молодцы, въ городъ милости просимъ.
Тамъ тоже хлѣбъ-соль приготовлено.

Г о л о с а.

Благодаримъ. Ваши гости.

С Т Е Н Ъ К А.

Только, молодцы, не само вались на хлѣбное-то—какъ бы лю-
дей не растерять.

Г о л о с а.

Не растеряемъ, пьяныхъ въ воду.

А Л Е Ш К А К А Т О Р Ж Н Ы Й.

Въ котель къ намъ! Въ вашицу!

В Т О Р О Й К О З А К Ъ.

Наваръ-отъ хмѣльный будетъ.

А Л Е Ш К А К А Т О Р Ж Н Ы Й.

То и хорошо: вино подешевѣеть.

П о с а д с к и й, баба, первый яржика.

П о с а д с к и й.

Я къ твоей милости.

С Т Е Н Ъ К А.

Что тебѣ?

Б А Б А (*кланяется въ ноги*).

Заставь за себя вѣчно Бога молить.

С Т Е Н Ъ К А.

Баба, молчи! Что тебѣ?

П о с а д с к и й.

Да вотъ влѣтъ у меня взломалъ вотъ этотъ паренекъ съ товарищемъ. Накрыли его совсѣмъ, а запирается. Вытащили шубу; да кабы моя,—Богъ бы съ ней, а то чужая. Просиль меня поберечь Астараканецъ пришлый; онъ самъ-отъ на Нижній пошелъ и просиль: „побереги“, говорить.

С Т Е Н Ъ К А.

Молодецъ! Люблю за это. Не давай никому спуску. Какъ же это вы затесались? Расскажи. Смерть я люблю про это слушать.

П е р в ы й я р ж и к а:

Что взять? А такъ и затесались, воли на то пошло. Ночью съ товарищемъ; видимъ: плоха у него дверца то въ влѣти. А мы у него пили наванунѣ. Что жъ, думаемъ, и по влѣтамъ уловъ. Гайда! Давай, молъ, заберемся, ну....

С Т Е Н Ъ К А.

Десятникъ! вздуйте его хорошенько батогами. Шуба чтобы была! Вдругорядъ проворуется, повѣшу.

Ө Е Д Ъ К А Ш Е Л У Д Я Б Ъ .

Знать, струги побѣжали. (*Показываются струги.*)

С Т Е Н Ъ К А .

Стало, и намъ время на сине море.

Г О Л О С А .

На Хвалынское. Вотъ они! Го-о-о!... (*Машутъ шапками.*) Вонъ они потянулись, что тѣ лебеди! Въ часъ добрый! Гляди, эсаульные, знать, полетѣли передомъ.

С Т Е Н Ъ К А .

За хлѣбъ, за соль.

Д р у ж и н к и н њ .

Не на чемъ.

В Т О Р О Й К О З А К Ъ .

Все бы глядѣлъ. Все бы я ту пѣсню слушалъ!

С Т Е Н Ъ К А .

Снимайся! Караванъ пошелъ ли?

Г О Л О С А .

Пошелъ, атаманъ. И караванъ пошелъ за стругами.

С Т Е Н Ъ К А .

Кто на Царицынѣ, держи ухо востро. Гляди, Василій Тимоѳееичъ, на городъ. Ты, Ѳедоръ, съ молодыми берегомъ держи, — смотри, молодость: не гарцовали бы, скажи имъ, берегли бы коней. Ну, за хлѣбъ, за соль.

Д р у ж и н к и н њ .

На дорожку-то. (*Подноситъ.*)

С Т Е Н Ъ К А .

Аль посошокъ? Съ отваломъ, эсаулы! (*Пьетъ.*) Лодку!

БАЙМАГАНЪ.

Киргизская сказка.

I.

Хороша Киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось надъ ней бездоннымъ куполомъ, хороши звѣздныя степныя ночи, но лучше всего новый кошъ *) стараго Хайбибулы, въ которомъ онъ живетъ вмѣстѣ съ своей старухой Ужипой и молоденькой дочкой Гольдзейнъ. Такъ думаетъ молодой Баймаганъ, работникъ Хайбибулы, думаетъ и поетъ:

Въ небѣ звѣзды
И въ кошѣ Хайбибулы звѣзды...
Тамъ и ночью свѣтитъ солнце!
А въ головѣ Баймагана
Мысли, какъ птицы.

— У меня много-много мыслей, и всѣ онѣ, какъ степной ковыль, гнутся въ одну сторону,—говорилъ Баймаганъ, когда они вмѣстѣ съ другимъ работникомъ Урмугузомъ пасли косякъ кобылицъ.—У Хайбибулы всего много... Старая лисица катается, какъ сыръ въ маслѣ, а я ничего не возьму за свои мысли, Урмугузъ.

— Дуракъ ты, Баймаганъ...—лѣниво отвѣчаетъ Урмугузъ, покачиваясь въ высокомъ киргизскомъ сѣдлѣ.—Какія мысли могутъ быть у такихъ бѣдняковъ, какъ мы съ тобой?... Ты глупъ, Баймаганъ, а Хайбибула уменъ... У Хайбибулы двѣсти лошадей ходитъ въ степи, у Хайбибулы пять лучшихъ иноходцевъ, у Хайбибулы новый кошъ, цѣлый сундукъ съ деньгами и красавица дочь. У бѣдныхъ людей должна быть одна мысль...

Обидно Баймагану слушать такія слова своего пріятеля, кото-

*) Кошъ—круглая киргизская палатка изъ кошмъ.

рый никогда и ни о чемъ не думаетъ, точно киргизскій баранъ. Да, Баймаганъ бѣднякъ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и слышать то, чего не видитъ одинъ Урмугузъ.

У Баймагана каждый разъ дрогнетъ сердце, какъ подстрѣленная птица, когда онъ вечеромъ съ косякомъ кобылицъ возвращается въ кошамъ. Издали эти коши точно потерянные въ степи папки, одна большая и двѣ маленькихъ. Изъ большой въ холодныя ночи весело поднимается синій дымокъ — это старая Ужипа, вѣчно, что-нибудь стряпаетъ, чтобы угодить мужу. Вотъ около этого огонька въ кошѣ старой лисицы Хайбибулы и бьется молодое сердце бѣдняка Баймагана, потому что вмѣстѣ съ дымомъ по вечерамъ изъ коша несется пѣсня красавицы Гольдзейнъ.

II.

У Хайбибулы новый кошъ, который стѣбитъ рублей пятьсотъ, — онъ изъ лучшихъ бѣлыхъ кошамъ, а внутри по стѣнамъ развѣшены дорогіе бухарскіе ковры. Тутъ же стоятъ сундуки, набитые всякимъ добромъ — рубахами, бешметами, халатами. У Гольдзейнъ свой сундукъ, весь обитый бѣлою жестью, точно серебряный; въ немъ копится приданое для того счастливецъ, которому достанется Гольдзейнъ.

— Кто дастъ калымъ въ сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами, тому и отдамъ Гольдзейнъ, — хвастается Хайбибула, когда съ гостями напьется кумыса. — Будь хоть безъ головы женихъ, мнѣ все равно... Сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами.

Пьяный Хайбибула непремѣнно бранится съ женой и каждый разъ повторять:

— Ты мнѣ надоѣла, Ужипа... Вотъ получу калымъ за Гольдзейнъ и прямо съ деньгами поѣду подъ Семипалатинскъ: тамъ въ кошамъ живутъ два брата, Кошгильда и Яшгильда, богатые киргизы, и у обоихъ по молоденькой дочери. Которую хочу, ту и возьму, а тебѣ, старой влячѣ, пора отдохнуть.

Когда Гольдзейнъ весело распѣваетъ свои пѣсни, старая Ужипа горько плачетъ, потому что Хайбибула непремѣнно женится на молоденькой и сживетъ ее, Ужипу, со свѣту. Онъ ужъ двухъ женъ въ гробъ заколотилъ, а она — третья и ее заколотить. Старый волея любить молодую возлятину, и погубить человѣка ему ничего не стоитъ, а всѣ считаютъ его хорошимъ, ласковымъ мужемъ.

— Лучше ужъ мнѣ самой умереть... — думаетъ Ужипа, думаетъ и плачетъ, вспоминая молодое время, когда щеки у ней были ру-

мянья, глаза свѣтились, сама была толстая да бѣлая, и когда Хайбибула говорилъ ей лъстивыя, ласковыя рѣчи.

Скоро износилась красота Ужины. Бессонныя ночи, работа, дѣти и мужнины побои развѣяли по вѣтру дѣвичью красоту, а Хайбибула ее же попрекаетъ дорогимъ калымомъ.

Никто не жалѣетъ старухи, а Гольдзейнъ нарочно отвертывается, чтобы не видать слезъ матери. Глупая дѣвка только и думаетъ, чтобы поскорѣе высочить замужъ за богатаго жениха, а родная мать ей хуже чужой.

Когда-то пьяный Хайбибула сильно избилъ Ужину, и она едва вырвалась отъ него. Убѣжала и спряталась за кошмъ. Ночь была темная, а на душѣ Ужины было еще темнѣе. Стала она просить себѣ смерти, потому что никому-никому, ни одному человѣку не жаль ея.

— Эй, Ужица, не плачь—прошепталь надъ самымъ ухомъ старухи знакомый голосъ.

— Это ты, Баймаганъ?

— Я, я все вижу и знаю. погоди, вотъ женюсь на Гольдзейнъ, тогда и тебя возьму къ себѣ. Славно заживемъ...

— Да ты съ ума сошелъ?... У тебя ничего нѣтъ...

— Э, погоди, все будетъ... Старая лисица Хайбибула самъ будетъ ухаживать за мной. Вотъ я какой человѣкъ, Ужица!

Это ласковое слово глупаго парня согрѣло душу Ужины, какъ солнечный лучъ, и ей сдѣлалось жаль Баймагана:—Аллахъ великъ, у Аллаха всего много, что стоитъ Аллаху бросить росинку счастья на Баймагана? Все можетъ быть...

— Слушай, Баймаганъ, никогда-никогда не женись на Гольдзейнъ, шептала старая Ужица:—въ ней волчья кровь... Женись лучше на Макенъ: вотъ мой совѣтъ за твое доброе слово въ позабытой всѣми старухѣ.

III.

Около коша Хайбибулы въ сторонѣ стояли два старыхъ дрявыхъ коша, въ которыхъ жили пастухи и работники. Въ одномъ жилъ кривой пастухъ Газизъ съ дочерью Макенъ, а въ другомъ Баймаганъ съ Урмугузомъ. Очень бѣдно было въ хатѣ Газиза, а у Баймагана съ Урмугузомъ совсѣмъ ничего не было, кромѣ хозяйскихъ сѣделъ да разной сбруи. Спали оба работника на лошадиныхъ потнибахъ. Сквозь прогорѣвшія кошмы пекло солнце и

лился дождь, точно Аллахъ хотѣлъ каждый день испытывать терпѣніе молодыхъ пастуховъ.

Все хозяйство Газиза вела Макенъ, и она же постоянно помогала старой Ужипѣ, точно работница, хотя скупой Хайбибула не платилъ ей ни гроша, развѣ когда подарить ей обноски послѣ Гольдзейнъ. Макенъ работала, какъ лошадь, и ходила чуть не въ лохмотьяхъ. За работой она пѣла такія печальныя пѣсни и каждый разъ смолкала, когда мимо проходилъ Баймаганъ.

— Онъ хорошій человекъ,—говорила Ужипа, не называя Баймагана по имени.

— Хорошъ да не для меня...—отвѣчала Макенъ и тяжело вздыхала.

Аллахъ мудро устраиваетъ человѣческія дѣла: Урмугузъ любилъ Макенъ, Макенъ любила Баймагана, а Баймаганъ любилъ гордую Гольдзейнъ. Баранчуками *) они всѣ росли вмѣстѣ, а потомъ вышло вонъ чтó. Старый Газизъ видѣлъ все это, но молчалъ, потому что Аллахъ великъ и знаетъ лучше насъ, какъ и чтó дѣлать. Урмугузъ думалъ про себя, что Макенъ первая красавица во всей киргизской степи, и что Гольдзейнъ приворожила глупаго Баймагана своими пѣснями и богатыми нарядами. Въ праздники Гольдзейнъ всегда щеголяла въ шелковомъ полосатомъ бешметѣ, заплетала свои черные волосы въ мелкія косички, въ уши надѣвала дорогія тяжелыя серьги, а всю грудь увѣшивала серебряными и золотыми монетами, которыя такъ весело звенѣли у ней на ходу.

Баймаганъ подолгу смотрѣлъ на нее съ разинутымъ ртомъ или старался чѣмъ-нибудь услужить. Гордая красавица совсѣмъ не замѣчала Баймагана и только иногда любила посмѣяться надъ нимъ, особенно когда тутъ же была Макенъ.

— Баймаганъ, скоро у тебя будутъ сто лошадей и пятьсотъ рублей денегъ? — спрашивала Гольдзейнъ, толкая Макенъ локтемъ.—Смотри, мнѣ пожалуй надоѣстъ ждать, и я какъ разъ выйду за другаго... У меня ужъ есть три жениха.

Гольдзейнъ весело смѣялась, а у Баймагана замирало сердце отъ этого смѣха, и онъ начиналъ ненавидѣть Гольдзейнъ. И чѣмъ больше она смѣялась надъ нимъ, тѣмъ больше онъ ее любилъ.

Провлтыхъ сто лошадей бѣдный пастухъ часто видѣлъ во снѣ, а деньги даже искалъ у себя подъ подушкой. Перестала бы Гольд-

*) Баранчукъ—ребенокъ, дитя.

зейнъ смѣяться надъ нимъ, когда бы онъ принесъ Хайбибулѣ пятьсотъ рублей старыми серебряными монетами и выставилъ въ полѣ свой собственный косякъ лошадей... Всего сто лошадей и пятьсотъ рублей. Баймаганъ день и ночь сталъ думать, какъ добыть дорогой калымъ, похудѣлъ и ходилъ, какъ въ воду опущенный.

Хайбибула прежде самъ былъ бѣденъ, и вся степь знаетъ, откуда пришло его богатство: онъ сначала самъ воровалъ лошадей по казачьей уральской линіи, а потомъ сталъ только сбывать браденый скотъ.

— Это люди болтаютъ изъ зависти, говорилъ кривой Газизъ.— Аллахъ все видитъ...

IV.

Баймаганъ возненавидѣлъ Хайбибулу и за глаза бранилъ его самыми скверными словами. Тутъ доставалось и толстому брюху Хайбибулы, и его красному носу, и сѣдой головѣ, которая думала о молоденькихъ дѣвчонкахъ. Когда въ урочные часы старикъ выходилъ ихъ коша на молитву, разстилалъ подъ ноги коврикъ и падалъ ницъ, приложивъ раскрытыя ладони въ уши, Баймаганъ испытывалъ глубокое чувство отвращенія къ этому старому ханжѣ, который хочетъ обмануть самого Аллаха.

— Кажется, я убилъ бы эту старую лисицу!—говорилъ Баймаганъ своему другу Урмугузу.—Его деньги нажиты кровью, онъ загубилъ двухъ первыхъ женъ, теперь губить третью и хочетъ жениться на четвертой, чтобы согрѣть свою старую волчью кровь молодой... О, какъ я ненавижу этого Хайбибулу!

Хитрый старикъ замѣтилъ косые взгляды Баймагана и время отъ времени любилъ подшутить надъ нимъ. Бессильная злоба бѣдняка забавляла Хайбибулу.

Разъ въ праздникъ, когда въ кошѣ и предъ кошемъ сидѣли гости, Хайбибула сказалъ Баймагану:

— Баймаганъ, покажи гнѣдаго иноходца гостямъ... Впрочемъ, у тебя заячье сердце, пусть приведетъ лошадь Урмугузъ.

Это было сказано нарочно, чтобы подзадорить Баймагана и потѣшить гостей отчаянной скачкой. Гнѣдой иноходецъ была еще не объѣзженная лошадь и никого не пускала на себя. Обида засѣла глубоко въ сердцѣ Баймагана, и онъ захотѣлъ показать пе-

редь всѣми, что ничего не боится, и что Хайбибула напрасно его обижаетъ.

Иноходца едва поймали на два волосяныхъ арвана, подвели къ кошу, и Баймаганъ птицей сѣлъ на спину дрожавшей отъ страха лошади.

— Смотри, упадешь!—крикнулъ въ слѣдъ Хайбибула.

Началась самая отчаянная скачка на необъявленной лошади, старавшейся сбить сѣдока. А Баймаганъ видѣлъ только улыбавшееся лицо Гольдзейнъ, которая смотрѣла на него изъ коша вмѣстѣ съ гостями. Да, онъ приведетъ лошадь къ кошу смирную, какъ овечку, или ему не видать Гольдзейнъ, какъ своихъ ушей.

Лошадь и человекъ боролись отчаянно нѣсколько часовъ. Баймаганъ уже чувствовалъ, что лошадь начинаетъ уставать и скоро будетъ въ его рукахъ, какъ ребенокъ. Но въ этотъ моментъ она сдѣлала неожиданный прыжокъ въ сторону, и Баймаганъ слетѣлъ на землю. Все это случилось въ одну секунду, и бѣшеное животное съ удвоенной силой понеслось въ степь, стараясь освободиться отъ тащившагося на арванѣ наѣздника. Баймаганъ крѣпко держалъ веревку обѣими руками и рѣшился лучше умереть, чѣмъ выпустить лошадь.

Черезъ полчаса иноходецъ прибѣжалъ одинъ, а Баймагана нашли въ степи безъ чувствъ. Онъ лежалъ весь избитый: голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами отъ лошадиныхъ копытъ.

V.

Баймаганъ лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ. За нимъ ухаживаетъ старая Ужипа, которая знаетъ много хорошихъ степныхъ травъ. Иногда въ кошъ заворачиваетъ Макенъ и молча садится у входа. Большой никого не узнаетъ и все бредитъ.

Ему ужасно тяжело и все кажется, что онъ скачетъ на проклятомъ иноходцѣ. Лошадь бьетъ его задними ногами прямо въ голову, и Баймаганъ страшно вскрикиваетъ. Долго-долго носить его по степи взбѣсившійся иноходецъ, а когда онъ открываетъ глаза, то видитъ надъ собой дырявую кошму своего коша и слышать, точно сквозь сонъ, голосъ Ужины:

— Не шевелись, Баймаганъ... Будешь живъ, если не будешь шевелиться. Все идетъ хорошо.

Баймаганъ старается лежать спокойно, хотя ему ужасно хо-

чется приподнять голову—въ кошѣ кто-то тихо плачетъ, а кому плакать о немъ, о кругломъ сиротѣ? Ахъ, зачѣмъ онъ не умеръ тамъ, въ степи, гдѣ носилъ его иноходецъ!...

Потомъ Баймагану вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ хорошо, совсѣмъ хорошо. Онъ здоровъ. Нѣтъ, будетъ ужъ служить старой лисицѣ Хайбибулѣ!—Прощайте всѣ: и кривой Газизъ, и Урмугузъ, и Мавенъ, и Ужипа... Съ Гольдзейнъ Баймаганъ не простился, потому что слишкомъ ему было бы тяжело видѣть ея насмѣшливую улыбку.

— Э, увидимся!—утѣшаетъ самого себя Баймаганъ, направляясь въ степь, гдѣ тамъ и сямъ торчали киргизскіе коши, точно бритныя татарскія головы въ тюбютейвахъ.—Надо жить какъ старая лисица Хайбибула.

Баймаганъ скоро нашелъ себѣ работу — онъ сдѣлался отчаяннымъ барантачомъ. По степи онъ отбивалъ овецъ у гуртовщиковъ, у казаковъ и русскихъ угонялъ лошадей, и вездѣ стали бояться одного его имени. Нѣсколько разъ онъ попадался и его били прямо по головѣ, точно всѣ знали, гдѣ у него самое больное мѣсто.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы, у Баймагана былъ готовъ весь валымъ за Гольдзейнъ, и онъ орломъ полетѣлъ къ старому Хайбибулѣ.

— Вотъ твой валымъ,—объявилъ Баймаганъ, высыпая передъ старикомъ старое серебро.

— Ты умный человѣкъ,—задумчиво говорилъ Хайбибула, пересчитывая деньги.—Ну, Гольдзейнъ твоя... Такой красавицы до Семипалатинска не найти. Что же, твое счастье, а я очень радъ. Мавенъ тоже вышла замужъ за Урмугуза, я и валымъ платилъ за него. Давай, поцѣлуемся.

VI.

Рядомъ съ кошемъ Хайбибулы выросъ новый кошъ Баймагана. Въ послѣднемъ жилось очень весело. Гольдзейнъ по цѣлымъ днямъ распѣвала свои пѣсни, а Баймаганъ лежалъ на коврѣ и пилъ кумысъ. Когда ему надоѣдало гулять одному, онъ посылалъ за Хайбибулой и угощалъ старика.

— Ты умный человѣкъ, Баймаганъ,—повторялъ каждый разъ Хайбибула и улыбался старымъ беззубымъ ртомъ.—Старъ я сталъ... Вотъ и борода сѣдая, и глаза слезятся, и зубы пропали. А когда-то я умѣлъ наживать деньги. Надо тебѣ показать всѣ норы и лазейки, а мнѣ пора отдохнуть.

И старая лисица Хайбибула училъ Баймагана всякимъ плутнямъ, называлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и товарищей по ремеслу, а Баймаганъ слушалъ и удивлялся, что Хайбибула совсѣмъ не такой дурной человѣкъ, какъ онъ думалъ раньше. Даже очень хорошій человѣкъ этотъ Хайбибула, если разобрать; а если онъ занимается воровствомъ, такъ не онъ одинъ грѣшенъ передъ Аллахомъ.

Когда Хайбибула выгналъ старую Ужипу и женился на четырнадцатилѣтней Аяшъ, дочери Кошгильды, о которой давно говорилъ, и тогда Баймаганъ не обвинилъ старика. — Хайбибула еще въ силахъ, а Ужипа едва волочить свои старыя ноги. Такъ хочетъ Аллахъ, если одно дерево цвѣтетъ, а другое сохнетъ. Конечно, Аяшъ молода для такого беззубаго старика, какъ Хайбибула, но старику ужъ немного осталось веселить свое сердце — пусть еще порадуется на концѣ своихъ дней.

Старая Ужина пришла къ Баймагану и сказала:

— Мужъ меня прогналъ, а я стара... Помнишь, какъ ты обѣщалъ приютить меня, если женишься на Гольдзейнъ?..

— Я этого не говорилъ, старая вляча!.. закричалъ Баймаганъ. — Это все ты сама придумала...

Баймагану было совѣстно за свою ложь, и онъ еще сильнѣе разсердился.

— Не наше дѣло судить васъ съ отцомъ, — отвѣтила матери Гольдзейнъ, потававшая мужу. — Мы не желаемъ ни съ кѣмъ ссориться, а живите себѣ, какъ знаете.

Ничего не сказала старая Ужина и ушла. Ее приютилъ въ своемъ рваномъ кошѣ Урмугузъ.

— Мнѣ ужъ за одно васъ стариковъ кормить, — проговорилъ онъ: — вонъ Газизъ живетъ, живи и ты.

Тѣсно было въ кошѣ Урмугуза, но Мавенъ нашла уголокъ для старухи, совсѣмъ убитой горемъ. Это взбѣсило Баймагана.

— Вотъ нашлись богачи! — ругался онъ. — Всѣхъ полоумныхъ старухъ да стариковъ не накормишь.

— Урмугузъ, видно, богаче насъ съ тобой, — прибавила Гольдзейнъ. — Не даромъ онъ столько лѣтъ служилъ у отца, а теперь служить у тебя. Видно ему выгодно, если можетъ кормить чужихъ людей.

Баймаганъ сильно разсердился на Урмугуза, но до поры до времени затаилъ въ своемъ сердцѣ эту злобу. Урмугузъ нарочно взялъ къ себѣ Ужипу, чтобы постоянно колоть ею глаза и ему, и Гольдзейнъ, и старому Хайбибулѣ.

— Урмугузъ глушь,—шептала Гольдзейнъ, ласкаясь къ мужу: —а это придумала Мавень... О, это хитрая и злая женщина!

VII.

Киргизская степь была такъ же хороша, какъ десять лѣтъ назадъ, такъ же весной она покрывалась цвѣтами и ковылемъ, тотъ же игралъ по ней степной вѣтеръ, а зимой волкомъ завывали снѣжныя метели; голубое небо такъ же высоко поднималось надъ нею, такъ же паслись по ней косяки киргизскихъ лошадей, а Гольдзейнъ позванивала своимъ серебромъ.

Хорошо жилось Баймагану. Всего у него было много, а когда надоѣдало сидѣть дома, онъ уѣзжалъ куда-нибудь въ гости. У богатыхъ людей много хорошихъ знакомыхъ. Когда было лѣнь ѣхать, Баймаганъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кошѣ и думалъ о разныхъ разностяхъ. Всего лучше ему дѣлалось, когда онъ вспоминалъ про свое дѣтство. Да, Баймаганъ выросъ у стараго Хайбибулы, какъ бездомная собачонка: спалъ подъ открытымъ небомъ и питался объѣдками, вмѣстѣ съ хозяйскими собаками. Когда варили маханъ или салму*), Баймаганъ только облизывался издали и былъ радъ, если на его долю доставалась обглоданная косточка, которую бросала ему добрая Ужипа. Эти воспоминанія дѣлали настоящее еще пріятнѣе, и Баймаганъ нарочно приглашалъ Хайбибулу ѣсть салму, чтобы вспомнить про старое.

Однажды, когда они вдвоемъ сидѣли около чугунаго котла съ салмой, старикъ хитро подмигнулъ, указывая головой на дочь.

— Ты ничего не замѣчаешь, Баймаганъ?—прошамкалъ онъ.

— Нѣтъ, а что?..

— Я ничего, такъ... Будто Гольдзейнъ у тебя постарѣла. Она будетъ вылитая Ужипа. Вотъ увидишь... А Мавень молодѣетъ. Впрочемъ, на чужихъ женъ не хорошо заглядываться... Я такъ сказалъ. Ну, прощай...

Эти слова глубоко запали въ душу Баймагана, хотя онъ старался о нихъ совсѣмъ не думать. Разъ онъ больно прибилъ Гольдзейнъ, и когда она стала плакать въ своемъ углу, онъ занесъ было руку съ нагайкой, чтобы ударить ее по спинѣ, но взглянулъ на ея заплаканное лицо, испуганные глаза—и рука съ нагайкой безсильно опустилась сама собою: на него смотрѣла старая Ужипа, а Гольдзейнъ, красавицы Гольдзейнъ больше не было.

*) Салма—варено изъ конины, маханъ—жареное изъ жеребенка.

Баймаганъ началъ часто напиваться кумысомъ, билъ жену и все ходилъ около коша, чтобы хоть издали посмотрѣть на Макенъ. Урмугуза онъ нарочно посылалъ въ дальнія киргизскія стойбища, съ разными порученіями, чтобы не стыдно было заходить въ его старый кошъ подъ разными предлогами.

Макенъ стала прятаться отъ Баймагана, а это еще больше разжигало въ немъ кровь. Чтобы показать ей свою любовь, Баймаганъ не упускалъ случая на ея глазахъ бить Гольдзейнъ по чему попало, а потомъ отнял у жены всѣ украшенія и спряталъ ихъ въ свой сундукъ. Криваго Газиза онъ поилъ самымъ хорошимъ кумысомъ и называлъ дядей. А Гольдзейнъ отъ побоевъ и слезъ дѣлалась все больше похожей на свою мать, и Баймаганъ старался не смотрѣть на нее.

— Надо избыть Урмугуза, а потомъ я женюсь на Макенъ, когда она останется вдовой,—подумалъ Баймаганъ.—Гольдзейнъ пусть служить ей, какъ раба...

VIII.

Урмугуза не стало. Много такъ пропадаетъ въ степи. Чужіе люди обвиняли Баймагана, что онъ подослалъ убійцъ къ своему работнику, а самъ женился на его вдовѣ.

А Баймаганъ ничего не хочетъ знать, что говорятъ про него люди. Онъ по цѣлымъ днямъ лежитъ на коврѣ вмѣстѣ съ Макенъ, а Гольдзейнъ прислуживаетъ имъ, старая, некрасивая Гольдзейнъ. Но Макенъ такая печальная, и Баймагана тянетъ выйти изъ коша; рядомъ въ кошѣ стараго Хайбибулы каждый разъ на шумъ его шаговъ отодвигается край ковра, которымъ прикрытъ входъ, и оттуда смотреть прямо въ душу Баймагана два темныхъ-темныхъ глаза, а изъ-за бѣлыхъ зубовъ сыплется беззаботный дѣтскій смѣхъ. Это молодая Аяшъ смотритъ на Баймагана, и у него темнѣетъ въ глазахъ.

— Обманулъ меня Хайбибула,—думаетъ онъ:—Макенъ все думаетъ о своемъ Урмугузѣ... Ей скучно со мной.

Не спится по ночамъ Баймагану, а вмѣстѣ съ ночнымъ холодомъ ползетъ къ нему въ кошъ ласковый дѣвичій шепотъ,—о, онъ знаетъ этотъ голосъ, который хватается его прямо за сердце! Нужно было отправить на тотъ свѣтъ не Урмугуза, а старую лисицу Хайбибулу. Будетъ ему грѣшить, а Аяшъ еще молода.

Темнѣе ночи ходитъ Баймаганъ и все думаетъ о старикѣ Хайбибулѣ,—можетъ-быть, старая лисица самъ догадается умереть.

Отточилъ острый ножъ Баймаганъ и ночью, какъ змѣя, заползъ съ нимъ въ кошъ Хайбибулы. Вотъ ужъ онъ слышитъ ровное дыханіе спящей Аяшъ, а рядомъ съ ней на постели, подъ шелковымъ бухарскимъ одѣяломъ, храпитъ Хайбибула. Баймаганъ поползъ къ изголовью и замахнулся, чтобы ударить Хайбибулу прямо въ сердце,—онъ приглядѣлся къ темнотѣ и теперь хорошо различалъ спавшихъ,—но, заглянувъ въ лицо старику, Баймаганъ остолбенѣлъ: это лицо смѣялось своимъ беззубымъ ртомъ, а старческіе слезившіеся глаза смотрѣли на него въ упоръ.

— Ну, чего ты испугался?... шепчетъ Хайбибула, а самъ все смѣется и смотритъ на него.—Дѣлай то, за чѣмъ пришелъ...

Страшная ярость закипѣла въ груди Баймагана, хочетъ онъ поднять руку съ ножомъ, но у него нѣтъ больше силы,—рука виситъ, какъ плеть.

— Убилъ Урмугуза, убивай и меня, — шепчетъ Хайбибула.—Аяшъ моложе твоихъ женъ... Ты умный человѣкъ Баймаганъ. Ха-ха-ха...

Эти слова ударили Баймагана прямо въ голову, и онъ чувствовалъ, какъ на его головѣ открываются старыя раны отъ лошадиныхъ копытъ, и какъ онъ самъ начинаетъ весь леденѣть. Жизнь быстро уходила изъ него вмѣстѣ съ горячей кровью, а старый Хайбибула дѣлался все дальше и дальше, и только далеко-далеко, точно изъ-подъ земли, доносился его страшный дребезжавшій смѣхъ и тотъ же шепотъ: .

— О, ты умный человѣкъ, Баймаганъ!..

Баймаганъ крикнулъ, объятый ужасомъ, и самъ испугался своего голоса, точно это кричалъ не онъ, а какой-то другой голосъ.

— Тихе, тихе... не шевелись, Баймаганъ,—шептала надъ нимъ голосъ старой Ужины, и чьи-то руки удерживали его голову.

IX.

— Такъ это былъ сонъ?..—спрашивалъ Баймаганъ, когда пришелъ въ себя и увидѣлъ, что попрежнему лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ, а около него сидитъ старая Ужина и уговариваетъ его, какъ ребенка.

— Ты сорвалъ пояски съ головы и чуть не истекъ кровью... шептала ласково старуха.—Отчего ты такъ страшно крикнулъ?..

— Не спрашивай... послѣ расскажу. Я дурной человѣкъ... я хуже всѣхъ другихъ, Ужипа.

Баймаганъ поправился, но сдѣлался такимъ задумчивымъ и печальнымъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго молодца.

— О чемъ ты думаешь, Баймаганъ?—спрашивала его Макенъ.

— Дорогая Макенъ, прежде я думалъ всегда о себѣ, отвѣчалъ ей Баймаганъ:—думалъ, какъ бы мнѣ устроиться лучше другихъ. А теперь мнѣ жаль всѣхъ людей, потому что я все вижу и все понимаю... Да, я понимаю все и понимаю то великое зло, какое сидитъ въ каждомъ человѣкѣ и обманываетъ всѣхъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно за это зло, которое и въ насъ, и вокругъ насъ. Я былъ глупъ и ничего не понималъ, но за одно доброе слово, которое я сказалъ несчастной старухѣ, Аллахъ показалъ мнѣ мою собственную душу.

Черезъ годъ Баймаганъ женился на Макенъ.

Д. Маминъ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИЖНОЙ СТАРИНЫ.

Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка.

Настоящій трудъ есть трудъ чисто библиографическій. Онъ касается одной области или одного уголка нашей литературы, который до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманія и остается почти не тронутымъ и не разработаннымъ. Кромѣ нѣсколькихъ специалистовъ, едва ли кто въ состояннн сказать, что такое была *русская повѣсть первой половины прошлаго вѣка*, въ эпоху реформы и въ первое время послѣ нея. Между тѣмъ, эта повѣсть существовала—съ своимъ особымъ *переходнымъ* характеромъ, близво примыкая съ одной стороны къ *рукописному XVII вѣку*, съ другой—къ *печатной литературѣ* второй половины прошлаго столѣтн и къ литературѣ *народной книги*, живущей до сихъ поръ и вмѣстѣ съ тѣмъ отражая на себѣ книжные вкусы и бытовныя черты своего времени. Изслѣдованн этой литературы можетъ быть вознаграждено любопытными результатами.

Повѣсть эта—исключительно рукописная. Произведенн ея разсѣяны по общественнымъ и частнымъ библиотекамъ, и первымъ приступомъ къ ея изслѣдованн должна была быть работа библиографическая. Прежде всего надо было опредѣлнть ея наличный материалъ, намѣтнть въ общихъ чертахъ ея составъ, происхожденн, степень распространенн, насколько послѣднее можетъ быть указано библиографическими данными. Настоящій трудъ есть опытъ подобнаго библиографическаго розысканн.

Нѣкоторыя замѣтки объ этомъ отдѣлѣ нашей письменности XVIII вѣка сдѣланы были въ моей старой книгѣ *), къ предмету

*) „Очеркъ литературной исторн старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Спб. 1867, стр. 284—291.

которой факты ея относились только косвенно. Съ тѣхъ поръ напечатано было два-три образчика этой литературы, и хотя она все еще не нашла особаго изслѣдованія, но число произведеній ея въ рукописныхъ собраніяхъ въ послѣднее время очень размножилось сравнительно съ тѣмъ, что было извѣстно прежде.

Старые собиратели рукописей обыкновенно направляли свою заботу и поиски на болѣе глубокую старину—рукописи церковныя и историческія,—и мало обращали вниманія на повѣствовательную литературу Петровскаго и послѣ-Петровскаго времени: „гисторіи“, романы, повѣсти и другія подобныя произведенія прошлаго вѣка считались слишкомъ маловажными, слишкомъ простонародными,—и мы почти не находимъ ихъ въ старинныхъ рукописныхъ коллекціяхъ графа Ѳ. А. Толстаго, Дубровскаго, Фролова, послужившихъ основаніемъ собранія Публичной Библіотеки; не находимъ въ богатомъ собраніи „Румянцовскаго Музеума“, положившемъ основу рукописной коллекціи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея; не находимъ въ собраніи купца Царскаго, перешедшемъ въ графу А. С. Уварову; находимъ очень мало въ древлехранилищѣ Погодина (нынѣ въ Публичной Библіотекѣ), въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и пр.; но въ послѣднія десятилѣтія, когда расширились интересы литературной археологіи и когда вмѣстѣ съ тѣмъ начинали рѣдѣть старыя рукописи въ антикварномъ обращеніи и приходилось думать о сбереженіи исчезающихъ остатковъ старой письменности, рукописи прошлаго вѣка обратили вниманіе нынѣшнихъ собирателей, и въ новыхъ коллекціяхъ мы находимъ уже довольно значительный запасъ произведеній повѣствовательной литературы первой половины прошлаго вѣка. Такъ, не мало любопытнаго въ этомъ отношеніи представляютъ новѣйшія пріобрѣтенія Публичной Библіотеки, собраніе Общества Любителей Древней Письменности въ Петербургѣ, богатое собраніе рукописей Ундольскаго, принадлежащее Московскому Публичному Музею, и новѣйшія пріобрѣтенія этого Музея; далѣе, давно знакомое намъ и теперь еще возросшее собраніе И. Е. Забѣлина, обильное оригинальными рукописями собраніе Н. С. Тихонравова—оба въ Москвѣ; далѣе, обширное собраніе А. А. Титова—въ Ростовѣ; даже собраніе Музея въ Твери. При завершеніи своей работы я получилъ, черезъ любезное содѣйствіе проф. И. В. Помяловскаго, библиографическія свѣдѣнія о коллекціи В. П. Мордвинова, представляющей единственный примѣръ своего рода въ томъ отношеніи, что она сохранилась цѣликомъ отъ половины прошлаго вѣка:

до своего нынѣшняго владѣльца эта коллекція дошла отъ его пра-
дѣда, и рукописи частію написаны самимъ этимъ прадѣдомъ, такъ что
собраніе г. Мордвинова является рѣдкимъ образчикомъ цѣльной
беллетристической бібліотеки первой половины прошлаго вѣка *.

Объединяя этотъ матеріалъ, мы видимъ передъ собою цѣлый
довольно обширный отдѣлъ старой письменности, заслуживающій
вниманія историковъ литературы и, быть-можетъ, еще больше исто-
риковъ быта и нравовъ. Это—довольно разнообразная масса пе-
реводнаго романа, повѣсти, поэмы, волшебной сказки и т. п., раз-
личнымъ образомъ связанная съ письменностью до-Петровскою и
и съ новою литературой послѣ Петра. Въ настоящемъ нашемъ об-
зорѣ собралось больше *ста* названій отдѣльныхъ произведеній—
въ большинствѣ переводныхъ, но частію представляющихъ русскіе
опыты и подражанія,—а число рукописей около *двухсотъ семи-*
десяти.

Историческій интересъ этихъ произведеній заключается именно
въ томъ, что онѣ составляютъ переходное звѣно между московскою
старинною и новымъ періодомъ нашей литературы. Въ другомъ мѣ-
стѣ **) мы имѣли случай говорить, что Петровская реформа счи-
талась у насъ обыкновенно рѣзкимъ перерывомъ, какъ въ госу-
дарственно-бытовомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, но что
въ дѣйствительности между этими двумя періодами *не было* такого
рѣзкаго дѣленія и перерыва; что литература, вызванная Петров-
скою реформой, складывается очень медленно; что нѣсколько по-
слѣдовательныхъ проявленія ея начинаются лишь около половины
столѣтія, а до тѣхъ поръ мы видимъ съ одной стороны прямое
продолженіе тѣхъ книжныхъ преданій и обычаевъ, какіе жили въ

*) Это собраніе представляетъ вообще слѣдующія произведенія XVII вѣка (и болѣе
старша) и первой половины XVIII столѣтія, частію съ указаніемъ года рукописи: 1) Гисторія о російскомъ кавалерѣ Александрѣ; 2) Гисторія о саксонскомъ королѣ Еф-
родитѣ и его снѣ Махсіонѣ; 3) Теченіе жизни господана Жебукора; 4) Милордъ Геревонъ; 5) Египетскій цесаревичъ Полиционъ; 6) Цесаревичъ греческій Калеавриъ;
7) Гисторія о Аполлонѣ королѣ Тирскомъ; 8) Исторія о графѣ Ипполитѣ и графинѣ
Жуліи; 9) Житіе остроумнаго Есона; 10) кажется, отрывокъ изъ Милорда Геревона;
11) Александрія; 12) Сказаніе о благовѣрномъ царѣ Михаилѣ, о златомъ древѣ и
пр.; 13) Сказаніе о индійскомъ царствѣ; 14) „Повѣсть зѣло душеполезна“—о парцѣ,
двухъ младенцахъ и львицѣ; 15) Сказаніе о премудромъ Акарѣ и злочестьномъ
снѣ его Анадавѣ; 16) Повѣсть о царѣ Агеѣ; 17) Исторія о Барбосѣ разбойникѣ;
18) Повѣсть безъ заглавія; 19) Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долгорѣ; 20)
Гисторія о французской королевнѣ Флорентѣ и 21) Гисторія зѣло полезна о короле-
вичѣ гишпанскомъ Францѣ Имензоліусѣ.

**) „До-Петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ“, ст. 2-я, „Вѣстникъ Европы“, 1886,
іюль.

XVII вѣкѣ, съ другой—новые, медленно возникающіе вкусы, полное развитіе которыхъ принадлежитъ уже болѣе позднему времени, именно второй половинѣ столѣтія. При Петрѣ и послѣ литература продолжаетъ жить по-старинному, въ рукописяхъ; печать долго еще остается дѣломъ непривычнымъ, и достойными ея считаются только вещи церковныя и официальныя. Довольно взглянуть на описанія нашихъ рукописныхъ библіотекъ, чтобы видѣть, до какой степени крѣпко продолжается въ XVIII вѣкѣ старое содержаніе нашей письменности: здѣсь все еще по прежнему ведутся въ рукописяхъ и старыя церковныя книги, и лѣтописи, и хронографы, историческія сказанія, житія и старинныя повѣсти—правоучительныя, чудесныя, рыцарскія, богатырскія, смѣхотворныя и т. д. Для *средняго*, а тѣмъ болѣе народнаго читателя XVIII вѣка не прерывалась эта старая цѣпь популярной письменности: онъ не переставалъ нитаться старою книгой, т.-е. рукописью, и то, чтò являлось вновь, какъ будто только продолжало старую книжную традицію. Многое и въ самомъ дѣлѣ продолжало ее: новыя повѣсти, присоединявшіяся къ старому запасу, подбирались въ томъ же прежнемъ вкусѣ, писались тѣмъ же языкомъ—полународнымъ, съ церковною и приказною примѣсью, такъ что по внѣшней формѣ иногда трудно опредѣлить, принадлежитъ ли иная повѣсть и „гисторія“ къ XVII вѣку или была новѣе. Къ этой старинѣ весьма постепенно присоединяются потомъ, *не вытѣсняя ея*, новыя переводныя произведенія съ ясною печатью Петровскаго времени: въ рядъ со старинными рыцарями являются болѣе новые рыцари и кавалеры; ихъ дѣянія состоятъ не только изъ одного прямого богатырства, но также изъ приключеній новаго рода, и наконецъ являются настоящіе романы съ любовными исторіями, съ запутанными похождениями, съ правоучительною тенденціей и т. д., а новыя черты содержанія требуютъ новаго языка — со множествомъ иностранныхъ словъ, какія расплодила Петровская эпоха. Но, какъ бывало встарину, такъ и теперь эти произведенія ходятъ только въ рукописяхъ и являются безыменными: очень рѣдко указывается, съ какаго языка переведена исторія, но имена автора и переводчика и время перевода почти всегда остаются неизвѣстны.

Какъ мы замѣтили, эта литература даетъ произведенія разнаго рода. Во-первыхъ, продолжается старинный рыцарскій романъ, котораго родоначальникомъ служитъ знаменитый Бова Королевичъ, куда примыкаютъ болѣе позднія, но также давно переведенныя исторіи: „Королевича Брунцвика“, „Рыцаря Петра Златыхъ Ключа“.

чей“, „Мелюзины“ и друг. Теперь къ нимъ присоединяется болѣе новый запасъ „гисторій“ съ такими же рыцарями, принцами, королевичами или кавалерами, запасъ, идущій изъ западно-европейскихъ народныхъ книгъ, не всегда яснаго происхожденія, какъ „Евдонъ и Бероа“, „Альфонсъ Рамиръ“, „Король Ефродитъ и рыцарь Максiонъ“, „Францель Венціанъ“, „Египетскій царевичъ Полиціонъ“, „Гишпанскій шляхтичъ Долторнъ“ и т. д. Затѣмъ, рядъ переводовъ извѣстныхъ романовъ XVII столѣтія, какъ „Азіатская Баниза“, „Калеандръ“, „Алвеменесъ“, „Аріана“ и т. д.— съ разнаго рода чудесными и романтическими приключеніями, новѣйшаго и уже не народнаго происхожденія. Далѣе, романы сентиментально-нравоучительные, въ родѣ „Гисторіи Жанетты“ или „Добродѣтельной Сициліанки“, или „Ипполита и Жуліи“, или „Карла Орлеанскаго“. Наконецъ, встрѣчаемъ въ этой литературѣ одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ XVIII вѣка—знаменитаго „Телемаха“, переведеннаго нѣсколько разъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка и ходившаго въ рукописяхъ задолго до перевода Тредьяковскаго. Здѣсь начинались уже болѣе серьезные литературные вкусы: неизвѣстные (почти всегда) переводчики руководятся уже болѣе высокими требованіями, и въ рукописяхъ являются знаменитыя произведенія европейской литературы, какъ „Погубленный Рай“ Мильтона, какъ „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго, какъ „Ловонъ волосъ“ Попа и проч., наконецъ „Иліада“ и „Энеида“, въ рукописяхъ задолго опередившія печатныя изданія.

На эти переводы полагалось не мало труда: многіе романы чрезвычайно длинны. Такъ, наприм., „Исторія Аріаны“, „Исторія Жанетты“, „Азіатская Баниза“, „Гедвига“—представляютъ громадные фоліанты мелкаго письма, одна переписка которыхъ, не говоря о переводѣ, требовала долгой усидчивой работы:

Если неизвѣстно, кто были эти усердные переводчики, то трудно также съ точностью указать, какой былъ кругъ читателей этой рукописной литературы. Единственнымъ почти свидѣтельствомъ остались записи о принадлежности рукописей. Судя по нимъ, эта публика была очень разнообразна. „Гисторіи“ списывались людьми всякихъ сословій; рукописи принадлежали людямъ по-тогдашнему образованнымъ—гвардейскимъ и армейскимъ офицерамъ, мелкимъ военнымъ чинамъ (какіе проходили тогда и дворяне), чиновникамъ (между прочимъ иностранной коллегіи), затѣмъ купцамъ, посадскимъ людямъ, наконецъ крестьянамъ; книги переходили, изъ рукъ въ руки, что и записывалось внутри переплетовъ, иногда

съ выраженіемъ впечатлѣній отъ „зѣло полезнаго“ или умилительнаго чтенія и съ заклятіями противъ повражи.

Сличая составъ этой письменной беллетристики съ тою печатною литературой, которая непосредственно слѣдуетъ за нею во второй половинѣ столѣтія, приходимъ къ довольно любопытному наблюдению: между ними нельзя не увидѣть тѣсной связи. Первые печатные романы продолжаютъ то направленіе вкуса, которое намѣчено было рукописными переводами. Многіе изъ романовъ, извѣстныхъ по рукописямъ, иногда въ тѣхъ же самыхъ текстахъ, иногда въ новыхъ переводахъ—попали теперь въ печать („Евдонъ и Береа“, „Калекандръ“, „Исторія Карла Орлеанскаго“ „Честный человекъ и плутъ“), какъ, съ другой стороны, романы печатные списывались и ходили въ рукописи, по рѣдкости книгъ и старому обычаю *). Такимъ образомъ печатная литература романовъ прошлаго вѣка примыкаетъ къ той рукописной, которая господствовала въ первой половинѣ столѣтія.

Такъ какъ эта письменность была главнымъ образомъ переводная, она, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго литературнаго интереса, но остается очень любопытна для исторіи нравовъ и образованія. Это было по преимуществу чтеніе популярное, распространенное по всѣмъ слоямъ тогдашняго грамотнаго люда и послѣ книжности XVII вѣка было подготовленіемъ къ той болѣе серьезной литературѣ, которая возникала съ распространеніемъ правильной школы и образованія. Здѣсь, въ неумѣлыхъ самодѣльныхъ попыткахъ мы можемъ наблюдать зачатки различныхъ направленій нашей литературы прошлаго столѣтія,—зачатки еще грубые, впоследствии совсѣмъ забытые въ болѣе образованномъ кругу, но успѣвшіе сдѣлать свое дѣло: они развивали любовь къ чтенію, вводили новые книжные вкусы, готовили къ новымъ нравственнымъ интересамъ и даже давали проблески самобытности среди подражанія. Писатели второй половины столѣтія подсмѣивались уже надъ этими „славными исторіями“, которыя теперь для нѣсколькихъ образованныхъ людей уже устарѣли, казались грубыми и площадными, но онѣ надолго, даже до нашихъ дней, остались въ обиходѣ народнаго чтенія. Отсюда ведутъ свое начало тѣ героическія исторіи, которыя въ огромныхъ массахъ расходились въ народной публикѣ—въ извѣстныхъ рыночныхъ, книжныхъ и лубочныхъ изданіяхъ—и

*) Относительно нѣсколькихъ романовъ, находящихся въ нашемъ указателѣ, еще должно быть выяснено, были ли они копіями съ печатныхъ книгъ, или имъ предшествовали.

долго оставались въ числѣ любимѣйшихъ народныхъ книгъ, какъ „Францель Венціанъ“, „Англійскій милордъ Георгъ“, „Египетскій царевичъ Полиціонъ“ и т. д. Иныя изъ этихъ исторій забылись, вышли изъ употребленія: по свидѣтельствамъ XVIII вѣка, въ то время были напр. очень популярны „Евдонъ и Бероа“, „Петръ Золотые Ключи“, „Арзасъ и Размира“ и т. д.; но теперь онѣ уже отсутствуютъ въ народной литературѣ. Какъ видно по отмѣткамъ въ рукописяхъ, „гисторіи“ прошлаго вѣка служили однако для чтенія еще до 30-хъ годовъ нашего столѣтія, вплоть до того времени, когда изъ этого живаго обращенія попадали прямо въ археологическія коллекціи.

Далѣе, эта популярная литература, нерѣдко очень забавная теперь по своему складу, можетъ доставить любопытныя черты для исторіи языка. Очень многіе изъ этихъ переводовъ должны относиться къ Петровской эпохѣ; на это указываетъ, между прочимъ, обиліе иностранныхъ словъ, видимо еще не установившихся въ языкѣ, употребляемыхъ еще въ томъ сыромъ, угловатомъ видѣ, когда онѣ не успѣли сгладиться и обрусѣть до той формы, въ какой извѣстны теперь; другія изъ нихъ не привились къ языку и совсѣмъ вышли изъ употребленія *). Изложеніе романовъ доставляетъ любопытныя указанія для исторіи литературнаго языка за первую половину столѣтія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ не безынтересныя черты рѣчи книжно-народной.

Что касается источниковъ, изъ которыхъ бралась эта литература, они опять были весьма разнообразны. Эти романы, гисторіи, сказки переводились съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго, польскаго; но указанія на подлинникъ въ рукописяхъ вообще рѣдки; большею частью остается совершенно неизвѣстно, откуда берется исторія, когда, кѣмъ и съ какаго языка она переведена. Многіе изъ подлинниковъ были нами отысканы; другія указанія были намъ сообщены Л. Н. Майковымъ; источникъ остальныхъ исторій остается пока неясенъ, и онъ, безъ сомнѣнія, раскроется при дальнѣйшихъ библиографическихъ поискахъ.

Наконецъ, эта переводная литература возбудила и русскія по-

*) Апортаментъ, арія, ассамблея, притти въ алтерацию (измѣниться въ лицѣ), бакетъ, волунтеръ, десперація и дисператина рѣчи, драбантъ, ковалеръ, ковалерія (орденъ), конфузія, куранты, либерія (либрея), машкарать, персона (портретъ—въ этомъ смыслѣ извѣстно еще въ XVII вѣкѣ), король (т.-е. пароль, въ смыслѣ даннаго слова-общанія), презентъ, сикурсъ, суетельство, статуи (муж. р.), шурмованіе; наконецъ военная терминологія и т. д.

дражанія. Русская повѣсть XVII вѣка и первой половины XVIII-го вообще скудна. Извѣстно, что попытки русской бытовой повѣсти на тему приключеній дѣлались еще въ XVII столѣтіи: таковы извѣстныя повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ; въ первой половинѣ, прошлаго вѣка надо отнести нѣкоторыя исторіи, возникшія очевидно въ подражаніе новымъ иноземнымъ образцамъ. Таковы, напримѣръ, „Исторія о російскомъ дворянинѣ Александрѣ“; „Исторія о російскомъ матросѣ Василии“; таковъ любопытный романъ въ стихахъ, находящійся въ рукописи г. Тихонравова и извѣстный, въ сожалѣнію, только въ отрывкѣ. По сохранившемуся отрывку трудно судить о составѣ и цѣломъ складѣ этой повѣсти: она остается во всякомъ случаѣ интереснымъ узаніемъ на то литературное броженіе, которое начиналось подъ вліяніемъ иноземныхъ образцовъ. Что касается повѣсти о російскомъ матросѣ Василии, которой приданы бытовыя черты Петровскаго времени (повѣдка для ученія въ Голландію), ея вѣроятный первообразъ представляется намъ въ исторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ.

Собранный нами списокъ этихъ произведеній, безъ сомнѣнія, еще не полонъ. До послѣднихъ дней своей работы мы получали свѣдѣнія о новыхъ рукописяхъ, и между этими рукописями находились „исторіи“, которыя до тѣхъ поръ нами вовсе не были встрѣчены. Многія исторіи, отмѣченныя въ нашемъ обзорѣ, существуютъ пока только въ единственномъ экземплярѣ; многія не полны; нѣкоторыя, до сихъ поръ извѣстныя только по имени, встрѣчены были нами впервые въ рукописяхъ, какъ „исторія Эпаминонада и Целеріаны“, упомянутая въ запискахъ Болотова.

Рукописи такого рода, конечно, особенно легко зачитывались, а затѣмъ, пренебрегаемыя прежними собирателями, совсѣмъ затеривались. Надо желать, чтобъ эта литература была по возможности восстановлена въ ея полномъ составѣ; упомянутыя мной обстоятельства позволяютъ думать, что найдется еще не мало новыхъ рукописей. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо желать, чтобъ эта литература нашла и спеціальнаго изслѣдователя: передъ нимъ явились бы не только любопытныя бібліографическіе вопросы объ источникахъ этой литературы, связанной съ нашими народными книгами, но и вопросы о книжныхъ вкусахъ и нравахъ первой половины прошлаго вѣка *).

*) Могли бы быть собраны любопытныя подробности о беллетристическомъ чтеніи прошлаго вѣка изъ мемуаровъ и воспоминаній прошлаго вѣка, какъ записки Боло-

Мы расположили свой обзор въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ героевъ этихъ „гисторій“, и изрѣдка по заглавіямъ произведеній: такъ какъ все это почти исключительно исторіи приключеній, то это былъ, кажется, наиболѣе удобный приѣмъ для облегченія справокъ. Расположить эти произведенія по родамъ было трудно, потому что иной разъ невозможно выдѣлить романъ, „гисторію“ и сказку: Трудно было бы также распределить ихъ по источникамъ, такъ какъ въ большинствѣ эти источники неясны. Еще менѣе можно было принять порядокъ хронологическій, потому что большею частію время появленія этихъ произведеній совершенно неизвѣстно *).

Условія составленія настоящаго труда не позволили намъ сдѣлать библиографическія указанія равномерно подробными; но больше такихъ подробностей мы старались дать именно о рукописяхъ менѣе доступныхъ, какъ рукописи закрытыхъ ученыхъ обществъ и рукописи частныхъ собраний. Считаемъ, наконецъ, долгомъ выразить свою благодарность ученымъ, которые содѣйствовали настоящему труду сообщеніемъ какъ рукописей, такъ и библиографическихъ указаній, а именно: *Θ. И. Буслаеву*, *вн. П. П. Вяземскому*, *И. Е. Забѣлину*, *Л. Н. Майкову*, *И. В. Помяловскому*, *А. А. Титову*, *Н. С. Тихонравову*, *И. А. Шляпкину*, *Е. И. Якушину*. Проф. Помяловскій, вромѣ извѣстія объ его собственныхъ рукописяхъ, доставилъ намъ библиографическія свѣдѣнія о любопытномъ собраніи *В. П. Мордвинова*; *г. Тихонравовъ*—обширныя указанія о рукописяхъ своей богатой бібліотеки.

А. Пыпинъ.

Октябрь 1886—мартъ 1888.

това, *И. И. Дмитріева*, замѣтки *Карамзина*, воспоминанія *С. Т. Аксакова* и пр. Ср. „Черты изъ жизни русскихъ дворянъ въ концѣ XVIII вѣка“, въ „Моск. Наблюдатель“, 1837, ч. XI, стр. 133—147. Прекрасный опытъ подобной работы сдѣлалъ въ статьѣ г-жи *Щенкиной*: „Популярная литература въ среднѣмъ XVIII вѣка (по запискамъ *Бологова*)“, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1886, апрѣль.

*) Определить границу избраннаго періода отъ XVII вѣка и отъ второй половины XVIII вѣка было бы довольно трудно. Мы набѣгли помѣщать въ своемъ спискѣ такіе памятники, которые завѣдомо принадлежатъ старому времени, хотя обращались въ рукописяхъ и въ XVIII столѣтіи, какъ, напр., „*Александрія*“, „*Акиръ премудрый*“, „*Бова*“, „*Аполлонъ Тирскій*“, „*Семь мудрецовъ*“ и пр., и сдѣлали исключеніе только для двухъ-трехъ исторій, которыя подходятъ къ общему складу повѣстей описываемой эпохи и были очень распространены въ рукописяхъ XVIII вѣка, какъ, напр., „*Брунцвикъ*“, или „*Петръ Златые Ключи*“, или „*Мелюзина*“.

I.— Произведения переводныя.

Августъ Саксонскій и Меландра.

— „Исторія о Меландрѣ королеви французской и о курфюрстѣ саксонскомъ Августѣ“. Въ рукописи Публичной Библиотеки Q.XV. № 54, скороп. XVIII в., 2 тома, 401 лист.

Адалисна, см. Одалисна.

Аделеида Африканская.

— „Аделеида, африканская повесть. Переведена съ французскаго на руссiйской языкъ. В Санктъпетербургѣ 1761 году“. Въ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, 4о, № 73 (по новому счету № 271), убористой, но не четкой скорописью, на л. 182—206.

Начало: „Донъ Саншець дворянинъ гишпанской два года пылая чрезмерною любовию и употребя всевозможное старание получилъ свою любовницу въ супружество родители ея немало сопротивлялись сему ихъ благополучию почитая причиною тому ево недостатокъ но какъ онъ былъ пожалованъ полковникомъ драгунскаго полку то они какъ въ разсужденiи сего чина такъ и уповая что со временемъ онъ еще знатнейшее иметь можетъ, дочь свою за него выдали.

„Бракъ не только чтобъ уменьшилъ любви его нежность но придалъ ей еще новыя силы, обладание Эльвиroy (имя ево супруги) почиталъ онъ за неоцененное сокровище“...

Конецъ: „...Донъ Саншець печалился неизреченно однако данное Эльвире обещанiе і Аделеидины прелести наконецъ ево утешили. Онъ еще около года жилъ в Тунусе лстя всегда дею что мулыюманской законъ приметъ; между тѣмъ употребя нежнейшия предосторожности, чтобъ вторично не быть поиману взявъ с собою Аделеиду уехалъ в Гишпанию куда приехавъ на ней женился і всегда любилъ ее страстно“.

Въ концѣ списокъ книгъ, „написанныхъ“ въ типографiи Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса, гдѣ между прочимъ означена и эта „Аделеида“—цѣною въ 30 коп. Изданiе означено у Сопкиова такъ: „Аделеида“

лейда, африканская повѣсть. Переводъ съ франц.“ Спб. 1761. 8°. Ц. 50 коп. (№ 1772).

Адельсонъ и Сальвини.

— „Адельсонъ и Сальвини, аглинская повѣсть“. Скороп. XVIII в. 4°, 54 листа. См. „Охранный каталогъ“ А. Титова (Ростовъ и Москва, 1881, 1884, 1888; три выпуска), № 1626.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Кажется, что Римъ сохранилъ нѣкоторымъ образомъ“...

Ср. Сошкова: „Адельсонъ и Сальвиній, аглинская повѣсть, соч. г. Арнода. Перев. съ франц.“ М. 1779, 8°. Ц. 40 коп.

Подлинникъ: Fr. Basculard d'Arnaud, „Adelson et Salvini, anecdote anglaise“. Paris, 1772. 18°.

Адольфъ, принцъ Лапландійскій.

— „Гисторія о принце Адолфе Лампландинскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія“. Сборничекъ Общества Древней Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Q. № СС. Скороп. конца XVIII в., л. 1—20.

Нач.: „Бысть близъ полуденной (sic) страны на Ледяномъ морю тамъ лѣжащая часть Лампландія есть холодное государство где мало бываетъ благодарственнаго (sic) воздуха“ и проч.

Въ концѣ запись: „Сня гисторія ржевского купца Пракофья Кузмина сына Немилова. А сию гисторію ни продать, никому не заложить. По наследству досталась сыну ево Григорью Пракофьеву Немилову купцу ржевскому“.

— „Гисторія о принце Адолфе и о островѣ вечнаго веселія“. Въ большомъ сборникѣ повѣстей Забѣлина, XVIII в., № 67 (по новому счету № 267), л. 1—11.

Нач.: „Близъ полуденной страны к лѣденому морю тамо лѣжащая часть Лампландія есть холодное государство, гдѣ мало бываетъ благодатнаго воздуха, горы почти всегда покрыты снегомъ, и древа такъ обвѣшены лдомъ, что когда солнце испуститъ на нихъ свои теплые лучи, то они кажутся будто хрусталемъ украшены, таможе находятся рощи чрезвычайной вышины, гдѣ обретаются медведи бѣлые“ и проч.

— Другой списокъ, въ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, по прежней нумераціи № 82, безъ начала.

— „Гисторія о принце Одолфе і островѣ вечнаго веселія и о пренесе красоты и веселія“. Въ сборникѣ, писанномъ С. Кублицкимъ 1754—55 г., л. 55—63. Ундольскаго, № 912.

Начало: „Близъ полушной (sic) страны к ледену морю тамъ лѣжащая часть“ и пр.

Конецъ: „...і от сего дни никто не можетъ сказать ктобы ея видѣлъ, печаль есть притчина тому что ретко показывается і находить на сію принцесу беспоконство и печаль люди могутъ особливо о томъ засвидетелствовать і все о семъ плачевномъ приключеніи говорить тако

„Время всемъ і во всехъ всеми обладаетъ і никто в нихъ совершенножъ не пребываетъ.—Конецъ“.

Лубочная „Исторія о принцѣ Одоффѣ Лападійскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія“, на 8 листкахъ, нѣсколько сокращено противъ рукописи. (См. въ моемъ „Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, Спб. 1857, стр. 285; Ровинскаго, „Русскія нар. картинки“, I, стр. 156; IV, 162, 163, 533; V, 100, 126, 127).

Опытъ изслѣдованія о сюжетѣ сдѣланъ былъ г. Гаршинымъ и прочитанъ въ обществѣ германо-романской филологіи при Петерб. универ-8 окт. 1886; но окончательное объясненіе происхожденія этой исторіи изъ романа г-жи д'Онэ (d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite, comte de Duglas, 1-е изд. 1690 г.) дано было А. Н. Веселовскимъ: „Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка“. Спб. 1887.

Адольфъ Храбрый

— „Повѣсть Европейская. Славныя дѣла Адольфа храбраго героя. 1789 года“. Скорописью XVIII в., въ 4°, на 314 листахъ. По „Охраному Каталогу“ А. Титова (въ части неизданной) № 2780.

Въ этой повѣсти, по указанію г. Титова, между прочимъ, есть исторія о славномъ атаманѣ Чубилѣ, именующемъ свое происхожденіе отъ арабскихъ князей.

Начало: „Державнѣйшій государь! обратясь Чубиль въ королю Черныхъ Острововъ, продолжалъ, я думаю, вамъ не безъизвѣстно, что въ полуденной части свѣта, т. е. въ Африкѣ“ и проч.

Азіатская Баниза.

— „Азіатская Баниза“, романъ въ двухъ частяхъ. Въ рукописи Публ. Б-ки Q. XV. № 52, скороп. XVIII в., на 159 и 176 лист.

— „Азиацкой Банизы второй части, первая книга“ и пр., именно ч. 2-я, кн. 1-я, 2-я и 3-я. Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго F. № XIV. Скороп. XVIII в., весьма четкой, на 293 лист. На послѣднемъ листѣ: „конецъ третьей книги, второй и послѣдней части Азіатскія Банизы“.

— Тоже, 1-й части 2-я книга. Тамъ же, O. № LXXXVI.

Упоминается въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка. („И то и сію“, 1769; см. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 289.)

Нѣмецкій подлинникъ вышелъ въ 1688 или 1689 г. подъ такимъ заглавіемъ: „Die Asiatische Banise oder das blutig- doch muthige Pegu,

dessen hohe Reichs-Sonne bey geendigtem letztern Jahr- Hundert an dem *Xemindo* erbärmlichst unter- an dem *Balacin* aber erfreulichst wieder aufgehet. Welchem sich die merckwürdigen und erschrecklichen Veränderungen der benachbarten Reiche *Ava*, *Aracan*, *Martabane*, *Siam* und *Prom*, anmuthigst beygesellen. Alles in Historischer, und mit dem Mantel einer annehmlicher Helden- und Liebes-Geschichte bedeckten Wahrheit beruhende (и т. д.)... Aufgesetzt von H. A. v. Z. u. K. (Heinrich Anshelm von Ziegler und Klipphausen). 1689. См. L. Cholevius, Die bedeutendsten deutschen Romane des siebzehnten Jahrhunderts. Leipz. 1866, стр. 152—175. По замѣчанію Холевіуса, „никакой другой романъ не очаровывалъ современниковъ такъ, какъ Азіатская Баниза Циглера“.

Въ печатной литературѣ была извѣстна другая Баниза: „Приключеніе Аглинской Банизы, любовная и героическая повѣсть“. Пер. съ нѣм. 2 части. Спб. 1766. Сочин. № 8956.

Анатъ и Аеастина.

— „Гисторія о италянскомъ кавалерѣ Анатѣ и княгинѣ Аеастинѣ“. (См. Лѣтоп. Зап. Археогр. Комм. V, отд. IV, стр. 86.)

Алберхъ.

— „Гисторія о королѣ французскомъ Алберхѣ и о сынѣ его королѣ“. Руконисъ XVIII в., Публ. Б-ки, по описанію Бычкова № LXXX; Погод. № 1617.

Александръ и Лодвигъ.

— „Повѣсть zelo предивна и полезна о Египетскомъ королѣ Александрѣ и названномъ его братѣ Лодвигѣ“. Въ рукописи конца XVIII в., скорописью, 4°, Публ. Б-ки Q. XV. № 50. См. „Отчетъ“ Б-ки за 1861, стр. 55.

— Повѣсть объ Александрѣ и Лодвигѣ, безъ заглавія, на 37 листахъ, въ сборникѣ Тихонравова, № 311. Редакція гораздо обширнѣе той, какая находится въ повѣсти о Семи Мудрецахъ.

Начало: „Быль нѣкоторый славный и богаты мужъ не в коемъ месте, иже име у себя сына единого, егоже любляше. Видев же юношу разумомъ спешю (sic) и даде его нѣкоторому мудрецу в далъные страны к наученію мудрости“.

Конецъ: „... А мати же для веселие плакаше велиями (sic) неутешно. И рече ей кразь: „Не плачите, но будите в радости, отседе бо будите в моемъ кралевствѣе и покою васъ во вся дни живота вашего“. І взявъ ихъ с собою с хвалою и честию великою, і пришедъ во Египеть, живяху многа лета в радости и в веселіи“.

Исторія объ Александрѣ и Лодвикѣ находится, какъ замѣчено, въ „Повѣсти о семи мудрецахъ“, о которой см. въ „Очеркѣ“, стр. 260. Вѣроятно, изъ рукописнаго источника повѣсть вошла въ печатный сказочный сборникъ: „Историческія сказки“, первая о золотой горѣ и пр. Спб. 1793, гдѣ на стр. 59—98: „Сказка о двухъ славныхъ богатыряхъ, Александрѣ и братѣ его Лодвикѣ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга“. На рукописную повѣсть есть ссылка въ „Исторіи матроса Василя“; см. „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени“, Л. Майкова, стр. 45—46.

Объ источникахъ и исторіи самой повѣсти о Семи Мудрецахъ, см. указанія въ послѣднихъ изданіяхъ исторіи нѣмецкой литературы Гервинуса и Кобернштеґна. Объ исторіи Александра и Лодвика упоминаетъ Bobertag: *Gesch. des Romans und der ihm verwandten Dichtungsgattungen in Deutschland*. Breslau 1876—84, I, 124.

Алкеменесь.

— „Гисторія о скнескомъ королѣ Алкеменесѣ и о королевѣ Меналиппѣ“. Въ рукописи второй половины XVIII в., №, 107 лист. Ундольскаго, № 917.

По указанію Л. Н. Майкова, это—эпизодъ изъ 4-й части романа: „Cléopâtre“, *par de Costes de la Calprenède*. Paris, 1647—1648, 12 vol. 8°. Этого романа было много другихъ изданій, между прочимъ съ сокращеніями. Содержаніе эпизода рассказано въ *Geschichte des franz. Romans im XVII Jahrh.* von H. Koerting. Leipz. und Oppeln, 1885, стр. 314—318.

Алламондъ.

— „Гисторія о принцѣ Алламондѣ“,—въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова № 294 (по письменному сообщенію А. А. Титова).

Альфонсъ Аррагонскій.

— „Исторія Альфонса Аррагонскаго и Евлаіи“. Скороп. половины XVIII вѣка, 4°, на 74 листахъ, Ундольскаго, № 1128.

Альфонсъ Рамиръ.

— „Исторія о Алфонсе Рамире, короле гншпанскомъ, и о прекрасной Ангелике, принцессе лонгобардской, именуемая Неистовый Роландъ“. Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Q. № CXVII. Хорошей скороп. XVIII в., на 115 листахъ.

Начало: „По завоеваніи Лонгобардамі(и) Италіи владѣтельствова-ли во оной чрезъ многое время изъ нихъ короли наслѣдственно одинъ по одному (въ рук.: по одной по одному), хотя европейскіе государи

а особливо цесари греческіе и короли французскіе многократно старались оную от лонгобардовъ возвратить“ и пр.

— „Исторія о Адеонзе Рамире, короле гишпанскомъ и о прекрасной Ангелике пренцессе Лонгобардской. Именуемая Нейстовый Роляндъ“. Особая тетрадь въ большомъ сборникѣ повѣстей Забѣлина, XVIII в., № 67 (по новому счету № 267), л. 1—89.

Начало: „По завоеваніи Лонгобардами Италиі владетельствовали во оной чрезъ многое время із нихъ короли наследственные одинъ по одному“ и пр.

— Исторія о Нейстовомъ Роляндѣ, въ Погодинской рук. № 1983. (См. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 285.)

— „Исторія о Анеозѣ (читай: Альфонзѣ) Рамирѣ, королѣ гишпанскомъ, и о прекрасной Ангеликѣ, принцессѣ Лонгобардской, и о Нейстовомъ Роляндѣ, племянникѣ короля французскаго Шарлемана“. Въ сборникѣ романовъ, скороп. XVIII вѣка (70 лист.), на л. 1—37. Публ. Библ. Ф. XV. № 26.

— „Исторія о гишпанскомъ королѣ Адеонзе Рамире и о лангобардской принцессе Ангелике“. Скороп. XVIII в., на 87 лист., Публ. Библ. Ф. XV. № 78.

Антонинъ Оивансній.

— Исторія о королѣ оиванскомъ Антонинѣ и Луцци королевнѣ, дочери Алфена Тирнацаго, и о сынѣ ихъ Урлихѣ,—неполная, безъ начала, въ сборникѣ Забѣлина, XVII—XVIII в., 4°, № 69 (по новому счету рукописей № 223, л. 21—26, по старой нумераціи тетради, л. 3—8).

Начинается на 3-мъ листѣ: „...сказаль какъ что было і она ево больше стала любить, а потомъ в то корол(ев)ство приехалъ из другова окрестнова королевства ковалеръ битца на шпагахъ и на пестолетахъ, і напередъ бился с королевскими ковалерами на рапирахъ, і всегда онъ всехъ побиваль, і сталъ приезжей ковалеръ говорить королю Адеону“...

Конецъ: „...и увидель Урлихъ мать свою і кинулся к ней, і сталъ ее целовать с великою ласкою і потомъ король Антонинъ жилъ с королевою Луцциею до кончины в великой славі и Урлихъ сынъ ево послѣ ево былъ на его месте королемъ“. (См. въ „Очеркѣ“, стр. 286).

Арзасъ и Размира.

— „Гисторія объ Арзасѣ и Размирѣ“. Въ сборникѣ Моск. Публ. и Рум. Музея, изъ собранія Лукашевича, № 50, помѣч. 1747 годовъ. См. „Отчетъ“ Музея за 1870—72 г. М. 1873, стр. 31.

— „Исторія о вѣрномъ постоянствѣ въ любви кавалера Арсаса съ

Размерой фрейлиной“. Въ сборникѣ, писанномъ въ 1753—54 г. С. Кублицкимъ, л. 75—85; Ундольскаго, № 664.

— „Исторія Елисаветы, королевы Англинской, которая, какъ всемъ известно, немалую склонность имела къ любви“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., № 67 (267), л. 1—20.

Нач.: „Во время государстванія своего королева Елисавета росла любовь ко единому от своихъ подданныхъ именемъ Арсаса, которой имелъ чинъ генерала лейтнанта. Оной Арсасъ содержалъ постоянство і обязательство къ еѣ фрейлине Размире, і уедавъ королева, что для имѣющей верности Размире пренебрегаетъ Арсасъ многія предложенія объ явленіи ея любви къ нему, от того времени у королевы злоба в сердце вселилась“...

— Другой списокъ въ сборникѣ Забѣлина, по старому счету № 82.

— Повѣсть объ Арсасѣ и Размирѣ и королевѣ англичкой Елисаветѣ,—безъ начала и конца, въ рукописи XVIII—XIX в., 4^о, на 19 лист., собранія Тверского Музея, № 151.

Аристей и Телазія.

— „Приключенія Аристеевы и Телазинны“,—въ рукописи Забѣлина.

— „Похожденія Аристея и Телазин“, въ 7 книгахъ, in f^о, на 87 листахъ. Въ сборникѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея, № 2966, скороп. XVIII вѣка. См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32.

Печатное изданіе: „Похожденіе Аристея и Телазин“. Перев. съ франц. Спб. 1764. Сопик. № 8593.

Подлинникъ: *Les Aventures d'Aristée et de Télasie, histoire galante et héroïque* (par du Castre d'Auvigny). Paris, 1731; Amsterdam, 1732. (Comte D'I., *Bibliographie des ouvrages, relatifs à l'amour*. Turin et Londres, 1871—73, I, стр. 345).

Аріана, см. Мелентесь и Аріана.

Бертольдъ.

— „Бертольдъ“. Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Q. № СXLIII, скороп., вѣроятно, первой половины XVIII в., на 75 листахъ.

Нач.: „Бертольдъ (заглавіе)—

„Пришедъ во дворъ и прошедши мимо всехъ господъ, которые были при царѣ, не снявъ шляпы с себя, и не учиня поклона, пошелъ прямо и селъ близъ царя, которой царь былъ природою человекъ милосердой и увеселился придворными превращеніями и шутками, подумалъ о ономъ, что онъ былъ какой нибудь лунатикъ и слабоумной, ибо натурой обыкновенно въ таковыхъ уродахъ изливаешь некая дарованіе“ и пр.

— „Итальянскій Эзопъ или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ, содержащее въ себѣ удивительныя съ нимъ приключенія, остроумныя выдумки, хорошее поведеніе при дворѣ, кунно съ его духовною. Съ французскаго языка переведена. Скороп. XVIII в., въ 4-ку, на 133 л.

„На первыхъ 2 листахъ, безъ помѣты, написано размышленіе о смерти.

„На 1 л. запись: Сія книга Стефана Рубцова, коя имъ переписанна и оправлена 1792 году, мѣсяца Апріля 29 дня....

„Эта рукопись имѣетъ разницу противъ напечатанной: Эзопъ (Итальянскій) или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ, переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ, 1782 г., въ 8-ку (Сопиковъ № 369). Замѣтно, что переписчикъ рукописи Рубцовъ при перепискѣ дѣйствительно ее *оправилъ*“.

Это свидѣніе въ книгѣ А. А. Титова: „Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйств. члену Импер. Р. Археолог. Общества И. А. Вахрамѣеву“. Москва, 1888, № 186 (стр. 119).

У Смирдина „Итальянской Эзопъ“ и пр., 1782, отмѣченъ подъ № 8887.

О Бертольдѣ см. Dunlop, Gesch. der Prosadichtungen, übers. von Liebrecht, стр. 328—331, 505, 544; Grässe, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, стр. 466 и слѣд.

Бонневаль, графъ.

— „О приключеніяхъ графа Бонневала, съ прибытія въ Венецію до путешествія его въ Арабію“. Скорописью XVIII вѣка, 8°, на 179 листахъ; переводъ Василія Попова, въ 2 частяхъ.

Начинается письмомъ гр. Бонневала къ нѣкоторой венеціанкѣ, при которомъ онъ посылаетъ ей свою исторію.

(По письменному сообщенію г. Титова; см. „Охранный Каталогъ“, выпускъ 3-й, № 1912).

Брунцвикъ.

— „Повѣсть умилительная о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли, и о великомъ его разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ поморскихъ отоцѣхъ“ и пр., Публ. Б-ки № LVII, по описанію Бычкова (Погод. Древлекран. № 1603). Первой половины XVIII в.

— „Сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣчетскіе (sic) земли и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцехъ“ въ сборникѣ XVII в. Публ. Б-ки, Q. XVII. № 143, лист. 68—119. См. „Отчетъ“ за 1874, стр. 131.

— „Гисторія о королѣ Брунцвикѣ и о супругѣ его Неоменіа“ въ сборникѣ Ундольскаго № 665, писанномъ мелкой скорописью въ 1753—54 г. С. Кублицкимъ, лист. 97—103.

— „Сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и храбрости“, въ спискѣ XVIII в. Ундольскаго № 924, на 20 лист. (Сл. сборн. XVIII в. № 664; въ „Очеркѣ“, стр. 223).

— „Исторія зѣло правдивая о королевичѣ Брунцвикѣ чешскія земли, како онъ ходилъ въ далныхъ и незнаемыхъ странахъ и какъ онъ примирилъ себѣ страшнаго лва“. Въ рук. Археогр. Комм. XVIII в., № 159, л. 45—61.

— „Сказаніе о кралевице Брунцвикѣ и о его великой храбрости и о походе како выслужилъ сѣбе лва зверя“. Въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII вѣка, собранія Тихонравова, № 301, л. 48—58. Нач.: „Бысть в чешской земли кралевицъ именемъ Брунцвикъ сынъ Штыль Фригоря короля и остался после отца своего на королевствѣ в чешской земли“... Конецъ: „...и пришедъ ляже подле Брунцвика съ радостію. Егда же Брунцвикъ проснулся и рече ему Аэрика (а... си-речь), а сама расмеялась: дивлюся азъ сему, милый“. Дальше нѣтъ.

— „Сказаніе о кралевице Брунцвикѣ чешской земли и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ поморскихъ отоцѣхъ“, — рукопись, вѣроятно, первой половины XVIII вѣка, 4°, на 93 стр.; въ собраніи Е. И. Якушкина.

Начало: „В лѣто г^{го}мъ году бысть въ чешской земли каролевичъ именемъ Брунцвикъ“...

Конецъ: „...умре и самъ левъ надъ гробомъ Брунцвиковымъ, люди же взяша льва и погребоша его близъ гроба Брунцвикова, славяща святую Троицу, отца и сына и святаго духа, аминь“.

О происхожденіи нашего „Брунцвика“, см. въ статьѣ А. Веселовскаго въ „Исторіи рус. словесности“, Галахова, 2-е изд. Спб. 1880, I, стр. 444—448.

Букля власовъ похищенныхъ.

— „Букля власовъ похищенныхъ. Поема героин-комическая госпо-дина Попа. Переведена на русской чрезъ Ш. 1749, октября 20 в Санктъ Питербурхе“. Общества Др. Писъм., собр. кн. Вяземскаго Q. № XXV. Дурной скорописью половины XVIII в., на 57 листахъ.

„Къ читателю.

„Господинъ Попъ, знаменитой стихотворецъ аглинской, всѣмъ любителямъ чтенія знакомъ довольно. Поема (сія?) его творенія переведена мною въ угодность одному моему благотворителю, которой всехъ славныхъ творцевъ твореніе столь охотно читаетъ, что еслибъ можно было ему вдругъ все ихъ книги увидеть на русскомъ языкѣ, онъ бы зато половину (ежели не все) именіе своего отдать не пожелалъ. Того для разсудилось мнѣ некоторымъ образомъ нужное истолкованіе о намереніи творца и причине здѣсь оставить на основаніи только того, что мой переводъ недалеко его поидеть, а хотя и выдетъ въ люди, разум-

ные читатели найдут сами читая ясно увидят замысль господина Попа в шутовой сей поеме, а неразумнымъ не только мне, но и самому *) Попу со всеми философиами растолковать не можно.

„Хотя переводы мои ни мало почти оригиналу нельзя уподобить, и естли господинъ Попъ въ жилище мертвыхъ, какъ тамъ все люди и во всемъ становятся равны, прочтеть по русски свою поему, то единъ уставъ вечности удержитъ его от того — по аглицки, сошедь сюда, со мной подратца, однако я твердо уповаю, что моя добрая воля услужитъ незнающимъ чужестраннымъ языкомъ (sic), а притомъ замысли творца и шутки произведуть и мне въ читателяхъ снисхождение“.

„Песнь первая:

„Пою обиду злую отъ любви и ссору рожденную отъ дерзости шутовой“ и проч.

Печатное изданіе другаго перевода: „Похищенной локонь волосовъ, въ пяти пѣсняхъ. Соч. Попа“. Пер. съ франц. М. 1761.

Англійскій подлинникъ поэмы вышелъ въ 1712 г.

Валтасаръ Табурецкій

— „О Валтасарѣ королѣ табурецкомъ“. Заглавіе такой исторіи записано въ сборникѣ Забѣлина, XVIII вѣка, № 67; но списка исторіи намъ не встрѣчаюсь.

Василій королевичъ Златовласый.

— „Притча яко невѣстамъ дѣвицамъ и юнымъ вдовицамъ, хотящимъ посягати замужь, не довѣтъ жениховъ своихъ злословити и присланныхъ отъ нихъ безчеститъ. Повѣсть творимъ о Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли и о Полиместрѣ ево прекрасной кралевнѣ еранчюжской“, — въ рукописи первой половины XVIII вѣка. Публ. Б-ки по описанію Бычкова № LVII, Погодинскаго Древлехран. № 1603, л. 169—219, in 4°.

Начало: „Бысть в древнія лѣта в немецкихъ рекахъ в чешской земли во градѣ Прагѣ король именовъ Мстиславъ (далѣе въ текстѣ: „Станиславъ“), зѣло благодѣтеленъ, и богатъ, и славенъ, и всякія добродѣтели исполненъ, и имѣя тотъ король сына именовъ Василія, ежесть сынъ его Василій зѣло добродѣтеленъ і прекрасенъ зѣло, а власи у него аки злато сияють, и таковыя ради красоты его прозва отель его Златовласомъ“...

Повѣсть издана г. Шляпнинымъ по этому списку въ „Памятникахъ древней письменности“, Спб. 1882.

*) Нечетко.

Великодушный Индіянецъ.

— „Великодушной Индіянецъ“. Рукопись Общества Любит. Др. Письмен. (изъ прибрѣтеній новыхъ), второй половины XVIII в., на 110 листахъ, 12°.

Начало: „Зависть болшую часть людей, которыя не могутъ видѣть разнства между порокомъ и добродѣтелию, приводитъ въ несчастіе“ и проч.

Листъ 2-й: „Кошиншинъ весьма пространное индейское государство лежащее на другой стороне реки Ганжи“ и пр.

Конецъ: „...сіе приключеніе написалъ в семь доме и поныне видно: что за навеличанше ꙗ великодушнейше поступокъ изо всехъ какъ Заметовыхъ, такъ и Могобановыхъ дѣлъ почитается“.

Судя по переводу собственныхъ именъ, подлинникъ—французскій.

Веліамъ Кипрскій.

— „Повѣсть о королевиче кипрскомъ Веліамѣ, какъ не вѣдавъ женился на сестре своей родной“. Въ сборникѣ XVII—XVIII в., Забѣлна, 4°, № 69 (223), л. 27—32 (особая старая нумерація тетради, л. 1—6).

Начало: „Быль в городе Кипрѣ королевичъ Веліамъ в младыхъ letechъ и имѣлъ у себя сестру родную меншую одну королевну Июлю, а та королевна Июля была 5 летъ, а отца и матери у нихъ не было, и королевичъ братъ ее зело к ней былъ ласковъ и бѣзъ нѣе не могъ не пить, не есть“...

Конецъ:... „и велель головы ихъ... на кольяхъ по дорогамъ растыкать, а самъ король Веліамъ женился, а королевну Июлю выдалъ за мужъ за короля, и жили до кончины своей в великой славе“.

Приписка другой рукой: „Сия книга третьей кананерская роты сержанта Гаврилы Алферьева“.

(См. въ „Очеркѣ“, стр. 286).

Вологисъ.

— „Исторія о парянскомъ царѣ Вологисѣ“,—въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова, № 596 (по письменному сообщенію г. Титова).

Галантъ Саксонскій.

— „Галантъ Саксонской, 5 частей, печатана во Франкѣ-Фуртѣ на Мейнѣ, переведено Алексѣемъ Левшинимъ въ Новѣ-Градѣ, 1749, въ листь“. См. „Каталогъ російскихъ книгъ библиотеки Павла Григорьевича Демидова, составленный имъ самимъ. Издалъ В. Ундольскій“. М. 1846 (изъ „Чтеній“ Моск. Общ. Исторіи и Древн., 1846), № 542.

— „Галантъ Саксонскій. Пять частей. Подлинная на нѣмецкомъ

языкъ печатана во Франкфуртѣ Мантомъ, а на російскій переводиться зачата Алексѣемъ Левшинымъ въ Новгородѣ 1749 г., августа 26 дня“. Мелкою скорописью XVIII в., f°, на 92 листахъ. Въ собраніи г. Титова № 2035 („Охр. Каталогъ“, вып. 3-й; въ печати ошибка: Галаншъ).

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Никогда въ нѣмецкой землѣ столько много щегольства къ любви по общему разсужденію какъ въ Саксоніи“...

Французское издание: *La Saxe galante. Histoire des amours d'Auguste I, roi de Pologne (par le baron de Poellnitz)*. Amsterdam, 1734, 12°.

О П. Г. Демидовѣ см. „Вѣстникъ Европы“, 1821, ч. 120: „Память праведнаго съ похвалами“ (№ 22) и „Для біографіи Павла Григ. Демидова“ (№ 23); „Павель Григ. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886)“. Составилъ К. Головщиковъ. Ярославль, 1887.

Гедвигъ.

— „Исторія Гедвигъ или принцессы французской природной дому Бурбонъ-Кантискаго, дочери принца и графа де Л., супруги же принца и графа де Т., владеющаго однимъ городомъ, лежащимъ въ Генуеской республике“ и пр. Пять томовъ, скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 55. См. „Отчетъ“ за 1871, стр. 60.

— Таже исторія, неполная, въ рук. XVIII—XIX в. Публ. Б-ки Q. XV. № 58, а именно: томъ I, на 245 л.; т. III, на 232 л.; т. IV, на 200 листахъ; II-го тома недостаетъ.

— „Исторія Гедвигъ или принцессы французской, природной дому Бурбонъ Кантискаго, дочери принца и графа де L., супруги же принца и графа де Т., владеющаго однимъ городомъ лежащимъ въ генуэской республике но весьма с богатымъ портомъ, а совсемъ состоятъ въ протекціи французскаго короля“. Рукопись въ 4°, второй половины XVIII в., на 318 лист. или 636 стр., принадлежащая проф. И. В. Помяловскому.

Начало: „Исторія Гедвигъ, книга первая. — Не могу отписать той ужасной горести, которую я чувствовала пришедъ въ память, в бесчувственномъ состояніи была четыре дни, и какъ мне послѣ сказывали, что мои объмаровъ не такъ долго и опасно продолжился, какъ пресильнымъ жаромъ была я поражена“ и пр.

Конецъ: „...а я то видя такъ притворилась какъ углубленная въ своемъ упражненіи пела песнь любимую маркизы Дедежанъ и еіо продолжая беззастановки игралъ устрема“...

— Рукопись Общества Др. Писмен. (изъ новыхъ пріобрѣтеній, марта 1887 г.), 4°, на 163 листахъ; конца XVIII вѣка. Исторія безъ заглавія и безъ начала.

Первыя строки: „... Я ради (sic) была, что одна, послала и девуку жинать а одна осталась свободна к воображенію прошедшихъ дней“...

Конецъ: „... поехали мы в провожаніи великаго конвоя салдат з двора от маркизы Делюжанъ, сидело насъ трое в корете я Фридрикъ и командиръ той команды салдатъ, а Генрикъ селъ веркомъ и ехалъ подле кареты: темъ я оканчиваю 8-ю книгу и четвертой томъ моей исторіи.—Конецъ“.

Дѣйствующія лица: баронесса фонъ Феддоръ, графъ де Т., маркиза Делюжакъ (или Делюжанъ), дѣвица фон-Люнсова, графъ Фридрикъ, Гедвигъ и пр.

— Рукопись Погодинскаго Древлекранилища (въ Публ. Б-гѣ) № 1794, половины XVIII вѣка, 4^о, на 167 листахъ: „Исторія“ — отрывокъ.

Гендрикъ и Меленда.

— „Гисторія о великомочномъ рыцаре Гендрике, курфистре Саксонскомъ и о презящной Меленде, дочери Лодвика курфистра брандбургскаго. Переведена с полскаго на славеноросвіскій диаментъ“ (sic). Въ большомъ сборникѣ XVIII в., 4^о, Забѣлина, № 67 (267), 38 листовъ.

Начало: „Издревле было славно курфистрство Саксонское и градъ Древянъ“ (т. е. Дрезденъ), „в которомъ тогда былъ курфистръ, именемъ Фридрикъ, мужъ великомоченъ и ковалеръ славны, которой имелъ великую любовь с Людвикомъ, курфистромъ же брандбургскимъ, таковымже мужемъ великомочнымъ и ковалеромъ славнымъ“ и пр. У Фридриха былъ сынъ Гендрикъ, а у Людвика—дочь Меленда...

Конецъ: „...И живши с курфистриною своею Мелендою лета доволно, преселилися в вечную жизнь, прежде Меленда, а потомъ в скоромъ времени и Гендрикъ, и положены телеса ихъ во градъ Древине в склепе, где владутца умершия курфистрския персоны, а всехъ летъ жилъ Гендрикъ семдесятъ, а Меленда 69 и 8 мѣсяцовъ, дети же ихъ в разделенныхъ имъ провинціяхъ добре правили и подданныхъ своихъ имели в великой чести и милости, и жаловали по достоинію.—И тако симъ гисторія кончися“.

— Сказка о Гендрикѣ, сынѣ курфирста саксонскаго, и принцессѣ Мелендѣ, дочери брандбургскаго курфирста Людовика. Такъ означенъ въ каталогѣ рукописей Общества Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, Q. № ССХХІІІ,—отрывокъ изъ 6 разрозненныхъ листовъ, безъ начала, разными почерками, XVIII стол.

— Вѣроятно, сюда же принадлежитъ „Исторія о славномъ рыцарѣ Гендрикѣ“, въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова, № 597 (по письменному сообщенію г. Титова).

Кромѣ повѣсти существуетъ еще „комедія“ о Индрикѣ и Мелендѣ,

Графиня Савойская, см. Изабелла Мендоза.

Давидъ Симпель.

— „Истинной другъ или житіе Давида Симпеля“. Въ рукописи второй половины XVIII в., 4^о, на 180 листахъ, собранія Тихонравова, № 304.

На л. 2-мъ: „Табель главамъ перваго тома или сей первой части“. На л. 4—заглавіе.

Начало: „Книга 1-я. Глава 1-я. О рожденіи і воспитаніи ево.—Давидъ Симпель былъ сынъ аглинскаго купца в Лондоне на Лугдаттиской улице“....

Конецъ (л. 178-й): „Камилла великую жалость в лице, а на глазахъ у Давида слезы примета весьма ему за справедливое сожалѣніе ево благодарила, а какъ только братъ еѣ Валѣнтинъ вошелъ, то она рѣчь прекративши продолженіе історіи своей до другаго времени отложила.— Конецъ первой части“. Съ обор. 178-го листы до конца пусты.

— „Житіе Давида Симпеля, то есть простонавпаго, или Истинный другъ, переведено Волчковымъ, часть I. 1752, 4^о“,—см. въ „Каталогъ російскимъ книгамъ бібліотеки Павла Григ. Демидова“, изд. Ундольскаго. М. 1846, № 543.

Житіе Давида Симпеля—романъ Сары Фильдингъ, сестры известнаго романиста, по-англійски изданный впервые въ 1752, въ 3 частяхъ.

Дежоръ и Шехарисъ.

— „Исторія о некоторомъ хивинскомъ императоре именовъ Дежоръ и о Шехарисъ царице, переведена с немецкаго языка на словесной російской“ (т. е. словено-россійскій). Общества Др. Писъм., собранія кн. Вяземскаго, Q. № СС (сборничекъ). Скороп. конца XVIII в., на 23 лист.

Начало: „Въ царствѣ хивинскомъ въ лето по воплощеніи Христове былъ Дежоръ императоръ которои по смерти родителей своихъ остался въ юномъ образѣ“ и проч.

Волшебная сказка. Текстъ очень испорченъ. „Хивинскій“ есть, вѣроятно, китайскій (chinesisch), котораго не сумѣли перевести.

Делъ, король Сирскій.

— „В старыхъ исторіа..... о королѣ Делъе Сирскомъ какъ не-запно жену свою выдалъ замужь“. Въ сборникѣ Забѣдина, конца XVII и начала XVIII в., 4^о, № 69 (223), на 4 листахъ (семь стр.), безъ конца; листы весьма ветхи и края обсыпаются.

Начало: „В старыя лета в Сиріи былъ корол..... zelo старъ и имѣлъ у себя корол..... грету молодую и велии прекрасную, чт.....ло такой в другихъ окрестныхъ корол..... обреталось и в старости своеі zelo к ней б... ревнивъ и сталъ ее беречь чтобъ она в своей молодости мимо ево некуда не коснулась и велель въ своемъ городе сделать посреди города высокую башню“...

Конецъ (на 7-й стр.): „...а король Делюэ поехалъ к нимъ на свадьбу и былъ отцомъ посаженнымъ и отправилъ ихъ в кирку венчатца какъ надлежить, и перевенчались, и была свадьба велии весела королевицю, а королю была“...

Делюксъ.

— „Исторія о французскомъ ковалерѣ Делюксѣ и о прекрасной Юаріаннѣ“. Въ сборникѣ С. Кублицкаго, 1753—54 г., л. 85—97. Ундольскаго, № 664.

Подлинникъ: *Mémoires de Gaudence de Luques, prisonnier de l'inquisition. Paris, 1753*, въ составѣ „*Bibliothèque de Campagne ou Amusements du coeur et de l'esprit*“?

Долторнѣ.

— „Исторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной королевнѣ Элеонорѣ“. Въ сборникѣ С. Кублицкаго, 1754—55 г., л. 27—55. Ундольскаго, № 912.

— „Исторія о гишпанскомъ драбанте Долторне, яко в Цесаріи получилъ корону (и) о прекраснаі гишпанской королевны Иелеоноры“, — въ сборникѣ XVIII—XIX в., 4^о, на 185 лист. („Исторія“ л. 129—174), собранія Тверского Музея, № 32.

— „Исторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтиче, служившемъ при королевскомъ дворе в добротахъ (поправлено: „драбатахъ“, т. е. драбантахъ), именуемомъ Долторне и о прекрасной королевни Елеоноре zelo удивительно і много-бедственныхъ ихъ случаяхъ“. Рукопись на 82 стр., писана тѣмъ же почеркомъ, какъ исторія безъ заглавія 1738 (см. далѣе); въ собраніи В. П. Мордвинова.

— „Повѣсть о гишпанской королевѣ Элеонорѣ и о Долторнѣ. Скороп. полов. XVIII в., 4^о, на 64 уцѣлѣвшихъ листахъ. Листы 1—10 и 18—19 утрачены. См. „Отчетъ“ Румянц. Музея за 1879—82, М. 1884, стр. 30.

— „Исторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, именуемомъ Долторнѣ, и о прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ, зѣло удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ, и потомъ какъ получили радость и корону цесарства римскаго“, —миѣ принадлежавшая рукопись

половины XVIII в., 67 лист., переданная въ 1887 г. въ бібліотеку Общества Любителей Древней письменности.

— „Исторія о гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной королеви Елеонорѣ гишпанской же“, — въ сборникѣ романовъ, скороп. XVIII в. (70 листовъ), л. 37—57. Публ. Б-ки Ф. XV. № 26.

— „Исторія о Долторнѣ и Елеонорѣ“. Въ сборникѣ исторій, скороп. XVIII вѣка, 4^о, на 168 листахъ (л. 28—67). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2461.

Подробности о рукописяхъ и самый текстъ приведены въ моей книгѣ: „Изъ исторіи народной повѣсти. Исторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о російскомъ матросѣ Василю. Текстъ по рукописямъ XVIII вѣка и введение“ (изданіе Императ. Общества Любителей Древней Письменности). Спб., 1887 г.

Донбургъ, см. Приворотникъ.

Донъ Рамиръ Деразасъ и донна Леонора Демендосъ.

— „Похожденіе донъ Рамира Деразасъ и донны Леоноры Демендосъ, переведенное з гишпанского языка“ („часть первая“, и л. 89 „часть вторая“). Въ рукописи половины XVIII-го вѣка, 4^о, на 99 перемищ. страницахъ, правильнаго и хорошаго письма; собранія Тихонравова № 305.

Начало (стр. 2-я): „В то самое время, какъ ночь покрывать стала своимъ мракомъ городъ Мадритъ, донъ Рамиръ Деразасъ, скрываясь отъ бедъ, которые ему въ немъ случились, выехалъ изъ него в самой скорости, имея при себѣ только одного вернаго слугу, которой зналъ всю ево тайну“.

На стр. 98-й: „Вотъ моя исторія, любѣзный мой донъ Рамиръ, ты можешь разсудить, что печаль не одного тебя сокрушаетъ. Когда я с тобой встретился на дороге, то ехалъ тогда въ Мадритъ показать себя донъ Яиму, что я не волочага, такъ какъ онъ обо мне думалъ, что мое дворянство столько же честно, какъ и ево; а понеже я с вами поехалъ до Валенціи, то васъ просить буду, когда мы туда приедемъ, посмотреть мою дражаншую Викторию“.

На стр. 99-й уже другою рукою и другими, блѣдными, чернилами написано: „і мнѣ пособить увести ее изъ монастыря“. Текстъ не конченъ.

Дорита и Прозерпина.

— „Исторія. Дорита почти недреманное имѣетъ ратоборствованіе з жестокоправною Прозерпиною: что Дорита любитъ счастиемъ украшати лѣта юныхъ, Прозерпина же ненавистная не только отъятіе фортуны,

но и жизни тѣхъ лишаетъ, яко то во французской академіи простирающенся резиденціи свои надъ юнымъ шляхтичемъ дѣломъ показали; о чемъ сія гисторія объявить имѣеть слѣдующую рѣчь“ (?!), и проч., на 12 листахъ. См. Лѣтопись занятій Археограф. Комм., вып. V. Спб. 1871; IV, стр. 86.

Евдонъ и Бероа.

— „Исторія о храбромъ ковалере Евдоне і о прекрасной принцесе Берфе“. Общества Др. Письм., собр. кн. Вяземскаго Q. № СХХХ. Скороп. XVIII в., на 94 листахъ.

Начало: „Когда Барбось разбойникъ гишпанскій по наученію отъ Францызшка наслѣднаго принца къ воспріятію кароны французской (sic) раззорилъ Францію и нападши на городъ Нику карбонейской, который осадивши зжегъ, жителей же предалъ свирепости меча, одинъ токмо остьался после убитаго правителя сынъ Евдонъ въ двадесятолѣтнемъ возрастѣ“ и т. д.

— „Гисторія о Барбосе гишпанскомъ, которой разорилъ по наученію отъ Францызшка Францію“. Общ. Др. Письм., по инвентарю № 2889 (или ХСVIII), О. Рукопись XVIII в., на 55 листахъ Нижняя часть перваго листа оторвана.

Начало: „Егда Барбось разбойникъ гишпанскій по наученію отъ Францызшка наслѣднаго принца къ воспріятію кароны еранцузской разорилъ Францію и нападшѣ на градъ Никугалію Наорбонѣйскій, которой осадивши зажегъ огнѣмъ, житѣлей же предалъ свирепости меча“ и т. д.

Романъ кончается размышленіемъ о великомъ достоинствѣ вѣрной любви, одолюющей всѣ несчастія, — чего нѣтъ въ рукописи кн. Вяземскаво Q., № СХХХ.

„Правда, что Евдонъ з Берфою еже видно много пострадали злополучія“ и пр.

На послѣднемъ листѣ запись: „Сія гисторія Черниговскаго пехотнаго полку прапорщика Александръ Дурова, писана вся своею рукою“.

— „Гисторія“. Въ сборникѣ Археогр. Коммисіи, XVIII в., № 159, л. 2—21 (помѣта начинается со 2-го листа).

Нач.: „Когда Барбосъ разбойникъ гишпанскій по наученію отъ Францызшка наслѣднаго принца къ воспріятію короны еранцузской раззорилъ Францію и нападши на городъ Никугалди Нарболенскій, которой осадивши зжегъ“ и пр.

Правоученія нѣтъ.

— „Гисторія о Евдоне і Бѣрфе“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., 4°, № 67 (267), на 70 листахъ.

Начало: „Когда Борбоса разбойникъ гишпанскіи по наученію отъ Францызшка наслѣднаго принца к воспріятію короны французской ра-

зоряль Францію і нападши на городъ Нику Галли Нарбонейской, которю осадивши огнемъ зажегъ“ и пр.

Нравоученія нѣтъ.

— Тоже, въ сборникѣ Фролова, конца XVIII в., Публ. Б-ки Q. XIV. № 27, л. 1—57, безъ первыхъ 9 листовъ.

— „Куріозная гисторія о Евдонѣ и Берѣфѣ, переведена съ нѣмецкаго языка на русскою“—въ рук. Черткова (Всеобщая Библ. Россіи, I, 526).

— Кажется, тоже—въ рукописи Погод. Древлекранилища № 1984. (См. въ „Очеркѣ“, стр. 286).

— „Гисторія французская, наченная Разбойникомъ Барбосомъ Гишпанскимъ, а окончавшая воспріятіемъ Французской короны отъ правительскаго сына Евдона града Никугалли; и Рупельскаго принца дочерию Берѣфою“. Въ рукописи XVIII в., 4^о, на 124 листахъ (перемѣчено 120), собранія Тихонравова № 308.

Начало (л. 1-й обор.): „Когда Барбось разбойникъ гишпанскіи по наученію отъ Францишка наследнаго принца ко воспріятію короны французской разоряль Францію; и нападши на градъ Никугалли Барбонесской, которой, осадивши, зажегъ огнемъ“ и пр.

Конецъ (л. 120): „И по маломъ времени счастіе Ефдону корону и скипетръ французскаго владенія вручило, которой во все свое владеніе благополучіемъ прибылъ до самыя смерти, уже во старости остава по сѣбѣ наследника короне французской.—И сей исторіи конецъ“.

На оборотѣ 120-го листа помѣта: „Оныя исторія безъ переплета стоитъ шестьдесятъ пять копейкъ, съ переплетомъ же рубль дватцать копѣекъ“ (кажется, тою же рукою, какою писанъ текстъ).

На оборотѣ послѣдняго листа: „Оная книга принадлежитъ канцеляристу Гаврилѣ Ефимову“; далѣе другою рукою: „оная книга принадлежитъ копейсту Гаврилу Ефимову“. На заднемъ переплетѣ внутри, опять тою же рукою, какъ текстъ: „Сія книга придвор. живописца Гри! Ефи! 1778 года ноября 16 дня № 12“.

— „Гисторія о Евдоне Никугалскомъ и о Берее принцессе Рупельской и о Барбосе разбойникѣ“. Въ сборникѣ изъ двухъ различныхъ рукописей (см. „Ипполитъ“) на 279 лист.; настоящая гисторія—л. 183—279; собранія Тихонравова № 309.

Начало: „Когда Барбось разбойникъ гишпанскон по наученію отъ французскаго наследнаго принца к воспріятію короны французской разоряль Францію і нападши на городъ Никугалию Карбоненскіи, которой, осадивши, зажегъ огнемъ, а жителей предалъ свирепости меча“ и проч.

Конецъ: „...Евдонъ, помня услуги Сабеллины к Берее и къ себѣ, когда онъ у Ролянда содержался подарестомъ, учинилъ Аввенда въ парижскомъ войске генераломъ-поручникомъ, в которомъ времени

содержащейся подарестомъ Барбосъ умре и погребенъ дочерью своею Сабеллиною.—И тако по многомъ нещастіи Евдонъ з Бервою сщастливо амуръ свои самымъ деломъ окончили, а сей гисторіи темъ и конецъ“.

Переводъ, по сообщенію г. Тихонравова, повидимому тотъ же, что и въ предыдущей рукописи, гдѣ это мѣсто читается такъ: „Ефдонъ же, помня услуги Сабеллины въ Берфе, учинилъ Аквенду генерал-поручикомъ въ парижскомъ войске и въ скоромъ времени содержащійся подъ арестомъ Барбоса умре и погребенъ отъ дочери своей Сабеллины и тако по многимъ несчастіямъ Ефдонъ амуръ з Бервою сщастливо окончался“. Слѣдующаго за этимъ, на л. 120 предыдущей рукописи, въ спискѣ № 309 нѣтъ.

— „О храбрости и дерзкихъ поступкахъ именитаго рыцаря Евдона“. Скороп. XVIII в., 4°, на 100 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 565.

По письменному сообщенію г. Титова, первый листъ оторванъ. Начало: „... пойду далѣе въ здѣшнія апортаменты и (съ) тѣми словами отворилю двери“...

— „Исторія о славномъ и храбромъ рыцарѣ Евдонѣ и о прекрасной рупельской принцессѣ Бервѣ и о Барбосѣ разбойникѣ“. Скороп. XVIII вѣка, 4°, на 99 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2005.

— „Исторія о Евдонѣ и Берфѣ“. Въ сборникѣ гисторій, скороп. XVIII вѣка, 4°, на 168 листахъ (л. 67—143). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2461.

По письменному сообщенію г. Титова, начало: „Когда Барбоса разбойникъ гишпанскій по наущенію отъ Францизска наследнаго принца“ и пр.

— „Экстрактъ Гисторій прошедше не в давныя веки во Франціи“. Въ рукописи Кублицкаго,—собранія Ундольскаго № 912, л. 98—127.

Начало: „Когда король французскій умре тогда дядя ево королевскоя Францишка наследный принцъ к восприятію короны на за несогласіемъ между министерствомъ французскимъ к восприятію ево онои короны не допускали не зналъ что делать“ и пр.

Конецъ: „... И тако по многомъ нещастіи Евдонъ з Бервою любовь щасливо окончили, і потомъ в скоромъ времени щасливо Евдону корона і скипетръ французского владенія вручилась, которой во все дни своего житія в щастіи и благополучіи пребылъ і по смерти своей оставя французской скипетръ в наследіе детямъ своимъ“.

„Писана рукою лейбъ гвардіи преображенскаго полку капрала Семена Кублицкаго 1755—году“.

— „Исторія о Барбосе разбойникѣ гишпанскомъ, которой разорилъ Францію, переведена с французскаго языка на расійскій диалектъ“ (sic). Рукопись 4°, на 58 лист. или 115 стр., писана двумя почерками въ 1743 году; на стр. 116 записъ: „сия гисторія ингермонландскаго пехотнаго

полку первой роты садата Матеея Иванова сына Сысоева. Писана 1743 году августа 15 дня в олонцкихъ островахъ“. Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Когда Борбоса разбойникъ гишпанской по науженію (sic) Франци(ш)ка наследнаго принца к воспріятію короны еранцузской разорилъ Францію“...

Конецъ: „...и тако по многихъ несчастіяхъ Евдонъ амер (амуръ) з Береею счасливо окончалъ и по маломъ времени счасіе Евдону корону и скипетръ еранцузскаго владенія вручила, которой все свое владеніе въ благополучи и счасіи препроводилъ и умре з Береею в глубокой старости, оставя по себѣ наследника французской короны“.

— „Исторія о Евдонѣ и Берееѣ и о Барбосѣ“, скороп. 1746, ф. См. „Отчетъ“ Румянц. Музея за 1879—82 г. М. 1884, стр. 30.

— „Исторія изданная о принцѣ Евдонѣ и принцессѣ Верфѣ“, скороп. XVIII в., на 64 лист. Публ. Б-ни Ф. XV, № 40.

Евдонъ и Берфа вошли и въ лубочныя картины; см. Ровинскаго, Рус. нар. картины, I, 188—четыре изображенія Евдона и Берфы. См. тамъ же IV, 164—165; V, 134, 254 (комедія о Евдонѣ и Берфѣ, о которой см. Забѣлина „Опыты“, II, стр. 452).

— Печатное изданіе: „Постоянная любовь Евдона и Берфы, гдѣ такъ же упоминается и о славномъ разбойникѣ Борбосѣ. Иждив. С. Петрова. Въ Москвѣ, въ типографіи Пономарева, 1787 года“. Эта книга представляетъ рукописный текстъ, но съ нѣкоторыми стилистическими исправленіями. Сабелля (или Сабеллія) рукописи называется здѣсь Ангелидою. Начало: „Когда Борбосса славный Испанской разбойникъ, по наученію отъ нѣкотораго Принца, къ воспріятію Французскаго престола, раззорялъ и опустошалъ Францію, тогда будучи крайнѣ ожесточенъ и распаленъ злобою, напалъ съ великимъ стремленіемъ на городъ Никкугалли Бурбоненской, которой вскорѣ осадивши, мечемъ и огнемъ истребилъ весь даже до основанія“.

Конецъ: „Евдонъ, помня услуги Ангелидины къ Берфѣ, сдѣлалъ Аввенса генераль-порутчикомъ въ Парижскомъ войскѣ, а Борбосса въ скоромъ времени подъ арестомъ умеръ. Итакъ по многомъ несчастіи Евдонъ съ Берфою любовь свою счасливо окончали. Ему наконецъ скипетръ Французскаго владѣнія вручили, съ которымъ и окончалъ жизнь свою, оставя по себѣ наслѣдниковъ достойныхъ себя“.

Въ 1820 г. графъ Н. П. Румянцевъ, переписываясь съ В. Н. Берхомъ, находившимся въ Пермскомъ краѣ, и не однажды просивши его собирать списки богатырскихъ пѣсней и сказокъ, говоритъ: „постарайтесь пожалуйста объ отысканіи древнихъ списковъ нашихъ богатырскихъ сказокъ не токмо о російскихъ богатыряхъ, но даже о иностранныхъ, каковы суть Бова королевичъ, Евдонъ и Берфа и тому подобныя“ и пр. Лѣтопись зан. Археограф. Коммисіи, вып. 6-й. Слб. 1877, II, 152.

Едуардъ и Клеомелія.

— Рукопись Общества Любит. Др. Писъм. (изъ новыхъ приобрѣтеній, марта 1887). Исторія безъ заглавія, мал. 8°, на 87 листахъ; второй половины XVIII вѣка.

На пустомъ листѣ въ началѣ записъ: „Изъ книгъ Дмитрія Дурново“; за тѣмъ новѣйшимъ почеркомъ и карандашомъ: „Исторія Едуардъ и Клеомелія“ (собственно Клеомелія).

Начало: „Щастіе такіе имеютъ (sic) перемены которыхъ человеческая премудрость предвидеть ниже избежать не можетъ что довольно испытать разумной и несчастной шевалие Дерландъ“... Дочь этого Дерландъ—Клеомелія, героиня романа; герой—Едуардъ, сынъ англійскаго дворянина Кеннеля.

Конецъ: „... по смерти Кеннелевой отправились оне (съ) своимъ сыномъ з Донъ Бернадомъ и съ Изабеллой в Лондонъ, куда приехавъ благополучно наслаждались такимъ щастіемъ которое любви и добродетелемъ ихъ было достойно.—Конецъ“.

Елеонора.

— „Сказка объ Елеонорѣ“ (?). Скороп. XVIII в., 4°, на 48 листахъ „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 571.

Елизавета англійская, см. Арзасъ.

Ефродитъ и Максіонъ.

— „Исторія о славномъ саксонскомъ короле Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалере Максіонѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ“. Въ сборникѣ 6-ки Моск. Общества Ист. и Древностей, отд. I, № 324, л. 135—179, плотной скорописи. Приписка: „Sia istoria Nicity Sachagova“.

Начало: „Гисторія.—В саксонскомъ королевствѣ былъ король именемъ Ефродитъ, которой былъ лицомъ zelo прекрасенъ; послѣ отца своего остался во младыхъ летахъ, отчего еще не имѣлъ супружницы. Взялъ намѣреніе, чтобъ ехать ему в другіе государства для всякаго любопытства, и пришедъ в присутствующій сенатъ, объявилъ намѣреніе свое всѣмъ сенаторамъ“ и пр.

Въ польскомъ королевствѣ онъ влюбился во вдову принцессу Марианну, и по отъѣздѣ его, у нея родился сынъ Максіонъ; изъ него вышелъ красавецъ и такой „ковалеръ“, что у него не было соперниковъ на поединкахъ. Онъ не зналъ о своемъ отцѣ; зналъ только, что это была „королевская персона“. По обычаю онъ отправился странствовать и пріѣхалъ въ Саксонію подъ видомъ богатаго голландскаго купца, но принялъ участіе и въ турнирахъ, гдѣ всѣхъ побивалъ. Въ него влюбляется принцеса Раксана, нареченная невѣста короля. Максіонъ

видится съ ней, устроивъ подземный ходъ къ ея спальнѣ. Король, подъ видомъ чернеца (и самъ отецъ Раксаны—также) удостовѣрился въ ихъ любви (они напр. „всю ночь провожали въ любовныхъ разговорахъ на одной постели“, но, по требованію героини, Максіонъ обязывался „сохранить дѣвство ея до уреченнаго времени“). Король велитъ захватить его, но Максіонъ побиваетъ сотнями посланныхъ противъ него кавалеровъ и воиновъ. Наконецъ, онъ удалился изъ „Дрездина“. Въ числѣ злѣйшихъ враговъ его были „мальтійскіе ковалеры“, у которыхъ онъ убилъ главныхъ бойцовъ; но его союзниками явились „русскіе ковалеры“, и въ главѣ ихъ „Русланъ“. Маріанна долго разыскивала пропавшаго сына и наконецъ они встрѣтились въ Ригѣ (гдѣ „находитца множество ковалеровъ, какъ російскихъ, такъ и протчихъ государствъ, понеже Рига была въ то время в великой славе“). Соскучась по Раксанѣ, Максіонъ вернулся въ Дрезденъ; здѣсь его успѣли схватить соннаго и осудили на смертную казнь. Въ послѣднюю минуту онъ открылъ королю тайну своего высокаго рожденія, и Ефродитъ узналъ въ немъ своего сына. Исторія кончается благополучно. Ефродитъ предоставляетъ ему Раксану, самъ женится на Маріаннѣ, долго еще царствуетъ и оставляетъ по смерти свой престолъ Максіону.

Когда Максіонъ родился, то—„в то число славныхъ философы и мудрыя аристотели, при принцессе будучи, сказали, что Максіонъ будетъ наслѣдникъ Саксонскаго королевства, понеже они по планетамъ небеснымъ сіе познаша“ (л. 137 обор.).

Образчикъ любовныхъ объясненій. Послѣ турнира, Раксана, увидѣвшись съ Максіономъ, обнимала и любезно цѣловала его и говорила: „храбры и непобѣдимы ковалеры, а мои дражайши Максіонъ, какъ ныне могу васъ именовать и от великой моей радости приветствовать по достойной чести вашего превосходительства; по истинне, мой дражайши, силу вашу и великую храбрость и мужество в ковалерскомъ дѣйствіи сама дѣйствительно видела, хотя бы и славному Цицерону, и премудрому въ философахъ Аристотелю, и великому в политикахъ Корнилію Тациту, и славнѣйшему Коняту (sic) Курцію и титуловъ опясать не бес трудности“ и пр. (л. 162 обор.).

— „Гисторія о славномъ саксонскомъ короле Евродите и о сыне ево славномъ і великомъ королѣ і прекрасномъ Максіоне і о прекрасной Раксане бытія ихъ“. Рукопись, 4^о, на 72 лист. или 144 стран., тремя почерками половины XVIII в., изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „В саксонскомъ королевствѣ былъ король именемъ Ефродитъ. Оставшись от родителей своихъ zelo во младыхъ лѣтѣхъ красотою и дородствомъ превосходилъ всѣхъ сверстниковъ своихъ“...

Конецъ: „...после отца жилъ много лѣтъ і на себе (sic) оставилъ наслѣдниковъ двухъ сынавей Палюна и Самсана, да одну дочь, которые два сына ево были в великой крепости ковалеры і много во Евро-

не і паче в Аэрыке паказали себя, о чѣмъ тамо описано вся ихъ храбрость и ковалерское дѣйствіе другими гисторіями, і тако сія гисторія канецъ себе восприяла“.

Жебуноръ.

— „Течение жизни господина Жебукора“. Рукопись 4°, на 22 лист. или 44 стр., однимъ почеркомъ; въ концѣ запись: „Кончена в Полше при селе Попове апреля 15, 758 года“. Изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Жебуноръ былъ сынъ однова знатнаго господина Мазудора. Мазудоръ африканскихъ береговъ житель. Онъ имелъ в своемъ богатстве великой достатокъ и несколько поживъ умеръ“...

Конецъ: „...и какъ пришли в покой дочери своей, Арамиры, Имирады уже в то время не нашли; и в такомъ посмеяни остались; з дукесою, Арамирою и Тиркасомъ уехали в Жебукорово владенне, и тамъ начали жить благополучно“.

Жонетта (Жанетта).

— „Гисторія Жонетты произшедшей из мужички чрезъ добродетели и чистоту в достоинство маркизы. Написанной самой оной госпожею на французскомъ языке, а нынѣ переведена на росиски диалектъ“. Общества Др. Письм., собр. кн. Вяземскаго, F. № СХХХІХ. Скороп. XVIII в., на 367 листахъ Въ 12 частяхъ.

. Нач.: „Похождение достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродетель и осторожность.

„Часть первая.

„Не знаю для чего я несказанной трудъ чувствую объявить мою природу. Можетъ быть нынешнее мое знатное состояніе причиной сего тщеславія, и хотя морали и правильные разсужденія довольно меня научили презирать гордость“ и пр. Въ концѣ, описавъ свое семейное благополучіе съ мужемъ и дѣтьми, маркиза заключаетъ: „мужъ мой всегда ко мнѣ ласковъ, учтивъ и любовень; и тако я окончала свое похождение симъ сладоснымъ и нужнымъ местомъ“ (sic).

— „Похождение достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродѣтель и осторожность“. Общества Др. Письм., собр. кн. Вязем. F. № LIV. Скороп. XVIII в., 319 лист. Въ 12 частяхъ.

Начало; „Часть первая.

„Не знаю для чего я несказанной трудъ чувствую в себе объявить мою природу: можетъ быть нынешнее мое знатное состояніе причиной сего тщеславія“...

— „Похождение произшедшей въ знать и богатство мужички чрезъ добродѣтель и осторожность“,—въ рукописи Забѣлина.

— Вѣроятно, сюда же относится рукопись Моск. Публ. и Румянц.

Музея № 2961: „Гисторія о Женетъ“, въ 12 частяхъ, пер. съ французскаго. Скорописью половины XVIII в., №, на 275 лист. См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 гг. М. 1886, стр. 31.

— „Гисторія Женетты, произшедшей изъ мужички, чрезъ добродѣтели и чистоту, въ достоинство маркизы“. Перев. съ франц., 12 частей, №, 382 л. Второй половины XVIII в. Ундольскаго, № 932.

— „Похожденія достигнувшей знати и богатства мужички чрезъ добродѣтель и осторожность“, т. 2-й, 193 л.; скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 60.

Подлинникомъ была вѣроятно эта или подобная книжка: *Jeannette seconde, ou la Nouvelle paysanne parvenue, par G. (Gaillard) de La Bataille. Amst. (Paris) 1744* и др. Изданіе *La Haye, 1759, 4 ч., 12°*. называется: *La Nouvelle paysanne parvenue, ou l'Histoire de Jeannette. (Bibliographie des ouvrages, relatifs à l'amour etc. Par M. le C. D'... Turin et Londres, 1871—73. IV, стр. 166—167).*

Зекзекбень Индостанецъ.

— Приключенія Зекзекбека индостанца, т. I—IV. „Переведено съ французскаго языка на російской 1758-го года октября 25 дня“. Скороп. XVIII вѣка, 368 стр., Публ. Б-ки Q. XV. № 64. „Отчетъ“ Б-ки за 1871, стр. 60.

Зеленая птица.

— Рукопись безъ начальныхъ и послѣднихъ листовъ; всѣхъ помѣченныхъ листовъ 3 — 96, причѣмъ недостаетъ 6-го, 15, 17, 19, 20, 64-го. Почеркомъ начала XVIII в., мал. 8° или 12°, изъ собранія Тихонравова.

Начало (л. 3-й): „...вѣте такова нѣту. Для того она будетъ выкать дондеже у ней очи будутъ. Затѣмъ учела пуще прежнего выть. Король на нее глядя также волкомъ завылъ“ и пр.

Конецъ: „...Какъ она чаела всѣ уснули, учела свои жалобы творить по прежнему рече колко страстямъ я предалася тебя искаючи. а ты отъ меня бежишь и хочешь женитца на Трутоне, в чемъ я тебѣ согрubiла безчадной (sic) что-ты забываешь свою клятву. Подумай“...

По указанію А. Н. Веселовскаго, эта повѣсть заимствована изъ сочиненій г-жи Онэ (Aulnoy), изъ которыхъ взяты „Адольфъ“ (см. выше). Въ переводѣ „волшебница“ названа „яга баба“.

Зелимъ и Дамазина.

— Исторія о Зелимѣ и Дамазинѣ, въ рукоп. Толст. V, № 91, Публ. Б-ки Q. XV. № 6, писанной въ апрѣлѣ 1756.

— „Зелимъ и Дамазина“. Часть первая (1759 года), въ рукописи Общества Др. Писем. (изъ новыхъ приобрѣтеній), 4°, на 160 листахъ.

Начало: „Африканскія берега трепетали отъ Эрадина Барберуса, морскаго разбойника, славнаго разбойни своими“ и пр.

Конецъ: „...на другой день бракъ венчалъ ихъ взаимную любовь и после того долгое время вкушали сладость совокупленія, для котораго столь много слезъ, трудовъ и напастей претерпели“.

— „Исторія Леоноры Ельведа“, въ рукописи Общества Др. Писъм. (изъ новыхъ приобрѣтеній, марта 1887), 12°, на 181 лист. Это—эпизодъ изъ „Зелима и Дамазины“, въ предыдущей рукописи на л. 75.

Начало: „Хотя по платью и по наречію моему каждой почтеть меня за талианку (въ пред. рук.: италианку), но я родилась въ Гишпани—дочь дона Педра Элвео (въ пред. рук.: Элъведа), знатнаго гишпанскаго господина“...

Конецъ: „...вкусали сладость совокупленія, для котораго толь много слезъ и трудовъ и напастей претерпевали. I тако вся сия гисторія сямъ окончалась“.

Переводъ вѣроятно тотъ же, который былъ напечатанъ Спб. 1761. (Смирд. № 9382).

Этотъ романъ читанъ былъ въ дѣтствѣ Карамзиннымъ, и потому содержаніе его изложено Галаховымъ въ ст. о Карамзинѣ, „Современникъ“, 1853, т. XXXVII, отд. III, стр. 8—10.

Подлинникъ: „Aventures de Zélim et de Damasine, histoire africaine“ (par m-me le Givre de Richebourg). La Haye, Paris ou Amst. 1735, 2 ч., 12°. См. Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour etc. Par M. le C. D'I... I, стр. 351.

Изабелла Мендоза.

— „Изабелла Мендоза, Испанская повѣсть, сочиненная госпожею Кошуа“. Скороп. XVIII вѣка, 8°, на 83 листахъ. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1318.

— Сюда же относится исторія въ рукописи половины XVIII вѣка, 4°, на 113 листахъ, въ собраніи Тихонравова, № 303. Заглавный листъ рукописи вырванъ, и надъ текстомъ написано заглавіе (вѣроятно по догадкѣ): „Приключенія графини Савойской“. Кромѣ первой старательно писанной страницы, рукопись писана почеркомъ быстрымъ и небрежнымъ. Героиня называется Изабелла.

Начало: „Испанскіе лѣтописцы наполнены знаменитыми распрями Толедовъ и Мендозовъ. Сія двѣ наиславнейшія в государствѣ фамиліи имели другъ ко другу такую ненависть, которая продолжалась несколько вековъ і вкоренялась в сердца ихъ при самомъ жизни ихъ начати“...

Конецъ (л. 113 обор.): „Негодница, которую графъ д'Э отправлялъ въ Англи, была столь бедственна ему принцу, сколь оная Мендозу благоприятствовала. Герцогъ Вильгельмъ пользовался сямъ ви-

домъ, когда по смерти Едуарда взомель оны на престолъ аглинской, чтобъ удовлетворить свою ненависть, прекративъ дни графа д'Э плачевною и позорною смертию, какъ все історіи о томъ объявляютъ. — Конецъ“.

Ср. Сопикова, № 4351: „Изабелла Мендоза, истинная повѣсть, соч. г-жи Кошуа; пер. съ франц.“ Спб. 1760. 8°, 50 коп.

Иліада и Ватрахоіомахіа.

— „Гомеровы всѣ находящіяся сочиненія: Иліада, Одиссея, Ватрахоіомахіа, гимны и нѣсколько стихотвореній изъ греч. на лат. языкъ Іоанномъ Спонданомъ, а изъ лат. на російскій прозою съ комментаріями І. Спондана Мавлеоненскаго Кириакомъ Кондратовичемъ переведены въ 1758 году“ (1759). Рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея № 2956, скороп. второй половины XVIII в., f°, на 24 7листахъ. Находятся здѣсь изъ всего исчисленнаго только Иліада и Ватрахоіомахіа; объ Одиссеѣ упоминается въ посвященіи, что она приводится къ окончанію. Комментаріевъ Спондана нѣтъ. Книга посвящена кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. См. „Отчетъ“ Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ за 1883—85 г. М. 1886, стр. 30. Тамъ же указаніе о подлинникѣ Спондана.

Печатныя старыя изданія:

— Гомерова Иліада и пр., перев. съ греч. прозою Петръ Ефимовъ. 2 ч. Спб. 1776—78. Сопик. № 8649.

— Тоже, первыя шесть пѣсней. Переводъ Ерм. Кострова, съ портретомъ Гомера. Спб. 1787.

— „Гомерова Одиссея“ была переведена „съ греческаго“, прозою, 2 ч. М. 1788; 2-е изд. Спб. 1815; но Сопиковъ, № 8652—53, замѣчаетъ: „хотя и сказано, на заглавіи 1-го изданія, что перев. съ греческаго; но мнѣ извѣстно, что съ латинскаго“.

— Гомерова Ватрахоіомахіа и пр., перев. съ лат. В. Рубанъ. Спб. 1772; 2-е изд. 1788.

— Тоже, перевелъ съ греч. Алексѣй Огинскій. Спб. 1812. Сопик. № 8646—48.

Индіанецъ великодушный.

— „Гисторія о великодушномъ индіанцѣ“. Рукоп. XVIII в., 4°, 180 стр. (часть I). Писана въ 1763 г. Принадлежала волоколамской воеводской канцеляріи канцеляристу Александру Смирнову. Рукоп. Казанск. унив. № LI. См. описаніе Артемьева въ Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи, вып. 7. Спб. 1884, стр. 96—97.

Ипполитъ, англійскій навалерьъ.

— „Густорія о Упполите, графѣ аглинъскомъ, и о Жулли, графинѣ аглинской же, любъзная і всему свету куріозная инвентура, во аглинъ-

скомъ королевствѣ недавно в минувшемъ вѣце бысть случившаяся і чрезъ труды обрѣтенная і на свѣтъ произвѣденная“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., 4^о, № 67 (267), на 42 листахъ.

Начало: „Мучительная Венера со стрѣлами сластолюбнаго сына своего Купиды не на единомъ токмо пустомъ фларенскомъ полѣ і французскомъ своемъ капищи резиденцію имѣеть, но и вездѣ присудствіемъ своимъ надъ сердцами юныхъ господствовать обыкла, которая не токмо в приличныхъ власти своей местахъ, но и в противящихся ей пребываетъ, яко храбрѣйшая Марсова поля, высокоумдры университетны (sic) і самыя мира отчужденныя монастыри посещать обыкла...“

„Во время государствованія въ Англіи короля Іакова указъ былъ публикованъ таковъ“ и пр.

Конецъ: „...и тако твердо любящияся персоны... в неразрывной любви жизнь свою препровождали і нынѣшнимъ вернымъ любовникамъ оставили по себѣ куриозность.—Такожь и графъ Леандеръ в Неаполѣ у некотораго барона женился и купивъ недвижимая стяжательства не возвратясь в Англію препровождалъ жизнь свою до смерти.—Многая по истинне долгая поприща словесъ настоящая сия історія прежде і дождѣ и пришествіемъ своимъ достиже і умолче. Конецъ“.

— „Гисторія о графе Иполите и о граѣине Жуліи англійскою(го) государства“. Въ сборникѣ конца XVIII в., 4^о, Моск. Общ. Ист. и Др. Отд. I, № 324, л. 180—220.

Начало: „Предисловіе.—Мучительная венера со стрѣлами сластолюбнаго сына своего Купиды не на единомъ токмо пустилъ Флагиномъ поле и во бручинскомъ своемъ капищи (sic) резиденцію имѣеть, но и везде присудствіемъ своимъ надъ сердцами юныхъ господствовать обыкла, которая не токмо въ приличныхъ власти своей местахъ, но в противящихся ей пребываетъ, и яко храбрѣйшая Марсовы поля высокому древу неверзительны (sic) и самыя мира очужденныя министры (sic) посещаютъ и какъ над многими многѣ, такъ в англійскомъ Лондоне могущество свое показала, о чемъ слѣдующая гисторія полагаетъ слово“ и пр. Любопытный образчикъ уродованія текста въ перепискѣ.

— „Гисторія о Иполите і Жуліи любовная і всему свету куриозная авантюра в англійскомъ королѣвствѣ недавно в' минувшемъ времени быть случившееса“. Въ сборникѣ, изъ двухъ различныхъ рукописей, 4^о, на 279 л. („Гисторія“—на л. 121—182 об.; см. также „Евдонъ“), собранія Тихонравова № 309.

Начало: „Во время государствованія в' Англіи короля Іакова въ 6 годъ указъ былъ таковъ публикованъ: хотя де предъ онымъ в Англіи разныхъ ісповѣданій христіанскія вѣры отриновѣнны і пресеканы были, дабы разнорѣцы, кроме протестанской вѣры (которыя тамъ содержатца) і по неи находящияся въ агленскомъ королѣвствѣ іли вѣру того

протестанскаго ісповедованія восприяли іли со всеми оамилими і дивжими імініями въ 24 часа отъ Англіи выступили“.

Конецъ (л. 182): „...И тако все вышеименованъные три перьсоны и верные друзья, каковыхъ въ нынѣшнемъ светѣ мало или и не сыщетьца: грабъ Иполитъ въ Жулию, Сусиѣ съ Люциею и Леандеръ съ женою въ италианьскомъ городѣ Неаполе такожь, якоже и прежде въ неразрывной между собою дружбе и многомъ веселіи продолжали жизнь свою даже до смерти“. На обор. л. 122-го: „Многая по истинне и долгая по правде словесно состоящая сия гистория произыде, дондеже путешествіемъ своимъ конецъ достиже и умольче“.

— „Гисторія аглицкого королевства, города Лондона о графе Иполите и о дщери Графа Георгія дѣвицы Графинѣ Жули, и о случаетъ ихъ. Любезная и всему свѣту курioзная авантура во аглицкомъ королевствѣ недавно в минувшомъ вѣку быт случилась“. Рукопись XVIII вѣка, собранія Тихонравова, № 318, въ 4°, на 74 листахъ. Первые тридцать листовъ заняты заглавнымъ листомъ и описаніемъ хожденія въ святую землю (безъ начала). На оборотѣ 30-го листа *позднѣйшимъ великорусскимъ почеркомъ* сдѣлана выписка изъ „состоявшагося между россійскою имперіею и блистательною портою 1775-го юда іюля 10-го трактата“. Все остальное писано малороссійскимъ письмомъ. Исторія занимает листы 31—74. На первой страницѣ записъ: „Сия гистория раба божія Иосифа Рижевского канцеляриста полкового Лубенского.“ — „Сия гистория видана аглицкого королевства з города Лондона графомъ Ипполитомъ“.

Начало: „Мучительная Венера со стрѣлами златолитнаго сына своего Купиди не на единомъ токмо пустомъ флеронскомъ полѣ и въ еруксинскомъ своемъ капищѣ резиденцію імѣеть, но вездѣ присутствіемъ своимъ над сердцами юнихъ господствуютъ обикла“.

Конецъ: „Також и графъ Леандер в неаполѣ в нѣкоторого барона на дочерѣ женился, и купивъ угоди не возвратясь въ Англію препровождалъ жизнь свою до смерти. Многая по истинѣ и долгая поприща словесъ сия Гистория преjde, ибо здѣ путь шествиемъ достиже скончася. Сия Гистория видана в аглицкомъ королевствѣ в городѣ Лондонѣ 1626 голу генваря 20 д.“

— „Исторія о графѣ Ипполитѣ и о графинѣ Жули англинскихъ“. Рукопись 4°, на 73 стран., писана однимъ почеркомъ, сержантомъ Я. Мордвиновымъ: „совершился писмомъ 1750 года декабря 17 дня пополу ноци въ 5 часу“. Изъ собранія В. П. Мординова.

Начало: „Во время государствованія во Англіи короля Иакова указъ былъ такой публикованъ хотя і пред онымъ разныхъ исповѣданіи христіанские вѣры отриновенны и присягою утверждены были“...

Конецъ: „...такожъ и грабъ Леандеръ в Неаполе у неотораго ба-

рона на дочери женился і купя недвижимое стежательство невозвратсь во Англию препроводилъ жизнь свою“.

— „О аглинскомъ графѣ Иполитѣ и любительницѣ его Жуліи“,—въ рукописи Бередникова. См. „Извѣстія“ II Отдѣл. Акад. Наукъ, IV, стр. 199.

— „Любезная и куріозная авантура, въ англнскомъ королевствѣ недавнѣ... быти случившаяся и чрезъ труды Абренчанинова на свѣте произведена“. Въ сборникѣ XVIII в., скорописью, f^o, на 30 листахъ; Моск. Публ. и Румянц. Музея, № 2998. См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 72.

— „Любезная и куріозная исторія объ аглинскомъ кавалерѣ Иполитѣ и о любительницѣ его Жуліи“. Скороп. полов. XVIII в., 4°, 45 л., Ундольскаго, № 1175.

— „Гисторія о аглинскомъ кавалере Иполите и Жуліи“. Сборникъ 1754—55 г., писанный С. Кублицкимъ, Ундольскаго, № 912, л. 1—25.

Начало: „Мучительная венера со стрелами славного любимаго сына Купиды ни на единомъ токмо пустомъ флоренскомъ поле і въ ерусалимскомъ (sic) своемъ капище резиденцію имѣеть“ и проч.

Конецъ: „...Такожь і Леандръ в Неполе у некоторого барона женился и купя жъ недвижимое стяжательство не возвраться во Англию препроводилъ жизнь свою до смерти.

„Многие по истинне и долгая поприща словесъ настоящая сія гисторія преиде и доиде путешествіемъ своимъ достиже і умолча“.

— „Любовная и всему свету куріозная авантура въ Аглинскомъ каралевстве недавно въ минувшемъ веке быть случившеяся“, таже исторія о аглинскомъ графѣ Иполитѣ, писанная „трусами“ капитана Хрущова въ 1741 г. Публ. Б-ки Q. XV. № 75. „Отчетъ“ за 1883 г., стр. 199.

— Иполитъ, аглинскій кавалеръ,—безъ заглавія и начала, въ рукописи Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи, № 444, 4°, скороп. XVIII вѣка, на 52 лист. (См. „Описаніе“, Н. Петрова, Кіевъ, 1875).

Къ этому англійскому кавалеру относится вѣроятно лубочный „Храбрый рыцарь Уполитъ“, у Ровинскаго, Рус. нар. картинки I, 188; ср. тамъ же IV, 165; V, 134.

Подлинникъ: Histoire d'Hippolyte, comte de Douglas, par mad. la comtesse d'Aulnoy. Paris, 1690, 2 vol. 12° (C. D' I., Bibliographie des ouvrages etc. IV, 36). Нѣмецкій переводъ: Die triumphirende Beständigkeit und belohnte Treue, oder... Lebens-Geschichte Hypolite, Graf von Duglas. Franckfurth und Leipzig. MDCCXI, 8° (Mahlzahn, Deutsch. Bücherschatz. Jena, 1875, № 2022). См. также указанную выше ст. А. Н. Веселовскаго объ „Адолфѣ“.

Печатный новый переводъ: „Приключенія Иполита графа де-Дю-

гласа". Пер. съ франц. Петръ Снинацынъ. 2 части. Смоленскъ, 1801 (Сопик. № 8976; Смирд. № 9273).

Ицанъ, баронъ.

— „Гисторія барона фонъ Ицакъ“. 4^о, на 57 листахъ рукопись второй половины XVIII стол. Ундольскаго, № 934.

Подлинникъ: Begebenheiten des Herrn von Janzas, 1761. См. Menzel, Gesch. der deutschen Dichtung, II, 488.

Калдоръ и Орилулазна.

— „Исторія о Калдорѣ и прекрасной Орилулазнѣ“, въ рукописи XVIII вѣка, собранія гр. Уварова № 297 (по сообщенію г. Титова).

Калеандръ царевичъ Греческій.

— „Исторія о Калеандре цесаревиче греческомъ и о Неонелде цесаревнѣ Трепизонъской“. Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго Q. № СІХ. Скороп. первой половины XVIII в., на 91 лист. Недостаетъ листовъ 33—38.

Начало: „Въ древнія лѣта до воплощенія божія когда еще идоли почитаема были, тогда былъ во Арменіи градъ Измара, въ которомъ тогда королевствовали королевичъ Арвиліонъ и имелъ при себе сестру именемъ Армелику“ и пр.

— „Гисторія о Калеандрѣ цезаревичѣ греческомъ и о Неонилдѣ цезаревнѣ Трепизонской“, — переводъ съ нѣмецкаго, скороп. половины XVIII в., f^о. Въ Румянц. Музеѣ, изъ собранія Лукашевича. См. „Отчетъ“ за 1870—72 г. М. 1873, стр. 31.

— „Исторія о Калеандрѣ, цезаревичѣ греческомъ, и о Неонилдѣ, цезаревнѣ Трепизонской“. Переводъ съ нѣмецкаго. Второй половины XVIII в., 4^о, 81 л. Ундольскаго, № 1155.

— „Гисторія о греческомъ цесаревичѣ Калеандрѣ и о трепизонской цесаревнѣ Неонилдѣ. Переведена з греческаго на словенскій языкъ“, — скороп. XVIII в., на 77 листахъ. Публ. Б-ки Q. XV. № 40.

— „Гисторія о Калеандрѣ, цезаревичѣ греческомъ, и о прекрасной Неонилдѣ, цезаревнѣ трепизонской“, — въ рук. XVIII в. Казан. университетта, л. 94—194. (См. Журн. Минист. Просв. 1854, авг., стр. 31).

— „Исторія о Калеандре цесаревиче греческомъ и о Неонелде цесаревне трепизонской, переведена с немецкаго на словесной (sic) языкъ“. Рукопись 4^о, на 141 стр., двумя почерками, съ поправками, сдѣланными третьей рукой; писана въ 1748 г.; изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „В древнія лета до воплощенія сына Божія, когда еще идоли почитаема были, во Арменіи былъ градъ Илмара, в которомъ

тогда королевствовалъ король Ареллионъ, которой при себе имель сестру, именовъ Армелину“...

Конецъ: „... і тако поживше мно(го)е число лет в великомъ совете, любви и в радости імена ихъ прославишася по всей земли (sic), потомъ померли, и погребоша с великою честью по ихному достоинству, а королевства оставляли другимъ наследникамъ и цесарствамъ нача правити во веки.—І сея історіи конецъ і венець і радованецъ“.

— „Гисторія о Калѣандрѣ цесаревиче грѣческомъ и о Нѣонидѣ цесарѣвнѣ трепизонской“. Въ рукописи 1^о, на 17 листахъ мелкой скорописи, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1748 году“. Въ собраніи Е. И. Якушкина.

Начало: „В древнія лета еще до воплощенія божия, когда еще идоли почитаеми были, во Арменіи былъ тогда славный градъ Измарagdъ“...

Конецъ: „...Александръ въ своемъ цесарстве после отца своего довольное время в великой славе и подданные имѣлъ в добромъ порядѣ и приживъ с царевною Неонидою дети мужеска и женска полу и оставивъ наследниками и довольно по семь умре“.

Лубочное изображеніе Калеандра см. у Ровинскаго, IV, 166; V, 134.

Печатное изданіе: „Приключенія Калеандра, храбраго царевича Дакедемонскаго, и Нютильды, королевны Фракійской“, соч. П. Захарьина, 2 части. Николаевъ, 1798, 8^о (у Соликова, № 8978), повидимому есть новѣйшая вариация на ту же тему.

Объ итальянскомъ подлинникѣ романа, Дж. Марини, 1644, и нѣмецкомъ переводѣ, 1651, см. Felix Bobertag Geschichte des Romans и пр. II, 1, стр. 103.

Карль Орлеанскій и Анибелла.

— „Жизнь Карла Орлеанскаго и Анибеллы“ (въ текстѣ: Анибелла). „Перевель съ нѣмецкаго I. A. С.-Петербургъ 1755“. Рукоп. XVIII в., Забѣлина, № 227, 4^о, на 197 л.

I. 2. „Предисловіе.—Весмабъ мало благодарили Архитектора, кагдабъ онъ какое великолепное зданіе ни построилъ, позабылъ притомъ входить въ оное сделать“ и пр.

I. 5 обор. „Отъ перевод. рос.“—„Я темъ охотнѣе по прозбе моихъ приятелей склонился переводить сію книшку, что она не только пустой забавы сколько изряднаго наставленія в себе содержитъ и темъ родителямъ, кои, желая детей своихъ привести к тому, к чему они от природы ни малыя склонности не имеютъ, а напротивъ стараются от нихъ то скрыть, что само естество без всякаго показанія в насъ производить, и тѣмъ думая ихъ избавить от будущихъ не порядковъ, темъ же самымъ в превеликия нещастія ихъ приводать, да такъ что уже наконецъ и с крайнею трудностію отвратить от того иногда бываетъ невозможно. Всѣ такія обстоятельства покажетъ переведенная мною жизнь

Карла Орлеарского (sic). Я за трудъ мой и темъ буду доволенъ, когда благосклонный читатель найдетъ тутъ увеселеніе и пользу, которую я ему в сей матеріи обещаю“.

Л. 6. „Жизнь и случай Карла Орлеанскаго и Акибеллы.

„Думаю, что не погрѣшу я, когда разсуждая объявлю, что чело-вѣкъ, будучи еще в первой его непарочности, или лучше, не в со-стояніи еще различать худое от добраго, подобенъ мягкому воску, из котораго, кто оной имѣеть, можетъ здѣлать что хоцетъ (исправлено: хочеть), а что чело-вѣку одинъ разъ в первыхъ его лѣтахъ вперено, то или трудно, или совсемъ перемѣнить уже невозможно. Сіе доказы-вается тѣмъ разсуждая из повседневныхъ опытовъ, родители дѣтей своихъ когда к тому (испр.: доказывається повседневными опытами, когда ро-дители дѣтей своихъ к тому) принуждаютъ, или от того отвратить ста-раются, къ чему вся склонность ихъ возбуждаетъ (испр.: стараются, къ чему они, такъ сказать, врожденную склонность имѣютъ)“.

Такія поправки слога. (и поправка буквы ѣ) сдѣланы—другою ру-кой—на первыхъ трехъ листахъ.

Въ концѣ, новымъ почеркомъ: „Сия книга маршейдерскаго учени-ка Ивана Устьянцова. Подарена ундеромъ шихмейстеромъ Карломъ Кирхнеромъ. 1783 года, месяца декабря 14 числа“. Далѣе, другой по-черкъ: „Сия книга села Дѣдинова крестьянина“...

— „Исторія Карла Арлеанскаго и Анибеллы“. Скороп. 1760-хъ го-довъ, 4^о, 56 лист. Ундольскаго, № 936.

Печатное изданіе: „Похожденіе Карла Орлеанскаго и Анибеллы“. Пер. съ нѣм. И. А. Спб. 1763; изд. 2-е, 1785. Сопикова № 8604—5: Смирдина, № 9239.

Катерина.

— „Катерина, принцесса французская и королева англійская“. Ро-манъ. Переводъ Рѣшетова, 112 лист., скороп. XVIII в. (Изъ книги: Bibliothèque de samragne). Публ. В-ки F. XV. № 8.

Подлинникъ: „Histoire de Catherine de France, reyne d'Angleterre“ (par Baudot de Juilly). Lyon, 1696, 12^о, и Amsterdam, 1697, 12^о.—См. Comte d' I., Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour. IV, стр. 32.

Кенингъ, графскій сынъ.

— „Исторія сыписана ис книгъ zelo полезна французскаго (sic) королев-ства о гравскомъ сынѣ Кенинге, како онъ заслужилъ ковалерию и како дослужился онъ фелтъ маршаломъ и о аглинскои генералнои дочери именовъ Аэиры, и какою оне между собою имели любовь“,—въ сбор-никѣ собранія Тихонравова № 222, 4^о, на 227 листахъ. Первый листъ утраченъ; на оборотѣ 63-го листа помѣчено рукою писавшаго: „Anno Domini 1734 году“. Исторія Кенинга занимаетъ л. 29—44. об.

Начало: „В прошедшия времена было во Францы близ столичнаго града Паржа единъ гратъ Бардоусъ, в которомъ не портаменту его величества короля французскаго заседалъ граеъ имѣнемъ Лютземоръ, которой имель у себя жену весьма красовиту, именовъ Венерву, с которою получилъ щастие. По прошествіи дву летъ оная велтъ граеская жена родить сына...

Конецъ: „...Кейнгъ же нача жити во отечестве своемъ во Францы в великой чести и славе и жилъ с любѣзною своею женою Аeiroю в пребѣзмерной любве и в великомъ совете и многія лета поживе с нею и приживе сына и остави его по себѣ и повеле ему жити во всякомъ правоверіи, а по себѣ велель истори писать по всемъ иностраннымъ государствомъ, и тако Кейнгъ скончалса в несказанной славе и чести. Аминь. Конецъ“.

По замѣчанію г. Тихонравова, имена (не исключая Bordeaux = Бардоусъ) указываютъ на нѣмецкій оригиналъ этой исторіи, какъ и слѣдующее мѣсто: „Именовали ихъ сына мевтих, гевтих Кейнгъ, то есть посланны, могучи и смелы“ (л. 29 обор.). „Кейнгъ“ не есть ли Kuehn? Ср. дальше исторію графа Лафарія.

Кземиндра и Рейнальдъ.

— „Гисторія о польской принцессѣ Кземиндрѣ и французскомъ принцѣ Рейнальдѣ“. Рукоп. второй половины XVIII в., f^o, 89 лист. Ундольскаго, № 937.

Клеонтъ и Рамира.

— „Новые шутки Оартуны Иоанна Амвросія Марини, знатнаго обывателя Геновейскаго, расположенныя въ девять книгъ. Печатаны на италянскомъ языкѣ въ Венеціи, 1702 года“. Въ рук. XVIII в., Забѣлина, № 249, 4°, на 110 листахъ,—только первыя три книги.

Л. 2—10 „Эѣтрактъ о вещахъ, содержащихся в книгахъ сихъ“.

Л. 10 обор.: „Новые шутки Оартуны в ползу неповинныхъ. Книга первая.

„Оставя широту неведомого акеана, карабль Клеонтовъ и уже утесненъ между столпами Алциды вступалъ надменными ветромъ парусами в Средиземное море, а в тоже время выступалъ из онаго во акеанъ одинъ карабль, такого удивленія, что превосходилъ всехъ плавающихъ тогда по морю кораблей величествомъ зданія своего казался якобы какая крепость на море устроенная, ежелибъ плаваніемъ своимъ не оказывалъ разделенія волнъ морскихъ: бортъ всюду вокругъ убранъ былъ болясами хитро устроенными из слоновой кости, и утверждены на педесталахъ серебряныхъ“ и пр.

На исписанной оберткѣ можно разобрать: „артиллеріи капралъ Василей Рагозинъ“; на оставшихся въ срединѣ пустыхъ страницахъ,

между прочимъ, написано: „толкъ ежели сия исторія была переправлена, тобъ конечно изрядная веселость въ читанію; однако когда кто имеетъ разсудокъ, то содержание сей исторіи весьма харашо“.

— „Исторія о храбромъ богатырѣ, князѣцкомъ сынѣ Клеонтѣ (и Рамирѣ) изъ Гранатскаго королевства“. Рукопись XVIII в., въ Моск. Публ. и Рум. Музеѣ, изъ собранія Большакова. См. „Отчетъ“ за 1864, стр. 7.

— „Гисторія о Клеонтѣ и Рамирѣ“, въ рукоп. Забѣлина, XVIII в., по прежнему счету № 74. См. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 286.

Авторъ, Др. Амбр. Марини (ум. около 1650 г.), которому принадлежит и Калеандръ. Книга его *Scherzi di fortuna, istoria favoleggiata*, Roma 1662 г. и др. Изданія 1702 г. намъ не встрѣтилось. (Ср. Graesse, *Lehrbuch der allg. Literärgesch.*, III Bd., 2-te Abth., стр. 53—54.)

Крестина дѣвица.

— „Гисторія подлинная о дѣвицѣ Крестинѣ, героинѣ Мушкетеръ“. Въ четырехъ частяхъ. Скорописью XVIII вѣва, 4^о, на 84 листахъ, „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1744.

Лафарій, Французскій графъ.

— „Исторія о французскомъ графѣ Лафаріи і о прекрасной княжнѣ Маргарите медіоланской,—слушаніемъ і чтеніемъ весьма утѣшающая“. Въ большомъ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, № 67 (267), л. 1—22.

Начало: „Во Франціи подъ владеніемъ его величества короля французскаго близъ столичнаго града Парижа былъ городъ Бардау в которомъ заседалъ графъ Лежуаморъ, которой имель у себя сына именемъ Лафаріи, котораго изъ младости отдалъ в науку в разные академіи, где і былъ отъ 7 до 18 летъ изучался какъ надлежить честному ковалеру“ и т. д.

Конецъ: „... И по приезде ихъ спустя неделю Лафарій женился на Маргарите.—А потомъ еще спустя неделюжъ женился і Рехидій на Лафаріевой сестре Румиде, и стали жить в одномъ доме во всякомъ благополучіи и веселии. А камординера своего Лафарій наградила ево за верную службу от злата и сребра предоволно, отпустилъ с волнымъ апштотомъ.—И тако симъ гисторія кончилась“.

— Исторія о европскомъ кавалерѣ Лафаріи и о прекрасной медіоланской княжнѣ Маргаритѣ“,—въ сборникѣ Забѣлина, по старому счету № 82 (см. въ „Очеркѣ“, стр. 285).

Леандръ и Лувиза.

— „Гисторія о аглинскомъ графѣ Леандрѣ и о маршальской дочерѣ Лувизѣ, которыя были обязаны любовію между собою, и о случаяхъ ихъ“. Въ сборникѣ гисторій, скороп. XVIII вѣва, 4^о, на 168 лист. (л. 143 об.—168). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2461.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Англискаго королевства графъ Леандръ в младости искусствомъ предивнымъ“...

Любимъ, принцъ.

— „Сказка о принцѣ Любимѣ“. Скороп. XVIII в., 8°, на 32 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 1709.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Нѣкогда былъ король, который былъ столь честенъ и добродѣтеленъ, что подданные его въ знакъ къ нему любви называли его королемъ Добрымъ. Случилось ему ѣхать на охотѣ и нечаянно одинъ бѣлинькій кроликъ, котораго гнали собаки и хотѣли заѣсть“ и пр.

Людвикъ и Палтусъ.

— „Гисторія о славномъ и храбромъ ковалере и генерале фелтмаршале Людвиге и о сыне его, храбромъ и прекрасномъ Палтусе“, — въ сборникѣ 1754—55, писанномъ С. Кублицкимъ, л. 64 — 81. Ундольскаго, № 912.

Начало: „Бысть в некоторое время в славномъ государстве великобританскомъ былъ некин юноша zelo лепообразенъ и всякихъ премудростей изученъ і в воинскихъ делахъ храбрымъ прославленъ, іменемъ Людвигъ, і в некое время случилось ему быть на разныхъ баталняхъ“...

Конецъ: „... Палтусъ по кончине ихъ прия корону и скипетръ и былъ королемъ великобританскимъ немалое время і во время державы своей королевство свое zelo честно и щасливо содержалъ і ничего напрасно не утратилъ, но присовокупилъ другихъ государствъ правниціи и прижилъ детен себѣ в наследство, которыми по смерти своей і погребѣны честно, а имъ оставиша державу свою в наследство.—1754 г.“.

Ляцыона, баронская дочь.

— „Гвсторія о девице Ляцыонѣ, баронской дочери, аглянскихъ бароновъ римскаго и цесарскихъ областей правления и о ея премудрости“. Въ большомъ сборникѣ Забѣлина, XVIII в., 4°, № 67 (267), на 9 листахъ.

Нач.: „Бысть в лѣто от численія Августа астролога восемь сотъ шесдесятъ четвертаго близъ великаго царствующаго града Рума былъ городъ преславны во всемъ папешскомъ і о его цесарскомъ обладаніи зовомый Аглянецъ, которой во всемъ былъ подобенъ великому острову Малтійскому, і какъ оной островъ славенъ своими ковалеры, такъ сей Аглянецъ славенъ своими баронами, ибо во ономъ быша многое шляхетство, знатные и богатые люди и зѣло сующей мудростию и храбростию своею, которые по рекомендаціи всего римскаго сикелита іменовалися баронами“...

Конецъ:..... „і приехавъ въ Цесарію в домъ свой, чрезъ восемь

дней, и на пути не видали никакого несчастья, і тамо в домѣ своемъ совокупился съ Ляццоною бракомъ і жилъ с ею много летъ і умреша в великой славѣ і чести“.

Магометъ Второй и Иеронима.

— „Описание великодушныхъ поступковъ Магомета втораго съ княжной Иеронимой“, въ рукописи Общества Др. Письм. (изъ новыхъ приобрѣтеній), XVIII в., 4°, на 55 листахъ, двумя или тремя почерками; безъ конца.

Начало: „Въ какомъ заключеніи (sic) ровность держитъ жънъ восточныхъ а особливо техъ кои живутъ въ сералѣ ихъ самодержцевъ о томъ довольно известно. Сералские уставы такъ строги что они содержатся все равно какъ невольницы“...

Конецъ: „...приміте безъ сопротивленія помощь отъ руки монарха которой со всемъ темъ, что ни воспрещаетъ, еще васъ любитъ знаю что порокъ мой вамъ будетъ непротивенъ Солимана вамъ, княжна, дарую; а бы ему стоило“...

Не сюда ли относится также „Исторія о султанѣ турецкомъ Магометѣ“ въ рукописи XVIII вѣка, по „Охранному Каталогу“ Титова № 2432, гдѣ другою статьею помѣщенъ „Россійскій дворянинъ Александръ“?

Маркиде (?).

— „Исторія Маркиде, переводъ съ французскаго И. Ш. 1744 г.“ Скороп. XVIII в., 4°, на 143 листахъ.

Такъ отмѣчена рукопись въ „Охранномъ Каталогѣ“ Титова, № 1997. По всей вѣроятности, это — то же, что слѣдующая сейчасъ „исторія Маркиза Де.“

Маркизь Де...

— „Исторія маркиза Де“... Скороп. XVIII—XIX в., на 211 лист. Публ. Б-ва Q. XV. № 59.

Подлинникъ: Mémoires du chevalier D*, par le marquis d'Argens. Londres, 1745, 2 parties, 12° ?

Вѣроятно другой переводъ: „Приключенія кавалера Де..., истинная повѣсть, соч. маркиза д'Аржанса“. Перев. съ франц. Спб. 1772. Солякова, № 8961.

Мелвимерсъ, шевалье, см. Петиметръ философъ.

Мелентесъ и Арианна.

— „Гисторія о дву сициліанцахъ Мелентесе и Паламеде и о прекрасной Арианне“, въ 16 книгахъ. Общ. Др. Письм., собранія кн. Вяземскаго, F°, № XLI, скороп. разныхъ почерковъ (одинъ очень мел-

кій) XVIII в., на 321 листѣ. Романъ пересыпанъ отдѣльными исторіями съ особыми заглавіями: Гисторія о Антонинѣ, Емилии, Дециусѣ и Камиллѣ; о Паламедесѣ, Мелентесѣ, Емиллѣ и Камилліи; о Мелентесѣ и Арианнѣ; о Паламедесѣ и Епихарисѣ; о Аминтесѣ и Ерицннѣ; о Евримедонѣ и Пазитеѣ, и т. д.

— „Славная гисторія о Мелитесѣ и Арианнѣ, о Паламедесѣ и Епихарисѣ, и о прочихъ“,—въ 16 книгахъ. Рукон. начала XVIII в., на 345 л. Толст., отд. I, № 405; Публ. Б-ки Ф. XV. № 23.

— „Плачевная и любезная исторія прекрасной Арианы“,—скороп. XVIII в., 367 лист., безъ начала и конца. Публ. Б-ки Ф. XV. № 32.

— „Прекрасныя Арианны пріятная и любезная гисторія“,—въ 16 книгахъ. Рукон., на 262 л., въ собраніи Царскаго, № 311. Въ концѣ прибавлено: „оная гисторія кандуктора Сергея Сукова, списана въ 755 году, въ апрѣлѣ 19 числѣ, при крѣпости святыя Елизаветы“.

— „Гисторія о прекрасной Арианнѣ и о храброе Мелитесѣ“,—2 тома, 190 и 189 л., скороп. XVIII в. Экземпляръ неполный. Публ. Б-ки Ф. XV. № 33 (см. „Отчетъ“ за 1870, стр. 165).

— „Гисторія о Мелитесѣ и прекрасной Арианѣ“,—въ 16 книгахъ; ф°, 352 л., второй половины XVIII в. Ундольскаго, № 938.

Печатное изданіе: „Увѣчанная любовь, или приключенія Мелитеса и Арианны, одной знаменитой Сициліянки“. Переводъ съ французскаго. 4 части. М. 1792. 8° (Сопикова, № 6124).

Подлинникъ—„Ariane“, par J. Desmarest de St.-Sorlin. Paris 1632, или одинъ изъ нѣмецкихъ переводовъ, начиная съ 1643 и кончая Танландеромъ (Aug. Bohse): Ariane's Staats-und Liebesgeschichte. Leipz. 1705. Ср. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 288—289; Grasse, Liter.-Gesch. III, II, стр. 94, 255; Bobertag, Gesch. des Romans. Bresl. 1876, II, 84, 99 и слѣд.

Мелитея.

— „О прекрасной Мелитеѣ“. Мелкою скорописью начала XVIII в., 4°, на 70 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 182.

По письменному сообщенію г. Титова, первые листы рукописи такъ засалены, что невозможно разобрать. Для образчика стиля приводимъ на л. 37 обор.: „Г. кавалеръ, прошу васъ, пожалуй, научи меня, какъ отъ рукъ салтанскихъ отбыть; вижу я, что не послѣдній кавалеръ можетъ отъ рукъ салтанскихъ свободить мя, только не погнѣвайся, господинъ кавалеръ, что называю васъ просто, понеже не знаю имени вашего, только по всему признаваю васъ, господинъ кавалеръ, что ты умный...“

Въ печати героиня названа Милитея.

Мелюзина.

— „Исторія благоприятна о благородной и прекрасной Мелюзинѣ... съ польскаго на словенскій на Москвѣ преведеса, преводникомъ Иваномъ Руданскимъ въ лѣто 7185“ (1677). Скороп. XVIII в., 4°, 143 л. Ундольскаго, № 939. Ср. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae, pag. quarta, MDCCXLII, pag. 885.

— Тоже, безъ заглавія, въ сборникѣ XVII в., Толст., отд. II, № 218: Публ. Б-ки Q. XVII. № 8.

См. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 232—233.

Метаморфозы, Овидія.

— „Предивнаго римскаго стихотворца Публия Овидія Назона Метаморозуонъ (=зеонъ), или пятнадцать книгъ превращенія, а чрезъ славнаго Вилгелма Бауера на мѣди вырѣзана, нынѣ же ради лучшаго разумѣнія сия книга с латинскаго на немѣцкой переведена къ ползе всѣхъ малеровъ, рещиковъ, золотыхъ мастеровъ и статуй дѣлателей отъ Иереміи Волеа въ Аугсбургѣ 1709 г.“ Скороп. XVIII в., 4°, на 105 листахъ. См. Титова „Описаніе рукописей Ростовскаго Музея церк. древностей“, Ярославль, 1886, стр. 90.

л. 1, об. „Фигура 1-я. Хаосъ смещение. Думали древние язычники слыша отъ своихъ отцовъ что до зачатія света было смещеніе, в которомъ все элементы были смѣшаны вместе (которые суть начала всѣхъ нынѣшнихъ нашихъ вещей которые мы нынѣ видимъ)“.—Рисунковъ нѣтъ.

— Изъясненіе первыхъ четырехъ книгъ Овидіевыхъ Превращеній. Скороп. начала XVIII в., 4°, на 230 листахъ, съ рисунками. Публ. Б-ки, Толстовскаго собранія, отд. II, № 434.

Ср. Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ Вел.“, II, стр. 532—533.

Милобразъ, скифскій принцъ.

— „Гистория о скифскомъ принцѣ Милобразе, какъ получилъ за добродетель себѣ в жену принцессу Истинную Славу“. Въ сборникѣ второй половины XVIII ст., библиотеки Петербургскаго Университета № LXVII, л. 39—49, или по другой пагинаціи 45—55.

Начало: „Одинъ молодой принцъ летъ шеснатцати лишился своего отца и сталъ послѣ ево самъ владетелемъ. Хотя онъ и печалился несколько времени о своемъ уроне, однако по молодости своей скоро утѣшился великолепемъ своего сана. Сей принцъ назывался Милобразомъ. Онъ имелъ лицо приятное и сердце очень добродетельное, но воспитанъ былъ в воле и в неге, короче сказать, по ево прихотямъ“...

Конецъ: „...Милобразъ сожалелъ о его несчастіи и после того жаль долгое время с Истинною Славою благополучно. Онъ имелъ с нею много дочерей, ис которыхъ одна совершенно на мать свою походила.“

Наконецъ оставилъ онъ в память своимъ потомкамъ жизни своей описание, в которомъ советуеъ имъ, чтобъ они следовали ево примеру и уверяеъ, что одинъ только способъ есть получить истинную славу, то есть старатся быть добродетельными и полезными своему народу, а для произведенія сего намеренія съ успехомъ непременно надлежитъ иметь искреннаго друга“.

Это — аллегорическо-нравоучительная и вмѣстѣ волшебная сказка, гдѣ два принца увлекаются Истинной и Ложной Славой: первая есть добродѣтельная красавица; вторая, ея сестра, есть старая женщина, замазывающая свое безобразіе, которое открываеъ, когда женится на ней принцъ Властолюбъ.

Милордъ Де.

— „Меморіалъ милорда Де, переводилъ съ французскаго на русскій Т. П. П. К. и Ш., а на французской съ англійскаго переводилъ господинъ Д. Л. Т. 1748 году...., а зачелъ писать оною книгу 1758 году октября 26 дня въ Санктъ-Петербургѣ“. Скороп. 111 стр. Публ. Б-ки Q. XV. № 65.

Вѣроятно, къ тому же старому англійскому подлиннику относится книга: *Lydia, ou Mémoires de milord D*, imités de l'anglais par de la Place. Bruxelles, 1772, 4 parties, 12°*, или это только новое изданіе старой передѣлки.

Мулзай и Цараида.

— „Исторія о принцѣ Ганскомъ Мулзай и о прекрасной Цараидѣ“. Дурная скоропись XVIII вѣка, 8°, на 21 листѣ. Рукопись Моск. Музея и Румянц. Музея, № 2962.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 31—32. По словамъ „Отчета“, переводъ, судя по языку, съ польскаго. Трехъ первыхъ листовъ недостаеъ.

Мурадъ и Турія.

— „Мурадъ и Туркія, африканская повѣсть“, — скороп. XVIII в., 4°, 140 лист. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1665.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Тунисское государство, больше извѣстное своимъ плодородіемъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ столицы, нежели пространствомъ, будучи чрезъ множество вѣзовъ пріятнѣйшимъ и покойнѣйшимъ во всей Африкѣ жилищемъ, сдѣлалось театромъ страха и изгнанія“...

Печатное изданіе: „Муратъ и Туркія, африканская повѣсть, соч. дѣвицы Луссанны“. Переводъ съ франц. В. П. М. 1780. 8°. Цѣна— 1 р. (Соник. № 6332; Смирдина, № 9032). Былъ у насъ переводъ и другой книги этой дѣвицы: Соник. № 4828.

Подлинникъ: Mourat et Turquia. Histoire africaine, par m-lle de L. Londres (Paris), 1752, 12°. С. D'I., Bibliographie des ouvrs. etc V, 138; ср. Dictionnaire des romans, P. 1819 (разнорѣчіе относительно имени дѣвицы).

Награжденная добродѣтель, см. Рихардъ Виттенконтъ.

Неистовый Роландъ, Аріосто.

— Неистовый Роландъ, поэма Аріосто. Перевелъ съ франц. Комиссія Уложенія писецъ Николай Илеръ, въ 1780 году. Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2958; современная скоропись, f°, на 321 и 96 лист. Экземпляръ неполный; содержитъ III томъ (24—35 пѣснь) и отрывокъ изъ другаго тома (пѣсни 41, безъ начала, — 46, безъ конца). См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 31.

Печатное изданіе:—Неистовый Роландъ, соч. г. Аріоста, перев. съ франц. Петръ Молчановъ. 3 ч. М. 1791. Сошк., № 8686, замѣчаетъ, что во французскомъ переводѣ 4 части, а по-русски больше не выходило.

Новыя шутки Фортуны, см. Клеонтъ и Рашира.

Одалиска.

— „Адалиска. Переведена съ турецкаго на французской, а нынѣ на російской языкъ. Въ Константинополѣ. У Ибрагима Вентаса, типографщика великаго визира, обитающаго близъ мечети С. Софіи, 1779^г. Рукопись въ 32°, на 83 листахъ или 166 стр., однимъ почеркомъ конца XVIII в., принадлежащая проф. И. В. Помяловскому.

Начало: „Предисловіе турецкое.—Любезной читатель! Ты конечно обманешься, есть ли подумаешь, что сочинилъ сію книгу я; ибо клянусь тебѣ самимъ алкораномъ, что не было въ ней никакого моего участія, а только перевелъ я сію книгу на свой языкъ“...

Конецъ: „...но я васъ увѣряю, что былъ бы я гораздо щастливѣе, есть ли бы приказалъ онъ мнѣ отрубить голову, и чрезъ то окончить всѣ мои нещастія“.

Содержаніе „Одалиски“ состоитъ изъ ряда рассказовъ на кораблѣ, явившемъ въ Александрію: рассказы относятся къ жизни въ султанскомъ гаремѣ, вертятся конечно на любовныхъ приключеніяхъ, ведутся евнухомъ, мелодымъ туркомъ, и приводится рассказъ одной изъ одалисокъ.

Орлеанская дѣва, Вольтера.

— „Орлеанская дѣва. Поэма въ двадцать одной пѣснѣ. Сочиненіе Господина Волтера.—Изъ книгъ Максима Москаликowa. Списана изъ

самымъ въ Санктпетербургѣ въ 1787 году“. Рукопись собранія проф. Тихонравова, № 320, 4°, на 151 лист. Первый листъ занятъ заглавіемъ, второй и третій—оглавленіемъ, остальные листы—текстомъ. Переводъ прозаическій, полный, съ подстрочными примѣчаніями. Примѣчанія принадлежатъ автору поэмы. Они заимствованы изъ изданія 1774 года. Въ изданіи Oeuvres complètes de Voltaire 1784 г. эти примѣчанія автора дополнены вариантами по рукописямъ и новыми примѣчаніями. Ни варианты, ни дополнительные примѣчанія въ русской рукописи не переведены. Начало: „Я не рожденъ къ тому, чтобъ словословити святыхъ; гласъ мой слабъ да нѣсколько и окаянень. Должно однакожь воспѣть Іоанну, божественно, какъ повѣствуютъ, чудотворившую, сію дѣву, которая непорочными своими руками утвердила стельбу галскихъ лилей, спасла короля своего отъ лютоści Англичанъ, была орудіемъ помазанія его въ алтарѣ реймскомъ“.

Памела или награжденная добродѣтель.

— „Памела или награжденная добродѣтель“. Заглавіе это на оборотѣ 7-го листа послѣ предисловія. Рукопись Общ. Др. Писъм., собранія кн. Вяземскаго Ф. № LIII, скороп. XVIII в., 171 л.

На первомъ листѣ посвященіе „Сіятельному графу“, генераль-лейтенанту, „дѣйствительному каморъгеру“ и кавалеру ордена Св. Александра Петру Семеновичу Салтыкову.

„Милостивый государь

„Подобно источнику воды ясной, которая брега свои токомъ тучно напаяетъ часть отъ часу болше ваше сіятельство меня неизреченною своею милостію жаловать изволите, и новую раждаете въ сердце моемъ благодарность“ и проч.

Изъ посвященія видно, что графъ Салтыковъ „приказаль“ перевести эту книгу неподписавшемуся лицу...

Далѣе предисловіе оригинала, затѣмъ начало:

„Писмо 1-е.

„Дражайшіе мои родители

„Я имѣю вамъ сообщить великой печали притчину, однако прерываю... (какъ будто пропускъ) некоторымъ утѣшеніемъ печаль та что моя любѣзная госпожа умѣрла в той болезни, о которой я уже с вами говорила. Она оставила всѣхъ въ грусти несказанной для того что была чрезъ вычайно милостива“ и пр.

Молодая дѣвушка все еще переводится: „дѣвча“.

Печатныя изданія: Памела или награжденная добродѣтель, англійское твореніе, г. Ричардсона, пер. съ франц. Чертковъ. 4 части. Слб. 1787; новый перев. съ франц. 4 части. Смоленскъ, 1796. („Французскій переводъ въ 8 частяхъ,—замѣчаетъ Сошниковъ,—но на русскомъ болѣе не издано“).

Далѣе, были еще: Новая Памела, или справедливое описаніе жизни Маріи, знатной госпожи своимъ достоинствомъ, чиномъ и имѣніемъ. Перев. съ франц. 2 части. М. 1788. Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки. Соч. П. Львова. 2 ч. Спб. 1789. 2-е изд. Спб. 1794. См. Соликова № 8042 — 46, Смирдина №№ 9157, 9158, 8444.

Парижъ и Вѣна.

— „Исторія о Париже и Вѣнѣ“. Скорописью „въ два столбца“, или собственно въ силлабическихъ рифмованныхъ стихахъ съ раздѣленіемъ цезурой. Въ 8 частяхъ. Около половины XVIII в., 88 лист. Общ. Др. Письм., собранія кн. Виземскаго, Q. № СХХІІІ. Сначала „предисловіе къ читателю“:

«Кто ми да подасть разумъ	премудрость и смгу
Въ начатку сему славну	и полъзну дѣлу
Да придетъ отъ свѣтлаго	неба помогай
Гласъ пенію и сладость	сладу подавай
Двухъ сердечно любовныхъ	Парижа и Вѣны
Въ вѣліи союзности	въ любви неизмѣнны
Чтоб я в вирнахъ учинилъ	сей любовны секретъ
Съ изъясненіемъ что кто	въ томъ изъ нихъ претерпѣтъ»...
Затѣмъ начинается:	
«Во время царствованія	въ Францы кѣроля (sic) славна
Барлуса славнѣйшаго	яко всемъ есть явна
На яснѣйшемъ престолѣ	егда царьствоваше
Все царство в любви его	зѣло почиташе» и т. д.

— Исторія о великославномъ цесарскомъ кавалерѣ Парижѣ и о прекрасной королевской дщери, именовѣ Вѣнѣ, — въ рук. Черткова (Всеобщ. Библ. Россіи, I, 526).

— Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ — по обозначенію Ундольскаго или Викторова, „сатирическая поэма политическаго содержанія, въ силлабическихъ стихахъ, 8 частей, въ рук. половины XVIII в., на 93 л.^д, Ундольскаго № 906. Викторовъ, ссылаясь на Вс. Библ. Черткова, замѣчаетъ (Слав.-рус. рукописи Унд. М. 1870, стр. 34): „по нашимъ каталогамъ извѣстна только въ одномъ спискѣ“.

Старинный рыцарскій романъ изъ цикла Карла Великаго: *Histoire du très vaillant chevalier Paris et de la belle Vienne, fille du Dauphin*, — въ переводѣ съ провансальскаго, Anvers, 1487 (изданіе прованс. подлинника предполагаютъ въ 1481 г.) и много разъ издавался послѣ. См. о немъ Grässe, *Liter.-Gesch.* III, 2, стр. 388—389.

Петиметръ философъ.

— „Петиметръ философъ или вояжи і приключенія Женю-соалгата

шевалье де Мелвимерса по разнымъ Европскимъ Дворамъ. 1 часть“. Въ рукописи собранія Тихонравова № 322, 4^о, на 460 перемѣченныхъ страницахъ (внизу помѣта по тетрадимъ). Заглавный листъ и съ нимъ, судя по мѣсту вырѣзки, предисловіе вырѣзаны.

„Предуведомленіе. Я услышалъ, что шевалье де Мелвимеръ по своему резвому ндраву согласился дать напечатать письма, въ которыхъ описываетъ свою жизнь одной даме въ угодность одному очень любезному принцу. А чтобъ и мне свету показать угодность, спешу я самъ предложить сию исторію, хотя имею притчину не надеяться на свои дарованія, однако уповаю, что примутъ ее отъ меня не вовсе за нескладную“...

Конецъ: „...Какъ мы потеряли изъ виду солдатъ, то оставили дорогу къ Сансу и, какъ люди разумные, поѣхали целикомъ къ Лотарингиві. Мое намѣреніе было не только скрыть наши слѣды, но и доѣхать до Мангейма въ Фалцской землѣ. Тамъ я хотѣлъ сдѣлать свадьбу тѣхъ двухъ любовниковъ. Мы ѣхали остатокъ дня и всю ночь, что (бы?) взять передъ, чтобъ похотель за нами гнатца. Во все то время мы отдыхали только два часа, какъ и наши лошади. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, почтала графиню по крайней мѣрѣ за принцессу королевской крови. Мы забавлялись нѣсколько времени разговорами тѣхъ простыхъ людей. Да разсудя, что, при такомъ многолюдномъ и знатномъ провозжаніи мы будемъ видны, я выпросилъ у нашихъ шести друзей, чтобъ намъ ѣхать однимъ Гартиньи и мнѣ съ молодою графинею.—И такъ они растались съ нами. Мы ихъ отягчили благодареніями. Мы же продолжали нашъ путь къ Мангейму, куда и прибыли безъ всякаго приключенія.—Да какъ мы доѣхали, то справедливо, государыня моя, намъ и отдохнуть и оставить мне перо, уверя васъ о почитательныхъ сентиментахъ, съ которыми я есмь и протчая.— Конецъ третьей части“.

Петиметры парижскіе.

— Описаніе парижскихъ петиметровъ, сочинено въ 1757. 8^о. См. „Каталогъ рос. книгамъ библиотеки Павла Григ. Демидова“, изд. Ундольскимъ. М. 1846, № 545.

Петръ Златые-Ключи.

— „Исторія о славномъ рыцарѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магилейѣ“, въ сборникѣ 1765 г., Публ. Б-ки Q. XVII. № 172. См. „Отчетъ“ за 1883, стр. 202.

— „Исторія о славномъ рыцарѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и прекрасной королевнѣ Магилейѣ“, —конца XVIII или нач. XIX в. Публ. Б-ки Q. XV, № 76. См. „Отчетъ“ за 1883 г., стр. 199.

— Исторія о Петрѣ Златые Ключи, въ рукописи полов. XVIII в. Въ Рум. Музеѣ; см. „Отчетъ“ за 1879—82 г., М. 1884, стр. 76.

— Повѣсть о Петрѣ Златыхъ Ключахъ и королевѣ Магиленѣ (безъ начала), въ сборникѣ Рум. Муз. изъ собранія Лукашевича, № 50. См. „Отчетъ“ за 1870—72 г., М. 1873, стр. 31.

— Исторія о князѣ Петрѣ и королевѣ Магиленѣ,—въ рук. XVIII в., Рум. Музея. См. „Отчетъ“ за 1865 г., стр. 10.

— „Исторія изрядна о князѣ Петрѣ, названіемъ Златыхъ Ключевъ королевства Неаполитанскаго, и прекрасной королевѣ Магилены Неаполитанскаго и о рожденіи ихъ“, въ рук. Археогр. Комиссіи XVIII в. № 159 (л. 21—45).

— „Исторія о князѣ Петрѣ франскомъ, именованномъ отъ короля Неаполитанскаго, рыцарь Златые Ключи, и о прекрасной королевѣ неаполитанской, коя во своей красотѣ подобной себѣ не имѣла во всемъ свѣтѣ“. Скоронисью половины XVIII в., 4°, на 52 листахъ, Ундольскаго, № 940.

— „О ерангускомъ рыцаре и вѣликомъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключей і о прекрасной королевѣ Магилене Неаполитанской вѣли чудно и полезно слушавшимъ читати“,—въ рукописи, писанной уставомъ съ виноварными заглавіями главъ, 4°, на 68 листахъ, собранія Тихонравова № 306.

Начало: „Въ древнія времена въ королевствѣ французскомъ много было волныхъ князей. Между нѣкоторыми во единой странѣ не ополнѣской бысть благовѣрный князь именовъ Волхванъ. Тойже имѣлъ у себя жену именовъ Петронилу“...

— „Гисторна о храбромъ и славномъ рыцаре Петрѣ Златыхъ Ключей и о прекрасной королевѣ Магилене“. Въ рукописи второй половины XVIII в., 4°, на 76 лист., собранія Тихонравова № 307.

Начало: „В королевствѣ французскомъ много есть великихъ князей. Во единой странѣ бысть велики князь именовъ Волфангъ, имевше жену княжескаго роду именовъ Петронилу“...

Въ концѣ: „... Конецъ сей истории, которую должно слушать съ прилѣжаніемъ, а внимати умомъ со вниманіемъ“. На 1-мъ листѣ поимѣта: „Сѣла Лыскова Ивана Фѣдорова Епифанова“. На обор. 76-го листа: „Сия тетрадь села Вознесенскаго Городища тожъ дьяк(а) Феодора Васильева“. Позднѣйшею рукой внизу: „1789“.

— „Исторія переведена съ Латинскаго языка на Словенскіи о о славномъ богатыре і великомъ князѣ Петрѣ і о его силнемъ богатырствѣ і храбрости“ и пр., въ сборникѣ Тихонравова, № 319, писанномъ въ Мезени въ 1720 году. Переводъ „исторія“ иной чѣмъ въ № 306 того же собранія, и сходенъ съ № 307, но безъ позднѣйшихъ сокращеній.

— Повѣсть о князѣ Петрѣ и неаполитанской королевѣ Магиленѣ. Скороп. XVIII в., 4°, на 62 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2425.

По письменному сообщенію г. Титова, перваго листа недостаетъ.

Начало: „...поѣхавъ князь Петръ изъ королевства своего и ѣздилъ по многимъ государствамъ“ и пр.

— „Начало повѣсти о Магилене, королевне неаполитанской, которая по своей красоте и добродѣтели равной себѣ во всемъ свѣтѣ не имѣла“. Въ сборникѣ первой половины XVIII вѣка, 4^о, л. 1—64 (въ томъ же переплетѣ „Александрія), въ собраніи Евд. Ив. Якушкина. Внизу первыхъ страницъ запись: „Сия тетрадь Ишана Имотшвеша сына Омъсоша нилась шлоюю мую 1733 году“, т. е. Ивана Прокофьева Орлова, писалъ своею рукою.

Начало: „Въ королевствѣ французскомъ много есть вольныхъ князей, между которыми во единой странѣ быть благородный князь именемъ Волеангъ“...

Конецъ: „...а князь Петръ жилъ после отца своего восемьдесятъ лѣтъ и преставился, а послѣ его остался сынъ, правилъ княженіе отца своего такъ мудро, какъ и отецъ его князь Петръ. И тако скончася повѣсть сия. Аминь“.

— Рукопись безъ заглавія, начальныхъ двухъ листовъ и пяти листовъ въ серединѣ; половины XVIII вѣка, на 114 стран., кромѣ недостающихъ; въ собраніи Е. И. Якушкина.

Конецъ: „...и преставился князь Петръ съ княгиней своею, прекрасною Магиленою, а послѣ ихъ остался сынъ, погребе ихъ какъ чинъ достойтъ, и правилъ на княженіи отца князя Петра такъ же честно и мирно, яко отецъ его князь Петръ. И тако повѣсть сія скончалася“.

— „Сказаніе о королевствѣ французскомъ и о Петре Златыхъ Ключей и о прекрасной Магилене, о походѣ и о шурмованіи его надъ всеми рыцари, князи и королевичи явно предъ всеми показаль, и отъезде ихъ изъ королевства Неаполитанского, и о разлукахъ, и о печалехъ ихъ, и о свиданіихъ“. Въ принадлежащемъ мнѣ сборникѣ первой половины XVIII в., л. 26—74, безъ конца.

Начало: „Много есть вольныхъ князей, между которыми во единой странѣ бысть благочестивы князь Волеангъ, той имѣше жену княженецкого роду, именемъ Петронила, французской королевны сестру родную, (съ) которою имѣя единого сына, емуже бысть имя Петръ“ и проч.

— Исторія о Петрѣ Златыхъ Ключахъ, въ сборникѣ XVII в., л. 1—9, безъ начала. Публ. Б-ки Ф. XV. № 34.

— Тоже, въ сборникѣ XVIII в., л. 1—61. Публ. Б-ки Q. XV. № 41.

— Тоже, въ рукописи XVIII вѣка, на 67 листахъ, Публ. Б-ки Q. XV. № 43.

— Тоже, въ рукоп. XVIII—XIX вѣка, Публ. Б-ки Q. XV. № 76.

— Тоже, въ сборникѣ 1765 года, л. 20—42, Публ. Б-ки Q. XVII. № 172.

— Тоже, въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII в., собранія Тихонова № 301, л. 32, одно окончаніе повѣсти.

О лубочныхъ изданіяхъ „Петра Златыхъ Ключей“ см. у Ровинскаго, „Р. нар. варт.“ I, стр. 15, 121, 122; IV, 152, 153; V, 99, 104, 109, 113, 114, 167. См. также Веселовскаго, въ „Ист. р. слов.“ Галахова, изд. 2-е. Спб. 1880, I, стр. 460. Изданія провансальскаго и французскаго романа восходятъ къ концу XV вѣка. Въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 233—237.

Печатное изданіе: „Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей, Петрѣ Прованскомъ, и о прекрасной Магелонѣ“. Переведено съ французскаго М. Д., Москва, 1780, 8^о, цѣна 50 коп.; 2-е изд. Смоленскъ, 1796. Сопикова, № 4855—56; Губерти, II, № 25, стр. 44—49.

Петръ и Касандра.

— „Повѣсть дивная о господинѣ Петрѣ, и о прекрасной ево Касандрѣ, и о слугѣ Николаѣ“. Въ сборникѣ Публ. Б-ни, первой половины XVIII в., по описанію Бычкова № LVII, Погод. № 1603.

Напечатано въ „Памятникахъ древней письменности“, вып. I, стр. 135—139.

— „О господинѣ Петрѣ и о женѣ его прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ“,—въ сборникѣ повѣстей, XVIII в., принадлежащемъ Ѡ. И. Буслаеву, стр. 518—528.

Начало: „Въ знаменитомъ и славномъ градѣ Парижѣ“ и пр.

Конецъ: „...На сеже оный виршикъ читателю предаю:

Сію повѣсть располагай читай

И въ разумъ вся пригоды взймай,

Аще кто уразумѣть женскія.....(?)

То будетъ знати ихъ штуки якоже и оныя Кассандры,

Понеже жена, огонь и море

Тѣмъ ходять во единой сворѣ“.

Это—одна исторія изъ „смѣхотворныхъ повѣстей“, о другихъ спискахъ которой см. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 276,—близкое повтореніе новеллы Воккаччіо, Decamer. VII, 7. Въ литературѣ XVIII-го вѣка эта исторія повторена въ „Письмовникѣ“ Курганова (читано нами въ 4-мъ изданіи, 1790 г.).

Погубленный Рай.

— „Погубленный рай чрезъ Іоанна Мильтона героической поемой представленный с французскаго на російской языкъ переведенный тайнымъ совѣтникомъ Ея Императорскаго величества дѣйствительнымъ камеръгеромъ и ордина святаго Александра Невскаго ковалеромъ барономъ Александромъ Григорьевичемъ Строгоновымъ в Москвѣ—гѣта 1745 года“. На оборотѣ: „Списывана съ оригиналу ево в Москвѣ 1747 года“.

Рукопись Общества Др. Письменности, собранія кн. Вяземскаго, Ф. № XLVIII.

На первомъ листѣ, передъ заглавіемъ: „Изъ книгъ Петра Рычкова. Подписана въ Оренбургѣ апрѣл. 11 ч. 1749 года“.

179 листовъ весьма убористаго почерка.

„Предисловіе

къ благосклонному читателю.

„Между многими древними поетами, которыхъ, какъ въ Греціи, такъ и Италиі, находилось не мало, еще никто на толь высокую степень славы чрезъ составленные ими писанія не достигли, какъ Гомеръ и Виргилій, изъ которыхъ первый въ Греціи, а второй в Риме житіе свое имели. О чемъ явныя доказательства остались дѣла ихъ, а имянно изъ лутшихъ ихъ поемъ Гомеровыхъ Иліад, в которой у Грековъ с Троянами имѣющуюся войну, и Одиссея, в которой возвращеніе царя Улисса по раззореніи Трои до своего отечества на греческомъ языкѣ описывалъ, а Виргилій уже несколько времени потомъ на латинскомъ языкѣ писалъ о раззореніи тойже Трои и отбытіе Енея сына Анхисова оттуда въ Италию, которую именовалъ Енеида, и тѣми оставленными дѣлами учинили безсмертную по себе славу.

„По нихъ же и до нынѣшнихъ временъ сколько ни было стихотворцовъ, которые такіе же повести писали: все тщились в то, дабы вышписаннымъ поетамъ послѣдовать, и за лутшую красоту поставляли, чтобъ какъ в вымыслахъ, такъ и в речахъ сколько возможно оныхъ подражати.

„А понеже тѣ поемы сколько мнѣ видѣть случилось, болше содержать в себе повести различныхъ вымышленныхъ бытей, в которыя хотя они и отъ христіанскихъ творцовъ, и в нынѣшнія послѣднія вѣки сочинены, однакожь притомъ едва не веде примешаны изъ языческихъ боговъ, якобы они въ правленіе человѣческихъ дѣлъ вступали по языческому мудрованію, послѣдуя вышписаннымъ баснотворцамъ.

„Что же бы такіе поемы сочинены были изъ матеріи, в которой бы описано было бытіе достовѣрное, а найпаче о которомъ повѣствуется во священномъ писаніи, того еще прежде автора книги сей Погубленного Рая, которой переводъ я при семъ имею честь предложить вамъ, благосклонный читателю, никто не покусился писати, о чемъ самъ онъ в началѣ оной тако пишетъ: пенія моя восходятъ прѣвыше горы Аониція (сиречь прѣвыше всякаго языческаго баснословія) и объемлютъ вѣщи, которыхъ еще никто не покусился коснуться ни стихами, ни простою речью.

„Ся книга содержитъ в себе матерію о паденіи перваго человѣка, гдѣ описано возмущеніе на небеси противныхъ духовъ (,) брань, которая тамо чинилась, и побѣда надъ ними Сына и Слова Божія, также какъ сей видимой миръ тѣмъ же Словомъ созданъ, в которой послѣ всехъ тварей послѣдней человѣкъ сотворенъ и посаженъ для населенія оного и обладанія прочими созданіями, какъ оной живучи с женою своею в рай сладости, предщенъ Сатаномъ, преступилъ заповѣдь Божию, за что изгнаны изъ рай дѣлати землю.

„И когда оная на французскомъ языкѣ в мои руки попалася, тогда я, прочетши еѣ, разсудилъ перевести на свой російской языкъ, подражая прежде мене бывшимъ изъ нашего же народа, которые такими трудами своими тщались по себе память оставить. Къ тому же и

повесть та, которая въ нѣй описана, казалася мнѣ достойна быти трудъ оныхъ, понеже имѣеть основаніе на священномъ писаніи. А напаче и то подвигнуло меня къ тому намеренію, что авторъ оной, когда онъ в семь дѣле трудился, былъ вовсе слѣпъ, однакоже такую остроу разума отъ многого читанія книгъ имѣлъ, что всякаго, кто его приходилъ посещати, просилъ дабы ему помогали писати, что онъ имъ сказывалъ, о чемъ явно из житія его, при семъ вкратце сообщенно, и такимъ образомъ еѣ сочинилъ, которая для преславной своей матеріи, также за высокой слогъ и вымыселъ автора, и приводъ речей древнихъ стихотворцовъ якобы подражаѣтъ имъ, однакоже не приемливы ничего языческаго баснословія (а гдѣ хотя о томъ упоминается, и то толко примѣромъ, а не в настоящей повести) весьма похвалы достойная.

„Ежели же вамъ, благосклонный читателю, что либо возмнится в нѣй быти якобы несогласное мнѣнію восточной нашей церкви греческого исповѣданія; и оное мне яко не творцу оной, но токмо переводчику, которое наипаче превосходитъ мое знаніе, о чемъ и испытывать не надлѣжало, прошу в вину не поставити, понеже мое дѣло было не того изыскивати, но токмо тщитися в переводе правильно безъ упущенія разума автора поступати.

„Что же я въ переводъ мой употреблялъ многіе речи славенскіе, и то учинено для того, что имѣючи приводить много отъ святаго писанія, которое на славенскомъ языкѣ обретается, на что нужду имѣлъ ссылатися, и тако необходимо долженъ былъ самыя оныя слова употреблять, а и прочіе все для приличности и чтобъ не было какого разногласія, тому же послѣдовалъ.

„Впротчемъ же буде я яко переводчикъ в слогахъ или реченіяхъ в чемъ погрешилъ, оное прошу мнѣ яко челоуѣку подлѣжащѣму погрешности чего нието же на свѣте избѣжать не можеть, простити и всегда во мнѣ благосклонну быти.

В. А. С.^а

Начало: „Пою преслушаніе перваго челоуѣка бѣдственное, дѣяство запрещенного плода, погубленіе райа, и зло и смерть, торжествующу на земли, доколе Богочеловекъ придетъ судити народы и насъ паки приведетъ в блаженное жилище.

„Божественный Смысле Всевышняго чадо, сниди, съ уединенныхъ верховъ Хорива и Синая, где ты вдохновеніемъ своимъ научилъ пастыря показати избранному племени, како небо и земля произошли изъ бездны, или ты более любишь гору Сіонскую и светлыя источники Сілоамскіе, текушіе близъ техъ мѣсть, где Вечный устроилъ свои превозвещанія ибо оттуды требую твоея помощи. Пѣнія моя смело восходятъ превыше горы Аоницкія и объемлють вещи, которыхъ еще нието не покусился коснутися ни простою речью, ниже стихами“, и пр.

— „Погубленный рай чрезъ Іоанна Милтона Героической поемой представленный. Съ французскаго на російской языкѣ переведенный Тайнымъ Совѣтникомъ Ея Императорскаго Величества, дѣйствительнымъ Каморь-геромъ и ордина святаго Александра Невскаго кавале-

ромъ барономъ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Въ Москвѣ, лѣта 1745^а. Рукопись Общества любителей российской словесности, F^о, на 189 листахъ. Внизу помѣты по тетрадамъ (каждая изъ 8 полулистовъ или 16 страницъ). Внизу послѣдней страницы: „писано 1753 году“. На л. 1—2 об. „Предисловіе“—тоже, что въ предыдущей рукописи. На л. 3—6 об. „Житіе Іоанна Милтона вкратцѣ“. На л. 7—11 „Оглавленіе краткое книги сей, именуемыя *Погубленный рай*“. Текстъ сопровождается подстрочными примѣчаніями.

— Милтона „Погубленный Рай“, переводъ барона А. Григ. Строганова, 1745 г., въ списекъ 1747 г., М., F., на 133 листахъ. Въ Румянц-Музеѣ. См. „Отчетъ“ за 1879—1882 г. М. 1884, стр. 29. (Сравни. въ каталогѣ рукописей Ундольскаго, № 871).

— „Погубленный Рай, чрезъ Іоанна Милтона героической поэмой представленный, съ франц. на российский языкъ переложенный въ Москвѣ лѣта 1745 декабря 1 дня“. Скорописью конца XVIII в., F^о, на 288 листахъ. Рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея № 2959. См. „Отчетъ“ за 1883—85 г., М. 1886, стр. 31.

Печатныя изданія:

— Потерянный Рай (первыя три пѣсни), съ англійскаго, прозою, пер. Василій Петровъ. Спб. 1777.

— Тоже, 12 пѣсень, съ франц. пер. Моск. Академіи префектъ, потомъ бывшій екатериносл. архіепископъ Амвросій. М. 1780; 2-е изд. 1785; 3-е, съ присовокупленіемъ „Возвращеннаго Рай“, 2 ч. М. 1801.

— Тоже, пер. съ англ. Θ. Загорскимъ. 2 ч. М. 1795; 2-е изд. 4 ч. М. 1810. Сошкова, № 8711—8716.

„Возвращенный Рай“ былъ переведенъ съ французскаго Иваномъ Грѣшницевымъ. М. 1778. Сошк., № 8648.

Англійскій подлинникъ вышелъ въ 1667 г. (въ 10 книгахъ) и въ 1674 г. (въ 12 кн.).

Полеонціонъ Египетскій.

— Полеонціонъ. Въ сборникѣ Забѣлина XVIII в., 4^о, № 73 (271), неполный списокъ, л. 4—95; на первыхъ приложенныхъ листахъ написано рукой новѣйшаго владѣльца начало такъ: „В древнія времена во градѣ Гегиптѣ царствовалъ царь именемъ Асинобѣргъ съ царицею своею Раввениею и родина себе сына и давъ ему имя Полицыонъ“ и пр. На л. 4-мъ (начало старой рукописи): „Полеонціонъ же слышевъ брата своего похвалу о прекрасной королевне Милитинѣ и видевъ ея персону, которая была самымъ правымъ существомъ нарисована, и удивился зѣло“... Безъ конца.

Въ началѣ сборника записи: „Изъ книгъ Петра Елфимова“; „Сия

книга принадлежит Ярославской губернии романовскаго уезду город(е)цкаго стану вотчины бригадира Ивана Ивановича Козлова крестьянину деревни Григорьевскаго Дмитрею Степанову сыну Щепалову. А куплена 1803-го году июня 20 дня. Цена 32 коп.“

— Тоже, въ рукописи XVIII в., вывезенной *Θ. М. Истоминымъ*, лѣтомъ 1886 г., изъ Олонцакаго края. Всего одна первая тетрадь, изъ 8 листовъ, 4^о: „Гисторія о Полиционѣ цесаревиче Египетскомъ и о прекрасной королевѣ Милитинѣ италянсконъ, и о сыне Херсоне“.

Начало: „Во египетской земли былъ градъ Острокимъ, въ котормъ тогда царствовалъ славный царь Осиноберхъ и с царицею своею Раввеніею жилъ в великой славе и чести от всехъ околныхъ царей и королей. И въ некое время поматуга (sic) его царица Раввенія родила сына велии лицомъ прекрасна и нарече имя ему Полиционъ“ и т. д.

— „Исторія о египетскомъ цесарѣ о Полиционѣ“, въ сборникѣ XVIII—XIX в. 4^о, на 185 лл. („Исторія“ л. 1—122). Начала недостаетъ; Тверского Музея № 32.

Начало: . . . „балъ и все бывшие в присудствіи разъехались, и его королевское величество (съ) своею супругою и с королевною Милитриною поехалъ в домъ свой“ . . .

Конецъ: „...Пожив же Полиционъ доволные лѣта в чести и радости и о старости веселився зря на храбраго сына своего славнаго кавалера Херсона: и тако отъиде сего временнаго свѣта в вѣчное преселение и блаженство; и после его державы царство его египетское содержитъ цесарь побѣдитель Херсонъ великинъ честно и мудро, не утративъ напрасно, и содержитъ честь и славу цесарскаго жъ величества родителя своего Полициона. Цесарева жъ Милитина, родительница его, спустя едино лѣто после возлюбленного своего супруга Полициона отъиде в вѣчную жъ жизнь: где необходимой всеиъ путь, в оздесь (?) поживши в великой славе, чести и доброте, в чистоте и любви, и тамо пребудуть без истязанія, а после себя оставили намъ славу“.

— „Гисторія о Полиционѣ цесаревиче египецкомъ и о прекрасной королевѣ Милитинѣ италянсконъ“. Рукопись 4^о, на 72 листахъ или 144 стран., однимъ почеркомъ, писана въ 1751 году; изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Во египецкой земли во граде Астракинѣ царствовалъ славный цесарь Асиабѣрхъ с цесаревою своею Раввеніею и жили с нею в великой любви, славѣ и чести отъ всехъ околныхъ царей и королей, и тогда ему цесарю Асиабѣрху цесарева его Раввенія породила сына“ . . .

Конецъ: „...многая же и другая по истиннѣ сия настоящая исторія поприща словесъ преплы, и дозде путешествіемъ своимъ достиже умолча“.

— „Гисторія о Поліонцѣнѣ, царевичѣ египетскомъ, и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ, и о сынѣ ихъ Герсонѣ“, 4^о, на 100 л., писана 1762 г. въ городѣ Кунгурѣ. Публ. Б-ки Q. XV. № 67. См. „Отчетъ“ за 1874, стр. 104.

— Исторія о Поліонцѣнѣ, царевичѣ египетскомъ, о прекрасной королевнѣ Милитинѣ и о сынѣ ихъ Герсонѣ,—на 132 л., скороп. XVIII в., 4^о. Въ началѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Публ. Б-ки Q. XV. № 68. См. „Отчетъ“ Б-ки за 1875, стр. 10.

— „Гисторія о Полеонцѣнѣ, цезаревичѣ египетскомъ, и о Милитинѣ, кралевнѣ италіанской“. 4^о, 155 л. 2-й половины XVIII в. Ундольскаго № 941.

— „Исторія предивная о прекрасномъ и славномъ Полеонціне цезаревиче египетскомъ, такожь и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ италіанской“. Скороп. XVIII в., 8^о, на 133 листахъ. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 952.

— „Исторія о египетскомъ цесарѣ о Поленціонѣ и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ“,—въ рукописи Берендиково „Извѣстія II отдѣл. Акад. Наукъ“, IV, стр. 199.

— „Исторія о Палионціне цезаревиче египетскомъ и о прекрасной кралевнѣ Милите италіанской і о дѣйствіи ихъ“. Скороп. XVIII в., 4^о, 90 лист. См. Н. Петрова: Описаніе рукописей Церковно-археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи, № 444.

— Тоже, въ рукописи XVIII вѣка, безъ заглавія и начальныхъ листовъ, 4^о, на 142 страницахъ, кромѣ недостающихъ, въ собраніи Е. И. Якушкина. Писана одною рукою, съ многочисленными поправками слога другимъ почеркомъ.

Конецъ: „...Цесарева жъ Милитина спустя едино гѣто послѣ возлюбленнаго Паленціона и отыде въ вѣчную жизнь, понеже необходимы сей путь и поживъ в великой славі и доброте и чистоте но тако пребудеть безъ истязанія и после себя остависта намъ славу свою“.

Печатное изданіе: „Исторія о славномъ рыцарѣ Полиціонѣ, египетскомъ царевичѣ, и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ, и о сынѣ его Херсонѣ и о царевнѣ Каламберѣ“, съ картинами, 4 части, М. 1787. 8^о. (Сопик. № 4858).

Польницъ, баронъ.

— Походженіе барона де-Польницъ (вѣр. должно читать: Польницъ), описанное имъ самимъ. Скороп. XVIII в., 4^о, 165 лист. См. „Охранный Каталогъ“ А. Титова, № 1143.

Печатное изданіе: „Походженіе барона де-Польницъ, съ примѣчаніями историческими и географическими, описанное имъ самимъ“. Перев. съ франц. Павла Жукова. 2 ч. М. 1767 (Соп. № 8596).

Подлинникъ, вѣроятно: Lettres et mémoires du baron de Poellnitz.

Amsterdam, 1727. 4 vol. 12°, и нѣсколько другихъ изданій (Comte D'I., Bibliogr. des ouvrages relatifs à l'amour, IV, 291).

О Пельницѣ ср. выше „Галантъ Саксонской“. Упомянутое о немъ въ запискахъ И. И. Дмитриева; см. въ статьѣ г-жи Шепкиной: „Популярная литература въ срединѣ XVIII вѣка (по запискамъ Болотова)“, Журн. Мин. Просв. 1886, ч. ССXLIV, отд. 2, стр. 250.

Похвала глупости, Эразма.

— Похвала глупости Эразма Роттердамскаго. Безъ заглавнаго листа, собранія г. Тихонравова, № 321, скороп. XVIII в., на 85 листахъ. Помѣта внизу рукописи указываетъ число *листовъ* (по четыре четверекѣ въ каждомъ). Послѣ „письма“ вырвано восемь четверокъ. Л. 1-й „Письмо отъ сочинителя къ Фомѣ Морю канцлеру Англинскому.

„Любезный другъ! Въ послѣдній мой переѣздъ изъ Италіи въ Англію, не хотя потерять безъ пользы дорожнаго времени или потратить ево в пустыхъ и неученыхъ расказахъ, заблагоразсудилъ несколько подумать о общихъ нашихъ ученіяхъ и наслаждаться приведеніемъ на память друзей, которыхъ здѣсь при отъѣздѣ можемъ оставить и которые какъ ученіемъ, такъ и пріятностію въ общеніи всехъ въ себе привлекаютъ“.

Въ „письмѣ“, по списку г. Тихонравова, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „Такимъ же образомъ въ законѣ такъ стали разборчивы, что легчѣ снесутъ тягчайшее богохуленіе, нежели малѣйшее осужденіе папы, епископовъ или владетелей, *а особливо ежеси идѣ дѣло идѣтъ о доходахъ*. Но что касается до меня, понеже я никого именованъ не называлъ, то, думаю, всякой ясно увидитъ, что я нисколько не намѣренъ былъ явить и злословить, но только увещавать и наставлять. Да и во сколькихъ мѣстахъ и сколькими именами самого себя я заделъ? А кто никого не именуешь, тотъ, какъ мнѣ кажется, объявилъ себя неприятелемъ противу однихъ только пороковъ, а не противу людей. Если же кто найдетъ въ сей книгѣ написанное свое изображеніе и будетъ о томъ жаловаться, тотъ темъ самымъ обличитъ свое злобравіе, по извеснымъ стихамъ:

Явлю тебя, молчи! вить я не имену!

Кричишь? Не я, но ты являешь совѣсть злую!“

Послѣдніе стихи принадлежатъ Кантемиру и находятся почти во всѣхъ *рукописныхъ* сборникахъ его первыхъ пяти сатиръ по первоначальной редакціи. Русская вставка сравнительно съ подлинникомъ начинается словами: „Если же кто найдетъ“.

— Похвала глупости, Эразма Роттердамскаго. Безъ заглавія на первомъ листѣ. По инвентарю Общества Древней Письменности № 624, или XXVII, 4°. Скорописью XVIII в., 74 листа.

1-й листъ. „Письмо отъ сочинителя Фомѣ Мору ка канцлеру (sic) англискому.

„Любезный другъ,

„В послѣдній мой переездъ изъ Талии (sic) въ Англiю, не хотя безъ ползы потерять дорожнаго времени или потратить ево въ пустыхъ и неученыхъ разказахъ, заблагоразсудилъ несколько подумать о общихъ нашихъ ученiяхъ“...

5-й листъ. „Похвала глупости.

„Глупость говорить:

„Извѣстно мне, что странныя и различныя обо мне разсужденiя происходятъ между смертными даже до того, что самыя мои любимцы худо мною отзываются, но при всемъ томъ“...

— Похвала глупости. Эразма Роттердамскаго. Безъ заглавiя.—Общества Др. Письменности, собранiя кн. Вяземскаго № ССХХ. Скорописью XVIII в., на 75 листахъ.

Л. 1-й. „Письмо отъ сочинителя къ Фоме Мору канцлеру англискому.

„Любезный другъ! (sic)

„Въ послѣдній мой переездъ изъ Итали въ Англiю, не хотя безъ ползы потерять дорожнаго времени, или потратить ево в пустыхъ и неученыхъ разказахъ, за благо разсудилъ“ и пр.

Л. 5-й. „Похвала глупости.

„Глупость говорить:

„Извѣстно мне, что странныя и различныя обо мне разсужденiя происходятъ между смертными даже до того, что самыя мои любимцы худо мною отзываются, но при всемъ томъ“ и пр.

Превратная любовь.

— „Превратная любовь, гистория или приключенiи милорда Е... съ маркизою Д.“ Рукопись Общ. Др. Письм. (изъ новыхъ прибрѣтенiй), половины XVIII в., на 52 листахъ, 12°.

Начало: „Не можно точно того изобразить сколь любовная страсть люди владеетъ. Я не стыжусь описывать мое безпутство, которое из повести моея в наказанiе другимъ видно будетъ“ и пр.

Конецъ: „...Сие извѣстiе привѣло меня наконецъ в совѣршенное чувство и я оставя ѣе в такое правда хотя не совсемъ из сердца моего вонъ выгналъ но по крайней мѣре уже пересталъ сѣтовать а чтобъ вспомнать прѣжня мои поступки, то вознамерилъ для того нарочно издать в свѣтъ сию маленькую книжку, которую предлагая читателямъ даю на волю хвалить ли или порицать онѣ меня захотятъ, да только темъ я буду доволенъ, что собственнымъ моимъ признанiемъ некоторымъ образомъ увеселяясь хочу исправитца“.

Прекрасная Россіянка.

— „Прекрасная россиянка, ч. I, перев. съ французскаго“. Скоропись 1778 г., 4°. Руконись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2964.

См. „Отчетъ“ за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32. „Отчетъ“ указывает на Смирдина № 9255, но не опредѣляетъ отношенія рукописи въ печатному изданію.

Приворотникъ.

— Повѣсть приворотника картезіанскаго монастыря, писанная изъ самимъ; 2 части: въ 1-й 262, во 2-й 146 стр., въ 4°.

Романъ, переведенный съ французскаго языка въ прошломъ столѣтіи. (Всеобщая Библиотека Россіи, А. Д. Черткова. М. 1845. Прибавленіе второе, стр. 451.)

— „Повѣсть Донбурга, привратника картезіанскаго монастыря“. Скороп. XIX вѣка, 4°, на 205 листахъ. „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2193.

Начало: „Какое пріятное удовольствіе для сердца, когда оно свергаетъ съ себя нго обманчивыя и ложныя наслажденія, суетныя забавы и опаснаго любострастія, пригльбляющихъ его къ свѣту! Получа свободу послѣ долгаго заблужденія и достигнувъ по потеряннѣ предмета своихъ желаній сладкія тишины, чувствуетъ оно еще ужасъ и трепещеть, воображая себѣ печальное напоминовеніе страховъ, избгнутыхъ имъ; но чувствуя сіе, считаетъ себя счастливымъ, что находится уже въ безопасности. Ощущенія сіи становятся ему милы, потому, что служатъ къ лучшему наслажденію пріятностями своего sloкоиствія. Такъ то, любезный читатель, положеніе и моего сердца“.

По письменному сообщенію г. Титова, означенная рукопись есть списокъ съ рѣдкой рукописи XVIII вѣка; г. Титовъ замѣчаетъ даже, что „этотъ романъ—самаго неприличнаго содержанія, но въ XVIII-мъ и въ началѣ XIX вѣка пользовался большою извѣстностью наравнѣ съ твореніями Баркова. Во многихъ барскихъ библиотекахъ (въ провинціи) онъ находился. У меня есть еще современный XVIII вѣка, списокъ этого романа, но нѣсколькихъ листовъ недостаетъ. Переводъ хорошій“.

Принцессы восточныя.

— „Зерцало восточныхъ принцессъ, романъ отъ госпожѣ Фаньли, съ французскаго на російской языкъ переведенной Шляхетнаго кадетскаго корпуса гефрейтеромъ Васильемъ Будаковымъ, мая 30 дня 1757 года“,—въ 6-кѣ Моск. Общества Ист. и Древн., отд. I, № 226. „Автографъ переводчика“.

Подлинникъ: *Le Miroir des princesses orientales, par mad. Fagnal. Paris, 1755, 2 vol. 12°.*—С. d' I., *Bibl. des ouvrages, relatifs à l'amour, etc. V, 91.*

Принцъ Военный.

— „Гисторія о принцѣ Военномъ и о принцессѣ Желанной“, скороп. XVIII в., 4°, въ Рум. Музеѣ, изъ собранія Лукашевича. См. „Отчетъ“ за 1870—72, М. 1873, стр. 31.

[Histoire du roi de Campanie et de la princesse Parfaite. Amsterdam, 1736, 12°, безъ имени автора, который былъ J. B. de Boyer, marquis d'Argens; см. Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes.—Подлинникъ?]

Римскіе ковалеры и дамы.

— „Исторія о соединенной компаніи и о любовныхъ разговорахъ римскихъ ковалеровъ и дамъ Марцеллюси и Елелліи и прочихъ“.—Публ. Б-ки Ф. XV. № 29. Скороп. XVIII в., 227 л.

Подлинникъ—„Clélie“, г-жи Сюдери (Grasse, III, II Abth. стр. 91; Dunlop-Liebrecht, стр. 383—384)?

Рихардъ Виттенконтъ.

— „Награжденная добродѣтель, или повѣсть о Рихардѣ Виттенконтѣ“, —5 лист. скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 38.

Саади.

— „Розы изъ Вертограда политическаго Муслана Саади въ пользу мношества російскаго выбранныя, и с латиноримскія на великоросійскую землю присажденныя трудами Іоанна Ильинскаго, Академіи Наукъ переводчика.

„Ярая слава граде отчизна милѣйша

„Прими трудъ питомца хотя и подлѣйша.

„1735 года, Генваря 2 дня.

„Скороп. XVIII в., въ л., на 18 л.“ и пр.

Это указаніе, а также нѣкоторые выписки и свѣдѣнія объ Ильинскомъ, въ книгѣ А Титова: „Рукописи слав. и русскія принад. И. А. Вахрамѣеву“, М. 1888, № 204 (стр. 124—125).

Симпель, см. Давидъ Симпель.

Сицилианна добродѣтельная.

— „Добродѣтельная Сицилианка или приключеніи маркизы Альбелины“. Рукопись XVIII в., Забѣлина, № 96, большое 4°, на 207 страницахъ.

Нач.: „Я признала бы себя виновною великой неблагодарности противъ Бога, ежели бы не возвестила всему свету отъ всевысочайшаго милосердія Его изливанья на меня благоденія. Не довольно что они всегда представляются во умѣ моемъ, но надобно чтобъ и другимъ были известны. Ахъ, для чего не могу я ихъ рассказать моими устами,

они могли бы гораздо яснее изобразить действующия в сердце моемъ движения благодарности, нежели слабое мое перо, которое вырвать оныя достаточно силы не имеетъ“ и пр.

Стр. 2: „Палермо есть место моего рождениа. Родители мои приказали (вѣр.: прилагали) все свое старанія чтобъ меня добродетельно воспитать и такъ какъ бы еще со млекомоу влнать в меня движени истиннаго страха божия. Едва только первыя искры разума смысла мой просвещать начали“ и пр.

Нравоучительная повѣсть.

— Добродѣтельная Сицилианка, или приключенія маркизы Албелниа. Скороп. XVIII вѣка, 4°, на 129 листахъ Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2965.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32.

— Сюда должна относиться исторія безъ заглавіа (для котораго оставлено мѣсто) въ рукописи половины XVIII в., 4°, на 158 лист., собранія Тихонравова № 302.

Начало (л. 1-й): „Я почла бы себя виновную великой неблагодарности противъ Бога, ежели бы отъ всевысочайшаго милосердіа его полученныя благодѣяніи предъ всемъ светомъ не признала“.

Конецъ (л. 157 обор.—158): „I такъ заключаю описание моихъ приключеній техъ по крайней мере, которые я по тотъ щесливой часъ имела, когда любезного любви достойнаго і великодушнаго для меня в свете человека называти стала.— Сия исторія кончилась“.

Героиня—Терезилла.

Телеманъ.

— „Похожденіе Телемака, сына Улисса, сложенное чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ де ла Мотъ Фенелонъ, учителя государей дѣтей королей французскихъ, потомъ архіепископъ дюкъ де Камбре и князь Святыя Имперіи. Новыя печати съ подлиннаго манускрипта автора умножена и исправлена. Часть первая“ (съ л. 137 „часть вторая“). „Переведена 724 года“. Б-ки Моск. Общ. Исторіи и Древн. I, № 161, F., на 262 листахъ.

— „Случаи Телемаковы сына Улисса или послѣдованіе четвертыя книги Одиссеи Омира чрезъ господина Франца де Солиньякъ де ла Мотъ Фенелонъ, архіепископа и дюка Камбрезескаго, князя священнаго Имперіи, графа Камбрезискаго, прежде бывшаго учителя государей, дюковъ Бургонскихъ, Анжу и Берри и прочая для наученія государя дюка Бургонскаго MDCCXII. Скороп. XVIII в., въ л., на 265 л. Переводъ Петровскаго времени“.

См. „Рукописи, принадл. Вахрамѣву“; А. Титова, № 190 (стр. 120).

— Переводъ Телемака, 1724 г., въ Петербургѣ,—въ рукописи собранія Фролова. Публ. Б-ки F. XV. № 13.

Печатныя изданія:—Похожденіе Телемака, сына Улиссова, соч. Архі-епископа Фенелона. Перев. съ франц. въ 1734 году, съ картинами. Спб. 1747; изд. 2-е, Спб. 1767; изд. 3-е, Спб. 1782. Социк. № 8615—17. Губерти, I, № 59, стр. 102—104 и № 138, стр. 224—225. Затѣмъ „Телемахида“, Тредьяковскаго, 1766 (Губерти, I, № 129, стр. 202—204) и цѣлый рядъ еще болѣе позднихъ переводовъ: Ив. Захарова (съ 1786 г., нѣсколько изданій), Шиповскаго (1805), И. Л. Голенищева-Кутузова (первыя книги, вмѣстѣ съ французскимъ подлинникомъ)—у Социкова № 11569—72. Далѣе, были еще переводы: Желѣзникова (1788), Лубяновскаго (1800 и др. изд.); у Социкова № 8994—96.

Титъ и Гезиппъ.

— „Гисторія о дѣйствіи дружбы, которую промезъ себя неразрывно имѣли Римлянинъ Титъ и Грекъ графской сынъ Гезиппъ“. Общ. Др. Письм., собранія вн. Вяземскаго, F. № CXIV, свороп. второй половины XVIII в., 90 лист.

Начало (л. 3-й): „Одинъ знатной римлянинъ имянемъ Публиусъ Квинтусъ Фулвиусъ, которой посреди двора цесаря Августа древнюю волность республики содержалъ, любимъ былъ какъ отъ великихъ, такъ и отъ малыхъ, имѣлъ сына и дочь, которыя за ихъ добродетели и по союзу крови ему любимы были. Титъ сынъ ево и дочь Фулвія едва въ смыслъ приходятъ стали“ и пр.

Три дамы, см. Фердинандъ.

Три замка.

— Исторія съ этимъ заглавіемъ, въ рукописи XVIII в., собранія гр. Уварова, № 235 (по сообщенію г. Титова).

Фердинандъ, англійскій посоль.

— „Гисторія о трехъ дамахъ и Фрединантѣ, короля аглицкаго посоль“. Въ рукописи гисторій, скорописью XVIII в., 4°, на 168 листахъ (л. 1—14). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2461.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Когда Фрединантъ отъ короля посланъ былъ для нѣкотораго секретнаго дѣла въ Италію, и наконецъ поручена ему была одна комиссія, которая принудила жить его три года въ Генуѣ“...

Фларента королевна и Георгій королевичъ.

— „Гисторія о французской королевиѣ Фларенте і о королевиче Георгіи італянскомъ, і о протчихъ малтійскихъ ковалерахъ“. Рукопись на 30 стран., писана тѣмъ же почеркомъ, какъ гисторія Долторна и гисторія безъ заглавія 1738 г. въ собраніи В. П. Мордвинова.

Начало: „Когда еранцузскаго короля супруга родила дщерь именемъ Фларенту, которая во младенчествѣ себя оказала красотою прѣбъзмерною лица, и какъ увидель ея отецъ, говорилъ своимъ супруге“...

Конецъ: „... вкусить отъ руки своей ядовитаго зелья, отъ чего обратились яко дымъ і развело ветромъ, отецъ же ея приказалъ область зятю (sic) своему Георгию, а самъ при нихъ остался“.

Францель Венеціанъ.

— Одна изъ старѣйшихъ редакцій этого знаменитаго въ своей публикѣ романа находится въ сборникѣ Забѣлина, XVII—XVIII вѣка, 4°, № 69 (223), на лист. 37—184, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Гистория о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Венцианѣ, а в малтискихъ островахъ по свидѣтельству малтискихъ ковалеровъ за храброе поступку нарѣкли ему второе ковалерское имя Францель, і о прекрасной гишпанской королѣвне Пресиянѣ, выписано изъ древнихъ грано граеофъ, обретоно же в четырехъ государствахъ разныхъ zelo удивленію достойно, яко ис красныхъ цветовъ драгоценныхъ корона сслетена на семь рыцаре — родители его и многи народъ дивилися, того ради от родителей своихъ именованны Вѣнци аномъ, а о рожденіи рыцаря Венци ана и о благородствіи его сказуетъ Гишпанія, о школьной наукѣ и о показани храбрости его, о жестокихъ поединькахъ шпанскихъ і о данномъ ему ковалерствѣ сказуетъ Малтиски островъ, но изрядно и ясно сказуетъ (о) храбрости его і мудрости на разныхъ поединькахъ Турецкое государство, но сѣя гистория принадлежитъ чловѣкомъ людемъ прилично о показани любви и (къ?) чадомъ и отчаяніи детей своихъ і добрымъ наукамъ младымъ отрокомъ прилично о верныхъ услугахъ і о благочинныхъ поступкахъ к государемъ своимъ и благороднымъ господамъ, і юнымъ девицамъ прилично і благонскуное исканіе и тайная любовь честнымъ і младымъ рыцаремъ для совокупления закону і о вечной любви къ доброму житію младымъ детямъ во охотное слушаніе внимати разумъ і о всей гисторіи во многословныхъ беседахъ и иныя слова под видомъ стыда (?) поставити ихъ несть мочно, понеже в народе многиа случающа притчинны чрезъ разныя действия (!), чего не токмо сказати, но и описати немочно, но отчасти чрезъ малое деиство выписано изъ древнихъ летописцовъ (!)“.

Заглавіе не весьма вразумительно, но свидѣтельствуеъ о великой популярности романа уже въ тѣ времена.

Начало: „В гишпанскомъ королевствѣ былъ неки князь удельныи именемъ Фридоръ, вельми богатъ і славенъ и силенъ і храбръ к военному делу, король же гишпански того князя Фридора за благодейство ево (и) храбрость любилъ і имелъ его за кровнаго брата, князь же Фридоръ имелъ у себя жену вельми прекрасну именемъ Ксанседу“ и т. д.

— „История о храбромъ гишпанскомъ рыцаре Венецианѣ и пре-

красном королевше Ренцвевѣ“,—въ рукописи XVIII в., собранія Тихонравова, № 222, л. 94—227: редакция сходная съ указанной рукописью Забѣлина, но писано болѣе грамотно. Далѣе слѣдуетъ:

„Изъ четырехъ государствъ разныхъ изобретена, яко изъ драгихъ цвѣтовъ корона сплетена. О семъ рыцари родители его и многіе народы дивовалися, понеже изъ чрева матери своей въ венце родился, и того ради отъ родителей именованъ Венецианомъ. А о рожденіи рыцаря Венециана и благородствѣ его скажетъ Гишпанія, о школьной наукѣ и о показанной храбрости скажетъ Франція, и о жестокихъ поединкахъ шпанныхъ и данномъ емуъ ковалерствѣ скажетъ Мальтиски: островъ, но изрядно и ясно скажетъ о храбрости его и о мудрости и о грозныхъ побѣдахъ Втурецкое (sic) государство.

„Но сия исторія принадлежитъ человеку четыре подобства (върѣяно: на четыре...): старымъ людямъ принадлежитъ объ наказаніи любовничакомъ и о ученіи детей своихъ добрымъ наукамъ; младымъ отрокомъ прилично о верныхъ услугахъ и благочинныхъ поступкахъ къ государемъ своимъ и къ благороднымъ государонямъ своимъ; и юнымъ девицамъ прилично благонкусное исканіе тайныя любви къ честнымъ младымъ рыцарямъ для совокупленной законной и душевной любви къ доброму житію; младымъ детямъ во охотное слышаніе вниматъ вразумъ; но сей исторіи во многихъ славныхъ бѣседахъ о ней слово подъ видомъ стыда поставить имъ несть можно, понеже въ народѣ многіе притчинны случаются чрезъ разные дѣйства, чего не токмо сказать, но и бываетъ отчасти чрезъ малое дѣйство. Выписано изъ деи римскихъ“.

Конецъ: „...потомъ и свое войско, такжеже златомъ одаривъ, и ропустилъ въ дома своя для излечения болезней; а самъ же остался въ Гишпаніи королемъ съ прекрасною королевною Ренцвевною въ великой радости и въ веселіи и не имѣя ни отъ кого опасенія; и тако живяше долгое время и успе вечнымъ сномъ. Конецъ“.

— „Исторія о храбромъ рыцарѣ Францелѣ Венеціанѣ и прекрасной королевнѣ гишпанской Персіанѣ“,—скороп. XVIII в., на 124 листахъ (52 л. въ разныхъ мѣстахъ утрачены). Публ. Б-ки Q. XV. № 74 (см. „Отчетъ“ за 1882 г., стр. 55).

— „Повѣсть о Францелѣ Венеціанѣ и королевнѣ гишпанской Персіанѣ“,—рук. XVIII в. (нѣсколько листовъ утрачено). Публ. Б-ки F. XV. № 42 (см. „Отчетъ“ за 1883 г., стр. 199).

— „Исторія о храбромъ рыцарѣ Францѣле Венецианѣ“, — тетрадь безъ переплета, на 52 листахъ, крупнымъ почеркомъ конца XVIII в., собранія Тихонравова № 312.

Начало: „Родители его и многіе народы дивилися, понеже сынъ Венецианъ изъ чрева матери своей (в) венце родился; того ради отъ родителей своихъ именованъ Венецианъ“...

Конецъ: „... И отпустилъ его со всемъ персидскимъ войскомъ, а

самъ остался в гишпанскомъ королевствѣ и сталъ жить (в) великою славою и честью и с прекрасною королевною Ренццивеною и не имели ни от кого никакого опасения даже до самой глубокой старости и преставились (в) вечную жизнь, а детей у нихъ в наследство не осталось.—Конецъ сей пресладкой и удивительной исторіи“.

— „Гисторія о славномъ гишпанскомъ храбромъ рыцарѣ Венеццанѣ и о прекрасной гишпанской королеви Ренццивенѣ“, —пространная редакція повѣсти (по замѣчанію Викторова), въ переводѣ съ французскаго, 4^о, на 67 листахъ, мелкаго скороп. письма 1754 г. С. Кублицкаго, солдата Преображенскаго полка, особаго любителя этой литературы. Ундольскаго, № 925.

— „Сказаніе о храбромъ надѣ ковалеры ковалерѣ и надѣ рыцари рыцарѣ Венеццанѣ Францелѣ... и о прекрасной королеви Ренццивенѣ..., которая не имѣла въ красотѣ, во всей нѣмецкой землѣ, равныя себѣ“, — мелкаго скороп. 1729 г., 4^о, 24 листа; редакція отличная отъ предыдущаго № 925, Ундольскаго № 926.

— „Гисторія о храбромъ гишпанскомъ рыцарѣ Венццанѣ, а въ Малтійскихъ островахъ, по свидѣтельству Малтійскихъ ковалеровъ, за храбрую ево поступку, нарекли ему второе ковалерское имя Францель, и о прекрасной гишпанской королеви Пресіанѣ, выписано изъ древнихъ гранографовъ“ и пр., — въ сборникѣ XVIII в. Забѣлина, № 69. Очень старая редакція (см. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 286—287).

— Еще списокъ указанъ въ „Росписи книгамъ и рукописямъ Россійской академіи“. Спб. 1840, стр. 158.

Лубочныя изображенія см. у Ровинскаго, IV, 165—166.

Печатныя изданія: „Исторія о храбромъ рыцарѣ Францелѣ Венеццанѣ и о прекрасной королеви Ренццивенѣ“, М. 1789. 8^о, цѣна—1 р. (Соп. № 4865), — и множество послѣдующихъ изданій, подробныхъ и краткихъ, совершаемыхъ на Никольской въ Москвѣ вплоть до 1886 г. Подробное описаніе старыхъ изданій, а частію и рукописей см. у Губерти, II, № 138, стр. 348—352.

Французскій Купецъ и его дочь „Красавица“.

— „Гисторія о французскомъ купце и о дочери ево именуемой Красавицею, какъ за ея добродетель избавленъ принцъ изъ мерскаго чудовища в человѣка“. Въ сборникѣ второй половины XVIII в., 6-ки Петербургскаго Университета № LXVII, л. 19—38, или по другой помѣтѣ 24—43.

Начало: „Купецъ во Франціи очень богатой имель у себя трехъ сыновей и трехъ дочерей; при богатствѣ своемъ былъ онъ разуменъ и ничево на воспитаніе детей своихъ не жалея содержалъ у себя разныхъ учителей. Дочери ево были очень недурны, а особливо меньшая, которую с самого детства называли Красавицею; по возрасту своемъ удержала она тоже имя, и онымъ произвела в сестрахъ своихъ зависть.

Она действительно была гораздо сестрь своихъ лутче не только лицомъ, но и сердцемъ“...

Конецъ: „... Я инова наказанія вамъ не определяю какъ толко сие чтоб вы свидетелями были благополучія сестры вашей. До техъ поръ останетесь вы в такомъ состояніи покаместъ не исправите пороковъ вашихъ. Однако я очень боюсь, чтоб вы не остались статуями вѣчно. Можно исправится от гордости, от гнева, от прожорства и от лености, а злое и завистливое исправить сердце должно почитать за чудо. Въ самую ту минуту ударила волшебница прутьемъ, и все бывшия в зале принесли в королевство принцовой. Подданныя ево, увидя своего государя, обрадовались чрезвычайно. Онъ женился на Красавице, которая жила с нимъ многія лѣта и жила в совершенномъ благополучіи, ибо оно на добродетели основано было“.

Рукопись сообщена была намъ г. Шляпкинымъ, который указывалъ сходство повѣсти съ „Аленькимъ Цвѣточкомъ“ С. Т. Аксакова (здѣсь—роза). При нѣкоторыхъ вариантахъ тема дѣйствительно одна и таже. Здѣсь источникъ сказки, безъ сомнѣнія, французскій; къ нему, вѣроятно, приводятся и тѣ литературные варианты, которые были указаны самимъ Аксаковымъ.

Францъ Имензоліусъ гишпанскій.

— „Гисторія о королевиче Франце Имензоліусе гишпанскомъ и о прекрасной королевне Раксанѣ“. Въ сборникѣ XVIII в., Забѣлина, 4°, № 73 (271). Отрывокъ. На заглавномъ листѣ помѣта 148, а затѣмъ идутъ л. 163—169.

Нач. (на л. 163): „...о тайне своей і скоро вставъ пошла с нимъ по полатамъ гулять и какъ пришли они в спальню полату Раксана же zelo смотря на леую красоту Францову разгорелась отчего пришелъ огонь палимой любви“...

Конецъ: „...і поживе Францъ королевичъ с королевною своею прекрасной Раксаной 80 лѣтъ и препроводили жизнь свою без печали в великомъ богатстве и увеселеніи и неизреченной славе і после себя остави наследника, а намъ славу, и тако окончися“.

— „Гисторія о королевичѣ Францѣ Имензоліусѣ гишпанскомъ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ“,—въ сборникѣ XVIII в. Забѣлина, № 73. (Неполная; см. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 286).

— „Гисторія, а въ ней пишеть о Францѣ, кралевичѣ гишпанскомъ, и о Роксанѣ, кралевнѣ великобританской“,—въ рукописи Черткова (Всеобщ. Библиот. Россіи, I, 526).

— „Исторія гишпанской земли короля Фридрига о сынѣ ево королевичѣ Францѣ и великобританской и аглинской и другихъ земель короля Гардіана перваго дочерѣ прекрасной любительницѣ Францу ка-

ралевиѣ Раксанѣ“. Сборникъ романовъ, скоронисью XVIII вѣка, на 70 листахъ, л. 57—70. Публ. Б-ки F.XV. № 26.

Начало: „Бысть въ гишпанской землѣ король именемъ Фридригъ, и имѣя у себя жену, французского короля дочь, именемъ Персилъ, и живяше съ нею въ великой любви и союзѣ, имѣяше у себя злата и сребра довольно и всякихъ драгоценныхъ вещей, и препровождаше жизнь свою въ забавахъ и въ веселіяхъ, токмо у нихъ не было ни единого дѣтища“ и пр.

— „Исторія о храбромъ і славномъ гишпанскомъ кралевице Франциске Именозелуствѣ (sic) и о прекрасной кралевне великобританской и аглинской Раксоне и о дивномъ действіи ихъ“. Свороп. XVIII в., 40. 30 л. См. Петрова, Описание рукописей Церк. - археологич. музея при Киевской духовной академіи, № 444.

— „Гисторія zelo полезна о королевиче гишпанскомъ Франциске Имензелеуствѣ (sic), і о королевне великобританской Раксоне и аглинской“. Рукопись, безъ конца, на 40 стран., тѣмъ же почеркомъ, какъ исторія безъ заглавія 1738 года; въ собраніи В. П. Мордвинова.

Начало: „В Гишпанні бысть король Фридригъ имель у себя жену, дочь еранцузскаго короля, іменемъ Персилію і жилъ с нею в великой союзе“...

Конецъ: „...а вопрошати его не смель, король же Фридригъ отвещалъ ему: славыи посоль, господиѣ еелтмаршелъ, скоро“...

Цылодонъ и Цыццлія.

— „Исторія о королевиче Цылодоне италианскомъ и о баронской дочери Цыццліи гишпанской, послѣди бысть и королевою италианскою“. Въ большомъ сборникѣ повѣстей Забѣлина, XVIII в., № 67. (267), л. 1—23.

Начало: „Арнекъ, король италианскій, по смерти любезной королевы Маргариты имѣлъ оставшего сына своего именемъ Цылодона, которой осталса после матери своей в малолетствіи і потомъ чрезъ малое время его величество соизволилъ взять в супружество себѣ своего подданства умершаго графа жену Зензилю, у которой прежняяго мужа еѣ имѣлася дочь именемъ Милитина, бывшая тогда семи летъ“...

Конецъ: „...Цылодонъ съ любѣзною своею Цыццліею в старости летъ живиъ свою окончали и оставили по себѣ наследниковъ короле италианской и войска оставили сто тысячь, двести седмидисеть пять полковъ. И тако симъ окончаннемъ сиа гисторія от злополучна во благополучие дойде і восъприя честь і славу конца. Конецъ“.

См. въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 285.

Честной человекъ и плутъ.

— Честной человекъ и плутъ,—рукоп. XVIII в., 4°, на 123 пере-
мѣченныхъ листахъ, но заглавнаго листа недостаетъ; изъ моего собра-
нія. Рукопись представляетъ отличія отъ печатнаго изданія 1762 г.
и, вѣроятно, ему предшествуетъ.

— Тоже,—списокъ съ печатнаго изданія. Публ. Б-ки Q. XV. № 44.

Печатное изданіе: „Честной человекъ и плутъ. Переведено съ фран-
цузскаго языка.“ Спб. 1762, въ 2 томахъ; 8 нум., 187 и 144 стр.
На оборотѣ заглавнаго листа: „Подъ именемъ честнаго человека озна-
чается *добродѣтель*, а подѣ именемъ плута *пороки*.“

Другое изданіе, 1788.

Изъ посвященія 1-го изданія (Роману Ларионовичу Воронцову) вид-
но, что книга печаталась съ готовой чужой рукописи:

„Я весьма старался (говорить неизвѣстный издатель) въ переводѣ,
чтобъ собственнаго моего труда, какую либо книжку посвятить 'имени
Вашего Сіятельства; но стараніе то, хотя оной трудъ мой и продол-
жается, должность, въ которой я находился, въ совершенной конецъ
привести не дозволила. А чтобъ при отъѣздѣ моемъ могъ я болѣе изъ-
ясниться, сколь я милостями Вашего Сіятельства одоляюсь, и что
впредь единственно только отъ Васъ, Сіятельнѣйшій графъ, мое бла-
гополучіе зависитъ; то хотя и *не моею переводу*, но между прочими на-
ходящуюся у меня книжку, въ разсужденіи нравоучительнаго ея содер-
жанія, за полезное почелъ, напечатавъ оную предложить свѣту, чтобъ
въ перепискахъ не могла оная переводчикова, *кто въ ономъ переводѣ*
упражнялся, потерять слогу, или утратясь и со всѣмъ, вторичнаго
не навела бъ труда въ переводѣ, которое время любитель того мо-
жетъ употребить на другое. А что она доказываетъ честность побѣду
одержавшую, то какъ защитнику добродѣтели, въ покровительство
Вашему Сіятельству оную и подвергаю“, и проч.

— „Чистосердечный—справедливая повѣсть въ XX главахъ (пе-
реводъ съ французскаго).

„Скороп. начала XVIII в., въ л., на 38 л.“ См. „Рукописи Вах-
рамѣва“, А Титова, № 188 (стр. 120). Судя по названію и числу
главъ, это—L' Ingénu“ Вольтера (1767); слѣд., не начала XVIII вѣка.

Шведская графиня.

— Шведская графиня, или жизнь госпожи де Ге, т. 2-й,—на 91 л.,
скороп. XVIII в. Публ. Б-ки Q. XV. № 56.

По указанію каталога Б-ки, на заглавномъ листѣ помѣчено мѣсто
и время—вѣроятно напечатанія подлинника: „Въ Берлинѣ, у вдовы
Шуцъ, 1754 года“.

Подлинникъ: *Leben der Schwedischen Gräfin von G***. Von Ch. F. Gellert. 2 Th. Leipzig, 1746, 8°, или: *La Comtesse suédoise*. Berlin, 1754. 2 tomes en 1 vol., 12°.

Эвксимумъ.

— „О изгнанномъ римлянинѣ Эвѣксимумѣ, стацкой романъ съ образца французскаго Телемака, переведенъ съ нѣмецкаго на руской въ 1723 году, списанъ въ Москвѣ въ 1745 году“,—въ 2 частяхъ, въ руж. Черткова (Всеобщ. Библ. Россіи, I, 527).

Энеида.

— П. Виргилія Марона, Энеиды книга первая. Перев. Камеръ-Коллегіи переводчикъ Вас. Санковскій. Рукопись Моск. Публ. и Руж. Музея № 2957, скороп. второй половины XVIII стол., f°. Ср. печатное изданіе, М. 1769, противъ котораго въ рукописи недостаетъ предисловія.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г. М. 1886, стр. 31.

Первыя печатныя изданія:

— Эпей, героическая поэма, перев. съ латинскаго стихами В. Петровъ (три первыя пѣсни). Спб. 1770; 2-е изд., въ 12 пѣсняхъ. Спб. 1781.

— Тоже, перев. Василья Санковскаго (три первыя пѣсни). Спб. 1776. Сопик. № 2505—2507.

Эпаминондъ и Целеріана.

— „Исторіи о Епоменонде и Целерианне, которая содержитъ въ себѣ 16 книгъ и раздѣлена на два тома. Переведена с французскаго языка на руской 1741 года. В. Санктъ-Петербурге“. Общ. Др. Писм., собранія кн. Вяземскаго F. № LII. Скороп. первой половины XVIII в., на 161 л.

Нач.: „О боги, доколе терпите немилосердой еарьтуне, доколе бѣднаго мучить попускаете, на что говорю ведая, сколь неисповедими судьбы боговъ суть (напис.: судъ), сколь непостижимъ естества ключъ есть“ и пр.

На оборотѣ 1-го листа:

„Услышалъ Епоменондъ, капитанъ греческаго елота, сынъ Гамиліона, каменданта въ Крете, которые слова его ухамъ принесены были, где онъ надеялся сыскать тово челоуѣка, забывъ весь страхъ, что почти окруженъ свирепыми былъ зверми“ и пр.

— „Гисторія о Епаменондѣ и Целирианинѣ, которая содержитъ въ себѣ 16 книгъ и разделена на два тома (т. е. тома). Переведена со французскаго языка на руской 1741 году въ Санктъ Петербургѣ“. Въ концѣ приписка: „Писана 1743 году сентября 15 дня в Кіевѣ“. Дур-

ная скоропись разныхъ почерковъ, f^o, на 100 листахъ. Рукопись Моск. Публ. и Румянц. Музея № 2963.

См. Отчетъ⁴ Музея за 1883--85 г., М. 1886, стр. 32.

— „Исторія о Епаминондѣ и Целеріаннѣ, которая содержитъ въ себѣ 16 книгъ и раздѣлена на два тома. Переведена съ франц. языка на російскій 1741 г. въ С.-Петербургѣ“. Текстъ перевода тотъ же, что въ предыдущемъ спискѣ Музея № 2963, но настоящій списокъ исправленъ. Въ сборникѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея, XVIII в., f^o, № 2966.

См. „Отчетъ“ Музея за 1883—85 г., М. 1886, стр. 32. По замѣчанію „Отчета“, „переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стихотворный“: это—именно тамъ, гдѣ приходилось переводить стихотворныя „аріи“ подлинника.

„Эпаминондъ и Целеріана“—„рукописная книга, переводъ одного французскаго и прямо можно сказать любовнаго романа“, который читалъ Болотовъ въ Петербургѣ въ 1752 г., получивъ его отъ знакомаго офицера. „Жизнь и приключенія Андрея Болотова“. Спб. 1870, I, стр. 181—182.

Өиргисъ.

— „Сказаніе о царевиче Рахменскомъ Өиргисѣ“,—въ сборникѣ Погодин. Дрвлекр. № 2004, л. 1—6.

Начало: „Бысть негде рахменское царство і в томъ царстве царевичъ царствова Өиргисъ юн сы возрастомъ і възыскати себѣ похоте в супружество подобно своему царскому величеству“...

Собственно говоря, „сказанія“ здѣсь никакого нѣтъ, а все состоитъ изъ нравоученій о суетѣ мірской, объ ожиданіи смерти и т. п.

О т р ы в к и.

— Орывокъ повѣсти изъ восточной жизни,—въ сборникѣ XVIII—XIX в. Публ. Б-ки F.XV. № 38, л. 2—23 (кажется, черновая перевода).

— Повѣсть безъ заглавія,—въ рук. XVIII в. Погод. Дрвлекр. № 1794.

— „Исторія безъ заглавія“ — въ сборникѣ XVIII в., Б-ки Моск. Общ. Ист. и Древн., по описанію Строева, отд. I, № 324 л. 220—239, есть не что иное какъ „Бова Королевичъ“.

Начало: „Бысть в нѣкоен стране царство, а в томъ царстве градъ славны и великіи, нарицаемы Антонъ, в которомъ граде бысть славныи и великіи король Видонъ. Не имѣлъ у себя жены и детей, токмо имѣлъ юношей храбрыхъ сто человекъ, с которыми выезжалъ оной король на поле веселится, а самъ у нихъ былъ старшей. И провѣда у славнаго короля (Кирбита) дочь прекрасную Милитрису и начать на ней свататся“ и проч.

— Повѣсть безъ заглавія и безъ начала, въ рукописи 4°, на 35 стран., однимъ почеркомъ 1738 года, изъ собранія В. П. Мордвинова.

Начало: „Александръ подѣ присягою... в томъ еи утвердилъ и седелъ долго даже до самой нощи веселился простясь пошелъ обратно. Пришедъ к Ефграфу, палъ ему на ноги и принесъ благодареніе за ево такое стараніе притомъ Александръ ходилъ к Велернанъ бѣзпрестанно и веселился с нею“....

Конецъ: „....позаповалъ его еедъ маршеломъ, уведомился жъ отецъ Вирсавинъ о Евграфѣ, котораго просилъ с великою честью і определилъ его в Венеціи королемъ, гдѣ Евграфъ и остался с Вирсавнею.“

II.—Русскіе опыты и подражанія.

Александръ, російскій дворянинъ.

— „Исторія о Александре російскомъ дворянинѣ.“ Въ сборникѣ Археограф. Коммиссіи, XVIII в., Ф. № 159, л. 61—88.

Нач.: „В Росіи, в столичномъ граде Москвѣ былъ неки знатныи дворянинъ, именемъ Дмитрия, добронравнемъ, смелствомъ, храбростію і учтивствомъ zelo украшенъ і ко всякому добродѣланію весьма былъ рачителенъ і бедныя призиралъ за что ему всемогущи Богъ даровалъ сына лепообразна юношу, которому равное красоте імя дадеся Александръ. И еще Александру в маломъ возрастѣ сущу дивитися бымо достойно понеже отъ природы данной разумъ в немъ такъ изострился, что еилосоені і протчихъ наукъ достиглъ, и склонность же ево была более в забавахъ нежели во уединени бытъ. Егда Александръ умеренную силу в себе позналъ і двонадесятный возрастъ приспе, тогда возревновалъ красоту маловременной жизни света сего зрети, пришедъ ко отцу своему Дмитрію и просилъ сице: любезнейши і дражайши отче, желаніе мое нестерпимо мучить мя еже бы от васъ милости испросити і конечно безсовестная моя была бы дерзость, ежелибы не образцы многія тому свидѣтельствовались: понеже во всемъ свете до единого обычая имеютъ чадъ своихъ обучати и потомъ в чуждыи государства для обретенія вещей чести и славы отпускають“ и проч.

Получивъ согласіе и благословеніе родителя, російскій дворянинъ отправляется во Францію, сначала въ Парижъ, потомъ въ „Лилль“ (?) и т. д., и ведетъ „ковалерскую“ жизнь, т. е. заводитъ любовныи интриги (Гедвигъ-Доротей, Тирра), гдѣ объясняется въ любви „аріями“, дерется на дуэляхъ и т. п. и кончается жизнь, не успѣвъ вернуться

домой. Въ разсказѣ есть между прочимъ крайне слабые подробности. Отрывокъ изъ этой исторіи приведенъ у г. Майкова („Неизд. русская повѣсть“). Въ концѣ рукописи раскрашенное изображеніе героя.

— Повѣсть объ Александрѣ и Гедвигъ-Доротеѣ. Скорон. XVIII в., безъ начала. Публ. Б-ки Q. XV. № 66.

— Повѣсть о Александрѣ російскомъ дворянинѣ. Въ рук. половины XVIII в., Румянц. Музея. См. „Отчетъ“ за 1879—82 г., М. 1884, стр. 76.

— „Гисторія о прекрасномъ и російскомъ ковалере Александре и о пасторской дочери еранцузского государства града Лида лепообразной Елеоноре, и о прекрасной Тахре града Парижа королевскаго еелт-маршала дочери, како она препроводила жизни свои в злое нещастіе ихъ“. Рукопись 4°, на 63 лист. или 125 стран., писанная въ 1758 г. въ Пруссіи и 1762 въ Россіи, двумя почерками,—изъ собранія В. П. Мордвинова.

На стр. 126 записъ: „Писана сия исторія трудами любителей исторіи разными руками, начата писмомъ будучи в походе в Шлезви в соеденени с прусскою арміею при местечке Оренбурхе, а совершился в Россіи в городе Вязме ноября 16 дня 1762 году“.

Начало: „Бысть в столичномъ граде Москве неки знатны дворянинъ именемъ Дмитрии, добронравны(иешъ), смелствомъ и храбростию, учтивствомъ zelo украшенъ, всякой доброты преисполненъ, за что ему всемогущи Богъ даровалъ сына лепообразна юношу, которому имя дадеся Александръ“...

Конецъ: „...И от того времени Владимиръ учинился наследникомъ, Дмитрии же после смерти сына своего Александра поживе немноее время и умре, Владимиръ же тело его погребе с ладлежащею (sic) честью и потомъ ваялъ себе в жену некоего генерала аудитора дочь, име немъ Маргариту, zelo прекрасну и всякой чести достоинну, с которою живши лета доволна в любви живиъ свою благополучно препроводилъ“.

— Гисторія о російскомъ дворянинѣ Александрѣ. Въ сборникѣ XVIII вѣка, 4°, на 98 листахъ (л. 44—98). „Охранный Каталогъ“ Титова, № 2432.

Начало (по письменному сообщенію г. Титова): „Въ російскомъ государствѣ, въ преславномъ градѣ Москвѣ, былъ дворянинъ знатный, именемъ Дмитрій, добророденъ, храбростенъ и всякими добродѣтелими zelo украшенъ, за что даровалъ ему всемогущій Богъ сына юношу zelo лѣпообразна, которому равное красотѣ его имя нарѣчестъ (sic) Александръ“...

— „Сказка объ Елеопорѣ“, скорописью XVIII в., 4°, на 48 листахъ, какъ значится въ „Окрайномъ Каталогѣ“ Титова № 571. По выпискѣ, сообщенной г. Титовымъ, видно, что это—повѣсть о рос. дворянинѣ Александрѣ.

Первыхъ шести листовъ въ рукописи недостаетъ. Далѣе:

„...хотѣла себя умертвить, и ежели бы Александръ отъ рукъ ея отнять не ускоришь, то могла себя умертвить. Александръ, зря на нея, усмѣхнулся, а Гедвигъ-Доротея не умолкла, Александру слезно докучала, докопѣ желанія ея не исполнишь; тогда не служили Александру и острыя ево отговорки, но принужденнымъ былъ исполнить волю ея; и были Александръ и Гедвига-Доротея въ поляхъ до самаго вечера и разошася. Александръ, прѣйхавъ на квартиру свою, zelo крѣпко уснулъ, а Елеонора, ждавъ ево во всю ночь, и пошла смотрѣть, дома ли Александръ“...

— „Александръ и Елеонора“, четыре листка, скорописью XVIII вѣка, съ раскрашенными рисунками, въ Публичной Б—гѣ; см. „Отчетъ“ за 1862 г., стр. 49.

Это—опять повѣсть о рос. дворянинѣ Александрѣ; листы, ф, вѣрѣзаны изъ разныхъ мѣстъ иллюстрированной рукописи исторіи, и вѣрѣзаны очевидно для картинокъ.

— Сюда же принадлежить, безъ сомнѣнія, повѣсть объ Александрѣ и Елеонорѣ, скорописью половины XVIII вѣка, 4°, на 64 листахъ: Ундольскаго, № 916.

См. также въ моемъ „Очеркѣ“, стр. 281 указаніе на повѣсть о російскомъ кавалерѣ Александрѣ въ рукописи Царскаго № 453 (нынѣ гр. Уварова).

Архилабонъ, королевичъ.

— „Гисторія королевича Архилабона. Сочинена трудами Правительствующаго Сената дѣйствительнаго коллегіи юнвора Петра Орлова. В Москвѣ ч. 6 марта 1750 года“. Рукопись, принадлежащая И. А. Шляпкину, половины XVIII в., 4°, 35 перемѣч. листовъ. Въ началѣ поставлено: „№ 6-й“.

Начало: „Немецкаго государства король Фридерикъ, имея у себя королеву Марию Крустину в доволной любви, зачелъ сына и по рожденіи назвалъ Архилабономъ, а в пять летъ возраста вданъ в академию для наукъ разныхъ языковъ и инструментовъ, в которой продолжался до шеснатцати летъ.“

„I в то продолжение от 5-ти до 16-ти летъ время, королевичъ Архилабонъ, обучася довольно разнымъ языкомъ і на инструменталѣ, окончалъ свое присудствие (на полѣ: во обученіи) в той академи, а охоту болше возъ-имелъ в военному действу, для чего учиненъ в войске ево отца короля Фридерикуса генераломъ фельдмаршаломъ.“

„В то время королевству короля Фридерикуса от Малтискаго общества объявлена война с такимъ терминомъ“ и пр.

Конецъ: „....Львы, услышавъ такой господина своего приказъ, тотъ часъ Бритона и Афродиту разорвали на поля—и темъ ихъ жизнь окон-“

чалась, такожь и техъ чепырехъ человекъ, которые коралевица калони казнили смертию растреляли и уже Архилабону препатствня в своемъ благополучномъ житъе стало невидно к томужь король Ливкусъ в долголетней старости живши после сего чепыре года умре и погребенъ с великою честию и славою, а Архилабонъ коралевицъ стался настоящимъ королемъ и принялъ скипетръ и владение въ свою протекцию и живши с королевою своею Амбриатосою до самой глубокой старости в благополучи оставя по себе наследниковъ в вечны покой отыде“.

Самодѣльное сочиненіе на тему сказокъ и частію рыцарскихъ „гисторій“—съ предвѣщательнымъ сномъ, чудеснымъ конемъ, шестиглавымъ дракономъ, волшебными львами, которыхъ коралевицъ вырѣзываетъ изъ груди дракона и съ которыми побиваетъ одиень цѣлыя арміи,—съ предательствомъ сестры королевны и съ казнью, при содѣйствіи львовъ, чѣмъ и оправдывается предвѣщательный сонъ.

Василій, російскій матросъ.

— Повѣсть о російскомъ матросѣ Василии и о прекрасной флорентійской королевѣ Иракліи. Скороп. XVIII в., 4^о. Моск. Публ. и Румянц. Музея. См. „Отчетъ“ за 1870—72 г., М. 1873, стр. 66.

— Гисторія о російскомъ матросѣ Василии Коріотскомъ и о прекрасной королевѣ Иракліи Флоренской земли. Въ сборникѣ второй половины XVIII в., Забѣлина, 4^о, по нынѣшнему счету № 229.

По этому послѣднему списку, съ вариантами изъ перваго, повѣсть издана Л. Н. Майковымъ: „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени“. Спб. 1880.

О связи приключеній російскаго матроса съ приключеніями гшпанскаго шляхтича Долторна см. выше.

Любимъ, скиескій принцъ.

— „Гисторія о Скифскомъ принце Любимѣ, како за ево злые пороки превращенъ былъ в пристрашнаго зверя, а за добродетель опять награжденъ принцомъ“. Въ сборникѣ второй половины XVIII ст., б-ки Петербургскаго Университета, № LXVII, л. 4—22 или 1—18 (не считая листовъ неписанныхъ). При повѣсти картинка, изображающая „престрашнаго зверя“, напоминающаго собаку, но съ рогами и хвостомъ, какіе рисуютъ у драконовъ. Весь сборникъ (изъ повѣстей) одного весьма отчетливаго почерка.

Начало: „Некогда въ Скифіи былъ король, столь честенъ и добродетеленъ, что подданныя ево в знакъ ихъ к нему любви называли его королемъ Добрымъ. Случилось ему быть на охоте, и нечаянно одиень маленькой белой кроликъ, котораго гнали сабаки и хотели заестъ, бросился к нему на руки. Король удивился сему приключенію и любяся симъ маленькимъ звѣромъ сказалъ: когда онъ отдался под мое покров-

вительство, то я не хочу, чтоб ему зделано было злое. Онъ взял кролика с собою въ дворецъ“ и пр.

Конецъ: „... Встанте, мои любезные дети, сказала имъ волшебница, встанте, я принесу васъ в ваше жилище и возвращу Любиму корону, которой онъ былъ прежде недостойнъ. Не успела она выговорить, какъ они увидели себя в комнате у Сулимана, которой увидя своего государя, ставшего опять добродетельнымъ, искренне обрадовался, возвел его самъ на престолъ и былъ до смерти своей его вернейшимъ подданнымъ. Любимъ царствовалъ с Целнею долгое время и сказываютъ, что онъ такъ наблюдалъ свои должности, что коццо, которое онъ опять наделъ на руку, болше одного раза до крови его не укололо“.

Повидимому, русское сочиненіе. Изъ разряда волшебныхъ сказокъ. Кроликъ, бросившійся въ руки царя, оказался волшебницей Кандидой, которая хотѣла испытать доброту царя. Потомъ она становится покровительницей его сына. Принцъ былъ очень злого нрава, и волшебница для исправленія его превращаетъ его сначала въ дикаго звѣря, потомъ, когда онъ почувствовалъ свои пороки, въ красивую собачку, потомъ въ бѣлаго голубя, наконецъ возвращаетъ ему его человѣческій образъ, его возлюбленную и его царство.

Рукопись была намъ сообщена г. Шляпкинымъ.

Романъ въ стихахъ.

— Отрывокъ русскаго романа въ виршахъ—въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII вѣка; тетрадь, заключающая этотъ романъ, писана болѣе старымъ почеркомъ, вѣроятно въ первой четверти прошлаго столѣтія. Въ рукописи Тихонравова № 301, л. 72—75.

По сообщенію г. Тихонравова, этотъ любопытный рассказъ былъ расположенъ по буквамъ азбуки. Въ рукописи уцѣлѣли главы подъ буквами: „ары“, „ерь“, „ять“, „э“, „Ѹ“, „ѡ“, „кси“, „пси“, „ѡта“, „жица“. Дѣйствіе романа происходитъ въ Москвѣ. Дѣвица слюбилась съ парнемъ. Отецъ узналъ объ этомъ случайно:

„Въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
Много укорился.
Пришедъ въ домъ, отецъ мнѣ объявляетъ,
Мать мою сокрушаетъ.
Отецъ мой собакъ съ дѣпей спускаетъ,
Любезнаго отъ меня отлучаетъ“.

Отецъ находитъ письмо дочери къ „любезному“;

„Матери моей объявляетъ,
Трость принимаетъ,
Мать убиваетъ:
Мати того письма не знаетъ,

Блаторю себя заливаетъ;
Тростью отецъ мать мою ударяетъ,
Руку переломляетъ.
Я, млада, того не знаю, —
Въ гостяхъ себя увеселяю“.

Отецъ не хочетъ выдать дочь за „любезнаго“, а мать —

„Супружества между нами желала,
Благословеніе подавала“.

Дѣвица, отъ лица которой идетъ рассказъ, по принужденію отца
идетъ замужъ за „немилаго“:

„Увынкомъ милостыню подавала
И о здравіи любезно(го) упрашевала —
О любезномъ не упросила,
Сердце свое сокрушила.
Хотя по неволе отъ любезнаго отлучна,
... сердце мое отъ него не отлучно.
Не то дорого, что красное золото —
То дорого, что чистое серебро.
Любезному — сметанку,
Немилому — творогъ.
Съ любезнымъ часомъ
Лутче немилаго года.
По неволи венчалась,
Сердцемъ надрывалась.
Къ венчанью везли —
На очей моихъ слезы текли.
Въ церковь вводятъ,
Къ попову благослов(ен)ію приводятъ;
Поимъ спрашиваетъ:
„Волею ли и не услованнемъ?“
И отъ кого вопрошаетъ:
Уста мои отъ горести кровь запекаетъ:
Страха отъ отца „неволею“ сказать боюсь,
Да не в горшею беду ввалюся.
Попу отвещаю —
В волю ево себя отдаваю.
Любезной при томъ венчани стоить,
Договорныи мои письма въ рукахъ держить,
Слезамъ себя обливаетъ,
Власы на себѣ терзаетъ,
Писма моей руки друзьямъ объявляетъ —
Совета прошаетъ:

Желаешь меня от венца отлучити,
Себя совокупити.
Писма дал попо(у) вручити,
С немилым меня разлучити.
Друзья ево унимали,
Отцом меня смертное сокрушение объявляи“.

Вышедши за немилаго, героиня встрѣчаетъ своего любезнаго на гуляньѣ въ Лефортовѣ...

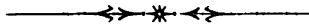
Авторъ порицаетъ родителей, которые отдаютъ дочерей за „богатыхъ, но не нравныхъ“. „Платемъ дочь себя увеселяетъ, а мыслии вѣчно погибаетъ, а отца и матеръ вѣчно проклинаетъ... отъ сего многиа впадаютъ въ блудъ и тѣмъ по истинѣ родители души свои погубляютъ“.

Фроль Скомраховъ.

— „Гисторія о росѣйсскомъ дворянинѣ Фролѣ Скомраховѣ“. Въ сборникѣ разныхъ почерковъ XVIII в., собранія Тихонравова № 301, л. 33—47. Нач.: „В новгородскомъ уезде имѣлся дворянинъ Фроль Скомраховъ. В томже новгородскомъ уезде имѣлис вотчины столника Нардина Цаплина имѣлась дочь Аннушка“. Конецъ: „И столникъ сказалъ: перестань, плуть, ходить за приказными делами збедою; имей я вотчинны в синѣбирскомъ уездѣ по пѣрениси состоятъ в трехъ стахъ дворѣхъ. Справь, плуть, за собою і живиѣ постоянно. І Фроль Скомраховъ отдалъ поклонъ і зъ женою своею и приносили предъ нимъ благодарѣнне.—Конецъ“.

Далѣе запись: „Сия тетратъ певчаго Якова Яковлева сына Яковлева“.

Передѣлка „Фрола Скобѣева“. Объ этомъ послѣднемъ см. въ томъ „Очеркѣ“ съ 282—284. Новый списокъ исторіи „о росѣйскомъ дворянинѣ Флорѣ Скобѣевѣ“, въ сборникѣ XVIII в., 4°, на 168 ли стахъ,—въ „Охранномъ Каталогѣ“ Титова, № 2461.

О письмахъ В. Г. Бѣлинскаго къ Бакунинымъ.

Какъ извѣстно, переписка играла очень важную роль въ жизни людей сороковыхъ годовъ. Когда судьба разлучала членовъ знаменитыхъ московскихъ литературно-ученыхъ кружковъ, они обмѣнивались мыслями и чувствами въ письмахъ. Эти нерѣдко чрезвычайно длинныя письма представляютъ богатый матеріалъ для характеристики какъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашего просвѣщенія и нашей общественной мысли въ сороковыхъ годахъ, такъ и тогдашняго состоянія Россіи вообще. Нерѣдко письма пересылались не по почтѣ, а съ вѣрнымъ челоуѣкомъ, съ окаязіей,—и въ подобныхъ посланіяхъ друзья высказываются, конечно, съ особенною искренностію, придающею перепискѣ незамѣнимыя достоинства.

Перепискою В. Г. Бѣлинскаго широко воспользовался А. Н. Пыпинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „*Бѣлинскій, его жизнь и переписка*“. Были въ рукахъ у г. Пыпина и письма знаменитаго критика къ М. А. Бакунину. Много весьма интересныхъ извлеченій приведено изъ нихъ въ названномъ сочиненіи. Но въ виду того, что Бакунинъ имѣлъ крупное значеніе въ жизни Бѣлинскаго, не лишены важности и тѣ небольшія добавленія, которыя мы извлечемъ изъ тѣхъ же писемъ, любезно предоставленныхъ намъ для этой цѣли П. А. Бакунинымъ.

Въ припискѣ къ письму отъ 6 апрѣля 1841 года, изъ Петербурга, къ Николаю Александровичу Бакунину, Бѣлинскій говоритъ: „*Вся жизнь моя въ письмахъ*“. И дѣйствительно, въ нихъ геніальный писатель отражается весь. Многія изъ нихъ принимали необыкновенные размѣры. Такъ письмо къ Михаилу Александровичу Бакунину, отъ 12 октября 1838 года, съ эпитафюмъ: „*Еще одно послѣднее сказаніе,—и лѣтопись окончена моя*“,—составляетъ цѣлую тетрадь — пятнадцать листовъ почтовой бумаги и еще ма-

ленькій влючокъ. Я изложу, въ хронологическомъ порядкѣ, содержаніе этой переписки, приводя преимущественно тѣ извлеченія, которыхъ нѣтъ у г. Пыпина.

Бѣлинскій познакомился съ М. А. Бавунинымъ черезъ Станкевича, въ 1835 году, и съ этого же года между ними началась переписка. Г. Пыпинъ говоритъ: „Бѣлинскій познакомился съ М. Б., кажется, только въ 1836 году“. Но въ собраніи писемъ, бывшихъ у насъ, одно помѣчено (изъ Москвы) 15 октября 1835 г. Бѣлинскій пишетъ въ этомъ письмѣ: „Я, *Василій Петровичъ Лангеръ* и всѣ прочіе, т. - е. *Аксаковъ, Ключниковъ, Катковъ*, — *безпрестанно спрашиваютъ другъ друга: что Мишель, что съ нимъ, отчего онъ не пишетъ, здоровъ ли онъ, не содѣлалось (ли) съ нимъ какого несчастія?*“

Слѣдующее письмо, бывшее у насъ въ рукахъ, прислано Бѣлинскимъ изъ Пятигорска и помѣчено 28 іюня 1837 года. „Смотрю на ясное небо, — пишетъ Бѣлинскій, — на фантастическія облака, на дивную и величественную природу Кавказа — и радуюсь, самъ не знаю чему. Даже у себя въ комнатѣ, чуть только лучъ солнца заиграетъ на стеклѣ окна, улыбаюсь и радостно потираю руками“. Но и въ такой природѣ и на короткое время Бѣлинскій не могъ жить безъ литературныхъ интересовъ. „Хромоногий бѣсъ Лесажа, — говоритъ онъ въ этомъ же письмѣ, — такая мерзость, что насилу заставилъ я себя дочестъ его, и то ex officio, а между тѣмъ эта книжонка пользуется европейскимъ авторитетомъ. Доберусь я до нея когда-нибудь!“ Бѣлинскій шутливо прибавляетъ: „Миша, нѣтъ ли какихъ-нибудь новостей, нѣтъ ли литературныхъ сплетней? Пожалуйста, сообщи ихъ. Душа умираетъ безъ нихъ“.

М. А. Бавунинъ прислалъ въ Пятигорскъ письмо, въ которомъ говорилъ объ общемъ „паденіи“ членовъ кружка. Бѣлинскій отвѣчаетъ (16 августа 1837 г.), что онъ согласенъ съ этимъ, но что онъ всталъ, чтобъ никогда не падать болѣе. „Тебѣ извѣстны мои понятія о людяхъ, — продолжаетъ Бѣлинскій, — ты знаешь, что я раздѣляю ихъ на два класса — на людей съ зародышемъ любви и на людей, лишенныхъ этого зародыша. Послѣдніе для меня — скоты, и я почитаю слабостію всякое снисхожденіе къ нимъ. Но когда я вижу человѣка съ зародышемъ чувства, то какъ бы глубоко ни палъ онъ, но если, въ самомъ паденіи, онъ сохранилъ инстинктъ истины и сознаніе своего паденія, — онъ братъ мой, и я не могу презирать его“ *).

*) Приведено у г. Пыпина (I, 184).

энергичнѣе: „Я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви; я скорѣе рѣшусь стрѣмглавъ броситься въ бездну порока и разврата, съ ножомъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квакеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближній не зарѣзалъ меня... Нѣтъ — лучше быть падшимъ ангеломъ, т. - е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою!“ *).

А. Н. Пыпинъ приводитъ изъ этого письма значительныя выдержки. Бѣлинскій съ восторгомъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи у Бакуниныхъ (въ Прямухинѣ, новоторжскаго уѣзда, тверской губерніи). Въ Прямухинѣ Виссаріонъ Григорьевичъ влюбился въ одну изъ сестеръ Михаила Александровича, Александру Александровну (она была впоследствии замужемъ за Вульфомъ и скончалась пять лѣтъ тому назадъ), но не встрѣтилъ взаимности. Эта несчастливая любовь многое объясняетъ въ тогдашнемъ настроеніи Бѣлинскаго.

На Кавказѣ онъ (то же письмо) „составилъ планъ хорошаго сочиненія, гдѣ въ формѣ писемъ или переписки друзей, — писалъ В. Г. Бѣлинскій, — хочу изложить все истины, какъ постигъ я ихъ, о *цѣли человеческого бытія или счастья*. Я дамъ этимъ истинамъ практическій характеръ, доступный всякому, у кого есть въ груди простое и живое чувство бытія; объ мои статьи, написанныя въ Прямухинѣ, войдутъ сюда, переделанныя въ своей формѣ, очищенные отъ многословія и противорѣчій. Здѣсь я разовью, какъ можно подробнѣе и картиннѣе, идею творчества, которая у насъ такъ мало понята; словомъ, здѣсь я надѣюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни“. Этотъ грандіозный замыселъ остался, какъ извѣстно, безъ выполненія **).

15 сентября Бѣлинскій вернулся въ Москву и пишетъ 21 сентября М. А. Бакунину, что Кавказъ ему надоѣлъ, дорога — адъ. „Начинаю, — говорилъ Виссаріонъ Григорьевичъ, — сходиться съ Катковымъ и цѣнить его — чудесный малый!“ „Меня радуетъ, — прибавляетъ онъ, — усмѣленіе моей способности любить людей“. Въ письмѣ

*) Приведено у г. Пыпина (I, 186).

**) 1 ноября 1867 года Бѣлинскій писалъ М. А. Бакунину, что началъ переписку двумя друзьями. См. Пыпинъ, I, 191.

отъ 1 ноября 1837 года о Катковѣ мы находимъ у Бѣлинскаго такой отзывъ: „Славный малой — онъ далеко пойдетъ, потому что уже теперь у него убѣжденія въ мирѣ съ жизнію. Голова свѣтлая, сердце чистое—вотъ Катковъ“. Нужно прибавить, что въ это время Бѣлинскій былъ въ такъ называемомъ примирительномъ направленіи, въ довольствѣ тогдашнею російскою дѣйствительностію *).

1 августа 1838 года Бѣлинскій написалъ письмо къ старшій Бакунину, Александру Михайловичу, съ которымъ у знаменитаго критика были нѣкоторыя столкновенія въ Прямухинѣ. Письмо написано очень тепло и съ большимъ достоинствомъ. Бѣлинскій рассказываетъ въ своихъ выходкахъ и съ любовью вспоминаетъ жизнь въ Прямухинѣ, деревенскій садъ и прогулки. Съ М. А. Бакунинымъ у Бѣлинскаго въ это время отношенія стали холодными, хотя переписка между ними еще не превращалась. „Для тебя,— писалъ Бѣлинскій (13 августа 1838 г.),—жизнь есть повѣрка знанія, для меня наоборотъ“. Для Бѣлинскаго истина „существуетъ не столько сама по себѣ, сколько по способу, какимъ она представляется: если она блеститъ радужнымъ блескомъ образа — она моя“. „Мысль жить въ мнѣ,— читаемъ мы далѣе,—подчасъ, но какъ жить?—такъ, что если сама не оставитъ меня, то ее надо оторвать съ кровью, съ нервами“. Въ письмѣ отъ 12 октября 1838 года Бѣлинскій говоритъ: „я всегда глубоко уважалъ и буду уважать тотъ народъ, о которомъ сказано: гласъ божій — гласъ народа — и который есть живая, олицетворенная субстанція, которой образованные люди суть опредѣленіе, есть резервуаръ идей, дѣйствій, осуществляемыхъ и сознаваемыхъ индивидами“.

Но вскорѣ отношенія между Бѣлинскимъ и М. Бакунинымъ совершенно порвались. 6 апрѣля 1841 года изъ Петербурга Бѣлинскій пишетъ Николаю Александровичу Бакунину, что этотъ разрывъ стоилъ ему трехлѣтней лихорадочной борьбы. Упомянутое письмо заключаетъ съ себѣ горькія жалобы на неудачную личную жизнь знаменитаго писателя. Г. Пыпинъ напечаталъ изъ этого письма большое извлеченіе (II, 128—130), и я приведу лишь нѣсколько новыхъ выдержекъ: „Томясь попрежнему,—говоритъ Бѣлинскій,—танталовскою жаждою любви, я въ то же время никакъ не умѣю понять для себя возможности любить больше года женщину, какъ бы ни была она прекрасна и какъ бы ни любила меня“. „Къ рѣд-

*) Г. Пыпинъ указываетъ, что въ это время матеріальныя обстоятельства самого Бѣлинскаго были поистинѣ ужасны.

вой женщинѣ,—замѣчаетъ критикъ,—нельзя примѣнить лермонтовскаго: „Пускай ее поплачетъ,—ей ничего не значить“. „Сколько въ жизни встрѣчается прекраснѣйшихъ женственныхъ личностей въ обладаніи у скотовъ, и спросите каждую изъ нихъ,—рѣдая не сознается въ томъ, что ее любилъ достойный человѣкъ, котораго она отвергла“. „Я одинъ въ мірѣ, мое сердце ни для кого не бьется, потому что для него не билось ни одно сердце“. „Я часто желаю смерти, и мысль о ней ужъ болѣе умиряетъ и грустно утѣшаетъ меня, чѣмъ пугаетъ и мучить“. Но память о сестрахъ Бакунина,—пишетъ Бѣлинскій,—свята для него.

9 декабря 1841 года онъ отправилъ еще письмо Н. А. Бакунину. Въ полученномъ незадолго передъ тѣмъ письмѣ этого послѣдняго были приписки Татьяны Александровны и Александры Александровны. Бѣлинскій былъ очень тронутъ теплымъ отношеніемъ къ нему. Онъ жалуется на отсутствіе въ его природѣ гибкости и говоритъ: „я рожденъ, чтобъ называть вещи ихъ настоящими именами, я *въ мірѣ боецъ*...“ Бѣлинскій возстаетъ противъ „вружва“, который рождаетъ исключительность и странности; но у всякого, прибавляетъ онъ, долженъ быть свой уголочъ, куда бы онъ могъ укрыться отъ ненастья жизни *). Почти черезъ годъ, Виссаріонъ Григорьевичъ въ письмѣ къ тому же лицу превозносить Жоржъ Зандъ. „Читали ли *Ороса*?—спрашиваетъ онъ.—Эта женщина (Жоржъ Зандъ) рѣшительно Иоанна д'Аркъ нашего времени,—звѣзда спасенія и пророчица великаго будущаго“.

Н. А. Бакунинъ извѣстилъ Бѣлинскаго о своей предстоящей женитьбѣ. Въ отвѣтномъ письмѣ Бѣлинскій поздравляетъ жениха, шутить, желаетъ счастья. „Все великое на землѣ божественно,—пишетъ онъ,—а все божественное просто“. „Боже сохрани не понять этого и ожидать отъ любви чудесъ,—сама любовь есть чудо“. „Страшитесь, какъ вѣрной гибели, *все* найти въ одномъ“. „Я могу или еще болѣе полюбить плѣнившій меня женственный образъ за его понятія, или совсѣмъ разлюбить его за нихъ“. Бѣлинскій пишетъ, что ему хочется опять пріѣхать въ Прямухино. „А сколько у меня предметовъ для разговоровъ,—воскликаетъ онъ,—живыхъ разговоровъ, которыми красна разумная бесѣда и мила человѣческая жизнь!“ Но обстоятельства складывались для Виссаріона Григорь-

*) А. Н. Пыпинъ приводитъ изъ этого письма другія извлеченія, (II, 130—131). Къ Н. А. Бакунину написано и то письмо, которое датируетъ г. Пыпинъ на 162 стр. II тома.

евича неблагопріятно. „Вѣдь и погрузить сильно не всегда удаётся, — жалуется онъ; одна апатія — всегдашняя гостья“ *).

Весьма замѣчательно письмо, отправленное Бѣлинскимъ 8 марта 1843 года къ Н. А. Бакунину. Въ немъ онъ пишетъ и се-страмъ Николая Александровича. „Во мнѣ всегда была, — говоритъ Бѣлинскій, — глубокая жажда, мучительный голодъ умственной дѣятельности, и есть способность къ ней, но не было для нея ни пищи, ни почвы, ни сферы“. Указывая на то, что любовь часто потухаетъ у высокихъ и глубокихъ натуръ, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Гдѣ, въ чемъ причина этого явленія? — въ общественности, въ которой все человѣческое является безъ всякой связи съ дѣйствительностію, которая дика, грязна, бессмысленна, но на сторонѣ которой еще долго будетъ право силы“. Виссаріонъ Григорьевичъ радуется, что изъ его отношеній къ семьѣ Бакуниныхъ исчезли *дымъ и чады*, что „осталось одно тихое, ровное, свѣтлое и кроткое пламя взаимнаго расположенія, взаимнаго уваженія“. Бѣлинскій теперь страшится любви. Ему глубоко пали на душу стихи Лермонтова: „Любить, но кого же?...“. Нѣсколько раньше, 23 февраля, онъ писалъ въ тѣмъ же дубинѣ, что о любви не мечтаетъ, что потребность сочувствія „вспыхиваетъ рѣдко, зато, право, одна минута стоитъ годовъ страданія“. „Съ горя, — прибавляетъ Бѣлинскій, — чтобы любить хоть что-нибудь, завелъ себѣ котенка и иногда развлекаю себя удовольствіемъ кротеихъ и невинныхъ душъ — играю съ нимъ“. Бѣлинскій посмѣивается надъ тѣмъ, что женщины, по статьямъ, считаютъ его героемъ, и сообщаетъ, что „воротился г. N** — то-то дрянь-то! Это воплощеніе раздутаго самолюбія. Ну, да чортъ съ нимъ, — онъ не стоитъ, чтобы и говорить о немъ“.

Въ послѣднемъ изъ бывшихъ у насъ писемъ, въ Татьянѣ Александровнѣ, изъ Петербурга, отъ 5 декабря 1844 года, Бѣлинскій дружески поздравляетъ Александру Александровну съ замужествомъ.

Перечитывая поближшя отъ времени письма Бѣлинскаго, написанныя то спокойно, то нервно, на цѣлыхъ тетрадахъ и на отдѣльных влочкахъ, проникаешься благоговѣнною любовью въ этому безконечно искреннему и честному человѣку. „Его личная многострадальная жизнь, — говоритъ г. Пининъ, — останется, безъ сомнѣнія, не для одного настоящаго поколѣнія высокимъ примѣромъ нравственнаго достоинства и стремленія къ жизненной истинѣ“.

Винторъ Гольцевъ.

*) А. Н. Пининъ приводит изъ этого письма другую выдержку (II, 163).

ПОСЛѢДНЯЯ ДЕПЕША.

I.

Раздавалось только прерывистое дыханіе въ полутемнотѣ покоя, гдѣ лежалъ тяжело-больной. Лампочка съ абажуромъ, скрытая въ углу, въ боке отъ кровати, завѣшенной шерстяною матеріей, еле досылала свѣтъ до лица дѣвушки, слѣдившей за дыханіемъ больного. Она стояла у нижней спинки кровати и облокотилась на нее однимъ локтемъ.

Сквозь окна безъ двойныхъ рамъ и спущенныя гардины глухо доносился гулъ людной улицы огромнаго города. Въ каминѣ тлѣлъ косякъ. По угламъ комнаты начинало холодѣть.

На ночномъ столѣикѣ—стаканчикъ, пузырьки, коробочки, стаканъ, ложечка—всѣ перепуталось и говорило о быстрой смѣнѣ средствъ за какіе-нибудь три-четыре дня.

Не раньше, какъ въ среду,—шелъ четвертый день,—отецъ этой дѣвушки вернулся вечеромъ съ публичной лекціи, на бульварахъ, былъ возбужденъ, много и оживленно разговаривалъ,—какъ всегда; у нихъ сидѣли гости, и только, къ самому концу вечера, сказалъ, что на лекціи была ужасная духота и его немного прохватило при выходѣ.

Ночью отерлся сильный жаръ. На другой день утромъ стало мучить колотье въ правомъ боку. Кашель, удушье, а потомъ и бредъ указывали на воспаленіе. Какъ разъ пріѣхалъ днемъ тотъ докторъ, большая знаменитость, что заѣзжалъ, разъ въ недѣлю, въ ней. Она только-что оправилась, передъ тѣмъ, отъ нервнаго расстройства. Докторъ былъ знаменитостью собственно по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Онъ сталъ лѣчить и отца.

Опасность сказалась съ перваго же утра. Докторъ не произнесъ еще названія болѣзни; но она уже догадывалась, что это воспаленіе легкихъ, или, по крайней мѣрѣ, одного праваго, гдѣ было самое сильное колотье.

Дома никто головы не терялъ. Двѣ ея меньшія сестры: по-старше—отъ одной съ нею матери, а другая—дѣвочка—отъ мачихи, хотѣли чередоваться съ нею и съ мачихой около больнаго; но онъ ихъ усылалъ.

Маленькая сестра, съ перваго дня, была недовольна тѣмъ, какъ знаменитый докторъ началъ лѣчить отца.

— Онъ не долженъ былъ браться! строго говорила она:—онъ знаетъ хорошо совсѣмъ другія болѣзни. Что онъ такое сдѣлалъ? Сейчас поставилъ бѣнки! Развѣ ставятъ бѣнки? Это при Мольтерѣ такъ лѣчили: пускать кровь!

И старшая сознавала, что это — правда, хотъ и двѣнадцатилѣтняя дѣвочка такъ негодовала. Но отказать доктору никому не пришло въ голову: вѣдь онъ—знаменитость и лѣчить отъ всякихъ внутреннихъ болѣзней. У нея скребло теперь на сердцѣ оттого, что такъ сдѣлалось—по ея винѣ.

Вѣдь докторъ навѣщалъ ихъ — только для нея. Не будь ея, онъ не пріѣхалъ бы съ визитомъ, и лѣченіе пошло бы иначе. О консилиумѣ она было забылась; но ей самой стало ужасно страшно. Вчера отецъ лучше себя чувствовалъ; весь день не впадалъ въ забытье, меньше кашлялъ, говорилъ со всѣми, шутилъ. Онѣ всѣ обрадовались. Сегодня, съ утра, пошло хуже да хуже. Докторъ былъ два раза: по его лицу, ужимкѣ губъ, по взгляду, точно тайкомъ брошенному сегодня вечеромъ на больнаго, она поняла всю глубину опасности.

Докторъ, уходя, произнесъ слово: „кризисъ“,—слово ничего не говорящее и страшное. Кризисъ долженъ произойти въ ночь или въ утру. А ночь уже началась. Она знаетъ, что если къ утру отцу лучше не будетъ, тогда все уже поздно. И тогда-то и пригласятъ на консилиумъ еще двухъ-трехъ знаменитостей.

Строгое, красивое, не очень уже молодое лицо дѣвушки вытянулось отъ двухъ ночей безъ сна. Носъ съ горбиной передалъ ей отецъ, и большіе голубые глаза, и широкія темнорусыя брови. Она смотритъ въ полутьму, силится, въ совершенной темнотѣ полога, разглядѣть дорогія черты. Овалъ головы выступаетъ; густые волосы съ просѣдью разметались. Голова лежитъ навзничъ, но обернулась немного влѣво, къ стѣнѣ. Воротъ мягкой рубашки поднялся и рѣзко отдѣляется отъ темноты полога. Теперь она видитъ, что глаза только полузакрыты и ротъ—также. Дыханіе идетъ ртомъ, тревожно, съ особымъ звукомъ, хватающимъ ее за душу.

Одѣяло плотно, какъ всегда во французскихъ постеляхъ, по-

ерываеъ грудь больного до подмышекъ. Одна рука—правая—выбллась наружу и, нѣтъ-нѣтъ, поднимается и дѣлаеъ жесты.

Это опять начало бреда.

„Неужели *его* не станеть завтра, послѣ завтра?“ думаетъ дочь. „Еще въ среду его разговоръ такъ искривился!... Кто бы сказалъ тогда, что ему уже подь шестьдесятъ? Да и вакой это возрастъ для людей, какъ *онъ*?“

Она думала объ этомъ почти спокойно. Мысль о смерти не вставала еще передь нею, какъ холодающее ощущеніе, а только какъ смутная возможность.

Ее мучило гораздо болѣе то, что „изъ-за неа“ „специалистъ совсѣмъ по другимъ болѣзнямъ“ началъ лѣчить и его; и ни у кого не достало духу, или ума, находчивости — отстранить его. На маленькую ея сестру прикривнули даже за ея „умничанье“, за то, что она нашла банки „допотопнымъ лѣченіемъ“.

Кризисъ назрѣвалъ. Что-то дѣлается въ этомъ правомъ легкомъ? Нѣтъ ли въ немъ и теперь уже нарыва? Тогда—конецъ.

II.

Больной сдѣлалъ движеніе. Дѣвушка нагнулась.

— Чтѣ такое, чтѣ такое?...

Онъ спросилъ испуганно и поднялъ голову—въ полузабытьи.

— Это я.

— Дешеша есть?

— Не принесли еще.

— Ну вотъ, ну вотъ!

Онъ хотѣлъ, кажется, совсѣмъ выпрямиться, но силъ у него не достало. Голова безпомощно упала на подушку; одной правой рукой попробовалъ онъ сдѣлать неопредѣленный жестъ.

И опять впалъ въ забытхе.

Вечерняя дешеша запоздала. Утромъ была уже одна. Какъ только онъ выходилъ изъ забытха, первый его вопросъ: „дешеша есть?“

Тамъ, на Женевскомъ озерѣ, лежитъ больной его другъ. Но у того старая, запущенная болѣзнь, приковавшая его къ постели „надолго“, почти съ завистью подумала дѣвушка.

Но ей не стало обидно ни за себя, ни за остальныхъ домашнихъ, что отецъ и въ тяжелой болѣзни думаетъ только о своемъ „Николѣ“. Онъ всѣхъ ихъ любитъ, — мысленно она выговорила

„любилъ“,—и брата, и ее: сколько тяжелыхъ заботъ положилъ на ее воспитаніе, болѣзни; чему не училъ, куда не возилъ? И меньшихъ сестеръ — также, особенно самую меньшую, отъ второй жены.

Но „Никола“—это нѣчто особенное! А вѣдь онъ просто пріятель, чужой по крови. *Такой* дружбы она никогда не видывала, да и не читала нигдѣ въ книжкахъ. Между ними встала женщина. Другіе бы подставили другъ другу грудь на дуэли, а тут одинъ уступилъ другому права мужа. Иначе и не могло быть при такомъ чувствѣ...

Дѣвушка, отъ усталости, опустилась на низкій табуретъ, позади кровати; но голова ея была возбуждена.

Необычайная дружба ея отца съ его „духовнымъ“ братомъ повела ее теперь къ думѣ о той странѣ, откуда ее вывели годовалымъ ребенкомъ. Это—ея *родина*; а увидитъ ли она ее когда-нибудь? При жизни отца—вонечно, нѣтъ!... Она и не хочетъ этого. Пускай она *никогда* не вернется на родину, только бы жилъ онъ...

Но эта родина — живая, передъ нею, въ его лицѣ. Отецъ ея пріѣхалъ оттуда совсѣмъ готовымъ человекомъ, большимъ талантомъ, блестящимъ, несравненнымъ писателемъ, и привезъ съ собою то, чѣмъ его сдѣлала родина, и тотъ городъ, гдѣ онъ родился, гдѣ учился, гдѣ съ отроческихъ лѣтъ полюбилъ своего „Никола“.

Всѣ его рассказы о томъ времени именно теперь приходили ей на память и всего ярче выяснялись, въ головѣ, годы студенчества и первой любви, женитьбы, пріятельскаго кружка—передъ давно и страстно желанной поѣздкой въ Европу...

Быть-можетъ, никогда не попадетъ она туда, въ старую русскую столицу,—ее что-то увѣряетъ въ этомъ,—а она отсюда видитъ всѣ мѣста—въ городѣ и въ окрестностяхъ его—особенно за городомъ. Она видитъ деревенскій домъ на пригорѣхъ, въ сторонѣ отъ поссе,—позднѣ тамъ же прошла и желѣзная дорога,—съ садомъ, надъ обрывомъ, съ живописными холмами и лощинами вокругъ. Пріятельская пирушка, на воздухѣ, затанулась. Справляютъ день рожденья... или провожали кого-то: все равно, — случаевъ бывало много. Какіе споры, сколько идей и блеска, пыла, веселости, надеждъ!... Вино пили щедро. Одинъ изъ пріятелей, докторъ, ходитъ и подливаетъ всѣмъ, хохочетъ раскатытымъ смѣхомъ, страшнымъ для непривычнаго слуха, на всѣхъ кричитъ, всѣмъ командуетъ и всѣ его слушаются, и всѣмъ весело отъ выходовъ чудака...

Имъ становилось нестерпимо въ тогдашней жизни; они задн-

хались, страдали душой; а время, все-таки, было чудное. Безза-
вѣтная, лучезарная дружба ея отца съ его „Николей“ и тогда
поднималась надо всѣмъ, что двое постороннихъ мужчинъ могутъ
испытывать другъ къ другу...

Почему же такъ?

Должно-быть, ихъ „поколѣнiе“ не такъ чувствовало, какъ те-
перешнiя? Гдѣ у ней самой, въ ея дѣвичьей жизни, что-нибудь
похожее? А она уже пожила на свѣтѣ, ей идетъ двадцать шестой
годъ; еще два-три года, и она—„старая дѣва“. Оттого-то имъ—
этимъ людямъ „сороковыхъ годовъ“—такъ особенно и жилось.
Нужды нѣтъ, что многiе заплатились за свои идеи и упованiя...
Сколькихъ разбросало по свѣту: тѣхъ сослали, эти ведутъ ски-
тальческую жизнь на чужой сторонѣ; нiкто не сдѣлалъ карьеры.

Зато всѣ почти, кто остался вѣренъ себѣ—сойдутъ въ моги-
лу съ именемъ...

„Но что—има, когда живой человекъ перестанетъ дышать?..“

Она вся вздрогнула: побоялась, что ея душа перейдетъ въ сонъ...

„Что—слава, когда вотъ тутъ, на этой постелѣ, будетъ лежать
холодѣющее тѣло?..“

И это можетъ быть. Неужели—завтра?

Она быстро закрыла лицо ладонями и почти зажала себѣ ротъ,
чтобы не разрыдаться.

Но на душѣ, у нея сквозь ѣдкую боль, смѣшанную съ ужасомъ
смерти отца, просвѣчивало что-то, вызванное теплою думой о чуд-
ной дружбѣ людей „того“ поколѣнiя. Все переживетъ такое чув-
ство: и страсть къ любимой женщинѣ, и славу, и даже кровную
связь съ дѣтьми... Она не ревновала къ другу за ежедневныя де-
пешки отца. Съ какою радостью сѣла бы она около кровати и стала
бы писать текстъ телеграммы, подъ его диктовку, какъ дѣлала се-
годня, уже два раза, и вчера также, еслибъ это не было ему
такъ вредно; а удержать его нельзя: онъ не можетъ отказаться
отъ такого высшаго наслажденiя...

III.

Дверь тихонько отворилась. Въ спальню проскользнула дѣвоч-
ка лѣтъ двѣнадцати, рослая, бѣлокурая, съ крупнымъ ротомъ, въ
темной шерстяной блузѣ, перетянутой широкимъ кожаными ку-
шакомъ.

Она беззвучно подбѣжала къ старшей сестрѣ, сѣла къ ней на

волѣни, озиралась на больнаго и стала спрашивать ее так тихо, что та понимала ее больше по движеніямъ губъ.

— Спать?

— Въ забытьи.

— Бредить?

— Почти нѣтъ.

— О чемъ спрашивалъ?

— О депешѣ.

— Нѣтъ депеши: вчера пришла въ четверть осьмага, а сегодня нѣтъ! сказала дѣвочка и сдвинула свои тонкія брови.

Она помолчала нѣсколько секундъ и начала, уже отъ себя, рассказывать порывисто, но отчетливо, и все такимъ же еле-слышнымъ шепотомъ.

— Я умоляла маму послать депешу брату, а она не согласилась; говорить: „что его напрасно пугать?“...

— Она права, строже выговорила старшая сестра.

— Надѣется на кризисъ!...

Это слово обдало старшую холодомъ.

Дѣвочка повела губами.

— Я ему не доверяю...

— Кому?

— Да доктору! Кризисъ! Фраза! прибавила она совсѣмъ какъ большая.

Онѣ помолчали.

— Порошокъ принялъ?

— Принялъ.

— Ахъ, хоть бы пришла депеша! Это его опять оживить...

И, отвѣчая на свою мысль, она сказала медленно:

— Не всѣ *ею* такъ любятъ... изъ друзей...

— А что?

— Да вотъ... заходилъ тотъ...

Она назвала имя стариннаго пріятеля отца, жившаго также за границей, съ которымъ онъ былъ, одно время, въ ссорѣ; но не задолго до болѣзни помирился.

— Мама при мнѣ ему говорить, продолжала дѣвочка и держала свое лицо совсѣмъ плотно къ лицу сестры: — говорить ему: „послушайте, вы мнѣ разъ какъ-то сказали, что у васъ, изъ русскихъ, было только два самыхъ дорогихъ человѣка: онъ, — дѣвочка повернула немного голову въ кровати, — и тотъ еще“ ... ну, ты знаешь... критикъ?...

— Знаю.

— Мама его и просила—я весь разговоръ слышала:—„остань-тесь до завтра. Докторъ объявилъ, что завтра—кризисъ. Чтò вамъ стоить подождать до завтра? Одно изъ двухъ: или онъ встанеть, или“...

Дѣвочка поблѣднѣла, схватила руку сестры и сильно пожала ее.

— И что же?

— Мама еще ему сказала: „вѣдь вы будете упрекать себя, если вдругъ вы его никогда не увидите“...

— Не говори такъ!

— Кажется, это на всякаго бы подѣйствовало?

— Неужели... не захотѣлъ?

— Простился!

Губы дѣвочки сложились въ горькую усмѣшку.

— Вотъ такъ другъ! болѣе рѣзкимъ шепотомъ выговорила она.

— Почему знать?... Онъ не могъ,—сказала старшая сестра: она всегда боялась осуждать другихъ.

— Это ясно! рѣшила дѣвочка. — И пускай его! И не надо! Только вотъ папа, бывало, хвалить все свое,—она недолго искала слова,—свое поколѣніе!...

Ея развитость не по лѣтамъ давно приучила ее къ такимъ словамъ.

— Вотъ тебѣ и поколѣніе! и друзья!... Кто изъ насъ на это способенъ?...

Слова ея, проговоренныя шепотомъ, вызвали въ старшей опять думу о дружбѣ отца, о томъ поколѣніи, чтò дѣвочка сейчасъ такъ искренно обличала... Стало—это все было тамъ, въ гостиной, полчаса тому назадъ? Стало—и ея отецъ можетъ быть для пріятелей, для тѣхъ, кто такъ долго шелъ съ нимъ рука объ руку, настолько безразличнымъ, что не хочется даже переночевать, чтобы узнать: остался онъ живъ, или нѣтъ?!..

„И пускай его!“ повторила она слова своей сестренки мѣт-вія слова.—„И не надо!“ Пусть одна только дружба—та, про которую отецъ любилъ произносить стихи Пушкина, когда говорилъ о союзѣ“ съ близкими сердцу:—„Онъ какъ душа—нераздѣлимъ и вѣченъ!“ — пусть дружба эта грѣеть его, и освѣщаетъ, и призываетъ опять къ жизни!...

Слезы показались на ея рѣсницахъ.

— Мы его спасемъ! страстно зашептала дѣвочка и прижалась къ ней.—Только ты пошла бы спать... милая! Оставь меня. Я

насилу прогнала маму. Она на ногахъ не стояла... Но я прогнала!...

— Тсс!...

Больной повернулся, но не просыпался. Дѣвочка опустилась съ колѣнъ сестры, стала на цыпочкахъ у спинки и глядѣла въ темноту полога. Обѣ онѣ притаили дыханіе. Въ комнатѣ слышалось тиканье часовъ на каминѣ, да потрескиваніе догорающихъ углей.

Онѣ началъ бредить. Обѣ дочери прислушивались. Сначала онѣ ничего не могли разобрать. Какъ будто онѣ отъ кого-то отбивался. Онѣ произносили слабые звуки, вается, по-русски; но ни одного слова имъ не удавалось схватить.

IV.

Минуты черезъ двѣ голосъ сталъ крѣпчать; произношеніе было уже разборчивѣе.

— Ты выше! бредилъ больной.—Ты выше... да! Ахъ, Коля!—громко вздохнулъ онѣ.—Нѣтъ, не говори: императивъ...

— Что такое? спросила дѣвочка. Она не поняла слова: „императивъ“.

Старшая остановила ее движеніемъ головы.

— Никто, никто въ мірѣ не способенъ... Одинъ — ты! Прости, и все отдай, все!...

Онѣ слушали, и каждое слово, подхваченное на лету, открывало имъ смыслъ: для одной—совсѣмъ ясный, для другой—смутно понимаемый; но и она знала если не о чемъ, то о комъ бредитъ отецъ.

Вдругъ онѣ запѣлъ. Это ихъ испугало. Что-то заунывное, какъ будто со словами. Голосъ вытягивался въ длинную и жалобную ноту. И точно онѣ хотѣлъ схватить напѣвъ и никакъ не могъ сдѣлать это сразу.

Во мглѣ комнаты это пѣніе звучало и страшно, и жалко. Никогда онѣ не слышали, чтобы отецъ что-нибудь напѣвалъ, хоть и былъ такого живаго характера. Это пѣніе несло имъ съ собою предчувствіе близкаго конца...

Пѣніе оборвалось. Старшая дочь сидѣла на стулѣ съ опущенною головой. Дѣвочка положила ей на колѣни свою голову и удерживала рыданія.

— Кто здѣсь? спросилъ больной твердо, и поднялъ голову.

— Я, отвѣтила старшая дочь.

— Одна?

— Здѣсь и Лилі.

— А-а!

Дѣвочка выскочила изъ-за угла кровати и прильнула къ изголовью.

— Папа, зашептала она.

— Ну, что... вертунья?...

Онъ приласкалъ ее, поглаживъ по мягкимъ и густымъ волосамъ.

— Тебѣ лучше... скажи?

— Лучше.

Онъ отвѣтилъ это такъ твердо, что старшая,—она тоже вышла изъ-за кровати,—радостно вскинула рѣсницами.

— Тебѣ хорошо? спросила она у кровати.—Надо еще порощокъ...

— Знаю.

Онъ поморщился. Лицо его показалось имъ обѣимъ — совсѣмъ здоровымъ, съ румянцемъ, съ блескомъ въ возбужденныхъ глазахъ.

— А депеша? спросилъ онъ и совсѣмъ сѣлъ въ постелѣ.

Дѣвочка подложила ему за спину подушку.

— Депеши еще нѣтъ, папа, сказала она первая.

Ея сестра готовила лѣкарство.

— Какже это? почти жалобно выговорилъ онъ и сталъ оглядываться.—Ему хуже?

Отъ беспокойства его глаза потемнѣли.

— Дали бы знать, папа, подсказала дѣвочка.

— Я самъ спрошу его... депешей!

Опять къ нему вернулось возбужденіе. Онъ подперся правымъ локтемъ о подушку.

Старшая дочь поднесла ему лѣкарство. Онъ, безъ гримасы, выпилъ и самъ поставилъ рюмку на столикъ, улыбнулся имъ обѣимъ и сложилъ руки на груди.

Это была его любимая поза: стоялъ ли онъ, или сидѣлъ, особенно, когда что-нибудь слушалъ со вниманіемъ и сочувствіемъ. Она обрадовалась этой позѣ. И ей не стало уже страшно за то, что онъ будетъ громко говорить ей текстъ депеши и утомится.

— Не диктуй, папа! Послушайся меня! Мы сейчасъ пошлемъ, спросимъ... и съ отвѣтомъ...

Старшая молчала и только просительно взглядывала на него.

— Садись! приказалъ ей отецъ,—пиши карандашомъ!

Выговаривалъ онъ хорошо, безъ той прерывистой передышки, какъ во снѣ. Она сѣла у лампы.

— Ты готова? спросилъ онъ.

— Готова.

— „Умру я или останусь въ живыхъ, — диктовалъ онъ ей, и голосъ его вздрагивалъ отъ силы чувства, — тебѣ шлю я свой привѣтъ, вѣчный, — тотъ, что долженъ пережить меня и витать надъ тобою всегда, согрѣвать тебя, безцѣнный другъ и братъ мой...“

Ему не достало воздуха. Онъ закашлялся.

— Папа! звукомъ тихой мольбы выговорила дѣвушка и подняла голову отъ бумаги.

— Пиши!

Новый приливъ возбужденія овладѣлъ имъ.

— „Твой образъ, твоя ангельская доброта мирять меня со всѣмъ, что я видѣлъ среди людей и въ себѣ, въ первомъ: мелкаго, возмутительнаго, грязнаго и хищнаго. Мнѣ сладко мое преклоненіе передъ твоей святою личностью. Откликнись, хоть еще разъ, на мой призывъ, однимъ словечкомъ откликнись! Я жду твоей масляной вѣтви въ моемъ предсмертномъ ковчегѣ...“

Рука дѣвушки летала по страницѣ. Онъ диктовалъ по-русски: она передавала по-французски: потребность его души связалась въ этомъ предпочтеніи роднаго языка.

— Ты усталъ! Будеть! шепнула дѣвочка, все еще у его изголовья.

— „Ты одинъ... твой голосъ... и способенъ, быть можетъ, вернуть меня въ жизни. Прощай, Никола!...“

Внезапно голосъ его оборвался и голова упала на подушку. Дѣвочка испуганно вскрикнула. Старшая дочь бросилась къ кровати.

Въ груди дыханіе вызвало хрипъ. Правая рука стала тянуть къ себѣ одѣяло...

Агонія началась.

П. Боборыкинъ.

1886.
Августъ.

ЛИХОИМЕЦЪ.

Разказъ.

Наканунѣ Ильина дня въ деревнѣ Коровья Лужа произошло большое смущеніе умовъ. Причиной того смущенія было страшное дѣло: дьячокъ Петръ Теофилактовичъ, навивая возъ сѣна, упалъ съ высоты воза и напоролся на желѣзныя вилы, которыми ему подавалъ сѣно мужикъ Назаръ Нилычъ. Дьячокъ лежалъ при смерти, а деревня волновалась. Мужики и бабы бросили работу и ходили по избамъ, передавая другъ другу подробности ужаснаго случая. Всѣхъ этотъ случай поразилъ. Деревня заинтересована была вдвойнѣ: во-первыхъ, какъ трагическимъ происшествіемъ, которое само по себѣ являлось изъ ряду вонъ выходящимъ событіемъ, прошедшимъ красною полосой по сѣренькому фону будничной деревенской жизни; во-вторыхъ, жители Коровьей Лужи связаны были своими интересами съ жизнью дьячка Петра Теофилактовича. Не было человѣка не только въ Коровьей Лужѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ, верстъ на 10 вокругъ, кто бы не былъ ему долженъ. Развѣ только староста да старшина изъяты были изъ общаго правила; но и тѣ были связаны съ дьячкомъ то свойствомъ, то кумовствомъ.

И всякъ по своему выражалъ свои мысли по поводу несчастія, постигнаго семейство дьячка. Старики и старухи, отжившіе свою долгую жизнь тихо, покойно, безцвѣтно и не замутивши ни разу своей совѣсти укоризненнымъ дѣломъ, говорили:

- Вотъ онъ, Илья-то батюшка,—прогнѣвался!...
- Пришелъ конецъ терпѣнія Божьяго...
- Рука-то Господня... рука-то не промахнулась.
- Пришелъ конецъ лихоимцу, мытарю... Пососалъ крови крестьянской... Мужичьими моволями соорилъ себѣ храмину... не на жить, а на смерть... Лѣтось выстроилса, а ноньчи, гляди, въ гробъ ляжетъ...

— Не довело лихоимство до кончины христіанской...

И Назаръ Нилычъ угрюмо понигъ головой, глядя на свои желѣзные вилы, на которыхъ еще не засохла кровь смертельно раненаго дьячка.

— Вишь, грѣхъ какой, говорилъ онъ самъ съ собой. — Въ какой часъ зло на человѣка помцслишь... и не хочешь, а сбудется.

Сбылось помысленное Назаромъ.

— Ишь, ненасытная душа!... Далъ по зимѣ четыре цѣлковыхъ на кормъ скотинѣ, а теперь въ сѣновозъ наровитъ взять два воза за долгъ... И утаптываетъ же!... У-у, жадный волкъ!... чтобъ те подавиться!...

Только подумалъ Назаръ, а тутъ и случилось. Словно отъ думы назаровой вѣтромъ дьячка снесло съ высоты саженнаго воза... Вотъ онъ часъ какой подоспѣлъ на ту пору!...

Прогнѣвалъ, зная, и Назаръ Господа Бога, если онъ избралъ его орудіемъ своего гнѣва.

— Теперь вотъ каяться за него, за кровопивца придется... По-пу сказывать надо.

Назару не до работы. Руки не дѣлаютъ, сердце не покойно. Онъ бросаетъ грабли и вилы на лугу и идетъ въ деревню узнать, что съ дьячкомъ. А въ деревнѣ ужъ старшина, урядникъ, докторъ... Производится дознаніе, и его, Назара, требуютъ къ допросу: „не было ли умысла съ его стороны?... Не со зла ли поспособствовалъ?“... Со зла?... Зло-то, положимъ, и не одинъ Назаръ имѣлъ въ сердцѣ своемъ противъ дьячка, но вѣдь въ сердцѣ только! А руки грязнить богомерзкимъ дѣломъ, — нѣтъ, на это Назаръ не согласенъ. Пусть дьячокъ—обидчикъ, грабитель на законномъ основаніи; но Назаръ вѣдь самъ дается ему въ руки. Деньги бралъ онъ взаемъ добровольно, и добровольно согласился отдать въ сѣновозъ два воза сѣна. Добровольно... И тотъ, кого грабятъ на большой дорогѣ, тоже добровольно отдаетъ разбойнику кошелекъ. *Нужда*—тоже, что большая дорога, а мироѣдъ—тотъ же разбойникъ... Только дѣло все въ законѣ. Перваго — законъ осуждаетъ, втораго не касается. Первый тайкомъ дѣлаетъ свое дѣло, второй—въявь. Перваго остерегаются, во второму сами бѣгутъ. Чудно на свѣтѣ творится...

Назаръ философствуетъ и въ концѣ концовъ, въ видѣ окончательнаго вывода, самъ собой является вопросъ: „Ежели нужда заставляетъ обращаться къ дьячку-мироѣду, и онъ такъ или иначе пособляетъ выпутываться изъ нея, то, стало-быть, дьячокъ-мироѣдъ

нуженъ для заѣденныхъ нуждой мужичковъ Коровьей Лужи?... Теперь, ежели Петръ Теофилактовичъ умретъ, — изойди всю округу, не найдешь ни одного человѣка, кто бы его могъ замѣнить... Тогда, гляди, какъ бы послѣднее не было горше перваго. Гдѣ возьмешь, какъ подойдетъ время оброки платить? а староста явится съ понятами: либо плати, либо ступай въ холодную... За что ухватишься, какъ нечѣмъ будетъ поле обѣменить?... Петръ Теофилактовичъ выручалъ, одоужалъ... Хоть и чесалось потомъ въ затылкѣ отъ этого одоуженія, а все-таки во времени и оно дорого было такъ же, какъ дорога ложка къ обѣду, а яичко къ Христову дню... Вотъ и неизвѣстно, радоваться ли еще, или плавать о томъ, что Господь избавляетъ деревню Коровья Лужа отъ мироѣда...

Такъ разсуждалъ не одинъ Назаръ, точно такъ же думали и разсуждали всѣ коровьелужинскіе крестьяне. На эту тему они, собравшись у Назаровой избы, долго толковали, словно на сходѣ. А какъ свели итоги своихъ долговъ дьячку, то и вышло, что для того, чтобы заплатить за себя, что слѣдуетъ, то, не разоряя хозяйства въ конецъ, никакъ того сдѣлать невозможно, такъ какъ долгъ приходится „сверхкомплектно“ и существующихъ источниковъ дохода на пополненіе его никоимъ образомъ не хватить. Если же долгъ дьячку не заплатить теперь, сейчасъ, пока дьячекъ живъ и изъ „теплыхъ рукъ“ еще можно получить обратно данные ему въ обезпеченіе долга полушубки, хомуты, самовары, то пожалуй со смертью Петра Теофилактовича всѣ эти цѣнности мужицкаго хозяйства пропасть могутъ. Вѣдь дьячокъ ни книгъ, ни записей никакихъ не велъ и держалъ счетъ въ памяти своей, по истинѣ изумительной. Не было случая, чтобы память когда-нибудь измѣнила дьячку, чтобы онъ, по забывчивости, перепуталъ вещи, запаматовалъ числа, присчиталъ хоть одинъ грошъ, сверхъ условленнаго процента. Онъ могъ назначать какіе угодно проценты, заключать самыя тяжелые договоры, мужички покорялись всему, — на то вѣдь и уговоръ, чтобы его исполнять; а разъ сдѣлка состоялась, дьячокъ не пятился назадъ и стоялъ въ своемъ словѣ твердо. Въ этой акуратности, памятливости и твердости заключалась тайна власти дьячка надъ деревней. Деревня въ свою очередь, поставленная въ необходимость имѣть дѣло съ дьячкомъ, вынуждена была быть акуратной, памятливой и твердой въ словѣ. Не исполнившій однажды договора навсегда лишался права рассчитывать на помощь дьячка. Это былъ своего рода союзъ, основой котораго служило владчество съ одной стороны и нищета съ дру-

гой. Это было миллионное повтореніе старой исторіи о кабалѣ. Да, старой исторіи—новѣйшей послѣреформенной формаціи. Тему о кулачествѣ перевертывали на всевозможное лады и если перестали о ней говорить, то не потому, что повончили съ ней, исчерпали всю до дна и исчерпавши, замѣнили старые мѣха новыми и въ новые мѣха влили новое вино. Нѣтъ, ничего подобнаго не случилось. Старое осталось по-старому, новаго ничего; а тема брошена потому, что набила всѣмъ оскомину. Вопіявшіе замолкли, а стремящіеся сдѣлать что-либо ради искорененія зла, беспомощно опустили руки. Такъ дѣла и идутъ своимъ намѣченнымъ порядкомъ: единичныя личности благоденствуютъ, строи свое благополучіе на нищетѣ и невѣжествѣ массы. Личности эти, невѣжественныя сами, властвуютъ надъ болѣе невѣжественными, благодаря только присутствію въ ихъ карманѣ лишней копейки, пущенной въ оборотъ. Все это старо, и все это повторяется каждый день, и изо дня въ день усложняется новыми пополненіями, новыми появленіями типовъ, до одури намозолившихъ глаза всѣмъ: и стоящимъ на стражѣ общественныхъ интересовъ, и „мыслящимъ“, и „глаголящимъ“. Не намозолили они, міроѣды и кулаки, повидимому, глазъ только тѣмъ, кто соприкасается съ ними непосредственно, кто обойтись безъ нихъ не можетъ, вому они, такъ или иначе нужны... Не намозолили?!.. Нѣтъ, кровавыми штрихами образъ міроѣда врѣзался въ сердце каждаго, поставленнаго въ необходимость имѣть съ нимъ дѣло...

А нельзя ли крестьянамъ Коровьей Лужи не имѣть дѣла съ міроѣдомъ дьячкомъ?... Можетъ-быть, они черезчуръ пьянствуютъ и, пропивая заработокъ, не могутъ „справить нужды?“ Положимъ, пьютъ въ Коровьей Лужѣ не меньше, чѣмъ въ прочихъ деревняхъ,— не меньше, однако и не больше. Но надо еще сказать, что самымъ забудыжнымъ пьяницамъ дьячокъ кредита не открываетъ. И вино-то онъ отпускаетъ только до тѣхъ поръ, пока у пьяницы есть чѣмъ уплатить. Разъ фактъ установленъ, что мужикъ изъ „хозяина“ превратился въ пролетарія,— Петръ Теофилактовичъ закрываетъ передъ его носомъ дверь и никакія просьбы не заставляютъ его отереть ее передъ опустившимся въ конецъ пьянчугой. Зато имущаго хозяина выручаетъ всегда. Правда, возьметъ съ него въ свое время вдвое, но во-время выручить. А много значить выручить во-время. Короче, Петръ Теофилактовичъ, какъ ни думайте о немъ, олицетворяетъ собой для коровьелужинцевъ *кредитъ*,— тотъ желанный кредитъ, о которомъ говорили и говорятъ лучшіе

люди нашего времени, какъ о необходимѣйшей вещи для мужаика и для осуществленія котораго, въ несчастію, до сихъ поръ сдѣлано такъ мало. Какъ создается среда подѣ влияніемъ обстоятельствъ, такъ и являются люди дающіе, такъ или иначе, выходъ изъ этихъ обстоятельствъ, запирающихъ человѣка въ треугольникъ.

Петръ Теофилактовичъ не наливалъ нужду на своихъ односельчанъ. Она сама пришла къ нимъ съ 2¹/₂-десятиннымъ надѣломъ, съ частыми передѣлами, съ неурожаемъ, пожарами и другими казнями крестьянскаго хозяйства. Развѣ онъ отодвинулъ деревню на 30 верстъ отъ ближайшаго города? Развѣ онъ виноватъ, что мужику сбыть некуда своихъ продуктовъ? Вонъ прошлымъ лѣтомъ уродилъ Господь хлѣба, собрали по 15 четвертей съ десятины, пускали рожь по 30 коп. за пудъ, и то нието не бралъ. А огурцы, картофель за мѣру по одной до пяти копѣекъ, не дороже, и то не было кому покупать. Плавали и валили огурцы цѣлыми возами въ рѣчку. Все это факты, не выдумка. Ъдой обезпечены были крестьяне, а вромѣ ѣды развѣ нѣтъ еще потребностей? Одежка нужна, иному свадьбу справить, крестины, похороны,—повинности внести, павшую скотину замѣнить новой. Гдѣ же взять денегъ, если хозяйство доходу не даетъ? Одно спасеніе — заемъ.

И это спасеніе обрѣла деревня въ лицѣ Петра Теофилактовича. Хозяева, придавленные, съ петлей на шеѣ въ видѣ тяжелаго, неоплатнаго долга, все-таки получили возможность извернуться, не пойти по-міру. А не пойти по-міру—развѣ уже само-по-себѣ не великое дѣло?...

Итакъ, какъ видно изъ сказаннаго, деревнѣ Коровья Луза было отъ чего волноваться въ минуту, когда гнѣвъ Божій разразился надъ дьячкомъ-лихоимцемъ и когда всѣ ожидали его кончины. Великій вопросъ: чтѣ будетъ послѣ того, какъ не станетъ Петра Теофилактовича? всталъ во всей своей неприкрытой наготѣ,—всталъ грозный, неумолимый, требующій немедленнаго отвѣта... И отвѣта не находилось. Кругомъ стояла мертвая тишина, подернутая мракомъ безпросвѣтнымъ... И деревня, съ ноющею болью въ сердцѣ, съ горькой думой въ головѣ, замерла въ ожиданіи...

Зналъ ли дьячокъ о тревожномъ состояніи умовъ своихъ должниковъ?... Да, онъ зналъ,—зналъ, и тоже мучился. Чьи мученія были сильнѣе, то будетъ взвѣшено когда-нибудь Судьей Праведнымъ...

Лежалъ Петръ Теофилактовичъ еле живой, и тихій стонъ минутами вырывался изъ смертельно раненой груди. Онъ ждалъ священника. А отецъ Спиридоній, какъ на грѣхъ, уѣхалъ съ требой.

— Господи, неужто умру нераскаянный? въ сотый разъ повторять больной.

Страшно стоять предъ лицомъ смерти! Приходятъ на память не только важныя проступки, но и такія прегрѣшенія, о которыхъ и не помнилось уже. Неумолимый, страшный скелеть, съ косою за плечами, стоитъ у изголовья и указываетъ пальцемъ въ пространство. Каждый разъ, какъ скелеть поднимаетъ руку, передъ глазами умирающаго встаетъ картина. Онъ видитъ себя съ минуты перваго сознательнаго момента своего бытія. Встаютъ тѣни... Отецъ—пьяница пономарь, мать—несчастное, забытое существо, съ вѣчными синяками, съ опухшими отъ слезъ глазами. Дѣтей—цѣлая вуча. И вся эта мелюзга прячется при появленіи отца. Даже самый младшій, двухъ-лѣтній Ваня—и тотъ забивается подъ печку, гдѣ сидятъ куры, лишь слышитъ неровные шаги отца, возвращающагося изъ кабака. Брань, гамъ, удары, плачь, визги—все сливается въ одинъ отвратительный гвалтъ... Петрушѣ 12 лѣтъ; онъ понимаетъ уже, что такая жизнь въ сущности не жизнь, а адское терзаніе, и онъ давно уже рѣшилъ, во что бы то ни стало, жить иначе. Онъ достаточно силенъ, чтобы теперь же противустоять насилію ослабѣвшаго отъ вина отца. Онъ уже можетъ отстранить поднятую руку и увернуться отъ возмездія за дерзость.

— У-у, непокорный песъ!.. трясаясь отъ злобы, рычитъ пономарь.—Чтобы тебѣ сгинуть, какъ псу смердящему!

Вонъ оно, отцовское проклятіе, и сейчасъ слышится. Тысячами эхо повторяется оно въ ухахъ... Неправда, что слова—звукъ пустой. Нѣтъ, слова вопіютъ въ небо... Они—отзвучіе дѣяній. За дѣяніями наступаетъ конецъ, какъ вѣнецъ всему, цвѣтистый или терновый...

Образы надвигаются, смѣняются, сдѣпляются какъ звеньями цѣпи... Цѣпь растетъ, растетъ до безконечности...

Отецъ умеръ; братья и сестренки умерли, одинъ за другимъ, кто отъ скарлатины, кто отъ худосочія. Петруша остался одинъ у матери.

— Утѣшь хоть ты меня, сыночекъ, говоритъ забитая, задавленная жизнью женщина, глядя сына по головѣ.

Сынъ глубже наклонялъ шершавую голову, уклоняясь отъ ласки матери, и думалъ свою думу. Надоѣла ему бѣдность! Только деньги избавятъ отъ нея. Надо добыть деньги, непременно, во что бы то ни стало. Отецъ совсѣмъ опустилъ хозяйство. Давно уже у нихъ нѣтъ ни лошади, ни коровы. Одежа съ плечъ свалилась. По-

мѣщеніе, занимаемое имъ и матерью послѣ смерти отца, понадобилось для новаго псаломщика, замѣнившаго собой и дьякона, и дьячка, и пономаря. Приходится по чужимъ угламъ скитаться. Какъ тутъ быть? Надо скорѣе добывать деньги, чтобы жить безбѣдно,—жить такъ, какъ, напримѣръ, живетъ лавочникъ Савелій Павловичъ, онъ же церковный староста. Савелій Павловичъ не пахнетъ, не жнетъ, ни самъ, ни жена,—для этого у нихъ есть работники,—онъ дѣлаетъ торговля дѣла. У него лавка и кабакъ. Торговля его на ноги поставила, дала ему почетъ и значеніе. Черезъ торговлю Савелія Павловича знаютъ въ городѣ и считаютъ первымъ по деревнѣ. Ясно, что торговлей можно выйти въ люди. Таковы были первыя впечатлѣнія, налегшія на взбудораженный умъ мальчика. Впечатлѣнія эти были настолько сильны, что дали тонъ и направленіе всей его жизни. Жить для наживы—стало его девизомъ. Онъ попробовалъ свои силы въ духовномъ училищѣ, куда его приняли по смерти отца. Онъ купилъ булокъ на подаренный матерью на прощанье гривенникъ и по ломтику продалъ ихъ товарищамъ во время классной перемѣны. Онъ вернулъ свой гривенникъ и получилъ прибыли 4 копейки. Удача ободрила его, и онъ шелъ дальше по разъ намѣченному пути: копилъ, давалъ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы вернуть данное съ процентами, покупалъ, чтобы продать съ барышомъ. Онъ бы могъ продать душу, еслибы купецъ нашелся: завѣтнаго у него ничего не было. Онъ былъ поставщикомъ для учениковъ всего запрещеннаго и товарищи прозвали его „маркитантомъ“.

За всѣ эти продѣлки въ одинъ прекрасный день досталось Петру отъ начальства. А такъ какъ онъ числился въ графѣ „великовозрастныхъ и убоавшихся бездны премудрости“, то его „обратили вспять“. Потомъ изъ жалости къ его матери дали ему мѣсто дьячка въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ центра епархіи приходо́въ.

Очутившись въ глуши, Петръ Теофилактовичъ почувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ и, наконецъ, стяжалъ славу *млоимца*.

Мать дождала до его „славы“ и умерла въ теплѣ и довольствѣ. Да, въ послѣдніе годы своей страдальческой жизни не зналась она съ нуждой и ѣла сытный сыновній хлѣбъ, обливаясь слезами. Какого змѣя выбормила она, несчастная, грудью своей!... Каждая копейка, добытая сыномъ ея, катилась въ его карманъ, облитая потомъ и слезами бѣдняковъ...

— Петя, брось эту дорогу, будетъ! Помни, что въ смертный

часъ каждая вопѣчка эта встанетъ передъ тобой и будетъ ронять слезы и потъ на грудь твою.... молила мать на ложѣ смерти.

Сынъ не послушался. Смертный часъ коротокъ, а жизнь такъ длинна. Развѣ долгіе годы жизни не стѣять одного короткаго часа смерти?...

И вотъ этотъ краткій мигъ смерти пришелъ.

Блѣдный, печальный образъ матери стоитъ и не исчезаетъ. Старческіе глаза глядятъ на него съ глубокою, глубокою печалью.

О, Боже, неужели и изъ этихъ глазъ не блеснетъ для него лучъ согрѣвающей любви? Страшно... холодно... темно!...

Что за звонъ?... Неужели онъ умеръ и по немъ звонять? (О, какъ неистово бьютъ маленькіе колокола!... Часто-часто ударяютъ... Ухо выдержать не можетъ этого звона... Прочь!... Что такое капаетъ къ нему на грудь?... Словно растопленный свинецъ по валѣ падаетъ въ рану... О, какъ больно!... Перестаньте, ради самого Бога!...

Онъ въ ужасѣ поводитъ глазами, отмахивается... Къ нему въ руки попадаетъ что-то круглое, жгучее и влажное... О, это тѣ вопѣчки, о которыхъ мать говорила, умирая!... Сбылось, страшно правдиво сбылось!... Вотъ онъ краткій мигъ смерти, какъ невинно-ужасенъ! Возвратите ему силы и здоровье, и онъ ради этого мига начнетъ новую жизнь!...

— Нѣтъ, нѣтъ, умри издонецъ!... кричатъ надъ нимъ сотни тысячи голосовъ... Чьи это голоса?... Знакомыя лица склоняются надъ нимъ, жгутъ его взглядами, донимаютъ упреками пуще ножа востраго. Рвется на клочья его сердце отъ укоровъ совѣсти... Вотъ эти знакомые люди тащатъ его съ кровати, волокутъ въ свои избы.

— Гляди, какъ мы живемъ! кричатъ они, указывая на почернѣлыя стѣны душныхъ клѣтушекъ.

— Гляди, въ чемъ мы одѣты!... что мы ѣдимъ!... Они трясуть передъ нимъ свои изорванные кафтаны, показываютъ черствыя корки и гнилой картофель.

— Это все, чего мы добились кровавымъ трудомъ. А ты еще и нашъ нищенскій кусокъ рвалъ пополамъ и тащилъ въ свою ненасытную утробу, и наровилъ остальную половину вырвать у насъ изъ глотки для дѣтей своихъ... Скажутъ ли они, дѣти твои, тебѣ за то спасибо?...

Вотъ и они, дѣти Петра Теофилактовича. Здѣсь они, вблизи, около кровати его два его сына, оба взрослые. Сидятъ тутъ, стерегутъ его. Скоро ли отецъ умретъ? Скоро ли они сдѣлаются полно-

властными хозяевами въ этомъ новомъ, красивомъ домѣ? Обоихъ занимаетъ мысль, какъ бы получить львиную долю, какъ обездо-лить брата? И два брата, два Каина, сидятъ другъ противъ друга, поглядывая изъ-подлобья...

Яблочко отъ яблони недалеко катится. Сыновья лихоимца на-слѣдовали отъ отца жадность къ земнымъ благамъ, но не наслѣ-довали его страсти къ пріобрѣтенію. Они любятъ готовое, добытое чужими руками, и ждутъ момента, чтобы расхитить все въ угоду своимъ разнузданнымъ страстямъ... Вотъ и жена, она тоже по за-кону должна получить свою часть изъ имущества мужа. Но она и не думаетъ объ этомъ. Она во всю жизнь не думала ни о чемъ, эта маленькая, худенькая, точно вѣчно испуганная и побитая жен-щина. Какъ насѣдка, выведшая цыплятъ, перестаетъ заботиться объ оперившихся птенцахъ, такъ и дьячиха не считала себя от-вѣтственной за дѣянія вырощенныхъ сыновей. Могла ли быть за что-нибудь отвѣтственной эта невѣжественная, отупѣвшая, одичав-шая подъ гнетомъ деспота-мужа женщина?... Она и теперь, въ роковую для ея судьбы минуту, суетливо мечется по горницѣ, сма-хиваетъ слезы и справляетъ домашнее дѣло. Нельзя же домашнему дѣлу оставаться недоузданнымъ изъ-за того, что въ домѣ случилось большое несчастье!...

А отца Спиридонія все нѣтъ, какъ нѣтъ... Тоска, тоска смер-ти гнететъ духъ умирающаго... Передъ нимъ носится образъ ста-ренькаго священника. Запиваетъ онъ, слабъ,—иной разъ запьетъ и обѣдню не служить. Грубилъ ему дьячокъ трезвому, не почи-талъ санъ священнослужителя... За то пьяненькому боялся на гла-за показаться. Обличалъ онъ его пьяный... Не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ. Сколько разъ на паперти, въ виду цѣлой толпы прихожанъ, обличалъ.

-- Мытарь ты, любостязатель! Возьму верви и изгоню ты, яко Христось изгоняше мытарей и мѣнялъ изъ храма іерусалимскаго!... Прочь, Каинъ, Іуда Христордавецъ, съ глазъ моихъ! Чтобъ не смѣлъ ты въ храмъ Божій ступать!...

И дьячокъ „убирался съ глазъ долой“, чтобы не раздражать попа.

Если теперь отецъ Спиридоній вернется съ прихода пьянень-кій, онъ прочтетъ ему строгій приговоръ.

— Уготовалъ еси себѣ царство сатанино, и обрѣтеша его, мытаре алчный! На несчастія друга твоего устраяше благоденствіе свое. Забылъ, не помнилъ всю жизнь великой заповѣди: „Возлюби

ближняго твоего, яко себя самого. Не желай, елика суть ближняго твоего“. А ты ежечасно желалъ, и стяжалъ суть ближняго твоего. Чтò, много надо тебѣ теперь изъ сути ближняго твоего? Много помогла тебѣ въ послѣдній смертный часъ людская кривда? Высканъ ли за дѣла твои людскимъ почтениемъ? Нѣтъ! Избѣгъ ли еси гнѣва Господня? Трижды нѣтъ! Иди во власть царя ада, князя тьмы. Вверженъ будеши имъ въ огонь мученій вѣчныхъ. Не памятовалъ, что сія земля есть временная юдоль плача, убоялся страданій и труда, заботился о тлѣнномъ, мня найти въ немъ нескончаемое благо, и обрѣтеша изсякшій источникъ. Моли Господа, грѣшный, да не отринетъ отъ тебя, недостойнаго, вселюбящее око! Да даруетъ ти всепрощеніе, пока не обратиши въ ничтожную персть земли, яко взять еси отъ земли...

— Господи! Великій я грѣшникъ! Но Ты, милосердый, справедливый, Ты разсудишь, что не я же виноватъ былъ въ нуждѣ мужицкой, въ бѣдѣ, которая гнала мужика ко мнѣ, грабителю и лихоимцу! И за то, что не было въ томъ горѣ и несчастіи моеи вины, да простится мнѣ хоть малая толиба грѣховъ моихъ. Не призванъ я исправлять вины другихъ.

И слышится гласъ:

— Всякій, носящій образъ и подобіе Божіе, уже тѣмъ самымъ призывается исправлять вины другихъ. Не исполняющій сіе называетъ самъ себя неисчислимыми муками, коими истерзается духъ его въ великую, страшную минуту обновленія. И еслибы не было людей, исправляющихъ чужія вины, то лучше бы никому не родиться на свѣтъ... лучше бы землѣ лишиться плодородія и солнцу не освѣщать міра. Столь велико зло отъ себялюбія. Воспринявъ же духомъ, себялюбче, и покайся!

— Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному! коснѣющимъ языкомъ молитъ дьячокъ.

Подернутый мглою взоръ его уже не видитъ простертой надъ нимъ руки отца Спиридонія. Но слова всепрощенія бальзамомъ вливаются въ истерзанное муками совѣсти сердце и успокаиваютъ мятежный духъ его.

Все, чтò на днѣ его души спало, повидимому, непробуднымъ сномъ,—все, чтò было лучшаго въ зародышѣ,—все, въ великую минуту смерти, въ одинъ великій мигъ дозрѣло до полнаго сознательнаго развитія. Откуда берется эта сила духа, это просвѣтленіе? Почему въ послѣдній часъ разставанія съ бреннымъ тѣломъ душа обращается къ добру, а не къ злу,—тогда, какъ душа всю

жизнь дышала только зломъ? Откуда въ немощномъ человѣкѣ является столько силы воли, самоотрицанія, чтобы не стыдиться признанія въ содѣянныхъ прегрѣшеніяхъ? На что отжившему всепрощеніе?

Не голосъ ли попранной любви къ ближнему вопіеть къ вѣчности?...

Дьячокъ умеръ. На свѣжую могилу не упала ни одна слеза сожалѣнія. Плакала жена... о себѣ самой.

А что же случилось съ деревней?

Деревня стоитъ и понынѣ, и въ ней ничего не измѣнилось. Вакантное мѣсто лихоемца тотчасъ было занято другимъ... кабатчикомъ, лавочникомъ,—не все ли равно?

Деревня стонетъ и ждетъ, когда явится добрая душа, облеченная образомъ и подобіемъ Божиимъ, и станетъ исправлять многолѣтніе общіе грѣхи, положившіе начало мужицкимъ несчастіямъ и раздѣлившіе людей-братьевъ на два враждебные лагеря...

К. Розина.

АΘΑΝΑΣΙΩ.

Разсказъ.

Въ Петербургѣ, вечеромъ, по набережной Невы шелъ чело-
вѣкъ. Съ виду его можно было принять за художника или артиста.
Въ прежнія времена такъ одѣвались иногда художники и артисты.
Онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Былъ онъ родомъ изъ небо-
гатыхъ дворянъ, не служилъ и не занимался ничѣмъ. Онъ при-
ѣхалъ въ Петербургъ искать занятій. Шляпа съ огромными поля-
ми и широкій, нависнутый на плечи, плащъ были старыя и поно-
шенныя. Изъ-подъ шляпы смотрѣло утомленное и блѣдное, хотя
и молодое еще лицо.

Прохожій шелъ медленнымъ шагомъ, опираясь на палку, заку-
ривая папиросы одну за другою. Время отъ времени онъ останав-
ливался, прислонялся къ периламъ набережной и начиналъ смо-
трѣть передъ собой.

Садилось солнце. Освѣщенный шпиль крѣпости горѣлъ весь
какъ вылитый изъ куска чистаго золота. Голубая рѣка тихо плыла
подернутая маленькими частыми волнами. Время отъ времени на
водѣ вспыхивали и погасали въ то же мгновение свѣтящіяся точки
и кружки. Широкая тѣнь отъ моста расплзалась все дальше и
постепенно захватывая пространство, сливалась съ темнѣющею по-
верхностью рѣки. Облака—ярко-огненные въ мѣстѣ заката—отра-
зились въ водѣ и перерѣзали воду розовой, колеблющейся полосой.

Прохожій стоялъ, не шевелясь. Въ поискахъ за занятіями и
мѣстомъ, ему приходилось проводить лѣто въ городѣ. Онъ не могъ
привыкнуть къ тяжелому лишенію—къ необходимости видѣть ули-
цы, тротуары, выѣски и дома вмѣсто лѣтнихъ цвѣтовъ и полей
своей деревеньки. Обычная картина лѣтней жизни громаднаго го-
рода казалась ему печальной и отвратительной. Многоэтажныя
лѣса облѣпляли дома и загораживали тротуары. Запахъ масляной

краски мѣшался съ известковою пылью. Вѣтеръ вздымалъ тучи пыли въ сѣрыхъ, раскаленныхъ улицахъ. Прохожій осторожно ступалъ, брезгливо выбирая мѣста на тротуарѣ, сплошь покрытомъ скорлупой подсолнховъ, арбузными сѣмечками и мокрыми пятнами раздавленныхъ подъ ногами, красныхъ ягодъ. Онъ старался пополнить лишеніе, какъ могъ, и, покончивъ ежедневную бѣготню по справкамъ, по указаніямъ и газетнымъ объявленіямъ, предпринималъ прогулки. Красивые виды, картины природы производили умиротворяющее дѣйствіе на него, какъ музыка, какъ ласка. Они на минуту заслоняли собою то, что было ненавистнаго для него въ его новой, непривычной жизни; они располагали его къ откровенности и въ душѣ будили воспоминанія. А такъ какъ дѣлать откровенности ему было не съ кѣмъ, то онъ поневолѣ позволялъ себѣ отдаваться воспоминаніямъ—этому какъ бы особому роду откровенности съ самимъ собой.

Воспоминанія его для чужаго любопытнаго человѣка представляли бы собою мало интереснаго. Очень вѣроятно, что такія же или близко похожія воспоминанія могли быть и у другихъ изъ сверстниковъ его, лѣтъ съ лишнимъ двадцать тому назадъ вступившихъ въ жизнь, такъ-называемыхъ у насъ теперь—людей шестидесятыхъ годовъ. Воспоминанія своей душевной жизни и жизни среди людей приходили на умъ беспорядочно, свачками и обрывками. Оригинальное сочетаніе облаковъ приводило на память, Богъ знаетъ почему, знакомый видъ, или случай, или лицо, съ которыми, повидимому, не могло быть виѣшняго соответствія. Потомъ—стоило позволить себѣ начать—и мысль цѣплялась одна за другую и все шло нескончаемою вереницей.

А между тѣмъ, казалось, ему рано было еще жить воспоминаніями. Но это только казалось. Все дѣло было въ робости. Жить дѣйствительностью онъ уже болѣе не смѣлъ. Въ сорокъ лѣтъ онъ затихъ, сѣѣжился и забился въ конуру, въ маленькой комнатѣ, въ петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ средней руки. Въ нихъ онъ поселился и проживалъ неизмѣнно со времени возвращенія изъ деревни. Родовое имѣніе свое ему пришлось продать за долги. Вырученныхъ денегъ едва хватило, чтобы заплатить ихъ. Какимъ образомъ дошелъ онъ до этого положенія, онъ никогда даже впоследствии и въ спокойныя минуты не могъ дать себѣ вполне яснаго отчета. Онъ не игралъ въ карты и не сорилъ деньгами. Напротивъ, какъ ему казалось, выбивался изъ силъ прямо въ улучшеніи своего имѣнія, хозяйства, земли. Правда, ему случалось не-

рѣдко оставлять хозяйственныя заботы и соображенія на второмъ планѣ, задаваясь болѣе широкою и симпатичною ему задачей прежде—изученія, а потомъ и улучшенія быта крестьянъ въ своей деревнѣ, а также и окрестныхъ мужиковъ. Затѣмъ организовалось земское дѣло; явились новые проекты, новые планы.

Главное было въ томъ, что тогда... совсѣмъ особенное время было тогда. И въ Петербургѣ это чувствовалось всѣми живѣе и сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Начало этого времени были лучшіе годы его жизни, и теперь, когда онъ мысленно обращался назадъ, ему казалось всякій разъ, что то было лучшее время не только личной его, но и всей русской жизни вообще. „То было утро нашихъ дней“, утро жизни обновленной.

Время это въ литературѣ и жизни имѣетъ много множество своихъ особенныхъ, ему собственно присвоенныхъ опредѣленій, характеристикъ, какъ бы вличекъ: время возрожденія и обновленія Русской земли, время сведенія старыхъ счетовъ, искупленія вѣковой неправды,—время не широкихъ задачъ, а живаго *дѣла*—въ противоположность прежнему *слову* сороковыхъ годовъ.

Тогда рѣшено было, что останавливаться на словахъ больше нельзя. Никто и не останавливался. Работа нужна была, трудъ. Необходимо было спѣшить, хватать тотчасъ же въ мѣсту служенія непосредственно на почвѣ, на самой землѣ. Служить нужно было народу,—тому народу, которымъ, невзирая на гнетъ „вѣковой неправды“, держалась эта земля... Тревожное время! Удивительное время! Незабвенное время! Вездѣ, въ душѣ и въ окружающей природѣ, казался горизонтъ безъ конца. Кое-гдѣ виднѣлись, правда, темныя точки, отдѣльныя пятна, омрачавшія горизонтъ; слышались враждебные голоса... Но на борьбу съ ними и заготовленъ былъ запасъ свѣжихъ силъ; не будь ихъ, не было бы и надобности въ этомъ служеніи, самоотреченіи, принесеніи себя всего, безъ остатка, въ жертву служенія.

Время шло. Проходили года. И тѣмъ временемъ „утро жизни“—по естественнымъ законамъ живущаго—разсвѣтало, переходило полдень и потянулось длиннымъ, буднимъ днемъ. И вопреки ожиданіямъ день выдался сѣрый, туманный. Темныя, маленькія пятна, чуть виднѣвшіяся на горизонтѣ, расползлись въ черныя, большія тучи и заволокли небо. Въ первый разъ слышались въ ту пору зловѣщія, бьющіе тревогу, торжествующіе и мстительные звуки. Необходимо было дать имъ отпоръ, встать противъ—бодро, дружно, отважно. Но запасъ личныхъ силъ показывалъ убыль. По-

полнять силы изъ окружающаго становилось трудно: вездѣ раздавались робко тѣ же ноты разочарованія, унынія, въ лучшемъ случаѣ—недоумѣнія. Какъ все это мало-по-малу, накопляясь по каплѣ, разросталось, расплзалось, завладѣвало позиціей и какъ, наконецъ, рушилось надъ головой, герой нашъ это твердо помнилъ, хотя малодушно надѣялся отклонить до послѣдней минуты. Послѣдній реальный фактъ была продажа имѣнія. Она страннымъ образомъ ускорила развязку. Все обернулось противъ него, не исключая и благодѣтельствованныхъ людей. Лучшіе стали выражать сочувствіе въ формѣ сожалѣнія; оно было оскорбительно. Недовонченныя улучшения, заброшенные проекты кололи глаза... Оставалось одно: бѣжать, возвратиться къ прошлому, какъ онъ предполагалъ. Онъ бѣжалъ и нашелъ пепелище.

Десять лѣтъ отсутствія изъ Петербурга давали себя чувствовать. Дружескій кружокъ распался и разбрелся. Одни умерли; другіе умерли для него: „другъ друга они не узнали“. Неудачное романическое приключеніе довершило впечатлѣніе. Онъ подался сразу. По наружности все еще подходившій къ категоріи такъ-называемыхъ „молодыхъ“,—въ смыслѣ неженатыхъ людей,—онъ вдругъ почувствовалъ себя старымъ, не эффектно-разочарованнымъ, какъ это бывало въ прежнія времена на Байроновскій манеръ, а просто обезсиленнымъ, ни для кого ненужнымъ и жалкимъ человѣкомъ.

Эти и другія, но всѣ безъ исключенія безотрадныя и гнетущія ощущенія и мысли, Богъ знаетъ почему, съ особенною силой овладѣли имъ въ этотъ разъ, въ ясный лѣтній вечеръ, во время прогулки по набережной. Онъ подвинулся отъ перилъ и медленно пошелъ по тротуару.

Улица была почти пуста. Наступили часы временнаго городского затишья, когда все, что осталось на лѣто въ Петербургѣ, спѣшитъ вечеромъ вонъ изъ него, хотя бы только за версту, на острова, въ окрестности, во всевозможныя Ливадіи и Аркадіи, украсившія собою столицу.

Прохожій шелъ, не поднимая головы. Онъ прошелъ набережную, миновалъ спускъ къ рѣкѣ и очутился на островахъ. Рѣдкіе встрѣчные экипажи не обращали на себя его вниманія; онъ уже не останавливался, чтобы смотрѣть на закатъ солнца и рѣку, и только все сильнѣе и замѣтнѣе морщилъ подъ усами свои блѣдныя, нервныя губы, какъ бы отъ ощущенія физической боли. Наконецъ онъ не выдержалъ, ступнулъ палкой въ тротуаръ и ускорилъ шагъ, съ раздраженіемъ бормоча про себя:

— Чортъ знаетъ что такое! Этакіе вѣдь гнусные звуки! И уйти отъ нихъ нигуда нельзя!

Знакомый мотивъ, съ необыкновенною опредѣленностью доносясь по водѣ въ тихомъ воздухѣ, раздавался звонче и отчетливѣй. Это была каскадная пѣсенка, по всему вѣроятію, одной изъ современныхъ опереточныхъ знаменитостей; пѣли гдѣ-то по близости въ сосѣднемъ увеселительномъ заведеніи. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, становился явственнымъ тембръ голоса пѣвицы; можно было слышать слова... Можно было конечно свернуть въ сторону, переменить направленіе прогулки, наконецъ—всего проще—вернуться назадъ, чтобы избавиться отъ неприятнаго и не слышать пѣнія; но онъ не сдѣлалъ ничего такого. Онъ сердито и тоскливо оглянулся вокругъ, на берегъ и рѣку, замедлил шаги и вдругъ остановился опять на мѣстѣ, забывъ, чего хотѣлъ, попрежнему неподвижно глядя передъ собой.

Его глазамъ представилась весьма обыкновенная, но въ эту минуту и при той обстановкѣ, среди которой онъ находился, странно поразившая его картина.

На рѣбѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, стояла на якорѣ грузовая барка. Такія барки—неуклюжія и огромныя—сотнями приходятъ на Неву по веснѣ изъ озеръ и каналовъ съ дровами, зерномъ и другими матеріалами. Ничего особеннаго не было и въ этой баркѣ. Къ одной сторонѣ свалены были въ порядкѣ готовые къ отправленію, обшитые въ рогожу товары, тюки и кули; небольшое пространство на палубѣ оставалось свободнымъ; бучка рабочихъ мужиковъ помѣщалась на свободномъ мѣстѣ, вокругъ толстаго обрубка, служившаго столомъ. По всей видимости, рабочие ѣли что-то, хлебая изъ общей чашки на обрубѣ и, должно быть, оканчивали ужинъ. Одинъ изъ четверыхъ вончилъ раньше, медленно всталъ, выпрямился и началъ истово креститься на востокъ. Въ свѣтло-прозрачномъ, неподвижномъ воздухѣ съ необычайною отчетливостью выдѣлялась большая, темная, спокойная фигура съ плавными и какъ бы важными движеніями. Мужикъ окончилъ поклонъ, надвинулъ шапку, наклонился въ послѣдній разъ и вдругъ исчезъ изъ глазъ, сравнялся съ поверхностью судна и занялъ мѣсто подлѣ кулей.

Рядомъ съ нимъ поднялся другой и исполнилъ обрядъ, также крестясь на небо, также сгибаясь широкою спиной и медленно занося вверхъ огромную, темную, тяжелую руку. И съ тѣмъ же самымъ движеніемъ и онъ въ свою очередь пропалъ изъ виду, обра-

тившись въ чуть замѣтное въ общемъ фонѣ, чуть-чуть выпуклое на поверхности пятно. То же сдѣлали третій и четвертый. Силуэты выросли, держались въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ воздухѣ и склонялись одинъ за другимъ, ровняясь съ землей. Смогли звуки доносившихся голосовъ. Скрипнулъ блокъ; закачалась веревка; огонь засвѣтился на мачтѣ въ поднятомъ фонарѣ. Потомъ стало тихо на барѣ.

Прохожій выронилъ палку, и схватясь руками за каменные перила, неподвижно замеръ въ напряженномъ положеніи. Здѣсь, въ Петербургѣ, на набережной, въ смутномъ гулѣ и грохотѣ огромнаго города, подъ каскадный мотивъ, звенѣвшій въ воздухѣ эта картина начинала казаться ему почти видѣніемъ.

Не потому, чтобъ сама по себѣ она представляла собою что-нибудь невиданное, какую-нибудь поразительную особенность и повизну. Нѣтъ, ничуть! Онъ зналъ, видѣлъ картины эти, по—Боже мой! — когда онъ ихъ видѣлъ!.. Изъ оконъ деревенскаго дома, на рѣкѣ, тамъ... Опять, опять воспоминанія и мысли! Опять эти мысли! Впрочемъ, не въ нихъ дѣло и не въ годахъ также. Дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ въ послѣдній разъ все это тогда, когда не носилъ еще мертвой ноши въ себѣ—этого новаго, самаго послѣдняго, безповоротнаго, какъ казалось ему, органическаго сознанія безсилія своего, безсилія тѣхъ, кого онъ считалъ „своими“ противъ, противъ...

— О, да, вотъ противъ него, противъ вонъ этого мотива проклятаго!— проговорилъ онъ сжавъ сжатые зубы вслухъ, очевидно забывая все окружающее, гдѣ онъ и что происходить съ нимъ.

— Такой ужъ видно выдался день съ утра. Бываютъ такіе дни. Нервы расходились и не было силы совладать съ ними. Вся надежда оставалась на прогулку и вотъ дернулъ чортъ пойти именно въ эту сторону! Или, можетъ-быть, отъ себя не уйдешь?—раздумывалъ онъ, сдерживая всѣми мѣрами овладѣвавшее имъ беспокойство, непонятную тревогу, отъ которой дрожала папираса въ слабыхъ пальцахъ и ему долго не удавалось сладить со спичкой на вѣтру.

Какъ бы поддразнивая его, веселенькій напѣвъ игриво звенѣлъ разбиваясь въ затѣйливыхъ переходахъ и украшеніяхъ, собирался опять и звучалъ снова назойливо, сладострастно и нахально.

Вечерѣло. Солнце блеснуло въ послѣдній разъ; верхній огненный край коснулся воды и оно погасло. Заря сѣверная, блѣдная, слабо алѣя, слилась съ цвѣтомъ неба незамѣтной, нѣжною тѣнью.

Становилось поздно, идти нужно было скорѣй. Прогулка, очевидно не удалась: нечего было дѣлать и не на что было смотрѣть. Все темнѣло и меркло вокругъ. Вдали, въ сторонѣ голосовъ по всѣмъ направленіямъ, внизу, вверху, по сторонамъ зажигались золотыя нити маленькыхъ фонарей.

Ему хотѣлось уйти, но онъ стоялъ, не двигаясь отъ перилъ, вода обгорѣлою спичкой по камнямъ, съ лицомъ обращеннымъ къ рѣкѣ. Вѣтеръ развѣвалъ полы плаща и отгибалъ поля шляпы. Худое лицо съ блѣднымъ лбомъ въ сумеркахъ казалось блѣднѣе и строже. Назойливѣе и неотвязчивѣй, чѣмъ тотъ гадкій напѣвъ, печальныя и нестройныя мысли тѣснились въ умѣ.

— Ну, и что же? Ну да, какъ же? — шепталъ онъ про себя и вслухъ, по старой привычкѣ, какая бываетъ у всѣхъ почти немолодыхъ и одинокихъ людей. — Кто же виноватъ? Да, въ чемъ причина... и чья вина? — поставилъ онъ передъ собой вопросъ и не нашелъ, что отвѣтить себѣ. Губы ссривились страдальческою гримасой. — Боже мой, какъ будто должны быть непременно кто-нибудь виноватые! Зачѣмъ ихъ искать? Ну, что же, легче развѣ будетъ отъ того, если свазать, и хотя бы даже пальцами указать, что вотъ тѣ-то виноватые, и вонъ еще тѣ. — Худые, бѣлые пальцы съ зажатой, обгорѣлою спичкой быстро двигались въ воздухѣ по направленію къ баркѣ и къ фонарямъ. — Или, какъ это всегда пишется и говорится: виновато правительство, общество, литература, книги и мы, сами мы — увлекающіеся, безхарактерные, не понявшіе своего мѣста и своей роли люди. Ну да, виноватъ. Но развѣ измѣнить это сознаніе что-нибудь теперь? Сейчасъ-то, сію минуту развѣ вложить что-нибудь на мѣсто пустоты и отчаянія въ душу? Пустота, мертвая пустота теперь вмѣсто прежней, какъ ариѳметика несомнѣнной, чуть ли не въ догматъ возведенной правды. — Онъ покачалъ головой.

— Да... Народъ... Служеніе народу... Время словъ и умствованій миновало... Искупленіе всяческой неправды... Утонченныя потребности эгоистически развитой личности уступать мѣсто... Но чему же? позвольте, — чему же, однако? позвольте спросить. (Этотъ вопросъ онъ задалъ себѣ опять вслухъ.) Чему уступили они въ концѣ концовъ свое мѣсто? Да, чему? Надо принять при этомъ во вниманіе, что *уступать* — это значить, во всякомъ случаѣ, сторониться самому, давать дорогу, предоставлять другому мѣсто, которое, можетъ-быть, пожелалъ бы удержатъ за собою... ну, хотя бы во имя тѣхъ же утонченныхъ потребностей, утонченно-развитой личности. Надо заставить ихъ замолчать! Но кто же ихъ отгѣснилъ?

Вонъ они, тѣ—они, какъ были, остались тамъ на баркахъ. (Дрожащія, бѣлые пальцы мелькнули опять въ темнотѣ). Такъ кто же? Эти? Да, вотъ эти „*pas begueule, forte en gueule?*“ Кто же, если не они? Разумѣется! Какъ ясно доносится! Слышны слова. И слова-то всѣ развратныя, мерзкія. Такъ и видна изъ-за каждаго чья-нибудь размалеванная рожа. О, чортъ возьми! Никогда не замолчать. Какое же должно быть горло, чтобы продѣлывать подобное скаканіе, кувырканье звуковъ!

Новые звуки прибавились въ оркестрѣ. Слышно было взвизгиваніе женскихъ голосовъ, топотъ танцующихъ ногъ и какіе-то тонкіе, маленькіе колокольчики вступали время отъ времени въ общій хоръ особенной, рѣзкой, звенящей и задорною ноткой.

Прохожій нервически дернулъ шляпу внизъ и покачнулся было, какъ бы намѣреваясь наконецъ уйти, но продолжалъ, быстрѣй и быстрѣй жестикулируя, обращаясь въ томъ же направленіи какъ къ живому лицу, къ собесѣднику, къ баркѣ, неподвижно чернѣвшей вдаль. Она теряла опредѣленные очертанія и превращалась въ сплошное, черное, большое пятно. Августовскіе ранніе сумерки спустились надъ сонною рѣкой.

— Позвольте, это надобно разсудить, — продолжалъ онъ, не удержимо отдаваясь ходу осаждавшихъ, безпокойныхъ мыслей. — Ошибка... Но ошибка не есть преступленіе. Пѣсня спѣта, роль сыграна, пора со сцены... Сойти съ дороги, сравняться съ землей такъ, какъ вонъ они тамъ у себя на баркахъ... Погибла, жизнь погибла! Но коли силъ не хватило, значить ли, что все было ложь, обманъ, умышенное непониманіе? Нѣтъ! Правда, результатъ все равно одинъ, все тотъ же—горе побѣжденнымъ! Но проклятіе, проклятіе тому, кто торжествуетъ побѣду безъ признанія правоты, во имя эгоистическаго благополучія, пошлаго наслажденія, подлаго, подлаго.....

Оркестръ, хоръ и солисты, и крики, и колокольчики, и апплодисменты — все слилось въ общій гамъ, въ хаосъ нестройныхъ и веселыхъ звуковъ, отчетливо донесшихся съ порывомъ попутнаго, налетѣвшаго вѣтерка.

Расходившіяся нервы сорвались. Прохожій дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, перегибаясь надъ камнями, какъ бы думая броситься въ Неву.

— Нельзя! Такъ нельзя!... Вонъ, вонъ,—шепталъ онъ, блѣдный, дрожащими губами, указывая въ сторону, откуда неслись звуки. — Вонъ заливаются, кривляются... Ха-ха-ха!—хохочутъ, торжествуютъ побѣду. Тихо здѣсь молчатъ побѣжденные. Побѣдили они. О!...

Онъ охватилъ пальцами голову, зажимая уши, глаза съ брызнувшими слезами, намѣреваясь бѣжать, какъ вдругъ новый, необыкновенно странный, тихій звукъ, воснувшій слуха, поразилъ его вниманіе. Онъ встрепенулся и съ минуту прислушивался. Потомъ, въ страшномъ утомленіи, безсознательно отведя отъ лица похолодѣвшія руки, онъ вдругъ затихъ и, неловко и тяжело опустившись, присѣлъ на камень.

По ту сторону рѣки съ далекаго берега доносился крикъ. Кричалъ очевидно мужчина, вѣроятно мужикъ, простой человѣкъ. Слышались протяжно-произносившіеся, отдѣльные слоги, затѣмъ цѣлое слово.

— Аео-на-сай! Аеонасай! — раздавалось гдѣ-то, словно изъ безконечной дали и глубины.

Звукъ выросталъ и приближался. Кричалъ кто-то, видимо вызывая другаго, тѣмъ особеннымъ голосомъ и какъ бы нагѣвомъ, который напоминаетъ деревенское ауканье или — ближе еще — въ половодье крикъ проѣзжаго ямщика на берегу, вызывающаго съ того берега паромъ или лодку. Произошло нѣчто совершенно неожиданное. Прохожіи мигомъ вскочилъ на ноги. Померкшіе за минуту глаза засвѣтились вдругъ почти безумнымъ огнемъ

Голосъ приближался.

Онъ вслушивался съ боязливой жадностью, какъ бы боясь проронить малѣйшую ноту неслышной другимъ, ему одному говорящей музыки. Не садясь, онъ продолжалъ прислушиваться, весь дрожа мелкой, нервическою дрожью. Здѣсь, въ столицѣ, среди размалеванныхъ домовъ и веселыхъ садовъ, посреди бюстителей порядка и кафешантановъ, воеготовъ, офицеровъ и городскихъ, — здѣсь этотъ крикъ, не стѣсняемый, не обрываемый никѣмъ, словно бы въ деревенской глуши... Это было непостижимо.

А онъ все кричалъ.

— Аеонасай! — кричалъ, будто цѣль, приближаясь, хватая черезъ всю рѣку, здоровый, густой, какъ низкая басовая струна, чистый голосъ. Въ наступившемъ сумрачѣ нельзя было различить фигуры и даже облика кричавшаго. Все сливалось въ общей водообразной темнотѣ, и казалось, изъ самой темноты лѣтней ночи, покрывая всѣ звуки, свободный какъ воздухъ на рѣчномъ, вольномъ пространствѣ, вылеталъ беспечный, могучій, веселый крикъ.

— Аеонась-я-а!! Слышь ты! Аеонась-ай!

Набережная была пуста. Ни души не видѣлось на бѣлѣшемъ узкою полосой тротуарѣ. Никто не былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища.

Прилично одѣтый человѣкъ стоялъ, снявъ шляпу, беспорядочно переступая на одномъ мѣстѣ ногами, задыхающимся голосомъ повторяя безвязныя восклицанія и слова.

— Аеонасій! Аеонасій! — кричалъ онъ, надсаживаясь всей слабой грудью, не думая ни о чемъ, стараясь только попасть въ тонъ кричавшаго голоса, какъ будто отъ этого зависѣла вся жизнь его.

— Аеонасій! Слышали? — Онъ обернулся вдругъ торжествующій въ сторону веселаго сада. — Побѣдили? Нѣтъ, нѣтъ! Вонъ, вонъ чистый звукъ. Одинъ! довольно одного! Слышали? Залогъ, вотъ залогъ... Эта грудь. — Здѣсь — этотъ крикъ! Степь... француженки... Господи! Такъ кричать въ степи наши... тамъ. Стойте!

Онъ вдругъ остановился и прислушался. Со стороны сада звуки прекратились. Представленіе кончилось. Слышенъ былъ шумъ разъязжавшихся экипажей.

— Аеонасий! — раздавалось надъ рѣкой.

Л. Н.

16 августа
1886 г.

ЦАРЬ ІОАННЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хроника въ пяти дѣйствіяхъ.

**Моя душа есть мрачный гровъ
Умершихъ радости часовъ.**

Байронъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Предлагаемая вниманію читателя хроника явилась результатомъ общаго впечатлѣнія, вынесеннаго мною послѣ цѣлаго ряда художественныхъ произведеній, въ которыхъ Грозный являлся дѣйствующимъ лицомъ. У Лермонтова двумя-тремя штрихами очерченъ мощный, именно грозный деспотъ, карающій за то, что *онъ* почитаетъ виной, осыпающій милостями за то, что *онъ* почитаетъ за слугою. Старый, погразшій въ грѣхахъ, весь въ крови, издѣвающійся надъ величіемъ своего сана, надъ достоинствомъ окружающихъ, тиранъ, одною ногою стоящій въ могилѣ, другой—на тронѣ, кощунственный въ самомъ раскаяніи, полу-мертвецъ, полу-палачъ,—вотъ Іоаннъ у гр. А. Толстаго въ „Смерти Іоанна Грознаго“. У него же, въ „Князь Серебряномъ“, тотъ же мрачный, роковой образъ, только еще не дошедшій до полнаго разложенія. Островскій рисуетъ тѣми же красками въ общемъ, но Іоаннъ-сластолюбецъ выступаетъ у него въ „Василисѣ Мелентьевой“ на первый планъ. Костомаровъ въ „Кудеярѣ“ почти отнимаетъ у Іоанна ту нервность, тотъ постоянный патологическій аффектъ, который для названныхъ выше поэтовъ служитъ основнымъ фономъ картины. Холодная, обдуманная жестокость острымъ угломъ выступаетъ на видъ хотя бы въ той сценѣ, гдѣ Кудеяръ поднимаетъ голову отъ легкаго удара по лицу: ударила его мертвая нога его жены, повѣшенной надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, куда сѣлъ Кудеяръ, гдѣ-то въ застѣнкѣ. Рѣпинъ беретъ „Іоанна“-сыноубійцу, обезумѣвшаго отъ ужаса и раскаянія, но и ужасъ его и раскаяніе—не человѣческіе. Въ этой душѣ—смерть и отчаяніе, нѣтъ ни надежды, ни жажды исхода—одно отчаяніе безъ просвѣта. Взгляните на „Іоанна“ Антокольскаго—и вы невольно почувствуете, что въ этомъ гениальномъ изваяніи изъ каждой черты выступаетъ тотъ же безотрадный, отчаянный, больной образъ, который такъ ярко возставалъ передъ

вами изъ-подъ пера или кисти нашихъ великихъ мастеровъ. Творчество художниковъ заставило ступеваться исторію. Смутно мелькаетъ воспоминаніе, что раньше пресловутаго удаленія Сильвестра и Адашева Іоаннъ былъ кротокъ, благочестивъ, милосердъ, храбръ, предприимчивъ, разуменъ. (Больше, онъ былъ сдержанъ, что для этой вулканической природы было Геркулесовымъ подвигомъ.) Но кромѣ этого подбора эпитетовъ, приложимыхъ въ любому монарху, не изъ очень свирѣпыхъ, съ Іоанномъ IV у насъ не соединяется никакого живаго, художественнаго облика. Титаническія фигуры Грознаго, созданныя повзвией, живописью и скульптурой, бросаютъ густую тѣнь, и въ ней не разглядишь Іоанна IV, едва-едва освѣщеннаго обрывками нашихъ историческихъ воспоминаній.

Мнѣ и въ голову не приходило разсѣять эту тѣнь. Во-первыхъ потому, что эта тѣнь вѣрна исторически. Во-вторыхъ потому, что бросаетъ ее образъ, созданный крупнѣйшими художниками. Стало-быть, въ этомъ образѣ соединилось двѣ правды—историческая и художественная. Другое меня натолкнуло на изученіе личности и эпохи Грознаго: страстное желаніе узнать и объяснить себѣ, что породило эту отрицательную, необъятную силу, геніальную даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ паденія? Гдѣ корни того смертоноснаго дерева, которое такъ широко распустилось потомъ надъ многострадальною Русью? Какіе лучи его грѣли? Какая влага его орошала? Какая почва его возростила?...

На эти запросы исторія и психологія даютъ ясныя и точныя отвѣты. Если сложить эти отвѣты, въ суммѣ долженъ получиться Грозный и—никто другой.

Кипучая, гордая, героическая натура мальчика съ первыхъ шаговъ предоставлена самой себѣ, но въ предѣлахъ, указанныхъ боярскими интересами. Онъ можетъ топтать конями женщинъ и дѣтей, тѣшиться мученіемъ бессловесныхъ, слышать вокругъ грубую лесть, видѣть ежеминутное униженіе человѣческой личности передъ мощными временщиками, знать свои прирожденные права надъ жизнью и смертію этихъ же временщиковъ, и въ то же время съ ихъ же стороны — подвергаться униженіямъ, оскорбленіямъ того священнаго сана, въ божественное происхожденіе котораго онъ, съ первыхъ моментовъ сознанія и до гробовой доски, вѣрилъ, какъ въ самого Бога. Тутъ все: и наглое нарушеніе его правъ, и безсиліе ихъ возстановить до поры до времени, и затаенная жажда мести, рабство съ одной стороны, произволь—съ другой. Къ нему вламываются ночью, его самого и

брата водять въ обноскахъ, Шуйскій валяется „съ ногами“ передъ нимъ на постели его отца и твердитъ ему: „дави и бей кого хочешь, потому что ты—помазанникъ Божій“. Явное противорѣчіе, которое на боярскую же голову и обрушилось впоследствии. Онъ сравнивалъ это противорѣчіе. Его кипучая натура не знала компромиссовъ. Онъ всю жизнь на тѣхъ же боярахъ роковымъ для нихъ способомъ разъяснялъ имъ же,—разъясняя, пожалуй, и себѣ самому,—что есть или цари, или рабы, а середины—нѣтъ, человѣка—нѣтъ. Онъ ли виноватъ въ этомъ взглядѣ? Онъ ли, воззванный къ народу, послѣ своего перелома къ лучшему „на двадцатомъ году отъ роду“, какъ говоритъ Степенная Книга, съ лобнаго мѣста показавшійся въ своемъ „нерадѣннѣ“, собравшій первый земскій соборъ,—онъ ли авторъ этого взгляда?

Едва онъ вырвался на волю, какъ мальчишески, необузданно, порывисто началъ мстить за обиды. Но до чего его героическая натура жаждала добра и подвига, свидѣтельствуемъ намъ загадочное, туманное преданіе о внезапномъ его переломѣ. Этотъ переломъ произведенъ былъ чудомъ. Явился простой священникъ—ограниченный, честолюбивый, страшно мелочный и узко деспотичный, какъ потомъ оказалось, но убѣжденный и смѣлый. Іоаннъ всегда былъ и остался до смерти человѣкомъ принципа. Въ томъ и заключается гениальность, что страстная сила души ищетъ принципа и, найдя его, вырастаетъ съ нимъ вмѣстѣ до поразительныхъ размѣровъ, двигаетъ народы, пересоздаетъ вѣковыя традиціи или заливать кровью все окружающее. Сильвестръ въ отдаленіи показалъ ему возможность принципа, извѣстнаго начала, на которомъ Іоаннъ могъ построить новую жизнь. По всему складу натуры Іоанна,—натуры артистической, доступной вліянію чудеснаго, можно утвердительно сказать, что именно одно явленіе Сильвестра рѣшило все: заволокло прошлое и подчинило бурныя страсти огненнаго, жаждавшаго правды и подвига юноши—одной цѣли: „устроить“ распатанное государство. И какъ онъ отдается новому подвигу! Медлить ли онъ? Ошибается ли онъ? Окружаетъ ли онъ себя бездарными людьми? Останавливается ли передъ незнатностью рода своихъ приближенныхъ? Думаетъ ли о себѣ?—Нѣтъ: онъ—орудіе Бога, онъ—неправды разоритель, онъ—судья и защитникъ своего народа, онъ—ему пастырь и отецъ. Насколько сильна въ своихъ стремленіяхъ къ долгу натура Іоанна, насколько онъ умѣетъ забывать себя и свое личное счастье, лучше всего намъ показываетъ Казанскій походъ. Собираясь четыре года лично подъ Казань, такъ какъ

воеводы мало подвигали впередъ дѣло, онъ выступаетъ, оставляя горячо любимую жену въ то время, когда ждетъ рожденія сына. Онъ можетъ быть убитъ. Интересы его династїи, безопасность обожаемой жены, долго желаннаго сына—все удерживаетъ его въ Москвѣ. Его сынъ останется, быть-можетъ, сиротой на рукахъ тѣхъ же бояръ, которыхъ онъ зналъ хорошо по собственному своему дѣтству, что еще свѣжо въ его памяти. Но идти пора, идти нужно—и онъ идетъ.

Это—тотъ кощунъ, палачъ, извергъ, котораго мы знаемъ потому такимъ по исторїи, по художественнымъ образамъ. Какъ это могло случиться? Какіе историческіе и психическіе законы объясняютъ это страшное противорѣчіе между надеждами и ихъ осуществленіемъ? Я пытаюсь отвѣтить на эти вопросы, по мѣрѣ моихъ силъ и моего разумѣнія, въ настоящей хроникѣ. Разъяснять подробно въ предисловіи характеръ событій и внутренняго разлада, лежащаго въ основѣ душевной драмы царя,—драмы съ такимъ трагическимъ концомъ, какъ полное разрушеніе вѣры, идеала,—добра и человѣчности въ душѣ, способной даже на самоотреченіе,—значило бы заранѣе готовить читателя къ воспринятію извѣстныхъ выводовъ и впечатлѣній. А непосредственно вынесенное изъ чтенія то или другое впечатлѣніе есть лучшая оцѣнка достоинствъ и недостатковъ даннаго произведенія.

Скажу только, что я поставилъ себѣ неуклонною задачей—не быть пристрастнымъ. Да это и не было мнѣ трудно. Въ страшной драмѣ, разыгравшейся триста лѣтъ назадъ, главными двигателями были два импульса: недоразумѣніе и вѣковья недомолвки. Народъ хотѣлъ защиты и правды, боярство—правъ, царь—власти. Всѣ эти три элемента имѣли въ прошломъ основанія своихъ требованій. Удѣльные князья, уступивъ волей-неволей объединительной силѣ, переродились въ олигархическій элементъ, желавшій расширенія своихъ правъ въ ущербъ царской власти и народному благу. Царь искалъ опоры въ народѣ. Народъ, ощущавшій прежде всего тяжелую боярскую руку, видѣлъ въ царѣ Богомъ даннаго защитника отъ своихъ непосредственныхъ угнетателей. И всѣ вѣрили въ справедливость своихъ стремленій. Поэтому, всѣ были равно правы и равно виноваты. Всѣ, не щадя головъ и совѣстей своихъ, бились за свое, но никто не зналъ хорошенько, можно или нельзя примирить эти разнообразныя требованія между собою... Выходило страшное недоразумѣніе.

Хроника охватываетъ періодъ времени отъ 1542 по 1560 годъ.

Поэтому читатель простить мнѣ скачки и анахронизмы. Обѣ картины пятого акта являются какъ бы эпилогомъ хроники. Но я не назвалъ пятого дѣйствія эпилогомъ потому, что, мнѣ кажется, настоящій эпилогъ—все царствованіе Іоанна послѣ смерти Анастасіи Романовны. Опричина—вотъ эпилогъ молодости Грознаго. Онъ остается одинъ. Въ этомъ одиночествѣ, въ которомъ онъ болѣзненно, но безповоротно убѣдился послѣ смерти первой жены,—развязка моей хроники; въ этомъ же, по-моему, причина всей второй половины его царствованія, какъ это одиночество—результатъ того, что онъ пережилъ въ первую его половину. Второе дѣйствіе страдаетъ однообразіемъ и неподвижностью. Не оправдывая себя, укажу только, что въ эту эпоху Іоаннъ такъ цѣлень, такъ весь отданъ извѣстному дѣлу, что ни колебаній, ни борьбы, ни внутреннихъ коллизій, создающихъ драматическое движеніе, въ немъ нѣтъ. Мнѣ пришлось только рисовать его, такъ-сказать, портретно, въ неподвижной рамкѣ. Собственно драма начинается съ третьяго акта.

Въ заключеніе я еще разъ повторяю, что моею задачей было не „оправданіе“ Іоанна, не возраженіе противъ существующихъ великихъ художественныхъ образовъ этой наиболѣе выдающейся исторической фигуры допетровскаго періода,—меня просто увлекли полная глубокой драмы жизнь Іоанна и ея условія въ его первые тридцать лѣтъ. Такія историческія тѣни въ правѣ требовать, чтобы искусство не смотрѣло на нихъ съ одной оборотной стороны, если даже эта оборотная сторона при ихъ жизни и была казовою.

Считаю своимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность Василю Осиповичу Ключевскому, почтившему меня драгоценнѣйшими замѣчаніями, на основаніи которыхъ я многое исправилъ и передѣлалъ.

Кн. А. Сумбатовъ.

Москва,
22 марта 1888 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ четвертый.

Князь Юрій, братъ его.

Князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій.

Князь Юрій Глинскій.

Царь Шигъ-Алей.

Князь Иванъ Бѣльскій, правитель во время малолѣтства Іоанна.

Князь Иванъ Шуйскій, бывшій правитель.

Федоръ Воронцовъ

Князь Воротынскій

Князь Мстиславскій

Князь Курбскій

Князь Палецкій

Князь Кубенскій

Князь Щенятевъ

Князь Курлятевъ

Князь Пронскій-Турунтай

Думные

бояре

и

воеводы.

Григорій Юрьевъ Захарыинъ, тесть государевъ, дядя царицы.

Данило Юрьевъ Захарыинъ, своякъ государевъ, братъ царицы.

Алексѣй Басмановъ.

Алексѣй Федоровичъ Адашевъ.

Сильвестръ.

Вассіанъ, отрѣшенный епископъ.

Федоръ Фюрстенбергъ, посолъ Ливонскій.

Врачъ Стендишъ.

Царица Анастасія Романовна, первая жена Іоанна.

Княгиня Евфросинья, мать князя Старицкаго.

Княгиня Анна Глинская.

1-я боярыня.

Посадскій

Калачникъ.

1.

2.

3.

4.

5.

Изъ народа.

Баба.

Пищальникъ.

Бояре, воеводы, дѣти боярскіе, пищальники новгородскіе, гонцы, войско, народъ, послы.

Гонецъ изъ Ливоніи.

ПРОЛОГЪ.

1542 г.

Ночь на 3-е января.

Покой рядомъ съ опочивальной великаго князя Ивана Васильевича. Князь Бѣльскій сидитъ въ задумчивости. Воронцовъ у дверей великокняжескихъ прислушивается, потомъ отходитъ.

Воронцовъ.

Спокойно спать. И ты бы шелъ, Иванъ:
Ужъ третьи нѣтухи пропѣтъ уснѣли,
Имученъ ты....

Бѣльскій.

Ни сонъ, ни отдыхъ, Ѳеодоръ,
На умъ нейдуть. Гдѣ мнѣ найти покой
Въ бореньяхъ вѣчныхъ съ лютымъ безнарадьемъ?
Одинъ стою на стражѣ царства я,
И я одинъ въ отвѣтъ передъ Богомъ,
Передъ царемъ и совѣстью моею.
Вѣдь гибнетъ Русь родная! Ханъ съ полудня,
Съ полночи буйный Новгородъ, Ливонцы,
Король съ Литвы! Чуть малость поослаблѣн —
Гляди, награнуть! Ты помысли, Ѳеодоръ:
Со всѣхъ сторонъ, какъ тучи грозовыя,
Тѣснятъ враги. На рубежахъ не смѣютъ
Полей вснахать. Сегодня за сохой,
А завтра за воломъ да за нищалью.
Великій князь въ младенческихъ годахъ—
Опоры нѣтъ. Бояре смуты сѣютъ,
Терзаютъ Русь, грызутся межъ собой,
Другъ другу ямы роютъ. Государя,
Чѣмъ бы добру да правдѣ научать,
Бѣсовскими потѣхами балуютъ.

Воронцовъ.

Не говори! У насъ дѣла такіа
Творятся, князь, что вѣрить-то негоже!
При хохотѣ боярскомъ, государь
Бросаетъ внизъ съ высокихъ теремовъ
И тѣшится мученьемъ безсловесныхъ;
А то, собравъ къ себѣ дѣтей боярскихъ,
Конями топчетъ женщинъ и дѣтей.
А пѣстуны проклятые его
Всѣ въ голосъ хвалятъ: храбръ де будетъ Царь.

Бѣльскій.

Да ты-то что-жъ глядишь—молчишь?

Воронцовъ.

Бояринъ!

Мнѣ, чай, своя-то шея дорога!
Свернуть, какъ разъ. И самъ то больно грозенъ,
Хотя и малъ. Не по лѣтамъ разуменъ,
Читаетъ все: творенія отцевъ,
И лѣтопись царьградскихъ государей,
Сказанія и древніе уставы.
Попробуй-ка, ему ты поперечъ! —
Глаза зажгутся, губы задрожать,
Подай Богъ ноги... Малъ, а чувствуетъ силу!
Все кесарей царьградскихъ поминаетъ,
Царя Давида.... Самъ де я такой!
Я малъ еще, а взрослому—припомню,
Какъ Шуйскій на постель отца ложился
И ноги клалъ, какъ сваредностью вашей
Мы съ братомъ ровно нищѣ одѣты....
Ты погляди, какъ онъ въ боярской думѣ
Пословъ литовскихъ гордо принимаетъ....

Бѣльскій

Богъ дастъ, Руси владыкой твердымъ будетъ....
Гдѣ Шуйскіе?

Воронцовъ

Съ Владиміра вечеръ

Пріѣхалъ Петръ. Съ нимъ триста Новгородцевъ.
Да, вотъ что князь: тебѣ бы поберечься.
Не доброе затѣяли, повѣрь.

Бѣльскій.

Я Шуйскаго въ темницу не сажалъ,
Богда самъ вывелъ. Если-жъ изволеньемъ
Господнимъ я поставленъ выше прочихъ
И государю царство берегу,
Такъ властію своею не кичуся,
Не объ одномъ себѣ и мыслю; вспомни,
Я Старицкихъ изъ тюрьмъ вывелъ, Шуйскихъ
Оставилъ при царѣ, оковы снялъ
Съ Дмитрія. Отъ крымскаго Гирея
Москву и Тулу грудью отстоялъ.
Уже-ль теперь, коль Шуйскіе замыслятъ
Мою погибель—не на кого будетъ
Мнѣ положиться? Аль добра не помнятъ?
Не вѣрю, Ѳедоръ. Первый ты не выдашь,
Щенятевъ, Старицкій—всѣ встанутъ грудью.
Да самъ великій князь—моя защита,
Митрополитъ....

Воронцовъ.

Небольшо-то боятся
Они владыки. Имъ не привыкать
На Соловки ссылать святыхъ отцевъ.
Не позабылъ, поди, про Даніила.
А Государь... (*шопотомъ*). Самъ за него боюсь.
Креста—то нѣтъ у Шуйскихъ на груди!

Бѣльскій (*вздрыгнулъ*).

Утрой стрѣльцовъ у спальни государя!
Пускай всю ночь дозоромъ по Кремлю
Съ великимъ береженьемъ ходитъ стража.
Помилуй Богъ....

Воронцовъ.

Постой.... (*прислушиваясь*).
Что тамъ за шумъ?

Бѣльскій.

Сюда идутъ....

Воронцовъ.

Щенятевъ.... съ нимъ бояре....
Иванъ Васильичъ Шуйскій....

Бѣльскій.

Быть не можетъ!

Я указалъ ему на Клязьмѣ быть...

Мы ждемъ враговъ...

Воронцовъ (*взявъ за руку Бѣльскаго*).

Князь! Врагъ твой у порога.

Бѣги домой, сѣдай скорѣй коня

И мчись, куда глаза глядятъ, проворѣй.

Бѣльскій.

Опомнись! Мнѣ бѣжать, когда мятежъ

Въ самомъ дворцѣ, въ покояхъ государя!

Останусь здѣсь... Да будетъ воля Божья,

А я отсель на пядь не отступлю...

(*Выстрѣлы*).

Воронцовъ.

Царя разбудятъ... Господи помилуй!

(*Выстрѣлы*).

Бѣльскій (*съ дверяхъ*).

Кто смѣлъ сюда придти? Что стража смотритъ?

Царь почиваетъ...

(*Вбѣгаетъ Щенятевъ, за нимъ нѣсколько бояръ и пицальниковъ*).

Щенятевъ.

Руки прочь, убійца!...

(*Вырывается*).

Иванъ... спасай царя!...

Бѣльскій (*обнаживъ мечъ*).

Ни шагу, воры!

Феодоръ, кличъ кличь!... Зови стрѣльцовъ,

Пицальниковъ сюда, дѣтей боярскихъ...

Я научу васъ, воры, темной ночью

Царя тревожить буйствомъ!...

Воронцовъ.

Эй! На помощь!

(*Входятъ: Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Кубенскій, Палецкій, Есмановъ, множество бояръ, дѣтей боярскихъ, пицальниковъ новгородскихъ. За сценой крики, выстрѣлы*).

Бѣльскій (Шуйскому).

Ты какъ же смѣлъ, ослушникъ царской воли,
Сюда вернуться, войско бросить, ночью
Въ опочивальню царскую ворваться,
Ввести холоповъ въ царскіе покои
И смертнымъ боемъ бить цареву стражу?

Шуйскій (боярмъ, вошедшимъ съ нимъ).

У насъ, бояре, выходцамъ литовскимъ,
Должно, остратеи мало! Баловали
Мы больно ихъ, да на свою же шею.
Охъ, что языкъ-то мелеть! Ты помилуй,
Большой бояринъ, царскій первый другъ!
Усердно бью челомъ: не погуби!
Я малый человекъ! Гдѣ мнѣ съ тобою!

(Хохотъ).

Чего смѣтаетъ? Грозенъ князь Иванъ?!
Гладиво-съ, какъ окрысился. Не смѣй-де
Войти къ царю. Одинъ, молю, я достоинъ
Быть при царѣ, да государствомъ волить,
Да быть въ великой чести. Вы-жъ, бояре,
На задворкахъ покажѣсть посидите!
Челомъ ему! И первый я ударю!

(Кланяется въ ноги, хохотъ).

Бѣльскій (ордо).

Ты кланяйся пониже, князь!

Шуйскій (вскочивъ).

Бояре!

Судите передъ Богомъ насъ съ Иваномъ,
И какъ приговорите, такъ и будетъ.
Ему, аль намъ быть ближе къ государю?
Ему, аль намъ о земскомъ дѣлѣ думать,
Пока царь молодъ?

Бояре.

Намъ! Вѣстимо намъ!

Бѣльскій.

Не вамъ судить о томъ, а всей землѣ,
Измученной по вашему хотѣнью!

(Ропотъ и крики).

Я здѣсь стою...

Кубенскій.

Да ты-то здѣсь съ чего же
Глухою ночью?

Палецкій.

Онъ давно съ Петрушкой
Щенятевымъ да съ Ѳедькой Воронцовымъ
Замыслилъ извести царя убійствомъ—
Всѣ на лицо...

Кубенскій.

Важте ихъ, робата!

*(Новгородцы бросаются на нихъ. Щенятевъ убиваетъ въ оточивальню
Иоанна. Бѣльскій бьется мечемъ у входа къ великому князю).*

Бѣльскій *(громко)*.

Измѣна! Ѳедоръ, увози царя!
Я до послѣдней крови буду биться!
(Воронцовъ уходитъ).

Шуйскій *(громко)*.

Все на запоръ! Всѣ выходы и входы
Съ великимъ береженьемъ сторожить!
Бей всякаго, кто сунется уйти!
На государя Бѣльскій умысль держать...

(Громко).

Бѣльскій *(сражался)*.

Будь проклять ты отъ вѣка, окаянный!

Воронцовъ *(обмываетъ)*.

Боаре, стойте! Государь проснулся!
Въ великомъ страхѣ мечется и плачетъ.

(Бѣльскаго связали).

Шуйскій *(указывая на Воронцова)*.

Вы слышите, боаре! Слава Богу,
Мы во время поспѣли.

Бѣльскій *(связанный)*.

Окаянный!

Воронцовъ *(Шуйскому)*.

Уймн людей. Вели пустить Ивана,
Великій князь простить тебѣ согласенъ,
Коль прекратишь ты буйство и разбой.

Шуйскій (*грозно*).

Молчи щенозь! Учить меня задумаль.
Вы съ Бѣльскими не мало начудили—
Довольно съ васъ сидѣть да величаться.
Кто тамъ у государя?

Кубенскій.

Петръ Щенятевъ
Съ мечемъ стоять у царскаго полога.

Басмановъ (*Новгородцамъ*).

За мной, ребята!

Шуйскій.

Вытащить его,
Связать и бить!..

Воронцовъ (*заслоня дверь*).

Постойте, государи!
Остановите челядь! Погодите!

Шуйскій.

Схватить его!
(*Воронцова влжуютъ*).

Басмановъ.

За мной, ребята! Гойда!

(*Басмановъ, нѣсколько бояръ и Новгородцевъ вламываются въ спальню великаго князя. Оттуда въ теченіе послѣдующей сцены слышенъ шумъ, крики и голосъ Иоанна*).

Бѣльскій (*Шуйскому*).

Иванъ! Я здѣсь стою передъ тобою,
Въ рукахъ твоихъ холопей, бить и связанъ,
Но честь душой предъ Господомъ моимъ.
Господь вручилъ боярству судъ и мечъ
На время малолѣтства государя.
Крестомъ животворящимъ мы влялись
Беречь его и землю. Что же ты,
Измѣнникъ, учинилъ со мной и съ царствомъ?
Я кровь свою въ сраженьяхъ не щадилъ,
Ты войско бросилъ и сюда прокрался,
Какъ тать въ ночи. Я миръ и правду съялъ,
Ты Новгородъ всѣмъ городомъ поднялъ

И на Москву, на твоего владыку,
Привелъ съ мечемъ, огнемъ и истребленьемъ.
Я Русь берегъ, отъ вороговъ сосѣднихъ,
Изъ-за тебя возсталъ на брата брата.
Иуда ты, крамольникъ и предатель!
Кто въ Бога вѣрить, въ комъ душа живая,
Кто не забылъ, что крестнымъ цѣлованьемъ
Царю служить предъ Богомъ обѣщался,—
Да отойдетъ отъ этого злодѣя,
Да вынетъ мечъ и правду отстонеть!

Шуйскій (*близко*).

Проклятый песь! Поберегись! Молчи!

Бѣльскій.

Передъ тобой измѣнникомъ и воровъ
Негоже князю Бѣльскому молчать.
Я въ сѣчахъ смертныхъ ужаса не вѣдалъ,
Такъ воръ ночной меня не устрашитъ!

Шуйскій.

Съ тобою намъ на бѣломъ свѣтѣ тѣсно!
Изъ рукъ моихъ не выйдешь ты живымъ!

Бѣльскій.

Я не прошу пощады, воръ ночной!
Не соколу предъ ворономъ склоняться,
Не Шуйскому князь-Бѣльскаго щадить,
Не Бѣльскому предъ Шуйскимъ унижаться!

(Басмановъ съ Новгородцами вытаскиваетъ обезоруженнаго Щенятева изъ спальни Иоанна.)

Басмановъ.

Уперся, дьяволъ. Лѣвою рукою
За царскую постелю ухватился,
А государь, слезами обливаясь,
Пускать не хочетъ. Еле оторвалъ.

Шуйскій.

Связать покрѣпче.

Басмановъ.

Черными ходами
Къ царю пришегъ владыко Иасафъ.

Шуйскій (радостно).

Владыко тамъ? Охъ, милостивъ Господь!
Все краснаго мнѣ звѣря посылаетъ!

(Кубенскому).

Буди поповъ! Вели обѣдню пѣть,
Митрополита звономъ надо встрѣтить!

(Хочетъ идти).

Бѣльскій (съ сильнымъ движеніемъ).

Аль на тебѣ креста, князь Шуйскій, нѣту?
Куда ведешь ты пьяную орду?
На старца Іоасафа, на царя!...

Палецкій.

Иванъ Васильичъ, стой!... Назадъ, бояре!..
Я самъ одинъ пройду къ царю.

Шуйскій.

Иди.

Да доложн надежѣ государю—
Крамольниковъ и недруговъ его
Связали всѣхъ: онъ можетъ спать спокойно.

(Палецкій уходитъ).

Голоса.

Митрополитъ прошелъ къ крыльцу...

Кубенскій (зрѣмко).

Схватить!

Палецкій (выходитъ отъ царя).

Бояринъ, князь Иванъ Васильичъ Шуйскій!
Великій князь зоветъ тебя къ себѣ.

Шуйскій (Бѣльскому).

Ну, князь Иванъ, дозволишь ли войти?
Что бороду уткнулъ? Не сладко видно!
Не все-жъ тебѣ, и намъ пора отвѣдать
И ласки и привѣта государя.

(Уходитъ).

Бѣльскій (Палецкому).

А ты-то, князь, въ разбойничью ватагу
Своей охотой, аль неволей шелъ?
Я раньше зналъ тебя на полѣ ратномъ:

И мудръ, и смѣлъ! Зачѣмъ привелъ Господь
Тебя увидѣть недругомъ царевымъ?

Палецкій.

Ошибся, князь! Я недругъ не царю,
А тѣмъ, кто волей царской руководить,
Кто сталь одинъ у царскаго престола,
Да никого къ нему не подпускаеть!
Ты за своихъ измѣнниковъ родныхъ
Передъ великимъ княземъ распинался,
Помѣстья имъ да вотчины дарилъ,
А насъ гонялъ на рубежи, къ татарамъ.
Вотъ то-то, князь! Друзей бы поберегъ—
Не дожиль бы до этакого срама!

Бѣльскій.

Не то, князь, срамъ, что связанный стою,
А то, что слышу я такіа рѣчи!
И кто-жъ ихъ говорить? Не смердь поганый, —
Природный князь, краса и цвѣтъ боярства!
Не вы ли съ Шуйскимъ ближе всѣхъ стояли
Къ младенцу Іоанну? а земля
Кровавыми слезами истекала
Отъ вашихъ утѣсеній и неправды.
Великій князь у васъ ходилъ, какъ нищій,
Вы впроголодь его кормили, рванью,
Обносками своими одѣвали.
За то и злоба ваша на меня,
Что твердо сталь на стражѣ государства;
Казну блюсти я захотѣлъ отъ вора
Ивана Шуйскаго, и грабить не давалъ
Ограбленный до тла народъ московскій.
Виновенъ я, что не былъ за одно,
Не грабилъ Русь, не набивалъ хоромъ
И серебромъ и золотомъ дворцовымъ,
А двадцать ранъ въ бояхъ себѣ стяжалъ
И на Руси святую правду правилъ.
Виновенъ въ томъ! Въ томъ каюсь передъ вами
И Господу мой духъ я предаю!

Шуйскій (*выходитъ отъ царя*).

Великій князь по благости своей
Пожаловалъ тебя, Ивагъ, прощеньемъ.
И быть тебѣ, Ивашѣ, въ заточеньи,

Пока Господь грѣхамъ твоимъ потерпѣть.
Тучкова же, Щенятева Петрушку,
Хабарова, Голицына и прочихъ
Нешадно бить кнутомъ, пытать, а послѣ
За крѣпкой стражей въ Ярославль сослать
И тамъ держать въ темницѣ и въ оковахъ,
А вотчины роздать боярскимъ дѣтямъ
И вамъ, стоящимъ здѣсь, Новгородцамъ.
Ведите ихъ. (*Боярамъ*). А васъ, князья, бояре,
Великій князь велѣлъ благодарить
И завтра быть вамъ въ думѣ государской.

Бѣльскій.

Всѣхъ порѣшилъ. Спасибо, князь Иванъ!
Теперь одинъ остался. На просторѣ
Губи и мучай, грабь и раззорай;
Но вотъ тебѣ мое святое слово:
Не долго быть твоей потѣхѣ. Скоро
Войдетъ въ лѣта великій государь
И на тебя грозою Божьей грянетъ...
Мнѣ не видать того. Насквозь читаю
Твой черный умыслъ: мнѣ не долго жить.
Но кровь моя передъ престоломъ Божьимъ
Возопіетъ о мщеніи тебѣ.
И вижу я: и грозно и темно
Царево сердце зрѣеть среди крови.
Не доброе бросаешь ты зерно,
На зло и гибель возростетъ оно!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина первая.

Внутренніе покои Царя и Великаго Князя Іоанна четвертаго. — Окно въ глубинѣ дѣльное.

1547 года.

Бояринъ Григорій Юрьевичъ Захарынь, князь Юрій Глинскій, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій, князь Кубенскій, царь Шигъ-Алей, князь Палецкій, князь Щенятевъ, бояринъ Басмановъ, князь Владиміръ Воротынскій.

Гр. Захарынь.

Что-жъ дивнаго, бояре, что слѣпая
И удержу не знающая чернь
Шумить на площадяхъ и по кружаламъ?
Неужто-жъ намъ, въ бою не знавшимъ страха,
Предъ сволочью кабацкой трепетать?

Воротынскій.

Григорій Юрьевичъ! Не страхъ у насъ,
А жалость къ нимъ. Глади въ окно: съ Арбата
Вплоть до Кремля все объято огнемъ:
Горятъ соборы, дворъ митрополичій,
Семчинское село, монастыри,
Постельная палата, всѣ дома
И избы всѣ московскихъ черныхъ сотенъ.
Народъ московскій по міру пойдетъ.

Кубенскій.

Гдѣ-жъ государь?

Захарынь.

Въ отъѣздѣ съ Воронцовымъ.

Юрій Глинскій.

Что-жъ дѣлать?

Палецкій.

Подождемъ, какъ царь укажетъ!

Владиміръ Андреевичъ.

Чего же ждать?—Идемте на крыльцо,
Угмонимъ народъ.

Захарынь.

Идемъ, бояре!...

Шигъ-Алей.

По-моему, идти бы крестнымъ ходомъ—
Впередъ пустить отца митрополита,
А намъ за нимъ, съ иконами святыми,
Съ хоругвями и гвѣниемъ церковнымъ.

Палецій (*Щемятеву*).

А жалъ ему своей татарской шкуры!

Щемятевъ (*смѣясь*).

Какъ не жалѣть! Другой, чай, не дождется!

(*Между боярами споры и толки*).

Захарынь (*громко*).

Чего же ждемъ? Идите всѣ, бояре!

(*Бояре уходятъ. Къ Кубенскому*).

Ты помнишь ли, Михайло, мы съ тобой
Намедни рѣчь вели?

Кубенскій.

О Глинскихъ? Помню!

Захарынь.

Какъ мыслишь, князь? Не время ли?...

Кубенскій (*охлаждаясь*).

Бояринъ...

Захарынь.

Съ тѣхъ поръ, какъ государь велѣлъ Андреа
Васильевича Шуйскаго псарямъ
На растерзанье бросить, только Глинскимъ
И вѣрить онъ, и слушается ихъ.
А хотъ бы взять... тебя! Поди, умнѣе
И Юрья и Михайлы, а межъ тѣмъ
Какой тебѣ почетъ? Я старъ, бояринъ,
И почестей мирскихъ а не ищю,
А все обидно. Государевъ тестъ я,
Невѣстно мнѣ подъ выходцемъ литовскимъ
Сидѣть и на циду и на совѣтъ.

Кубенскій.

Теперь-то время. Чернь и то гадить,
Что будто Анна Глинская съ дѣтьми
Надъ мертвыми сердцама волхвовала:
Ихъ въ воду клала, да водой такой
И улицы и избы окропляла,
И отъ того де на Москвѣ пожаръ.
Промежъ народа наши люди ходять.
Ты знаешь самъ: озлобленной толпѣ
Лишь пальцемъ укажи кого—и въ мигъ
На ключья разорвутъ, кого укажешь.

(Входитъ Палецкій).

Палецкій.

Шумить народъ. Не справиться намъ съ нимъ.
Князь Юрій Глинскій убѣжалъ въ соборъ
Успенскій, схоронился въ алтарѣ.

Кубенскій.

Мы Господа должны благодарить:
Отъ Глинскихъ насъ мятежъ сей избавляетъ,
И вновь великій князь одинъ съ дружиной
Останется надъ русскою землей!

Захарьинъ.

Прошло то время—трудно воротить!
Не княжій столъ, а царскій тронъ воздвигнулъ
На старомъ пепелищѣ новый царь.

Кубенскій.

Такъ что-жъ, Григорій Юрьичъ? Мы удѣлы
Свои подъ власть одну соединили,
Скрѣпили землю русскую въ одно,
И одному царю господство дали,
Но лишь одно оставили себѣ:
Съ нимъ власть дѣлится надъ Русью. Неужели
И эти-то послѣднія права
Уступимъ мы и внишемся въ холопи
Къ литовскимъ бѣглецамъ? Цѣлую крестъ
На вѣрности царю и государю,
Но и своихъ я правъ не уступлю.

Палецкій.

Охъ! мало-ль насъ за взглядъ одинъ, за слово

И казнено, и ввержено въ темницы.
Рука-то тяжела царя Ивана.
Въ семнадцать лѣтъ онъ сталъ грознѣе дѣда—
Не намъ бороться. Силенъ да уменъ
И нашей крови вовсе не жалѣеть.

Захарыиъ.

Бояре! Гибель наша неизбежна!
День ото дня грознѣе царь Иванъ:
Озлобленъ онъ боярскою крамолой
Отъ юныхъ лѣтъ, и нами-жъ приученъ
Лить кровь, какъ воду, для одной потѣхи.
Остановить его—не властны мы,
Но самъ Господь намъ руку простираеть.
При Благовѣщенскомъ соборѣ есть
Мужъ кроткій, благолѣпный и разумный,
Рѣчиствъ зѣло и обликомъ—пророкъ.
Рѣшился онъ по моему совѣту
Войти къ царю и, не щадя себя,
Раскрыть предъ нимъ весь ужасъ адскихъ мукъ
И устрашить его младое сердце.
Сей кроткій мужъ съ отрадой смерти ждетъ,
Но, мысля я, Господь рѣшить иначе.
Сильвестръ его зовутъ, презвитеръ саномъ,
Ревнитель онъ великій вѣры нашей
И жизнью непороченъ и смиренъ.

(Гуль и ревъ народа.)

Кубенскій.

А коль смиренникъ—намъ того и надо!

(Гуль несется съ площади.)

Вы слышите раскаты громовые?
Какъ буйный вѣтеръ въ полѣ, на просторѣ,
Не вѣдая ни страха, ни препонъ,
Гудить народъ. Кто за него въ отвѣтъ?
Мы въ сторонѣ. И этотъ буйный гуль
Великую боярству службу служить.

(Вбѣгаетъ Щенятевъ.)

Щенятевъ.

Бояре! Князя Юрія народъ
На части разорвалъ!...

Кубенскій.

Самъ видѣлъ?

Щенятевъ.

Да!

Захарьинъ.

Мятежники! О, Господи, помилуй!

Кубенскій.

И помани во царствіи Своемъ!

Жаль, нѣтъ Михайлы!

Палецкій.

Государь подъѣхалъ.

(Шумъ, крики за сценой.)

(Входятъ: Царь Іоаннъ Васильевичъ, Курбскій, Воронцовъ связанный и остъ бояре.)

Іоаннъ.

Крамольники! Измѣнники! Злодѣи!

Я своевольство ваше изжену

Изъ буйныхъ душъ! *(Воронцову).* Ты, Ѳедоръ, былъ при-
ближенъ

И милостью моею вознесенъ,
Но ты, о, рабъ лукавый и невѣрный,
Умыслилъ на помазанника Божья,
И челядь подлую поставилъ на пути
Владыки твоего и господина?
Судите вы, бояре!

На дорогѣ

Онъ подучилъ стрѣльцовъ новгородскихъ
Стать предо мной и смертнымъ боемъ бить
Моихъ слугъ вѣрныхъ.—Какъ приговорите?

*(Молчаніе. Іоаннъ обводитъ
бояръ ильонимъ взглядомъ.)*

Бояре! Аль вамъ уши заложило?

Аль языки отрѣзаны у васъ?

Кубенскій.

Что-жь, государь! Ты бѣ прежде повелѣлъ
Пытать стрѣльцовъ. Быть можетъ Воронцовъ
Тутъ ни при чемъ....

Іоаннъ.

А, князь Михайло, ты
Пріятель былъ ворами Новгородцамъ!
Я помню, какъ въ мою опочивальню

Ты вмѣстѣ съ Шуйскимъ ихъ навелъ и буйствомъ
Меня задолго до свѣту встревожилъ!...
Не тѣ-ль—опять? Поди-ко-сь, посмотри!
Да не трудись. Эй, кто тутъ! Отведите
Михайлу свѣтъ Иваныча въ застѣнокъ.
Тамъ у него знакомые сидятъ,
Калавать стануть, старое помянуть.

Кубенскій.

Великій царь! Я жизни не щадилъ...

Іоаннъ.

Молчи, холопецъ! Чѣмъ вздумалъ похвалиться!
Ты долженъ мнѣ, какъ Господу, служить,
И все-жъ своею службой не заслужишь
Передо мной одинаго грѣха.

Захарьинъ.

Великій государь!

Іоаннъ.

Ты, ты, Григорій,
Стоишь за вороговъ моихъ? Ты? ты?

(Становится на колѣни.)

О, Господи! почто ты мнѣ вручилъ
Великій скипетръ кесарей царьградскихъ,
И ни одинаго слуги мнѣ не послалъ!
Одинъ стою, какъ агнецъ, средь волковъ,
Меня пожрать готовыхъ! Дажь ми силу
Отъ злобы ихъ моимъ священнымъ саномъ,
Дарованнымъ тобой, оборониться!

(Грозно боярамъ.)

Я царь иль рабъ, мятежники?

Кто смѣетъ

Меня учить?

(Указывая на Воронцова и Кубенскаго.)

Ведите ихъ на казнь

И вѣдайте вы всё тутъ: кто дерзнетъ
За нихъ вступиться,—ихъ же чашу выпьеть.

(Кубенскаго и Воронцова уводятъ.)

(Сильный гулъ набата и пожара.)

Бояре.

О, Господи, помилуй!

Іоаннъ (*вздрыгнувъ*).

Какъ гудить!

(*Крики за сценой.*)

Анну Глинскую!.. Колотовку проклятую!..
Въ ключья ее!.. Москву спалили...

Іоаннъ (*боярамъ*).

Что тамъ кричать?

Захарьинъ

Великій государь!

Мятежники убили князя Юрья.

Іоаннъ.

Кто подучилъ, проклятые? Чье дѣло?

(*Крики.*)

Глинскихъ!.. Глинскихъ!.. Москву спалили, проклятой водою
кропили... Глинскихъ!..

Іоаннъ (*Курбскому.*)

Возьми стрѣльцовъ и что бѣ въ единый мигъ
Утихъ мятежъ! Пусть крикъ одинъ раздастся!..
Я никого не выпущу живымъ.

(*Курбскій уходитъ.*)

Идите прочь, крамольники! Не въ силахъ
Глядѣть на васъ. И помните, бояре,
Не слабый отрокъ я, какимъ вы прежде
Играли, забавлялись да кормили
Обѣдками ворованныхъ кусковъ,—
А твердый мужъ, не знающій пощады,
Помазанникъ Всевышняго Царя!
(*Даетъ знакъ удалиться. Бояре уходятъ. Сильно темнѣетъ во время
слѣдующаго монолога.*)

Іоаннъ (*одинъ*)

Безбожники! Предатели! Злодѣи!
Когда-бъ ихъ власть—насилъно бѣ сволокли
Съ меня вѣнецъ, изъ рукъ исторгли скипетръ,
И власть мою себѣ бы подѣлили,
Изъ милости оставивъ мнѣ ключекъ!
Собаки! часа нѣтъ, чтобы отъ нихъ
Не видѣлъ я крамолы или злодѣйства!
Я помню все, что вынесъ я отъ нихъ,
Пока былъ молодъ. Нынѣ-жъ, чужа силу,

Искательствомъ пытаются смирить
Мой правый гнѣвъ! Но я не уступлю!
Они мнѣ сами сердце закалили
И научили жалости не знать.

(Молчаніе.)

Гудить набать. Москва огнемъ объята.
Бругомъ враги—и ни одинъ изъ ближнихъ
Моей душѣ смятенной не мирволить.
Что дѣлать мнѣ? Въ комъ отыскать опору?
О, мой отецъ! Какъ рано отошелъ
На лоно Авраама и покинулъ
Меня грѣхамъ, страстамъ моимъ на жертву!
Мать бѣдная! Севозъ сонъ тебя я помню,
Твою усмѣшку, ласковыя рѣчи
И грустный взглядъ! Какъ часто на меня
Съ тяжелою тоскою ты глядѣла!
Знать, сердце чуяло—кому ты повѣдаешь
Дитя свое! Всю душу истервали
Мнѣ страсти злыя—и кругомъ меня
Одни враги, одна измѣна зрѣеть.
Родная! будь заступницей моей,
Пошли мнѣ миръ, его-же я не знаю,
Въ крови купаюсь!... Вновь гудить набать...
Иль Богъ казнить меня за преступленья?
Моимъ грѣхомъ и тяжкимъ окоянствомъ
На Русь накликала Божью кару я!
Убийства! Кровь! Пожары! Голодь! Морь!
Святители! Угодники Господни!
Молитесь за меня! Я не могу!

(Падаетъ на колѣни. Входитъ Сильвестръ съ книгой въ рукѣ.)

Іоаннъ *(со страхомъ)*

Откуда ты предсталъ мнѣ, дивный мужъ?
Ты плоть и кровь, иль духъ безплотный? Кто ты?
Твой взоръ горить...

Сильвестръ.

Почто, царю Иване,
Отъ Господа ты слухъ свой отвратилъ?
Почто открылъ свою младую душу
Владнѣй тьмы и аггеламъ его?..
И знаменья вотще тебѣ являютъ
Господень гнѣвъ!.. Вотще гремитъ Господь!

И глухъ и слѣпъ закоренѣлый грѣшникъ!

(Прерывая рѣчь.)

Предъ страшнымъ гласомъ Господа живаго
Нѣмствуютъ людскіе голоса.

(Открываетъ окно. Видна горящая Москва.)

Смотри, царю! Священный градъ пылаетъ,
Господнею рукою пораженъ!
Се Божій судъ свершается!

Іоаннъ. *(отступая съ ужасъ).*

Отецъ!

Сильвестръ *(зрочно).*

Въ страстяхъ своихъ, слѣпотствующій Царь,
Небрежный дѣлатель, лукавый Божій рабъ,
Ты Господа законы позабылъ!
Подъ грѣшною десницею твоею
Орошена земля невинныхъ кровью,
И кровь сія дымится къ небесамъ!
Во храмѣ Божьемъ ты не зналъ пощады!
Какъ Иродъ, ты младенцевъ избивалъ!
Отторгнувъ ты совѣтниковъ Господнихъ,
И дьяволовыхъ слугъ ты приближалъ!
Тебѣ вручилъ Господь пещись о сирыхъ,
Но не отцемъ, — ты лютымъ звѣремъ былъ —
И истощилось Господа терпѣнье!
Служитель ада — аду обреченъ!

(Указываетъ на пожаръ.)

Въ такомъ огнѣ душа твоя, Иване,
При кликахъ и плесканіяхъ бѣсовскихъ
На вѣкъ въ аду горѣть обречена!

Іоаннъ *(обезумѣвъ отъ ужаса.)*

Отецъ, молись! Твой голосъ вознесется
Ко Господу и онъ меня проститъ.

Сильвестръ.

Молиться я не смѣю за тебя!
Въ тиши, съ великимъ плачемъ я молился,
Но къ Господу молитва не дошла,
И нѣтъ прощенія...

Іоаннъ.

Молись, молись, отецъ!

Сильвестръ (*раскрывая книгу*).

Рече Господь: мани, фавель, фаресь.

Іоаннь.

Я схиму восприму, престоль покинунь,
Я душу всю въ молитвѣ изолью.

Сильвестръ.

Не мнишь-ли ты, угодны будутъ Богу
Грѣховныя молитвы Валтасара?
Утратилъ ты молитвенную святость
Въ дѣлахъ кромѣшныхъ...

Іоаннь.

Пощади, отецъ!

Сильвестръ.

А ты, поставленный надъ Божиими людьми,
Умѣлъ щадить и миловать страдальцевъ?
Нѣтъ, нѣтъ, царю!... Ты смерти предавалъ
Своихъ стратиговъ, за тебя страдавшихъ,
Въ бояхъ израненныхъ. Ты поднялъ мечъ
Неправедный на жизни не жалѣвшихъ
Во славу и величіе твое,
И кровью обогранными руками,
Держалъ крестомъ Господнимъ осѣнять
Исполненную скверны грудь свою.
Или безсмертенъ мнишишь, о царю!
Настанеть часъ—и всѣ твои неправды,
Гоненья, зло, мучительства и казни
Во дьяволовъ кромѣшныхъ обратятся
И окружать твой смертный одръ и стануть
Между тобой и Господомъ твоимъ.

(*Іоаннь закрываетъ лицо и падаетъ ницъ.*)

Сильвестръ.

Да видеть въ душу страхъ и въ кости трепеть,
Да содрогнется внутренность твоя!
Въ послѣдній разъ тебя остерегаетъ
Великій Богъ, да отрѣшишься ты
Отъ сквернъ своихъ...

Іоаннь.

На вѣки отрѣшаюсь!

Сильвестръ.

И прекратятся ужасы Господни,
Когда узритъ Онъ чистоту твою.
Въ молитвѣ и дѣлахъ благочестивыхъ.
Въ правленіи кроткомъ, благостномъ и мирномъ,
Въ прощеніи обидъ и въ утѣшеніи
Сиротъ и вдовъ, въ караніи неправды
Твое спасеніе и Божья благодать
На голову вѣнчанную твою!
Да истребится память о неправыхъ—
И злыхъ дѣлахъ, тобою совершенныхъ.
Совѣтниковъ премудрыхъ избери
И отжени потатчиковъ лукавыхъ
Отъ глазъ своихъ! Господни повелѣнья
Чти всей душой и чистотою мысли
Загладь свои грѣхи и преступленья.

Іоаннь.

Брестомъ и страшнымъ именемъ Господнимъ
Передъ тобой, отецъ мой, заклинаюсь
Жить въ Божьей правдѣ, страсти покорять,
О имени Господнемъ подвизаться,
Святую вѣру нашу укрѣплять
И отъ грѣха на вѣки отказаться!

Сильвестръ.

Господь пріялъ раскаянье твое—
Гляди, огонь стихаетъ.

Іоаннь (*радостно*).

О, отецъ!

Во младости боярскимъ небреженьемъ
Я вверженъ былъ во тьму грѣха, но сердцемъ
Я познавалъ паденіе мое.
Воззрѣлъ Господь на слезы угнетенныхъ,
И мнѣ послалъ пророка своего.
Благослови, отецъ! Твоимъ глаголомъ
Наставленъ я, твои уста прощенье
Мнѣ изрекли, такъ пусть рука твоя
Моей главы коснется...

Сильвестръ.

Разрѣшаю
Твои грѣхи отъ Бога данной властью.

Ликуютъ Ангелы! Отверся сводъ небесъ!
На правый путь тебя благословляю!

(*Иоаннъ склоняетъ голову. Силь-
вестръ его благословляетъ*).

Картина вторая.

Лобное мѣсто.

Площадь покрыта народомъ.

Первый.

Экъ навалило!

Второй.

Всякихъ званій люди:—
Все съѣхались по царскому указу.

Первый.

Три года, бають, ѣхали иные

Второй.

Три! ври еще!

Первый.

Знакомый пономарь
Отъ Спаса на Бору намеренн встрѣлся
И говорилъ: съ Рязани, съ Костромы
Людей сюда нагнали воеводы.

Калачникъ.

Охъ, сайки, калачи, горячи сайки!
По деньгъ сайка! Какъ найдуть бояре,
Все ноѣдятъ—облизывайся послѣ.

(*Хохотъ.*)

Баба (*приставу*).

По комъ, отецъ, поминки?

Приставъ.

По тебѣ!

Баба.

Тѣфу, окаанный! Право, окаанный!
(*Хохотъ.*)

Третій.

А энту-то откудова прислали?

Четвертый.

За ней де, слышь, нарочныхъ посылали.

(Баба визжитъ; хохот .)

Первый посадский.

Пошла, старуха! Не твое тутъ дѣло!

Экъ развизжалась!...

Баба.

Охъ, отцы родные!

Всю затолкали! Отпустите душу...

(Трезвонъ).

Голоса.

Царь, царь идетъ! Бояре на крыльцо

Повышли... Царь, царь идетъ!

Дорогу!

(Народъ снимаетъ шапки, многие становятся на колѣни. Ряды дѣти боярскіе, духовенство, всѣ бояре, между ними Адашевъ. Иоаннъ въ царскомъ облаченіи).

Народъ.

Да здравствуетъ надежа-государь!...

(Иоаннъ всходитъ на лобное мѣсто. Около него бояре и духовенство).

Иоаннъ *(кланяется духовенству и народу на четыре стороны. Митрополиту).*

Молю тебя, отецъ мой и владыко,
Будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ,
Зане еси любви и благъ желатель!

(Кланяется.)

Отъ малыхъ лѣтъ остался сиротой я
И младъ, и сердцемъ золь, и неразумень.
Я небреженьемъ сродниковъ моихъ
И кознями боярскими возросъ
Въ потѣхахъ беззаконныхъ и кровавыхъ.
Отъ имени младенца, присвоили
Себѣ казну и почести они,
Въ хищеньяхъ и обидахъ упражнялись,

Народъ тѣснили... Я же, неразумный,
Въ устахъ своихъ не имѣй обличенья,
Подавленный ихъ буйнымъ самовластвомъ,
Не слышалъ вопль народа моего!

(*Боярамъ.*)

О! хищники, издоимцы, сребролюбцы,
Какой теперь дадите намъ отвѣтъ?
Чѣмъ облійтесь предъ судомъ народнымъ
Въ слезахъ вдовиць, сиротъ, больныхъ и нищихъ?
Я жъ чистъ отъ крови сей! На васъ, бояре,
Разящій мечъ Небеснаго Судьи!
Я вашу казнь—Ему передаю.

(*Молча, грозно смотритъ на бояръ, которые понурили голову. Тишина.—Народу.*)

Но видитъ Богъ, не о себѣ скорблю:
Свои обиды я прощаю вамъ.
О, люди, намъ дарованніи Богомъ,
Отъ всей земли пришедшіе сюда!
Молю я слезно вашу вѣру къ Богу
И къ намъ любовь: налоги, раззоренья,
Неправедный, лицепріятный судъ,
И многія обиды—отпустите!

(*Кланяется.*)

Исправить все теперь не властны мы,
Зане вся Русь исполнена неправды.
Но передъ вами я цѣлую крестъ
На правду и спокойствіе въ грядущемъ.
Отнынѣ—миѣ печальтеса о нуждахъ,
Отнынѣ—я неправды раззоритель,
Отнынѣ—я судья вашъ и защитникъ,
Отнынѣ—я вамъ пастырь и отецъ!

(*Адашеву.*)

Ты, Алексій, изъ нищихъ избранъ мною,
Но чистъ душой и святостью украшенъ;
Ты неповиненъ въ крови православныхъ,
И я тебя за это ставлю выше
Премногихъ знатныхъ, сильныхъ и богатыхъ,
Али Іуды, своего царя,
Забывши стыдъ, предавшихъ и продавшихъ!
Вручаю я тебѣ моихъ людей—
Твори межъ ними судъ нелицемѣрный,
Не обольщайся ложными слезами,
Не бойся сильныхъ, Бога позабывшихъ,

Надъ бѣдными насиліе творящихъ.
Я самъ твои дѣла сужу,—и горе
Тому, кто попрекнетъ тебя рожденьемъ!
Господь сказалъ: послѣдніе да будутъ
Первѣйшими во царствіи моемъ!

(Народу.)

Смирненно приношу я покаянье
Въ великомъ нерадѣніи моемъ,
И вновь клянусь предъ вами, христіане,
Сберечь мое крестное цѣлованье,
О благѣ вашему душу положить—
Да процвѣтутъ спокойствіе и миръ
Въ землѣ родной подъ мощною державой.
Благослови меня, народъ московскій
И вся земля, на праведное царство!

(Народъ падаетъ на колѣна.)

Народъ.

Заступникъ нашъ! Отецъ! Благослови
Тебя Господь отнынѣ и навѣки.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина третья.

1552 годъ.

ИЗБА ГОСУДАРЕВА.

Царь Іоаннъ, Юрій Васильевичъ, Владиміръ Андреевичъ, Шигъ
Алей, Палецкій, Захарынь, Щенятевъ, Курбскій, Воротынскій,
Мстиславскій, Басмановъ, Адашевъ, Курлятевъ, Сильвестръ,
бояре и воеводы.

Іоаннъ.

Что скажешь, Курбскій? Говори, не бойся!

Курбскій.

Великій государь! Съ Коломны вѣсти
Неладны идутъ. Ханъ Девлетъ-Гарей
Подъ Тулой сталъ въ окопы. Повели
Идти съ полкомъ.

Воротынскій.

Не слѣдъ намъ, государь,
Дробить полки.

Курбскій.

Бояринъ Воротынскій!
Не слѣдъ и хана за собой держать.

Палецкій.

Авось, Богъ дастъ, князь Тѣмкинъ отсидится.

Курбскій.

Не бойся, князь, не взмолился тебѣ:
Приди спасай“, а до смерти добьется.

Іоаннъ (Адашеву).

Пустить его.

Адашевъ (смиренно).

Какъ хочешь, государь!
Горячъ Андрей Михайлычъ!...

(Сильвестру.)

Какъ разсудишь,

Честной отецъ?

Сильвестръ.

Не мнѣ, бояринъ, вѣдать
О ратномъ дѣлѣ. Если-жъ государю
Угодно знать, что думаю о томъ,
То я скажу: не мало остается
И на Москвѣ хорошихъ воеводъ;
А вамъ идти не медля на Казань.

Захарьинъ.

Великій государь! Велить премудрость
Сначала отразить врага, а тамъ
Самимъ идти на брань. Сначала Крымцевъ
Изгонимъ мы изъ сердца государства,
А тамъ, Богъ дастъ, и за Казань возьмемся.

Іоаннъ.

Бояре! Я рѣшилъ теперь покончить
Съ казанскимъ царствомъ! Думать не хочу
Опять тянуть войну на долгій срокъ,
Да у моря погоды дожидаться.

Сегодня же въ Коломну выѣжаемъ.
Москву мы поручаемъ князю Юрью
Съ царицей и отцемъ митрополитомъ.
Отецъ Сильвестръ и ты, Григорій Юрьичъ,
Имъ въ помощь и совѣтъ... (*Курбскому*).
Князь Курбскій, ты,
(*Щенятеву*.)

И ты, князь Петръ, не медля, выступайте.
Мы въ слѣдъ за вами. Вамъ вручаю Тулу.

Курбскій.

Великій государь! Цѣлую крестъ—
Иль въ прахъ разбить поганыхъ, или мертвымъ
Подъ Тулой пасть за дѣдину твою!
(*Уходитъ съ Щенятевымъ*.)

Іоаннъ.

Къ закату солнца будьте на коняхъ.
(*Бояре уходятъ*.)

Князь Юрій, ты, отецъ, и ты, Алексій,
Останьтесь здѣсь. Князь Юрій! Не тебѣ
По малоумью быть царемъ русскімъ!
Но все-жъ тебѣ приказываю царство,
Коль Богъ велитъ мнѣ лечь на полѣ брани.
Не волей нашей, милостью Господней
Пріемлютъ государи свой вѣнецъ.

Юрій.

Я, государь, въ монахи...

Іоаннъ.

Юродивый!

(*Сильвестру*.)

Честный отецъ! Молися о царицѣ
Да даруетъ Господь намъ сына, Руси
Владыку твердаго! И береги ее!
Коль что со мной случится, пусть не знаетъ,
Пока Господь ей не проститъ, пока
Отъ бремени она не разрѣшится.

Юрій.

Дозволь идти въ монахи, государь!

Іоаннь.

Разсудкомъ слабъ онъ,—вы руководите
Дѣлами царства. Васъ приблизилъ я
И вамъ открылъ все, что сокрыто было
Отъ всѣхъ людей, стоящихъ предо мной.
Иди, отецъ, и позови царицу;
Я съ ней хочу проститься. Уведи
Съ собою князя Юрья.

(Сильвестръ и Юрій уходятъ.)

Іоаннь *(въ глубокой задумчивости)*.

Алексѣй!

На царства бусурманскія подъялъ
Хоругвь и стягъ я воинства Христова.
Изъ вѣка въ вѣкъ подъ игомъ ордъ татарскихъ
Дробилась Русь и не могла сплотиться
Въ единую державу. Я помнсилъ
Одной грозой разбить оплотъ поганыхъ.

Адашевъ.

Когда ты самъ при войскѣ во главѣ,
Успѣхомъ мы то дѣло увѣнчаемъ.

Іоаннь.

Я одного страшуся, Алексѣй.
Тебѣ скажу. Ты не изъ ихъ породы.
Отецъ и дѣдъ смиряли неповорныхъ
Князей удѣльныхъ; мнѣ пришлось на долю
Вести борьбу съ боярствомъ родовымъ.
Ты погляди, какъ на совѣтѣ нашемъ
Они мнѣ въ каждомъ словѣ поперекъ.
Имъ воли нужно! Надо много воли!
Такъ врутъ собаки!

Адашевъ.

Государь! Не слѣдъ
Вести такія рѣчи.

Іоаннь.

Алексѣй!

Я знаю ихъ! Не приведетъ Всевышній
Вернуться мнѣ съ казанскаго похода,
Опять они ухватятся за тронъ,
Царицу изведутъ, какъ извели

Отравой мать мою, и князя Юрья
Насильно обрекутъ на постриженье.
Но если сына мнѣ даруетъ Богъ,
Что будетъ съ нимъ? Проклятые! Зачѣмъ
Отецъ Сильвестръ вселилъ мнѣ въ душу кротость!
Залить бы кровью ихъ святую Русь
И съ корнемъ вырвать княжеское сѣмя!

Адашевъ.

Великій царь! Смиреньемъ и молитвой
На брань зовуть Господню благодать.
Прости врагамъ! Забудь свои обиды!
Царевичъ твой, и сродники твои,
И весь твой родъ—святиня для бояръ.
Не разъ въ бояхъ и думѣ испытавъ
Ты вѣрность ихъ. Но, дасть Господь, вернешься
Ты невредимъ и славою покрытъ.

Іоаннъ (*успокоясь*).

Хочу вернуться, Алексѣй. Не мало
Еще осталось дѣла мнѣ на царствѣ.
Не на востокъ намъ двигаться— на западъ.
Тамъ моря берегъ. А за моремъ тѣмъ
Различныя богатныя есть страны.
Тамъ императоръ, Ганза, Англичане,
Тамъ при дворахъ тѣснятся мудрецы,
Печатники и лекари, размыслы,
Премудрые волхвы и звѣздочеты.

Адашевъ.

Теперь другое дѣло на рукахъ.

Іоаннъ (*недовольный*).

Вели служить вечерню и молебень
(*Входитъ Анастасія съ Сильвестромъ*).

Іоаннъ (*идя къ ней*).

Красавица, желанная моя!
Прощай надолго!..

Анастасія.

Государь, ты ѣдешь?
Сейчасъ? Сегодня?

Іоаннъ.

Кони у крыльца.

Боаре ждуть. Прощай, голубка Настя!
Не забывай... Молися обо мнѣ!..

Анастасія.

О комъ-же мнѣ молиться?... Если слезы
Мои угодны Господу,—я душу
Свою вложу въ молитвы о тебѣ.
Простить Господь меня, свою рабу,
И сохранить тебя...

(Плачетъ).

Іоаннъ.

Уйдите всѣ!

(Адашевъ уходитъ. Силвестръ отдѣляется въ глубину).

Голубка! Каждая твоя слезинка
Ложится камнемъ на сердце мое.
Во имя Бога и Христовой Церкви
Иду я въ бой. Когда судилъ Господь
Не свидѣться намъ болѣ на землѣ,
На небесахъ Онъ насъ соединить.
Не плачь-же, Настя! Сердце надрываешь,
И нѣту силъ съ тоскою совладать!..

Анастасія.

Нѣтъ, государь, не плачу я. Гляди,
Нѣтъ больше слезъ! Господь благословить
Твой грозный мечъ и даруетъ побѣду,
И невредимымъ возвратить тебя.
Пречистая своимъ святымъ покровомъ
Тебя укроетъ—и увижу вновь
Я жизнь мою, и счастье, и радость.

(Припадаетъ къ плечу).

Сердечный мой, о чемъ тебя прошу:
Вотъ образокъ. Имъ мать благословила,
Какъ на смотрины повезли меня.
Ты помнишь, государь? Благословенье
Мнѣ счастье принесло, желанный мой.
Позволь надѣть на грудь тебѣ. Я вѣрю,
Онъ защититъ тебя въ опасный часъ.

(Надѣваетъ образокъ).

Іоаннь (*прикладываясь къ образц,
дрожавшимъ голосомъ*).

Клянусь тебѣ твое благословенье
Носить всю жизнь. Еще о чемъ попросишь?
Все говори—все, все исполню я.

Анастасія.

О чемъ еще просить тебя—не знаю.
Будь милостивъ и кротокъ, государь.
Прощай врагамъ. Господь не любить крови.
Опалы не клади на воеводъ,
Тебѣ служащихъ головой своею.
Хочу я знать, что всѣ кругомъ тебя
Любви къ тебѣ исполнены, за ласку,
За милость и прощеніе твое.
Господь воздастъ твоимъ врагамъ,—а ты
Прощай и милуй. Вотъ мое моленье.

Іоаннь.

Царица! Я тебѣ вручаю власть
Снимать опалу, отворять темницы,
Казну мою безъ счету раздавать,
Лить милости на нищихъ и сиротъ,—
Пусть молятся о здравіи твоємъ.
Да не скучай, не больно плачь, голубка.
Ты нездорова... (*Анастасія потупляется*).
Береги себя;
Господь послалъ свое благословенье...

Анастасія.

Сердечный мой... (*Припадаетъ къ ея плечу*).

Іоаннь.

Нѣтъ радости на свѣтѣ
Опричъ тебя, желанная моя.
Мнѣ ангела Господь въ тебѣ послалъ —
Такъ береги себя, забудь тревогу...
Вернуся я — мнѣ сына подари...
(*Обнимаетъ ее*).

Адашевъ (*входя*).

Вечерня началась, государь!
Всѣ воеводы ждутъ тебя.

Іоаниъ (*рѣзко*).

Иду!

(*Увидѣвъ Сильвестра*).

Ты здѣсь, отецъ? Ты слышалъ?

Сильвестръ.

Государь!

Я слышалъ все.

Іоаниъ (*недовольный*).

Отецъ! Или не въ правѣ

Съ супругой я наединѣ простаться?

Сильвестръ.

Великій государь! Въ далекій путь
Господь тебя своимъ стратигомъ шлетъ,
И, яко господинъ, ты-бъ указалъ,
Какъ обиходъ царицѣ надо вѣдать.

Іоаниъ.

Не спрашивалъ тебя, о чемъ съ царицей
Мнѣ говорить.

Сильвестръ.

Ты-бъ добрымъ наставленьемъ
Царицѣ-матушкѣ...

Іоаниъ (*зѣвно*).

Молчи, отецъ!

Не доводи меня...

Анастасія (*со страхомъ*).

Великій царь!

Ты обѣщаль...

Іоаниъ (*сдержавшись*).

Благослови, отецъ,

Меня на брань съ врагами православья.

Сильвестръ.

Благослови тебя Господь, мой сынъ.
Будь храбръ въ бою, и крови не жалѣй,
И жизни не щади! Вѣнцомъ вѣстѣннымъ

Воздасть Господь во царствіи своемъ.
Рать береги, своихъ стратиговъ мудрыхъ
Не посылай на гибель безъ нужды,
Блюди запасъ и Господу молись
И день и ночь. Благослови, Господь!

(Благословляетъ).

Іоаннъ.

Царица Анастасія, прости!

(Кланяется въ полъ).

Анастасія *(сдерживая рыданія).*

Прости меня, великій государь.

(Кланяется въ ноги).

Іоаннъ *(поднимая ее).*

Прощай, прощай!...

(Цѣлуетъ ее сильнымъ порывомъ).

Готовъ я, Алексѣй!...

(Тихо).

Веди меня и не пускай прощаться,
Не вынесу... расплачусь, какъ дитя...

(Быстро уходитъ съ Адашевымъ и Сильвестромъ).

Анастасія. *(Шатаясь идетъ къ окну).*

Ушелъ... ушелъ... Не дали наглядѣться...
Соболикъ мой! Любимый мой! Сердечный!...
Когда его увижу! Сердце рвется!
Тоска-кручина лютая грызетъ...
И не избыть кручины той слезами.
Мнѣ-бъ увидать его... сказать ему...
Что, что сказать? Рѣчей-то не найдется,
Лишь слезы льются рѣченькой изъ глазъ...

(Входитъ Захарынъ).

Захарынъ.

Поплачь, царица-матушка,—все легче.

Анастасія.

Уѣхалъ онъ?

Захарынъ.

Вечерня отойдетъ...

Анастасія.

Бояринъ! Дядя! Не могу разстаться,
Издохну я, умру съ тоской по нёмъ.
Ударь ему челоюмъ, пусть онъ дозволить
Мнѣ ѣхать съ нимъ. Я все перенесу.
Не нужно мнѣ высокихъ теремовъ:
Въ избѣ, въ гѣсу, въ погоду, въ непогоду,
Съ нимъ голодъ и лишения слаще мнѣ,
Чѣмъ безъ него мой златъ-высокій теремъ.

Захарьинъ.

Ушамъ своимъ не вѣрю! Ты въ умѣ ли?
Племянница! О, Господи! И слушать
Такихъ рѣчей не стану отъ тебя.

(Отворачивается къ окну).

Вечерня отошла... Идутъ изъ церкви...
Царь на коня садится, осѣнившись
Святимъ крестомъ... Народъ палъ на колѣни...
Царь обернулся... Тронулся... Съ Богомъ!...

Анастасія.

И не пришелъ... Его я не увижу...
Заступница Святая...

(Падаетъ замертво).

Захарьинъ.

Кто тутъ? Люди?

За лѣваремъ... Царица заболѣла...
(Входитъ Сильвестръ, спящихъ дѣвушки уносятъ царицу).

Захарьинъ.

За лѣваремъ...

Сильвестръ.

Пожди, Григорій Юрьичъ!

Врачу не слѣдъ къ царицѣ подходить
И руку брать нечистыми руками,
За голову хватать и на языкъ
Глядѣть пытливо нечестивымъ окомъ.

Захарьинъ.

Дозволь, отецъ, мнѣ думать о здоровьи
Царицы и племянницы моей!
И безъ того досадливо глядѣть,
Что ты чинишь! Какъ пѣстунъ надъ царемъ
Съ царицей ты! Указываешь все,—
Какъ спать, какъ ѣсть, какъ платьемъ наряжаться!

Сильвестръ.

Твой-ль, Григорій Юрьичъ, рѣчи слышу?
Ты что сказалъ? Иль пастырямъ церковнымъ
Не слѣдъ блюсти святую чистоту?
Не ты-ли самъ меня послалъ къ царю
Съ укоромъ о грѣхахъ и съ устрашеньемъ
Его души, чтобъ нынѣ отъ тебя
Услышалъ я такую ересь?

Захарьинъ.

Ересь?!

Ты протопопа Бармина вспоминашь.
Не ты ли съ нимъ замыслилъ отступиться
Отъ вѣры нашей?

Сильвестръ.

Отступить отъ вѣры?..

Въ умѣ ли ты?

Захарьинъ.

Самъ выжилъ изъ ума!
Богоотступникамъ не даромъ держишь руку!
Прощай покуда, да прими совѣтъ:
Ты высоко взлетѣлъ — не оступись!
Съ высокаго-то мѣста больно падать.

(Уходитъ).

Картина четвертая.

1552 года.

ЦАРСКАЯ СТАВКА ПОДЪ КАЗАНЬЮ.

Князь Владиміръ Андреевичъ, Царь Шигъ - Алей, Князь Воротынскій, Князь Мстиславскій, Князь Курбскій, Князь Щенятевъ - Князь Палецкій, Князь Курлятевъ, воеводы иныхъ полковъ. Всѣ въ ратныхъ доспѣхахъ.

Мстиславскій.

А долго государь сидитъ въ шатрѣ.

Щенятевъ.

Съ Адашевымъ...

Курбскій.

Намъ повелѣлъ собраться
Держать совѣтъ.

Мстиславскій.

Зачѣмъ же насъ позвалъ,
Коль тутъ Адашевъ? Насъ бы и не надо!
Тотъ всѣхъ мудрѣй.

Воротынскій.

На то царева власть.
(*Входятъ Іоаннъ и Адашевъ, оба въ доспѣхахъ*).

Бояре (кланясь).

Здравъ буди, государь!

Іоаннъ (тоже).

И вы, бояре!
Хоть вы трудовъ дневнымъ изнурены,
Я все-жъ призвалъ васъ на совѣтъ и думу.

Курбскій.

Объ изнуренъи нашемъ, государь,
Не стоитъ думать.

Іоаннъ.

Князь Иванъ Мстиславскій?
Откуда Богъ принесъ? Тебя не ждалъ!

Мстиславскій.

Великій царь! Я прямо изъ подкоповъ:
Готовы всѣ и земли набиты —
Ждемъ твоего велѣнья. Какъ укажешь,
Размысль огонь подложить, и въ Казань
Свободная откроется дорога.

(*Іоаннъ опускаетъ голову*)

Воротынскій.

Поля стоятъ подъ самыми стѣнами.

Курбскій.

Въ проломахъ стѣнъ кровавая потѣха
Весь день идетъ. Лишь съ сумракомъ ночнымъ
Прервался бой.

Щенятевъ.

Когда взлетѣли туры—
Ножами, камнями, ногами и зубьемъ
Дрались онѣ, какъ бѣшеные волки,
Но милостью Господней мы вогнали
Опять въ нору, не отступивъ на пядь.

Іоаннъ. (*Воротынскому*).

Ты раненъ, князь?

Воротынскій.

Царапина пустая:
Бревномъ горящимъ угодило въ лобъ.

Іоаннъ. (*Курбскому*).

А ты, Андрей?

Курбскій.

Проклятыя собаки!..
Шеломъ прошибли.

Іоаннъ.

Голова цѣла?

Курбскій.

Да не смотришь, надежа государь!
Должно цѣла, коль на плечахъ осталась.

Іоаннъ (Палеикому).

И ты въ крови, Дмитрій?

Палецій.

Не моя.

Я цѣль пока, лишь кипяткомъ маленько
Ошпарили, проклятые, съ бойницъ.

Іоаннъ (Щенятеву).

Ты живъ, князь Петръ?

Щенятевъ.

Господнимъ изволеньемъ.

Стрѣла въ плечо засѣла—да сломалась,
Не вытащить. Ужъ нѣмецъ бился, бился
И такъ и этакъ—не найти никакъ.
Что смѣху было! Плюнулъ, да пошелъ
Опять къ стѣнамъ. Рубился до заката,
Пришелъ въ шатеръ, анъ глядь,—торчитъ конецъ.
Позвалъ стрѣльца. Тотъ ухватилъ зубами
Да всю, какъ есть, и выволокъ наружу.

(Смѣхъ).

Іоаннъ.

Бью вамъ челомъ за мужество и вѣрность.
Безъ страха смерти въ очи вы глядѣли
И шли на бой, какъ на веселый пиръ.
Великое спасибо говорю,
Бояре, вамъ, и искренне я каюсь
Во всѣхъ моихъ неправдахъ передъ вами!
За ваше дѣло я прощаю вамъ
Всѣ прежнія обиды и пороки
И жалуя васъ милостью своей!

Бояре.

Челомъ тебѣ за ласковое слово!

Іоаннъ.

Что дѣлать намъ? Осаду продолжать,
Иль бой великій приказать на завтра?

Владиміръ Андреевичъ.

Великій царь! Вся рать твоя готова
Ударить въ приступъ. Насъ томитъ бездѣлье!

Мстиславскій.

Намъ должно тронуть войско всею силой.
Медлительно и долго мы вели
Казанскую осаду. Въ мелвихъ стычкахъ
Довольно уложили мы людей.
Когда унынье смѣнить бодрость духа,
Труднѣй намъ будетъ славною побѣдой
Казанское стоянье увѣнчать.

Шигъ-Алей.

Не страха ради, а желая блага,
Не мысля съ князь Иваномъ. Подождемъ.
Ослабнемъ мы, ослабнуть и они.
Мулла Кулишерифъ мутить всѣхъ больше:
Онъ старъ, умереть—казанцы и сдадутся.

Палецкій.

А коль еще лѣтъ сорокъ проживеть,
И намъ стоять здѣсь до его кончины?

Адашевъ.

Великій государь, и вы, бояре!
Не мнѣ судить-радить о дѣлѣ ратномъ,
Когда сюда собрались воеводы,
Всю жизнь свою проведеніе въ бояхъ!
Но мысля я: о чемъ забота наша?
Зачѣмъ стоять? Иль ждать—покуда Крымцы
Не двинутся Казанцамъ на подмогу?
Иль погодить, пока запасъ изсякнетъ,
И голодать начнемъ глухой зимой?
Все ничего! А какъ зимовку справимъ,
Весной намъ легче станетъ воевать,
Когда разливъ весь станъ зальетъ водою?
Чего-же ждать? Чего-же намъ страшиться?
Удобнѣй дня не будетъ, чѣмъ теперь.
Готово все. Святымъ Господнимъ дѣломъ
Пришли сюда—и ангеловъ своихъ
Пошлетъ Господь на помощь православнымъ.

Іоаннъ.

Мурзу Камаю я послалъ къ Казанцамъ;
Въ послѣдній разъ имъ милость предложилъ.

Нурбскій.

Имъ милость? Государь! За что! За что!
Два мѣсяца мы отдыха не знаемъ
Не для того, чтобъ миловать въ концѣ!
Костями мы ляжемъ, а пощады имъ
Мы не дадимъ, хоть ты и общаешь!

Владимиръ Андреевичъ.

Негоже намъ отглядывать...

Воротынскій.

И милость

Мятежникамъ поганымъ предлагать.

Мстиславскій.

Цѣлуемъ крестъ не вѣдать отступленья.

Бояре.

Вели идти! Вели собирать полки!

Іоаннъ.

Да будетъ воля Божія. Идите!
Готовьте рать испить кровавый кубокъ!
Готовы вы?

Бояре (*обнажая головы*).

Готовы, государь!

(*Уходятъ*).

Іоаннъ (*одинъ*).

Какая ночь! Надъ башнями Казани
Витаеть ангель гибели, иль мнѣ
Господь судилъ со срамомъ отступить?
Два мѣсяца подъ этими стѣнами
Раскинулъ я мой ратный станъ. Но что-жь!
Чего добился? Япанчева войска?
Двухъ-трехъ проломовъ? Арскаго острога,
Да тысячъ сорока головъ татарскихъ?
Есть для чего три года собираться,
Сто разъ ходить и возвращаться вспять,
Чтобъ наконецъ, Казани поклонившись,
Назадъ въ Москву всю рать поворотить!
Чего-же ждать мнѣ? Но ударить разомъ,

Рѣшить въ одинъ, въ одинъ короткій день
Судьбу войны, столь медленной и тяжелой?
И кто же я, чтобъ смѣлъ о томъ помыслить?
Юнецъ въ бояхъ, юнецъ на государствѣ!
Безсильный царь, безсильный полководецъ!
И я страшусь... страшусь, какъ жалкій трусъ!..
Все мракъ кругомъ... Ударить—или ждать?...
О, Господи, что дѣлать въ этотъ страшный,
Исполненный сомнѣнья, горькій часъ?
Ты повелишь—и яркій свѣтъ проникнетъ
Во тьму души истерзанной моей!

(Долго молчитъ; потомъ встаетъ. Взоръ ея горитъ одушевленна.)

Вокругъ меня собрались воеводы,
И въ душахъ ихъ сомнѣнью мѣста нѣтъ.
Отвагою, и мужествомъ, и силой
Горять они—и вотъ мнѣ образецъ!
Будь воля Божья! Срамъ или побѣду
Даруетъ мнѣ послѣдней битвы день,
Войду ли я съ великимъ торжествомъ
Въ оплотъ старинный недруговъ Христовыхъ,
Или, разбитый, въ бѣгство обращусь,
Или паду—я Богу предаюсь!
Нѣтъ робости, тревоги и сомнѣнья!
Господь меня ведетъ на грозный бой,
И вѣрую:—даруетъ одолѣнье
Надъ Агарянь невѣрною ордой!
За стонъ и горе нашихъ матерей,
За кровь отцовъ, за поруганье вѣры,
За оскверненье Божіихъ церквей—
За честь Руси, измученной безъ мѣры,
Мнѣ дастъ отчетъ Казань. И вѣрую я:
Весь нашъ позоръ—воздастъ рука моя. *(Уходитъ).*

(Ставка поднимается. Разсвѣтъ. Все войско подъ знаменами. Воеводы во главе своихъ полковъ. На первомъ планѣ Владимиръ Андреевичъ Курбскій и прочіе. Иоаннъ въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи Адашева и другихъ бояръ вытѣкаетъ на конь. Вдали стѣны Казанскія.)

Войско.

Здравъ буди, государь!

Іоаннъ.

Христова рать!

Приспѣло время душу положить

За други наши, какъ вѣщаютъ Господь.
Пріявшій смерть въ бою за православье
На небесахъ получить мзду свою,
И сопрічислить къ ратникамъ небеснымъ
Господь своихъ защитниковъ земныхъ.
Такъ осѣнимся-жъ именемъ Господнимъ,
И стѣны Іерихонскія падутъ
При трубномъ звукѣ ангеловъ небесныхъ!
За насъ стоятъ рать павшихъ о Христѣ!
Святители и мученики наши
Зовутъ на мечъ нашъ Божью благодать.
Вся Русь слилась въ одной о насъ молитвѣ!..
(Сильный взрывъ).

Владиміръ Андреевичъ.

Взорвали стѣны!

Курбскій.

Государь! Дерзай!

Іоаннъ (громкимъ голосомъ).

Тамъ наша слава! Воины Господни!
Я здравствую васъ боемъ! Съ нами Богъ!

Войско.

Съ нами Богъ!

(Кидаются на приступъ.)

Картина пятая.

1552 годъ.

Москва. Покой во дворцѣ.

Сильвестръ и Адашевъ.

Адашевъ.

Великая же радость на Москвѣ!
Подумай самъ: теперь мы безопасны
Отъ страшнаго, исконнаго врага.

Сильвестръ.

Такъ, Алексѣй Θεодоровичъ! Такъ!
Я не горжусь, но радостно и сладко

Глядѣть на то, что учинили мы!
Взамѣнь потѣхъ бѣсовскихъ—славный подвигъ!
Взамѣнь тиранствъ и казней—Божья брань,
Взамѣнь хулы на Бога—благочестье!
О земскомъ и о ратномъ дѣлѣ помнись
И рвеніе великое! Но все-жъ
Не слѣдъ намъ оставлять узды! Горячъ!
Душа кивить въ стремленьяхъ молодыхъ,
И отъ роду онъ удержу не знаетъ!

Адашевъ. .

Да, бурный нравъ! Боюсь, честной отецъ!
Видалъ ли ты, какъ мельникъ заграждаетъ
Рѣкѣ широкій путь? Пока заставы
Не спущены—потокъ течетъ спокойно,
Но чуть плотина стала поперекъ—
И тотъ потокъ кипитъ, бурлитъ и рвется,
И бѣшеною пѣной обдаетъ,
И сноситъ все, что на пути найдется.
Пусть лучше въ берегахъ благоразумья,
Но не стѣсненья, нашъ потокъ течетъ.
Не будемъ сильно сдерживать порывы,
Но направлять разумно и на благо
Душевные движенія царя!

Сильвестръ.

Ты правъ, бояринъ. Ласковой рукою,
А иногда лишь строгостью суровой,
Стевою правой поведемъ его.
Но мысля я: не лучше ли, пока
Его душа податлива, мягка,—
Запечатлѣть въ немъ ужасъ адскихъ мукъ?..

Адашевъ.

Оставь надъ нимъ пока свою суровость.
Такое счастье, какъ ему на долю
Послалъ Господь, смягчить и возвеличить
Его младую душу. Онъ покрытъ
Побѣдной славой, и восторгъ народа
Ему даритъ достойную награду.
Царевича у Бога онъ молилъ—
И сына Богъ царицѣ даровалъ.

Сильвестръ.

Боюсь, его гордыня обучаетъ.

Адашевъ.

Господь тогда смиритъ его бѣдой.

Сильвестръ.

Въ пирахъ и торжествѣ онъ позабудетъ
Господень страхъ.

Адашевъ.

Онъ набоженъ и вѣритъ,
Что счастье онъ отъ Бога получилъ.

Сильвестръ.

Побѣдой вознесенъ, о суетѣ
Мірской онъ станетъ мыслить...

Адашевъ.

Государь
Не скимникомъ быть долженъ на престолѣ.

Сильвестръ.

Пусть будетъ такъ. Пусть отдохнетъ отъ боа.
Но есть иное дѣло: на Руси
Забить давно домовый весь нарядъ. —
Я книжицу, бояринъ, написалъ;
Ей „Домострой“ названье. Рядъ за рядомъ
Я въ добрыхъ поученьяхъ изложилъ,
Какъ Господа любить отъ всей души,
Какъ почитать священники и мнихи,
Какъ домъ беречь, какъ смѣтять свой животъ,
Какъ мужу поучать жену, какъ слугамъ
Потайки не держать отъ господина,
Какъ огороды и сады водить,
Какъ пьянства, зерни и иныхъ безчинствъ
Избѣгнуть людямъ и о многомъ прочемъ.
Пусть государь самъ первый образцомъ
Послужить для народа. Пусть же онъ
Почитается въ домашнемъ обиходѣ.

Адашевъ.

Честной отецъ! Не откажи почтить

Меня своимъ сегодня посѣщенъемъ.
Обсудимъ тамъ...

(Входитъ Захарьинъ, за нимъ бояре).

Захарьинъ.

Великій государь
При въѣздѣ встрѣченъ былъ святымъ владыкой.
Въ Архангельскомъ соборѣ помолившись,
Сейчасъ сюда пошлетъ.

(За сценой радостные крики народа).

Адашевъ *(смотря въ окно)*.

Бояре!

Онъ на крыльцѣ... Онъ говорить народу!
Идетъ сюда!..

Захарьинъ.

Какъ радостенъ и свѣтелъ!

(Входитъ Иоаннъ Васильевичъ, за нимъ все казанскіе воеводы).

Бояре.

Здравъ буди, государь, на новомъ царствѣ!

Сильвестръ *(выступая впередъ)*.

Благочестивый царь! Великій подвигъ
Судилъ тебѣ Господь. Какъ змій гнѣздилися
Въ норѣ поганый—нынѣ, яко дьяволъ,
Сраженный копіемъ Побѣдоносца,
Во прахѣ онъ лежитъ у ногъ твоихъ!
Какая слава, государь, тебѣ
И всемъ твоимъ соратникамъ! Какая
Великая побѣда! Что мы были?
Безсильные овны предъ лютымъ волкомъ.
Но, ополчась вѣрой, ты на трудъ,
На смерть и кровь пошелъ, не зная страха,
И свергну бусурманскую крестомъ
Ты осѣнилъ и Русь навѣкъ избавилъ
Отъ страшнаго, всконнаго врага.

Захарьинъ.

Великій государь! Вознаградилъ
Тебя Господь за подвигъ твой священный!
Послалъ тебѣ царевича на радость,
А мы тебѣ и съ воинствомъ твоимъ

За всё страданья ваши бьемъ челомъ
И здравствуемъ на новомъ государствѣ!

(Кланяется земно. Въ бояре и духовенство за нимъ).

Іоаннъ.

Отцы честные! Богомольцы наши!
Молитвами и святостию вашей
Свершили мы то дѣло. Ханъ разбить,
Казань взята, казанскій царь въ плѣну,
Невѣрные всё безъ вѣсти погибли,
Намъ платять дань мятежные народы,
Надъ ними власть у нашихъ воеводъ.
То, передъ чѣмъ мы искони дрожали,
Отнынѣ стало вотчиной московской.
Не бранью и мечемъ, но Божьей волей
Свершили мы то дѣло. Вы молились,
И та молитва ваша передъ Богомъ
Заступницею нашею была.

(Іоаннъ и всѣ воеводы кланяются въ землю).

Бояре и воеводы.

Даруй Господь тебѣ, великій царь,
И здравіе, и счастье, и побѣды.

(Входитъ царица Анастасія съ боярынями въ большомъ нарядѣ. Ее вѣдутъ подъ руки).

Іоаннъ *(со слезами)*.

Царица! Вновь привелъ меня Господь
Тебя увидѣть.

Анастасія *(кланяясь земно)*.

Государь, дозволю
И мнѣ твоей рабѣ благодарить
Тебя за трудъ и подвигъ твой великій!

Іоаннъ *(со слезами)*.

Какая радость! Боже, я не стою
Такой великой милости Твоей!..
Побѣда надъ врагомъ, рождение сына,
Всеобщая любовь... *(Сильвестру)*.

Святой отецъ!

Ты помнишь ли, какъ въ этой же палатѣ,

Въ годину скорби, я лежалъ во прахѣ,
Изнемогалъ подъ тяжестью грѣха,
Не ждалъ себѣ прощенія... И что же?
Простилъ Господь молитвами твоими!

(*Боярамъ*).

Бояре! Вы труды мои дѣлили,
Вы крови не жалѣли—раздѣлите
Теперь и радость нашу!—Всю казну
Я подѣлю межъ вами! Ни одинъ
Не выйдетъ отъ меня не одареннымъ!..
Дьякамъ велѣтъ, чтобъ грамоты писали,
На вотчины... Всѣхъ ратниковъ казанскихъ
И весь народъ московскій я залю
Щедротами великими... Адашевъ!
Пусть радостный сей день для всей Руси
Такимъ-же будетъ! Отворить темницы!
Всѣхъ узниковъ на волю отпустить!
Простить долги! Опалу снять съ виновныхъ!
Да ни одна слеза не омрачить
Сей свѣтлый день, и пусть земля моя
Насытится всей радостью моею.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина шестая.

1553 г.

Покой въ домѣ князя Владиміра Андреевича.

Княгиня Евфросинія Старицкая и князь Владиміръ Андреевичъ.

Княгиня.

Дѣтей боярскихъ я собрать велѣла:—
Ждутъ на крыльцѣ. Зови ихъ всѣхъ сюда,
Дари и чествуй.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Лаской государя

И милостью великой зыскавъ былъ я
Еще недавно, такъ какимъ же окомъ
Взгляну теперь на скорбнаго царя?

Онъ бдѣстью огневою снѣдаемъ,
Простерты на одрѣ, быть можетъ, смертною,
И мнѣ надъ нимъ измѣну промышлять?!
Не хватить силъ.

Княгиня.

Куриная душа

Въ тебѣ, Владиміръ! Лучше-бъ не родиться
На бѣлый свѣтъ! Тебѣ наплюй въ глаза,
Бей батожемъ,—ты все перенесешь.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Княгиня-мать! За что меня поносишь?

Княгиня.

За то, что крови нѣтъ въ тебѣ, холопъ!
Не этому пащенку Іоанну
Сѣсть на московскій столъ, когда-бъ отецъ твой
Былъ живъ еще! Въ темницѣ заморили
Его бояре, Глинскій съ Телешевымъ.
Охъ, горе мнѣ! Убитога отца
Бездушный сынъ—холопъ царей московскихъ
И съ трепетомъ глядитъ на тотъ престолъ,
Гдѣ самому сидѣть-бы надлежало!
Не ты-ль, сынокъ, прижавшись къ уголку,
Дрожа отъ страха—видѣлъ, какъ душили
Въ тюрьмѣ отца? Иль золотомъ своимъ
Да шубами Иванъ забыть заставилъ.
Предсмертный хрипъ...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Довольно! Замолчи!

Евфросинья.

Мнѣ замолчать? Я двадцать лѣтъ молчала,
Я двадцать лѣтъ здѣсь, въ сердцѣ, берегла
Такую злобу, что когда бъ просторъ
Я ей дала, меня бы самое
Она зубьемъ своимъ давно изгрызла!
Я двадцать лѣтъ проклятіе зову
На голову враговъ моихъ, укравшихъ
У мужа—жизнь, а у меня—покой,

Лишившихъ насъ наслѣднаго стола.
Молчи, когда не смѣешь говорить!
Терпи, когда животъ дороже чести!
Забудь отца кровавую кончину,
Позоръ и срамъ, что мы перенесли!
Забудь свой родъ, служи, какъ подлый рабъ,
Тому, предъ кѣмъ ты—равный по рожденью.
Отдай имъ на смѣхъ мать!—Иди къ царю,
А боленъ онъ—есть его боярамъ ближнимъ
И донеси: княгиня Евфросинья,
Моль, на тебя, великій государь,
Въ великой злобѣ Господа зоветъ,
Чтобъ ты не всталъ съ одра, чтобъ одръ болѣзни
Твоимъ одромъ послѣднимъ былъ; чтобъ сынъ,
Котораго ты вымолилъ у Бога,
Не дожилъ дня, когда тебя схоронять;
Чтобы твоя жена, въ слезахъ по сыпѣ
И по тебѣ, изныла и исчала.
Иди-жь скорѣй. Отцовское наслѣдье
Ты продай, князь, продай и мать свою:
Я смерти жду, и вмѣстѣ съ Иоанномъ
Предстану я предъ Господомъ. Иди!
Я отъ тебя на вѣки отрекаюсь!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

О, матушка...

Кн. Евфросинья.

Прочь отъ меня, холопъ!

Не стоишь ты и слова моего!

(Хочетъ идти).

Кн. Владиміръ Андреевичъ. (*Удерживая ее*).

Изволь, княгиня-матушка! Готовъ я
Искать свои права на государствѣ.
Коль царь умретъ, я буду добывать
По старому обычаю престоль.

Кн. Евфросинья.

Давно бы такъ!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Но если государь...

Кн. Евфросинья.

Ну, дальше что?

Кн. Владимиръ Андреевичъ.

Но если государь
Оправится?

Кн. Евфросинья.

Того не можетъ быть.
Сама пойду къ нему въ опочивальню
И зельемъ изведу...

Кн. Владимиръ Андреевичъ.

Молчи! Молчи!
Не знаю я! Не слышалъ ничего!
Бланусь Христомъ, и думать я не могъ,
Чтобъ ты могла...

Кн. Евфросинья.

Не знай, не знай, сыночек!
Ты безъ грѣха возсядешь на престолъ.
За весь мой родъ, униженный царѣнкомъ
И матерью провляю его,
Я отплачу кровавой мздой. А тамъ,
Господь суди!...

(Входитъ дворецкій).

Дворецкій.

Князь Курбскій и Адашевъ!

Кн. Владимиръ Андреевичъ.

Зови сюда.

Дворецкій.

Пожалуйте, бояре!

(Входятъ кн. Курбскій и Адашевъ).

Кн. Владимиръ Андреевичъ.

Бояре Радъ васъ видѣтъ у себя,
Въ своемъ дому! Какъ государь сегодня?

Адашевъ.

Плохъ государь.

Курбскій.

Надежды больше нѣтъ.
(*Молчаніе*).

Кн. Евфросинья.

Свершится воля Божія.

Курбскій.

Княгиня!
Тяжелый крестъ нести велѣлъ Господь
Святой Руся.
(*Остается сидѣть, сдерживая рыданія*).

Кн. Евфросинья.

На то Господня власть.

Адашевъ.

Спасенья нѣтъ. Врачи поотступились
И не поймутъ, что это за болѣзнь.

Кн. Евфросинья.

Господь послалъ... и людямъ не постигнуть.

Курбскій.

Какъ твердый мужъ и добрый христіанинъ,
Царь написать духовную велѣлъ
И завѣщалъ Димитрію престолъ.

Кн. Евфросинья.

Захарьинскому внуку?

Курбскій.

Сыну.

Кн. Евфросинья.

Нѣтъ,
Захарьинскому внуку. Князь Владиміръ
Андреевичъ! Вѣжимъ скорѣй отсюда!
Какъ берегутъ бояре насъ, князей,—
Гвой дядя Юрій и отецъ Андрей
Тому вровавымъ памятникомъ служить.

Адашевъ.

Къ чему, княгиня-матушка, бѣжать?
Твой сынъ нужнѣ здѣсь, чѣмъ на отъѣздѣ.

Кн. Евфросинья.

Кому нужнѣй? Захарьинскимъ собакамъ?
Подземнымъ тюрьмамъ? Царскимъ палачамъ?

Курбскій.

Нѣтъ, матушка княгиня. Всея Руси,
Готовой днесъ остаться сиротою.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Что-жь дѣлать мнѣ, бояре, на Руси?

Курбскій.

Быть первымъ человѣкомъ у престола
Племянника царя и государство
Ему беречь.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Съ Захарьиными грызться?
Нѣтъ, не хочу я этого, бояре.
Съ кончиной государя на Казань
Уѣду я. Потомъ пойду на Крымъ
И, можетъ быть, паду въ честномъ бою,
А не въ тюрьмѣ, отъ рукъ убійцъ наемныхъ.

Адашевъ.

Не властенъ ты чинить такъ, князь Владиміръ
Андреевичъ! И безъ тебя довольно
Есть на Руси безстрашныхъ воеводъ.
Ты нуженъ намъ, какъ мощный охранитель
Спокойствія и устроенья здѣсь,
Вблизи царя младенца.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Пѣстуномъ

Къ царевичу приставить захотѣли.
На чести вамъ челомъ бью, государи,
Но не достоинъ милости такой.

Курбскій.

Что-жь хочешь ты?

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Хочу уйти отъ вѣрной
Измѣнной смерти.

(Входитъ дворецкій).

Дворецкій.

Князь Курятевъ, съ нимъ
Князь Палецкій, князь Петръ Щенятевъ, князь
Ростовскій и князь Пронскій-Турунтай.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Прози!

(Бояре, князья: Палецкій, Щенятевъ, Ростовскій, Турунтай, Курятевъ и иные входятъ).

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Добро пожаловать, бояре!

(Здороваются).

Кн. Палецкій.

Бояре Воротынскій и Мстиславскій
Къ крестному цѣлованію приводятъ
Въ избѣ столовой.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

А кому цѣлуютъ

Бояре крестъ?

Кн. Пронскій-Турунтай.

Царевичу, вѣстимо!

Щенятевъ.

Младенцу году нѣтъ. Намъ долго ждать,
Пока въ лѣта войдетъ и станетъ нами
Онъ государить...

Кн. Курятевъ.

А покажѣсть мы
Должны служить Захарьинымъ?

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Такъ что же?

Послужимъ имъ, какъ Глинскимъ послужили,
Да Шуйскимъ...

Кн. Палецній.

Бѣльскимъ...

Кн. Пронскій-Турунтай.

Мало-ль ихъ бывало!

Кн. Евфросинья.

И вы, бояре, тоже присягнули?

Кн. Турунтай.

Еще успѣемъ.

Кн. Щенятевъ.

Время не уйдетъ.

Кн. Евфросинья.

Аль разума лишились, государи!
Младенцу нѣтъ полугѣда, а вы
Ему ужъ крестъ цѣлуете. Сегодня
Онъ живъ еще, а завтра нѣтъ его. *(Палецкому)*.
Ты присягнулъ?

Кн. Палецній.

Да, почитай, насильно,—
Владиміръ Воротынскій пританулъ
Меня къ кресту. Царь просить со слезами,
Что-жъ было дѣлать?

Кн. Евфросинья.

Князь Димитрій! Знай,
Насильная присяга—не присяга.

Адашевъ.

Насильная или вольная присяга—
Захарьины не стануть разбирать.

Кн. Щенятевъ.

По записи: мы отъѣзжать не смѣемъ.

Кн. Турунтай.

И головы вольны съ насъ поснимать!

Кн. Евфросинья.

Попомните, бояре: скоро вовсе
Васъ окрутятъ, какъ смердовъ, въ кабалу!

Кн. Курбскій.

Бояре! не о насъ теперь забота,—
Съ землей, что будетъ! Крѣпла и росла
При мудрою и великомъ государѣ,
Теперь же распаденіемъ грозить
Святой Руси кончина Іоанна.
Бояре! Мысляю я: родной землѣ
Мы головамъ нашими послужимъ!
Идемъ къ царю и съ твердостью вспоманемъ,
Что вынесла земля, пока онъ выросъ,
И взмолимся, чтобъ царство приказалъ
Не малому дитяти—но другому—
Кому укажетъ. Мощная рука
Властителя нужна землѣ руссiйской.
Не звукъ пустой, не титулъ нуженъ намъ,
Но твердый мужъ и брани и совѣта!
Свидѣтель Богъ, будь государь здоровъ—
Ему служилъ бы до послѣдней крови!
Но смерть его грозить и Руси смертью,
Коль вложить онъ свой мечъ и скипетръ въ руки
Младенца безсловеснаго! И я
Повиннымъ быть въ той смерти не могу!

Адашевъ *(со слезами)*.

Бояре! Миѣ ли мыслить на царя?
Я не слугой, я сыномъ былъ ему!

(Замолкаетъ. Потомъ твердо).

Но Русь спасти должны мы. Весь тотъ грѣхъ,
Что за измѣну Господомъ вачтется,
Я на себя беру! Своей душой
Отвѣчу я за благо государства!
Димитрію надъ нами не царить,
Не по рукѣ младенцу мечъ и скипетръ!

Кн. Курлятевъ.

Кого-жъ, бояре, намъ просить на царство?

Кн. Палецкій.

Владимира Андренча на царство
Звать всѣмъ соборомъ!

Бояре (*кромя Курбскаго*).

Будь царемъ Руси!—
Тебя хотимъ!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Бояре! Не достоинъ...

Турунтай.

Не время, князь, чиниться...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Тяжко мнѣ

Примать такую честь и видить Богъ—
Я не хотѣлъ. Но изволеньемъ вашимъ
Приемлю я престолъ земли московской
Не для себя, но для спасенья царства
Отъ новой крови. Богъ поможетъ мнѣ!

Кн. Курбскій.

Князь, подожди!... Не намъ рѣшать такое
Большое дѣло...

Кн. Палецкій.

Такъ кому-жь, Андрей?
Чего же ждать?

Кн. Курбскій.

Кончины государя.

Кн. Турунтай.

Покажѣсть мы тутъ станемъ собираться,
Захарьины все царство заберутъ,
И станемъ мы изъ ихнихъ ругъ кормиться!

Бояре.

Идемъ къ царю! Тебѣ хотимъ служить!
Захарьинскому роду не дадимъ
И подойти къ московскому престолу!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Княгиня-мать! Благослови на царство.

Кн. Курбскій.

Царь живъ еще...

Бояре.

Благослови, княгиня!

Кн. Евфросинья.

Благослови Господь!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Коней къ крыльцу!

Идемъ, бояре. Вамъ я довѣряю
Мою судьбу.

Бояре.

Мы всюду за тобой. (*Уходятъ*).

Кн. Евфросинья (*одна*).

Насталъ мой часъ. Во прахъ пресмыкаюсь,
Я сберегла всю злобу за обиды
Несчетныя! Со стѣнъ моей тюрмы
Сочилась кровь, мнѣ на сердце ложилась
И каждая росинка крови той
Змѣю подколодной становилась!
Приспѣло время! Выпущу я змѣй
И вспоенныхъ и вскормленныхъ тоскою
И злобой лютой на царя Ивана!
Елена! Будь жива ты,—смерти лютой
Ты запросила-бъ! Сынъ твой умираетъ...
Еще онъ живъ, а сына моего
Зовутъ на царство! Онъ сорветъ съ Ивана
Златыя бармы заживо и сядетъ
Владыкой мощнымъ на московскій столъ.
И мнѣ, взростившей сына въ заточеньи
Сырой тюрмы, теперь принадлежать
Вся власть, вся сила враговъ моихъ!
О, дьяволы проклятыя! Теперь-то
Натѣшусь я, какъ тѣшился мной!

(*Уходитъ*).

Картина седьмая.

1558 годъ.

Опочивальня царя Иоанна Васильевича. Большой покой. Слѣва лежитъ на лавкѣ, убранный камкой и бархатомъ, подъ парчевымъ покровомъ, больной Иоаннъ.

Иоаннъ больной, Царица Анастасія, Григорій Захарьинъ, Данило Захарьинъ, Сильвестръ въ глубинѣ.

Анастасія (держитъ руку Иоанна).

Въ огнѣ рука! Такъ полымежь и пышетъ!
Глаза горять...

Иоаннъ.

Испить мнѣ...

(Царица подаетъ питье).

Царица.

Государь!

Полегче-ль стало?

Иоаннъ.

Душно... Голова...

О, Господи... помилуй!

(Впадаетъ въ забытѣе).

Анастасія (тихо плача).

Дядя! братецъ!...

Что дѣлать мнѣ? Его не узнаю я...

Мнѣ душу рветъ на части стонъ его!

Григорій Захарьинъ.

Врача позвать...

Данило Захарьинъ.

Вонъ попъ стоитъ, какъ стражникъ.

Онъ не пропуститъ дохтура къ царю.

Анастасія.

Отецъ Сильвестръ! Я долго покорялась
Твоимъ словамъ. Но если снова ты
Претить намъ станешь—дохтурскую помощь...
Я прикажу привести врача насильно!

Сильвестръ (заступая дорочу).

Когда Господь судилъ царю снести
Болѣзнь тяжелую, снесетъ и безъ врача.
А коли Онъ обрекъ его на смерть—
Противиться святой Господней волѣ
И мудростью ничтожной человѣка
Всевышняго десницу устранять—
Грѣшно, царица! Милостивъ Господь!

Григорій Захарынь.

Вамъ на руку кончина государя.

Сильвестръ.

Смирениемъ отвѣчу на такія
Твои слова.

Григорій Захарынь.

Смирение твое,
Отецъ Сильвестръ, не больно-то душевно!
Гляди, какая смута! Половина
Бояръ и воеводъ, друзей твоихъ,
Не хочетъ цѣловать креста, а ты
Молчишь, отецъ. Не гоже такъ чинить!
Ты вспомнилъ бы добро царя Ивана...
Поговорилъ съ боярами!

Сильвестръ.

Не наше,
Бояринъ, дѣло разсуждать о томъ:
Я Господу молюсь и не мѣшаюсь
Въ дѣла мірскія.

Григорій Захарынь.

Полно, такъ ли?

Сильвестръ.

Такъ!

Анастасія.

Тебя, Сильвестръ, я чтю, какъ отца,
А ты меня и съ сыномъ отдаешь
Безъ жалости врагамъ моимъ на жертву,
Господь тебѣ судья!

Сильвестръ.

И Онъ разсудить,
Меня съ тобой, царица! Ты меня,
Какъ Евдокія гнала Златоуста,
Давно ужъ гонишь...

Юаннъ (*въ бреду*).

Ратники Господни!
Нашъ вѣтъ стягъ надъ башнями Казанп!

Анастасія.

Царь-государь... Опомнись... Оглянись...
Ты здѣсь, въ Москвѣ, въ своей опочивальнѣ.

Юаннъ.

Цѣлуйте крестъ... Измѣнники... я знаю...
Я знаю васъ... христопродавцы...

Анастасія.

Боже!

Зачѣмъ я дожила до этихъ дней?

Юаннъ.

Не люди... Богъ... вѣнчаетъ государей...
Вамъ не сорвать вѣнца...

Дмитрій... сынъ!

Что станется съ тобою... Охъ!... испить...

(Царица подаетъ ему питье. Онъ затихаетъ).

Сильвестръ.

Царяца! Отойди отъ государя...
Должно насталъ его послѣдшій часъ

Юаннъ (*открывъ глаза*).

Нѣтъ, живъ пока... Захарьинъ! Подойди
Сюда поближе... Цѣловали крестъ?

Григорій Захарьинъ.

Мстиславскій, Воротынскій цѣловали...

(*Входитъ Воротынскій*).

Воротынскій.

Съ боярами прѣѣхалъ князь Владиміръ—
Дозволишь ли войти къ тебѣ...

Іоаннъ.

Зови!

Анастасія.

Пречистая! помилуй! заступи!

(Входитъ кн. Владиміръ Андреевичъ и всѣ бояре, кромѣ Курлятева).

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Спаси тебя Господь, великій царь!

Каковъ ты нынче въ здравіи своемъ?

(Іоаннъ слабо киваетъ головой и въ изнеможеніи откидывается).

Адашевъ *(Сильвестру)*.

Честной отецъ! Онъ дня не проживетъ.

(Сильвестръ вздыхаетъ).

Іоаннъ *(слабымъ голосомъ Воротынскому)*.

Бояринъ... князь Владиміръ Воротынскій!

Чини... какъ я... сказалъ тебѣ...

Кн. Воротынскій.

Бояре!

Великій государь и самодержецъ
Всея Руси, царь Іоаннъ Васильичъ,
О земскомъ дѣлѣ и строеніи царства
Вельми радѣя, памятуя близкій
Свой смертный часъ, изволилъ указать:
На цѣловальной записи, въ которой
Царевичу и сыну своему,
Димитрію, приказываетъ царство,
Вамъ присягать и крестнымъ цѣлованьемъ
Присягу ту на вѣки утвердить.
Ты первый, государь и князь Владиміръ
Андреевичъ...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Бояринъ Воротынскій!

Той записи въ глаза я не видалъ.

Кн. Воротынский.

Такъ вотъ она. Наслѣднику цареву
И своему племяннику ты первый
Клянись служить до смерти и до крови!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Какъ и кому служить—укажишь мнѣ
Единый Богъ...

Кн. Воротынский.

И Богъ тебѣ велитъ
Законному царю повиноваться.
Мы за тобой стоимъ. И мнѣ тебя
Учтъ гораздо-ль?

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Не гораздо, князь!
Я царскій братъ! Такъ вмѣстнo-ль мнѣ тебя,
Холопа, слушать?

Кн. Воротынский.

Душу далъ свою я
Царю Иванъ-Васильчу и сыну
Его Дмитрію, моимъ да и твоимъ
Единымъ государямъ! Ихъ велѣнемъ
Съ тобою говорю, за нихъ стою
И имъ однимъ служу! А доведется —
Не только что указывать тебѣ,
А драться буду!

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Ты, холопъ, со мною?!
Со мною драться!

Петръ Щенятевъ.

Не царю служить,
Захарьинимъ ты, видно, общался!

Кн. Пронскій Турунтай.

А мы служить боярамъ не хотимъ!
Довольно съ насъ былого!

Кн. Курбскій.

Государь!

Мы твоего царевича беречь
Цѣлуемъ крестъ, но нашимъ государемъ,
Властителемъ Русси, не младенцу
Быть надлежить...

Одни бояре.

Захарьины писали
Ту запись цѣловальную себѣ,
Пускай и присягають.

Захарьинъ.

Присягнули
Еще вчера со многими...

Кн. Щенятевъ.

Еще бы!

Кн. Турунтай.

Самимъ себѣ все царство записали,
Какъ вотчину...

Одни бояре.

Мы не хотимъ служить
Захарьинымъ... Повыше ихъ есть родомъ...
Не вмѣстно намъ... Креста мы не цѣлуемъ...

Кн. Мстиславскій.

И мы, бояре, цѣловали крестъ
Не Юрьевымъ-Захарьинымъ, а сыну
Царя Ивана...

Другіе бояре.

Выростеть царевичъ.
Егоже царство... служимъ мы ему...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

А до тѣхъ поръ Данилъ да Никитъ
Захарьинимъ?

Кн. Пронскій-Турунтай.

А воль умреть царевичъ?

Кн. Мстиславскій.

Не гоже такъ, князь Пронскій, говорить!
Цѣлуйте крестъ...

Одни бояре.

Не станемъ... Не хотимъ...

Кн. Палецкій.

Цѣлуютъ крестъ всегда предъ государемъ,—
Здѣсь государя нѣтъ...

Кн. Воротынскій.

Безстыжій воръ!

Измѣнникъ ты! Ты самъ вчера вечеръ
На этомъ самомъ мѣстѣ присягнулъ,
А нынче на попятный... Я плюю
Тебѣ въ лицо за это, князь Дмитрій.

Кн. Пронскій-Турунтай

(Воротынскому).

Съ отцемъ своимъ ты первый былъ измѣнникъ,
А нынѣ насъ къ кресту приводишь!

Кн. Воротынскій.

Да!

Измѣнникъ я—а вѣрою и правдой
Служу моимъ великимъ государямъ
Ивану да Дмитрію, а ты,
Хоть и прямой да вѣрный человекъ,
Какъ подлый переметчикъ измѣнаешь!
И стыдъ и срамъ! Князь Старицкій!

Коль ты

Креста не поцѣлуешь, я тебя
Не выпущу отсюда...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Не впервой

Боярамъ будетъ заточать меня!
Я помню ваши тюрьмы. Прикажите
Свести меня въ застѣнокъ, гдѣ отецъ
Задушенъ былъ по вашему велѣнью!

Кн. Воротынскій.

Тебѣ и честь и мѣсто уступаемъ...
Цѣлуй лишь крестъ...

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Знакомыя слова!

Отецъ повѣрилъ—будеть съ васъ.

А сыну

Ужъ вѣрить не приходится...

(Шумъ и крики бояръ).

Одни бояре.

Задушать!

И намъ не жить...

Другіе бояре.

Безстыдно такъ чинить!

Продажники!

Одни бояре.

Захарьинскіе смерды!

Іоаннъ (слабо).

Бояре!.. стойте... дайте мнѣ промолвить.

(Кляжетъ Старицкому)

Мой братъ... мой другъ.. за что же ты меня

Болящаго, безсильнаго покинулъ?..

Мнѣ не даешь... покойно... умереть?

Тебѣ я могъ бы приказать... насильно...

Но... не хочу... и Богомъ Всемогущимъ

Молю тебя...

Воротынскій и другіе бояре.

Великій государь!

Бого ты молишь...

Іоаннъ.

Князь Владиміръ! Братъ!

Тебѣ вручаю сына... Присягни...

(Воротынскому)

Владиміръ... дай... онъ... крестъ цѣлуешь...

(Воротынскій подаетъ ему крестъ).

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Нѣтъ!

Іоаннъ (съ изнеможеніемъ).

Такъ отвѣчай-же самъ ты передъ Богомъ...

Душой... твоей!.. Мнѣ до того... нѣтъ... дѣла...

(Ослабѣваетъ)

Предъ Господомъ... предстану скоро я...

И узреть Онъ... страданія моя...

И будетъ Онъ защитникомъ сиротскимъ...

(Склоняется головой на изломоте).

Кн. Воротынский.

Бояре! Къ вашей чести я взываю,
Боярской чести вашей: присягайте!
Цѣлуйте крестъ...

Князь Пронскій Турунтай

Не станемъ!

Однѣ бояре.

Не цѣлуемъ!

Кн. Мстиславскій.

Отъ вѣка воры! Душу продаете
Вы сатанѣ...

Другіе бояре.

Отсюда не уйти

Ни одному, креста не цѣловавши!

(Шумъ и крики.)

Кн. Воротынский *(со слезами)*.

О горе мнѣ великое! Зачѣмъ
Привелъ Господь вернуться съ поля брани?
Зачѣмъ велѣлъ мнѣ видѣть поруганье
Боярской чести? Стыдно мнѣ за васъ!
Холопъ простой покойно умираетъ:
Его ни придетъ, спокойствіемъ и миромъ
Старается украсить смертный часъ!
А государь въ безпамятствѣ, въ болѣзни,
Не вѣдаетъ ни мира, ни покоя!
Такъ пусть на васъ проклятіе земли
На вѣкъ пятномъ неизгладимымъ ляжетъ!

Кн. Курбскій *(злбно, громко)*.

Иль мало намъ и слезъ, и горя было,
Когда рука царя была отъ дѣтства
Такъ немощна, какъ немощна теперь
Отъ злой болѣзни? Иль безумствомъ новымъ
Вы вновь хотите ввергнуть въ бездну золь
Годинами тяжелыхъ испытаній
Измученную землю? О, бояре!
Предъ Богомъ мы отвѣтимъ, если клятву

Нарушимъ мы. А нарушать придется!
Такъ лучше жь намъ совсѣмъ не присягать!
Я первый отрекаюсь...

Кн. Воротынский.

Еслибъ здѣсь
Я могъ мечемъ работать, какъ въ бою,
Тебѣ бы въ глотку вбилъ твои слова я
И залилъ бы ихъ кровію твоей!...
Небось, безъ споровъ цѣловали крестъ
Исполненному силы государю!
Устрашены могуществомъ его,
Клялись иныхъ властителей не вѣдать,
Опричь его и сына! Нынѣ-жь, видя
Его безсильнымъ, подлые рабы
Забыли всё и дьявольскою рѣчью
Свою измѣну обѣлить хотятъ!
Боаре, цѣловавшіе вчера
Крестъ государю, обступите ложе!
Пусть ни одинъ изъ нихъ *(указываетъ на другихъ бояръ)*
не подойдетъ,
Не осквернитъ своимъ прикосновеніемъ
Болящаго царя, и не увидитъ
Его очей, и не услышитъ вздоха
Послѣдняго вѣнчаннаго страдальца.

(Бояре обступаютъ царское ложе. Остальные съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ, Пронскимъ и другими остаются въ сторонѣ; по срединѣ Сильвестръ и Адашевъ.)

Кн. Пронскій Турунтай.

И за живаго также уцѣнятся...

Кн. Палецкій.

Легко владѣть младенцемъ.

Кн. Курбскій.

Отойдите!

Не на царя, на Юрьевыхъ идемъ...

(Крики.)

Адашевъ.

Коль мы дадимъ крестное цѣлованье,
Мы Русь погубимъ. Государь теперь
Гладитъ на все туманнымъ окомъ смерти.

Не видитъ онъ, что станется съ землею,
Когда престоломъ будетъ—колыбель.

Царица Анастасія (*рыдая*).

Боаре! Буду Господу молиться,
Чтобъ жены ваши не терзались такъ,
Какъ вы меня заставили терзаться!
Вы сердце въ ключья изорвали мнѣ,—
То сердце, что за васъ всегда болѣло!
Я плакалась горючими слезами
Не разъ, не два за васъ предъ государемъ,—
Пускай теперь поплачу передъ вами
За мужа и за сына. Объ одномъ
Молю я васъ усердно: не томите!
Кто подобрѣй, въ комъ не застыла кровь,
Кто пожалѣтъ меня хоть малость можетъ, —
Ударь меня ножомъ, покончи разомъ.
(*Иоаннъ стонетъ.*)

Адашевъ.

Царица! Государыня! помилуй.

Анастасія.

Адашевъ, первый ты! Тебѣ способѣй,—
Ты ближе всѣхъ стоялъ при государѣ...

Сильвестръ.

Безуміе! Царица, постыдись!

Анастасія.

Честной отецъ! Царица Евдокія
Стыда не знаетъ! Дай благословенье
Убить меня за всѣ твои гоненья!

Кн. Владим. Андр.

Царица...

Анастасія.

Князь Владиміръ! Отъ тебя
Хочу я смерти! Много передъ тобой
Я виновата: подарила сына
Царю Ивану! Препрадила путь
Тебѣ къ престолу! Ты убей! Ты вправѣ!
Не хочешь, князь? И нѣтъ ни одного,
Кто-бъ прекратилъ тоску мою и муку?

Не мучайте... Пускай не вижу я
Царевой смерти, вашего насильства
И гибели царевича!... Я—мать...
Хоть не царицу—мать вы пощадите!
Мнѣ каждый мигъ на части сердце рветъ,
Душа изныла. Именемъ Господнимъ
Молю о смерти... Сжальтесь надо мной!
(Глухо рыдая, падаетъ къ ногамъ царя.)

Юаннъ *(какъ бы въ бреду)*.

Господень гнѣвъ... Господне наказанье!...

Кн. Курбскій.

Нѣтъ силъ моихъ... *(Воротынскому):*
Бояринъ князь Владиміръ!
Цѣлую крестъ. *(Цѣлуетъ крестъ. Нѣкоторые бояре за нимъ.)*

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Захарынымъ, князь Курбскій?

Кн. Воротынскій *(поднимая крестъ)*.

Христомъ распятымъ заклинаю васъ
Въ послѣдній разъ: одумайтесь, бояре!

Метиславскій и другіе бояре.

Дойдемъ до крови...

Кн. Турунтай и первые бояре.

Отойдите прочь...

Мы не хотимъ... Не станемъ... Допустите
И насъ къ царю.

Кн. Воротынскій.

Щенятевъ! Турунтай!
Князь Старицкій! Предъ всѣми говорю:
Кто ступитъ шагъ къ царю, того на мѣстѣ
Я положу... *(Обнажаетъ мечъ.)*

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Я голову съ тебя
Сорву, проклятый... Допусти къ царю.

Кн. Воротынскій.

Цѣлуй сначала крестъ! Ты умыслъ держишь!
Братоубійца! Канниъ! Хочешь ты—

Болящаго тревогою и страхомъ
Убить... (*заступая ему дорогу*) Не смѣй...

Одни бояре.

Пусти къ царю...

Другіе бояре.

Бояре!

Идите прочь...

Ии. Мстиславскій.

Князь Старицкій! Назадъ!
Ты призывалъ къ себѣ дѣтей боярскихъ,
Ты раздавалъ имъ деньги. На царя
Ихъ поднималъ!

Ии. Владиміръ Андреевичъ.

Я властенъ раздавать
Мое добро, кому хочу, холопъ!
Не на царя я умысль держу,
Захарьинимъ я связываю руки,
И не однихъ дѣтей боярскихъ,—нѣтъ!—
А всю Москву я подниму на нихъ!

Д. Захарьинъ (*со страхомъ*).

Великій государь...

Ии. Владиміръ Андреевичъ.

Въ послѣдній разъ:

Пусти къ царю!

Ии. Воротынскій.

На шагъ не допущу,
Клянись сперва...

Сильвестръ.

Не гоже такъ чинить!
Кто смѣетъ брата къ брату не пускать!
Князь Старицкій царю добра желаетъ.

Іоаннъ (*со стономъ*).

Сильвестръ! Сильвестръ! Духовный мой отецъ!
(*Захарьинимъ.*)

Захарьины! Постойте за меня...
Постойте за царицу.—О, Григорій!
Умру—ты будешь первымъ жертвцомъ.

Бояре (*со страшнымъ крикомъ*).

Цѣлуйте крестъ... Владимиру цѣлуемъ...
Прочь отъ царя... Предатели!.. Злодѣи!
Измѣнники!.. Крамольники!..

Іоаннъ (*собравшись съ послѣдними силами*).

Бояре!

Кто вѣренъ мнѣ... кто крестъ мнѣ цѣловаль,
Бѣгите съ сыномъ за рубежъ...

Спасите...

Въ инья земли...

(*Падаетъ безъ силъ.*)

Кн. Воротынский.

Князь! Живой или мертвый,
А ко кресту приложишь ты уста.

Іоаннъ (*съ бреду*).

Димитрій... Сынъ... Царица... Умираю...

Бояре.

Стрѣльцовъ сюда... Проклятые... Вязите...
Владимира на царство... Государь
Безъ памяти... Да здравствуетъ Владиміръ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Картина восьмая.

1553 годъ.

ДЕКОРАЦІЯ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СЦЕНЫ.

(*Царь Іоаннъ, блѣдный, сильно измѣнившійся послѣ болѣзни, сидитъ на скамьѣ, покрытой камкой. Въ рукахъ его псалтырь.*)

Іоаннъ.

Напрасно я ищу въ словахъ священныхъ
Прощенія и благодати. Душа
Исполнена тяжелою обидой,
И не могу, не въ силахъ я прощать!
За что? За что? За кротость и смиренье,

За милости великія и ласки...
Недѣли не прошло, передо мной
Стояли всѣ съ покорностью и страхомъ.
Казалось, взглядъ мой, слово, мановенье—
Въ огонь пойдутъ, другъ друга и себя,
Самихъ себя мнѣ въ жертву принесутъ!
Въ суровости я каялся предъ ними,
И вотъ конецъ! Не давши умереть
И крестное забывши цѣлованье,
Ужъ новаго на царство выбираютъ!
Надъ горестной парицею смѣются,
Царевича пытаются сгубить...
Я живъ еще, а ужъ они хоронятъ...

(Встаетъ.)

Но какъ винить бояръ, когда Адашевъ!...
Я вытащилъ его изъ грязи, я
Ему вручилъ надъ Русью самовластье,
Всѣ помыслы и думы безъ утайки
Открылъ ему, поставилъ ближе брата,
Любилъ его, какъ сына своего...
О Алексѣй!... *(Понижаетъ головой.)*

Что сдѣлалъ ты со мной?

Когда-бъ вся Русь возстала на тебя,
Тебя я не покинулъ бы. А ты?
Молчалъ! Молчалъ, когда мнѣ душу рвала
Боярская измѣна! Хитрымъ окомъ
Гладѣлъ на всѣ терванія мои!
Любимый мой—меня ты продалъ первый!

(Входитъ Сильвестръ.)

А! вотъ другой! Мнѣ душу исправлять,
Должно, пришелъ! Врачъ, исцѣлился самъ!

(Садится и улубляется въ чтеніе.)

Сильвестръ *(осталась вливается у входа).*

Такъ, сыне, такъ! Прилежнымъ упражненіемъ
Въ священныхъ книгахъ обрѣтаемъ мы
Покой и миръ душѣ мятежной. Ты же,
Возставъ съ одра, нуждаешься въ притогахъ
Духовныхъ силъ. Пожреть молитва сердце,
И сердце да пожреть молитву! Отъ сѣтей
Врага Христова охранить тебя
Усердное и слезное моленье.

Іоаннъ (*кладетъ книгу и домо смотритъ на Сильвестра*).

Честной отецъ! Хочу тебя спросить:
Что-бъ дѣлать ты, когда бѣ Господь велѣлъ мнѣ
Къ себѣ предстать?

Сильвестръ.

Молился-бѣ о тебѣ.

Іоаннъ.

И только?

Сильвестръ.

Что-жъ еще? Молитва—все.

Іоаннъ.

А если бы, отецъ, въ твоихъ глазахъ
Жену и сына вороги мои
Коварными дѣлами изводили,
Ты все молился бѣ, ни единымъ словомъ
Имъ не былъ бы заступникомъ?

Сильвестръ.

Но кто-жъ

Твои враги?

Іоаннъ.

Ты ихъ, отецъ, не знаешь?

Сильвестръ.

Не знаю, царь.

Іоаннъ.

И вѣдомо, отецъ!

Гдѣ знать тебѣ! Твои друзья не могутъ
Мнѣ зла желать. Они, желая блага,
Да встать и кончины поскорѣе,
Дѣлили царство и престолъ наслѣдный
У сына отнимали! Мой вѣнецъ,
Мнѣ Господомъ дарованный отъ вѣка,
Владиміру безправно предлагали,
И буйнымъ самовластвомъ омрачали
Мой часъ предсмертный,... Все, желая блага,
Ты, мой отецъ, и Алексѣй Адашевъ
Безмолвіемъ и умываньемъ рукъ
Въ борьбѣ съ крамолой помогали мнѣ,
Безсильному, болѣзному страдальцу!!...

Сильвестръ.

Всевышній Богъ зреть правду дѣлъ моихъ, —
Я чистъ стою!...

Іоаннъ.

Не больно чистъ, отецъ!

Сильвестръ.

Служителю Господню не подобно
Руку прилагать ко суетнымъ дѣламъ.

Іоаннъ.

Во всѣхъ дѣлахъ мірскихъ, въ войнѣ и мирѣ,
Въ строеніи земскомъ ты своимъ совѣтомъ
Не оставляешь грѣшнаго меня, —
Что-жь нынѣ ты смиренно отстраняешь
Отъ тѣхъ же дѣлъ всѣ помыслы свои?

Сильвестръ.

Ты самъ, великій царь, меня поставилъ,
Чтобъ я тебѣ совѣтишкомъ своимъ
Служилъ посильно...

Іоаннъ.

Иль мое лицо,
Мой скорбный взглядъ о томъ же не молили,
Когда при дикомъ гнѣвѣ боярскомъ
Безгласенъ и безмолвенъ я лежалъ?

Сильвестръ.

Великій царь...

Іоаннъ.

Царица Анастасья
О помощи тебя ли не просила?
Не мой ли сынъ за помощьюъ къ тебѣ
Младенческія руки простиралъ?
Не за меня-ль вся Русь въ великой скорби
Къ тебѣ взывала? Но отецъ Сильвестръ
Неслышащимъ, незрящимъ притворился
И продалъ насъ...

Сильвестръ.

Великій государь!

Твой-ль слова?

Іоаннъ.

Мои, честной отецъ!

Въ душевной глубинѣ я скоронилъ
Огонь и пылъ природный. Съ покаяньемъ,
Съ покорностью слѣпой я поручилъ
Тебѣ мой умъ и волю. Подъ тобой
Я жилъ, какъ сынъ подъ отчею рукою,
Но сынъ отцомъ покинуть быть не можетъ
Въ столь горькій часъ! А ты, наставникъ мой,
Ты, мой отецъ, отъ сына своего
Безжалостно, бездушно отступилъ!
За что, отецъ? что сдѣлалъ я тебѣ?
Спасень отъ смерти Божьимъ изволеньемъ,
Я радостью исполниться бы могъ,
Но смерть царить во мнѣ! Отецъ, отецъ!
Мнѣ легче вновь перенести бывшее,
Тревогу о супругѣ, поруганье
Безчинное боярства моего,
Сиротство сына и кончины близость,
Чѣмъ вспоминать, какъ ты бездушнымъ окомъ
На всѣ мои терзанія глядѣлъ!

(Опускаетъ голову на руку.)

Сильвестръ *(послѣ молчанія)*.

Дозволь уйти въ обитель, государь!

Іоаннъ.

Зачѣмъ, отецъ? При помощи боярской
Тебѣ легко занять митрополичье
Сѣдалище и—царскій мой престолъ
Къ нему въ добавокъ.

Сильвестръ.

Я не обольщусь
Земнымъ величьемъ и честолюбья нѣтъ
Въ моей душѣ. Великій государь,
Я удалюсь. Суровыми словами,
Стуженьемъ о боярахъ и землѣ
Претить тебѣ не стану. На просторѣ
Владычествуй—и, удержи не зная,
Твори свою на государствѣ волю. *(Идетъ.)*

Іоаннъ *(въ сильной борьбѣ)*.

Гдѣ-жь истина? Онъ правъ—иль голосъ тотъ,

Что день и ночь звучитъ въ моихъ ухахъ...

(Сильвестру.)

Отецъ, отецъ! Спаси меня! Нѣтъ силъ...

Я ослѣпленъ. Я истины не знаю.

О, мой отецъ! невѣдомое что-то

Во мнѣ творится. Кровь моя кипитъ!

Мнѣ чудятся таинственные звуки:

Они зовутъ меня къ такимъ дѣламъ,

Какихъ Господь благословить не можетъ.

Я власти жажду,—полной, грозной власти,

Безъ удержа, безъ строгаго запрета!

Законы Божьи тяжкими цѣпами

Лежать на мнѣ! Стремится разорвать

Бурливая природа цѣпи эти!

Прощенья нѣтъ... Отмщенье за обиды

И казни мнѣ мерещатся. Нѣтъ силъ

Бороться долго съ бурей душевной.

Ты знаешь ли, что въ этотъ самый мигъ

Я злобою такою пренсполненъ,

Что смерть грозить...

Сильвестръ.

Кому?

Юаннъ.

Тебѣ, отецъ!

(Молчаніе. Оба смотрятъ другъ на друга.)

Волнамъ морскимъ прибрежные утесы

Разлиться не даютъ, и грудь о грудь

Волна и камень борятся отъ вѣка,

Такъ мы съ тобой! Страстей выпящихъ пылъ

Грозить твоей холодности суровой!

Грѣховныя и бурныя волненья

Моей души отъ мощности священной

Твоей, отецъ, сильнѣе свирѣпѣютъ,

Мнѣ сердце пожираютъ и огнемъ

Палать меня... Что дѣлать мнѣ, отецъ?

Какъ совладать мнѣ съ этой страшной мукой?

(Рыдаеть.)

Сильвестръ.

Собрались здѣсь враги твои, — ты самъ

Ихъ такъ зовешь:—княгиня Евфросинья,

Князь Старицкій и прочіе бояре.

Что сдѣлаешь ты съ ними?

Іоаннъ.

Ты, отецъ,
Ты спрашиваешь, что? Искореню
Ихъ родъ проклятый! По вѣтру развѣю
Я пепель ихъ! Псамъ брошу на съѣдене!

Сильвестръ.

И вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ—позабудь
Покой душевный! Какъ песокъ морской,
Умножатся тогда твои страданья!
Здѣсь, на землѣ, ты испытаешь все,
Что грѣшники въ аду претерпѣваютъ!..
Господь велѣлъ прощать своимъ врагамъ.

Іоаннъ.

Иди, честной отецъ, иди отсюда!
Плохое время выбралъ ты... Иди!

Сильвестръ.

Предвижу раззореніе царства! Нѣтъ
Строенья тамъ, гдѣ нѣтъ любви и мира!
(Уходитъ.)

Іоаннъ (одинъ).

(Домо смотритъ вслѣдъ Сильвестру, потомъ кладетъ руку на книгу.)

Въ писаніи священномъ, въ древнихъ книгахъ
Я отыскалъ свои права и твердо
На нихъ я стану. Пращуръ Мономахъ,
Дѣдъ Іоаннъ и многіе иные
Державцы русскіе—мнѣ указали путь
И дѣло мнѣ святое завѣщали:
Русь укрѣпить подъ властною рукой.
Они собрали землю—мнѣ осталось
Послѣднимъ камнемъ зданье увѣнчать.
Зачѣмъ же мнѣ претятъ такое дѣло?
Иль кровь бояръ, крамольныхъ и продажныхъ,
Дороже, чѣмъ завѣтъ отцовъ державныхъ?
О! даруй ми, рабу твоему, Боже,
Давида силу, мудрость Соломона,
Могущество царьградскихъ государей
И Августа умѣнье царствомъ править,
Да вознесу высоко тронъ наслѣдный,
Лишь отъ Тебя дарованный, Тебѣ лишь

Покорный и подвластный!

(Становится на колѣни.)

Боже сильный!

Душа моя открыта предъ Тобой!
Единый Ты читаешь въ ней и знаешь,
Какъ тяжело мнѣ! Отъ младости моей
Я окруженъ крамолой и измѣной!
Матежники за мой вѣнецъ наследный
Безбожною хватаются рукою!
Своей пятой холопской наступаютъ
На мой престоль—и мыслятъ на меня.
Даруй ми, Боже вѣрнѣй, одолѣнье
На хищниковъ! Сподоби мя, Владыко,
Стереть съ лица земли и истребить
Изъ рода въ родъ враговъ самодержавства!
Твоимъ бо изволеніемъ родился,
На царствѣ я—однимъ Тобой помазанъ!

(Встаетъ.)

(Входитъ Анастасія съ боярынями.)

Анастасія.

Великій государь, къ тебѣ пришла я
Съ моленьемъ слезнымъ.

Іоаннъ.

Говори!

Анастасія.

Дозволь

Наединѣ остаться намъ.

(Боярынямъ):

Ступайте.

(Боярыни уходятъ.)

Великій государь! Тебѣ печалюсь
Я за бояръ.

Іоаннъ *(поднимаясь, изумленно).*

Ты? за бояръ?.. Настасья!
Въ умѣ ли ты?

Анастасія.

Великій государь!

Того ужъ нѣтъ, что было! Ты здоровъ.
Такая радость сердце умягчаетъ!
Останься чистъ отъ крови.

Іоаннъ.

Анастася!

Ты съ ними за одно?

Анастасія.

Нѣтъ, государь,
Я лгать не стану! И во мнѣ была
Не злоба,—нѣтъ, а тяжкая обида.
Но я на сына Дмитрія взглянула,
И сердце сжалось, замерла душа,—
Шли на него! Изъ-за него и кровь...
Изъ-за него, невиннаго младенца!
И на него проклятья вдовъ, сиротъ...
Я не уйду! У ногъ твоихъ прощенье
Я вымолю. Ты не откажешь мнѣ!..

(Становится на колѣни.)

Сними съ души тоску и страхъ! Прости!
Пускай благословенья,—не проклятья,—
Осыпая сына! Новымъ милосердьемъ
Смягчи сердца извѣнниковъ твоихъ!
Печальюсь со слезами, государь!
Прости врагамъ, какъ имъ Господь прощаетъ.

(Цѣлуетъ ея руку.)

Іоаннъ.

Царица, слушай! Знаешь ты иль нѣтъ,
Тебѣ самой что прочли бояре?

Анастасія.

Нѣтъ, государь, не знаю.

Іоаннъ.

Постриженье!

А сыну—смерть. Что если завтра вновь
Недугомъ тяжкимъ буду пораженъ я,—
Кто твой заступникъ?

Анастасія.

Память о тебѣ,
О государѣ благостномъ и добромъ.
Прости боярамъ!

Іоаннъ.

Нѣтъ, царица, нѣтъ!

Анастасія.

Не такъ они виновны, государь,
Какъ думаешь. Они о государствѣ—
Не о себѣ заботились. Ты самъ
Не разъ мнѣ говорилъ, какъ тяжело было
Твоей землѣ, когда ты молодъ былъ.
Того-жъ они боялись. Но теперь
Ты живъ, здоровъ. Немного лѣтъ пройдетъ,
Забудешь ты тревогу и смятенье,
И самъ ты пожалѣешь воеводъ,
Погибшихъ отъ тебя по неразумью...

Стольникъ (*входитъ*).

Великій царь! По твоему указу
Тотъ прибылъ старецъ...

Юаннъ.

Гдѣ онъ?

Стольникъ.

Въ той избѣ,

Какъ указать изволилъ ты.

Юаннъ.

Ступай.

(*Стольникъ уходитъ*.)

Ты слышишь, Анастасья? я не смѣю
Въявъ видѣться съ кѣмъ похочу! За мной
Такой присмотръ, что долженъ я украдкой.
Друзей отцовскихъ звать къ себѣ. А ты
О милости печалишься! Не милость—
Имъ казнь нужна.

Анастасія.

Ты ихъ простишь?

Юаннъ.

Посмотримъ!

(*Уходитъ*.)

Анастасія (*одна*).

Простить! Я вижу по всему, простить!
Нѣтъ выше счастья въ свѣтѣ отплатить
Добромъ за зло, прощеньемъ за обиду...
(*Входятъ Адашевъ и Сильвестръ*.)

Сильвестръ.

Довольна ли, царица Анастася
Романовна?..

Анастасія.

О чемъ ты говоришь,
Честной отецъ?

Сильвестръ.

О томъ же все, царица!
Издравле государыни бывали
Заступницами въ гнѣвъ мужнемъ. Ты
Забыла, видно, добрый тотъ обычай?
Не на добро, — на зло царя ведешь
И душу губишь царскую! Ты братьевъ,
Захарьинныхъ, щадишь и бережешь,
А прочихъ всѣхъ известъ готова! Крови
Тебѣ, царица, нужно! Ты воздвигла
Гоненія неслыханныя! Ты
Повинна передъ Богомъ въ нашемъ горѣ!

Анастасія.

Честной отецъ! Ты мнѣ ли говоришь?

Адашевъ.

Мы головы свои тебѣ, царица
Настасія Романовна, готовы
Отдать безъ спору. Пощади лишь прочихъ.
Не принимай великаго грѣха.

Сильвестръ.

На лучшихъ воеводъ земли Московской
Царя ты опалаешь! Стыдъ тебѣ!

Анастасія.

Иль разума лишилась я? Иль уши
Мнѣ лгутъ, Адашевъ? Что ты говоришь,
Отецъ Сильвестръ? Я царскую опалу
Зову на васъ?

Адашевъ.

Господь тебя суди!
Виновны мы, нѣтъ спору! О Руси
Была забота наша, не о томъ
Кому сидѣть на царствѣ: Иоанну-ль,

Димитрію-ль, Владиміру-ль. Мы землю
Сбережъ хотѣли—въ томъ мы виноваты!
Блюстителя надежнаго искали,
А ты, царица, думала о томъ,
Какъ сыну быть.

Анастасія.

Бояринъ Алексѣй!

Довольно! Замолчи! Не гоже слушать
Царицѣ, государынѣ твоей,
Такія рѣчи дерзкія! Не стану
Предъ вами обѣляться! Видитъ Богъ,
Что мысля я, о чемъ предъ государемъ
Сейчасъ въ слезахъ колѣна преклоняла!
Вы землю берегли-ль, того не знаю,
Но видѣла, у сына моего,
Рожденнаго на царствѣ, вы хотѣли
Отнять вѣнецъ наслѣдныи! У супруга
Больнаго и скорбящаго—толпою
Собрали вы всѣхъ недруговъ его!
Моимъ слезамъ смѣялись, а теперь
Дерзаете жестокой укоривной,
Неправедной, презрѣнной клеветой
Меня чернить? Забылись вы! Не мнѣ
Вамъ отвѣчать! Супругъ государя
И слушать-то не слѣдъ такихъ рѣчей!

Сильвестръ (*въ сторону*).

О, Маріамна!

Анастасія.

Я челомъ ударить
Могла-бъ царю...

Адашевъ.

Твое приспѣло время,
Царица! Можешь отомстить за все.

Анастасія.

Не мнѣ, царицѣ, мстить моимъ холопамъ,
Я государю слова не скажу.
Коль совѣсть въ васъ не вовсе умерла,
Она вамъ отомстить. Я васъ прощаю.
Но чтобъ впередъ не смѣли вы ко мнѣ
И подходить съ допросомъ или указомъ!
Въ васъ страха нѣтъ: добра я и кротка,

Но мѣра есть и кротости, и благу!
У ногъ моихъ въ слезахъ молитъ должны вы
О милости! Я долго выносила
Гордыню вашу! Знайте же, отнынѣ
Сбужю я вамъ мѣсто указать.

(Уходитъ.)

Адашевъ.

Не быть добру! Но такъ или иначе
Рѣшить Господь—я чувствую одно:
Не о себѣ я мыслилъ, и въ измѣнѣ
Я не виновенъ. Смерть ли мнѣ грозить,
Иль тяжкая опала—передъ Богомъ,
Предъ совѣстью моею и передъ Русью
Я чистъ, отецъ.

Сильвестръ.

Господь насъ не покинетъ.

(Уходятъ. Входитъ Иоаннъ съ сопровождающимъ Вассіана. Ветхій старецъ.)

Иоаннъ.

Войди сюда, честной отецъ и другъ.

(Входитъ Вассіанъ.)

Вассіанъ.

Давно въ тиши я отъ мірскихъ суетъ
Отрекся, сыне... Близокъ я къ могилѣ.
Не мнѣ давать совѣты государю
Премудрому, исполненному силы,
Всемощному властителю и сыну
Великаго правителя.

Иоаннъ.

Отецъ!

Я одинокъ. Всѣ ближніе мои
Мнѣ не мирволятъ. Знаешь ты бояръ.
Самъ при отцѣ покойномъ наглядѣлся
На ихъ дѣла. Помыслилъ я избрать
Пособниками въ тягостяхъ правленья
Людей не знатныхъ родомъ. Думалъ я,
Ихъ жалованьемъ жалуя великимъ,
Создать оплотъ неизблемый себѣ
И вѣрныхъ слугъ найти,—но какъ ошибся!
Они пошли съ боярами на дружбу
Великую. Я сталъ ихъ общій врагъ.

Что дѣлають! Я власти не имѣю,
Я плѣнникъ есмь на тронѣ. Воли нѣтъ
Моей на нихъ. Худые ихъ совѣты
Въ великой чести, помысли-жь мои,
Что не чета ихъ помысламъ куринымъ,
Въ великомъ небреженьи. Я не смѣю
Въ своемъ доминшѣ дѣлать, что хочю,—
Указкою указываютъ мнѣ,
Какъ ѣсть и пить, и разрушеньемъ царства
Грозятъ всечасно. При моей болѣзни
Владимиру отдать хотѣли царство
И сыну крестъ претгли цѣловать.
Дай мнѣ совѣтъ, что дѣлать мнѣ!

Вассіанъ *(на ухо Иоанну)*.

Беречься

Совѣтниковъ и добрыхъ, и худыхъ,
И смиренныхъ, и строптивыхъ.

Іоаннъ.

Еслибъ живъ

Былъ мой отецъ, онъ лучшаго совѣта
Мнѣ-бъ дать не могъ.

(Цѣлуетъ руку Вассіана.)

Вассіанъ.

Отецъ твой, государь,

Наслѣдовалъ отъ дѣда самовластье
И даромъ Божьимъ не дѣлился съ тѣми,
Кѣмъ Богъ его поставилъ управлять!
Давно-ль, мой сынъ, на мелкіе удѣлы
Разбитая, во прахъ предъ Ордой
Лежала Русь? Въ единую державу,
Могучую, сплотилъ ее твой дѣдъ.
Онъ не падилъ ни силъ своихъ, ни крови
Ближайшихъ родичей. Онъ вдаль глядѣлъ
И ясно видѣлъ недреманнымъ окомъ,
Что эта кровь, какъ глина, свяжетъ зданье
Великое на многіе вѣка!
Зачѣмъ тебѣ совѣтники? Ты самъ
Мудрѣ всѣхъ и Господомъ помазанъ.
Предъ Русью не совѣтники въ отвѣтъ,
А ты одинъ. Когда-жь ты власть свою
Вручилъ другимъ и рабскимъ послушаньемъ

Покоренъ имъ,—ты связанъ по рукамъ,
За ихъ дѣла предъ царствомъ отвѣчаешь.
Зачѣмъ тебѣ совѣтники? Одинъ
Господствуй надъ собою и надъ царствомъ!
Единъ Господь въ высокихъ небесахъ,
Единъ и царь быть долженъ на престолѣ.
Прости теперь и отпусти меня.

(Уходитъ.)

Іоаннъ *(одинъ)*.

Вотъ истина и мудрость! Вотъ отвѣтъ
На всѣ мои терзанія: „Одинъ
Господствуй надъ собою и надъ царствомъ!“
Да будетъ такъ! Отнынѣ твердый духомъ,
Незыблемый, я исподволь начну
Освобождать измученную рабствомъ
Презрѣннымъ душу отъ тяжелыхъ рукъ
Советниковъ моихъ да доброхотовъ!
Не слѣдъ спѣшить. Я съ милости начну.
А тамъ... Пускай не вѣдаютъ пока,
Что затанлъ въ душѣ я! Пусть, какъ прежде
Потѣшатся надъ бабою-царемъ!
Настанетъ часъ—и въ грозномъ блескѣ власти
Явлюся я ихъ трепетнымъ очамъ!
Съ Сильвестромъ я по-старому начну
О всѣхъ дѣлахъ душевныхъ и тѣлесныхъ
Держать совѣтъ. Адашевъ, какъ и прежде,
Пусть мнитъ себя царемъ всея Руси,
Безмозглые пускай себѣ кичатся
До времени крамольники-бояре!
По-старому пусть все пока идетъ,—
Смиранный царь и властные холопы.

(Бьетъ въ ладоши. Входитъ стольникъ.)

Позвать бояръ.

(Стольникъ идетъ къ дверямъ и отворяетъ.)

Стольникъ.

Войдите, государи.

(Входятъ: Сильвестръ, Адашевъ, князь Владиміръ Андреевичъ, князь Курбскій, Щенятевъ, Воротынский, Палецкій и прочіе бояре. Всѣ молча кланяются. Іоаннъ сидитъ на скамьѣ. Долгое молчаніе.)

Іоаннъ.

Не слѣдъ бы мнѣ, бояре, звать сюда васъ,

Да мнѣ не въ моготу еще покажѣсть
Въ престольную палату выходить.
Не осудите! (*Молчаніе. Бояре стоятъ потупивъ головы,
блѣдые.*)

Мужи философы,
Прославленные мудростью великой,
Учили познавать друзей въ несчастьи.
Заслуги нѣтъ быть вѣрными, когда
Намъ свѣтитъ солнце счастья и удачи;
Великая заслуга—не покинута
Въ тяжелыхъ испытаніяхъ того,
Кто раньше былъ и славенъ, и могучъ... (*Молчаніе.*)
Недавно здѣсь, вотъ въ этой же палатѣ,
Я испыталъ всю вѣрность этихъ словъ.
И нынѣ я хочу вознаградить
Васъ, вѣрныхъ слугъ, за вашу добродѣтель,
Любовь ко мнѣ и къ сыну моему.
Поближе подойди ко мнѣ; Владиміръ
Андреевичъ! Что, матушка-княгиня
Здорова-ли?

Кн. Владиміръ Андреевичъ (*тихо*).

Здорова... государь.

Іоаннъ.

Скажи же ей, что за слугу такого,
Какимъ мнѣ былъ ты, сынъ ея, я много
Ей бью челомъ.

Кн. Владиміръ Андреевичъ.

Великій государь!

Прости меня... Навѣтомъ злыхъ людей
Былъ наученъ... Мutilъ по малоумью.

Іоаннъ.

Кто старое помянетъ, князь Владиміръ,
Тому глазъ вонъ. Про что ты говоришь?
Я помню только, какъ со мною вмѣстѣ
Ты воевалъ Казань, какъ билъ Татаръ,
Какъ думалъ вмѣстѣ съ нами о дѣлахъ
Въ боярской думѣ. Жалую тебѣ
И роду твоему въ удѣлъ Верею,
Звенигородъ, Дмитровъ и Усвятъ.

Ки. Владиміръ Андреевичъ.

Великій государь! Не по заслугамъ...

Іоаннь (*прозно*).

То знаю я! (*Адашеву*) Бояринъ Алексѣй
Теодоровичъ! Много потрудился
О нашемъ дѣлѣ земскомъ ты. Отнынѣ
Моиъ большимъ бояриномъ и ближнимъ
Я жалую тебя. Князь Турунтай!
Ты билъ челомъ о вотчинахъ Рязанскихъ.
Ихъ жалую тебѣ. Князь Воротынский!
Чего ты просишь? Сидло говори!

Ки. Воротынский.

Великій царь! Мнѣ нечего просить.
И то Господь великую утѣху
Послалъ мнѣ по грѣхамъ! Я вновь тебя
Здоровымъ вижу.

Іоаннь (*встаетъ*).

Малая награда

Тебѣ за службу. Подойди сюда.

(*Воротынский подходитъ. Іоаннь цѣлуетъ его.*)

Бояре! На моемъ одрѣ болѣстномъ
Я далъ обѣтъ, коль Богъ меня простить,
Въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь
На богомолье съѣздить.

(*Тревога между боярами.*)

Сильвестръ.

Государь!

Далекій путь.

Іоаннь.

Честной отецъ! Давно ли
Ты сталъ претить мнѣ подвиги о Богѣ?

Сильвестръ.

Господь вездѣ. Ты здѣсь молиться можешь,—
Не мало есть святынъ и кругъ Москвы.

Іоаннь.

Есть, говорятъ, въ Волоколамскѣ схимникъ—
Мужъ твердый въ вѣрѣ и сподвижникъ добрый
Покойному отцу.

Сильвестръ.

Какъ? Вассіанъ?

Іоаннъ.

Мнѣ съ нимъ давно хотѣлось повстрѣяться,
Потолковать, какъ управлять землей.
Вы знаете, бояре, одному
Такое дѣло не подѣ силу. Онъ же
Былъ при отцѣ.

Сильвестръ.

А мы тебѣ на что же?

Іоаннъ.

Умъ хорошо, два лучше.

Сильвестръ (съ досадой).

Вассіанъ...

Кн. Курбскій.

Сей злой чернецъ, губитель многихъ знатныхъ,
Повинный въ крови—Господа служитель!

Адашевъ.

Онъ, злобствуя, проводить дни въ хуленьяхъ.

Кн. Щенятевъ.

Онъ на добро наставить не сумѣетъ.

Кн. Курбскій.

Не по его-ль совѣту родъ князей
И Патрикеевыхъ, и Ряполовскихъ,
И многихъ прочихъ, Рюрика потомковъ,
Изгнѣбъ на вѣкъ?

Іоаннъ.

Ты, Курбскій, все о томъ
Твердишь скворцомъ, что княжескіе роды
Веречь должно, какъ бы зѣницу ока!
Кто-бъ ни былъ смутчикъ—знатный князь или ханъ,
Единая мзда постигнетъ за измѣны.

Сильвестръ.

Нѣтъ, государь, не ѣди. Если точно
Ты Господу желаешь угодить,

Тавъ дѣло есть: не мало храбрыхъ пало
Подъ башнями Казанскими. Отъ нихъ
Остались вдовицы и сироты.
Пожалуй ихъ, устрой! Господь на все
Зритъ окомя недреманнымъ, и такое
Твое призрѣнье болѣе угодно
Ему, чѣмъ неразумный твой обѣтъ.

Іоаннъ.

Спасибо, мой отецъ, за поученье.
Я не оставлю воиновъ Казанскихъ
И семьи ихъ. А воля Господь поможетъ,
Я все-жъ обѣтъ исполню.

Сильвестръ.

Государь!

О томъ обѣтъ мужъ благочестивый
Максимъ, рекомый Грекъ, сказать велѣлъ,
Что колы поѣдешь—сына потеряешь.

(Адашеву.)

Бояринъ Алексѣй! Что-жъ ты молчишь?
Не ты-ль со мною былъ?

Адашевъ.

Такъ, государь.

Давно ты мнѣ повѣдалъ свой обѣтъ
И повелѣлъ идти къ Максиму Греку
Спросить о томъ. И вотъ его отвѣтъ.

Бояре.

Не ѣзди, государь!

Іоаннъ.

Мой сынъ, бояре,

Бѣльмомъ у васъ, должно, сидитъ въ глазу.

(Сдерживаясь)

Отецъ Сильвестръ! Незѣпны гаданья
Противны Богу. Людямъ не дано
Грядущее извѣдать. Потому
Я такъ рѣшилъ: мы завтра выѣзжаемъ
Съ царицею и сыномъ въ монастырь.
Идите же, бояре. Не совѣмъ
Оправился отъ тяжелой я болѣзни
И мнѣ покой потребенъ (сквозь зубы)... хоть теперь...

Кого забылъ я жалованьемъ нынче,
Попомню завтра.

Бяре (клянясь).

Бьемъ тебѣ челоуъ
На милости, великій государь.

(Уходятъ.)

Сильвестръ (уходя, Адашеву).

А ты сказалъ: прѣхалъ Вассіанъ.

Адашевъ.

Не вѣдаю, отецъ. Одно я вижу:
Не государю гибельна болѣзнь,
А намъ съ тобой.

(Уходятъ).

Іоаниъ (однѣ).

О, Господи помилуй!

Великая вражда въ нихъ на меня!
Косятся какъ! Какъ смотрять изъ подлобья!
Кажись, живаго съѣли бы! А? Сынъ де
Умреть, коль я обѣтъ, предъ Богомъ данный,
Нарушить не осмѣлюсь! Шутники!
Боятся Вассіана! Видно, знаютъ,
Какой совѣтъ мнѣ далъ бы другъ отца!
Имъ не по шерстѣ! Всѣ продажны, всѣ!
Грозить Сильвестръ мнѣ разрушеньемъ царства,
Коль трону ихъ. Такъ, значить, долженъ я
Ихъ за крамолы гладить по головѣ,
Да кланяться, да горькія обиды
Глотать смиренно? Боже! до чего
Униженъ я! Они забрали власть
Великую себѣ! И мнѣ предъ ними
Приходится хитрить и притворяться,
Ласкать и жаловать,—свѣта де кровь ихъ!
Ну, а моя? Священнѣй во сто кратъ
Собачей крови ихъ моя держава
И голова вѣчная моя,
А на меня съ неслыханнымъ озорствомъ
Они подьемлютъ руку... То не грѣхъ?
Отецъ Сильвестръ! Слова святыхъ пророковъ
Умѣешь ты на пользу толковать
Измѣнникамъ и ворагамъ моимъ!

И слушаться тебя?! Какою силой
Ты въ душу мнѣ забрался и стоишь,
Какъ стражъ надъ каждой душою моею?
Одно хочу, — а дѣлаю другое.
Очаровалъ мой умъ лукавый попъ
И ничего я безъ него не смѣю,
Вину его въ вину не ставлю я
И передъ нимъ, какъ отрокъ, я робѣю...
Мнѣ Богъ вручилъ кормило на Руси,
И то кормило отдалъ я другому.
За то теперь наказанъ тяжко я, —
Въ оковахъ воли! Слабо умъ мерцаетъ
И, какъ звѣзда при солнечномъ сіяньи,
Онъ меркнетъ вовсе предъ его умомъ!
Онъ не одинъ. Весь мой синглитъ за нимъ.
Я одинокъ и мнѣ не въ моготу
Начать борьбу съ такой могучей силой!
Они же всѣ сдѣлились межъ собой:
Тронъ одного, такъ всѣхъ ихъ тронуть надо —
И не съ кѣмъ мнѣ начать такое дѣло,
Всѣ предали и продали меня.
(Въ отчаяніи опускается на скамью.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Картина девятая.

1559 годъ.

ЦАРСКАЯ ДУМА.

(Іоаннъ на царскомъ мѣстѣ. Близъ него Сильвестръ и Адашевъ.
Бояре князя: Воротынскій, Мстиславскій, Палецкій, Курбскій
и прочіе сидятъ на скамьяхъ.)

Іоаннъ (Адашеву).

О чемъ Данило пишетъ?

Адашевъ.

Государь!

Данило, братъ мой, здравствуетъ тебѣ
Наровою и Феллиномъ. Щенятевъ
Да братъ Данило, въ прахъ разбивъ Ливонцевъ
И полонивъ не мало ихнихъ, взяли

Тѣ города и шлють тебѣ ключи
Съ Ливонскими полонниками. Въ ночь
Пригналъ гонецъ.

Іоаннъ (*радостно*).

Спасибо, Алексѣй,
За вѣсть такую. Скоро пять годовъ
Ведемъ войну! Пора ее покончить!

Сильвестръ.

Давно пора, великій государь.

Адашевъ.

Два мѣсяца, великій государь,
Ливонскіе послы живутъ въ Москвѣ,
Дань привезли.

Іоаннъ.

А сколько?

Адашевъ.

Да довольно.

Такъ тысячъ шестьдесятъ, какъ говорятъ.
Я съ ними велъ переговоры.

Іоаннъ.

А мнѣ

О томъ не надо было вѣдать? Видно,
Бояринъ Алексѣй повыше насъ
И жалуетъ пословъ, какъ самъ похочеть.
Ну, какъ же ты: велишь мнѣ помириться
За кучку золота?

Адашевъ.

Великій государь!
Изволишь ты смѣяться надо мною.

Іоаннъ.

Помилуй Богъ! Посмѣю-ль я смѣяться!
Такъ какъ же ты?

Адашевъ.

Я думаю принять
Ту дань отъ нихъ.

Іоаннъ (*Сильвестру*).

А какъ укажешь ты?

Сильвестръ.

Коль тѣ послы попросятъ перемирья,
То даровать. А лучше—полный миръ
Съ Ливоніей навѣки заключить...

*Іоаннъ (долго смотритъ на Сильвестра
и Адашева. Потомъ угрожающе).*

Позвать пословъ! Ты скажешь имъ, Адашевъ,
Что я меча дотоль не положу,
Пока не повоюю всей земли
И не верну Руссійскому престолу.
Да говорить безъ обиняковъ, прямо!
Я такъ хочу! Молчи, отецъ Сильвестръ!
Все на зло мнѣ! Такъ Феллинъ и Нарова
Ужъ ввяты нами? Первый я пословъ
Порадую такой хорошей вѣстью.

(Входятъ Теодоръ Фюрстенбергъ и нѣсколько другихъ пословъ Ливонскихъ.)

Фюрстенбергъ.

Великій государь земли Московской!
Отъ ордена святаго Меченосцевъ
Мы присланы къ тебѣ просить о мирѣ.

Іоаннъ.

Я ордена не знаю никакого!
Съ Ливоніей веду я не войну:
Межъ вотчинной подвластной и царемъ
Нѣтъ мира иль войны! Есть наказанье
Мятежникамъ, а жалованье—вѣрнымъ,
И потому не мира—милосердыя
Должны просить пзмѣнники Ливонцы.
Ты кто такой?

Фюрстенбергъ.

Теодоръ Фюрстенбергъ,
Посолъ къ тебѣ...

Іоаннъ.

Съ веревками на шеѣ
Послы такіе приходятъ должны!
Не гоже мнѣ съ тобою говорить.
Адашевъ, допроси: о чемъ онъ просить.

Адашевъ.

Съ чѣмъ присланъ ты?

Фюрстенбергъ (*становясь на колѣни*).

Великій государь!

Истерзана Ливонская отчизна!
Огонь и мечъ внесены твоимъ велѣньемъ
Въ дома и села нашихъ горожанъ.
Тяжелымъ гнетомъ пять послѣднихъ лѣтъ
Легли на нашу бѣдственную землю.
Не знаемъ мы, чѣмъ семьи прокормить;
Въ плѣну вожди, защитники народа,
Разграблено отцовское добро,
И трупами Ливонія покрыта.
Откуда-жь намъ, великій государь,
Тебѣ платить условленную дань?
Но все-жь, собравъ оставшіяся крохи,
Мы сколотили тысячь шестьдесятъ
И кланяемся милости твоей:
Пожалуй насъ, изволь принять тѣ деньги.

Адашевъ.

Гдѣ видано, чтобъ царь и повелитель
Входилъ въ торги съ бродячими купцами!
Замѣсто дани, хитрымъ улащаньемъ
Ливонскіе намъ платять торгашаи.

Фюрстенбергъ.

Великій государь! Не отъ купцовъ,
Отъ рыцарей я присланъ. Торгашами
Мы не были и рѣчь твоихъ бояръ
За кровную обиду принимаемъ.

Адашевъ (*удерживая Иоанна*).

Коль рыцари, такъ рыцарское слово
Должны держать и золотомъ платять
Объщанную дань, а не словами.

Фюрстенбергъ.

Но, государь, твоя же воеводы
Такъ истощили землю, что она
На много лѣтъ пребудеть въ раззореньи!

Адашевъ.

Лугавствомъ и измѣною вы сами
Накликали на землю царскій гнѣвъ.

Фюрстембергъ.

Ты побѣдилъ, великій государь,
И мы тебѣ покорны. Такъ яви же
Свое великодушіе! Дозволь
Оправиться отъ тяжкихъ поражений,
Вели назадъ вернуться воеводамъ,
Верни намъ прежнее спокойствіе и земли,
Ливоніи присущія издревле.

Іоаннъ.

Онъ мнѣ, кажись, указывать дерзаетъ?
Такъ знай, старикъ: ливонскихъ нѣмцевъ предки
Пришли въ предѣлы наши, нашу землю
Себѣ добыть хотѣли. За нее
Лилось не мало крови христіанской,
И наши дѣды, русскіе князья,
Чтобъ Бога не гнѣвить той вашей кровью,
Пожаловали землю вамъ, но съ тѣмъ,
Что данью вы откупите ихъ милость,
Да послушаньемъ намъ, верховнымъ вашимъ
Владыкамъ. Вы-жь, гордынею объаты,
Задумали и вовсе отложиться
Отъ нашей власти! Люторскую вѣру
Вы приняли. Коль императоръ съ папой
На то глядятъ спокойно, я не стану
Сносить обиды Богу моему.
Ступай къ своимъ и передай слова,
Которыя здѣсь отъ меня услышишь:
Феллинъ и Нарва взяты. Юрьевъ—нашъ.
Мятежниковъ щадить не стану дольше,
Кладу мой гнѣвъ на васъ и воеводамъ
Велю дотоль надъ вами промышлять,
Пока не ты или послы такіе-жь,
А весь синклитъ съ магистромъ во главѣ
Не явятся съ смиреньемъ и мольбою,
И всей землей Ливонской и Лифляндской
По старинѣ челомъ мнѣ не ударять,
Какъ учинили то цари Казанскій,
Асторованскій и иныхъ земель.

Тогда по волѣ буду васъ казнить
Иль миловать, какъ мнѣ Господь укажетъ,
А не посланецъ подданныхъ моихъ.

Адашевъ.

Великій государь и самодержецъ
Всея Руси царь Іоаннъ Васильичъ
Такъ указалъ съ боярами своими:
Землѣ Ливонской мира не давать,
Отправить вспять пословъ и воевать,
Доволѣ вся земля не покорится.
Иди, посоль.

Фюрстенбергъ (*ордо*).

Великій государь!
Я шестьдесятъ годовъ въ моей отчизнѣ
Свободной жилъ, въ свободной и умру!
Не милости мы просимъ, мы о мирѣ
Хотимъ съ тобой вести переговоры,
Какъ съ равнымъ намъ владыкою Руссійскимъ.

Іоаннъ.

Бояре! Онъ рехнулся или пьянъ?

Фюрстенбергъ.

Передъ тобой напрасно унижался
И родинѣ пощады я просилъ.
Ты вознесенъ побѣдой и не слышишь
Мольбы моей истерзанной отчизны.
Такъ прочь съ души смиренье и поворность!
Въ моемъ лицѣ нашъ орденскій магистръ
Тебѣ шлетъ вызовъ рыцарскій на бой
И самъ теперь не хочетъ перемирья!
Пускай твоя побѣда, пусть ослабла
Ливонія отъ бѣдственной войны,—
Намъ въ помощь дѣло наше! Вся земля
Подниметъ мечъ за честь и за свободу!
Я встану самъ и дряхлою рукой
До смерти биться стану! Богъ пошлетъ
Въ святой войнѣ за родину намъ въ помощь
И мужество, и стойкость, и отвагу!
Мы мира не хотимъ, и кто изъ насъ
Покроется позоромъ или славой,
Пускай рѣшитъ не миръ,—а бой кровавый!
(Уходитъ.)

Іоаннь.

Схватить его!

(*Рынды кидаются.*)

Адашевъ (*удерживая рынды.*)

Великій государь!

Посла нельзя задерживать насильно.

Іоаннь.

Учить меня? Кто государь изъ насъ?

Ты иль я? Поберегись, Алешка!

Сильвестръ.

Тебѣ Адашевъ правду говоритъ,
Великій царь! То не посоль поганыхъ
Татарскихъ хановъ, аль гиреевъ крымскихъ,—
Отъ царства христіанскаго къ тебѣ
Пришелъ посоль просить тебя о мирѣ.

Іоаннь (*сдерживаетъ итью*).

Коль ужъ таковъ мой нищенскій удѣлъ,
Что долженъ я мои предначертанья
Тебѣ сперва повѣдать, а потомъ ужъ
По твоему указу учинять,—
Изволь, отецъ! Ливонія издревле
Межъ нашею землею и берегомъ моря
Бревномъ лежитъ и не пускаетъ насъ
Свободно съ прочимъ миромъ христіанскимъ
Быть въ дружбѣ и вести торговлю. Мы
Отрѣзаны стѣной отъ странъ нѣмецкихъ,
А намъ онѣ нужны.

Сильвестръ.

Нужны на гибель

Обычаевъ старинныхъ, вѣры нашей!
Нѣтъ, государь, пока я живъ, тому
Не быть во вѣвъ! Подъ игомъ басурманскимъ
Мы вовсе благочестіе утратимъ,
И сгинетъ Русь! Коль ты того не видишь,
Такъ вижу я! Не быть тому! На миръ
Съ Ливоніей ты долженъ согласиться.

Іоаннь.

Кажись, ты *мнѣ* приказывать дерзаетъ,—
Мнѣ, государю?

Сильвестръ.

Ты творишь безчинно!

Юаннь.

Одно прошу: молчи, честной отецъ!
Не досаждай... Я въ гнѣву близокъ...

Сильвестръ.

Нѣтъ!

Молчаніемъ я душу погубляю.

Юаннь (*трясаясь отъ гнѣва*).

Молчи, отецъ.

Сильвестръ.

Не замолчу! Безумство
Чинишь великое и злое...

Юаннь (*бѣшено*).

Попъ!

Знай гдѣ свои каноны и не суйся,
Невѣжда, разсуждать о ратномъ дѣлѣ!

Бояре.

Великій царь!

Юаннь.

Кто, кто дерзнулъ возвысить
Передо мной холопскій голосъ свой?
Какъ? Здѣсь, въ Москвѣ, въ моей столицѣ, въ думѣ,
Гдѣ я сижу, синклитомъ окруженный,
Пришлецъ меня дерзаетъ поносить,
И нѣтъ мнѣ воли отплатить поруху!
Мнѣ руки вяжутъ своевольный попъ

(*Указываетъ на Адашева.*)

И этотъ рабъ, отъ гноища избранный
И милостью осыпанный моей!
Всѣ за одно! Всѣ на меня! Такъ знайте:
Коль я вашъ царь, такъ мнѣ и покоряйтесь,
А нѣтъ—его (*указываетъ на Сильвестра*) сажайте на пре-
столь.

Адашевъ.

Великій царь! За что меня поносишь?
Я вѣрою и истиной служилъ

Да о твоёмъ величїи и силѣ
Единая моя была забота!

Іоаннѣ (вставая съ мѣста).

Собака! Ты зовешь меня къ допросу?
И совѣсть прокаженная твоя
Не вѣдаетъ, за что моя опала?
На то-ль ты призванъ, чтобъ моею волей
Какъ рабской волей править? Ты тайкомъ
Съ попомъ ведешь совѣтъ и все чинишь,
Какъ вы промежъ себя уговоритесь,
Какъ будто насъ и нѣтъ совсѣмъ, какъ будто
Я слабоумень, разумомъ убогъ!
Вошло у васъ въ обычай: я не смѣю
Сказать вамъ слово! Вы—цари, я—рабъ!
На воеводство посылаешь трусовъ,
Курлятевъ, твой прїятель, отдаетъ
За станомъ станъ ливонскимъ воеводамъ
И царское величіе срамитъ,
А мы его смѣнить не смѣемъ даже
Безъ изволеня вашего! Я—плѣнникъ,
Я—вамъ не царь! Послѣдній изъ бояръ
Въ почетѣ и великомъ береженьи,
А я сажу какъ пугало воронье,
Какъ истуванъ, и съ каждымъ словомъ долженъ
Къ вамъ приходить да спрашиваться васъ?
Такъ нѣтъ, собака! Долго вы владѣли
Моей душой,—я долъ не стерплю.
Ты, Курбскій, воеводою подъ Нарву
Чѣмъ свѣтъ поѣдешь, смѣнишь тамъ Данилу
Адашева и скованнымъ сюда
Пришлешь ко мнѣ за крѣпкимъ карауломъ.

Кн. Курбскій.

Великій государь, не погнѣвись!
Дозволь мнѣ слово молвить! Алексѣй
Феодорычъ Адашевъ...

Іоаннѣ.

Какъ? И ты?

Ну, виноватъ! (*Адашеву*) Прости меня, бояринъ,
Холопа своего! Андрей Михайлычъ,
Прикажешь въ ноги бить челомъ Алешѣ?
Изволь, ударю.

Ки. Курбскій (*удерживая его*):

Что ты, государь!

Іоаннъ.

Вѣдь экое разсудка помраченье!
Лукавый подтолкнулъ и захотѣлъ я
Самъ быть царемъ на отческомъ престолѣ!
Какая ересь! Ты, отецъ Сильвестръ,
Эпитемью какую мнѣ прикажешь?
А ты, бояринъ Алексѣй, вели
Меня связать! Должно быть, я рехнулся,
Что этакую дурость попустилъ.

(*Боярима*)

Бояре! Что-жь? Приказывайте мнѣ,—
И я сложу предъ вами мой вѣнецъ,
Адашеву мой посохъ передамъ,
А центуръ мой попу Сильвестру.—Двое
Все-жь лучше на престолѣ, чѣмъ одинъ.

Бояре (*несмыло*).

Помилуй... Государь...

Іоаннъ.

Холопы! Смерды!

Да развѣ такъ меня просить должны?
Взаправду рады! Хоть сейчасъ готовы
Сорвать съ меня одежды? Не отъ васъ
Ихъ получилъ, не вамъ и отнимать!...
Я Господомъ поставленъ на Руси
И васъ, враговъ моихъ, себѣ служить
Заставлю я жестокимъ наказаньемъ!

Сильвестръ.

Нѣтъ, государь! Ты дьяволомъ смущаемъ!
Онъ врагъ тебѣ единый! Онъ влагаетъ
Тебѣ такіе помыслы, и онъ
Въ душѣ твоей себѣ соизждетъ храмы!
Я все свершилъ, что Богъ мнѣ указалъ.
Я вель тебѣ стезями благочестья,
И славу ты великую стяжалъ,
И мудростью и силою украсилъ
Тебя Господь—и Русь черезъ тебя
Онъ возвеличилъ, за твое смиренье,

За кротость христіанскую твою;
Но ты отрекся. Злобою сверкають
Твои глаза! Ужь дьяволъ поселился
Въ душѣ твоей—и ангелъ твой хранитель
Лице свое со скорбью отвратилъ.
И вижу днесь твою и царства гибель!
Прощай, о царь! Я отрасаю прахъ
Отъ ногъ своихъ у твоего порога!
Я предаю тебя судьбѣ твоей —
И въ монастырь навѣки удаляюсь. (*Идетъ*).

Іоаннъ.

Иди и сгинь, души моей мучитель!
Лукавый попь! Съ проклятіемъ предсталъ
Ты предо мной, съ проклятіемъ и отходишь!
О, злоба адская!

Сильвестръ (*обернувшись*).

Пока я могъ
Благословлять, тебя благословлялъ я.
Святая Русь! Въ кровавой пеленѣ
Моимъ очамъ духовнымъ предстаешь ты!
Молись теперь! Настала гибель царству!
Господь свой ликъ отъ Руси отвратилъ. (*Уходитъ*.)

Іоаннъ.

Такъ! Безъ него—погибло государство!
Я не могу! Я отрокъ! Я безумный!
Такъ или нѣтъ? Что-жь, такъ, бояре? Да?
Прикажете бѣжать за нимъ и въ ноги
Челомъ ударить, чтобъ вернулся вновь
Царя учить, да властною рукою
Его водить по праведнымъ стезямъ?
Ахъ, онъ путникъ! Посмотримъ! Можетъ статься,
И безъ него не вовсе пропадемъ!

Адашевъ.

Мнѣ, государь, гдѣ быть теперь укажешь?

Іоаннъ.

Подальше съ глазъ убраться. Хоть къ Сильвестру
Въ одну обитель. Весело вдвоемъ
Вамъ будетъ вмѣстѣ, да и мнѣ покойнѣй.

Бояре.

Великій государь! Смѣни на милость

Свой грозный гнѣвъ! Мы головы свои
Тебѣ несемъ! Помилуй лишь Сильвестра!
Онъ добрый мужъ, о Господѣ радѣтель...

Іоаннъ.

Кто слово молвить за него, тому
Съ плечъ голову долой! Давно я, видно,
Васъ не училъ! Начну—не погнѣвитесь,
Жалѣть не стану (*Адашеву*). Алексѣй! Тебя
Я жалую, грѣхи твои прощаю.
Сыскавъ твои измѣны, я бы могъ
Тебя казнить, но, памятуя то,
Что не своей ты волей учинилъ
Великой царской власти поруганье,
Что злыми былъ людьми ты наученъ
Искать престола нашего, тебѣ
Приказываю быть на воеводствѣ
Въ Ливонскомъ нашемъ Феллинѣ и тамъ
Безъ выѣзду сидѣть, доколь уважемъ.
Посла же Фюрстемберга задержать...
Иль нѣтъ... пустить! Пусть передастъ магистру
Велѣнья наши. Курбскій! Поѣзжай
Въ Ливонію съ Адашевымъ. А вы (*боярамъ*)
Не бойтесь! Гнѣва не держу на сердцахъ.

(*Косится на Адашева.*)

Но кто изъ васъ совокупится въ дружбу
Съ врагами и измѣнниками, тотъ
Приметъ казнь такую, отъ которой
И грѣшники въ гееннѣ содрогнутся!
Служите мнѣ со страхомъ и смиреньемъ,
По старинѣ васъ жаловать хочу.
О, злоба лютая! Три патриарха
Со множествомъ святителейъ судили,
Какъ грѣшенъ былъ царь Теофилъ, но все-жъ
Не изрекли ему такихъ хуленій,
Какія я услышалъ отъ попа.
А вѣдомо издревле: царства тѣ,
Гдѣ надъ царемъ совѣтчики стояли,
Всѣ сгибли безъ вѣсти. Оборонилъ
Меня Господь отъ участи такой же!

Картина десятая.

1560 г.

Ночь. Покой въ избѣ государевой въ селѣ Коломенскомъ. Въ окнахъ отблескъ свѣтаго пожара.

(Входитъ Іоаннъ, за нимъ Басмановъ. Іоаннъ страшно измѣнился, лицо осунулось, глаза горятъ мрачнымъ огнемъ, темная одежда, опаленные огнемъ волосы и борода.)

Іоаннъ.

Сгорить Москва! Меня казнить Господь!
Я въ пламя самъ кидался. Я искалъ
Мучительной кончины, но Господь
Не принималъ моей грѣховной жизни,
И изъ огня я вышелъ невредимъ.

Басмановъ.

Великій государь! Ты весь израненъ
Горящими обломками...

Іоаннъ.

Не тѣло,
Душа горить. Пророчество Сильвестра
Исполнилось. Не знаю я покоя.
Пожаръ Москвы, недугъ царицы... Все
Все, что сказалъ, исполнилось дословно.

Басмановъ.

Дозволь тебѣ, великій государь...

Іоаннъ.

Молчи. Я знаю, что ты скажешь! Всѣ вы —
Готовы льстить мнѣ, поглажать страстямъ,
Шептать мнѣ въ уши хитрые навѣты...
Два было вѣрныхъ мужа—и я самъ,
Самъ ихъ изгналъ въ безумномъ изступленьи!
Послать сейчасъ въ Кирилловъ монастырь,
Да пусть бояре лучшіе поѣдутъ
И именовъ моимъ челомъ ударятъ
Отцу Сильвестру—пусть вернется онъ!
Молишь его! Сказать, что самъ къ нему
Пріѣду я, коль онъ не согласится.

Съ почетомъ, какъ меня, его везти,
И передъ нимъ—какъ предо мною быть!

Басмановъ.

Надежа государь, вели казнить—
Лишь выслушай мое прямое слово.
Москва горить—не Божиимъ изволеньемъ,
А колдовствомъ и чарами. О томъ
Я спрашивалъ волховъ. Они сказали
Подъ пыткой въ застѣнѣ. Трое ихъ
Издехло тамъ, а отъ своихъ рѣчей
Въ предсмертные часы не отступались.
Кому-жь, какъ не попу такое дѣло
Задумать, государь? Когда съ Казани
Вернулся ты... (*шепотомъ*), я видѣлъ самъ, Сильвестръ
Нашептывалъ надъ травами, и очи
Тебѣ не разъ волшебю отводилъ.
Ты вспомни-ка, откуда онъ явился?
Пожаръ такой же на Москвѣ пылалъ!
Въ огнѣ пришелъ—съ огнемъ и удалился
Лукавый попъ! Подумай, государь.
Пошлемъ за нимъ, предстанеть живо! Вновь
Поработить тебя бѣсовскою силою
И станетъ господиномъ надъ тобой!
Не долго онъ просить себя заставить.

Юаннъ.

И мнѣ не разъ то думалось. Врагъ
Зѣло силенъ и искушаетъ насъ
Не прелестью единой, но и страхомъ.

(*Твердо.*)

Но живъ Господь въ душѣ моей, и я
Тѣмъ дьявольскимъ соблазнамъ не поддамся.
Онъ хочетъ вновь меня заставить въ рабство
Попу пойти! Творящій волю Божью
Ему противенъ. Мнѣ Господь велѣлъ
На царствѣ быть—и смертный грѣхъ склоняться
Передъ рабомъ Помазаннику Бога.
Такъ! Пусть горитъ! Не устрашить меня
Сей пламень адскій...

Басмановъ.

Видимое дѣло—
Тутъ колдовство, чтобъ ты его вернулъ.

Іоаннъ (*цѣлуя наперстный крестъ*).

О, Господи помилуй! Дажь ми помощь
И будь моимъ заступникомъ! Собаки!
Издадека задумали вредить!

Стольникъ (*входитъ*).

Великій государь! Гонецъ пригналъ
Съ Ливоніи...

Іоаннъ.

Веди его сюда.

(*Стольникъ уходитъ*.)

Басмановъ! Позови ко мнѣ врача.

(*Басмановъ уходитъ. Входитъ юнецъ*.)

Іоаннъ.

Откуда ты?

Гонецъ.

Великій государь!
Изъ Феллина, прислалъ твой воевода...

Іоаннъ.

Адашевъ?

Гонецъ.

Такъ, великій государь!
Ему сдались безъ битвы города:
Пиркель, Лоисъ и крѣпость Везенбергъ.
Онъ именемъ твоимъ имъ обѣщалъ
Прощеніе и милость—и ливонцы
Оружіе сложили передъ нимъ:
Предъ нимъ идѣтъ далѣко впереди
О кротости и миролюбьи слава.

Іоаннъ.

Во истину чудесно!

Гонецъ.

Онъ велѣлъ
Сказать тебѣ, что скоро вся земля
Ливонская челомъ тебѣ ударить.
Князь Курбскаго мечемъ разбить магистръ,
И взяты вновь имъ Юрьевъ, Валезъ и Уксгиль.

Іоаннъ.

Адашеву безъ бою, говоришь,
Сдаются города? владуть оружье?

Гонецъ.

Такъ, государь.

Юаннъ (*съ раздумьи*).

Во истину чудесно!

Ступай, гонецъ.

(*Гонецъ уходитъ.*)

Не мудрено! Я самъ

Безъ бою сдать ему на попеченье
Всѣ мысли и хотѣнїе мое.
Призвать опять? Опять къ себѣ приблизить?
Быть можетъ, вновь вернется счастье мнѣ?
Быть можетъ, вновь украсится покоемъ
Истерзанная муками душа?
А зналъ ли я тогда покой и счастье,
Когда мнѣ воли не было ни въ чемъ?
Когда не я, а онъ царилъ надъ Русью,
Когда не я... Безъ бою... Новый ковъ!
Къ себѣ сердца прощеньемъ привлекая,
Готовить онъ удѣлъ себѣ Ливонскій...
Нѣтъ, не удѣлъ—престоль. Всѣ воеводы
Его друзья... Моею ратью онъ
Да хитростью своею завоюетъ
Ливонію и будетъ равень мнѣ,
Мой рабъ, холопъ!.. О, Господи! Неужто-жъ
Собакаѣ той, что мучила меня,
Ты даруешь побѣду! Легче мнѣ
Все потерять, что я завоевалъ,
Чѣмъ видѣть Алексѣя на престолѣ!..
А тамъ далеко-ль... Если изъ Москвы
Добраться до Ливонїи съумѣлъ онъ,
Оттуда до Москвы онъ доберется!
Здѣсь доброхоты—всѣ мои бояре!
Здѣсь чернь ему послушна! Здѣсь его
Боготворить все войско! На меня
Онъ двинетъ рать, покорную ему!
А я одинъ, повинутый, бездомный...

(*Яростно.*)

Всѣхъ воеводъ въ Ливонїи смѣню...
Кого-жъ послать взамѣнъ? Кто вѣренъ мнѣ?
Всѣ куплены! Всѣ за него! Я всѣмъ имъ
Давно противенъ... Нѣтъ друзей... Одинъ...
Бѣжать мнѣ надо! Нѣтъ мнѣ здѣсь спасенья!..

Все за него...

(Входитъ Басмановъ.)

А!.. Кто тутъ... помогите!

Басмановъ.

Я, государь! Чего ты испугался?

Юаннъ.

Басмановъ, подойди! Клянись мнѣ Богомъ,
Свѣтымъ крестомъ, спасеніемъ души,
Что ты меня на жертву не покинешь
Моиѣ врагамъ...

Басмановъ.

Я голову свою

Дамъ за тебя!

Юаннъ.

Клянись свѣтымъ крестомъ;
Что на меня не удержишь ты измѣны!

Басмановъ.

Великій государь! За что меня
Поносишь ты безгѣпницей такою?
Вели въ огонь, вели зарѣзать сына,
Жену, отца,—я глазомъ не моргну.

Юаннъ.

Басмановъ! Я тебѣ довѣрю тайну.
Я изъ Москвы бѣжать хочу съ семьей,—
Здѣсь жизнь моя и жизнь моей царицы
Въ опасности...

Басмановъ.

Великій государь!

Не потаю — враговъ твоихъ найпаче
Песку морскаго расплодили тѣ,
Кого ты возвеличилъ и поставилъ
Превыше всѣхъ. Послушай же меня:
Бѣжать тебѣ не надо! Все-жь довольно
Есть и такихъ, что душу за тебя
Готовы положить....

Юаннъ.

Такихъ немного!

Басмановъ.

Нѣтъ, государь, довольно наберется!
Ихъ собери вокругъ себя. Стѣной
Они тебѣ надежной будутъ! Страха
И жалости не вѣдая, мы будемъ
Тебѣ служить, и ни одинъ твой врагъ
Не ускользнетъ отъ нашего меча;
Мы какъ собаки изгрыземъ измѣну
И выметемъ крамолу на Руси!
Одинъ надъ нами будешь господиномъ,
Лишь твоему велѣнью послушны
Мы будемъ всѣ,—и земщинѣ проклятой
Не знать тогда пощады! Ты за то
Опричь другихъ поставь насъ надъ землей,
Опричь другихъ насъ жалуй, мы же будемъ
Холопы, и хранители, и слуги
Покорные единому тебѣ!

Іоаннъ.

Опричина!... (*Задумывается*). Не разъ такая мысль
Раждалась у меня—и замирала.
Нельзя на части землю разрывать.
Нѣтъ, Алексѣй! Межь мною и землей
Посредниковъ не надо! Гдѣ же врачъ?
(*Входитъ врачъ Стендишъ*).

Какъ здравіе царицы?

Стендишъ.

Государь!

Дозволь сказать всю истину тебѣ.

Іоаннъ (*схвативъ ея за руку*).

Какъ смотришь ты? Царицѣ лучше стало
Передъ моимъ отъѣздомъ.

Стендишъ.

Государь!

Царицѣ жить не долго остается.

Іоаннъ (*схватившись за голову*).

Что ты сказалъ? Я вырву твой языкъ,
Проклятый воронъ! Гдѣ-жь твоя наука?
Ты клялся мнѣ царицу исцѣлить!

Проклятый песь! Я въ ключья изорву
Калёнными щипцами твое мясо,
Коль ты солгалъ!

Стендишь.

Познаніе мое,
Великій государь, не чародѣйство.

Іоаннь (*омядываясь на Басманова*).

Какъ... чародѣйство...

Стендишь.

Можно исцѣлить
Природные недуги и болѣзни,
Но мудрость наша научить не можетъ,
Какъ дѣйствовать намъ противъ тайныхъ чаръ.

Іоаннь.

Изведена царица?

Стендишь.

Волхвованьемъ
Тайственнымъ и чуднымъ, государь,
И потому—недугъ ея упорень,
И я его постигнуть не могу.

Іоаннь.

Спаси ее—и я тебя засыплю
По горло золотомъ! Я награжу тебя,
Какъ и во снѣ тебѣ не снилось, Стендишь!
Спаси ее! Ты мудръ, искусень... Что же,
Что-жь ты молчишь?

Стендишь.

Великій государь!
Безсиленъ я!

Іоаннь.

Нѣтъ, нѣтъ! Такою казнью
Казнить меня Господь не можетъ! Нѣтъ!

Басмановъ.

Ты слышишь, государь? Твои враги
Царицу зельемъ извели.

Стендишъ.

О, нѣтъ!

Не зелье тутъ! Тутъ явно чародѣйство.

Іоаннъ.

Но кто же? Кто?

Басмановъ.

Адашевъ и Сильвестръ

Со всѣмъ своимъ дѣвольскимъ синклитомъ:

И альманахъ, и зеленийе, и рафли

Имъ вѣдомы съ совѣтниками ихъ...

Іоаннъ.

Такъ пусть Господь меня отринетъ, если

Я кровью ихъ всю землю не залю!

(Боярину вводятъ царицу подъ руки. Она едва держится на ногахъ.)

Царица! Ты?

Анастасія *(опускаясь на лавку)*.

Нѣтъ мочи... ноетъ грудь...

Мнѣ легче такъ... Въ постели не ложится...

Все чудится мнѣ... будто бы за мной...

Все кто-то стонетъ... Страшно таково...

Дыханья нѣтъ...

Іоаннъ.

О, Господи! помилуй!

Анастасія *(смотря въ окно)*.

Что тамъ горитъ?... Неужто... все Москва?

Іоаннъ.

Москва.

Анастасія.

Зачѣмъ же... ты ее... покинулъ?

Тамъ долженъ быть...

Іоаннъ

Сейчасъ я прискакалъ

Тебя провѣдать.

Анастасія.

Мнѣ Господь судилъ

Не долго жить. Я чувствую кончину...

И не ропщу... Предъ Господомъ моимъ...

Предстану я... и за тебя молиться...
Я буду... государь. Господь пошлетъ...
На всѣ дѣла... твои... благословенъе...
Я объ одномъ... предъ смертью... государь
Молю тебя... будь кротокъ... и незлобивъ...
Цари надъ Русью... праведно и мирно...
Не забывай сиротъ и нищихъ... Сильны
Предъ Господомъ... ихъ слезы и молитвы.

Іоаннъ.

Голубка чистая! Господь не повелитъ
Тебѣ меня покинуть...

Анастасія.

Государь!
Смиренно принимай... Его велѣнья.
Не намъ судить... Его святая власть.
Прости меня. Я многимъ согрѣшила...
Передъ тобой... Тебѣ я докучала...
По женскому обычаю... не разъ
Стуженьемъ... объ опальныхъ... Горько было...
Мнѣ видѣть гнѣвъ твой...

Іоаннъ.

• Нѣтъ, царица, нѣтъ!

Ты не грѣшна!...

Анастасія.

Единый Богъ безгрѣшенъ.
Предъ Русью... много виновата я.
Вражду держала на сердцѣ... къ отцу
Сильвестру и къ Адашеву... Прости
И имъ Господь... пусть... и они простятъ,
Коль вырвалось... неласковое... слово...
Я мало нищихъ... сиротъ... и убогихъ...
Отъ моего достатка... призрѣвала...
Вознагради... великій государь...
Не забывай... бездомныхъ и... голодныхъ...
Они... намъ дѣти... Дай съ тобой... проститься...

Іоаннъ (*цѣлуя ее*).

Голубка! Что съ тобою?!

Анастасія.

Какъ темно!...

Вонъ звѣздочка... Нѣтъ... то Господень ангель...
Какъ чистъ и свѣтелъ!.. Какъ своимъ сіяньемъ...
Разсвѣялъ мракъ!.. Свѣтъ... солнышко... взошло...
Мнѣ грудь согрѣло... Господи! помилуй!...

(Падаеть на руки боярынь.)

Юаннь *(обезумѣвъ отъ горя).*

Спаси ее...

Стендишь.

Преставилась царица!

(Плачь и стоны между боярынями. Шумъ. Говоръ: „Царица прѣставилась.. Государыня скончалась“... Шумъ разростается. Бояре наполняютъ избу.)

Юаннь.

Нѣтъ... нѣтъ... жива... Взгляни, взгляни, голубка...
Промови слово... Дай тебя услышать.

(Безумно рыдаетъ.)

Бояре.

Царь-батюшка... приди въ себя...

Юаннь.

Скончалась!

Изведена! Мать извели... жену...
Зачѣмъ меня оставили въ живыхъ?
И альманахъ и зелейнигъ... Я, знаю...
О, попь Сильвестръ! Алѣшка! ваше дѣло...
О, голубица чистая моя,
Заклеванная воронами злыми!..

Бояре.

Опомнись, государь...

Юаннь.

Не уберегъ
Отъ адскихъ чарованій... Да, зачѣмъ
Ихъ отпустилъ? Сжечь на кострѣ—жива бы
Осталась ты... Я погубилъ тебя...

Бояре *(дотрогиваясь до Юанна).*

Великій государь!

Юаннь *(яростно).*

Зачѣмъ пришли?

Потѣшиться надъ дѣломъ вашихъ рукъ?

Идите же къ Адашеву - собакѣ.

Скажите, что свершилась ворожба,

Убили... Что? Что на меня смотрите?

Меня убить? Подосланы? Басмановъ!

Спаси меня... Убить хотять... Бѣжать...

Кто вѣренъ мнѣ... Всѣ продали... Убийцы!

(Падаетъ безъ памяти на руки бояръ.)

ДМИТРІЙ НАЛИНИНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ПЯТИ КАРТИНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Виссаріона Фѣлинскаго.

И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ!
Пушкинъ.

1831.

28

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Дмитрій Калининъ.

Сурскій, его другъ.

Томиинъ, пріятель Сурскаго.

Лѣсинская, богатая помѣщица.

Софья, ея дочь.

Андрей }
Петръ } ея сыновья.

Князь Кизяевъ.

Рудина, воспитательница Софьи.

Сидоръ Андреевичъ, лицемѣръ, живущій въ домѣ Лѣсинской.

Иванъ, старый служитель Лѣсинскихъ.

Лиза, горничная Софьи.

Федоръ, нанятой служитель Калинина.

Степанъ, служитель Сурскаго.

Хозяйка постоялаго двора.

Незнакомка.

Двѣ монахини.

Множество гостей и слугъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ мою драматическую повѣсть, я чувствую всю важность моего поступка и потому почитаю за нужное отдать моимъ читателямъ отчетъ въ ономъ, сообщить имъ собственные мои мысли о моемъ сочиненіи. У насъ безпрестанно выходитъ такое множество книгъ (разумѣется, несравненно болѣе худыхъ, нежели хорошихъ), что для публики почитать важнымъ изданіе какой-нибудь изъ нихъ—есть смѣшно и нелѣпо. Но не такъ долженъ смотрѣть на подобныя предпріятія самъ авторъ, ежели онъ уважаетъ публику, ежели онъ пишетъ не изъ низкаго желанія заслужить жалкую мелочную извѣстность въ литературномъ мѣрѣ, не отъ нечего ¹ дѣлать, но изъ чистаго, безкорыстнаго побужденія выразить этотъ внутренній міръ самого себя, этотъ міръ собственныхъ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ въ немъ созерцаніемъ этой чудесной, гармонической, безпредѣльной вселенной, въ которой онъ обитаетъ, назначеніемъ, судьбою человѣка, сознаниемъ его нравственнаго величія,—изъ непонятнаго стремленія разгадать тайны его существованія, изъ благороднаго желанія по мѣрѣ своихъ силъ и способностей споспѣшествовать успѣхамъ отечественной литературы! Такъ думалъ я, предпринимая писать это сочиненіе, и смѣло могу увѣрить моихъ читателей, что таковы были побужденія, заставившія меня написать оную. Будучи слишкомъ далеко отъ того, чтобы имѣть ничтожное тщеславіе почитать свое сочиненіе важнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, быть слѣпо влюбленнымъ въ свое дѣтище, я въ полной мѣрѣ вижу всѣ недостатки, всю слабость оного. Это есть не что иное какъ первое, несвязное лепетаніе младенца; это есть первое, незрѣлое произведеніе пера неопытнаго, несмѣлаго. Читатель не найдетъ въ немъ ни тѣхъ свѣтлыхъ, высокихъ истинъ, ни тѣхъ сильныхъ, глубокихъ мыслей, ни того

¹ Въ рукописи: „отъ него“.

умѣнія представить въ созданіи своей мечты цѣлаго стройнаго міра, ни того тонкаго познанія человѣческаго сердца, которыя бываютъ удѣломъ однихъ геніевъ—этихъ вѣчно-юныхъ исполиновъ земли, этихъ любимцевъ и органовъ неба! Нѣтъ: онъ увидитъ въ немъ не болѣе, какъ только порывъ души пламенной,—души, страстной ко всему высокому, изящному,—души, желающей излиться и борющейся между этимъ желаніемъ и слабостью силъ. Чтеніе поэтовъ, чтеніе исторіи, углубленіе въ самого себя, печали, радости, восторгъ, равнодушіе, волненіе страстей, порывъ къ чему-то неопредѣленному, тоска по чемъ-то невѣдомомъ, размышленіе о человѣкѣ, о непонятной смѣси добраго и злаго, высокаго и низкаго, составляющей существо его, мысль о другомъ, таинственномъ мірѣ родятъ тысячи вопросовъ безотвѣтныхъ, волнующихъ юный, неопытный умъ, какъ неразрѣшимая, но слабо понимаемая какимъ-то темнымъ¹ чувствомъ загадка. Въ это поэтическое состояніе душа человѣка воспаляется какимъ-то неяснымъ, но сильнымъ желаніемъ выразить самое себя, грудь его волнуется какимъ-то тревожнымъ чувствомъ неизяснимаго безпокойства, и онъ желаетъ раскрыть ее, показать свое сердце, чтобы могли прочесть и истолковать самому ему тѣ непонятныя буквы, которыя начертаны на немъ рукою Невѣдомаго. Кому знакомы эти рѣдкія минуты восторга, тотъ пойметъ меня. Не знаю, благосклонно ли приметъ публика мое сочиненіе; но ежели достоинство его равно тому пламенному энтузіазму, съ которымъ оно писано, то труды мои не тщетны. Если хотя искра того божественнаго огня, того животворнаго восторга, которые оживляли меня, какъ электричество сообщится душѣ читателя, и ежели сочиненіе мое доставитъ ему нѣсколько пріятныхъ минутъ, нѣсколько пріятныхъ впечатлѣній, то я достигъ моей цѣли. Осмѣливаюсь льстить себя сладостною надеждою, что мое сочиненіе, несмотря на свои недостатки, какъ первое въ своемъ родѣ, не будетъ лишнимъ въ нашей литературѣ, столь бѣдной драматическими произведеніями, и удостоитъ своимъ вниманіемъ первый опытъ молодаго студента.

¹ Въ рукописи: „томный“.

Картина первая.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши гѣта
Уже не любить, какъ одна
Душа безумная поэта
Еще любить осуждена!

Пушкинъ.

Мѣстомъ сцены есть маленькая комнатка; небольшой столъ, на которомъ въ безпорядкѣ лежатъ книги и бумага, кровать и два стула составляютъ все убранство сной. Калининъ читаетъ книгу, потомъ съ нѣкоторою досадою бросаетъ оную, встаетъ и говоритъ.

Дмитрій. Ожиданіе! Ожиданіе! Какъ ужасно ты! Ахъ, для чего я не могу разорвать покровъ, скрывающій отъ меня будущее? Для чего не могу разгадать загадку моей жизни? Что должно мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи: отчаяваться, или надѣяться? Если любовь была такъ благосклонна ко мнѣ, то неужели надежда обманетъ? Какъ! Если и презрѣнный эгоистъ съ низкими чувствами—и тогъ бываетъ счастливъ, то неужели счастье должно убѣгать человѣка съ душою возвышенною, съ страстями благородными,—человѣка, который способенъ любить?... Нѣтъ!... Старикъ меня любить, дочь свою также: неужели онъ захочетъ сдѣлать несчастными два любезныя ему существа?... Нынче я долженъ получить отъ него письмо. А тамъ?... Тамъ, окриленный любовью, я полечу къ ней...

(Входитъ Сурскій.)

Сурскій. Здорово, братъ! Ты, мнѣ кажется, изволишь на просторѣ философствовать, извини меня, если я помѣшалъ тебѣ.

Дмитрій. А, дружище! Здорово! Какъ же ты кстати пришелъ ко мнѣ: никогда не ожидалъ я тебя съ такимъ живымъ нетерпѣніемъ.

Сурскій. А почему это такъ? Ужъ не вѣсточку ли получилъ кое отъ кого?

Дмитрій. Ахъ, любезный, я нынѣшній день что-то не въ обыкновенномъ расположеніи духа: душа такъ полна чувствъ, что не въ силахъ вмѣстить ихъ въ себя; сердце такъ...

Сурскій. Ну, пошелъ вратъ! Теперь только и услышишь, что душа да сердце, энтузіазмъ да любовь! Кажется, твой духъ ежеминутно находится не въ обыкновенномъ расположеніи, то есть: ни въ умномъ, ни въ глупомъ, а въ какомъ-то среднемъ между этими; душа же твоя всегда бываетъ полна черезъ края...

Дмитрій. Проклятый Мефистофель! Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? Ругаться надо мною? Боже мой! Неужели нѣтъ людей на бѣломъ свѣтѣ, или по крайней мѣрѣ нѣтъ ихъ для меня! Ищешь друга, которому (бы)¹ можно было открывать свою душу, съ которымъ бы можно было дѣлить горести и радости, а находишь одни безчувственные трупы, въ ледяныхъ грудяхъ которыхъ бьются гнилыя деревянныя сердца! Сурскій! Ты созданъ для моего мученія. Я привязанъ къ тебѣ до безумія; а ты... чѣмъ ты мнѣ за это платишь? Обошлось ли у насъ съ тобою хотя одно свиданіе безъ неудовольствія?

Сурскій. Потихе, братъ, потихе; пожалуйста не горячиси: ты этимъ никогда не взбѣсишь меня. Я не схвачу, по-твоему, картуза и не побѣгу опрометью домой. Притомъ же тебѣ не худо бы оставить эти высокопарныя фразы: онѣ нашему брату, темному человѣку, непонятны; огненные же слова твои опасны для моей ледяной груди: могутъ растопить ее.

Дмитрій (*невольно усмѣхаясь*). О несносный человѣкъ! отчего я не могу не только чувствовать въ тебѣ ненависти, но даже и сердиться на тебя?

Сурскій. Оттого, что ты добръ, хотя и безуменъ. Я слишкомъ хорошо знаю тебя и, какъ пророкъ, говорю тебѣ, что ты не кончишь счастливо своей жизни. Ты всегда слѣдуешь внушеніямъ опаснѣйшихъ враговъ твоихъ: воображенія и сердца, а никогда не слушаешься хотя и суроваго, но добраго старика—разсудка.

Дмитрій. Я никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, слѣдующій одному холодному разсудку и живущій по счетамъ и выкладкамъ эгоизма, могъ быть истинно счастливымъ.

Сурскій. Дмитрій! Я не могу сказать, чтобы я слишкомъ много жилъ, но что я слишкомъ много испыталъ — это всегда слажу. И въ моей, нынѣ ледяной, груди билось нѣкогда пламен-

¹ Пропущено въ рукописи.

ное сердце; и моя, нынѣ холодная, душа нѣкогда кипѣла страстями; и мое, нынѣ погасшее, воображеніе было нѣкогда, къ моему несчастію, слишкомъ живо, слишкомъ услужливо. Легковѣрный и неопытный, я видѣлъ вездѣ одно добро и спалъ сномъ сладостнымъ, волшебнымъ. Но, къ несчастію, скоро проснулся и увидѣлъ, что воображеніе обмануло меня самымъ жестокимъ образомъ. Опытъ разогналъ золотыя мечты и показалъ горькую дѣйствительность. Разочарованный, обманутый, я не вѣрилъ самому себѣ, когда началъ смотрѣть на всѣ предметы глазами разсудка. Любовь, на коей я основалъ все зданіе моего блаженства, послужила къ моему несчастію. Я любилъ людей со всѣмъ жаромъ молодаго неопытнаго сердца—и увидѣлъ, что ихъ дѣйствіями управляютъ эгоизмъ и предразсудки. Больно было мнѣ разставаться съ моими мечтами—и, наконецъ, съ горькими слезами разстался я съ ними, какъ младенецъ съ игрушками. Глубоко схоронилъ свои страсти въ сердцѣ и навсегда отгѣлъ имъ панихиду. И теперь, сказавъ обманамъ: *прости*, предавшись во власть разсудка, я чувствую себя гораздо счастливѣйшимъ, нежели было во время оно, хотя иногда—признаюсь въ слабости—и вздыхаю о немъ. На мѣръ смотрю спокойными глазами, какъ зритель, а не актеръ. Впрочемъ, я еще и теперь люблю предаваться обольстительному воображенію; вѣрую въ любовь, въ дружбу и во все, что составляетъ сладострастіе благородныхъ душъ; такъ же, какъ и ты, страстенъ во всему высокому, прекрасному; но держу свои страсти и воображеніе въ равновѣсіи съ разсудкомъ, и даже такъ, что послѣдній немного перетягиваетъ.

Дмитрій. Тебя ли я слышу? Ты ли говоришь это?

Сурскій. Кажется, что я, а впрочемъ не знаю. Но, послушай, оставимъ это и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Дмитрій. Скажи мнѣ, пожалуйста: отчего мы не можемъ ужиться другъ съ другомъ?

Сурскій. Оттого, что ты мнѣ кажешься слишкомъ горячимъ, а я тебѣ слишкомъ холоднымъ. Я люблю шутить и смѣяться, а ты важничать. То и другое хорошо къ случаю и къ мѣсту. Изъ чего ты давеча такъ взбѣсился? Впрочемъ и я не совсѣмъ правъ: ты жалокъ по своему характеру и мнѣ бы должно падать тебя.

Дмитрій. Ты никогда не хочешь выслушать меня съ участіемъ, когда я говорю о своихъ намѣреніяхъ, надеждахъ, а если и слушаешь, то всегда съ насмѣшливою улыбкою.

Сурскій. Напротивъ, я готовъ даже раздѣлить мечты твои;

но мнѣ кажутся смѣшными эта горячка, этотъ пылъ, съ которыми ты часто говоришь о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ—утреблю любимый твой эпитетъ—*прозаическихъ*, и потому не уускаю случая пошутить на твой счетъ. Ты живешь въ очаровательномъ мѣрѣ поэзіи и смотришь на мѣръ сквозь увеличительное стекло воображенія. Тебя все плѣняетъ, и даже самыя огорченія, которыя тебѣ иногда случается переносить,—ты считаешь ихъ страданьями, и какого-нибудь мальчишку, причинившаго тебѣ дѣтскую обиду, злодѣемъ; а себя, еще ничего не испытавши, жертвою судьбы и игрушкою счастья;—видишь въ себѣ романческаго героя—и это имѣетъ для тебя прелесть поэзіи. Ты еще младенецъ, и я не хочу разочаровывать тебя, не хочу обливать душу твою холоднымъ ядомъ сомнѣнія. Придетъ время, и безъ меня все узнаешь; придетъ время—и твое лицо, одушевленное и ясное, сдѣлается мертвымъ, холоднымъ, вмѣсто доврчивой улыбки явится горькая и насмѣшливая.

Дмитрій. Не говори мнѣ этого; оставь меня въ моемъ счастливомъ заблужденіи, не сдергивай съ глазъ моихъ этого радужнаго флера, сквозь который я смотрю на мѣръ. Впрочемъ, для меня очень удивительно, что ты, почти совершенно не зная моихъ обстоятельствъ, съ такою утвердительностію говоришь, что я ничего не испыталъ. О, еслибы ты зналъ!... О, я жилъ!... Я чувствовалъ!...

Сурскій. Твою исторію не трудно узнать: она вся состоитъ въ одномъ словѣ: *Собьѣ*! Впрочемъ, всѣ подробности оной мнѣ неизвѣстны; ты, несмотря на откровенность, которая, по словамъ твоимъ, составляетъ отличительную черту твоего характера, мнѣ не сообщалъ ихъ. Это неестественно: влюбленные откровенны, а особливо съ друзьями своими.

Дмитрій. Я потому не открывалъ тебѣ тайнъ моихъ, что боялся равнодушія и насмѣшекъ. Другъ мой, ничто такъ не можетъ сдѣлать меня счастливымъ, какъ участіе во мнѣ другихъ, ничто не можетъ такъ убить, какъ равнодушіе.

Сурскій. Напрасно же ты опасался меня. Я напередъ знаю, о чемъ и что ты будешь говорить мнѣ; однако, несмотря на то, съ удовольствіемъ выслушаю повѣсть твоей жизни, которая, кромя меня, ни для кого не можетъ быть интересною. Теперь мы ничѣмъ не заняты, говори: я слушаю.

Дмитрій. Очень радъ. Только Бога ради выслушай меня снисходительно и не бѣси своими несносными шутками. Я буду о томъ говорить тебѣ, о чемъ не могу и вспомнить безъ изступленія въ высочайшей степени. Мнѣ давно хотѣлось ввѣрить тебѣ

мои тайны. Мнѣ непременно должно раздѣлить ихъ съ кѣмъ нибудь: иначе они будутъ таготить мою душу.

Сурскій. Все это очень хорошо, только нельзя ли безъ предисловія?

Дмитрій. Да не велишь ли подать вина?

Сурскій. О, это прекрасное дѣло! Вино сдѣлаетъ тебя краснорѣчивѣе, меня веселѣе. Безъ него дружескія бесѣды ни къ чорту не годятся. Да вели кстати закурить трубку.

Дмитрій. Эй, Ѳедоръ! Ѳедоръ! *(Вбѣгаетъ Ѳедоръ.)*

Ѳедоръ. Чего изволите, сударь?

Дмитрій. Принеси, братъ, бутылку вина, да закури трубку.

Ѳедоръ. Сейчасъ-съ. *(Уходитъ.)*

Дмитрій. Послушай, Алексѣй: сверхъ необходимости излить передъ тобою, какъ передъ моимъ другомъ, мои чувства, повѣрить исторію моего сердца, я имѣю еще другую, побуждающую меня открыть тебѣ мои тайны. Хотя и не имѣешь этого огня, который пожираетъ мою душу, но ты благоразумнѣе, основательнѣе меня. Твоя холодная разсудительность можетъ быть для меня полезна: я нахожусь теперь въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ не могу обойтись безъ твоихъ совѣтовъ.

Сурскій. Нельзя ли оставить эти комплименты, отъ которыхъ я бѣгаю, какъ чортъ отъ ладану.

Дмитрій. *(Съ принужденною улыбкою, робко и рѣшительно.)* Я не племянникъ Лѣсинскаго, какъ говорилъ тебѣ; нѣтъ, я его... *(Схватываетъ руку Сурскаго и быстро смотритъ ему въ глаза.)* Но прежде, нежели я договорю, скажи мнѣ: свободенъ ли ты отъ предразсудковъ? Не зараженъ ли ты ими? Отвѣчай мнѣ, отвѣчай: безъ того не дождешься отъ меня ни одного слова.

Сурскій. Успокойся. Развѣ ты меня не знаешь? Развѣ не доказываютъ всѣ слова мои, всѣ поступки, что только одинъ разсудокъ мой господинъ. Кто бы ты ни былъ, я всегда буду видѣть въ тебѣ человѣка, достойнаго моей дружбы. Говори...

Дмитрій. Я... я... его... отпущенникъ...

Сурскій. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, великая важность! Есть чего стыдиться!

Дмитрій. Другъ мой, я не стыжусь этого; но ты самъ знаешь, каковы люди и что значить въ глазахъ ихъ происхожденіе.

Сурскій. Въ ихъ же, а не въ моихъ; слѣдовательно тебѣ нечего бояться меня. *(Ѳедоръ приноситъ бутылку вина, пару стакановъ и раскуренную трубку, которую поднесъ Сурскому, и уходитъ.)*

Дмитрій. Мои родители были дворовые люди Лѣсинскаго. Будучи шести лѣтъ, я лишился ихъ. Мой господинъ принялъ меня въ свой домъ, въ качествѣ воспитанника. Говорятъ, что онъ оказывалъ мнѣ особенную любовь почти со дня моего рожденія. Я слышалъ стороною, что онъ жестоко обидѣлъ моего покойнаго отца и, вѣроятно, чтобы загладить свой проступокъ, обратилъ на меня особенное вниманіе. У него были два сына и дочь трехъ лѣтъ. Онъ воспитывалъ меня, совершенно ничѣмъ не отличая отъ своихъ дѣтей; но, несмотря на это, мое положеніе было очень завидно. Кажется, что судьба съ перваго дня моего рожденія заклалась противъ меня непримиримою враждою...

Сурскій. Понимаю: вѣрно, его жена...

Дмитрій. Ты угадалъ: эта надутая, суевѣрная змѣя-женщина есть всегдашняя моя гонительница. Она ненавидѣла меня за то, что я, будучи сыномъ ея лакея, пользовался любовью ея мужа и обходился съ ея дѣтьми, какъ съ равными себѣ. Какъ часто за меня происходили у ней съ мужемъ неудовольствія, споры и даже самыя ссоры! Ея сыновья, которыхъ она любила до безумія и баловала, раздѣляли ея ненависть и дѣлали со мною всякія пакости. Я жилъ въ дому моего благодѣтеля отчужденный отъ всѣхъ. Только его ласки немного оживляли меня; но я и ихъ избѣгалъ, зная, что онѣ болѣе и болѣе раздражали моихъ недоброжелателей. Я всегда былъ прилеженъ къ ученію, чѣмъ большую навлекалъ ненависть маленькихъ негодяевъ, которые были примѣрные лѣнтяи. Быстро пролетѣли восемь лѣтъ моего пребыванія въ домѣ Лѣсинскаго. Съ этого времени я началъ себя помнить, и съ этого времени началось развитіе моей внутренней жизни. У моего благодѣтеля была огромная библіотека, и потому чтеніе рано сдѣлалось любимѣйшимъ моимъ занятіемъ. Оно образовало мой вкусъ и, питая начинавшія обнаруживаться во мнѣ страсти, дало мнѣ благородное направленіе. Напитанная духомъ поэзіи, душа моя окрылялась какимъ-то невыразительнымъ восторгомъ. Въ ней пробудилась любовь ко всему высочайшему, благородному. Почти никѣмъ не любимый, я никому не повѣрилъ ни моихъ чувствъ, ни моихъ мыслей; да еслибы захотѣлъ сдѣлать это, то могли ли бы эти толпы людей низкихъ, пресмыкающихся въ пыли презрѣнныхъ, мелочныхъ суетъ, понимать меня?...

Сурскій. Но твой благодѣтель? Я думаю, онъ могъ имѣть о тебѣ понятіе, какое ты заслуживалъ?

Дмитрій. Такъ, онъ былъ единственнымъ существомъ, кото-

рое понимало меня, котораго душа и сердце были родными моимъ. Не любя своей жены, недовольный своими дѣтьми, онъ любилъ въ разговорахъ со мною убивать время: съ улыбкою самодовольствія называлъ меня пылкою головою, молодымъ мечтателемъ, своимъ маленькимъ философомъ. Несмотря на это, я живо чувствовалъ свое одиночество и грустилъ. Задумчивость и печаль положили свою печать на моемъ лицѣ. Я казался спокойнымъ, но какъ сильно кипѣли страсти подъ одеждою этого мнимаго хладнокровія! Это была Этна, покрытая льдомъ. Такъ, другъ мой, равно почувствовалъ я пылъ души моей, равно страсти начали волновать грудь мою. Но въ этой неукротимой пылкости присоединилась чувствительность рѣдкая, необыкновенная. Всякое малѣйшее огорченіе, причиненное мнѣ кѣмъ нибудь, терзало мою душу, отнимало у меня спокойствіе и радость; но за то и малѣйшая ласка приводила въ восторгъ. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я смотрѣлъ всегда на несчастнаго. Если при мнѣ рассказывали о несправедливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ сильныхъ надъ слабыми, о злоупотребленіи властей,—то адъ бунтовалъ въ груди моей!...

Сурсвій. Да, чувствительность, соединенная съ пылостію, есть ужасный даръ Неба. Горе тому, кто рожденъ съ ними и не умѣетъ покорить ихъ подъ власть разсудка! Онъ можетъ живѣе обыкновеннаго человѣка ощущать прелесть блаженства; но рано или поздно, а заплатитъ за эту бѣдственную способность кровавыми слезами!

Дмитрій. Такъ, другъ мой, ты правъ: я это испыталъ на самомъ себѣ. О, какъ горестно, какъ больно было мнѣ сносить ненависть Лѣсинской и ея сыновей! Нерѣдко я втайнѣ плакалъ, но при нихъ всегда казался спокойнымъ, хотя сердце мое стѣснялось, хотя душа страдала. Я не хотѣлъ показать имъ, что ихъ обиды для меня чувствительны. Видя сіе, они еще болѣе раздражались и наконецъ изобрѣли еще новый способъ мученія: стали называть меня... рабомъ!... *(Стремительно схватываетъ стаканъ, наполненный виномъ, разомъ осушаетъ оный и съ злобою опрокидываетъ на столъ)*. О, какое убійственное, какое ужасное дѣйствіе производило на мою душу это слово! Оно было для меня остріемъ кинжала, гибельнымъ жаломъ змѣи, которое, уязвляя мое сердце, пожирало его ядовитымъ огнемъ!... Когда съ злобною улыбкою они произносили это роковое слово, то я выходилъ изъ самого себя. Я весь превращался въ злобу и неистовство, и часто готовъ

былъ предаться влеченію моеѣ вспыльчивости, еслибы мысль, что могу этимъ оскорбить моего благодѣтеля, не обезоруживала меня.

Сурскій. Да, это немного досадно; но гораздо благоразумнѣе презирать свотами, нежели сердиться на нихъ. Я бы, на твою мѣстѣ, просто сказалъ имъ, что они глупцы и что сердиться на нихъ—значить дѣлать имъ честь. Опять же вѣдь и ихъ винить нельзя: они не могли иначе поступать съ тобою. Можно ли, напримеръ, почитать злодѣемъ русскаго мужика, готоваго зарѣзать француза за то, что онъ, по его мнѣнію, есть невѣрный басурманъ, ибо говоритъ не его языкомъ и не умѣетъ прочесть „Отче нашъ“? Онъ не почитаетъ подобнаго убійства за грѣхъ; онъ этимъ надѣется даже угодить Богу. Лѣсинская думаетъ, что мужъ ея не долженъ никого любить кромѣ ея и тѣхъ, коихъ она любитъ: равнять съ собою или съ ними кого-нибудь она почитаетъ за величайшее съ его стороны преступленіе. Ты, по ея мнѣнію, человекъ низкій и презрѣнный и между тѣмъ обходился съ ея дѣтьми, какъ равный съ равными. Подобныя симъ мысли она внушала и спновьямъ своимъ, такъ по естественному порядку вещей они были твоими врагами. Но каково обходились съ тобою слуги Лѣсинскаго?

Дмитрій. Эти люди въ присутствіи Лѣсинской обходились со мною грубо; при господинѣ же своемъ съ униженностію расточали мнѣ свои услуги. Но я избѣгалъ ихъ услугъ и самъ исправлялъ всѣ свои нужды. Во всемъ домѣ одинъ только Иванъ, добрый старикъ, любилъ меня искренно. Онъ видѣлъ мои горести и предлагалъ мнѣ свои утѣшенія; но я отвергалъ ихъ, ибо они только растравляли раны моего сердца, а не врачевали ихъ, и убѣрялъ его, что я совершенно счастливъ. Истинною же моею отрадою было занятіе моими науками и чтеніе поэтовъ. Божественная сила поэзіи, доставляя мнѣ священныя наслажденія, непонятныя для душъ обыкновенныхъ, низкихъ, заставляла меня презирать всѣми нападкамы со стороны моихъ недоброжелателей. Но, другъ мой, часто случалось, что восхищенный какимъ-нибудь твореніемъ, или занятый какою-нибудь возвышенною мечтою, я слышалъ обидный голосъ моихъ враговъ. Ахъ! Этотъ голосъ внезапно пробуждалъ меня изъ райскаго усыпленія и изъ прелестнаго міра очарованій переносилъ въ міръ горькій, въ міръ плачевный, существенный. Это было для меня ужаснѣйшимъ мученіемъ! Наконецъ я началъ скучать жизнию. Какая-то неизъяснимая, томительная тоска начала давить мою душу, какъ свинецъ тяжелый; какая-то пустота поселилась въ моемъ сердцѣ,—я сталъ убѣгать людей.

Сурскій. Но скажи, пожалуй: куда дѣвалась у тебя трехлѣтняя дочь Лѣсинскаго?

Дмитрій. Она воспитывалась у своей бабушки, богатой дворянки; и когда та умерла, она переѣхала въ домъ своихъ родителей; ей тогда было шестнадцать лѣтъ.

Сурскій. Ну, и ты въ нее влюбился. Теперь хоть не рассказывай далѣе, я могу сей же часъ перечестъ тебѣ навзустъ то, о чемъ ты мнѣ будешь говорить.

Дмитрій. Нѣтъ, ты не можешь даже и понять того, что я чувствовалъ. Какъ описать тебѣ эту важную эпоху моей жизни, — эпоху, которая навсегда рѣшила мою участь? Въ тишинѣ и уединеніи копилась и зрѣла въ груди моей страсти и волновали ее, какъ ярыя волны потока; но этотъ потокъ удерживался крѣпкою плотиною: взглядъ Софьи разорвалъ ее, и онъ разлился, какъ бурное море! Признаюсь, красота ея поразила меня съ перваго взгляда и сдѣлала сильное впечатлѣніе на мою душу, страстную во всему прекрасному. Она имѣетъ высокій ростъ, величественную осанку; на возвышенномъ челѣ ея отражаются признаки ума и благородства. Ты не можешь представить себѣ, какую неизъяснимую прелесть имѣютъ ея черные, живые глаза, какъ пламенны, горды ея взоры, какъ сладостенъ ея голосъ, какъ очаровательна улыбка! Но нѣтъ, другъ мой, я слишкомъ слабъ, чтобы могъ начертать тебѣ хотя легкій абрисъ этого плѣнительнаго существа, чтобы дать о немъ хотя малѣйшее понятіе. Сначала я думалъ, что Софья подъ этою прелестною наружностію скрываетъ качества своей матери, но при взглядѣ на нее сомнѣнія мои исчезали. Въ ея ясныхъ взорахъ блистаетъ такая откровенность, такое вроткое величіе, которыя не допускаютъ подозрѣвать ее въ низости чувствъ; въ ея одушевленныхъ разговорахъ видно это благородство мыслей, эта возвышенность чувствъ, которыхъ источникомъ всегда бываетъ прекрасная душа.

Сурскій. Итакъ, эти пламенные, гордые взгляды черныхъ, живыхъ глазокъ, эти одушевленные разговоры, это благородство мыслей, эта возвышенность чувствъ, какъ водится, зажгли твое ретивое; ты началъ дѣлать тысячи глупостей, которыя могутъ имѣть слѣдствія самыя неблагопріятныя, а особливо для тебя. Впрочемъ, говори, братъ, говори: повѣсть твоя для меня интересна; я и самъ нѣкогда донъ-вихотствовалъ по твоему, но дорого пришлось мнѣ эти глупости: они и теперь еще отдаются въ моемъ сердцѣ, какъ хриплый кашель больнаго въ пустой комнатѣ. Но, Дмитрій, вѣрно страсть твоя осталась для Софьи неизвѣстною?

Дмитрій. Какъ это? Почему?... Нѣтъ, любезный другъ, къ моему величайшему счастью вышло совсѣмъ напротивъ, и вотъ какимъ образомъ. Однажды Лѣсинская, чтобы оскорбить меня, уммышленно завела за столомъ разговоръ съ своими сыновьями о преимуществѣхъ, доставляемыхъ людямъ правами рожденія. Ея мужъ, по обыкновенію, противорѣчилъ имъ. Наконецъ Софья приняла его сторону. О, другъ мой, съ какимъ жаромъ она говорила! Какую непобѣдимую силу имѣли доказательства въ ея устахъ! Она утверждала, что права происхожденія, предки суть ничто иное, какъ предразсудки, постыдныя для челоѣчества, что единственно однѣ достоинства личныя должны давать права на почести и славу. Мать ея не могла выдержать этихъ быстрыхъ, огненныхъ взоровъ, не могла противиться этому сильному, убѣдительному краснорѣчію, этимъ доказательствамъ, источникомъ которыхъ была истина. Она смѣшалась, не знала, что говорить, замолчала и досаду свою начала вымещать на бѣдныхъ слугахъ. Я молчалъ и взоры мои безмолвно выражали благодарность милому, прелестному существу, которое съ такимъ жаромъ защищало меня. Съ сего незабвеннаго времени, какая-то непостижимая симпатія начала сближать меня съ Софьею. Мой мрачный, печальный видъ, мои странные поступки, любовь ко мнѣ Лѣсинскаго и ненависть жены его—все это обратило на меня вниманіе, и она всегда старалась заводить со мною разговоры о литературѣ, о писателяхъ и тому подобномъ. Наконецъ я почувствовалъ что-то такое, чего самъ не могъ изъяснить. Съ этого мгновенія—дивись чудесамъ любви—все существо мое измѣнилось; я сталъ совсѣмъ другой: мысли мои сдѣлались возвышеннѣе, чувства благороднѣе. Я сталъ къ самому себѣ чувствовать какое-то особеннаго рода уваженіе, ибо почиталъ себя выше обыкновеннаго челоѣка. Исчезла мрачность, пропала скука, и лучъ божества освѣтилъ печальный путь моей жизни, искра надежды заронила въ мою безотрадную душу. Я узналъ, чего жаждала душа моя, чего требовало сердце. Съ тѣхъ поръ быть около Софьи, говорить съ нею сдѣлалось необходимою моею душою. О, другъ мой; какъ прекрасна душа ея! Съ какимъ благороднымъ жаромъ говорила она о доблестяхъ добродѣтели! съ какимъ пламеннымъ энтузіазмомъ о тѣхъ важныхъ пожертвованіяхъ, о томъ божественномъ самоотверженіи, которымъ увѣковѣчили свое имя герои древнихъ и новыхъ временъ! Ты не можешь представить, до какой степени восхищаетъ ее всякій благородный поступокъ, до какой степени плѣняетъ все, что только выходитъ изъ предѣловъ

обыкновеннаго. Въ одно и то же время она трепетала при имени Брута, какъ великаго мученика свободы, какъ добродѣтельнаго самоубійцы, и при имени Сусанина, запечатлѣвшаго своей кровію вѣрность царю. Болѣе же всего ее восхищала исторія двухъ римлянокъ: Лукреціи и Виргиніи. При этихъ священныхъ для нея именахъ, вмѣсто кроткой задумчивости, блиставшей въ ея глазахъ, сверкали молніи...

Сурскій (*съ неудовольствіемъ*). Вѣрю, вѣрю. Я вижу, что тутъ нашла коса на камень. Что жъ далѣе?

Дмитрій. Такимъ образомъ, изъясняя другъ другу свои чувства и мысли, мы узнали, что мы сотворены другъ для друга,— узнали—и души наши породнились. Я въ ней нашелъ мой идеалъ, давно уже въ неясномъ образѣ рисовавшійся въ моемъ воображеніи; въ ея взорѣ я прочелъ тайну бытія человѣка, цѣль его жизни. Хотя еще въ разговорахъ нашихъ слово *любовь* не упоминалось, но всѣ наши движенія, всѣ поступки выражали оную. Я блаженствовалъ, но къ совершенству моего блаженства не доставало райскаго—*люблю* изъ устъ прелестной; но скоро я дождался и этого счастья. Однажды Лѣсинская захворала; Софья не отходила отъ ея постели. Наконецъ ей стало легче и послѣ продолжительной бессонницы она уснула. Отецъ Софьи поѣхалъ осматривать сельскія работы, а достопочтенные ея братцы усвакали съ лакеями травить зайцевъ. Еще прежде сего я обѣщался Софьѣ читать Озерова „Фингала“, и такъ какъ болѣзнь ея матери не препятствовала болѣе сему намѣренію, то она и напомнила мнѣ о моемъ обѣщаніи. Я взялъ книгу и мы пошли въ садъ. Давно уже тревожило меня желаніе объясниться съ нею. Теперь вдругъ въ головѣ моей блеснула эта мысль. Я хотѣлъ выполнить ее, но не осмѣливался: какой-то тайный страхъ, какая-то непонятная робость удерживала меня отъ сего. Едва рѣшусь, сердце оторвется, и меня обольетъ то холодомъ, то жаромъ. Она замѣтила мое смущеніе и, какъ будто бы испугавшись, просила начать чтеніе. Томимый желаніемъ высказать ей то, что лежало на душѣ моей, я читалъ механически, ничего не понимая. Она слушала, устремивъ глаза свои въ землю; сильное волненіе изображалось на лицѣ ея: оно безпрестанно измѣнялось. Наконецъ я началъ читать явленіе, въ которомъ представлено свиданіе Фингала съ Мойною. Боже мой! что вдругъ сдѣлалось со мною? Я забылъ трагедію, Мойну, Фингала,—одни только слова его огненною рѣкою лились изъ устъ моихъ; этотъ жаръ, это изступленіе, съ кони я декламировалъ ихъ, ясно показали

Софѣ, что я чувствовал и въ кому относится монологъ Фингала. Пламенные взоры мои пожирали ее, сердце билось сильно, порывисто, лицо горѣло, я весь трепеталъ, голосъ замиралъ на устахъ моихъ... я все забывалъ... помню только то, что, бросившись въ объятія моей подруги, я вскричалъ прерывистымъ голосомъ: „Софья, любишь ли ты меня?“ Пламенный поцѣлуй и волшебное *люблю* были ея отвѣтомъ. (*Быстро вскакиваетъ и съ увеличивающимся жаромъ, безпрестанно возвышая свой голосъ, продолжаетъ.*) Такъ, другъ мой, я вкусилъ на землѣ радости неба, я выпилъ до дна чашу любви и наслажденья, я жилъ въ полномъ смыслѣ этого слова; я могу это сказать! (*Наливаетъ стаканъ и выпиваетъ его съ жадностію.*)

Сурскій. Помилуй, Дмитрій, опомнись: ты совершенно изъ себя выходишь. Бога ради, умѣрь свои восторги.

Дмитрій. Одно воспоминаніе объ этой священной, незабвенной минутѣ дѣлаетъ меня блаженнымъ, переноситъ на небо и приводитъ душу мою въ такое состояніе, что она не въ силахъ вынести собственныхъ своихъ восторговъ. Такъ, я получилъ признаніе изъ устъ обожаемой; я узналъ, что я любимъ. Это признаніе дѣлало то, что я то не вѣрилъ своему счастью, то завидовалъ самому себѣ; этимъ признаніемъ все существо мое, такъ сказать, освятилось: черные помыслы, низкія чувства бѣжали отъ меня далече: они не осмѣливались осквернить то сердце, въ которомъ любовь воздвигнула себѣ алтарь. Я даже пересталъ ненавидѣть враговъ своихъ; нѣтъ, я сожалѣлъ о нихъ. Бѣдные, думалъ я, они не могутъ любить! Такъ, Сурскій, блаженъ, кто испыталъ очарованіе любви, кто вкусилъ ея радости! Блаженъ, кто знаетъ эту высокую, святую гармонію душъ! Если ангелы могутъ завидовать людямъ, то это человѣку, который любить и любимъ! Любовь наполняетъ все существо мое, дѣлаетъ меня полубогомъ! Я не знаю, можетъ ли быть на землѣ такое пожертвованіе, котораго бы я не въ силахъ былъ сдѣлать для моей любезной; есть ли такіе подвиги, которыхъ бы я, воспламененный ею, не могъ свершить? Въ сіяющихъ очахъ моей милой я вижу два путеводныя свѣтила, долженствующія освѣщать дорогу моей жизни; въ гармоническихъ звукахъ ея голоса я слышу бряцаніе арфъ, на воихъ серафимы въ горнихъ селеніяхъ поютъ славу Бога; въ ея очаровательной улыбкѣ я вижу отверзающійся эдемъ счастья. Когда я гляжу на нее, то душа моя, пожираемая восторгами, не могущая ихъ вынести, готова исторгнуться изъ тѣла. Въ эту минуту я желалъ бы говорить, но могу только въ сладостномъ безмолвіи удивляться, чув-

ствовать и обращать на небо благодарные взоры. Но что я говорю тебѣ? Любишь ли ты? Испыталъ ли ты могущество этой божественной страсти, ощущалъ ли блаженство, которое она рѣкою изливаетъ на своихъ любимцевъ? Клокотала ли въ груди твоей эта огненная лава? Вмѣщала ли душа твоя весь эдемъ радостей, какія только могутъ существовать на землѣ? Сидѣлъ ли ты съ своею любезной въ тѣнистой бесѣдкѣ, когда восходящее солнце разливаетъ по небу румяный блескъ, когда утихаетъ дневной шумъ и воздухъ растворяется благоуханіемъ цвѣтовъ? Обмирая отъ избытка чувствъ, приклонялся ли ты усталую головою на ея бьющуюся грудь? Билось ли ея сердце около твоего? Падала ли она въ твои объятія и, утопая въ восторгахъ, утомленная оными, трепещущимъ, задыхающимся голосомъ шептала ли очаровательныя слова любви?... Нѣтъ! Ты не испыталъ этого! Ты не можешь понять меня!...

Сурскій. Послушай, Дмитрій: я вѣрю, что любовь есть чувство неземное, что въ ней заключается верхъ человѣческаго блаженства; но крайности ни въ какомъ случаѣ не хороши. Любовь своимъ вроткимъ, эфирнымъ пламенемъ должна согрѣвать человѣка, а не жечь его. Дмитрій, всегда ли любовь твоя была чиста и безкорытна?

Дмитрій. Какое тутъ безкорытіе, какал чистота? Неужели ты думаешь, что согласіе родителей, пустые обряды даютъ право двумъ существамъ питать другъ къ другу любовь и наслаждаться ею? Неужели ты слѣдуешь этимъ глупымъ, унижительнымъ для человѣчества предразсудкамъ? Одна только природа соединяетъ людей узами любви и позволяетъ имъ наслаждаться всѣми благами, какія только можетъ она доставлять имъ. Такъ, влянусь тебѣ, какъ моему другу, влянусь всему, что только дышетъ, существуетъ, что Софья моя супруга!...

Сурскій (*съ неодованіемъ*). Какъ? Неужели? Что говоришь ты, безумецъ?... Но чему тутъ удивляться: не долженъ ли я былъ ожидать этого?

Дмитрій (*не замѣчая, что слова его возбудили неодованіе Сурскаго, съ постепенно возрастающимъ жаромъ говоритъ*). Такъ, влянусь Всемогущимъ Богомъ: она моя супруга! Воспламененные любовью, вознесенные ею на верхъ возможнаго блаженства, могли ли мы думать объ этихъ ничтожныхъ условіяхъ, избрѣтенныхъ людьми для собственнаго своего мученія? Могли ли имѣть нужду въ соединеніи людей, когда сама природа, — этотъ органъ воли Всемогущаго, — соединила насъ и открыла намъ неисчерпаемый источ-

никъ наслажденій неизъяснимыхъ? Такъ, живо, живо помню эту минуту!... Былъ вечеръ. Въ райскомъ упоеніи сидѣли мы въ саду. Дрожащими руками я сжималъ горячія руки моей любезной. Весь міръ исчезалъ въ глазахъ нашихъ; мы видѣли только другъ друга и, стараясь высказать чувства, наполнявшія наши души, не находили словъ, только прерывистое, замирающее на устахъ *люблю*. Пожирающіе взоры и пламенные поцѣлуи составляли нашъ разговоръ. Сильно бились сердца наши, огненною рѣкою волновалась кровь въ нашихъ жилахъ—и мы старали, томимые сладостною мукою желанія. Это уединеніе, въ которомъ мы находились, эта темнота вечера, которую еще болѣе углубляли наклонившіяся надъ нами вѣтви деревъ, это упоеніе душъ, это забвеніе чувствъ повергли насъ въ объятія другъ друга... и души наши слились и замерли... одни заглушаемые стоны, одно сильное біеніе сердца давало знать, что мы еще живы... Съ тѣхъ поръ цѣлые два мѣсяца нектаромъ любви и сладострастія я утолялъ жажду, пожиравшую меня, цѣлые два мѣсяца безпечною рукою пожиналъ розы счастья. Но, другъ мой, тутъ-то я узналъ на опытѣ печальную истину, что нѣтъ счастья безъ горести, нѣтъ розы безъ шиповъ. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ какую-то непонятную перемену въ характерѣ и поступкахъ Софьи: обыкновенная ея веселость и живость исчезли, мѣсто ¹ ихъ заступила задумчивость, которая, впрочемъ, еще болѣе возвышала ея красоту. Даже часто слезы, эти чистые перлы любви, — текли изъ прелестныхъ ея глазъ, какъ предвѣстники злополучія. Казалось, какая-то тайна тяготила ея душу,—тайна, которую въ одно и то же время ей хотѣлось открыть мнѣ и скрыть отъ меня. Глядя на нее, и я самъ началъ грустить. Но эти рѣдкія минуты горести съ избыткомъ были вознаграждаемы цѣлыми часами наслажденій, цѣлыми часами, въ продолженіи воихъ мы, поверженные въ объятія одинъ другаго, въ нѣмомъ восторгѣ, въ томленіи чувствъ, въ изступленіи страсти, на землѣ вкушали радости, извѣстныя только небожителямъ. Но недолговременно было мое счастье. Вдругъ мой благодѣтель послалъ меня сюда для исполненія одного дѣла, о которомъ я скажу тебѣ послѣ. Не нужно говорить тебѣ, чего стоила мнѣ разлука съ моимъ божествомъ.

Сурскій. Долго я слушалъ тебя хладнокровно, наконецъ безуміе твое заставило меня выдти изъ самого себя. И ты, и ты не чувствуешь угрызенія совѣсти, и ты не видишь всей гнусности

¹ Въ рукописи: „вмѣсто“.

твоего поступка? Обольститель, обольститель! что ты сдѣлалъ? Сладохъ былъ сонъ твой, но горестно пробужденіе.

Дмитрій. Сурскій! Ты ли говоришь это? ты ли, который безпрестанно утверждаешь, что только одинъ разсудокъ есть твой господинъ? Изъясни мнѣ вину мою: скажи мнѣ, чѣмъ я заслужилъ эти упрёки?

Сурскій. И ты еще, послѣ всего связаннаго тобою, притворяешься непонимающимъ вины своей? Если такъ, то я растолкую тебѣ ее: ты—обольститель, неблагодарный человѣкъ, нарушившій законы чести и справедливости!...

Дмитрій (*въ изумленіи*). Кто?... Я?... Я обольститель, неблагодарный человѣкъ, нарушившій законы чести и справедливости!... И это сказалъ человѣкъ, называющій себя моимъ другомъ! Ха! ха!... ха!... Вотъ каковы друзья! Они подобны колодцу, котораго вода растворена ядомъ и который для того только приманиваетъ къ себѣ жаждущаго путника, чтобы отравить его!... Сурскій, если обижать меня ты считаешь правомъ дружбы, то прошу меня уволить отъ нея. (*Повелительнымъ тономъ*). Милостивый государь! я хочу быть одинъ!

Сурскій. Очень хорошо: я доставлю вамъ это удовольствіе (*Хочетъ идти*).

Дмитрій (*въ бѣшенствѣ*). Но нѣтъ, постой! Докажи мнѣ, непременно докажи справедливость словъ твоихъ: иначе я не выпущу тебя отсюда. Если обвиненіе твое справедливо, то торжествуй: гибель моя неизбежна; но горе тебѣ, горе, если оно будетъ ничто иное, какъ гнусная клевета!

Сурскій (*хладнокровно*). Что жъ? За чѣмъ дѣло стало? Докажи, что ты не послѣдній храбрець, что ты даже въ состояніи убить человѣка, сказавшаго тебѣ правду!

Дмитрій. Сурскій! Сурскій! Твое адское хладнокровіе убиваетъ меня!... И такъ еще разъ съ сповойнымъ челомъ ты можешь сказать мнѣ, что слова твои справедливы?

Сурскій. Клянусь честью, справедливы!

Дмитрій (*стараясь подавить свою злобу*). И такъ, я злодѣй, подлець!...

Сурскій. Да, хотя и неумышленный.

Дмитрій. Но въ чемъ же состоитъ вина моя?

Сурскій. Послушай, Калининъ: я знаю, что внутреннее чувство увѣряетъ тебя въ справедливости моихъ словъ; но ты боишься увѣриться въ немъ и стараешься ложными софизмами оправдать

себя въ собственныхъ своихъ глазахъ, стараешься обмануть самого себя. Если ты будешь хладнокровно меня слушать, то увѣришься въ истинѣ словъ моихъ.

Дмитрій. Говори, говори... Я скрѣплю свое сердце, я подавлю свои чувства..., буду твердъ какъ булатъ.

Сурскій. Не есть ли Лѣсинскій твой благодѣтель и не обязанъ ли ты ему благодарностию? И чѣмъ же ты изъяснилъ ему оную? Ты увидѣлъ его дочь—и полюбилъ ее;—полюбилъ, несмотря на то, что судьба, люди, законы, предразсудки—все запрещаетъ тебѣ любить ее. Впрочемъ еще въ этомъ тебя нельзя обвинить. Но если ты человѣкъ истинно благородный, гордый, съ душою мощною, твердою, то не должно ли бы тебѣ было скрывать, этого мало—преодолѣвать свою страсть?

Дмитрій. Какъ, я долженъ былъ убѣгать своего счастья? Долженъ былъ осудить себя на вѣчное мученіе, тогда какъ небо отвѣрилось передо мною?

Сурскій. Да, другъ мой, долженъ. И гдѣ же познается истинное величіе человѣка, какъ не въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ онъ рѣшается лучше вѣчно страдать, нежели сдѣлать что-нибудь противное совѣсти? Гдѣ же болѣе обнаруживается нравственное могущество человѣка, какъ не въ борьбѣ съ судьбою, какъ не тамъ, гдѣ онъ подъ ледяною одеждою хладнокровія скрываетъ страсти самыя свирѣпыя, если предвидить, что они могутъ довести его до преступленія? Обращусь къ тебѣ. Не долженъ ли ты имѣть этой благородной гордости, этого, ничѣмъ непобѣдимого, чувства чести, которыя отличаютъ истиннаго человѣка отъ толпы презрѣнной? Честь должна быть идиоломъ всякаго благородно мыслящаго и онъ не долженъ измѣнять ей ни за какія блага въ мірѣ. Ежели бы ты слѣдовалъ этимъ правиламъ, то бы или навсегда отказался отъ мысли любить Софью, или заслужилъ на это неотъемлемое право. Ты самъ связалъ, что для тебя, воспламененнаго любовію, нѣтъ на землѣ подвиговъ, коихъ бы ты не въ силахъ былъ совершить. Для чего же ты не доказалъ этого на дѣлѣ? Ты человѣкъ свободный, могъ бы идти въ военную службу, въ коей или палъ бы на полѣ брани, какъ слѣдуетъ истинному сыну отечества, и вмѣстѣ съ горестною жизнію окончилъ бы и мученія свои, или бы отличился храбростию, покрылъ себя славою, приобрѣлъ чины, достоинства и титула, которыя столько уважаются всѣми. И тогда бы ты имѣлъ право открыто требовать руки Софьи, а не насильно ввязываться въ родство знатныхъ, богатыхъ людей и тихонько, подобно

вору, похищать у дѣвушки единственное и ничѣмъ невозвратимое сокровище каждой женщины—честь. Кто тебѣ далъ право назвать Софью своею женою безъ приличныхъ и необходимыхъ для сего обрядовъ?...

Дмитрій. Любовь!...

Сурскій. Прибавь: безумная. Но что скажетъ твой благодѣтель, когда узнаетъ о безчестіи, нанесенномъ тобою его дому? Не станетъ ли онъ трепещущею отъ старости рукою вырывать свои сѣдые локоны, столь ужасно посрамленные? И вѣмъ же? Человѣкомъ, который ему всѣмъ обязанъ,—человѣкомъ, котораго онъ любилъ съ горячностію отца! Кто далъ тебѣ право нарушить законы твоего отечества, обычай общества, среди коего живешь,—обычай, освященные вѣками? Отвѣчай мнѣ. Съ спокойнымъ челомъ требую отъ тебя отвѣта. Съ спокойнымъ челомъ еще разъ повторяю: „слова мои справедливы!...“

Дмитрій. Нѣтъ, несправедливы! Когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самаго разсудка, то человекъ можетъ и долженъ нарушать ихъ. Неужели я потому только не имѣю права любить дѣвушку, что отецъ ея носить на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ? Она меня любитъ: вотъ неотъемлемое право и мнѣ отвѣчать ей тѣмъ же! Неужели людей соединяютъ ничтожные обряды, а не любовь?

Сурскій. Последняя соединяетъ, а первые утверждаютъ это соединеніе. Еслибы ты съ своею любезною жилъ на необитаемомъ островѣ, то въ такомъ случаѣ одна природа подавала бы тебѣ законы. А когда ты живешь съ людьми, связанъ съ ними узами нужды, то и долженъ отъ нихъ зависѣть. Кто съ вѣдома людей и законнымъ образомъ приобретаетъ себѣ сокровища, тотъ владѣй ими смѣло, въ противномъ же случаѣ хоть не считай ихъ своими. Что будетъ съ Софьей, когда они узнаютъ ея связь съ тобою? Не будетъ ли удѣломъ ея презрѣніе всѣхъ и cadaго? Но ты это давно долженъ знать. Вы оба давно уже чувствовали тайное мученіе, но боялись растолковать его себѣ. Безумные! Это былъ тайный голосъ вашей совѣсти,—голосъ, въ которомъ вы были глухи!...

Дмитрій. Проклятый разочарователь! торжествуй: ты правъ! ты правъ! Но для чего ты отрываешь мнѣ глаза тогда, какъ я уже стремглавъ полетѣлъ въ бездонную пропасть, открытую мнѣ враждебною судьбою? Не для того ли, чтобы освѣщать мнѣ всѣ ужасы, которые она срываетъ въ себѣ?... О, Сурскій! О, Сурскій!

Съ высоты небесъ ты низвергнулъ меня въ адскія бездны, изъ царя сдѣлалъ нищимъ! О! не смотри на меня такими глазами: они убиваютъ меня, какъ взгляды василиска! Въ этихъ выразительныхъ, ледяныхъ взорахъ я читаю укоръ, читаю мое преступленіе, или, лучше сказать, мщеніе жестокаго рока!... Но что я говорю! Развѣ я не былъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ? Развѣ одна минута возможнаго блаженства не можетъ замѣнить цѣлыхъ вѣковъ страданій? Пусть судьба вооружается противъ меня, пусть устремляетъ на меня свои сокрушительныя громы— я не вострепещу. Какъ бы ни были ужасны ея удары, они ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, которымъ я нѣкогда упивался! Если я буду въ нищетѣ и презрѣннѣ влечить дни мои въ рабскомъ плѣну у варваровъ, осужденный прокляывать дороги между горами, если мое тѣло разрушится отъ ужаснѣйшихъ болѣзней, если я буду лежать на дорогѣ, покрытый струпами, томимый голодомъ и жаждою, палимый лучами солнца, ежели хищныя птицы будутъ расклеивать мое полуживое тѣло; то и тогда.... Нѣтъ, этого мало: если я буду, несправедливо осужденный, въ ужаснѣйшихъ истязаніяхъ испускать послѣднее дыханіе на колесѣ, то и тогда воспоминаніе о быломъ счастьи будетъ въ ничто обращать всѣ гоненія ожесточеннаго рока!... Я вспомню первый вздохъ любви, вырвавшійся изъ груди прекрасной, первое ея признаніе, первый пламенный поцѣлуй ея; вспомню первое упоеніе любви и сладострастія, вспомню—и съ холодною улыбкою презрѣннѣ вытерплю всѣ возможныя мученія, хотя бы изобрѣтателемъ ихъ былъ адъ! Но, Алексѣй, я не могу еще сказать счастью вѣчное *прости*: лучъ надежды еще не погасъ въ душѣ моей. Теперь я ожидаю писемъ отъ моего благодѣтеля, въ немъ будетъ приказаніе возвратиться мнѣ домой. По приѣздѣ я упаду къ его ногамъ, признаюсь ему въ моей винѣ, и онъ, тронутый моимъ раскаяніемъ, моими просьбами, соединитъ мою руку съ рукою дочери. Онъ чуждъ предрасудковъ,— я увѣренъ въ этомъ, и эта увѣренность питаетъ мою надежду. Вѣрь словамъ моимъ: они сбудутся. О, вѣрь, Бога ради, вѣрь, (*схватываетъ руку Сурскаго.*) я прошу тебя. Для чего холодная улыбка, это сомнительное выраженіе лица? Умоляю тебя, вѣрь мнѣ! Я приведу къ нему Софью и скажу ему: „насъ соединила любовь, соедини и ты“. Съ слезами радости онъ назоветъ меня своимъ сыномъ, прижметъ къ старческой своей груди; а я, восторженный моимъ счастьемъ,—я буду рыданіемъ отвѣчать на его отеческія ласки, буду обнимать его колѣна, лобызать его серебряныя локоны.

Съ тѣхъ поръ мои дни польются тихимъ потокомъ, въ которомъ всегда будетъ отражаться чистая лазурь неба. Цвѣточной цѣпкою прикую къ себѣ вѣтреное, легкокрылое счастье, и вся жизнь моя будетъ восторгъ, упоеніе и любовь!...

Сурскій. Дмитрій, право, ты настоящій ребенокъ; ты ничего не видишь. Самъ посуди: можетъ ли Лѣсинскій, нося на себѣ званіе дворянина, самовольно располагать своими поступками въ столь важномъ дѣлѣ и презирать общественнымъ мнѣніемъ? Онъ имѣетъ жену; она лучше позволитъ закопать себя живую въ землю, нежели видѣть свою дочь твоею женою. Она—мать; въ семъ случаѣ права ея такъ же неоспоримы, какъ и право отца; сами законы вступятся за оныя. То-то надобно бы почаще совѣтываться съ холоднымъ разсудкомъ, да дѣлать счеты да выкладки.

Дмитрій. Алексѣй, Бога ради не усугубляй моихъ ужасныхъ терзаній своими холодными разсужденіями, своими мрачными предчувствіями: они оледеняютъ мое сердце, еще лелѣемое надеждою; они отдаются въ немъ, какъ унылыя, протяжные удары погребальнаго колокола, какъ звуки цѣпей на рукахъ узника. Для чего ты безпрестанно разочаровываешь мою душу? Для чего отдаляешь отъ глазъ моихъ плѣнительные образы ангеловъ счастья, а представляешь вмѣсто ихъ ужасныхъ, отвратительныхъ скелетовъ?... Другъ мой! Я было заснулъ на минуту, а сонъ несчастнаго долженъ быть для всякаго священнымъ! Для чего разбужать его, очарованнаго обольстительными видѣніями. Ахъ, какъ смежно блаженство съ злополучіемъ! Давно ли я не могъ найти словъ для высказанія моего счастья, а теперь?... Боже мой!... *(Закрываетъ глаза руками и погружается въ мрачную задумчивость.)*

Сурскій. Калининъ! Калининъ! Это ли есть признакъ души высокой, благородной? Голова пылкая и безумная! Когда ты опомнишься, когда ты перестанешь метаться изъ крайности въ крайность и попадешь на счастливую середину?... На что это похоже? Когда ты почиталъ себя счастливымъ, то восторгамъ твоимъ не было мѣры, а когда увидѣлъ слѣдствія твоего безумія, то сдѣлался малодушнымъ, какъ ребенокъ. Нѣтъ, по нашему не такъ! Если тебя постигъ ударъ судьбы, то изыскивай средства отвратить его; если же этого невозможно сдѣлать, то страдай и молчи: будь гордъ въ самомъ бѣдствіи, не падай подъ бременемъ онаго и докажи, что ты не подвластенъ даже и самому року!

Дмитрій. Такъ, другъ мой, ты правъ. Слова твои ободряютъ и воскрешаютъ меня. Такъ, къ чему это уныніе? Неужели надеж-

да дана человѣку только для усугубленія его горестей?... Нѣтъ, прочь отъ меня эти гибельныя мысли! Я еще вѣрю въ счастье: я буду опять счастливъ! Мой благодѣтель снабдитъ меня деньгами и я удалюсь съ ними и съ Софьею, если не на край свѣта, то, по крайней мѣрѣ, такъ далеко, чтобы счастье наше не могло мучить души злыхъ. Ты самъ, мой другъ, послѣдуешь за нами, не правда ли? Наши дни будутъ лелѣемы тѣми чистыми, небесными радостями, которыя доставляютъ человѣку любовь, дружба и родство! Я буду имѣть дѣтей, ты будешь ихъ воспитывать... Не правда ли, это прекрасно? (*Болѣзненнымъ голосомъ*). Такъ, мы будемъ счастливы, не правда ли?..

Сурскій. Бѣдный! Ты похожъ на человѣка, который, утопая въ морѣ, хватается за соломенку. (*Вбѣгаетъ Ѳеодоръ.*)

Ѳеодоръ. Письмо, сударь, письмо!..

Дмитрій. Письмо?... письмо?... Гдѣ оно?... Дай сюда скорѣй!.. Оставь насъ однихъ... (*Ѳеодоръ уходитъ.*)

Сурскій. Читай скорѣй!

Дмитрій. Ахъ, другъ мой, сердце мое оторвалось, я какъ будто бы чего-то испугался. Какое-то горестное предчувствіе... руки мои дрожать... я страшусь... (*Разламываетъ печать, развертываетъ письмо и, прочтя нѣсколько строкъ, глядитъ какъ ошалебный на Сурскаго.*)

Сурскій. Другъ мой, что съ тобою сдѣлалось? (*Продолжительное молчаніе.*)

Дмитрій (*съ отчаянною улыбкою*). Прекрасныя вѣсти! прекрасныя вѣсти! Мой благодѣтель умеръ! (*Упадаетъ на стулъ безъ чувствъ, Сурскій старается помочь ему; наконецъ онъ приходитъ въ память.*) И такъ, все рѣшено. Вотъ конецъ поприща, по которому я такъ весело, такъ безопасно пробѣгалъ! Кто могъ это предвидѣть?... Неужели любовь для того только льстила мнѣ, чтобы такъ жестоко обмануть меня? Благодѣтель мой умеръ: теперь все кончено!.. Сурскій, ты читалъ эти строки? Кто писалъ ихъ? Что въ нихъ еще есть утѣшительнаго?... Дай мнѣ ихъ! (*Сурскій подаетъ письмо*). „Почтеннѣйшій, высокоименитый господинъ, пылая голова, молодой мечтатель, маленькій философъ!“ Какъ! Это что значить? Га! Какая адская злоба, какая черная ненависть! „Вашъ благодѣтель, не успѣвши излить на васъ остатки щедротъ своихъ, изволилъ отправиться на тотъ свѣтъ!“ Сурскій! прочти, Бога ради, подпись: въ моихъ глазахъ мелькаетъ имя Андрея Лѣвлинскаго, но я не вѣрю моимъ встревоженнымъ чувствамъ: они меня обманываютъ.

Сурскій. Такъ точно, тутъ подписано его имя.

Дмитрій. Его имя? И это писалъ сынъ объ умершемъ отцѣ своемъ! Неужели развращеніе людей можетъ простираться до такой степени?... „Ваша отпускная... уничтожена, сестра наша выходитъ замужъ за князя Кизяева, и такъ какъ у насъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то и просимъ васъ всепокорнѣйше... какъ можно поскорѣе пожаловать... въ намъ“.

Сурскій! что это значить? Насмѣшка, или истина?... А! понимаю. Софья выходитъ замужъ; отпускная моя уничтожена — я рабъ!... Ха! ха! ха!... *(Подходитъ къ Сурскому и съ неистовымъ восторгомъ треплетъ его по плечу.)* Я рабъ, Софья выходитъ замужъ! Слышишь ли ты это?... А! Неужели отъ этихъ словъ лицо твое не дѣлается лицомъ Гарпи и волосы твои не превращаются въ шипящихъ змѣй?... Что ты задумался? Неужели ты можешь въ эту минуту имѣть другія чувства, кромѣ неистовства и злобы, другія желанія, кромѣ мщенія и крови?... Я рабъ!... Я буду прислуживать при столѣ... и кому же?... Андрею и Петру Лѣсинскимъ, — при столѣ, который будетъ даваться по случаю свадьбы ихъ сестры!... Знаешь ли ты, кто эта сестра и что она для меня значить?... Ея мужъ обратится ко мнѣ и презрительно скажетъ: „человѣкъ, подай тарелку!“ Этого мало, онъ будетъ при мнѣ обнимать Софью, цѣловать ея!... Ха! ха! ха!... Что ты не смѣешься?... Не смѣшно ли это?... *(Схватываетъ руками голову.)* Чувствуешь ли ты, какъ горитъ моя голова? она раскалена адскимъ пламенемъ! Чувствуешь ли ты, какъ страждетъ это бѣдное сердце? лютое отчаяніе вонзило въ него свои кровавые когти и раздраетъ его на миллионы частей!... Ахъ, ужасно! ужасно!... *(Погружается въ мрачную задумчивость. Продолжительное молчаніе.)*

Сурскій. Боже мой! Онъ почти съ ума сходитъ! Что мнѣ дѣлать съ нимъ?

Дмитрій *(вскакиваетъ въ бѣшенствѣ)*. Гдѣ, гдѣ оно, гдѣ это письмо?... Дай мнѣ его!... *(Схватываетъ письмо, разрываетъ его на части и бросаетъ на полъ.)* Видишь ли ты эти лоскутки? Какъ разорвалъ я эту бумагу, такъ разорву и написавшихъ ея!... Я расщиплю на части ихъ тѣло! Я высосу по каплѣ кровь изъ жилъ ихъ! Я притащу ихъ на могилу моего благодѣтеля, скажу имъ: „здѣсь погребенъ отецъ вашъ“, и брошу въ глаза ихъ эти лоскутки. *(Скрываетъ отъ ярости зубами.)* О, тщетны будутъ мольбы ихъ! тщетно будутъ обнимать волѣна мои!... О, какое сладостное зрѣлище!... какое веселое пиршество!... Сурскій, видишь ли

какъ черная кровь влѣбится изъ зіяющихъ ранъ ихъ? Видишь ли, какъ ужасно смерть исказила посинѣлыя уста ихъ?... Какъ страшно они обращаютъ на меня свои кровавые глаза?... Видишь ли ты эти судорожныя движенія, это бореніе смерти съ жизнью, эти глухіе, хриплые стоны? они предшествуютъ смерти! Но она еще медлитъ: она хочетъ усладить меня этимъ зрѣлищемъ. Видишь: кровавыми руками они разрываютъ землю и грызутъ ее зубами! Видишь ли, какъ черная нылъ смѣшалась съ багровою пѣною? Тсъ!... тише!... молчи!... Слышишь, они изрыгаютъ на меня свои проклятія!... Сурскій, уйдемъ отсюда! (*Тащитъ его за руку.*) Мнѣ страшно здѣсь, я дрожу... я весь оледенѣлъ... мои волосы стоятъ горою!... О! о!... стой!... Слышишь ли, съ какимъ дикимъ, ужаснымъ хохотомъ они кричатъ мнѣ: ты нашъ рабъ!... Софья выходитъ замужъ!... Я ихъ рабъ!... Софья выходитъ замужъ!... (*Упадаетъ безъ чувствъ.*)

Сурскій. Боже мой, что мнѣ дѣлать? Онъ безъ чувствъ! онъ умираетъ. Дмитрій, Дмитрій! опомнись, проснись! Тебя призываетъ голосъ твоего друга!... Эй, Ѳедоръ! Ѳедоръ!...

Картина вторая.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Лѣсинской.

Дома-то новы хоть, да предрассудки стари!

Порадуйтесь: не истребятъ

Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары!...

Грибодовъ.

Мѣстомъ сцены есть большая зала; въ правой сторонѣ оной видна часть гостиной. Иванъ входитъ и смотритъ на стѣнные часы.

Иванъ. Ого! да ужъ время то голомя: почти восемь часовъ. Скоро господа встанутъ. Подмести-ка поскорѣе горницу-то, а то и не уйдешь отъ крика барыни; да какъ бы еще вмѣсто завтрака и пощечинъ не отвѣдать, или чего и больше. Вотъ чего дождался я на старости лѣтъ! Баринъ, баринъ! Успокой Господи твою душу!... (*Утираетъ рукавомъ слезы и беретъ въ руки метлу.*) Какъ вездѣ насорено! Да ужъ и то сказать: пиръ горою былъ. Вотъ какія нынче времена! Дѣтки не успѣли еще путемъ скоронить отца своего, да ужъ и за гульбу принялися. А матушка-то ихъ! Охъ, что-то будетъ съ нами грѣшными! (*Прислушивается.*) Ой, кто-то идетъ.

Ужъ не барыня ли? Бѣда моя! (Съ торопливостію *начинаетъ мечь*). (Вбѣгаетъ Лиза).

Лиза. Здравствуй, дѣдушка. Что ты тутъ подѣлываешь?

Иванъ (*тяжко вздохнувши*). Да вотъ мету горницу.

Лиза. А слышалъ ли ты новость?

Иванъ (*съ любопытствомъ*). А какую бы это?

Лиза. Къ намъ вотъ сію минуту пріѣхала гостья.

Иванъ. А кто жъ бы это?

Лиза. Да мамзель.

Иванъ. Какая?

Лиза. Ну, да та самая, что у которой барышня училась.

Иванъ (*съ радостію*). Какъ, неужь-то въ самомъ дѣлѣ?

Лиза. А что жъ тутъ за диковинка такая? Разя она не ѣзжала къ намъ? Разя ты не знаешь, какъ она любитъ Софью Петровну и какъ барышня ее любитъ?

Иванъ. Все такъ, все это вѣстимо, да вотъ въ чемъ дѣло-то: вить ужъ годовъ восемь, какъ она у насъ изволила быть, а съ тѣхъ поръ ни разу не жаловала. Да что жъ ты, Лиза, такъ призадумалась?

Лиза. Я думаю, гдѣ-то теперь нашъ Дмитрій Егорычъ; знаетъ ли онъ, что Петръ Степанычъ изволилъ скончаться?

Иванъ. Охъ, Лиза, не говори ты мнѣ про него: лишь только кто объ немъ молвить хоть словечко, такъ сердце и обольется кровью. Что-то еще безъ барина-то будетъ теперь? Они его съ двора сгонютъ. Когда-то я увижу его, моего батюшку? Большая нужда мнѣ до него есть. Старый баринъ, передъ смертью, со слезами молилъ меня отдать ему грамотку, тихонько, чтобы никто не зналъ, а пуще всего барыня, да молодые господа. Знать секретная какая. Да я, пускай, смекнулъ, что написано-то въ ней.

Лиза. Хоть бы ужъ онъ пріѣхалъ-то поскорѣе, а то барышня стосковалась да и только. Не знаю, что и дѣлать съ ней! То примется плакать такъ, что, глядя на нее, и сама надорвалась; то начнетъ смѣяться, прости Господи, словно какая сумашедшая; то ужъ не кстати молчалива, то ужъ больно разговорчива! Ничѣмъ не угодишь на нее: то позоветъ, то выплетъ вонъ; то заведетъ рѣчь про упокойнаго барина, али про Дмитрія Егорыча, а то такъ ни словечка не велитъ промолвить про нихъ. Право, она любитъ Дмитрія Егорыча, какъ роднаго брата.

Иванъ (*какъ бы испугавшись*). Какъ роднаго брата?...

Лиза. А что жъ?...

Иванъ. Да такъ, ничего. А гдѣ-жа мамзель-та?

Лиза. Да на заднемъ мозанинѣ.

Иванъ. Да ты доложила-ли барышнѣ объ ея милости?

Лиза. Я было хотѣла доложить, да она не приказывала никого беспокоить: хочеть удивить барышню.

Иванъ. Ахъ, Лиза, какъ бы ты знала, какая она добрая! Какъ барышня-то жила у покойницы, у Пелагеи Игнатьевны,—(крестит-ся), дай ей, Господи, царство небесное,—такъ я въ частуху ѣзжалъ въ домъ ея милости. Бывало матушка Марья Николаевна велить меня позвать къ себѣ въ комнату, да ужъ изволить, изволить разговаривать со мною: ужъ какъ я и живу-то, и каково то съ нами господа ладять? Перестанеть говорить, поклонисься, да пойдешь вонъ, анъ не тутъ-то было: остановить, да велить поднести винца рюмочку, да еще акромѣ-то пожалуетъ на водку. Ужъ мнѣ не такъ дороги деньги да вино, какъ ея ласковое словечко. То-то русская-то мамзель, не то, что французская! Небось та и слова не промолвить съ нашимъ братомъ холопомъ!

Лиза. Ахъ, да вить она говорила объ тебѣ. Лишь только я успѣла снять съ нея дорожный капоть, да сказать, здоровы-ли господа, какъ она спросила: „а живъ ли и здоровъ ли старикъ Иванъ, котораго часто посылали къ покойницѣ Полагеѣ Игнатьевнѣ, и каково онъ поживаетъ? позови-ка его ко мнѣ.“ А я, дура, заболталась съ тобою и сказать тебѣ объ этомъ позабыла.

Иванъ. Охъ, ты воструха, воструха! Побѣчь поскорѣе къ ней.

Лиза. Ахъ, барыня идетъ! (*Входитъ Лѣсинская въ утреннемъ платьѣ.*)

Лѣсинская. Что это у васъ тутъ за бесѣда такая? Вишь, какіе господа! изволятъ стоять, поджавши руки, да растабаривать.

Иванъ. Я, матушка, Лизавета Андреевна, полъ мету.

Лѣсинская. Да ты еще и пола-то не вымелъ? Ай да молодецъ! Вотъ я тебѣ, старому хрычу, дамъ матушку Лизавету Андреевну. Нѣтъ, съ вами добромъ-то, знать, не сдѣлаешься. Вишь, какъ добрый-то вашъ баринъ, не тѣмъ будь упомянуть покойникъ, избаловалъ васъ. Нѣтъ, я примусь за васъ добрымъ порядкомъ; ужъ нечего сказать: не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣнье; у меня всякая вина виновата. Что тутъ изволишь съ внучкой-то своей разговаривать? Чать господъ ругали, да хвалили своего Дмитрія Егоровича?

Иванъ. Нѣтъ, матушка, Богъ видитъ, нѣтъ. Она пришла сказать, что Марья Николаевна изволила къ вамъ пожаловать.

Лѣсинская. Какая Марья Николаевна? Мамзель что-ли?

Лиза. Да-съ.

Лѣсинская. Вотъ еще нелегкая-то принесла! Да давно-ли она пріѣхала?

Лиза. Да ужъ часа съ полтора-съ.

Лѣсинская. Какъ же ты, мерзавка, не доложила мнѣ? Она съ любезнымъ-то своимъ дѣдушкою заговорила: вишь, давно не видались!

Лиза. Да она не велѣла-съ.

Лѣсинская. Кто она?

Лиза. Да Марья Миколавна-съ.

Лѣсинская. Ахъ, ты негодная! Да развѣ ты должна больше ее слушаться, а не барыню свою?

Лиза. Да вы вѣдь не приказывали.

Лѣсинская. Ахъ, мерзавка, мерзавка, да ты еще и огрызаться вздумала. Вишь, какая грубіянка! Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться?

Лиза. Да вы еще изволили почивать, такъ я не смѣла...

Лѣсинская. Да ты еще вздумала вывертываться, такъ вотъ же тебѣ. (*Бьетъ ее по щекамъ.*) Да, нѣтъ ты не стоишь того, чтобы я марала объ тебя свои руки. Эй, старый чортъ, отхлопай ее, да смотри хорошенько, а не то вить самого велю отодрать на конюшнѣ.

Иванъ. Помилуйте, сударыня, на что же это похоже?

Лѣсинская (*съ злобою.*) Ахъ, ты, старая каналья! Да ты еще смѣешь отговариваться?...

Иванъ. Да что же я, сударыня, за палачъ такой? Опять же, какъ бы то ни было, вить она приходится мнѣ родная внучка.

Лѣсинская. Да развѣ хамы смѣютъ разбирать родство, когда имъ господа приказываютъ?...

Иванъ. Да развѣ мы не такіе же люди, какъ и ваша милость, сударыня?

Лѣсинская. Да ты еще смѣешь равняться съ господами!... Бей, я приказываю тебѣ!

Иванъ. Да это, сударыня, сущая каторга. Развѣ вы нехристь какая что-ли? Господи Боже мой, до чего мы дожили! Ахъ, батюшка баринъ, на кого ты покинулъ насъ, бѣдныхъ сиротъ своихъ! То-то была душа христіанская. Зря мухи не тронетъ бывало.

Лѣсинская. (*Задыхаясь отъ злобы.*) Ахъ, мошенникъ, злодѣй! Онъ убилъ меня, зарѣзалъ! Ахъ, изверги, разбойники! Они

уморять меня, убьютъ мою душеньку! Каково покажется? Изволь терпѣть отъ своихъ же рабовъ! Ахъ, извергъ, проклятый! Онъ смѣетъ равняться съ господами; не хочетъ исполнить моихъ приказаній; называетъ меня нехристью, да еще вздумалъ хвалить при мнѣ своего потатчика барина! Нѣтъ, пѣтъ: задамъ баню, хорошую баню. На конюшню, на конюшню! запорю до смерти.

Иванъ. Да чѣмъ же я прогнѣвалъ васъ, сударыня?

Лѣсинская. Тамъ узнаешь, чѣмъ. Вотъ изволь поступать съ ними милостиво! Охъ, грубияны, пожили бы вы у моего братца Филиппа Андреича. Нѣтъ, ужъ у него не такъ бы заговорили! Онъ до полусмерти колотить вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коли станеть орать, али плавать, такъ вдвое велитъ приударить. А то вишь, какіе нѣженки: чуть мазнешь по рожѣ, такъ и разхнычутся, точно дворяне какіе. Охъ, да я заболталась съ вами и Богу-то позабыла помолиться; вы, разбойники, меня всегда въ грѣхъ вводите. Да ужъ, правда, скоро къ обѣдни заблаговѣстятъ. Ты, старый болванъ, скорѣе прибирай залу, да готовь спину палкамъ, а ты, мерзавка, поди-ка позови сюда Сидора Андреича, Марью Николаевну, да Сонюшку, да вели подавать самоваръ. Ахъ, да вотъ и Сидоръ Андреичъ идетъ. *(Лиза уходитъ.)*

(Входитъ подслеповатая мужеская фигура въ доломъ сюртукъ и волосами, остриженными по свѣтски; ея рябое лицо украшено небольшою рыжею бородою; она безпрестанно вертитъ головою; въ одной рукѣ ея четки, а въ другой длинная палка.)

Сидоръ Андреевичъ. Здравствуйте, Лизавета Андреевна! Съ добрымъ утромъ честь имѣю поздравить васъ, сударыня! Здоровы ли вы?

Лѣсинская. Твоими теплыми молитвами, Сидоръ Андреевичъ, живу кое-какъ. Да вотъ людишки-мошенники все бѣсятъ: такія дѣлаютъ грубости, что терпѣнья нѣтъ да и только. Да вотъ погоди, я справлюсь съ ними.

Сидоръ Андреевичъ. И доброе дѣло сдѣлаете. Сказалъ Господь: „Нѣсть рабъ болѣе господина своего!“ а въ другомъ мѣстѣ:— „Раби, повинуйтесь во всякомъ страхъ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“.

Лѣсинская. И жаль ихъ, окаянныхъ, Сидоръ Андреичъ, да дѣлать-то нечего; пожалуй, дай имъ волю-то, такъ они барынѣ-то и на шею сядутъ да поѣдутъ. Ужъ я ли, вается, поступаю съ ними не по христіански?

Сидоръ Андреевичъ. Бить рабовъ ничуть не грѣшно, а должно; говорить русская пословица: „не бить ребра, не видать добра“. Премудрый Сирахъ сказалъ: „любй сына своего, да учинитъ ему раны“; а въ другомъ мѣстѣ священное писаніе гласитъ: „бѣтъ сына, его возлюбитъ“. Когда дѣтей Господь указалъ бить, то ужъ рабовъ-то и подавно.

Лѣсинская. Ну, Сидоръ Андреевичъ, ты говоришь какъ книга, тебя любо слушать. Гдѣ это набрался такой премудрости?

Сидоръ Андреевичъ. Не отъ себя, матушка, отъ Бога: *Господь умудряетъ слѣпцы.*

Лѣсинская. Сушая правда; иной весь вѣкъ свой учится, умираетъ на книгахъ, а все не то, что ты. Ты нынче, пожалуйста, попой ужъ на крылосъ-то. Право я не могу отъ слезъ удержаться, когда слышу твой голосъ. Отродясь не слыхивала такихъ пѣвчихъ, какъ ты.

Сидоръ Андреевичъ. Извольте, матушка, Лизавета Андреевна, для васъ все готовъ сдѣлать, чего ни пожелаете. Нечего сказать, доволенъ вашей милостію. Не оставили вы меня грѣшнаго, за то и Господь не оставитъ васъ. *(Входитъ Софья.)*

Софья. Здравствуйте, маменька *(цѣлуетъ у нея руку)*. Ахъ, знаете ли вы, какъ я сегодня была обрадована? Преставьте себѣ: просыпаюсь и вижу у постели своей — кого-жъ бы вы думали? — мою любезную Марью Николаевну!

Лѣсинская. Очень рада, Сонюшка, очень рада. Еслибы ты знала, какъ мнѣ пріятно, что ты весела. То-то материнское-то сердце! Ты своими слезами о любезномъ батюшкѣ тоску всѣмъ нагнала. Небось, какъ я умру, обо мнѣ не станешь такъ плавать! Я знаю, что мать тебѣ не такъ мила, какъ отецъ.

Софья. Маменька, вы несправедливы. Вы сами должны знать, люблю ли я васъ и буду ли плавать на вашей могилѣ. Но кого же можно любить по долгу или по принужденію? Спросите себя, какъ вы меня любите, какъ обращаетесь со мною, какъ ведете себя въ отношеніи въ другимъ, и тогда судите...

Сидоръ Андреевичъ. Нѣтъ-съ, сударыня, Софья Петровна, не предавайтесь такому свѣтскому жемудрію, оно опасно паче змѣйнаго яда.

Лѣсинская. Сговоришь съ ней, съ краснойбайкой! Вишь изъ книгъ-то научилась какимъ правиламъ! Нѣтъ, небось въ мое время такъ не смѣли и думать, а не то что говорить. Дѣти должны любить своихъ родителей, хоша-бы родители ихъ и не любили. А

когда они не почитаютъ отца, а пуще всего матерей, то не будутъ счастливы и долговѣчны на земли. Въ какой, бишь, это заповѣди-то сказано, Сидоръ Андреичъ, да, кажется во второй.

Сидоръ Андреичъ. Нѣтъ, въ пятой! Чти отца твоего и матерь.

Лѣсинская. Охъ, я слаба стала на память; все позабыла, что и знала. *(Входитъ Рудина.)*

Рудина. Здравствуйте, Лизавета Андреевна! Какъ долго я не видалась съ вами! *(Цѣлуются.)*

Лѣсинская. Да, заспѣсивились, матушка, заспѣсивились. Шутка ли дѣло, ужъ почти съ полгода я не видала тебя. Видно, тебѣ не любя моя хлѣбъ-соль! Кажется, я всякому рада душевно; слава Богу, безъ гостей ни на часъ. Ну, матушка, слыхала ли ты о нашемъ несчастіи?

Рудина. Да, несчастіе ваше ужасно; я думаю вы въ большомъ огорченіи. Да какъ и не печалиться? Всѣ добрые люди многого лишились въ Петръ Степанычъ и всѣ вмѣстѣ съ вами оплакиваютъ невозвратимую потерю.

Лѣсинская. Правда, матушка, суцая правда; какъ не печалиться мнѣ? *(Слышенъ звонъ колокола и она крестится.)* Ахъ, да ужъ и въ обѣднѣ звонятъ. Ай-да отецъ Игнатій! Нечего сказать, спасибо ему. Ужъ подлинно, что достойный священникъ! Я вчера просила его пораньше начать обѣдню. Много хлопотъ, милая Марья Николаевна, скоро будетъ семнадцатое число, день ангела Сонюшки. Надобно приготовиться, да сдѣлать балъчикъ хорошенькій: у меня будетъ князь Кизяевъ. То-то человѣкъ-то! Ужъ подлинно съ большими достоинствами: имѣетъ четыреста душъ крестьянъ, а какъ уменъ, какъ ученъ! ужъ подлинно, что чудо. Вотъ съ нимъ-то поговори-ка, Сонюшка, небось и тебя замѣтаетъ словами. Я давно была знакома съ нимъ, да мой муженекъ, по своей сварливости, что-то повздорилъ съ его сіятельствомъ, такъ ужъ онъ лѣтъ пять не жалуется въ намъ. А какой вѣжливый, какой учтивый! Вотъ какъ-то до смерти Петра Степаныча случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ на балу у Васильевыхъ,—ужъ онъ и въ карты все со мной игралъ и руки-то у меня расцѣловалъ, даже отъ танцевъ отказался, чтобы сдѣлать мнѣ партію. Увѣрялъ меня въ своей преданности, радовался, что смерть моего мужа даетъ ему случай снова познакомиться со мною. Смотри, Сонюшка, обходишь съ нимъ ласково: онъ имѣетъ на тебя виды.

Рудина. Какъ это, Лизавета Андреевна, у васъ будетъ балъ? Кажется, вы недавно схоронили мужа?

Лѣсинская. Не все же, матушка, плавать; сколько ни плачь, а слезами не поможешь, и такъ у меня отъ слезъ глаза высохли. Правда, старикъ-то былъ человекъ странный, сварливый, ни въ чемъ не давалъ мнѣ воли; а все мужъ, все жалко. Что ни говорите, а ужъ безъ бала нельзя обойтись: вѣдь Сонюшка-то не маленькая; какъ же можно пропустить ея именины безъ бала? Всѣ засмѣютъ, скажутъ, что я скуплюсь, что я не люблю своей дочери; а я, кажется, готова для нея все сдѣлать.

Сидоръ Андреевичъ. Конечно, матушка, нельзя: кто живетъ въ свѣтѣ, тотъ по неволѣ долженъ угождать свѣту. Да тутъ и грѣха нѣтъ никакого: самъ Господь пировалъ въ Канѣ Галилейстѣмъ, а святой Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ.

Лѣсинская. Правда, Сидоръ Андреичъ, правда! Да ужъ кому повѣрить, какъ не тебѣ? Пойдемка къ обѣднѣ-то. А ты, милая Марья Николаевна, посиди съ Сонюшкой; я на часъ къ обѣдни схожу. Охъ, не успѣла я и чаю-то выпить, да ужъ дѣлать нечего, какъ-нибудь отстою. (*Уходитъ съ Сидоромъ Андреевичемъ.*)

Рудина. Наконецъ мы можемъ поговорить съ тобою свободно. Ахъ, другъ мой, Сонюшка, ты какъ измѣнилась со дня нашей разлуки, что тебя и узнать трудно. Лицо твое похудѣло, ты такъ блѣдна. Кстати, ты давеча намекала, что имѣешь что-то важное сообщить мнѣ. Теперь, кажется, самое удобное время для этого.

Софья. Этого времени я ждала съ нетерпѣніемъ и страшилась; оно для меня ужасно. О, другъ мой! много я имѣю сообщить тебѣ! Ты образовала мои способности и, можно сказать, создала мою душу, мое сердце; оно должно быть для тебя открыто... Но, увы! ты не будешь болѣе видѣть въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отпечатокъ чистыхъ, непорочныхъ движеній молодой энтузіастки... Я уже не та тихая, задумчивая мечтательница, не та легковѣрная, неопытная гостя міра, которой душа была ясна и невинна, какъ душа младенца. Подъ этимъ кровомъ я узнала блаженство и страданіе; вкусила чистыя радости и сдѣлалась (*закрываетъ руками лице*) преступницей!... Я стою предъ тобою не такъ, какъ другъ твой, но какъ виновный предъ своимъ судьбою. О, ежели ты презришь мною, ежели ты отвергнешь меня, ежели разорвешь эту сладостную цѣпь дружества, которая столько очаровала жизнь мою,—что тогда будетъ со мною?... (*Оттираетъ слезы.*)

Рудина. Софья! что это значитъ? Я не ожидала отъ тебя такого привѣтствія! Ты приводишь меня въ ужасъ! Но я никакъ не могу повѣрить, чтобы твоя ангельская душа могла освернѣть-

ся преступленіемъ: (*съ гордостію*) тебя воспитывала я! Неужели это пламенное стремленіе къ добру, это сильное негодованіе при одной мысли о порокахъ, которыя составляли, такъ сказать, твой характеръ, были ничѣмъ инымъ, какъ только мгновеніемъ скоро-преходящимъ, восторгомъ вѣтреной молодой дѣвушки? (*Съ чувствомъ.*) Софья! Помнишь ли ты часъ нашей разлуки? Помнишь ли, ту минуту, когда, сжимая меня въ своихъ объятіяхъ, голосомъ, заглушаемымъ рыданіями, ты дала мнѣ священную клятву помнить мои наставленія, слѣдовать моимъ правиламъ, быть жрицею добродѣтели, не гасить никогда этого чистаго, святаго пламени къ высокому, который я умѣла возжечь въ душѣ твоей? Я повѣрила тебѣ. Софья! Неужели ты измѣнила своей клятвѣ? Нѣтъ, это невозможно: ангелы не могутъ быть людьми. Впрочемъ, другъ мой, я увѣрена, что если ты и преступница, то и въ самомъ преступленіи благородна, если ты и пала, то такъ падаютъ души высокія. Софья! откройся предо мною. Это сердце для тебя всегда отверсто, эти объятія (*обнимаютъ ее*) всегда готовы принять тебя! Я еще твой другъ и, вмѣсто бесполезныхъ упрековъ, пролью въ твою душу чарующій бальзамъ утѣшенія.

Софья. Другъ мой, я женщина, но я не боюсь ни смерти, ни злополучій; но быть преступницей... О, это ужасно!... Я сейчас же расскажу тебѣ свою исторію; она кратка и не утомитъ твоего вниманія; она только растерзаетъ твою душу. Вотъ она. Моя мать—ты ее знаешь; отецъ мой—ангелъ; его уже нѣтъ. Я увидѣла юношу: онъ имѣетъ все, чѣмъ только можно было плѣнить меня: его краткія, отрывистыя рѣчи, его необыкновенные поступки дышали благородствомъ мыслей, возвышенностію чувствъ; его пламенные, быстрые взоры блистали гордостію и мужествомъ; на его пріятномъ, выразительномъ лицѣ написана была мрачная задумчивость; онъ страдалъ и не жаловался; любилъ и молчалъ. Узнавши меня, излилъ передо мною свои чувства, свои мысли; онѣ были понятны только для одной меня. Онъ сдѣлался смѣлѣе: признался и умѣлъ исторгнуть признаніе—и я узнала небо. Не буду много говорить тебѣ о моемъ блаженствѣ; чтобы описать его вполнѣ, довольно сказать: я любила и была любима. Наконецъ, увлеченные своимъ пламенемъ, мы сгорѣли въ немъ... и... (*закрываетъ глаза руками*)... О, что со мною будетъ? (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Онъ мужчина, слѣдовательно не могъ имѣть понятія о всей бѣдственности моего положенія и вскорѣ былъ принужденъ ѣхать въ Москву; а я, я осталась одна!... Кажется, я все сказала!...

Рудина. Ахъ, Софья, твое положеніе болѣе, нежели ужасно; чтобы выразить всю бѣдственность онаго, я не нахожу словъ, даже не могу утѣшать тебя,—могу только плавать о тебѣ. Пусть эти слезы будутъ чистою жертвою дружбы. (*Молчаніе.*) Но скажи мнѣ, кто этотъ молодой человѣкъ? Неужели онъ не могъ предложить тебѣ своей руки?

Софья. Онъ сынъ лакея; а ты знаешь мою мать.

Рудина. Какъ это? Сынъ лакея, говоришь ты?

Софья. Тотъ самый, о коемъ, можетъ быть, ты не разъ слышала отъ моей матери, какъ о человѣкѣ гнуснѣйшемъ. Она ненавидѣла его, какъ только могутъ ненавидѣть подобныя души благороднаго человѣка. Онъ—тотъ самый воспитанникъ моего родителя, о которомъ онъ много разъ говорилъ съ лестнѣйшими похвалами.

Рудина. Скоро ли онъ пріѣдетъ сюда?

Софья. Я думаю, что скоро, и вотъ почему: мой родитель отпустилъ его на волю, но моя мать и братья какимъ-то образомъ отрыли въ бумагахъ покойнаго отпускную и сожгли ее. Между тѣмъ подали прошеніе, чтобы выслали изъ Москвы изъ человѣка, да и къ самому ему послали письмо, котораго содержанія я не знаю; но, судя по ихъ о немъ разговорамъ, заключаю, что это письмо самое язвительное. О, что будетъ съ бѣднымъ Дмитріемъ, когда онъ узнаетъ, что его благодѣтель умеръ!...

Рудина. Писалъ ли онъ къ тебѣ изъ Москвы письма?

Софья. Этого никакъ нельзя было сдѣлать.

Рудина. Итаетъ, нѣтъ никакого средства выдти тебѣ изъ этихъ ужасныхъ обстоятельствъ?

Софья. Въ моемъ положеніи мнѣ осталось одно средство: отчаянная рѣшительность. Я во всемъ признаюсь матушкѣ, увѣрю ее, что если она не согласится на мои требованія, то я всѣмъ объявлю о моемъ стыдѣ,—осрамлю и себя и ее. Я знаю, что это на нее сильно подѣйствуетъ.

Рудина. Но въ чемъ же будутъ состоять твои требованія?

Софья. Чтобы обвинять меня съ Дмитріемъ и опредѣлить его въ военную службу.

Рудина. А если она на это не согласится?

Софья (*рѣшительно*). Я выполню свои угрозы и лишу себя жизни.

Рудина. Софья! и ты способна это сдѣлать,—ты, вроткая дѣвушка? Я не понимаю даже, какъ могла ты произнести такія слова.

Софья. Что жъ тутъ удивительнаго? Не сама ли ты говорила

нѣ, что ужасно бѣдствіе, а не смерть. Лишась Дмитрія, я лишусь всѣхъ благъ, привязывающихъ меня къ жизни.

Рудина. Какъ это? Ты имѣешь мать, братьевъ.

Софья. О, еслибы я могла не имѣть ихъ!

Рудина. Тебя ли я вижу? Софья, ты ли это?

Софья. Не удивляйся, другъ мой, ты еще не то услышишь отъ меня. Я меньше тебя жила на свѣтѣ, но не меньше испытала. Ты еще, можетъ быть, не знаешь, какъ ужасно, какъ убійственно, получивши хорошее воспитаніе, возвысившись отъ толпы людей обыкновенныхъ, видѣть въ своемъ отцѣ или матери члена этой низкой, пресмыкающейся толпы, которую столько презираешь, какъ горестно среди множества быть одною! Моя мать желала видѣть меня воспитанною только для удовольствія одного пустаго тщеславія, глупаго самолюбія, а не для истинной цѣли. Ей пріятно, когда восхищаются ея дочерью, хвалятъ ея умъ и познанія, и между тѣмъ этотъ умъ и эти познанія называетъ развратомъ. Ты не можешь представить себѣ той жестокости, съ какою она обращается съ своими людьми: не буду тебѣ описывать ее, ибо не могу безъ ужаса и вспомнить объ ней. Не можешь представить, до какой степени она предана самому гнуснѣйшему и отвратительнѣйшему ханжеству и какъ оскорбляетъ симъ святость и чистоту религіи. А еслибы ты знала моихъ любезныхъ братьевъ! Не буду много говорить тебѣ объ нихъ, скажу только, что буйство, повѣсничество, жестокость и полуневѣжество есть отличительныя качества этихъ полуварваровъ! И съ этими людьми я связана такими узами, и этихъ людей я должна любить и уважать! Но это еще я могла бы сносить въ надеждѣ, что со временемъ обстоятельства могутъ измѣниться; моя любовь, ея слѣдствіе и участь Дмитрія—вотъ что ужасаетъ меня. Я знаю его: онъ пылокъ, бѣшенъ, чувствителенъ до крайности: онъ не погибнетъ безъ того, чтобы не погубить враговъ своихъ! Будущее ужасно страшитъ меня. Въ довершеніе всего этого моя мать забрала себѣ въ голову, что я непременно должна выдти замужъ за какого-то князя Кизяева, котораго я никогда и не видала, и, не спросясь моего согласія, почти дала ему слово. Безпрестанно мнѣ хвалятъ его и вычисляють его богатство и часто въ блаженномъ забвеніи съ улыбкою самодовольства говоритъ мнѣ: „ваше сіятельство“, и называетъ княгинею.

Рудина. Чѣмъ же ты отвѣчаешь ей на эти комплименты?

Софья. Иногда шутками, иногда молчаньемъ, иногда насмѣшками, глядя по расположенію духа.

Рудина. Эхъ, напрасно: ты этимъ какъ бы изъясляешь свое согласіе и питаешь ея надежду.

Софья. Я это дѣлаю съ намѣреніемъ: мнѣ хочется одурачить его сіятельство, моего любезнаго жениха.

Рудина. А почему это давеча Лизавета Андреевна говорила тебѣ объ этомъ князѣ, какъ о человѣкѣ, о которомъ ты слышишь въ первый разъ?

Софья. Это есть слѣдствіе какихъ-нибудь ея расчетовъ. Она въ житейскихъ-то дѣлахъ—геній: проведетъ хоть кого. Мнѣ давеча такъ смѣшно было слушать ее, что я даже забыла свои горести. Впрочемъ она съ княземъ-то завела не шуточную коммерцію: то и дѣло пересылають другъ въ другу людей съ письмами.

Рудина. Вѣдь она сама, кажется, не умѣетъ писать; кто же ей пишетъ эти письма?

Софья. Мои братцы. *(Входитъ Иванъ: лицо его блѣдно, на глазахъ видны слезы, и онъ весь дрожитъ.)*

Рудина. А, здравствуй, Иванъ, здравствуй, добрый старикъ! Давно ужъ мы не видались съ тобою.

Иванъ *(низко кланясь)*. Здравія желаю, матушка Марья Николаевна; благодарствую на томъ, что вы не забыли меня, бѣднаго старика!

Софья. Но что съ тобою сдѣлалось? Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ, блѣденъ, какъ полотно,—ужъ не боленъ ли ты?

Иванъ. Нѣтъ, сударыня, барышня, я здоровъ; на мое мученіе и боль-то меня несчастнаго не беретъ,—ужъ пора бы костямъ и на уповой.

Софья. Да отъ чего же ты такъ встревоженъ?

Иванъ. По милости вашей матушки Лисафеты Андреевны.

Софья *(быстро)*. А что такое?

Иванъ. Да такъ-съ, пустяки-съ: объ мою старую спину, для Божія праздника, сейчасъ обломали пучковъ съ шесть. *(Софья съ сильнымъ волненіемъ отходитъ на другой конецъ залы и смотритъ въ окно.)*

Рудина. Боже мой! Неужели? Да за что же?

Иванъ. И, матушка, Марья Миколавна, что ужъ и говорить объ этомъ? то ли еще увидимъ. Лисафета Андреевна изволила сказать, что это еще только цвѣтики. Теперъ насъ человѣкъ съ пять передрали на вонюшнѣ: иную за то, что тарелку разбила; иную, что самоваръ упустила; инова, что смѣль оправдываться; инова за грубое слово:—то-то потѣха-то была! Кричатъ, плачутъ, молятся, а

Андрей Петрович только и извольт приказывать: „Эй, прибавь на валачи, прибавь на валачи!“ А коли кто плохо бьетъ, такъ того учнеть изъ своихъ рукъ катать орапельникомъ.

Рудина. Ахъ, какой ужасъ! Кто же этотъ Андрей Петровичъ, дворецкй что ли какой?..

Софья (*быстро*). Мой братъ!..

Иванъ. Да тутъ еще нечему дивиться, матушка, Марья Миколавна,—то ли еще было! Какъ покойный-то баринъ, Петръ Степановичъ,—(*крестится*) дай ему Господи царство небесное,—извольт кончатся на смертномъ одрѣ, барыня, съ горя, изволила бить дѣвокъ; барышня у постели обливалась горячими слезами, а молоде-то господа изволили буянить по деревнѣ, да дѣлать то, о чемъ и донести вашей милости совѣстливо. На силу, на силу могли отыскать ихъ, чтобы проститься съ отцомъ, да принять его родительское благословеніе, на вѣки нерушимое. Лишь успѣли зарыть его въ могилу, то и пошли пиры, да балы; насъ стали мучить, какъ скотовъ какихъ. Коли учнуть напрасно взыскивать, не могли рта разинуть, не могли пивнуть въ оправданіе,—на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захвораетъ, да доложить барынѣ, такъ только и услышишь: „*вишь, какой благородный! вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ, польчите-ко его хорошенько орапельникомъ!*“ Ну, такое житье, что хоть околѣвай, да и только, али ложись живой въ мать сыру землю; могутъ нашей не стало, сударыня, Марья Миколавна! Иной охотникъ собакъ лучше кормить, какъ насъ барыня. Оставилъ насъ грѣшныхъ Господи! Знать, забылъ Онъ насъ, аль ужъ по грѣхамъ казнить.

Софья. Она мнѣ мать: я должна уважать и любить ее!..

Иванъ. Тридцать лѣтъ ходилъ я за упокойнымъ бариномъ и не то, что дурнаго чего не видалъ, даже дурака не слышалъ отъ него; любилъ онъ меня, мой батюшка, словно роднаго. А теперъ на старости вотъ до чего дожилъ: порютъ, какъ какую собаку. Охъ, наказалъ меня Господи! Хоть ужъ бы прибралъ Онъ меня

Рудина. Да это ужасно; это превосходить всѣ мѣры тиранства. (*Вздыхаетъ.*) А дѣлать нечего, надобно терпѣть да молчать.

Иванъ. Коли ужъ дѣло на то пошло, такъ я къ слову доложу вашей милости, сударыня, матушка, Марья Миколавна, еще кое о чемъ. Вотъ былъ у насъ мужичокъ Антипъ Власевъ; упокойникъ баринъ жаловалъ его и поставилъ бурмистромъ. Богачѣе и зажиточнѣе его у насъ во всей вотчинѣ никого не было; ну, потому, т. е., что былъ мужикъ не лѣнивый, работащій, а ужъ та-

кая умница, что и сказать нельзя. Это у него хлѣба всегда бывало одоньевъ двадцать въ запасѣ, лошадокъ много, а скотинушки водилось только, что и счету не было. Мужички его любили, то есть, по той оказіи, что онъ никого не обижалъ, не притѣснялъ. Бывало, на праздниекъ Божій позоветъ къ себѣ вотъ нашего брата, двороваго человѣка, да и мужичковъ-то, это ему съ родни, такъ вотъ какъ угостить, что откуда что возьмется! Однимъ Господь его обидѣлъ, у него только и былъ одинъ сынъ: паренъ—кровь съ молокомъ, заглядѣнье, да и только. Приглянулась ему дочь старосты Федора,—ужъ и подлинно дѣвка завидная: работница, хозяйка, руководѣльница, а мужику то и нужно. Упокойникъ баринъ позволилъ Антипу женить своего сына на ней, да еще далъ денегъ на вино. Черезъ годъ у Антипа родился внучъ; Антипъ отъ радости чуть съ ума не сошелъ, поднялъ пиръ горой. Тутъ упокойникъ баринъ изволилъ скончаться, а барыня за что-то давно сердилась на Антипа. Вотъ и приходитъ однимъ вечеромъ къ нему съ молодыми господами. А у него передъ избой стояли два новыхъ сруба, съ полей пріѣхали его работники, да къ этому же времени стада подогнали. Вотъ барыня на досугѣ и смеянула, что у него и скота-то, и лошадей-то, и хлѣба больно много. „А чьи это у тебя, Антипъ, срубы?“—„Мои, сударыня.—„Да что ты больно богатъ, чѣмъ это больно разжился?“—„Да своими трудами, сударыня.—„Хорошо же ты, братъ, обворовываешь господское добро-то, да мужичковъ-то обиралъ!“ Взяла да и велѣла срубы-то перевезти на барскій дворъ, хлѣбо-тъ перекидать на господское гумно, лошадей и скотъ также перегнать къ себѣ, а ему оставила сущую малость. Взвылъ нашъ мужикъ, повалился ей въ ноги: „Матушка, Лисафета Андревна, не пусти по міру!“—„Вотъ ты у меня, старый чортъ, не такъ завоеешь, пойдемъ-ка въ влѣтъ-то твою, да посмотримъ, что у тебя въ коробѣ-то есть“. Вскрыла коробку, нашла сотняжекъ пять денегонекъ, да всѣ до одной копѣйки прибрала къ себѣ. Иванъ-то, его сынъ, знаешь, паренъ молодой, не вытерпѣлъ, да и скажи: „Вѣдь это, сударыня, сущій разбой; вы насъ совсѣмъ изволили ограбить“.—„А! Такъ ты такъ-то поговариваешь съ господами-то? хорошо я тебѣ припомню это. А ты, Антипъ Власевичъ, знать происхожденія-то дворянскаго, самъ и работать не хочешь, а нанимаешь работниковъ; вишь, какъ съ воровства разжился! живешь, какъ баринъ какой“.

Софья. Боже мой! И я всего этого не знала, и все это отъ меня было скрыто! Чѣмъ же, Иванъ, кончилась эта исторія?

Иванъ. А вотъ чѣмъ, сударыня барышня. Настала некручина; очередь была на одномъ мужикѣ, у котораго было три сына, а барыня его обошла, да отдала Ивана, Антипова сына. То-то жалости-то достойно было, какъ онъ разставался съ отцомъ, да съ молодой женой. Бѣдная въ постелю слегла, захирѣла, да умерла. Антипъ остался одинъ-одинехонекъ, сыну копѣчки не могъ дать. Съ горя спился съ кругу, да пошелъ по міру. А все-таки его гоняютъ на барщину; онъ отъ старости да отъ горя работать не можетъ, такъ безпрестанно его колотятъ не на животъ, а на смерть.

Софья. Боже мой, Боже мой! О, я несчастная! И это чудовище есть моя мать! Она наряжаетъ меня, какъ куклу; я потеряла счетъ моимъ платьямъ, шаламъ, шляпкамъ; у меня лежатъ тысячи перстней, колець и другихъ драгоценныхъ бездѣлицъ, и все это приобрѣтено цѣною несчастія моихъ ближнихъ. О, прочь, эти пустые наряды! Я истреблю ихъ, иначе они будутъ жечь мое тѣло. Пойду, посмотрю, не превратились ли они въ кровь. (*Уходитъ въ другую комнату и скоро возвращается.*) Иванъ, добрый старикъ! (*подаетъ ему кошелекъ*) возьми эти деньги, они мои собственные, — ихъ подарила мнѣ моя бабушка въ день моего ангела, — раздѣли ихъ тѣмъ, которыхъ разорила моя мать; пусть эта малость хотя нѣсколько загладитъ ея преступленія. Хотя она и жестокаго сердца, но она все моя мать и я, несмотря на все, еще люблю ее.

Иванъ. Добрая барышня! заплати вамъ за это Господи. Ахъ, барышня, знать вы уродились въ своего батюшку! (*Входитъ Андрей Львинскій.*)

Андрей (*сухо*). Ахъ, здравствуйте, Марья Николаевна! (*Гордо кланяется.*)

Рудина. Здравствуйте, Андрей Петровичъ! Здоровы ли вы?

Андрей. Слава Богу! (*Къ Ивану, который съ трепетомъ стоитъ у дверей.*) А, любезный мой, ты изволишь тутъ жаловаться на господъ своихъ, вводить на нихъ разные клеветы и небывлицы! Хорошее дѣло! Хорошее дѣло! Ужъ я слушалъ, слушалъ, — терпѣнья не стало. Нѣтъ, братъ, знать тебѣ мало; не тужи, не тужи: завтра еще прибавлю.

Иванъ. Воля ваша, батюшка, Андрей Петровичъ! Бейте, куда живы.

Андрей. Шкуру сдеру съ мерзавца; каждый день буду бить до полусмерти. (*Къ Софью*) А вамъ, сестрица, не стыдно ли позволять лакею, при посторонней особѣ, жаловаться и клеветать на свою мать и братьевъ, и не только слушать это хладнокровно,

но и раздѣлять его мысли и чувство?... Что за филантропія такая! Желалъ бы я знать: гдѣ это вы нахватались такихъ сантиментальныхъ правилъ?..

Софья. И ты еще можешь упрекать меня? Человѣкъ подлый, душа низкая, презрѣнная, и ты еще смѣешь называться моимъ братомъ? Ты—палачъ, кровопійца. И ты еще насмѣхаешься надъ моими чувствами? Такъ точно, они должны казаться тебѣ смѣшными: ты не можешь понимать ихъ. Прочь съ глазъ моихъ, дикое, свирѣпое животное! Я не могу безъ ужаса и отвращенія смотрѣть на тебя.

Андрей (*злобно.*) Ахъ, Софья Петровна, да вы можете быть отличною актрисою, а я еще и не имѣлъ счастья знать, что вы обладаете такимъ прекраснымъ талантомъ! Какой жаръ! Какое изступленіе! Ну, точь въ точь, какъ какая-нибудь героиня мадамъ Жанлисъ! То-то, вотъ, что значитъ хорошее воспитаніе, да искусные наставники! То ли дѣло! Какъ разъ научать такимъ вещамъ, о которыхъ мы, темные люди, и понятія не имѣемъ. (*Является Лѣсинская*).

Лѣсинская. Объ чемъ вы тутъ судите, да рядите, чать все объ книгахъ? (*Съ улыбкой*) Охъ, вы, ученые люди! Ну, на силу, на силу отстояла я грѣшная. Вотъ подлинная истина, что лукавый силенъ: во всю обѣдню, грѣшница, продумала про житейское. То надобно послать въ городъ купить что-нибудь; то нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ; то надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ; то какъ бы поскорѣ чайку напиться. Вѣдь тутъ-то, какъ нарочно, все и на умъ-то придетъ! А ты, Сонюшка, что-то встревожена? Никакъ ты опять плакала? У тебя такіе мутные глаза. Пора бы и перестать тужить объ мертвомъ-то: вѣдь слезами не воскресишь ихъ!

Андрей. Да, она имѣла причину плакать! Ну, ужъ, маменька, что было безъ васъ!

Лѣсинская. А что такое? Сважи, мой батюшка! Не нагрубилъ ли тебѣ кто-нибудь изъ людей? Отпори его, сколько душѣ твоей угодно.

Андрей. Нѣтъ, совсѣмъ не то-съ. Да ужъ я не хочу вводить васъ въ неудовольствіе и для того смолчу до времени. Ваше здоровье и спокойствіе для меня дороже всего на свѣтѣ. (*Цѣлуетъ у ней руку.*)

Лѣсинская. Ну, ужъ, Марья Николавна, что за сынки у меня! сердце не нарадуется. Правда, Петруша-то немного вѣтренъ.

и не такъ солиденъ, какъ Андриша, а ужъ какъ уменъ, какъ любить мать, такъ и сказать невозможно. Чего! я было пригла-сила на чашку чая отца Игнатія, да отказался по какой-то нуждѣ.

Андрей. А гдѣ же, маменька, Сидоръ Андреичъ? вѣдь онъ вмѣстѣ съ вами ходилъ къ обѣдѣ.

Лѣсинская. Чего! Лишь только мы вышли съ нимъ изъ переви, какъ Марья Нивевна пристала къ нему: „Сидоръ Андреичъ, Сидоръ Андреичъ! ко мнѣ милости прошу, пожалуста!“ Ну, что ты будешь дѣлать съ нею? отбила его у меня да и только. Не знаю, какъ мнѣ и быть: Сидора Андреича никому показать нельзя,—такъ всѣ и хватають на-расхватъ. Вотъ что значить угодить Богу-то: куда ни придетъ, во всякій домъ несетъ благословеніе Божіе. Оттого-то такъ и любятъ его всѣ. Охъ, у меня хлопотъ полноя ротъ. Надобно послать въ городъ за Анной Левонтьевной, чтобы по-собила мнѣ по хозяйству, да спила кое-что къ именинамъ Со-нюшки. То-то женщина-то прелюбезная, преуслужливая! Поди, Со-нюшка, да посмотри пожалуста, все ли готово къ чаю. *(Софья уходитъ. Входитъ Иванъ.)*

Иванъ *(къ Лѣсинской)*. Сударыня, какая-то женщина про-сить меня, чтобы я доложилъ вамъ объ ней.

Лѣсинская. Какая женщина?

Иванъ. Да Богъ ее знаетъ, Лисафета Андреевна. Оно, то-есть, тово—одѣта на благородную статью.

Лѣсинская. Ну, что жъ? Введи ее сюда.

Иванъ *(отворяя дверь въ прихожей)*. Извольте, матушка, войтить сюда. *(Входитъ женщина, бѣдно, но опрятно одѣтая.)*

Лѣсинская. Что тебѣ, милая, нужно?

Женщина *(почтительно кланяясь)*. Сударыня, я бѣдная вдова; мой мужъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство бѣдность и троихъ малолѣтнихъ дѣтей. Теперь я ѣду съ ними въ убогой кибитѣ и на плохой лошадекѣ на свою родину, въ Орловскую губернію, и бѣдностію доведена до крайности просить вспомошествованія со-страдающихъ людей... и потому... надѣюсь...

Лѣсинская. Ахъ, матушка, жаль мнѣ тебя право. Не въ похвальбу сказать: люблю, грѣшница, накормить алчущаго, напоить жаждущаго и всегда помогать нищимъ! Андришенька, другъ мой, поди, вели дворецкому отпустить ей полмѣрки крупки на кашу, полмѣрки овсеца, да пудикъ сѣнца для лошаденки. *(Женщина взды-маетъ, кланяется и уходитъ за Андреемъ.)* Охъ, ужъ эти мнѣ потаскуши! дай той, подай другой; отбою право нѣтъ.

Рудина. Мнѣ кажется, Лизавета Андреевна, что эта женщина благородная и достойная лучшаго приѣма и большаго вспомошествованія...

Лѣсинская. И, матушка, много шатается по бѣлому свѣту этихъ благородныхъ, всѣхъ не одѣлишь. Да и что благородство безъ богатства? Охъ, что это Сонюшка-то замѣшкалась? пойтить самой. (*Уходитъ.*)

(*Входитъ Софья.*)

Рудина. Безъ тебя тутъ приходила какая-то бѣдная женщина; судя по ея ухваткамъ и словамъ, можно заключить, что она была недурно воспитана.

Софья. Что жъ маменька дала ей?

Рудина. Сперва сказала довольно длинную проповѣдь о своей страсти къ благодѣяніямъ, а потомъ велѣла ей выдать полмѣрки крупки на кашу, полмѣрки овсеца, да пудикъ сѣнца для лошадеки.

Софья. Неужели? (*Входятъ два монахини.*)

Старшая монахиня (*Съ большою книгою подъ мышкою, низко кланяясь*). Здравствуйте, прекрасная барышня! Доложите объ насъ своей маменькѣ. Мы собираемъ подаянія для церкви во имя угодника Божія Николая Чудотворца, епископа Мирликійскаго, и надѣемся у богомольной и страннопріимной госпожи сего дома выпросить позволеніе переночевать ночку. (*Входитъ Лѣсинская.*)

Лѣсинская. Ахъ, Боже мой! какими судьбами? Милости просимъ, прошу пожаловать! Обрадовалъ меня нынѣшній день Господь и не знаю, за какія молитвы. Вы, вѣрно, переночуете у меня ночки двѣ или три?

Старшая монахиня (*низко кланяясь*). Покорно благодаримъ, сударыня, на добромъ словѣ; мы съ большимъ удовольствіемъ остаемся: много ѣздили, такъ устали.

Лѣсинская. А это знать бѣличка съ вами?

Старшая монахиня. Да, сударыня, сестра Серафима Божіею милостію. (*Рудина и Софья уходятъ.*) Это, знать, дочка ваша?

Лѣсинская. Да, матушка, дочь моя.

Старшая монахиня. Ну, ужъ, сударыня, наградила васъ Господь дочкою: настоящій херувимчикъ. Чай вы ничего не жалѣли для ея воспитанія?

Лѣсинская. Какъ же, матушка, какъ же! Ужъ такъ воспитана, что нельзя лучше: говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, даже и англійскія-то книги читаетъ; а какъ танцуетъ, какъ играетъ на фортепьянахъ, на гитарѣ! У ней однихъ учите-

лей да мамзелей было столько, что и счету нѣтъ. А вотъ эта-то, что сейчасъ вышла съ нею, больше всѣхъ учила ее и съ десяти лѣтъ находилась при ней. Правда, воспитаніе-то мнѣ ничего не стало. У меня была старая тетка Пелагея Игнатьевна, женщина гордая, надутая, никогда ко мнѣ не ѣздила. Одинъ разъ я и пріѣхала къ ней съ Сонюшкой. Сонюшка тогда была по седьмому годочку и очень понравилась своей бабушкѣ, та и упросила меня, чтобъ я отдала ей Сонюшку на воспитаніе и за это обѣщалъ отвезти ей шестьсотъ душъ. У меня только одна и была дочка, такъ и жалко было расстаться. Сперва не хотѣла, а послѣ раздумала, что если Сонюшкѣ-то она откажетъ свое имѣніе-то, такъ ужъ мнѣ не нужно будетъ давать ей въ приданое своихъ крестьянъ, что они лучше достанутся сыновьямъ. Такъ она и жила у ней до шестнадцати лѣтъ, и вотъ видно-то, какъ съ годъ тетка-то моя умерла и Сонюшка переѣхала къ намъ.

Старшая монахиня. Мы слышали, что у васъ недавно супругъ скончался.

Лѣсинская. Да, матушка, назадъ тому три недѣли.

Старшая монахиня. Я думаю, онъ такъ же былъ добръ, какъ и вы?

Лѣсинская. Правда, онъ былъ не злой человекъ, а только ужасно страненъ: представьте себѣ, не давалъ мнѣ ни въ чемъ воли; не любилъ своихъ сыновей и воспитывалъ, какъ своего роднаго сына, одного двороваго мальчишку; въ святыхъ людяхъ былъ не ласковъ, а какихъ-нибудь побродягъ и нищихъ такъ ласкалъ и одаривалъ. Ахъ, жаль, что теперь нѣтъ дома Сидора Андренча, я бы познакомила васъ съ нимъ. Онъ слѣпъ, а дѣлаетъ большія чудеса; на примѣръ, кто бы ни вошелъ въ комнату, тотчасъ узнаетъ. А ужъ какъ знаетъ житіе святыхъ, Библию; еслибы онъ былъ теперь дома, то бы поговорилъ съ вами о божествѣ-то. Правда и про него мнѣ много говорили худаго, на примѣръ, что его выгнали изъ одного дома за ужасный порокъ, да я не больно вѣрю этимъ разговорамъ.

Старшая монахиня. Худые люди про кого не выдумаютъ! (Клянясь). Не соблаговолите ли, сударыня, сколько-нибудь пожертвовать на церковь угодника Божія Николая, чудотворца...

Лѣсинская. Какъ же, какъ же! Не могу, грѣшница, дать много, а сколько животы позволяютъ, такъ съ радостію. Пятьдесятъ рублей, я думаю, будетъ довольно.

Старшая монахиня. Премного довольны вашими милостями

будеть надъ вашимъ домоуъ благословеніе Божіе! Дай вамъ Господи дождаться внучковъ и правнучковъ!

Лѣсинская. И, помилуйте, за что же! Пожалуста, поживите у меня побольше, всѣмъ будете довольны: у лошадей вашихъ овесъ будетъ безъ выгребѣ, извощика вашего будутъ кормить съ моего стола; для спасенныхъ людей я ничего не жалѣю. (*Входитъ Иванъ.*)

Иванъ. Сударыня, пожалуйста чай кушать!

Лѣсинская. Милости прошу, пожалуйста чайку повушать. (*Уходитъ съ монахинями.*)

Иванъ. Ушли. Теперь опять нападетъ на дѣвокъ. Ну, старикъ опять попался: дѣлать нечего. Воля Божья; безъ Его воли и волосъ не пропадетъ на головѣ человѣка. Все такъ, да терпѣть-то тошно. Гдѣ не послушаешь, все худыя вѣсти: того прибили, у того отняли трудовое, кровью и потомъ нажитое. Ну, видно, пришлось терпѣть, авось Богъ вступится. Пусть беззаконничаютъ, поколь Онъ терпитъ грѣхамъ ихъ, за то ужъ барышня—дай-то ей Господи добраго здоровья, да хорошаго женишка. (*Вынимаетъ кошелекъ.*) Однако тугонько набить. Раздать кое-кому деньжонокъ-то. Какъ бы барыня не узнала: тогда только держись! Пойтить да посправиться объ столѣ да приготовить шандалы со свѣчами. (*Уходитъ.*)

Картина третья.

Дѣйствіе происходитъ въ городкѣ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ деревни Лѣсинскаго.

Ахъ! не вини меня: вини мои чувства,
Которыхъ утѣшать не знаю я искусства.
Вини сей огонь въ моей пылающей крови:
Чрезмѣренъ я во всемъ—и въ злобѣ и въ любви.
Озеровъ.

Театръ представляетъ постоялую горницу; чемоданъ и нѣсколько дорожныхъ уаговъ лежитъ въ углу оной; на кровати въ безпорядкѣ раскинуты: дорожный тюфякъ, подушки и проч. Дмитрій сидитъ въ нѣмомъ отчаяніи, облокотясь на столъ; лице его блѣдно, глаза мутны, волосы растрепаны; онъ неподвижно и безмолвно смотритъ въ окно; чрезъ минуту выходитъ изъ сосѣдственной комнаты Сурскій.

Сурскій. Проклятый городишко! Насилу могли найти горенку, въ которой еще таки можно жить. Я весь разломанъ—такъ измучила меня эта скверная дорога. Ну, братъ, мы съ тобой похожи

не на людей, а на какихъ-нибудь заморскихъ чучель, которыхъ показываютъ за деньги: на насъ не осталось нитки сухой; все платье въ грязи выпачкано. (*Молчаніе.*) Эй, Дмитрій! (*Дмитрій машинально оборачивается и безжизненно смотритъ на него, не ювора ни слова.*) Да что ты, или безъ языка? Ободрись, малодушный! (*Дмитрій отворачивается отъ него, принимаетъ прежнее положеніе и погружается въ мрачную задумчивость.*) Ну, братъ, съ тобою горе да и только. Право, ты похожъ не на человѣка, а на мраморную статую, поставленную для украшенія этой лачуги!

Дмитрій. Безчувственный! Неужели ты, видя человѣка, стоящаго на краю пропасти, готоваго упасть въ нее, можешь смѣяться?

Сурскій. Послушай, Дмитрій, развѣ ты не знаешь, что я пріѣхалъ сюда единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отсторонять этого несчастнаго отъ пропасти, которую онъ, по своему безумію, самъ изрылъ себѣ? Я обѣщалъ тебѣ употребить всѣ силы для твоего спасенія; этого для тебя должно быть довольно, ибо я давно уже отвыкъ давать обѣщанія, несбыточные и необдуманныя. Впрочемъ, не ручаюсь за успѣхъ моихъ намѣреній въ разсужденіи тебя; скажу только, что имѣю надежду получить оный средствомъ, какого ты отъ меня и ожидать не можешь. Я слишкомъ многимъ жертвую моею къ тебѣ дружбѣ, ибо рѣшаюсь на поступокъ чрезвычайно важный и могущій имѣть для меня слѣдствія непріятныя. Въ семъ городѣ живетъ по временамъ мой старинный другъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился въ Московскомъ университетѣ и, бывши студентомъ, подружился. Онъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій и завѣдуетъ нѣсколькими городами здѣшней губерніи, въ числѣ которыхъ находится и этотъ. Онъ теперь въ другомъ городѣ, гдѣ живутъ его родители, и нынче непременно долженъ быть здѣсь. Я сейчасъ былъ на его квартирѣ; лишь бы онъ пріѣхалъ, а то сію же минуту явится здѣсь, и я вмѣстѣ съ нимъ подумаю, что намъ должно дѣлать для твоего спасенія.

Дмитрій (*приведенный въ чувство его словами*). Итакъ, судьба еще не всего лишила меня, еще есть другое существо, которое принимаетъ во мнѣ участіе?.. Сурскій, благодарю тебя за дружбу: я умѣю ее чувствовать. Но позволь замѣтить тебѣ, что ты жестоко обижаешь меня, скрывая свои намѣренія, какъ будто они совсѣмъ не до меня касаются. Такая недовѣрчивость оскорбляетъ мое самолюбіе. Такъ поступаютъ съ маленькими дѣтьми ихъ родители: хотятъ говорить о средствахъ устроить ихъ счастье и между тѣмъ высылаютъ ихъ изъ комнаты, совѣтуя кончить въ другой (?)

Сурскій. Что жь дѣлать? Ты послѣ самъ узнаешь, что иначе никакъ невозможно было поступить. Успѣхъ моего предпріятія зависитъ отъ крайняго хладнокровія, крайней осторожности, а ты знаешь себя. (*Жметъ ея руку.*) Другъ мой, если ты желаешь быть счастливымъ, если ты любишь Софью, то заклинаю тебя ея именемъ взять до времени терпѣніе и слѣпо повиноваться мнѣ: отъ этого зависитъ твое соединеніе съ Софьею.

Дмитрій (*съ неизъяснимымъ восторгомъ*). Мое соединеніе съ Софьею,—сказалъ ты?... (*Смотритъ на него съ выраженіемъ неожиданной радости.*) О, вѣстникъ блаженства, ангель хранитель! Повтори, повтори мнѣ эти слова! Они воскрешаютъ меня, убитаго отчаяніемъ, подавленнаго безнадежностію!... О, эти слова... они отрадны для меня, какъ для узника: „ты свободенъ“... (*Крѣпко сжимаетъ ея руку.*) О, повтори, повтори мнѣ ихъ...

Сурскій. Видишь ли, каковъ ты? Можно ли тебѣ открыть что-нибудь? Еще ничего нѣтъ, а ты уже съ ума сходишь отъ радости. Для чего предаваться ей до такой степени? Надежда обманчива,—ты самъ не испыталъ ли это?

Дмитрій. Да, такъ, ты правъ. По крайней мѣрѣ, скажи мнѣ: это ли твое намѣреніе? Увѣрь меня, увѣрь, и я буду послушенъ, какъ ребенокъ...

Сурскій. Это, самое это; только, Бога ради, молчи; будь нѣмъ, какъ рыба!

Дмитрій. (*вскакиваетъ со стула и ходитъ по комнатѣ большими шагами въ сильномъ волненіи, потирая руками; всѣ его движенія выражаютъ радость самую сильную, но смѣшанную съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.*) Боже!... И такъ еще мнѣ не должно совершенно отчаяваться; еще надежда опять льститъ мнѣ. Но не для того ли, чтобы, какъ прежде, обмануть меня?—Нѣтъ, этого быть не можетъ: у меня есть другъ! О, я счастливецъ!... Я буду супругомъ ангела!... (*Схватываетъ руку Сурскаго и пожимаетъ ее.*) Но, другъ мой, я обѣщался молчать и сдержу свое слово; но послушай, и ты сдержишь свое, не правда ли? О, я буду счастливъ! Слышишь ли, какъ сильно бьется мое сердце? Видишь, какъ я весь дрожу: неужели это не есть предвѣстіе счастья?...

Сурскій. А можетъ быть, и злополучія!... Кто знаетъ!... (*Входитъ хозяйка, неся согрѣтый самоваръ.*)

Хозяйка. Пospѣлъ, батюшка, поспѣлъ; такъ выпить, что и не уймешь. У васъ свои что ли будутъ чашечки-то, да чайничекъ-то?...

Сурскій. Свои, хозяйшка, свои: я всегда въ дорогу беру съ собою весь приборъ чайный. (*Къ Дмитрію*). Ну-ка, братъ, не хочешь ли запить поэтическіе восторги прозаическимъ чаемъ? онъ согрѣетъ тебя. Да правда, ты безпрестанно горишь въ пламени, такъ и не могъ озябнуть отъ холодной осенней погоды, по милости которой я дрожу, какъ въ лихорадеѣ. А что, хозяйшка, опростала ли ты ту горенку-то, о которой я давеча говорилъ тебѣ?

Хозяйка. Свѣтелку-то что-ли, батюшка? Какъ же, опростала.

Сурскій. Такъ лишнее-то не худо бы отсюда перенести въ нее.

Хозяйка. Не прикажете ли позвать вашего человѣка; онъ прозядъ съ дорожки-то, такъ забрался на печь.

Сурскій. Позови, пожалуйста. (*Хозяйка уходитъ.*)

Сурскій (*грѣя свои руки около самовара, изъ котораго валитъ сильный паръ*). Какъ я люблю привѣтливый, гостепріимный паръ самовара! Какъ я любилъ его, еще бывши ребенкомъ! Не правда ли, другъ мой, этотъ китайскій напитокъ, который мы называемъ чаемъ, есть превосходное приобрѣтеніе! Какія разнообразныя и многочисленныя удовольствія доставляетъ онъ человѣку! Какъ, напримѣръ, пріятно онъ соединяетъ семейный кругъ! Еще и теперь живы въ моей памяти тѣ сладостныя зимніе ¹ вечера, въ которые бывало наше нераздѣльное семейство собиралось вокругъ самовара, и я, любимецъ моей матери, первый жался съ своимъ стуломъ въ чайному столику и первый получалъ свою чашку. Какъ этотъ напитокъ пріятенъ въ откровенной бесѣдѣ двухъ друзей, еще къ тому же окруженныхъ облаками табачнаго дыма. Но, Дмитрій, мнѣ кажется, что еще пріятнѣе, когда прелестныя ручки прелестной подруги готовятъ эту ароматическую влагу и когда она съ улыбкою подаетъ ее своему другу и подслащиваетъ подѣлуями? Не правда ли, Дмитрій?... (*Вздыхаетъ и задумывается.*)

Дмитрій. Клянусь Богомъ, мысль прекрасная и справедливая! Но, Сурскій, отчего вдругъ родились этотъ вздохъ, эта задумчивость, эта печаль? Право, я, во все время моего съ тобою знакомства, еще въ первый разъ вижу тебя, такъ сильно растроганнаго мечтой.

Сурскій (*какъ бы опомнившись*). Ну, братъ, подлинно, что знакомство съ мечтателями есть самая прилипчивая ² зараза: я съ тобою поневолѣ началъ мало по малу вдаваться въ прежнія глупости. Въ самомъ дѣлѣ, каково покажется? Не болѣе какъ въ

¹ Въ рукописи: „сладостныя занятія. ² Въ рукописи: „прилипчивая“.

продолженіе двухъ минутъ успѣлъ тебѣ сказать цѣлую проповѣдь объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ самоваромъ. Однако я заболтался съ тобою, позабылъ и трубку закурить. (*Накладываетъ въ трубку табакъ и закуриваетъ.*) Ахъ, какъ пріятно, послѣ дороги и долго не куривши, хорошенько затянуться.

Дмитрій. Послушай, Алексѣй, несмотря на мою недалеко-видность, я замѣчаю, что скрытность, которая, повидимому, составляетъ отличительную черту твоего характера, тебѣ не свойственна. Ты хочешь принудить себя быть скрытнымъ, стараешься избѣгать всего мечтательнаго, безпрестанно находишься въ дѣйствительности и между тѣмъ невольно измѣняешь самому себѣ. Мнѣ кажется, что ты стремишься забыть что-то такое, о чемъ одно воспоминаніе для тебя тягостно,—и не можешь. Такая скрытность въ разсужденіи меня, твоего друга, непростительна. (*Пожимаетъ его руку.*) Любезный Алексѣй, неужели я не заслужилъ твоей довѣренности? Неужели я не стою того, чтобы ты открылъ мнѣ свои тайны? Не забудь, что въ разсужденіи этого предмета ты у меня въ долгу.

Сурскій. Что было, то прошло. Для чего вспоминать, когда воспоминаніе мучительно?... (*Съ чувствомъ*). Другъ мой, въ послѣдній разъ говорю съ тобою не шутя: повѣсть моя мрачна: она раздается въ ухахъ моихъ, какъ послѣдній вопль казненнаго, и для того прошу тебя... (*Въ задумчивости ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ большими шагами, вытускающая изъ роту густыя облака табачнаго дыма. Входитъ Степанъ.*)

Степанъ. Что вамъ угодно, Алексѣй Петровичъ?

Сурскій. О, братъ, да ты никакъ только-что съ просонья; знать на печкѣ-то лучше, чѣмъ на козлахъ. Благою же ты избралъ часть. Слазь-ка въ ларець, да вынь изъ него все нужное къ чаю.

Степанъ. Сейчасъ. Да включь-то знать у васъ?

Сурскій. У меня. Вотъ онъ, на.

Степанъ (*вынимаетъ чашки, чайникъ и прочее и ставитъ на столъ.*) Вы сами изволите разливать?

Сурскій. Само собою разумѣется, что самъ,—развѣ ты меня не знаешь? Ступай-ка, спи поудова. (*Степанъ уходитъ; онъ кладетъ щепоть чаю въ чайникъ, наливаетъ въ оный воды и ставитъ на самоваръ. Дмитрій ходитъ по комнатѣ большими шагами. Оба молчатъ. Въ продолженіе этой нѣмой сцены Сурскій наливаетъ въ два стакана чаю, изъ коихъ одинъ подаетъ Дмитрію, а другой беретъ себѣ.*)

Сурскій. Ну, братъ, ты опять ударился въ свои унылыя мечты; возьми-ка вотъ стаканчикъ-то, авось либо хоть чаемъ-то не разгонишь ли ихъ. О чемъ ты задумался?

Дмитрій (*съ тяжкимъ вздохомъ*). Ахъ, другъ мой, кто теперь болѣе меня можетъ имѣть причинъ въ размышленіямъ самымъ мрачнымъ? Рѣшеніе моей участи такъ близко, такъ невѣрно: оно виситъ на волоскѣ; малѣйшая неосторожность, одно ошибочное движеніе, одно неблагопріятное обстоятельство—и оно оборвется. и искра надежды,—надежды, которая теперь тлѣется въ душѣ моей, превратится въ истребительный пожаръ отчаянія,—пожаръ, который своимъ заревомъ освѣтитъ всѣ ужасы бездонной пропасти, готовой принять меня въ свои нѣдра... Ахъ, при этой убійственной мысли мое сердце обливается холодомъ, мое дыханіе спирается; кажется, что въ это мгновеніе на мою грудь падаетъ тяжелый камень и сильно, сильно давитъ ее... О, что со мною будетъ, ежели всѣ твои старанія останутся тщетными?... (*Вскакиваетъ.*) О, сколько въ такомъ случаѣ роковыхъ ударовъ, сколько смертей въ одно и то же время!... Быть рабомъ, лишиться предмета, которымъ дышалъ, съ которымъ связанъ узами самыми вѣрными и вмѣстѣ самыми... и послѣ всего этого еще жить... Нѣтъ!... Нѣтъ, тогда всѣ мои способности, всѣ мысли, всѣ намѣренія сольются въ одно слово, которое будетъ первымъ и послѣднимъ—и это слово есть—смерть!!!...

Сурскій. И ты въ состояніи рѣшиться на самоубійство?

Дмитрій. Сурскій, полно; не говори мнѣ объ этомъ; не осуждай моего намѣренія: оно благородно; не отвращай меня отъ него: оно твердо. И какъ! Неужели послѣ всѣхъ этихъ злополучій, въ обширности которыхъ умъ теряется, какъ въ безпредѣльномъ хаосѣ, еще должно жить?... Помилуй, Сурскій, ежели ты придешь ко мнѣ и съ отчаяннымъ взоромъ, вѣриво сжимая своей оледенѣлою рукою мою руку, скажешь: „Злополучный другъ, все кончено: ты погибъ!“ признайся, что въ это мгновеніе несчастіе будетъ превосходить всѣ мѣры воображенія, что оно можетъ только равняться съ тѣмъ счастіемъ, которымъ я нѣкогда наслаждался. Но въ моей волѣ будетъ прекратить его въ одну секунду, слѣдовательно оно будетъ непродолжительно; но жить... видѣть торжество моихъ враговъ, сносить всю жестокость мщенія этихъ подлыхъ, низкихъ душъ; видѣть свою любезную въ объятіяхъ соперника и наконецъ въ довершенію всего этого — быть рабомъ,—о, не значить ли это въ каждую секунду умирать тысячею смертями?... Можешь ли ты вообразить себѣ весь ужасъ человѣка, около котораго

обвилися тысячи ядовитыхъ змѣй и медленно высасываютъ его кровь? Можешь ли ты себѣ представить всю необъемлемость мученій челоуѣка, съ котораго съ живаго сдирають кожу?... И все это я долженъ буду переносить ежеминутно!... Окованный поносными цѣпями рабства, буду безсильными руками рвать ихъ, грызть зубами, и, орошая ихъ кровавою пѣною ярости, изрыгать адскія проклятія на моихъ тирановъ, которые между тѣмъ, помирая со смѣху, будутъ наслаждаться несносною злобою, моимъ безсильнымъ бѣшенствомъ!... Зайцы будутъ смѣяться надъ окованнымъ львомъ!... О, нѣтъ!... Нѣтъ!... Горе мнѣ, горе врагамъ моимъ! они не будутъ торжествовать мою гибель, и, ежели я погибну, то не иначе, какъ только вмѣстѣ съ ними, только вмѣстѣ съ ними предстану предъ тронъ Судии всевышняго... А если рѣшусь жить—то это для мщенія, и мщенія самаго ужаснѣйшаго!... О!...

Сурскій. Не хочу осуждать тебя, но не могу и оправдывать. Ты теперь находишься въ такомъ положеніи, что всѣ доказательства и возраженія бесполезны: они не приведутъ тебя въ разсудокъ и только болѣе ввѣсятъ; но, несмотря на то, я все-таки скажу, что источникъ самоубійства есть бѣшенство, безуміе и малодушіе. Истинно благородный и великодушный челоуѣкъ, какъ бы ни былъ злополученъ, всегда найдетъ утѣшеніе въ своей совѣсти, въ религіи, въ надеждѣ на Бога и рѣшится терпѣть *здѣсь*, чтобы вѣчно наслаждаться *тамъ*.

Дмитрій (*съ бѣшенствомъ*). Терпѣть... терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ!... Вотъ истинно превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія! Къ несчастію, она только хороша для низкой черни. Какъ!... Неужели вѣчное блаженство непременно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходится! Неужели это премудрое, милосердное Существо, котораго мы называемъ Богомъ, посылаетъ людей на землю, какъ колодниковъ на каторгу? Неужели Его благость такъ ограничена, что Онъ не хочетъ сдѣлать свое лучшее твореніе счастливымъ *здѣсь* и *тамъ*? Нѣтъ, по вашему, Онъ не иначе долженъ сдѣлать его блаженнымъ, какъ сперва потиранивши его, насладившись его муками... Фарисей, ты искажаешь Божество!...

Сурскій. Напротивъ, я не искажаю Его, а представляю таковымъ, каково Оно есть въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, хотя земля и есть поприще страданій большой части людей, однако въ этомъ виновать не Богъ, а сами люди. Они имѣютъ разумъ, эту искру Божества,—и уподобляются скотамъ. Признайся, что ты самъ есть

виновникъ своихъ страданій, что ты самъ своимъ неблагоразуміемъ навликалъ на себя бѣдствія, которыя теперь претерпѣваешь?!..

Дмитрій. Хорошо: я самъ. Но еслибы я отказался отъ Софьи, то развѣ бы могъ быть счастливымъ? Въ такомъ случаѣ я бы бросился изъ огня да въ пылыя; опять, кто причиною тѣхъ горестей, которыя я претерпѣвалъ въ домѣ Лѣсинскаго еще прежде, нежели увидѣлъ Софью.

Сурскій. Ты, потому что не умѣлъ сносить ихъ съ твердостію.

Дмитрій. Но ежели въ моемъ характерѣ нѣтъ этой твердости, то въ такомъ случаѣ кто виноватъ? Нѣтъ, братъ, ежели сами люди виноваты въ собственныхъ своихъ мученіяхъ, то это значить, что они злы и глупы. Въ такомъ случаѣ можно ли сказать про человѣка, что онъ есть образъ и подобіе Бога, его сотворившаго? Можно ли сказать, чтобы это низкое, презрѣнное существо было произведено на свѣтъ Высочайшею Премудростію? Притомъ, ежели эта Высочайшая Премудрость, по свойственному ей всевѣдѣнію, знала впредь, что люди рано или поздно должны будутъ дойти до крайней степени нравственнаго униженія, что они никогда не могутъ быть счастливыми, то для чего же она производила ихъ?...

Сурскій. Презрѣнная горсть пыли! И ты осмѣливаешься обвинять Бога, и ты дерзаешь возставать противъ Него? Не думай, чтобы голосъ твой гремѣлъ, какъ голосъ титана; нѣтъ, онъ едва ли слышенъ, какъ голосъ ничтожнаго червя!... Кто сказалъ тебѣ, что люди совершенно несчастны: ежели они претерпѣваютъ горести, то для того, чтобы живѣе ощущать радости. Что еслибы теперь всѣ надежды твои сбылись, не живѣе ли бы ты ощущалъ прелесть блаженства?...

Дмитрій. Такъ, хорошо. Но если они не сбудутся, то въ такомъ случаѣ, что остается мнѣ дѣлать?

Сурскій. Терпѣть!

Дмитрій. Опять таки терпѣть. Да на что и почему? Неужели человѣкъ во все продолженіе своей жизни непремѣнно долженъ страдать?... Неужели этого требуетъ правосудіе Бога?

Сурскій. Но съ чего ты взялъ, что человѣкъ во все продолженіе своей жизни долженъ страдать? Неужели ты думаешь, что ежели ты несчастливъ, то и всѣ несчастны? Если ты теперь претерпѣваешь бѣдствія, то вспомни прошедшее, вспомни слова твои, что одна минута возможнаго блаженства можетъ замѣнить цѣлыя вѣки страданій, слѣдовательно въ судьбѣ человѣка есть равновѣ-

сіе. Бѣднѣй часто наслаждается спокойствіемъ, котораго не имѣеть богатѣй; славный герой льетъ свою кровь и безпрестанно ожидаетъ себѣ смерти, между тѣмъ какъ земледѣлецъ, въ счастливой безызвѣстности, не боясь смерти, спокойно обрабатываетъ свою ниву: теперь не уравнена ли ихъ участь? Я думаю, что, когда ты былъ счастливъ, то твои мысли и чувства въ отношеніи къ Богу были совсѣмъ не таковы?...

Дмитрій. О, другъ мой! Въ то блаженное время каждое чувство мое было—любовь, каждая мысль моя—благодарность къ этому благому Существоу. Нерѣдко я плакалъ отъ умиленія, нерѣдко обращалъ слезящіяся взоры къ небу и въ благоговѣйномъ безмолвіи, въ сладостныхъ ощущеніяхъ, шепталъ священное имя Бога... А теперь... Теперь въ душѣ моей поселилось какое-то мрачное сомнѣніе, которое, какъ пожаръ разрушительный, истребило въ ней довѣренность къ Промыслу и даже эту сладостную вѣру въ высокое, которою я дышалъ доселѣ. На этотъ міръ, который прежде казался мнѣ столь прекраснымъ, я теперь смотрю, какъ на дикую пустыню, въ которой злоба, невѣжество и предразсудки воздвигли изъ костей и труповъ престоль несчастію!... О, ежели всѣ мои надежды кончатся моею гибелью... тогда, тогда мое лютое отчаяніе, моя неистовая ярость на все существующее разольется огненнымъ, влочущимъ потокомъ, который затопитъ, разоритъ меня, моихъ враговъ и всѣхъ близкихъ ко мнѣ. Тогда уста мои загремятъ хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами!... *) Тогда я буду просить Его, чтобы Онъ или превратилъ меня въ прахъ, или далъ мнѣ Свои громы, чтобы я могъ въ одно мгновеніе истребить этотъ чудовищный міръ, истребить этихъ лютыхъ, бессмысленныхъ тварей, которыя населяютъ его. О, кровавыми бы руками исторгнулъ бы я тогда изъ своего сердца остатки жалости и состраданія, превратилъ бы всѣ мои чувства и помышленія въ ярость и неистовство; своимъ дыханіемъ, какъ вредоноснымъ ядомъ, заразилъ бы воздухъ и воду, и, смотря на ужасъ и суетливость, съ которыми бы зашевелились эти муравьи въ своемъ муравейникѣ, съ дикимъ хохотомъ, съ адскимъ самонаслажденіемъ приговаривалъ бы: „я рабъ! Софья выходитъ замужъ“! Ахъ, эти ужасныя слова разрываютъ узы, связывающія меня съ человѣчествомъ, и приводятъ меня въ такое состояніе, что

*) Такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго частыми струями религіи и нравственности.

я, при воспоминаніи о нихъ, томлюсь жаждою крови, убійства и разрушенія!... (*Въ бѣшенствѣ, съ неистовыми движеніями, быстро ходитъ по комнатѣ большими шагами*).

Сурскій. Безумецъ! Итакъ, только потому, что ты несчастливъ, долженъ погибнуть весь міръ, въ отношеніи къ которому ты есть ничто иное, какъ ничтожная пылинка? Не есть ли это порывъ *) эгоизма, которымъ ты столько гнушался, не есть ли это отсутствіе любви къ общему благу? Но я вижу, что убѣдить тебя доказательствами разсудка есть трудъ Данаидъ; попробую, нельзя ли образумить тебя примѣромъ. Давеча, ты просилъ меня рассказать тебѣ исторію моей жизни—я исполню твое желаніе.

Дмитрій. О, расскажи мнѣ ее, расскажи. Ты несчастливъ и несчастіемъ своимъ обязанъ существамъ, которыя называются твоими ближними, твоими братьями,—я это вижу. Заставь меня еще болѣе ненавидѣть этихъ гнусныхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, пожирающихъ другъ друга, этихъ...

Сурскій. Нѣтъ, не ненавидѣть, а прощать ихъ хочу я заставить тебя. Дмитрій, ты видишь предъ собою человѣка, который былъ счастливъ, какъ ты, и который теперь потерялъ и самую надежду на счастье, который при всемъ этомъ не ропщетъ на Бога, не ищетъ судьбу и хочетъ жить.

Дмитрій. Безъ предисловій, безъ предисловій, Бога ради! Я горю нетерпѣніемъ слышать твою исторію, а не наставленія. Говори и описаніемъ своихъ несчастій прибавь еще нѣсколько капель этой черной, ядовитой желчи, которая пожираетъ мою внутренность. Говори, я слушаю!

Сурскій. Мой отецъ—довольно достаточный человѣкъ, уважаемый всѣми въ нашемъ маленькомъ городкѣ, какъ по мѣстному занимаемому имъ, такъ и за его честность, прямодушіе и истинное русское хлѣбосольство. Несмотря на свое старомодное воспитаніе, онъ чуждъ предрасудковъ почтенной русской старины и воспитывалъ меня *по новому*, ничего не щади для моего образованія. Съ самаго моего младенчества во мнѣ обнаружился характеръ живой, пылкой, и я долго имѣлъ необыкновенную склонность къ проказамъ и шалостямъ разнаго рода. Воспитаніе, характеръ, привычки, образъ мыслей и жизни родителей и вообще семейства имѣютъ обыкновенно большое вліяніе на нравственное образованіе дѣтей и даже на расположеніе ихъ склонностей. Это я испыталъ на

*) Въ рукописи: „протавъ“.

самомъ себѣ. Мой отецъ женился на моей матери, если не по любви, то по какому-то маленькому расположенію, заставившему его предпочесть ее другимъ дѣвушкамъ, на которыхъ бы онъ могъ жениться. Во всемъ городѣ не было четы счастливѣе моихъ родителей; подъ кровомъ ихъ дома царствовало семейственное согласіе, мирная тишина и слѣдовательно и счастье. Обязанный своимъ благополучіемъ женитьбѣ, мой отецъ полагалъ въ семейственной жизни верхъ возможнаго человѣческаго блаженства и часто съ восторгомъ говаривалъ, что онъ желалъ бы поскорѣ видѣть меня женатымъ по склонности. Посему и не удивительно, что я, воспитанный въ нѣдрѣ такого семейства, вступивши въ лѣта юношества, нечувствительно получилъ любовь и склонность къ тихой семейственной жизни. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ восторгомъ я думалъ о томъ времени, когда назову какую-нибудь милую дѣвушку моею женою, когда буду жить своимъ домомъ и называться почтеннымъ именемъ супруга, хозяина, а можетъ быть, отца семейства. Какъ обыкновенно водится у всѣхъ мечтателей, я составилъ въ головѣ своей идеалъ моей суженой, искалъ его въ толпѣ знакомыхъ дѣвушекъ—и нашелъ. Не буду много говорить; скажу только, что я, какъ говорится, по уши влюбился въ дочь одной небогатой вдовы чиновника, нѣкогда служившаго въ нашемъ городѣ. Меня плѣнило ея миловидное личико, пара голубыхъ глазокъ, блиставшихъ вроткою задумчивостію и милою скромностію. Сверхъ сихъ достоинствъ она была очень хорошо воспитана.

Дмитрій (*пожимаетъ его руку*). И ты былъ человѣкомъ и ты любилъ, а между тѣмъ обвиняешь меня!

Сурскій. Мой отецъ, замѣтивъ мою склонность, сказалъ: „браво, Алексѣй, bravo; я помогу тебѣ“. Онъ сдѣлалъ предложеніе ея матери, та была онымъ очень обрадована, ибо знала, что мой отецъ довольно достаточный человѣкъ. Положено было отпустить меня въ Московскій университетъ, и чрезъ годъ послѣ окончанія полнаго курса, женить. Между тѣмъ мнѣ позволено было обращаться съ Марією, какъ съ своею невѣстою. Не буду говорить тебѣ о моемъ счастіи: ты самъ знаешь, что значить первое стыдливое признаніе, первый поцѣлуй, первый вздохъ любви, пожатіе руки, страстные застѣнчивые взгляды; скажу только, что они болѣе и болѣе укрѣпляли нашъ союзъ. Наконецъ наступилъ часъ разлуки—и я полетѣлъ въ Бѣловаменную съ тяжкою грустію въ душѣ, сопровождаемый наставленіями родителя, слезами милой матери и... (*Вздыхаетъ и погружается въ тихую задумчивость*).

Дмитрій. Сурскій, не правъ ли я? Не отгадалъ ли я? О, душа твердая! И ты, будучи способенъ такъ сильно чувствовать, умѣешь казаться безчувственнымъ!...

Сурскій. Да, другъ мой, я много испыталъ радостей, но вдвое больше горестей; тѣ и другія сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе; тѣ и другія сильно волновали мою грудь, но, несмотря на то, я умѣлъ владѣть собою. Но слушай далѣе. Бывши въ университетѣ, сначала я очень часто получалъ отъ нея письма и еще чаще писалъ къ ней, потому она стала рѣже и рѣже писать ко мнѣ, и я началъ примѣчать, что ее волнуетъ какая-то печаль, какое-то сомнѣніе, наконецъ она совсѣмъ перестала писать ко мнѣ. Въ письмахъ моихъ родителей я только съ нѣкотораго времени сталъ примѣчать какую-то двусмысленность въ разсужденіи Маріи; казалось, что они хотѣли скрыть отъ меня что-то неприятное и наконецъ просто сказали, что они разсорились съ госпожею Сунскою, что Марія недостойна меня, чтобы я забылъ ее, что она мнѣ невѣрна, что я ею забыть и презрѣнъ. Я бѣсился, кровь во мнѣ кипѣла, и тутъ я узналъ, какъ сильно любилъ ее. Приближалась вакація, я непременно хотѣлъ поѣхать домой, чтобы, какъ водится, обременить упреками невѣрную и отомстить моему сопернику; но жестокая горестъ повергла меня въ продолжительную болѣзнь, почему я и принужденъ былъ остаться въ Москвѣ. Выздоровѣвши, я съ сугубою силою чувствовалъ всю важность моей потери, весь ужасъ моего одиночества и, желая расбѣяться, снѣдаемый отчаяніемъ, я завелъ многія новыя знакомства и съ помощію услужливыхъ друзей пустился въ повѣсничество разнаго рода и порядочно поразстроилъ свое здоровье.

Дмитрій. И ты еще послѣ всего этого остался живъ? Боже! И такъ, я еще не все испыталъ, я еще не былъ пораженъ этимъ адскимъ бичемъ, который называется измѣною. Сурскій! О, ты много, много испыталъ! Только одна твоя желѣзная душа могла перенести это.

Сурскій. Да, другъ мой, мое несчастіе ужасно. Я не зналъ, какъ ты, этихъ неистовыхъ восторговъ любви, я не горѣлъ въ этомъ пожирающемъ огнѣ, который погубилъ тебя; но я испыталъ это тихое біеніе сердца, это сладостное смятеніе, это стыдливое замѣшательство, которое чувствуетъ юноша при взглядѣ на свою любезную. Я видѣлъ въ ней спутницу моей жизни, милую подругу, которая должна была услаждать мое бытіе, видѣлъ въ ней любовницу и вмѣстѣ вѣрнаго друга—и лишился всего. Всѣ мечты мои, всѣ надежды лопнули, какъ дождевые пузыри.

Дмитрій. Что же, ты видѣлъ ее послѣ этого?

Сурскій. Цѣлые три года я не былъ дома; наконецъ, окончивши курсъ въ университетѣ, я обнялъ моихъ родителей. Долго-временное отсутствіе, отчаяніе, горести, шалости, — все это такъ перемѣнило мой видъ, что они съ трудомъ узнали меня. Отъ нихъ слышалъ я, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда пріѣхалъ къ нимъ въ городъ какой-то князь, влюбился въ Марію и сдѣлалъ предложеніе ея матери. Ослѣпленная знатностію и жадная къ богатству старуха, забывши совѣсть, приказывала своей дочери принимать этого князя, какъ жениха. Сначала Марія не хотѣла и смотрѣть на него, но онъ, какъ сирена, съ умѣлъ усыпить въ ней чувства любви и чести—и я былъ забытъ. Какъ женихъ, ѣздившій каждый день въ домъ Сунской, онъ улучилъ свободную минуту—и обманутая Марія, боясь объявить о своемъ посрамленіи матери и надѣясь поправить все бракомъ, долгое время, поневолѣ, исполняла желанія подлеца. Наконецъ, въ одинъ день, тщетно ожидала она своего любовника—онъ скрылся и съ тѣхъ поръ не показывается. Вскорѣ и Марія уѣхала съ своею матерью изъ нашего города и о ней болѣе ничего не слыхали.

Дмитрій. И поэтому ты ее болѣе уже никогда не видалъ?

Сурскій. Нѣтъ. Поживши нѣсколько времени въ родительскомъ домѣ, я хотѣлъ опять ѣхать въ Москву, чтобы опредѣлиться тамъ къ какой-нибудь должности. Ввечеру, наканунѣ моего отъѣзда, приходитъ дѣвушка и, подавая мнѣ письмо, сказала, что оно отъ Маріи, которая просила ее вручить его мнѣ по моемъ пріѣздѣ. Трепещущею рукою я развернулъ эту бумагу и узналъ изъ нея, что обольстителю пособляли нѣкоторые люди, отдавая ему мои письма, вмѣсто которыхъ подлецы доставляли Маріи другія; что она предалась ему не изъ любви, а изъ желанія отомстить мнѣ и что при всемъ томъ никогда не переставала любить меня. Она просила у меня прощенія, умоляла не проклинать ее и не мстить злодѣю: „въ этомъ мірѣ“, заключила, „вы не увидите недостойную; моимъ присутствіемъ я никогда не оскорблю васъ, я сама погубила мое счастье и мнѣ остается только оплакивать мое безразсудство и легкомысліе!“ Чрезъ нѣсколько дней я очутился въ Москвѣ.

Дмитрій. Ты знаешь фамилію этого князя?

Сурскій. Знаю. А что?

Дмитрій. А мѣсто его пребыванія?

Сурскій. Нѣтъ. Но къ чему эти вопросы?

Дмитрій. И ты не намѣренъ отыскивать этого подлеца?

Сурскій. Для чего?

Дмитрій. Чтобы отомстить ему, чтобы вымотать жилы из его тѣла вмѣстѣ съ жизнію и освободить землю отъ чудовища!...

Сурскій. Для чего жъ? Вѣдь я этимъ не возвращу потерянаго счастья.

Дмитрій. Но голосъ чести, голосъ самого разсудка повелѣваетъ тебѣ это сдѣлать: оставивши его жить, ты дашь ему средства продолжать свои злодѣйства.

Сурскій. Что не говори, а я не могу быть его судьей. Но оставимъ это. Ахъ, Боже мой, время идетъ, а моего Томина нѣтъ, какъ нѣтъ! Лишь бы онъ пріѣхалъ, а то сію же минуту придетъ, ты тогда, пожалуйста, уйди въ свѣтелку, о которой я давеча говорилъ ховайкѣ. (*Входитъ Томина*).

Томина. А, другъ мой, наконецъ я тебя вижу! (*Здоровается съ Сурскимъ; Дмитрій уходитъ*).

Сурскій. Ну, братъ, а я усталъ, ждавши тебя. Гдѣ ты это пропадалъ?

Томина. Да такъ все кое-гдѣ. А это-то твой проказникъ? Ну ужъ, братъ, справедлива пословица, что видно птицу по полету. Признаюсь, молодець.

Сурскій. Не хочешь ли чаю, трубки?

Томина. О, братецъ, до чаю ли, до трубки ли теперь; надобно дѣлами-то поспѣшить. Я только что пріѣхалъ, а ужъ успѣлъ кое-что смастерить. Священникъ согласенъ, мѣсто назначено и все готово. Къ тому же самъ случай явился къ нашимъ услугамъ: Софья Петровна именинница и потому у Лѣсинской нынче балъ. Мы съ тобою къ ней ѣдемъ. Я скажу ей одно словечко, которое произведетъ на нее самое магическое дѣйствіе и заставитъ принять тебя какъ какого-нибудь царя. Ты ангажируешь Софью Петровну на вальсъ, сообщаемъ нашъ планъ; она соглашается; мы всѣ трое скрываемся; садимся на лошадей; они обвѣнчаны и дѣло кончено, а тамъ посмотримъ, что дѣлать. (*Вынимаетъ часы и смотритъ на нихъ*). Однако уже скоро три часа; почти пора ѣхать. Ты покуда ва попринарядись, а я пойду также переодѣться, и какъ кончу свой туалетъ, то пришлю за тобою человѣка и мы ѣдемъ. Однакожъ ты возьми туда своего человѣка, а мой останется здѣсь дѣйствовать. (*Пожимаетъ его руку*). Прощай. (*Уходитъ*).

Сурскій. Да, дѣлать нечего, надобно рѣшиться на это средство: оно одно только и остается. (*Кричитъ*) Эй, Степанъ, Степанъ! (*Входитъ Дмитрій*).

Дмитрій. (*Мрачно*). Ну что? Жизнь или смерть?...

Сурскій. Надежда и до времени безусловное повиновеніе! Все улажено, какъ нельзя лучше. Я сейчасъ ѣду къ Лѣсинской, ты же ни шагу изъ этой комнаты, а пуще всего не являйся въ ея домъ; ежели ты это сдѣлаешь, то все пропало: ты погибъ. (*Дмитрій въ молчаніи пожимаетъ ея руку. Входитъ Степанъ*).

Степанъ. Чего изволите, сударь?

Сурскій. Ну, братъ, теперь, пожалуйста, сонъ-то отложи до другаго времени: пора работать. Степанъ! Кажется я не могу сомнѣваться въ твоей расторопности, а пуще всего въ молчаливости?

Степанъ. Помилуйте, сударь, разя вы меня не знаете? Я готовъ за васъ голову свою положить.

Сурскій. Хорошо, я вѣрю. Вынь-ка мою фракную пару, да пособи мнѣ одѣться.

Степанъ. Сейчасъ-съ!

Картина четвертая.

Дѣйствіе въ деревнѣ Лѣсинской.

Конечно я на зло назначенъ отъ рожденья:
Кляня злодѣйствіе, стремлюсь на преступленья!
Озеро.

Мѣстомъ сцены есть таже самая зала, которая была и во второй картинѣ. Она тщательно убрана и въ ней все показываетъ, что она приготовлена къ принятію гостей; въ правой сторонѣ находится гостиная; обѣ эти комнаты расположены такъ, что будто составляютъ одну. Софья, небрежно и просто одѣтая, сидитъ въ глубокой горести около ломбернаго стола, утирая платкомъ слезы; Рудина старается ее утѣшить.

Рудина. Софья, утѣшься; отри свои слезы; твоя печаль раздраетъ мое сердце. Ахъ, для чего только одна я могу понимать твои горести и сострадать имъ!

Софья (*рыдая*). Какъ ни велики мои несчастія, но я могу еще плакать; не мѣшай свободно литься слезамъ моимъ: отъ нихъ мнѣ становится легче.

Рудина. Но сама посуди: время и мѣсто ли плавать тебѣ? Скоро будутъ свѣзжаться гости, а ты такъ разстроена, такъ блѣдна, глаза твои опухли и покраснѣли отъ слезъ. Что подумаютъ они, увидя тебя въ такомъ положеніи?

Софья. Какая нужда мнѣ до толковъ этихъ людей? Неужели

для нихъ я должна отказаться отъ послѣдняго утѣшенія, которое осталось мнѣ въ моихъ горестяхъ?...

Рудина. Но, другъ мой, вспомни требованія приличія. Бога ради, я прошу тебя, скрой печаль свою и хотя по наружности кажись веселою. Къ чему такое уныніе? Всякая горестъ должна имѣть предѣлы.

Софья. Всякая, но не моя. Другъ мой, сообрази, если можешь, эту многочисленность, эту разнообразность огорченій; расплети эту запутанную сѣть бѣдствій, въ которыя я вовлечена судьбою; сочти эти раны, которыми избито мое сердце; найди въ немъ хотя одно живое мѣсто,—и тогда скажи мнѣ: „твоя горестъ должна имѣть границы!“ Въ цвѣтущей юности, въ порѣ сладостныхъ мечтаній, въ порѣ лестнѣйшихъ надеждъ, осыпанная всѣми дарами фортуны и воспитанія—я есть не что иное, какъ жертва, украшенная цвѣтами для закланія. Изъ мирнаго крова, гдѣ я воспитывалась, гдѣ видѣла одни хорошіе примѣры, гдѣ вкушала первыя радости бытія, я вступила въ домъ родительскій, гдѣ царствуютъ невѣжество и пороки; я любила—и любовь моя сдѣлалась преступною, грозитъ мнѣ еще новыми бѣдствіями; я обожала своего отца—и лишилась его; моя мать,—ты знаешь ее,—и теперь... Ахъ, горько, горько переносить все это слабой, беззащитной дѣвушкѣ!... (*Утираетъ слезы*).

Рудина. Для чего безвременно отчаяваться?... Неужели эти обстоятельства не могутъ взять другаго, лучшаго оборота?

Софья (*стараются оправиться и безпрестанно смотрятся въ зеркало*). Что, все еще примѣтно, что я плакала?

Рудина. Немного примѣтно; но это все скоро пройдетъ. Постарайся чѣмъ-нибудь разсѣяться. Возьми встати гитару, сыграй да пропой что-нибудь.

Софья. Ахъ, да въ самомъ дѣлѣ проиграть что-нибудь. (*Беретъ гитару, лежащую на фортопіано и настраиваетъ ее*).

Рудина. Да смотри, что-нибудь повеселѣе: это лучше разсѣетъ печаль твою.

Софья (*вздыхая*). Нѣтъ, теперь радостныя, веселыя звуки чужды мнѣ; одно печальное можетъ говорить моему сердцу, одно унылое можетъ трогать его. (*Играетъ и поетъ*).

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты

Не въ веселье, такъ, какъ прежде!
Кто уныбну позабылъ,
Кто, сказавъ: „прости“ надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ!

(Кладетъ гитару на прежнее мѣсто). Ахъ, какъ я люблю этотъ прекрасный романсъ, а особливо этотъ куплетъ: содержаніе его такъ близко къ моему положенію. *(Входитъ Лѣсинская).*

Лѣсинская. Ба, да ты, Сонюшка, еще не одѣта? Вотъ славно: скоро пріѣдутъ гости, а она изволить поигрывать на гитарѣ, да растабарывать. Съ Марьею-то Николавной еще успѣешь, сколько тебѣ угодно, наговориться. Ну, ужъ только какая ты, Богъ съ тобою, чудная! Еще къ тому же сидишь въ залѣ; ну, какъ бы кто пріѣхалъ, да засталъ тебя въ такомъ нарядѣ, куда бы хорошо было! Ступай-ко, ступай, одѣнься, да, смотри, получше, да поавуратиѣе, а то вотъ отъ тебя станется, что ты для гостей-то одѣнешься не лучше горничной дѣвки.

Софья. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, и я все-таки разряжаться-то не совсѣмъ намѣрена.

Лѣсинская. Съ тобою вить не сговоришь; ты готова матери-то наговорить тьму грубостей. *(Софья выходитъ).* Вонъ ужъ и гости съѣзжаются. *(Смотритъ въ окно).* Кто бы это былъ! А! Сестрица Аграфена Лукьяновна. *(Рудина выходитъ).*

Входятъ гости, являются Софья и ея братья.

Аграфена Лукьяновна. Здравствуйте, сестрица! Съ именинницею поздравляю. *(Она и ея три дочери здороваются съ Лѣсинскою, ея сыновьями и Софьею; первыя поздравляютъ съ именинницею, а вторую съ днемъ ангела; тѣ и другія благодарятъ).*

Лѣсинская. Въ гостиную прошу пожаловать. *(Всѣ идутъ въ гостиную; въ залу входятъ два оборванные лакея и зажигаютъ лампы).* Прошу покорно садиться. *(Всѣ садятся).* А что же Ѳедоръ Максимычъ не пожаловалъ къ намъ съ вами?

Аграфена Лукьяновна. Онъ сейчасъ же пріѣдетъ съ сыновьями. Что вы, Софья Петровна, такъ печальны?

Лѣсинская. Да все тужить о своемъ папинеѣ.

Аграфена Лукьяновна. Быть не можетъ; не все же плакать, пора и утѣшиться.

Входитъ Ѳедоръ Максимовичъ съ двумя взрослыми сыновьями; начинаются здорованія, поздравленія, благодаренія, послѣ которыхъ всѣ садятся по мѣстамъ; Аграфена Лукьяновна занимаетъ мѣсто на канане у круглаго стола, Лѣсинская около ея, а Ѳедоръ Мак-

симовичъ около ихъ на креслахъ; Софья и ея братья съ своими юстями уходятъ въ залу.

Лѣсинская я. Какъ поживаете, Ѳеодоръ Максимовичъ?

Ѳеодоръ Максимовичъ. Слава Богу, по-маленьку-съ.

Лѣсинская я. Хозяйство ваше каково идетъ?

Ѳеодоръ Максимовичъ. Да покудова хорошо. Я ужъ съ хлѣбпомъ-то убрался кое-какъ-съ.

Вдругъ свалила цѣлая толпа гостей; раздаются пошлуги, поздравленія, благодаренія. Лѣсинская сажаетъ встѣхъ по чинамъ.

Лѣсинская я. Ну, теперь мои дорогіе гости собрались, только одного князя нѣтъ. *(Являются два лакея и на огромныхъ подносахъ, подъ предводительствомъ Лѣсинской, разносятъ кофе, за который встѣхъ усердіемъ принимаются. Барышни, схватившись за руки, вереницами ходятъ по залу; около ихъ увиваются молодые люди. Дѣвки и лакеи суетливо перебѣгаютъ по комнатамъ; все это составляетъ пеструю живую картину. Въ гостиной происходитъ презанимательный разговоръ).*

Одна изъ госпожъ. Ужъ сынки-то ваши, Лизавета Андреевна, на возрастъ, молодцы молодцами, пора бы въ службу. Я думаю, вы въ полкъ намѣрены опредѣлить ихъ?

Лѣсинская я. Да, Катерина Степановна, дѣти ужасно сокрушаютъ меня. Для дворянина нѣтъ приличіе военной службы, а разстаться не могу. Вы сами знаете, каково материнское-то сердце. Жаль: чего не натерпятся-то тамъ: и холоду, и голоду, да еще не мудрено, что и головы свои положить. А дѣлать нечего: больше некуда опредѣлить.

Другая госпожа. Охъ, дѣти, дѣти! Дорого достаются своимъ родителямъ: роди, воспитай, да еще пошли, можетъ быть, на вѣрную смерть.

Лѣсинская я. Чтожъ дѣлать, Лизавета Артамоновна! Петръ Степанычъ хотѣлъ опредѣлить ихъ въ Московскій университетъ. да ужъ я настояла, чтобы оставить дома.

Третья госпожа. И, помилуйте, дѣло ли это? На что похоже? Прилично ли дворянину учиться въ этихъ школахъ, которыя набиты разночинцами, и семинаристами, и мѣщанами, и отлученниками, и всякимъ сбродомъ и вслякой сволочью?

Первая госпожа. То-ли дѣло, какъ держать дѣтей при себѣ-то. За глазами-то и научатся Богъ знаетъ чему, пожалуй и Бога-то забудутъ.

Третья госпожа. Да и чему учать-то въ этихъ универси-

татахъ?—безбожію, разврату, да и только. Я знала одного эдакаго ученаго. Человѣкъ не старше двадцати пяти лѣтъ, а представь себѣ, какой нравственности: смѣялся надъ постами, презиралъ дворянствомъ, чинами, поносилъ стряпчаго Андреева, который схватилъ крестикъ и за то, что прокуроръ объ немъ постарался, подарилъ ему три тысячи золотомъ. Вотъ каковы эти развратные ученые!

Федоръ Максимовичъ. Да въ чему это ученье? Мы и наши отцы не учились, а всегда были съ кускомъ хлѣба. Слава Богу, не хуже ученыхъ-то жили, да еще иной ученый-то поклонится нашему брату, чтобы посадилъ его за свой столъ.

Четвертая госпожа. Да не низость ли учиться дворянину въ какомъ-нибудь университетикѣ, гдѣ какой-нибудь профессоръ, мѣщанскаго происхожденія, будетъ съ нимъ обходиться безъ должнаго уваженія? Да, опять, стоятъ ли эти пустыя науки того, чтобы дворянинъ ими занимался? Другое дѣло французскій языкъ: безъ него, какъ безъ рукъ.

Всѣ. Да, да, правда, истинная правда!

Лѣсинская. Вотъ недалеко сказать, теперь хоть бы Томиинъ: учился въ университетѣ и чему выучился? Одному злорѣчію. Этотъ человѣкъ—настоящій ехидный змѣй: только знаетъ, что поднимаетъ всѣхъ на смѣхъ. Право, еслибы онъ не занималъ таковаго мѣста, я бы его за ворота не пустила въ себѣ, да пригодиться можетъ.

Андрей и Петръ (*Подбывая съ торопливостію къ своей матери, кричатъ ей въ одинъ голосъ запыхавшись*). Ахъ, маменька! Князь пріѣхалъ, князь пріѣхалъ!

Лѣсинская. Неужели? Ахъ, Боже мой!... (*Съ поспѣшностію идетъ въ залу и встрѣчаетъ князя*).

Князь (*подходя къ ней къ рукѣ*). Наконецъ я опять имѣю счастье въ собственномъ вашемъ домѣ свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, мою преданность, мою готовность къ вашимъ услугамъ. Ахъ! я было и забылъ! Честь имѣю поздравить съ именинницею.

(*Кланяется Андрею и Петру и дружески пожимаетъ ихъ руки, поздравляя съ именинницей*).

Лѣсинская (*съ восторгомъ удовлетвореннаго мелочнаго самолюбія*). Ахъ, князь, я не нахожу словъ благодарить васъ за ваше расположеніе къ нашему дому. Прошу покорно въ гостиную. (*Князь, вошедши въ гостиную, со вѣтми раскланивается и, при*

входъ его, всѣ съ величайшимъ подобострастіемъ отъпочають на его поклоны). Сонюшка, вотъ князь! рекомендую тебѣ его.

Князь (*пораженный красотой Софьи, съ щегольскими ухватками подходитъ къ ней къ рукѣ*). Честь имѣю поздравить васъ, сударыня, со днемъ вашего ангела; къ этому я могъ бы пожелать вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, ежели бы вы не имѣли ихъ.

Софья (*насмѣшливо*). Прекрасный комплиментъ! Благодарю васъ за него.

Князь (*смущенный ея словами и холодностію*). Извините меня, я виноватъ: при взглядѣ на васъ должно удивляться, а не говорить.

Софья. Еще лучше.

Лѣсинская. Князь! Прошу покорно садиться, сдѣлайте милость. Что вы въ намъ такъ поздно изволили пожаловать? Я устала, ждавши такого дорогаго гостя.

Князь. О, слишкомъ много чести! Я былъ задержанъ кое-чѣмъ.

Лѣсинская. Ахъ, я и позабыла приказать подать вамъ кофе!

Князь. А гдѣ же Сидоръ Андреевичъ!

Лѣсинская. Чего!—его у меня отбили, да и только; никакъ не могу залучить въ себѣ. Нѣтъ, теперь ужъ не буду такъ проста: изъ рука не выпущу.

Князь. Ахъ, Лизавета Андреевна! вы настоящимъ сокровищемъ владѣете. Что это за человѣкъ такой! ужъ подлинно, что святой.

Всѣ. Да, онъ, точно, имѣетъ въ себѣ что-то такое святое.

Являются Томины и Сурскій; Лѣсинская, увидя ихъ, идетъ къ нимъ на встрѣчу.

Томины. (*Подходя къ ея рукѣ*). Здравствуйте, Лизавета Андреевна; съ имениницей честь имѣю поздравить. Вотъ рекомендую вамъ моего пріятели, Алексѣя Петровича Бурина; онъ дворянинъ; живетъ въ саратовской губерніи и имѣетъ шесть сотъ душъ. (*Сурскій, едва удерживая смѣхъ свой, въжливю кланяется и подходитъ къ рукѣ*.)

Лѣсинская. Ахъ, очень рада. Чувствительно благодарю васъ, Николай Ивановичъ, за доставленіе такого прекраснаго знакомства. Садитесь прошу покорно. (*Оглядывается*). Ахъ, и кресель-то нѣтъ; люди всѣ точно разбѣжались и приказать некому. (*Бѣжитъ въ залу, несетъ, захвативши отъ поспѣшности и усталости, кресла и проситъ Сурскаго садиться*).

Сурскій. *(Съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха)*. Напрасно изволите трудиться; поворно васъ благодарю.

Томинъ. Позвольте мнѣ представить моего друга Софьѣ Петровнѣ.

Лѣсинская. Она вѣрно ушла съ барышнями въ свою комнату. *(Является множество лакеевъ; одни изъ нихъ на огромныхъ подносахъ несутъ варенья, конфекты, къ которымъ барышни сыплются со всѣхъ сторонъ; другіе разставляютъ столы для карточной игры; вдали раздаются звуки настраиваемыхъ музыкальныхъ инструментовъ. Лѣсинская съ колодою картъ хлопочетъ о составленіи партіи, и вскорѣ на трехъ столахъ садятся за карты)*.

Лѣсинская. Вамъ, князь, не угодно ли въ вистигъ?

Князь. Нѣтъ-съ, поворно васъ благодарю.

Лѣсинская *(обращаясь къ Сурскому и Томину)*. А вамъ-съ?

Томинъ. Насъ также увольте...

Лѣсинская. *(Улыбаясь)*. Вѣрно, потанцовать хочется.

(Музыканты начинаютъ играть польскій; кавалеры амбажируютъ дамъ и начинаютъ ходить съ ними чрезъ юстиную во енютреннія комнаты, откуда возвращаются чрезъ коридоръ въ залу, идъ, перемѣнивши дамъ, снова начинаютъ ходить. Игроки шумятъ, спорятъ, разговариваютъ. Лакеи безпрестанно мелькаютъ; одни изъ нихъ снимаютъ со свѣчъ, другіе разносятъ десертъ, чай, вина, закуски, лимонадъ, аршадъ и проч. Наконецъ музыка умолкаетъ, танцы прекращаются; нѣкоторые изъ танцовавшихъ мужчинъ уходятъ, другіе остаются въ залѣ съ барышнями, изъ которыхъ нѣкоторыя отдыхаютъ на стульяхъ, обмахиваясь вѣерами, другія ходятъ попарно; множество взадъ и впередъ бѣгающихъ маленькихъ дѣтей довершаютъ эту картину).

Лѣсинская *(сидя въ Сурскаго)*. Вы живете въ самомъ Саратовѣ?

Сурскій. Нѣтъ-съ, мои помѣстья находятся въ уѣздѣ одного городка Саратовской губерніи.

Лѣсинская. По крайней мѣрѣ, часто въ немъ бываете?

Сурскій. Нѣтъ, я больше живу въ Москвѣ и пріѣхаль сюда повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ.

Лѣсинская. Вѣрно, ищите въ Москвѣ невѣсть? Тамъ много ихъ, однако я никакому молодому человѣку не посовѣтовала бы жениться въ Москвѣ: не мудрено обмануться; то ли дѣло въ губерніи!

Князь. Вы совершенно правы, Лизавета Андреевна, языкомъ

вашимъ управляетъ сама мудрость. (*Льсинская отъ удовольствія вѣтъ себя; Сурскій отворачивается и смѣется.*) Вы, конечно, согласны съ ихъ мнѣнiемъ?

Сурскій. О, само собою разумѣется: можно ли сравнить этихъ вѣтренныхъ, разсѣянныхъ Москововъ съ кроткими обитательницами кроткихъ сель?

Льсинская. Истинная правда.

Князь. Какая можетъ быть нравственность въ дѣвушкѣ, которая позволяетъ мужчинѣ объясняться съ собою въ любви и даетъ ему слово выдти за него замужъ! А въ Москвѣ всегда такъ дѣлается.

Льсинская. Ахъ, неужели, князь? Скажите, какой развратъ! Впрочемъ, я думаю, что такъ только дѣлаютъ знатные и богатые женихи,—ну, а ихъ можно въ этомъ извинить.

Князь. Оно такъ, ваша правда; однако надобно въ такихъ случаѣхъ сдѣлать предложенiе родителямъ, а когда они дадутъ слово, тогда уже, я думаю, не нужно будетъ спрашивать согласiя у невѣсты: ибо всякая благовоспитанная дѣвушка никогда не будетъ противиться родителямъ, зная, что они не пожелаютъ зла.

Льсинская. Ахъ, князь, вы восхищаете меня! Вотъ истинная нравственность!...

Князь. Я, сударыня, русскій, и слѣдовательно долженъ любить и уважать русскiе обычаи.

Льсинская. Прекрасно, справедливо! Ваши слова, князь, дѣлаютъ вамъ честь. Можетъ послѣ этого какая мать отказать вамъ въ рукѣ своей дочери? И какая дѣвушка не польститесь этою парпiею! (*Софья, которая внимательно слушала весь этотъ разговоръ, уходитъ въ залу и въ задумчивости садится въ углу оной. Князь, съ легкостью зефира, подбѣгаетъ къ ней, и Льсинская смотритъ на него съ улыбкою самодовольствiя.*)

Князь. Вы такъ задумчивы, такъ печальны, и эта унылость такъ возвышаетъ эти прелести!...

Софья (*холодно*). Князь, сдѣлайте милость, оставьте эти комплименты у себя и поберегите ихъ для кого-нибудь другаго.

Князь (*принуждая себя улыбнуться*). О, сударыня, какъ вы жестоки! Неужели вамъ нельзя говорить правду, не опасаясь навлечь на себя вашего гнѣва?

Софья. Ахъ, князь, какъ вы расточительны на комплименты! Хотя вы и большой почитатель русскихъ обычаевъ, а видно не знаете этой пословицы: *береги денежку на черный день.*

Князь. Насмѣшница! Ежели это вамъ не нравится, то я повинуюсь. Софья Петровна, позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Я люблю одну барышню, прекрасную, какъ ангелъ, или, лучше сказать, какъ вы самі, люблю ее больше жизни и...

Софья. Точно, вы меня хотите сдѣлать повѣренной вашей любви. О, слишкомъ много чести!

Князь. Жестокая! Этотъ ангелъ, это божество, которое плѣнило меня съ перваго взгляда—есть вы! Отвѣчайте: жизнь или смерть?

Софья. Ха! ха! ха! Какое пышное поэтическое объясненіе!.. Послушайте, князь: какая можетъ быть нравственность въ дѣвушкѣ, которая позволяетъ объясняться съ собою въ любви? Опять, кажется, въ вашихъ глазахъ согласіе дѣвушки ничего не стоитъ?

Князь (*смѣшавшись*). Но... вы сами согласитесь, что иногда, хотя по наружности необходимо нужно уважать мнѣнія тѣхъ людей, отъ которыхъ нѣкоторымъ образомъ зависитъ наше счастье...

Софья. О, ваши правила преблагородны и вмѣстѣ превыгодны! Впрочемъ, князь, ежели я слушала васъ спокойно, то почитайте это за шутку, равно какъ и ваше объясненіе. (*Вдругъ заиграли вальсъ и всѣ начинаютъ танцовать; наконецъ Сурскій беретъ Софью: пройдя съ нею нѣсколько круговъ, они сходятся въ углу залы; вальсъ скоро оканчивается и всѣ уходятъ въ гостиную*).

Сурскій. Сударыня, мнѣ нужно съ вами поговорить объ одномъ важномъ для васъ дѣлѣ. Вы удивлены? Я другъ Дмитрія Калинина, извѣстнаго вамъ человѣка, и знаю все...

Софья (*блѣднѣетъ и дрожитъ*). Ужасный человѣкъ! Что вы хотите дѣлать?...

Сурскій. Спасти васъ обоихъ. Для этого осталось одно только средство и, ежели вы умѣете любить истинно, то должны на оное рѣшиться.

Софья. Но какое средство?...

Сурскій. Время дорого. Ежели вы пропустите благопріятную минуту, то все пропало. Вамъ должно обвиняться съ нимъ.

Софья. Но гдѣ и когда?

Сурскій. Когда опять начнутся танцы, вы должны тихонько скрыться отсюда и вмѣстѣ со мною и Томинымъ ѣхать со мною въ церковь, гдѣ васъ ожидаетъ Дмитрій и священникъ,—понимаете?...

Софья. Боже мой! Ахъ, да это ужасно! Но онъ гибнетъ, я его люблю, итакъ согласна на все. (*Уходитъ; Сурскій также идетъ въ гостиную, гдѣ происходитъ прекуръзный разговоръ*.)

Лѣсинская. Я была настоящею мученицею. По милости моего муженька формально не имѣла воли. Представьте себѣ: онъ заставлялъ меня обѣдать за однимъ столомъ съ лакеемъ, содержалъ этого мерзавца, какъ своего сына, позволялъ ему дѣлать всякія вольности: говорить со мною, съ сыновьями!..

Одна изъ господъ. Да, это ужасно. Гдѣ же теперь его фаворить?

Лѣсинская. Въ Москвѣ изволить поживать. Не знаю, зачѣмъ онъ его послалъ туда. Да вотъ скоро вышлютъ оттуда. (*Входятъ Софья и Рудина.*)

Князь. Да, вашъ покойный мужъ былъ престранный человѣкъ.

Рудина (*взглядываетъ на князя, блѣднѣетъ, трепещетъ и въ ужасъ вскрикиваетъ*). Боже мой, князь Мансуревъ!

Князь (*вглядываясь въ Рудину*). Что это значитъ?... Какимъ случаемъ?... Еще жива?... (*Опомнившись*). Но... сударыня, вы шутите что-ли?... Почему вы превращаете меня въ другую фамилію и дѣлаете видъ, что я вамъ былъ когда-нибудь знакомъ?..

Рудина (*въ изступленіи*). Ахъ, я знаю тебя, слишкомъ коротко знаю, ужасный человѣкъ!..

Сурскій. А! Старые знакомцы! Очень радъ! Но... какимъ образомъ?... Марія!... Рудина!... Это ты ли?... Узнала ли меня?..

Рудина. Сурскій, это ты! Всѣ, какъ нарочно, собрались сюда, чтобы мучить меня!.. Ахъ!.. (*Упадаетъ въ обморокъ; все приходитъ въ смятеніе: игроки бросаютъ свои карты; всѣ обступаютъ кругомъ Сурскаго и князя и смотрятъ на нихъ съ удивленіемъ; Рудину же, между тѣмъ по приказанію Софьи, выводятъ*).

Сурскій (*къ князю*). Итакъ, это вы тотъ благородный человѣкъ, который, подъ ложнымъ именемъ, какъ хитрый змѣй, умѣлъ обольстить невинность и добродѣтель и лишить меня моего рая?... Князь, я было все забылъ, но ваше имя, нечаянная встрѣча съ нею слишкомъ живо напомнили мнѣ прошедшее (*пожимаетъ его руку*). Милостивый государь, мнѣ нужно кое о чемъ объясниться съ вами наединѣ! Вы, безъ сомнѣнія, понимаете...

Лѣсинская. Что тутъ за чудеса такія происходятъ? Какъ? Въ моемъ домѣ такія соблазнительныя исторіи! Падаютъ въ обмороки, грозятъ князю—и я должна сносить это? Растолкуйте мнѣ, что все это значитъ? Развѣ я не хозяйка въ дому моемъ?

(*Въ дверяхъ замѣчается Дмитрій и быстрыми шагами подходитъ къ истинной; его всклокоченные волосы, посинѣвшія, дрожащія губы, его глаза, налившіеся кровью, пылающіе неистовымъ*

онемъ, странныя движенія показываютъ явное помъшательство ума и какую-то ужасную рѣшительность. Черный, измоченный плащъ небрежно покоится на его плечахъ. Удивленное и пораженное его видомъ собраніе высыпаетъ изъ юстиной въ залу и, не дошедши къ нему, съ ужасомъ отступаетъ назадъ и, ставши около него полукругомъ, хранитъ глубокое молчаніе).

Дмитрій (съ дикою улыбкою и блуждающими взорами). Здѣсь раздаются клики радости; сюда стеклись счастливыя дѣти невѣжества, чтобы шумными, бессмысленными удовольствіями праздновать свои пиршества!.. Они веселы; они счастливы; а тамъ въ четырехъ скучныхъ, скучныхъ стѣнахъ добыча отчаянія тщетно ожидала прекращенія своихъ бѣдствій!.. Тщетно ожидалъ я своего друга, который рѣшился спасти меня. Вѣрно, онъ сдѣлался жертвою своего великодушія, подумалъ я—и очутился здѣсь. (*Въ изнеможении бросается на стулъ.*) Ахъ, какъ выпѣла моя кровь! Ручьи дождя прохлаждали меня немного, и я, съ засохшими устами, жадно ловилъ живительную влагу. (*Посль краткою молчанія.*) Да, я былъ на славномъ балѣ, я слушалъ прекрасную музыку!.. Тамъ въ лѣсу, гдѣ бушуетъ вѣтеръ, гдѣ онъ со свистомъ врутитъ нагія деревья, тамъ было темно, мрачно, но отрадно и весело. Около деревни, когда я проходилъ кладбищемъ, псы, увидя меня, страшно завывали, а на старой колокольнѣ стонала сова. Ахъ, какъ весело отдавалась въ ухахъ моихъ эта ночная музыка!.. Я трепеталъ отъ сладостнаго восторга. Во мракѣ, на гробовомъ камнѣ сидѣла какал-то тѣнь, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, саванѣ и махала мнѣ рукою, чтобы я воротился; но я еще быстрѣе пошелъ впередъ, сопровождаемый ея глухими стenanіями, отъ которыхъ волосы мои стали дыбомъ, зубы ужасно заскрежетали! (*Стремительно вскакиваетъ; окружающая его толпа, которую онъ окидываетъ мрачнымъ взоромъ, со страхомъ отхлынула назадъ.*) Глупцы! Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Или я кажусь вамъ непонятнымъ? Для чего умоляли эти шумные клики радости, эти громкіе звуки музыки? Для чего прервалась эта суетливость,—эта стихія ничтожныхъ душъ? Неужели мое присутствіе водворило здѣсь ужасъ и отчаяніе?.. Или мой взоръ, какъ голова Горгоны, превратилъ васъ въ камни?.. А! я упалъ среди васъ, какъ громъ небесный. (*Дико хохочетъ.*) Ха!.. ха!.. ха!.. Бѣдные, какъ они жалки!.. (*Опять бросается на стулъ и покрываетъ лицо руками.*)

Сурскій. Боже мой! Одно къ одному! Безумецъ! онъ погибъ навсегда.

Дмитрій. Зачѣмъ очутился я здѣсь? Неужели для того, чтобы прервать игры дѣтей?.. (*Увидѣвъ нечаянно Софью, которая съ выраженіемъ дикой радости и ужаса быстро смотрѣла на него, въ трепетъ.*) А! вспомнилъ: я пришелъ требовать мое небо! Софья! Я здѣсь!.. (*Бросается къ ней, влечетъ ее на средину залы и крѣпко сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ.*) Итакъ, ты опять въ моихъ объятіяхъ, существо неземное, красота божественная!.. Кто теперь можетъ вырвать тебя изъ моихъ рукъ?.. О, прижмись крѣпче къ этому сердцу, къ этому храму любви, который вмѣщаетъ тебя въ себя. Софья! желала ли бы ты назвать меня твоимъ супругомъ?..

Софья (*въ ужасномъ волненіи, въ сильномъ замѣшательствѣ*). Такъ, Дмитрій, я не постыжусь даже и передъ этими людьми назвать тебя другомъ моей души, хотя они и не поймутъ меня!.. Но ты ужасенъ, какъ ночное привидѣніе. Ахъ, я не могу безъ трепета смотрѣть на тебя, меня палитъ твое дыханіе... Дмитрій! для насъ на землѣ нѣтъ болѣе блаженства!..

Дмитрій. Какъ, и въ моихъ объятіяхъ ты можешь говорить о злополучіи?.. И, глядя на этихъ бессмысленныхъ тварей, ты можешь называть себя несчастною,—ты, въ душѣ которой горятъ искры огня небеснаго?.. Софья, для чего такое униженіе?.. и передъ кѣмъ же?..

Софья. Такъ; но эти люди не дадутъ намъ болѣе блаженства на землѣ.

Дмитрій. И ты еще не научилась презирать землю, которой не знала? Или ты забыла, что и на сей самой землѣ нашимъ отечествомъ было небо? Что могутъ сдѣлать намъ эти люди?—разлучить съ землею, навсегда соединить съ небомъ. (*Обращаясь къ толпѣ.*) Существа ничтожныя! Видите ли вы этого ангела? Можете ли оцѣнить его? Рабы суеты! Видите ли, какъ небрежно рассыпаются ея прелестные лобоны на груди моей? Чувствуете ли, какъ упоительно ея дыханіе, какъ сладострастно ея присутствіе, какъ огненны ея объятія? Неужели вы, видя ее въ восторгѣ умирающую въ моихъ объятіяхъ, еще можете не признать меня полубогомъ? Жалкіе слѣпцы!.. Софья! когда же поймутъ насъ!.. (*По залѣ раздается шопотъ: „онъ сумасшедшій, онъ съ ума сошелъ; его надобно схватить, посадить на цѣпь“.*)

Лѣсинская (*какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна*). Боже мой! Что это такое значить? Мою дочь, при всемъ собраніи, въ моихъ глазахъ, смѣетъ обнимать мой лакей! Разбой, явный разбой, денной разбой!.. Андрей, Петруша! Что вы стоите, какъ осто-

бенѣлые? Али не видите, что дѣлають съ вашею сестрою? Али вы не понимаете, что нашъ домъ обезчещенъ, опозоренъ? Безъ языка что ли вы?

А н дре й. Да, чортъ возьми, это превосходная картина! Нашу сестру, при нашихъ глазахъ, обнимаетъ нашъ лакей; и она ему позволяет это дѣлать съ собою!.. Всѣ стоятъ, разина ротъ, и, не говоря ни слова, любятъ этимъ зрѣлицемъ! Эй, люди! сюда! Несите веревки, кандалы, цѣпи! Эй, скорѣе! *(Сбѣгается толпа слугъ; Дмитрій сажаетъ на стулъ полумертвую Софью, гордо и презрительно смотритъ на слугъ, которые не рѣшаются напасть на него.)* Что же вы, болваны, али ослѣпли? Схватить его...

Д м и тр і й. Какъ! Что такое? У меня хотятъ отнять то, что для меня дороже жизни, чести, безсмертія? Безумцы! Неужели вы думаете, что этотъ прелестный цвѣтокъ взрощенъ для васъ? Неужели вы думаете, что хотя одинъ изъ васъ достоинъ владѣть имъ?.. Ха! ха! ха! Глупцы! Я, только одинъ я могу наслаждаться его ароматическимъ запахомъ; онъ обовѣется около меня, какъ гибкая, нѣжная павилика около величаваго кедра. И самые грома не отторгнутъ ее отъ меня. *(Слуги стоятъ въ нерѣшимости, какъ бы удерживаемые сверхъестественною силою.)*

А н дре й *(отъ ярости топая ногами)*. Скоты! И вы боитесь подойти къ такому же рабу, какъ и вы сами!..

Д м и тр і й *(задыхаясь и трепеща отъ сильнаго бѣшенства)*. Рабъ, рабъ... и это слово опять раздается въ моихъ ухахъ?.. Гнусное животное! И ты осмѣлился произнести мнѣ это? О, ты дорого заплатишь мнѣ за него! Тебя не спасетъ отъ моего мщенія ни твое дворянство, ни твои крестьяне, ни даже самое твое ничтожество! Это слово давно уже воспалило въ душѣ моей жестокую жажду; твоею клокочущею кровью я утолю ее!.. И это презрѣнное животное назвало меня рабомъ, и оно еще живо, еще дышетъ! *(Бросается къ Андрею и, схвативши его за грудь, съ неистовствомъ треплетъ, скрежеща зубами.)* Несчастнѣй, знаешь ли ты, что въ сію самую минуту обращу тебя въ прахъ, разорву твое сердце на милліоны частей, вытану изъ него твою низкую душонку!.. Знаешь ли ты, что за эти слова эти торжественныя лампы превращу въ погребальныя факелы!.. Или повтори мнѣ ихъ, или у ногъ моихъ проси прощенія... Я знаю, ты, для спасенія своей жизни, въ состояніи рѣшиться на это. А не то...

Со ф ѣ я. *(бросаясь между ими)*. Дмитрій! И ты хочешь убить моего брата?... Злодѣй!..

Дмитрій (сз силою отталкивая отъ себя Андрея). Софья! и ты можешь вступаться за этого подлеца, который въ одну секунду вонзилъ въ мое сердце тысячи винжаловъ?.. И ты можешь обвинять меня, — ты, которая, влялась мнѣ имѣть одву душу, одно сердце. одни желанія, одни мысли?... Женщина! Ежели я въ ярости, то и ты неистовствуй! ..

А н д р е й. Долго-ли это будетъ продолжаться? (Бросается къ нему и схватываетъ его за грудь.) Стой, рабъ!...

Д м и т р і й (громовымъ задыхающимся отъ злости голосомъ). Рабъ! опять рабъ!... (Сз силою отталкиваетъ его отъ себя, выхватываетъ изъ кармана пистолетъ, взводитъ курокъ: выстрѣлъ раздается и бездыханный Андрей, сз прострѣленною грудью, падаетъ въ дверяхъ гостиной). Теперь называй меня рабомъ! повелѣвай мною, если можешь... (Софья упадаетъ въ обморокъ; женщины безъ памяти бѣгутъ по залу, испуская вопли; мужчины приказываютъ подать экипажи и вскорѣ большая часть присутствовавшихъ исчезаетъ. Дмитрій подходитъ къ убитому и безмолвно, подобно привидѣнью, стоитъ предъ нимъ, держа въ рукѣ пистолетъ.)

Лѣ син с к а я (упавши на колѣна предъ трупомъ). Мой сынъ!... Ахъ!... Онъ застрѣленъ!.. Андрюша, милый Андрюша! Встань! Боже мой! Разбой!... Злодѣйство! Велите объявить, пошлите въ городъ... Ахъ, въ глазахъ темнѣеть! Я умираю безъ покаянія! (Упадаетъ безъ чувствъ.)

Д м и т р і й (ужаснымъ громовымъ голосомъ). Убийца!... Убийца!... Горе тебѣ, горе!.. О, что ты сдѣлалъ?.. Взгляните сюда и удивляйтесь дѣламъ моимъ! Вотъ лежитъ юноша, убитый мною за одно слово; возлѣ его полумертвая, безотрадная мать, а тамъ его сестра, моя любовница... ха! ха! ха! Торжествуйте, адскіе духи: я приготовилъ для васъ превеселое пиршество! (По нѣкоторомъ размышленіи.) Но я сдѣлалъ должное. Этотъ безразсудный юноша достоинъ былъ большаго наказанія: онъ осмѣлился меня назвать своимъ рабомъ! Рабомъ!... И я за это слово сдѣлалъ съ нимъ не больше, какъ только убилъ его?.. Убилъ?.. Слѣдовательно я убійца?.. Убийца!.. О, какъ ужасно это слово! Оно потрясаетъ мою душу... Какъ, неужели я за одно слово лишилъ жизни существо, подобное мнѣ?.. Какое имѣлъ я на это право?.. Мщеніе! мщеніе! Мысль о тебѣ такъ сладостна, такъ отрадна, а слѣдствія такъ гибельны, такъ ужасны! Безумецъ! Я хотѣлъ этимъ горькимъ, ядовитымъ питіемъ утолить мучительную жажду мщенія, и она превратилась въ огненный тартаръ, который въ миллионъ разъ ужаснѣе терзаетъ меня!.. (Сз ужасомъ глядитъ

въ двери залы.) Но кто приближается ко мнѣ? Ба, это та самая тѣнь, которая давеча на гробовомъ камнѣ воспрещала моему гибельному ходу! Это тѣнь моего благодѣтеля: мое злодѣйство вызвало его изъ мрачной могилы... Смотрите, съ какою ужасною улыбкою онъ благодаритъ меня за мое дѣло! О! прочь отъ меня привидѣніе съ сѣдыми локонами, не терзай своимъ присутствіемъ несчастнаго!.. Смотрите: цѣлая толпа фѳурій сопровождаетъ обитателя могилы. Какимъ грознымъ, зловѣщимъ блескомъ онъ озаряетъ картину убійства! Какъ ужасно потрясаютъ они своими факелами! Боже! Они стремятся на меня, они гонятся за мною; они хотятъ растерзать меня своими бичами, разорвать своими желѣзными когтями. *(Въ изступленіи бѣгаетъ по залѣ.)* О! защитите меня отъ нихъ! Сурскій, куда ты скрылся? Спаси своего друга! *(Въ изнеможеніи бросается въ кресла и закрываетъ руками лице; по нѣкоторомъ молчаніи говоритъ.)* Гдѣ они? гдѣ эти адскіе посѣтители? Они скрылись, они не могли сносить моего присутствія... Слава, мнѣ слава!.. Самъ адъ ужасается меня! *(Тихонько подходитъ къ убитому.)* Тсъ... тише... онъ спитъ!.. Пощупайте, какъ сильно бьется его сердце! *(Щупаетъ, и съ ужаснымъ крикомъ отскакиваетъ отъ трупа, смотря съ содроганіемъ на свои руки.)* Кровь!.. кровь!.. Мои руки обагрены кровью! Ахъ, какъ горяча она, какъ жжетъ ихъ!.. *(Подходитъ къ Софьѣ и держитъ ее за руку.)* Пробудись, несчастная! *(Софья открываетъ глаза и съ ужасомъ смотритъ на него.)* Софья, пора! Все готово! Видишь-ли: двери храма отворены, сѣдой священникъ стоитъ у наоя. Твой отецъ и твой братъ будутъ свидѣтелями нашего брака; ихъ товарищи, жители могилъ, пѣвчими,—иди! Окровавленной рукою повлеку тебя къ алтарю брачному.

Софья. Убійца, оставь меня! Ты въ крови моего брата, ты ужасенъ! Ахъ, оставь меня! *(Опять повергается въ безчувствіе.)*

Дмитрій. „Убійца, оставь меня“! сказала она мнѣ. Такъ меня ужасаются и духи злые, и ангелы небесные. *(Осматривается кругомъ.)* Здѣсь нѣтъ никого, всѣ исчезли: я одинъ. Что остается мнѣ въ моемъ положеніи? Бѣжать?.. Куда?.. Въ лѣса, въ дебри, гдѣ воютъ голодные звѣри, гдѣ свистятъ бурные вѣтры? Но развѣ тамъ не найдутъ меня полночные посѣтители?.. Итакъ, вотъ предѣлъ моего поприща, вотъ конецъ моихъ надеждъ! Врата неба для меня закрыты; ихъ стережетъ этотъ юноша! Я—добыча ада! Судьба, торжествуй: ты сыграла со мною дьявольскую шутку! Торжествуйте и вы, обитатели мрачнаго тартара; улыбайтесь мнѣ, какъ своей жертвѣ!... Вотъ жизнь человѣка!.. Вотъ удѣлъ его!.. Вотъ для чего

онъ созданъ... (*Бросаетъ пистолетъ*). Убийственное оружіе! Ты пусто, ты не можешь прекратить моихъ страданій. (*Подходитъ къ Софьѣ*). Вотъ та, которая привязывала меня къ жизни и соединяла съ небомъ!.. Могу ли обнять ее руками, обагренными кровію ея брата?.. О, да будетъ проклятъ и часъ моего зачатія, и часъ моего рожденія! Да будетъ проклятъ и тотъ, кто далъ мнѣ эту бѣдственную жизнь! Духи адскіе, возьмите свою добычу, схватите свою жертву, влеките ее въ свои мрачные вертепы, гдѣ обидаетъ горестъ, отчаяніе и мученія вѣчныя! (*Упадаетъ безъ чувствъ*).

Картина пятая.

Дѣйствіе въ деревнѣ Лѣсинской.

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья!..
Блаженство знать, къ нему летѣтъ душой,
Но пропасть зрѣтъ межъ имъ и межъ собой!
Желать всякъ часть, и трепетать желанья!..
Жуковскій.

Мѣсто сцены есть то самое, которое было въ предпоследней картинѣ.

Иванъ и Лиза.

Иванъ. Здравствуй, Лиза! Что новаго? Ахъ, все старое! Вотъ родимая, кто можетъ угадать, чтѣ впередъ будетъ? Мнѣ сдается, что кто ни взглянетъ на меня, хилаго старика, всякій молвитъ про себя: „ужъ пора бы старымъ костямъ-то и на мѣсто! что зря небо коптить!“ Анъ вотъ вышло не по ихнему: я и старыхъ-то и младыхъ-то пережилъ; недавно молился за упокой души Петра Степаныча, и всего-то не слишкомъ какъ мѣсяца черезъ три довелось нести гробъ его сына, молодца всего-то съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ. Не знаю, Лиза, какъ по тебѣ, а по мнѣ, такъ жаль Андрея Петровича! Пускай онъ къ нашему-то брату, холопу, куда былъ не привѣтливъ, а все вить и въ немъ душа-то была христіанская; вить и онъ молился одному съ нами Богу. Господи, отпусти грѣхи его!..

Лиза. Да, дѣдушка, умереть страшно, а коли ужъ нельзя миновать такой бѣды, такъ все легче умереть по христіански, а вить Андрей-то Петровичъ скончался безъ покаянія, какъ какой-нибудь басурманъ, отъ пули. И откуда только взялся Дмитрій Егоровичъ? И за что это онъ застрѣлил его? Ну, дѣдушка, вотъ страсть-то была: какъ онъ выпалилъ, я такъ и присѣла. Ты вѣдь видѣлъ?

Иванъ. Какъ же, какъ же, видѣлъ на бѣду мою. Чего, Лиза, какъ съ Марьей Миколавною попритчилось, я вить былъ въ залѣ. Глядь, вдругъ откуда ни возьмись Дмитрій Егорычъ, страшный, словно оборотень какой. Я инда насилу могъ распознать его. Идетъ, какъ пьяный; съ шинели течетъ дождь ручьями, волосы замочены; знать и шляпу-то забылъ и пошелъ такую околесную нести, что не только я не понималъ ни словечка, да и господа-то рты разинули. Какъ онъ схватилъ Софью-то Петровну, я такъ и обмеръ; отъ страха душа чуть не вылетѣла.

Лиза. Да ужъ и въ самомъ-то дѣлѣ, онъ больно смѣлъ не подѣ стать; на что похоже: вздумалъ обнимать при всѣхъ барышняхъ! *(Съ жеманной гордостію подпершись руками)* Да за это и наша сестра не больно влюбить; небось, какъ разъ, дастъ отказъ, какъ листъ.

Иванъ. Да ужъ объ смѣлости что и толковать: стало быть смѣлъ, когда не только что сталъ браниться съ Андреемъ Петровичемъ, да еще сцапалъ его за грудь и почалъ трасти; то-то молодость-то! И за что, подумаешь, больно разсердился? Эка бѣда! что назвалъ его рабомъ, такъ за это и надобно губить душу христіанскую? Я бы на его мѣстѣ за это и словечка не молвилъ. Нѣтъ, Лиза, знать лукавый подтолкнулъ его; вить онъ на это дѣло-то куда хитеръ, небось хотъ кого въ грѣхъ ввести.

Лиза. Нѣтъ, дѣдушка, все не то: видно, онъ не въ шутку съ ума сошелъ!

Иванъ. Жаль его, Лиза, крѣпко жаль. Онъ такой добрый, привѣтливый. Бывало, багюшка, все терпитъ. Его учнутъ ругать, а онъ уйдетъ въ свой уголокъ, да и горюетъ въ немъ потихоньку. Коль невзначай взойдешь, такъ вскочить со стула, утретъ слезы, да еще, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, станетъ смѣяться; нашъ же братъ досадитъ ему, а онъ за это, при нуждѣ, за нашего же брата постоитъ передъ бариномъ, да отъ бѣды отведетъ. Теперь, мой родимый, сгубилъ свою душеньку. Чай горячими слезами обливается въ тюрьмѣ.

Лиза. Знать, ужъ ему такъ на роду написано.

Иванъ. Чему быть, тому не миновать, знать такъ Богу угодно. Не знаю, какъ бы урваться въ городъ, да забѣжать къ нему въ тюрьму: отдать письмо бариново. Что, барышня соврушается чай да и только?

Лиза. Съ ней и Богъ знаетъ чтó дѣлается: она словно съ ума сошла. Глаза такіе красные, а ни одной слезинки не выронить,—

часто хохочетъ такъ страшно, что ужасъ слушать, такъ и подираетъ по кожѣ. То зачнетъ пѣть, то говорить сама съ собою, или въ глухую полночь вскочить съ постели и зачнетъ спорить, какъ будто съ Дмитріемъ Егорычемъ, или съ Андреемъ Петровичемъ. Бѣда, да и только, вить я въ ея комнатѣ сплю.

Иванъ. Барыня что-то поутихла: знать, почувала Божіе наказанье.

Лиза. Ты видѣлъ что-ли, какъ она вопила, какъ выносили сына-то? Насилу, насилу могли ее оттащить отъ могилы. Вотъ ужъ двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, а она все плачетъ да сокрушается.

Тѣ же и Лѣсинская.

Лѣсинская. Ну, такъ! Всегда вмѣстѣ: вишь какіе неразлучные! Господа почти помирають съ печали, а имъ и гора нѣтъ.

Иванъ. И, матушка, Лизавета Андревна, не берите грѣха на душу, не клепите на насъ зря. Видитъ Богъ, сейчасъ плакали о вашей бѣдѣ, словно объ своей.

Лѣсинская. Ужъ какъ бы не такъ! Можно вамъ повѣрить: станете вы жалѣть объ господскихъ несчастіяхъ; чать до смерти радехоньки. Проводи меня къ вечернѣ, а ты, Лизка, поди къ Сонюшкѣ; она, бѣдная, по братѣ-то съ ума сходитъ да и только. И что это съ ней сдѣлалось, что она позволила этому подлецу, разбойнику, обнимать себя, да еще называла его своимъ другомъ? Али она помѣшалась, али не разглядѣла его и подумала, что это князь. И то что Господь Марью-то Николаевну принесъ, а то бы бѣда. Вить только она одна умѣетъ обращаться съ Сонюшкою-то, а Сонюшка-то только одну ее и слушаетъ. (*Уходитъ съ Иваномъ.*)

Лиза. Знать, ужъ у господъ обычай таковой: хоть околѣй, ни въ чемъ не повѣрятъ своимъ слугамъ, какъ будто въ насъ не такая душа, какъ въ ихъ благородіяхъ. Чай у Бога-то всѣ равны. Здѣсь имъ хорошо повелѣвать нами, а на томъ-то свѣтѣ небось не такую затануть пѣсню. Кто-то идетъ? Ба, да это барышня съ Марьей Миколавной. (*Уходитъ.*)

Софья и Рудина.

Рудина. Ну, вотъ хоть здѣсь посидимъ. Бога ради, перестань тосковать.

Софья. Кто же тебѣ сказалъ, что я тоскую? Напротивъ, я очень весела: развѣ ты не знаешь, что я ожидаю къ себѣ дорогаго гостя? Ахъ, о чемъ, бишь, я хотѣла говорить съ тобою? Да, вспо-

мнила! Ты не досказала мнѣ своей исторіи. А гдѣ же Дмитрій? Что его нѣтъ здѣсь по сію пору? Или онъ явился ко мнѣ на одно мгновеніе, чтобы убить моего брата и вмѣстѣ съ нимъ и меня? (*Съ разстѣянностью смотритъ въ окно.*)

Рудина (*съ сторону*). Что мнѣ съ ней дѣлать? Онъ у ней изъ ума не выходитъ!..

Софья. Послушай: ты любила?

Рудина. Къ чему этотъ вопросъ? Ты, кажется, слышала отъ меня изъясненіе страннаго происшествія, которое случилось на роковомъ балѣ.

Софья. И ты думаешь, что ты любила истинно?

Рудина. Да, къ моему несчастію.

Софья. Нѣтъ, этому никакъ нельзя повѣрить. Любовь, эта божественная страсть, которая бываетъ удѣломъ только существъ возвышенныхъ, которая доказываетъ ихъ небесное происхожденіе, можетъ ли быть совмѣстна съ измѣною? Нѣтъ, ты не знала этихъ сладостныхъ минутъ, въ которыя человѣку всѣ предметы представляются въ другомъ видѣ, въ которыя грудь его волнуется темнымъ, отраднымъ чувствомъ неизъяснимаго блаженства,—этихъ минутъ, въ которыя человѣкъ смотритъ на небо, какъ на что-то знакомое, и душа его рвется къ нему! Другъ мой, въ эту эпоху жизни человѣка въ его груди горитъ пламя, которое онъ желаетъ сообщить всему существующему; и въ этомъ пламени душа его очищается отъ всего земнаго, суетнаго, какъ золото въ горнилѣ; въ эту эпоху онъ пламеннѣе, живѣе любитъ природу, потому что видитъ въ ней отраженіе своихъ чувствъ, видитъ символъ вѣчной любви. (*Плачетъ.*)

Рудина (*съ сторону*). Она плачетъ? Знакъ добрый! Видно, стала приходить въ разсудокъ; этимъ надобно воспользоваться. (*Вслухъ.*) Другъ мой! Человѣкъ есть странное созданіе: чтобы судить о какомъ-нибудь важномъ его поступкѣ, должно сперва узнать всѣ, даже малѣйшія, причины, заставившія его рѣшиться на оный, всѣ подробности, сопровождавшія его. Вспомни, что я была молода, неопытна, легкомысленна; вспомни, какую я имѣла мать, что я была обманута мнимою измѣною—и тогда суди!

Софья. Нѣтъ, не такъ люблю я! Еслибъ онъ и измѣнилъ мнѣ, то и страдать отъ него было бы для меня сладостно. Нѣтъ, моя любовь совсѣмъ не такова: я жертвовала своему любезному всѣмъ, чѣмъ только могла жертвовать. Для него забыла я, что у меня есть отецъ, мать, братья, что я отъ нихъ завишу, что моя любовь можетъ убить ихъ; въ его объятіяхъ я забыла даже самый стыдъ.

И теперь готова упасть въ нему на грудь, перелить въ уста его свою душу и прижать къ тоскующему сердцу ту руку, на которой дымитя кровь моего брата. Да, я смыла бы съ нея эти кровавыя пятна своими слезами. (*Дико оглядывается.*) Но что же онъ неидетъ ко мнѣ?.. Гдѣ онъ скрывается? Другъ мой, не мучь меня, Бога ради. Скажи мнѣ: гдѣ онъ? Какая участь его ожидаетъ? Не правда ли. вѣдь его казнили? Для чего жъ, жестокіе, не соединили меня съ нимъ? Развѣ они не знаютъ, что я не могу безъ него жить? (*Слышенъ звонъ колоколовъ. Софья схватываетъ за руку Рудину.*) Другъ мой! Слышишь ли? звонятъ, его хотятъ отпѣвать. Да нѣтъ: онъ преступникъ, его нельзя отпѣвать; его просто зарыли въ землю. Пойдемъ скорѣ!

Рудина. Куда?

Софья. Искать его могилу: я хочу умереть на ней. Воздухъ ее окружающій, очарователенъ, сладостенъ; я думаю, вся окрестность дышетъ чѣмъ-то святымъ.

Рудина (*въ сторону*). Ну, опять понесла! Когда это кончится? (*Вслухъ.*) Послушай, Софья, кто же сказалъ тебѣ, что онъ умеръ?

Софья. А гдѣ же онъ?

Рудина. Онъ скрылся съ своими друзьями и его не могутъ найти.

Софья. А что давеча за обѣдомъ говорила моя мать и братъ! Нѣтъ, ты меня не обманешь; я все знаю: онъ сидитъ въ тюрьмѣ: онъ оруженъ толпою воровъ, убійцъ, ха! ха! ха! Дмитрій въ тюрьмѣ! Что, обманула меня? Нѣтъ, я все знаю—и нынче непременно пойду къ нему; ему со мною будетъ весело; мы обнимемъ другъ друга. вздохнемъ сладостно, и мгновенно оставимъ эту бѣдную землю.

Рудина (*въ сторону*). Часъ отъ часу лучше! Какъ-бы мнѣ обмануть ее? (*Вслухъ.*) Не вѣрь имъ, Софья; они обманываютъ тебя. а не я. Ты знаешь, что они не любятъ Дмитрія и потому утѣшаютъ себя мыслию, что онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Софья. Такъ онъ скрылся. (*Подумавъ.*) Опять поймала! Неужели Дмитрій рѣшится убѣжать отъ своей Софьи, чтобы спасти свою жизнь? Ха! ха! ха! Нѣтъ, голубушка, я знаю его! Нѣтъ, меня не скоро обманешь. Вишь, какая услужливая!

Рудина. Онъ, можетъ быть, и не скрылся, да его увезли въ то время, когда онъ былъ безъ чувствъ.

Софья. Кто же увезъ его?

Рудина. Его друзья.

Софья. Да это тотъ, что совѣтывалъ мнѣ на балѣ тайно об-

вѣнчаться съ Дмитріемъ и предлагалъ мнѣ свои услуги въ разсужденіи этого дѣла? Онъ, кажется, человѣкъ благородный?

Рудина (*съ удивленіемъ*). Ба, да я этого еще не знала! Кто жъ бы это былъ? Ужъ не Сурскій ли?

Софья (*съ досадою*). Да тотъ самый, котораго привезъ къ намъ Томинъ. Эхъ, какая недогадливая! Ну, да тотъ, при взглядѣ на котораго ты упала въ обморокъ.

Рудина (*тихо*). Понимаю.

Софья. Вѣрно, онъ любилъ тебя?

Рудина. Да, онъ самый. Подлинно, душа благородная, и теперь для меня потерянь навсегда. Этотъ князь... твой женихъ... низкій человѣкъ!.. онъ и моимъ женихомъ назывался...

Софья. Какъ! Такъ меня хотѣли выдать за этого-то всесвѣтнаго жениха! (*Смѣется.*) Ну, подлинно, что завидная партія. (*Подумавъ.*) Ахъ, какъ мнѣ грустно! Дмитрій что-то долго не идетъ. Вѣрно, онъ утомился дальностію дороги. Но, несмотря на это, онъ все-таки скоро придетъ. Ждать скучно, а дѣлать нечего. Послушай: расскажи мнѣ что-нибудь.

Рудина. Что же рассказать тебѣ?

Софья. Да что-нибудь. Ну, хоть, напримѣръ, что съ тобой случилось, какъ ты уѣхала съ матерью изъ своего города?

Рудина (*съ стороны*). Въ самомъ дѣлѣ, не успѣю ли хоть этимъ развлечь ее? (*Вслухъ.*) Мы уѣхали въ вашъ губернской городъ, гдѣ имѣли родственниковъ. Мать моя вскорѣ умерла. Ты знаешь, что я была воспитана въ Смольномъ монастырѣ и потому рѣшилась употребить себѣ въ пользу свое воспитаніе, — рѣшилась заняться образованіемъ дѣвицъ. Вскорѣ услышала я, что твоя бабушка ищетъ для тебя русской мамзели и потому...

Софья (*перерывая*). Да, мой другъ, моя милая бабушка, несмотря на то, что слишкомъ гордилась своимъ дворянствомъ, была очень добра и благородна и, несмотря на то, что была богатая русская дворянка, терпѣть не могла иноземныхъ воспитательницъ. Ея нѣтъ уже на землѣ, но я скоро увижусь съ нею. Не правда ли? (*Утираетъ слезы.*)

Рудина (*стараясь обратить вниманіе Софьи на слова свои*). Тебѣ тогда было десять лѣтъ, и я рѣшилась образовать тебя по своему, такъ, чтобы ты могла быть моимъ другомъ, существомъ, которое бы въ этомъ мірѣ одно любило меня искренно. Причиною моей гибели былъ недостатокъ той душевной твердости, той непоколебимой свободы, которыя дѣлаютъ человѣка самостоятельнымъ,

независимымъ отъ вліянія всего, что ниже его, ниже міра, въ которомъ онъ живетъ душою. И потому, чтобы избавить тебя отъ участи, которая постигла меня, я старалась воспламенить въ душѣ твоей любовь ко всему высокому, идеальному и возбудить въ ней ненависть и гордое презрѣніе ко всему обыкновенному, суетному. Но, Софья, мнѣ кажется, что я ошиблась въ моихъ расчетахъ и сдѣлала ужасную ошибку. Ты имѣешь въ своемъ характерѣ слишкомъ много неженскаго,—это не хорошо.

Софья. Что ты говоришь! Нѣтъ, неправда! Ты была моимъ ангеломъ хранителемъ; ты сдѣлала меня способною любить; ты заронила въ мою душу искры небеснаго огня... Неправда ли?..

Рудина. Нѣтъ, я не достигла моей цѣли: я хотѣла предохранить тебя моимъ воспитаніемъ отъ обольщенія и вмѣсто того, кажется, болѣе оному способствовала имъ...

Софья (*смотря въ окно*). Кто-то пріѣхалъ! Боже мой! Ужъ не Дмитрій ли? Ахъ, какъ я обрадовалась и въ это же самое время какъ испугалась!.. Какъ сильно трепещетъ мое сердце! Мнѣ кажется, что оно хочетъ вырваться изъ груди и летѣтъ къ нему!... Моя милая, пойдемъ поскорѣе, встрѣтимъ давно жданнаго гостя!..

Рудина (*останавливаетъ ее*). Пстой; можетъ быть, это и не онъ. (*Входитъ князь.*)

Князь (*обращаясь къ Софьѣ*). Здравствуйте, Софья Петровна! Позвольте спросить васъ, могу ли я видѣться съ вашею маменькою?

Софья (*обращаясь къ Рудиной*). Онъ опять здѣсь! Зачѣмъ? Ужъ не опять ли хочетъ сватать меня? Ха! ха! ха!

Рудина. Лизаветы Андреевны нѣтъ дома: она у вечерни. (*Уходитъ.*)

Софья. Куда ты уходишь, другъ мой? Зачѣмъ оставляешь меня съ этимъ низкимъ человѣкомъ?

Князь (*съ злобною ироніею*). Съ низкимъ человѣкомъ? Право? Я не сомнѣваюсь, что въ глазахъ вашихъ тотъ сумасшедшій лакей, съ которымъ вы такъ благосклонно обращались и который, для доказательства своей къ вамъ любви, убилъ вашего брата, гораздо выше меня.

Софья. Про кого это говоритъ онъ? А! понимаю, про Дмитрія. Да этотъ лакей выше и благороднѣе всѣхъ князей и графовъ— и эти низкіе, презрѣнные князья смѣются надъ нимъ? Ха! ха! ха! Эй, Лиза, Лиза! (*Входитъ Лиза.*)

Лиза. Чего изволите, сударыня?

Софья. Князь! Вотъ ваша невѣста. (*Уходитъ.*)

Князь. Скоро ли прїѣдетъ твоя барыня?

Лиза. Я думаю, что ужь скоро-съ: вечерня на отходѣ-съ.
(*Входитъ Лѣсинская.*)

Лѣсинская. Боже мой, князь! Ваше сіятельство! Какими судьбами?

Князь. Я прїѣхалъ къ вамъ извиниться предъ вами въ беспокойствѣ, котораго былъ невинною причиною на вашемъ балѣ.

Лѣсинская. Да, вы тогда съ Марьей Николаевной что-то поспорили, да съ этимъ Москвичемъ, котораго къ намъ привезъ Томиль. Повѣрьте, князь, что это дѣло я считаю за пустяки и никогда не промѣняю васъ на всѣхъ въ свѣтѣ москвичей и мамзелей.

Князь. Для меня очень лестно такое расположеніе въ мою пользу съ вашей стороны, и я не нахожу словъ, чтобы изъяснить вамъ за это мою благодарность.

Лѣсинская. Но скажите мнѣ, ради Бога, князь, какія были у васъ сношенія съ мамзелью?

Князь. Видите ли, въ чемъ дѣло. Назадъ тому около шести лѣтъ я ѣздилъ по дѣламъ въ одинъ городокъ довольно отдаленной губерніи. Тамъ увидѣлъ я эту мамзель. Она, объявлю вамъ за тайну, была ко многимъ молодымъ людямъ слишкомъ благосклонна и милостива; въ это время я былъ моложе и слѣдовательно и вѣтрѣнѣе, такъ и неудивительно, что я завелъ съ ней нѣкотораго рода прїятное знакомство. Теперь понимаете?..

Лѣсинская. Да въ этомъ, разумѣется, можно извинить по молодости лѣтъ всякаго мужчину. Но она это дѣло растолковала мнѣ по своему, совсѣмъ не такъ. Она говоритъ, что будто вы за нее сватались, ея мать дала вамъ слово; вы долго ѣздили къ нимъ въ домъ, какъ женихъ, и наконецъ скрылись отъ нихъ. Неужели это правда?

Князь. Присягнуть готовъ, что это самая наглая ложь. Ежели вы не вѣрите мнѣ, Лизавета Андреевна, то приважите образъ снять... я готовъ...

Лѣсинская. И, князь, помилуйте! Неужели вы думаете, что я скорѣе повѣрю какой-нибудь потаскушкѣ, нежели вамъ? Жаль только, что у такой твари училась дочь моя. Да правда, у ней учителей-то была бездна и счету нѣтъ. Досадно, что эта мамзель, несмотря на прежнее свое развратное поведеніе, еще изволить знаться съ дворянами, да еще вздумала налгать мнѣ на князя. Завтра же съ двора долой негодницу!

Князь. Оставимъ-те это и поговоримъ о другомъ дѣлѣ, для

котораго я, признаться, больше и пріѣхалъ къ вамъ. На вашемъ несчастномъ балѣ я былъ свидѣтелемъ ужаснѣйшаго и вмѣстѣ страннаго происшествія...

Лѣсинская. Да, батюшка, вотъ каково у насъ правительство: разбойники днемъ рѣжутъ людей... Мой бѣдный Андрюша... (*крестится*)... Дай ему Господи царство небесное!... (*Плачетъ*).

Князь. Хотя меня и въ большое сомнѣніе привелъ поступокъ Софьи Петровны, которая... вы сами догадаетесь... однако, несмотря на то, мои чувства въ отношеніи къ вашей дочери ни мало не перемѣнились, и я, приписывая ея поступокъ неопытности и вѣтрености, и думая, что ея страсть исчезнетъ скоро,—пріѣхалъ къ вамъ настоятельно просить ея руки.

Лѣсинская. Ахъ, князь! Благодарю васъ за ваше лестное предложеніе! Вы знаете, что я всегда интересовалась имъ и съ своей стороны душевно рада; но я не знаю, что дѣлается съ Сонюшкой: она съ ума сходитъ, да и только, и слышать объ васъ не хочетъ.

Князь. Вы можете употребить все вліяніе, какое только можете имѣть мать на свою дочь.

Лѣсинская. Да объ этомъ ужъ, князь, не безпокойтесь; ужъ во что бы то ни стало, а вы женитесь на Сонюшкѣ.

Князь. Мое счастье неописанно. Итакъ, я расстаюсь съ вами въ лестной надеждѣ быть принятымъ въ ваше благословенное семейство и замѣнить собою потеряннаго вами сына. Теперь позвольте мнѣ проститься съ вами.

Лѣсинская. Прощайте, князь! (*Прощаются*.) Я провожу васъ.

Князь. Ахъ, Бога ради, не безпокойтесь: вы можете простудиться.

Лѣсинская. Ничего, ничего, теперь погода теплая. (*Уходятъ; входятъ Софья и Рудина.*)

Софья. Уѣхалъ! Гдѣ же маменька?

Рудина (*улыбаясь*). Ахъ! Да она никакъ вышла провожать его на крыльцо? Такъ и есть, это ихъ голоса. Все еще наговориться-то не могутъ... Вотъ что мило!..

Софья. И ты могла промѣнять Сурскаго на этого урода?

Рудина. Опять, повторяю тебѣ, Софья, не обвиняй меня. Между многими причинами было и желаніе исполнить неотступныя просьбы матери, жадной до богатства и знатности. Я рѣшилась пожертвовать ея счастію своимъ—и погубила себя и ее.

Софья (*смотря въ окно*). Посмотри-ка, посмотри: лошади ужъ въ ворота выѣхали, а они все еще раскланиваются. Вотъ дружба-то!

Рудина. Наконецъ идетъ!

Тѣ же и Лѣсинская.

Лѣсинская (*къ Софьѣ*.) Ну, Софья Петровна, воля ваша, какъ намъ угодно, а извольте готовиться идти замужъ за князя.

Софья. Въ самомъ дѣлѣ? Не шута?

Лѣсинская. Да, въ самомъ дѣлѣ, не шута. Что жъ тутъ страннаго? Князь въ тебя влюбленъ безъ памяти, несмотря, что ты на балѣ такъ прекрасно обошлась съ разбойникомъ, съ лакеемъ, и неотступно просить твоей руки...

Софья. Чтожъ, отъ нечего дѣлать и это дѣло.

Лѣсинская. Да нѣтъ, любезная дочка, ваши поступки и ваше упрямство мнѣ ужъ больно надоѣли. И я для того прошу васъ покорно слушаться матери. Я знаю тебя: ты потому только не любишь князя, чтобы этимъ сдѣлать неприятность матери. Чтобы огорчать меня, ты всегда насмѣхалася надъ Сидоромъ Андреевичемъ и не уважаешь этого святаго человѣка. Нѣтъ, ужъ терпѣнія моего не стало; извольте дѣлать по моему, а не по своему. (*Смотритъ на стѣнные часы*). Скоро ужъ шесть часовъ. Мнѣ надобно съѣздить на часъ мѣста къ сестрицѣ Аграфенѣ Лукьяновнѣ, посоветоваться съ нею кое о чемъ, да взять отъ нея Сидора Андреича, а то, пожалуй, она и рада, что завладѣла имъ. Да, Марья Николаевна, я и позабыла.

Рудина. А что такое?

Лѣсинская. А вотъ видите ли что: я достовѣрно узнала, кто вы таковы и какого разбора. Моя дочь училась у васъ и выучилась не повиноваться своей матери и теперь васъ за это очень любить; но я думаю, что такія знакомства и дружества—предсудительны для благородной дѣвушки, и для того прошу васъ завтра же оставить мой домъ.

Рудина (*съ презрѣніемъ*). Нѣтъ, завтрашняго дня долго дожидаться, нельзя ли сію же минуту?...

Софья. Какъ, маменька, и вы могли повѣрить этому низкому человѣку?

Лѣсинская (*топая отъ злости ногами*). Молчать, сударыня, молчать!... Богатые князья не могутъ быть низкими людьми!.. (*Входитъ лакей*.)

Лакей. Сударыня, лошади готовы.

Лѣсинская. Сейчасъ выйду. Пошелъ, вели подавать съ задняго крыльца. (*Уходитъ*.)

Рудина. Да, онъ съ ней изъяснился по своему.

Софья. Кто онъ?

Рудина. Да его сѣятельство.

Софья. Да,—этотъ человекъ настоящій дьяволъ. (*Смотритъ въ окно.*) Уѣхала ли она? Уѣхала. И зачѣмъ это? И для какихъ совѣщаній? Послушай, моя милая, не прекрасное-ли приказаніе получила я отъ маменьки? Выйти за князя Князева! О, это прелестно! Быть княгинею—это безподобно! Ха! ха! ха!

Рудина. Да и я получила приказаніе едва-ли не лучше твоего. Завтра же должна я уѣхать отсюда, выгнанная съ безчестіемъ, какъ преступница. Да, признаться, это премило. Но нѣтъ, я сейчасъ же, до ея возвращенія, постараюсь избавить ее отъ моего присутствія, или, лучше сказать, себя отъ ея. Съ тобою, другъ мой, жаль разстаться,—тѣмъ болѣе, что ты находишься теперь въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

Софья. Нѣтъ, моя милая, этого не будетъ. Я не буду женою князя, а ты не уѣдешь нынче отъ насъ,—увѣрю тебя. Но, Боже мой! Какой ужасный стукъ! Кто-то бѣжитъ сюда опрометью. Ахъ, это Дмитрій...

Рудина. Какъ, Дмитрій? Я уйду. Ахъ, какъ бы онъ опять чего не надѣлалъ... (*Уходитъ.*)

Софья. Да, онъ, точно онъ!

Голосъ изъ-за двери. Трепещите! Это я, это я!...

Вдругъ обтыаетъ Дмитрій въ томъ же самомъ видѣ и положеніи, какъ и въ четвертой картинѣ. На лѣвой рукѣ его виситъ разорванная цѣпь. При взглядѣ на Софью, онъ отступаетъ назадъ и, не говоря ни слова, шремитъ цѣпью, устрема на нее мертвые и неподвижные взоры.

Софья. Дмитрій, гдѣ ты былъ столь долгое время? Я объ тебѣ стосковалась! Откуда пришелъ ты?

Дмитрій (*мрачно*). Изъ тюрьмы!

Софья. Какъ? Ты сидѣлъ въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ ворами, убійцами?.. И я... и я не пришла раздѣлить съ тобою это заключеніе... Ты былъ посаженъ въ тюрьму!...

Дмитрій. Приличное мѣсто и прекрасное общество для убійцы..

Софья. Но, Дмитрій, ты опять явился ко мнѣ такъ ужасенъ....

Дмитрій. Я потому кажусь тебѣ ужаснымъ, что на моемъ челѣ ты читаешь страшную повѣсть убійства.—Ахъ!.. оно... это чело приводитъ въ трепетъ всякаго, кто ни взглянетъ на него.

Софья. Но что ты стоишь тамъ, блѣдный и недвижный, какъ мертвецъ? Для чего не подойдешь къ своей Софьѣ? Дмитрій! На землѣ для насъ нѣтъ болѣе счастья, говорила я тебѣ въ одинъ

роковой вечеръ,—ты помнишь его;—на землѣ для насъ нѣтъ блаженства—говорю я тебѣ теперь! (*Бросается къ нему въ объятія.*) О, прижми меня крѣпче къ своему сердцу; напечатлѣй на устахъ моихъ огненный поцѣлуй—пусть въ этомъ поцѣлѣуѣ сольются души наши и вмѣстѣ съ нимъ вознесутся на небо!..

Дмитрій (*высвободившись изъ ея объятій*). Нѣтъ, ангелъ небесный, убійца Дмитрій не осквернитъ тебя поцѣлуемъ: па его устахъ еще и теперь видна запекшаяся кровь! Нѣтъ, не для того сокрушилъ я свои оковы, не для того обманулъ бдительность стражи и пришелъ сюда. Позорная казнь меня ожидаетъ, но это желѣзо (*показываетъ ей кинжалъ*) спасетъ меня отъ нея и прекратитъ мои мученія. Но прежде мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя; хотѣлось ободрить себя божественнымъ сіяніемъ твоихъ черныхъ очей. Софья, ты мною любима, и любовь моя превратилась для тебя въ источникъ бѣдствій,—я убилъ твоего брата: его дымящаяся кровь течетъ между нами рѣкою огненною. Софья, прости меня! Скажи, что ты меня не проливаешь; улыбнись мнѣ въ послѣдній разъ, и я умру спокойно.

Софья. Дмитрій, ты меня жестоко обижаешь: я не ожидала отъ тебя этого. Какъ, неужели ты думаешь, что моя любовь есть обычное, суетное чувство? Неужели ты думаешь, что на землѣ можетъ что-нибудь раздѣлить насъ? Ты для меня равно милъ и въ золотѣ и въ рубицѣ. Дмитрій былъ невиненъ — и я его любила; Дмитрій омылъ руки свои въ крови моего брата—и я люблю его еще болѣе; но не убійство, а несчастіе дѣлаетъ его въ глазахъ моихъ милѣе.—Дмитрій! Ступай въ тюрьму—и я за тобой послѣдую; лети на поле брани—и я туда сопутствую тебѣ; будь царемъ—и я раздѣлю съ тобою тронъ; будь презрѣннымъ разбойникомъ—и я буду раздѣлять твое мрачное, всегда потопленное въ крови подземелье. Для тебя попираю ногами всѣ узы, соединяющія меня съ людьми.—Теперь сомнѣвайся въ любви моей; если можешь,—бѣги отъ меня или ко мнѣ!..

Дмитрій. Къ тебѣ, къ тебѣ, существо божественное! (*Бросается къ ней въ объятія.*) О, это умѣетъ такъ любить, какъ я, и это любимъ, какъ я, тотъ съ презрѣніемъ смотри на жизнь, на людей, на землю: они не могутъ ничего ни дать ему, ни отнять у него. Но кто, подобно мнѣ, держитъ въ объятіяхъ свою милую, тотъ всѣ адскіе бичи, пожирающіе его, почитай за уязвленіе ничтожныхъ насѣкомыхъ! О, моя милая! Жизнь человѣческая обильна бѣдствіями, но еще обильнѣе блаженствомъ. (*Домое молчаніе; онъ безмолвно склоняется своею головою на ея плечо.*)

Софья (*вздыхнувши.*) Ахъ, эта минута съ избыткомъ вознаграждаетъ меня за многое.

Дмитрій. Моя любезная! Сначала я былъ окованный посажень между толпою отчаянныхъ злодѣевъ. Члены этой дикой, буйной толпы съ неистовымъ смѣхомъ описывали другъ другу свои преступленія. Одинъ рассказывалъ, какъ онъ, помирая со смѣху, разорвалъ пополамъ груднаго ребенка; другой, — какъ размозжилъ вистенемъ голову девяносталѣтняго старика; третій, — какъ перерѣзалъ цѣлое семейство и забавлялся смертными судорогами своихъ жертвъ; четвертый... но довольно; я не хочу терзать тебя подобными разказами. Потому эти головорѣзы подходили ко мнѣ и просили, какъ своего товарища, потѣшить ихъ рассказомъ о моемъ преступленіи. Ахъ, и теперь еще содрогаюсь, вспоминая ихъ звѣрскія лица, ихъ кровавые глаза, — суди же, каково мнѣ было тогда! Потому эти злодѣи, съ буйною веселостью, съ адскимъ хладнокровіемъ и съ грубыми насмѣшками, говорили о палачахъ, о кнутѣ, о Сибири, о каторгѣ. и предсказывали мнѣ мою участь. Я спрашивалъ самого себя, что со мною будетъ; взглядывалъ на свои руки — на нихъ еще видѣлась кровь, и я, чтобы заглушить ревуцій голосъ моей совѣсти, гремѣлъ цѣпами и въ звукъ этихъ цѣпей слышалъ роковой отвѣтъ. Мое положеніе было ужасно, но я еще могъ жаловаться, могъ изрыгать проклятія на все существующее. А теперь, теперь, когда я держу въ своихъ объятіяхъ мое небо, теперь я не нахожу словъ для выраженія моего блаженства. Я въ состояніи только молчать — и чувствовать!... Нѣтъ, радость сильнѣе горести!

Софья. Ахъ, Дмитрій, сладко быть въ объятіяхъ милаго, такъ сладко, что я желала бы умереть въ нихъ!

Дмитрій. Теперь прочь всѣ черныя мысли, прочь бѣдствія — теперь и самая смерть не посмѣетъ приблизиться къ намъ!

Софья. Но чѣмъ все это кончится? Подумай о будущемъ. Моей матери теперь нѣтъ дома и ея-то отсутствію мы обязаны счастьемъ этого свиданія, — счастьемъ держать другъ друга въ объятіяхъ. упиваться дружнымъ дыханіемъ. Она скоро пріѣдетъ и разлучитъ насъ.

Дмитрій. Насъ разлучить? Кто? Самъ адъ не исторгнетъ тебя изъ моихъ объятій.

Софья. Но кто исторгнулъ въ тотъ роковой вечеръ?

Дмитрій. Да, но тогда и небо, и адъ, и могилы были въ заговорѣ противъ меня.

Софья. Моя мать, — ты ее знаешь, — она ненавидитъ тебя, и.

если увидить здѣсь, то осыплетъ проклятіями и ругательствами.—
Дмитрій, ты бѣшенъ—я трепещу.

Дмитрій. Не бойся. Я даже не взгляну на эту слабую женщину, чтобы не привести ее въ трепеть. Она твоя мать, этого довольно; будь спокойна.

Софья. Но она вооружить противъ тебя всѣхъ людей своихъ, они опять на тебя кинутся—что ты тогда станешь дѣлать?

Дмитрій. Ежели хотя одна тварь подползетъ ко мнѣ поближе, то я раздавлю ее ногою!

Софья. И ты еще не насытился вровію? Ты еще хочешь обременять себя новыми преступленіями?

Дмитрій. Но неужели мнѣ отдаться въ ихъ руки, чтобы они надругались надо мною?

Софья. А если слѣды твои откроютъ солдаты и придутъ сюда; ежели они поведутъ тебя отсюда прямо на мѣсто позорной казни, туда, гдѣ тебя будетъ ожидать внуть и палачъ,—тогда что ты будешь дѣлать?...

Дмитрій. Софья, къ чему эти мрачныя предсказанія, эти странные предположенія и вопросы? Женщина! Твои уста есть ящикъ Пандоры. Такъ, по всѣмъ твоимъ расчетамъ, мы должны погибнуть отъ людей, которые не хотятъ насъ¹⁾ видѣть счастливыми. Итакъ скажи, что же должно намъ дѣлать, чтобы освободиться отъ ихъ вліянія?...

Софья. Умереть.

Дмитрій. Какъ? Умереть!

Софья. Да, умереть. Что жъ тутъ удивительнаго?

Дмитрій. Но какимъ образомъ?

Софья. Ты мужчина, у тебя есть кинжалъ. Умертви меня и потомъ самъ послѣдуй за мною, не выпуская меня изъ своихъ объятий. Мы соединимъ уста свои, сольемъ дыханіе, вздохнемъ сладостно—и смерти нашей позавидуютъ сами ангелы.

Дмитрій. Женщина! И ты могла предложить мнѣ это?...

Софья. Могла и горжусь этимъ! Мой милый, кто на землѣ узналъ радости небесныя, кто разгадалъ душою тайну тѣхъ наслажденій, которыя бывають на небѣ удѣломъ праведныхъ по смерти,—для того уже нѣтъ болѣе отечества на землѣ, для того уже люди, если они въ состояніи понимать его, болѣе не братья!.. Да и можно-ли жить на землѣ, узнавши небо? Можно ли существовать,

¹⁾ Въ рукописи: „вхъ“.

уподобившимся ангеламъ, быть въ сообществѣ звѣрей, безсловесныхъ и дикихъ!..

Дмитрій. Все такъ, это правда. Теперь я вижу ясно, что намъ должно умереть. Такъ, я могу безтрепетною рукою вонзить это желѣзо себѣ въ сердце, могу повернуть его въ немъ, покуда еще въ состояніи буду дышать; но вознести руку свою на поражение существа любезнаго, видѣть его боренія со смертью, видѣть бьющую изъ раны кровь—нѣтъ, на это я никакъ не могу рѣшиться! Не принуждай меня къ этому, не проси, не умоляй. Софья, знаешь-ли, что ты этими небесными взглядами, этимъ ангельскимъ укоромъ, прелоняя меня на убійство, влечешь въ адъ?...

Софья. И ты считаешь себя мужемъ? Слабый ребенокъ! Безсильное дитя! Бѣги отсюда скорѣе или я поважу тебѣ лозу! Отдай мнѣ кинжалъ, а себѣ возьми иглу—и бѣги съ глазъ моихъ!...

Дмитрій. Называй меня презрѣннымъ трусомъ, низкой душою; назови, если хочешь и можешь, даже подлецомъ,—то и тогда, клянись тебѣ небомъ и адомъ, кровію и мщеніемъ, клянись нашею любовію, и тогда не соглашусь на твое предложеніе!....

Софья. А, мужъ твердый и благородный! Когда неопытнымъ и невиннымъ сердцемъ я предалась тебѣ со всѣмъ жаромъ любви, когда пожертвовала тебѣ всѣмъ,—тогда, тогда ты умѣлъ этимъ пользоваться, умѣлъ пресыщаться изъ чаши наслажденія; а теперь, когда я прошу тебя прекратить мои мученія, переселиться со мною въ лучший міръ,—ты глухъ къ моимъ словамъ! Дмитрій! Кажется было время, когда ты не проранивалъ ни одного моего слова, не оставлялъ безъ исполненія ни одного моего желанія,—а теперь?..

Дмитрій. Перестань, ради Бога, перестань! Какъ могло придти тебѣ въ голову такое ужасное желаніе? Отъ одной мысли объ немъ я, убійца, я трепещу!....

Софья. Дмитрій, заклинаю тебя всѣмъ, что есть для тебя священнаго въ мірѣ, умоляю тебя именемъ любви нашей—исполни мое желаніе. Оно благородно, оно достойно насъ. Вспомни, малодушный, вспомни тѣ сладостныя минуты, когда мы занимались чтеніемъ исторіи великихъ людей. Когда ты читалъ мнѣ, какъ Брутъ казнилъ сыновей своихъ, какъ окончили жизнь свою Лукреція, Виргинія, Клеопатра, какъ умерли, защищая свободу, два послѣдніе римлянина, какъ Сусанинъ жертвовалъ за царя своею жизнью,—я пристально смотрѣла на лицо твое и съ восторгомъ замѣчала, что оно пылало, что глаза твои сверкали, что ты весь трепеталъ.—Дмитрій, неужели эти благородныя движенія были ничѣмъ инымъ, какъ низ-

кимъ притворствомъ? Дмитрій, слышишь ли голосъ этихъ великихъ тѣней? Они говорятъ тебѣ, что убить себя не есть преступленіе, когда честь запрещаетъ жить!...

Дмитрій. Змѣя оболъстительница! Прочь съ глазъ моихъ! Самъ адъ управляетъ языкомъ твоимъ, упитаннымъ ядомъ и желчію! Не оболъщай меня—говорю тебѣ! (*Софья плачетъ. Дмитрій бросается къ ней въ объятія.*) Ангелъ небесный, ты плачешь? Ты опять женщина! Дай полюбоваться этими чистыми перлами!...

Софья. Хорошо; я не буду болѣе говорить объ этомъ. Я вижу, что мой жребій—есть страдать на землѣ, тогда, какъ ты, счастливецъ, будешь обитать въ лучшемъ мірѣ, тщетно ожидая къ себѣ свою Софью!.. Милый другъ, я чувствую, что страданія мои будутъ безконечны: смерть разитъ только счастливыхъ, а злополучныхъ щадить. Ко мнѣ опять пристаешь съ своими докучными просьбами, даже съ приказаніями и угрозами моя мать, чтобы я отдала свою руку князю Кизяеву, подлѣйшему человѣку въ мірѣ, котораго прельщаетъ мое приданое.

Дмитрій (*съ безпокойствомъ*). Неужели? Въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ еще преслѣдуетъ тебя своими предложеніями? Что же ты?

Софья. Липшась тебя, я не буду имѣть въ цѣломъ мірѣ ни одного существа любезнаго—и охладѣю къ жизни. Равнодушная ко всему, чтобы утѣшить мать мою, чтобы доставить ей хотя одно удовольствіе во всю жизнь мою и вмѣстѣ, чтобы разсѣяться немного отъ скуки,—я рѣшусь выдти за князя.

Дмитрій. Какъ? Что сказала ты? Чтобы ктонибудь другой, кромѣ меня, могъ назвать тебя своей супругой, могъ срывать съ божественныхъ устъ твоихъ пламенные поцѣлуи, могъ утопать въ твоихъ роскошныхъ объятіяхъ? Нѣтъ, скорѣе безобразные куски бьющагося тѣла этого дерзновеннаго будутъ добычею псовъ! Скорѣе я соглашусь видѣть даже тебя растерзанною, окровавленною, бездыханною, нежели думать, что кто-нибудь, кромѣ меня, будетъ владѣть тобою. Нѣтъ, не говори объ этомъ, даже не думай: этого быть не можетъ!...

Софья. Но что же мнѣ остается дѣлать? Къ чему прибѣгну я? Кто защититъ меня, когда мать моя будетъ насильно принуждать меня къ исполненію своихъ желаній и станетъ мстить въ случаѣ сопротивленія съ моей стороны?

Дмитрій (*ужаснымъ голосомъ*). И ты въ состояніи рѣшиться выдти за него?..

Софья. Да, въ состояніи, тѣмъ болѣе, какъ по всему замѣтно, что могу доставить тебѣ этимъ немалое удовольствіе.

Дмитрій (*приведенный ея словами въ крайнюю степень блаженства*). Какъ? Изъ чего жъ это видно?

Софья. Изъ того, что ты не хочешь лишить меня возможности измѣнить тебѣ.

Дмитрій (*дика улыбаясь*). О, если такъ, то часъ нашей смерти пробилъ. Софья, обими меня крѣпче, крѣпче, поцѣлуй въ послѣдній разъ!.. Ахъ, какъ ужасно!.. Во мнѣ кровь оледенѣла и остановилась: сердце уже не бьется; дыханіе прерывается..

Софья (*трепеща*). Да и мнѣ немного страшно. (*Молчаніе*.) Вспомни князя!..

Дмитрій. А, это слово бросило меня изъ одной крайности въ другую. Отъ него кровь моя разогрѣлась—этого мало: она теперь кипитъ, влопочеть... (*Быстро смотритъ ей въ глаза*.) Софья, ты желалась... умереть?..

Софья. Да, отъ руки твоей. Я перешла цвѣтущій садъ бытія— и вступила въ дикую пустыню, гдѣ растутъ терны колючіе, гдѣ текутъ ручьи ядовитые; ея злобщій видъ ужаснулъ меня и я хочу возвращаться въ свое безсмертное отечество, гдѣ опять найду съ тобою потерянное счастье.

Дмитрій. Женщина, у меня рука дрожить!..

Софья. Мужчина, если ты слабъ, то дай мнѣ кинжалъ и я или сама заголюсь, или попрошу оказать мнѣ это благодѣяніе моего будущаго мужа... князя... и мой мужъ исполнить мою просьбу!..

Дмитрій. Такъ!... такъ!.. Только отъ руки твоего мужа, только отъ руки твоего мужа и любовника умрешь ты! Прощай!... (*Вонзаетъ ей въ сердце кинжалъ и между тѣмъ тихо опускаетъ и кладетъ ее на полъ*.)

Софья (*умирающимъ голосомъ*). Прощай.... мой милый!... Благодарю тебя!... Ты избавилъ.... (*Умираетъ*.)

Дмитрій. Не докончила... Смерть заградила уста прелестныя, изъ которыхъ выходили нѣкогда звуки волшебныя! Она уже поспѣла!.. Какъ мила она и мертвая! Какое сповойствіе на лицѣ! Я не могу налюбоваться ею. Но пора! Она зоветъ меня! Она ждетъ меня! Пора! Это орудіе соединить насъ. (*Беретъ кинжалъ, взмываетъ его надъ своей грудью, и вдругъ, услышавъ стукъ шаговъ, удерживаетъ кинжалъ, прячетъ его въ карманъ и, подошедши къ двери, ведущей изъ залы въ корридоръ, встрѣчается съ Иваномъ*.)

Иванъ (*крестясь*). Господи, Иисусе Христе! Пресвятая Бого-

родица! Какимъ образомъ вы опять очутились здѣсь? Вѣдь вы были въ тюрьмѣ? Какъ же вы ушли изъ нея? Бога ради, не надѣляйте опять какихънибудь бѣдъ!

Дмитрій. Не бойся, старикъ! Что новенькаго скажешь ты мнѣ? Ты видѣлъ, какъ умиралъ старый господинъ твой?

Иванъ. Какъ же, батюшка, видно мнѣ всѣхъ васъ придется перехоронить.

Дмитрій. Не говорилъ ли онъ на смертномъ одрѣ чего-нибудь обо мнѣ?

Иванъ. Какже, батюшка, Дмитрій Егорычъ! Онъ горько плакалъ, когда вспомнилъ объ васъ, мой батюшка, и со слезами умолялъ меня отдать вамъ вотъ эту грамотку. (*Подаетъ ему запечатанное письмо.*)

Дмитрій. Не произошло ли у васъ въ домѣ какихъ-нибудь переменъ послѣ его смерти?

Иванъ. Какъ только онъ скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ: и била, какъ собаку, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скоть, осматривала клѣтки, ломала коробки, обирала деньги, холсты; кто малость въ чемъ-нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины,—да всего и пересказать нельзя. На ваторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ грѣшнымъ у барыни.

Дмитрій. Да, старикъ, подлинно, что радостныя вѣсти ты сообщилъ мнѣ. Но скажи мнѣ, каковъ былъ въ отношеніи къ вамъ тотъ, котораго я... понимаешь?

Иванъ (*съ размышленіемъ*). Кто жъ бы это былъ?

Дмитрій. Андрей.

Иванъ. И, батюшка, да отъ него и сыры боры загорѣлись; онъ-то первый мучитель нашъ былъ.

Дмитрій. А, такъ я безъ намѣренія сдѣлалъ доброе дѣло! Пойдемъ, прочтемъ эти строки, узнаемъ, что содержится въ нихъ. (*Подходитъ къ столу.*)

Иванъ (*Увидѣвъ трупъ Софьи и всплеснувши руками*). Господи, Боже мой! Это еще что такое?.. Вы никакъ опять убили человѣка?.. Ба, да это барышня, Софья Петровна! Вся въ крови!.. Ай!... ай!.. ай!..

Дмитрій. Молчи, старикъ! Развѣ ты не видишь, какъ спокойно почиваетъ она?... Не разбуди ее своимъ недѣльнымъ враньемъ, своимъ глупымъ крикомъ!

Иванъ. Ахъ, душегубъ, душегубъ! Что ты сдѣлалъ? За что

ты убилъ ее? Али она обидѣла тебя? Никто отъ нея худова слова не слыхивалъ!.. Кто-то теперь постоятъ за насъ грѣшныхъ?.. Лисафета Андревна доконаетъ насъ вдосталь!.. Охъ, согрѣшили мы предъ Господомъ Богомъ!.. (*Уходитъ.*)

Дмитрій. Неужели эти люди для того только рождаются на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?... Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ поработать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянiя, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцемъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями, и со всѣмъ, что для него мило и драгоценно!... *). Милосердый Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змievъ, этихъ кроводиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?... (*Обращаясь къ Собѣ.*) Она была ихъ ангеломъ-хранителемъ! и я лишилъ ихъ послѣдней защиты, послѣдней обороны противъ тиранства. Они будутъ благословлять ея имя и проклинать мое. (*Глядитъ на нее въ размышленiи.*) О, неизъяснимая прелесть! И самая смерть не могла уничтожить тебя! Но что я медлю соединиться съ нею! Время! Она зоветъ! Она ждетъ! Но я долженъ прочесть эту бумагу: ее писала рука святаго человѣка. (*Разламываетъ печать и читаетъ вслухъ.*) „Любезный Дмитрій! На одрѣ смерти пишу къ тебѣ эти строки! При моей жизни мнѣ не удалось, прижавши тебя къ моему сердцу, назвать своимъ милымъ сыномъ. Такъ, Дмитрій, узнай тайну, долго

*) Къ славъ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства, подобнаго тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священнѣйшею обязанностiю пещись о счастiи каждаго человѣка, вѣреннаго его отеческому попеченiю, не различая ни лицъ, ни состоянiй. Доводительствомъ сего могутъ служить всѣ его поступки и между прочимъ Указъ о наказанiи купчихи Аносовой за гравское обхожденiе съ своею дѣвкою и городничаго за допущенiе онаго, напечатанный въ 77-мъ № Московскихъ Вѣдомостей за 1830 годъ, 24 день сентября. Этотъ указъ долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россiянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженiя своего Правительства, напоминающiя слова нашего знаменитаго, незабвеннаго Фонъ-Визина: „Гдѣ Государь мыслить, гдѣ знаетъ Онъ, въ чемъ Его истинная слава—тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться права его; тамъ всѣ скоро оцутать, что каждый долженъ искать своего счастiя и выгоды въ томъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ есть незаконно“.

хранимую мною: я твой отецъ. Не проклинай моей памяти: я былъ молодъ, имѣлъ страсти и, подобно всѣмъ людямъ, могъ заблуждаться.....“ (*Дмитрій трепещетъ всѣмъ тѣломъ; бумага выпадаетъ изъ рукъ его; мутными глазами онъ смотритъ на окружающіе предметы.*) Вотъ истинно прекрасныя новости: сестра.... любовница.... жена... убійство.... кровосмѣшеніе!.... (*Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ и закрываетъ руками лице; входитъ Рудина.*)

Рудина. Что мнѣ говорилъ этотъ безумный старикъ? Боже мой! что я вижу? Ай, ай!.. (*На крикъ ея сбѣгается толпа слугъ обоюго пола и всѣхъ возрастовъ и безмолвно съ удивленіемъ смотритъ на эту картину; вдругъ вбѣгаетъ Сурскій и Томина.*)

Сурскій. Такъ, я отгадалъ, что онъ здѣсь. (*Увидѣвъ тѣло Софьи*). Еще новое убійство и вѣрно опять его!.... Несчастный, что ты сдѣлалъ?....

Дмитрій. (*указывая на Софью*). Моя сестра!...

Сурскій. Кто? Сестра?.. Она?... твоя?...

Дмитрій. Да, моя любовница... моя жена... моя сестра родная.... Прочти эту бумагу, только не задохнись отъ смѣху. (*Сурскій поднимаетъ письмо и читаетъ про-себя*). Что, понялъ ли? Вотъ какъ играетъ беспощадная судьба слабыми смертными! Нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно по дьявольски!.. Какимъ грознымъ, зловѣщимъ свѣтомъ озарились глаза мои!... О, теперь лютый тигръ-отчаяніе грызетъ мое сердце, разрывая его на миллионы частей, повуда еще оно бьется. Эхидны совѣсти, змѣи раскаянія, высасывайте изъ жилъ моихъ соки бытія, иссушайте мозгъ въ костяхъ моихъ!.. Такъ, такъ! Хорошо!... Прекрасно!.. Мнѣ кажется, что каждый нервъ мой превратился въ змѣю лютую, что каждая капля крови моей превратилась въ ядъ пожирающій. Моя внутренность горитъ: въ ней пылаетъ цѣлый адъ! Какое превосходное состояніе! Ха, ха, ха! Воды мнѣ, воды! Дайте залить внутренній огонь!...

Сурскій. Несчастный, знаешь-ли ты, что о твоёмъ побѣгѣ узнали, что тебя ищутъ и скоро найдутъ? Знаешь ли ты, сколько человѣкъ погибнутъ теперь за твой побѣгъ? Нѣсколько человѣкъ солдатъ прогонять сквозь строй, нѣсколько чиновниковъ лишать мѣстъ и чиновъ и, можетъ быть, и болѣе сдѣлаютъ.

Дмитрій. Да ты пришелъ ко мнѣ, какъ фурія, чтобы мучить меня при послѣднемъ издыханіи. (*Вынимаетъ кошелекъ съ деньгами и подаетъ его Сурскому*). На, возьми эти деньги, облегчи ими,

сколько можно, судьбу несчастныхъ, пострадавшихъ за меня—я прошу тебя объ этомъ. Оно... это золото для меня только и можетъ быть полезно въ этомъ отношеніи....

Сурскій. Бѣдный, бѣдный! Жаль мнѣ тебя, а помочь не могу. Итакъ ты его сынъ?..

Дмитрій. Да, его сынъ — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: эта бумага писана имъ, а мнѣ очень извѣстна рука его. (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Люди, люди! Кто постигнетъ васъ? Я почиталъ этого старика за образецъ добродѣтели, думалъ, что любовь его ко мнѣ безкорыстна, а онъ... онъ потому только любилъ меня, что видѣлъ во мнѣ плодъ своей роковой любви. Старикъ, ты просишь меня, чтобы я не проклиналъ тебя. А, ты вѣрно чувствовалъ, что достоинъ этого. Такъ я проклиная тебя, низкій сластолюбецъ! Проклинаю тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ! Я убійца, я кровосмѣситель!... Я осужденъ на позорную казнь—и всѣмъ этимъ долженъ тебѣ, мой отецъ! Приди сюда! Я вызываю тебя изъ твоихъ мрачныхъ убѣжищъ! Явись предо мною, тѣнь ужасная! Явись отвечать на мои вопросы, выслушать мои проклятія и проклясть меня; Я расторгаю узы крови, я отрекаюсь отъ тебя: я не сынъ твой болѣе! (*Обращаясь къ толпѣ.*) По вашимъ блѣднымъ, удивленнымъ лицамъ я замѣчаю, что вы съ ужасомъ внимаете словамъ моимъ: вы удивляетесь, что сынъ можетъ проклинать своего роднаго отца: не удивляйтесь болѣе: она моя сестра! Но онъ не является, онъ трепещетъ смертнаго. Пстой, я самъ пойду исвать его....

Входитъ Лѣсинская.

Лѣсинская. Что тутъ такое сдѣлалось? Боже мой! Онъ опять здѣсь? Кто смѣлъ впускать его? Ну, ужъ только людцы у меня.... Гдѣ Сонюшка?... Ай, ай, онъ ее убилъ!... Андруша!... Сонюшка!... Что теперь скажетъ князь? Господи!...

Дмитрій. Женщина! Ты пришла требовать отъ меня дѣтей своихъ—ихъ нѣтъ уже болѣе! Но не проклинай меня! Не смотри на меня страшно! Не я убійца ихъ, а твой мужъ, ихъ и вмѣстѣ мой отецъ! Понимаешь?...

Лѣсинская. Господи, за что Ты меня грѣшную такъ жестоко караешь? Или я больше всѣхъ согрѣшила передъ Тобой? Пресвятая Заступница, Матерь Божія! чѣмъ я прогнѣвала Тебя?... (*Упадаетъ безъ чувствъ.*)

Дмитрій. А, кровопійца!... (*Обращаясь къ толпѣ.*) Посмотрите

посмотрите! Она еще не знаетъ, чѣмъ обратила на себя эти громы, которые раздались надъ ея преступной головою смертію дѣтей... А семейства, разоренныя и ограбленныя? А несчастные старцы, протягивающіе свои дрожащія руки для испрошенія милостыни?... А дѣти, отторгнутыя отъ семействъ?... А истязанія, а мученія, а тиранства неслыханныя?... Понимаете ли теперь, чѣмъ раздражила она Правосудіе Бога?... Теперь спросите меня, чѣмъ я обратилъ на себя гоненія непримиримаго, жестокаго рока? За что я несу на себѣ эти кары, эти мученія, какихъ, можетъ быть, еще ни одинъ смертный никогда не испытывалъ? Человѣки, говорить ли вамъ объ этихъ ужасахъ? освѣтить ли глаза ваши адскимъ блескомъ рековыхъ истинъ? Поднять ли предъ вами эту мрачную завѣсу, скрывающую за собою преступления неслыханныя, страданія, превосходящія всякое вѣроятіе?—Слушайте—и трепещите!... Эта дѣвушка есть ея дочь: мы любили другъ друга! Любовь осѣнила насъ и вовлекла въ преступленіе!—Вотъ первая ступень въ бездну погибели... Я хотѣлъ поправить это зло и рѣшился, признавшись во всемъ моему благодѣтелю, требовать руки его дочери. Онъ любилъ меня и его ко мнѣ любовь была загадкою для этой женщины, которая лежитъ предъ вами безъ чувствъ; но я растолкую ей эту загадку и она встанетъ, хотя бы была умерщвлена тысячею смертями—и вы, внимающіе мнѣ, вы содрогнетесь, по вашимъ жиламъ пробѣжитъ холодъ, волосы подымутся горою на головахъ вашихъ. Съ нетерпѣніемъ и страхомъ я ожидалъ письма—и получилъ! Его писали сыновья ея, этой фуріи, а диетовалъ самъ адъ! Въ груди моей закипѣло мщеніе! Потомъ, въ этомъ домѣ, въ одинъ вечеръ, одинъ изъ сыновей ея назвалъ меня рабомъ—и упалъ къ ногамъ моимъ, орошенный и бездыханный! Меня схватили, оковали и посадили въ тюрьму. Нынѣшній день мнѣ удалось сокрушить свои оковы и придти проститься съ нею. Въ ея объятіяхъ я забылъ все—и она предложила мнѣ умертвить ее и умереть самому въ ея объятіяхъ. Я ужаснулся и отказался. Она умоляла, заклинала, но я, я былъ твердъ; она сказала мнѣ, что ея мать хочетъ отдать ее насильно замужъ—и я,—трепещите, окружающіе меня, трепещи и ты, виновная женщина,—я вонзилъ въ ея сердце это желѣзо. Смотрите: на немъ еще и теперь дымится чистая кровь!... Потомъ входитъ сюда старый служитель, какъ бы подосланный ко мнѣ враждебною судьбою, и рассказываетъ мнѣ, какъ тиранитъ она рабовъ своихъ: отъ его простаго, безыскусственнаго разказа у меня волосы стали горою, кровь сперва замерла въ жилахъ, а потомъ закипѣла ад-

скимъ огнемъ!... Наконецъ, этотъ старикъ подаетъ мнѣ письмо, говорить, что оно отъ моего благодѣтеля. Срываю печать, читаю, и что же узнаю? Трепещите, говорю я вамъ, трепещите!... Я узнаю, что онъ мой отецъ, она моя сестра!... Такъ скрытныя семейственныя преступленія ужасно наказываются! (*Льсинская приходитъ въ память и медленно приподнимается.*) А, эти слова пробудили тебя! Женщина, твой домъ есть домъ преступленія и провлятія! Ты сама со дня твоего рожденія была жрицею предразсудковъ и эгоизма; твоя жизнь обременена грѣхами: смой ихъ своею кровію,—вотъ винжалъ!...

Л ѣ с и н с к а я. Помогите, помогите! Этотъ злодѣй, извергъ, разбойникъ и мепя зарѣжетъ! (*Опять упадаетъ безъ чувствъ; одни изъ слугъ поднимаютъ ее и выносятъ въ другую комнату, а другіе приближаются къ Дмитрію съ намѣреніемъ схватить его.*)

Д м и т р і й (*махая кинжаломъ*). Кому мила еще жизнь, тотъ не подходи ко мнѣ! (*Всѣ отступаютъ; онъ садится на стулъ.*) Что же вы всѣ молчите? Почему ничего не дѣлаете? Несите сюда гробъ! Шейте саванъ!... Зовите поповъ, пѣвчихъ! Пускай поютъ за упокой души ея! Вы сами войте, кричите, бейте въ стекла, свистите, топайте ногами! Можетъ быть, отъ этой музыки мнѣ будетъ повеселѣе....

Р у д и н а (*упавши на колѣна возлѣ трупа Софьи*). Прости, несчастное, благородное существо! Ахъ!.. ты достойна была лучшей участи!

Д м и т р і й. Кто ты такая? Какое имѣешь право оплакивать ее?...

Р у д и н а. Она была мой другъ, моя воспитанница!

Д м и т р і й. Такъ ты-то та, которая образовала ея ангельскую душу, возвысила, облагородила? Благодарю тебя, благородная женщина! Ахъ, для чего, украсивъ этого ангела всѣми прелестями души, ты не могла сдѣлать его счастливымъ. Смотри, какое спокойствіе начертано на лицѣ ея! Она счастлива: она не знаетъ этой роковой тайны; она не ощутила этихъ мукъ, этихъ угрызений совѣсти, этихъ истязаній, которыми я теперь терзаюсь. И за что? Неужели я былъ орудіемъ Божіаго мщенія отцу моему? Отцу?... О, ненавистное имя! Ты, при звукѣ котораго трепещетъ отъ радости сердце каждаго человѣка,—ты заставляешь меня гнушаться собою, своимъ бытіемъ, проклинать весь міръ. А Ты, Существо Всевышнее, скажи мнѣ: насытилось ли моими страданіями, натѣшилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилося ли моими кровавыми слезами?... Что дѣлаю я? Къ моимъ преступ-

леніямъ присовокупляю еще новое! Но кто сдѣлалъ меня преступникомъ? Можетъ ли слабый смертный избѣжать опредѣленной ему участи? А въмѣ опредѣляется эта участь? О, я понимаю эту загадку! Сурскій, подойди ко мнѣ! (*Онъ подходитъ къ нему.*) Выслушай послѣднія желанія своего умирающаго друга: это письмо и прежде, превращенное мною въ доскутки, положи со мною во гробъ. Я съ ними предстану предъ лицо Бога: въ нихъ написано мое опредѣленіе! Еще одна мольба—исполни ее. Я любилъ и былъ несчастливъ; ты также любилъ и также страдалъ; молю тебя: забудь прошедшее, не будь собственнымъ тираномъ. (*Беретъ за руку Рудину.*) Я знаю: это она, эта воспитательница и другъ Софьи, твоя любезная! Помиришь съ нею, утѣшишь меня при смерти. Покауда еще дышу я, доважи мнѣ, что счастье можетъ существовать на землѣ.

Сурскій. Хорошо, я согласенъ. Но скажи мнѣ, что ты...

Дмитрій. Ты увидишь скоро... Мой другъ, благодарю тебя за дружбу, за пріязнь. Я ей обязанъ многими сладостными минутами въ моей жизни! (*Беретъ руку Томина и жметъ ее.*) И тебя благодарю также. Теперь прощайте, мои милые! Не проблиняйте моей памяти! Я гибну, но невинный! Я не способенъ былъ дѣлать зло—и дѣлалъ его. (*Нѣсколько челоуыкъ приближаются къ Софьѣ и хотятъ поднять ее, чтобы вынести въ другую комнату.*) Прочь! Еще одна минута, одна только минута—и тогда дѣлайте, что хотите: я уже буду не въ состояніи препятствовать вамъ. (*Слуги отступаютъ и смотрятъ на него съ изумленіемъ.*) Софья, твое желаніе исполнится сейчасъ! Я иду къ тебѣ. (*Вдругъ умолкаетъ и съ глубокимъ вниманіемъ смотритъ на цѣпь, висящую у него на твоей рукѣ.*) А, твои адскіе звуки сопровождаютъ меня и въ могилу! Символь постыднаго рабства, прочь съ глазъ моихъ, не обременяй рукъ моихъ, не безчесть ихъ! (*Съ бѣшенствомъ срываетъ цѣпь и далеко отбрасываетъ отъ себя.*) Свободнымъ жилъ я, свободнымъ и умру!... (*Закалывается; вбѣгаетъ толпа вооруженныхъ солдатъ.*)

К о н е ц ъ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1876 года (январь, стр. 65—78) напечатано было около десяти явленій изъ „трагедіи“ В. Г. Бѣлинскаго: „Дмитрій Калининъ“. Печатаемъ вполнѣ это произведеніе, какъ драгоценный матеріалъ для исторіи развитія Бѣлинскаго, по рукописи, списанной не совсемъ исправными писцами, для представленія въ Московскій Цѣнзурный Комитетъ.

Н. Тихонравовъ.

Письма А. С. Грибоѣдова

въ

Н. А. Каховскому.

Предлагаемыя ниже четыре письма А. С. Грибоѣдова къ товарищу-сослуживцу Н. А. Каховскому, печатаются здѣсь въ первый разъ, съ подлинниковъ, принадлежащихъ Императорскому Россійскому Историческому Музею. Письма эти составляютъ часть коллекціи бумагъ, пожертвованной помянутому учрежденію въ 1886 г. сенаторомъ Н. Н. Селифонтовымъ и содержащей, кромѣ писемъ Грибоѣдова, еще письма А. П. Ермолова и М. М. Сперанскаго. Всѣ эти документы были найдены въ семейномъ архивѣ помѣщика Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда, г. Н. И. Л—ва, но какимъ образомъ эти бумаги попали въ архивъ, состоящій по преимуществу изъ актовъ помѣстнаго, вотчиннаго, межеваго и хозяйственнаго характера—остается неизвѣстнымъ *).

Письма Грибоѣдова писаны на тонкой почтовой бумагѣ, безъ помарокъ и сохранились вполне. Впослѣдствіи они были склеены въ одну тетрадку, листы ихъ перенумерованы, а на первой страницѣ, наверху, сдѣлана надпись: „Письма Грибоѣдова къ Николаю Александровичу Каховскому“. Чьей рукой сдѣлана эта помѣта и въ какое время—также неизвѣстно.

Что касается пояснительныхъ примѣчаній, то я ограничился лишь самымъ необходимымъ, и не считъ нужнымъ объяснять, что такое „нукеръ“, или „фаразь“ и т. п., такъ какъ объ этомъ можно найти свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, специально посвященныхъ описанію быта вавказскихъ горцевъ и Персіи.

Алексѣй Станкевичъ.

*) По письменному сообщенію г. Селифонтова.

I.

Табризь, 3-го маія 1820.

Любезный Ниволоай Александровичъ! ¹⁾ Благодарю за письмо съ границы. Вы хорошо начали, дай вамъ Богъ стойкость въ воспоминаніи о пріятеляхъ покинутыхъ. Это будетъ необычайно. Между тѣмъ отъ души радуюсь, что вы сохранны переступили за межу восточныхъ абдеритовъ. Персіяне пугали васъ вооруженіемъ,—все не такъ страшно, какъ моя судьба жить съ ними и, можетъ статья, многіе дни! Какъ же васъ возносили на непреступный status quo ad praesentem и какъ

Полкомъ окружали
Военныхъ тѣней?
Въ присошкахъ пищали
Курки безъ кремней?
Какъ ханы и беки
Пролили вамъ рѣки
Хвалы круговой?
Съ преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы ихъ,
При шапкахъ большихъ,
Подъ шапками пусты.

Этой порубежной фарсы не доставало, чтобъ въ мысляхъ вашихъ утвердить безъ того уже выгодное мнѣніе, которое вы приобрѣли объ ихъ Иранѣ. Богъ съ вами однако; вы теперь дома, или почти дома, съ достойнымъ Романомъ Ивановичемъ ²⁾ и съ другими людьми, вамъ пріятными. А мы! я!—Со всѣмъ тѣмъ не воображайте меня зарытымъ въ книгахъ; это остается до будущаго времени. Съ вашего отѣзда я домъ мой вверхъ дномъ поставилъ, расширилъ, надстроилъ, пристроилъ, и если бы вамъ воротиться, никакъ бы не узнали комнату, гдѣ такъ усердно упражнялись въ бостонъ и асонассъ. И даже игрѣ смѣна. Теперь въ модѣ vingt-un съ Алларомъ и Джибелли. Я выигрываю: Мазаровичъ ³⁾ ругаетъ, и еще больше, когда слышитъ, что маленькую de la Fosse я непременно къ себѣ беру.

¹⁾ Н. А. Каховскій, сынъ А. М. Каховскаго старшаго, своднаго брата А. П. Ермолова, служившій въ военной службѣ на Кавказѣ.

²⁾ Р. И. фонъ-дёръ Ховенъ, исправлявшій должность гражданскаго губернатора Грузіи съ 1818 по 1829 гг.

³⁾ Повѣренный Россіи при персидскомъ дворѣ.

Рѣзвал, милая! Воля Симона, ⁴⁾ добрѣйшаго человѣка, но виновать ли я, что онъ ударился въ набожность и мораль глубокую! Скука чего ни творить? а я еще не поврежденъ въ моемъ разсудкѣ. Хочу веселости. Онъ мнѣ промежъ правоучительныхъ разговоровъ объясняетъ, что домъ свой запретъ, если я въ новосельи сдружусь съ любовью. Шутить! можетъ, и дѣло говорить, но я вѣрно знаю, что если только залучу къ себѣ мою радость, самъ во дворъ къ себѣ никого не пушу, и что вы думаете? На двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, запрюсь... Въ ту самую пору, какъ къ вамъ мое письмо дойдетъ, это можетъ такъ и сбудется.

У Мазаровича завелся попъ, капланъ, колдунъ домашній, Римскій Епископъ, халдей, потомокъ Балтазара. Гдѣ эдакого Миссіонера открыли? Шахзadı ⁵⁾ подарилъ его Повѣренному и братья Козеоры причащаются. На дняхъ мы хоронили Кастальди, отъ котораго Mme Lallaginière овдовѣла. Вотъ вамъ чинъ погребенія: покойникъ былъ Неаполитанецъ, католикъ. Отпѣвали его на Халдейскомъ языкѣ. Духовный влиръ: Несторіане, Аріане, Макаріане, Махинейцы, Преадамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полу-равнодушные, полу-растроганные, мы были и наши товарищи Европейцы—Французы, Англичане, Итальянцы, и какое же разнообразіе вѣръ и безвѣрій! Православные, Греки, Реформаты, Пресвитеріане, Сунни и Шиа! а всего на всего лицъ съ двадцать! всякаго звѣра два, два. Очень пестро, а право не лгу. М*** ⁶⁾ сочинилъ эпитафію по Латынѣ, я—Русскую:

Изъ странъ Италіи—отчизны
Рокъ недовѣдомый сюда его привелъ.
Скиталець, здѣсь искалъ онъ лучшей жизни...
Далеко отъ своихъ смерть близкую обрелъ!

Длинно и дурно, но чтобъ не вычеркивать, замѣню ее другою, въ ней же заключается историческая истина:

Брыкнула лошадь вдругъ, скользнула и упала,—
И доктора Кастальдія не стало!

Желаете ли государственныхъ вѣстей? Абасъ Мирза ⁷⁾ халать отъ отца получилъ; мы не ѣздили глазѣть на эту помпу. Третьяго

⁴⁾ Мазаровича, Семена Ивановича.

⁵⁾ Аббасъ-Мирза, любимый сынъ Фетх-али-шаха и наследникъ престола. Шахзadı по персидски значитъ: „царевичъ, принцъ крови.

⁶⁾ Фамилія не выписана вполне и въ подлинникѣ.

⁷⁾ См. примѣчаніе 5.

дня на Фет-Али-хана ⁹⁾ петлю навинули, и уже фараши готовились затянуть, но пророчествующій въ Магометѣ Пиш-Намазъ спасъ будущаго удавленника и укротилъ гнѣвъ Шахзади, который за то взбѣлся, что хлѣбъ дорогъ. Скупщики всякаго жита каймакамъ и визирь, а Фет-али-хана давятъ. Фет-али-ханъ въ свою очередь, чтобъ дешевле продавалась насущная пища, пошелъ всѣхъ бить на базарѣ, и именно тѣхъ, у которыхъ ни ломта нѣтъ хлѣба. При такихъ обширныхъ и мудрыхъ мѣрахъ Государственнаго хозяйства отдыхаетъ наблюдатель, которому тошнить отъ ихъ дѣлъ съ нами, отъ нашихъ съ ними..... рѣзба изъ вишневой косточки.

Разнесся слухъ о прибытіи въ Тифлисѣ Главномандующаго ⁹⁾. Шахзаде намъ объявилъ, и естли не бредить, думалъ я, такъ это новое доказательство, что онъ объ Тифлисѣ больше насъ знаетъ, правда и мы лучше его смыслимъ о томъ, что въ его собственномъ городѣ происходитъ, но утѣшенъ ли? особенно для людей, которые различны языкомъ, нравами, и физикою и моралью. Всѣ однако согласно уважаютъ Алексѣя Петровича ¹⁰⁾, а отъ него награда—пренебреженіе! Слухъ подтвердился, и вы, умолча обо всемъ прочемъ, засвидѣтельствуйте мою преданность ео, qui saucasei fastigia montis sua sub iuga mittet, Роману Ивановичу ¹¹⁾, Алексѣю Александровичу, Ивану Александровичу ¹²⁾ искреннее почтеніе, прочимъ по порядку то-же. Да вообще Кабардашкѣ и другимъ придворнымъ Генерала низкій поклонъ.

Прощайте, мой любезный Николай Александровичъ, удовольилъ я ваше терпѣніе, жду 2-го номера отъ васъ, а отъ меня еще то-ли будетъ. Не извиняюсь, но гдѣ же позволено предаваться шутливости, коли не въ томъ краю, гдѣ ея порывы такъ рѣдки. Мои сотруженіи обнимаютъ васъ пріятельски.

Покорнѣйшій

А. Грибодовъ.

Фортопянъ еще нѣтъ. Катоптрикъ Леташинскій постоянно мѣшкаеть.

⁹⁾ Фет-али-ханъ былъ беглербегомъ (губернаторомъ) Тавриза.

⁹ и ¹⁰⁾ Ермолова.

¹¹⁾ Т.-е. „покорителю горныхъ хребтовъ Кавказа“.

¹²⁾ Вельяминовымъ.—И. А. Вельяминовъ былъ начальникомъ дивизіи въ Грузіи и на немъ лежали всѣ заботы по внутренней администраціи края за частыми отлучками А. П. Ермолова по военнымъ дѣламъ. Братъ его А. Александровичъ былъ начальникомъ штаба кавказской арміи.

II.

Табризь 25-го іюня 1820

Жду, не дождусь письма отъ васъ. Что вы мнѣ такое намекали объ отъѣздѣ въ Петербургъ? Какъ это? Когда? Оффициально? Или по догадкѣ вашей? Выведите изъ сомнѣнія, любезный Николай Александровичъ. Либо воскресите, либо добейте умирающаго. Еще слушайте кое-что: было время, обольстилъ меня добрѣйшій Романъ Ивановичъ ¹³⁾ и я въ Андреевской ¹⁴⁾ просилъ у Главнокомандующаго ¹⁵⁾ быть переведеннымъ въ Тифлисъ судьей, или учителемъ. Коли вздумаютъ опечалить меня исполненіемъ этой отчаянной просьбы, и зайдетъ рѣчь объ этомъ, вы ужъ какъ-нибудь отвратите отъ меня грозу: потому что я ни за сокровища Оранжева нигдѣ и никогда, вѣкъ не жалецъ болѣе по сю сторону Кавказа.

Lindsay и Mackintosh ¹⁶⁾ сперва много писали добраго о Грузин, потомъ жаловались на Полицейскій присмотръ за ними. Мнѣ непонятно, либо это собственное ихъ неосновательное замѣчаніе, либо въ самомъ дѣлѣ неловкая шутка полицеймейстера. Кому два Англичанина опасны? Они же разобитые разстались съ Персіей. Что касается до Политическихъ развѣдожъ, такъ для этого нѣтъ нужды Аббасу ¹⁷⁾ отражать Европейцевъ: по большей части Тифлисы сами продали свои души Персіянамъ. Кажется, намъ должны быть выгодны посѣщенія людей денежныхъ, и честь дѣлаетъ нынѣшнему управленію такой землю, которая оглашена была непроходимую отъ Лезгинскихъ ножей, а нынѣ Монтисъ ¹⁸⁾ говоритъ, что его соотечественники безъ числа покушаются туда путешествовать.

Какъ жаль однако, что васъ теперь нѣтъ здѣсь. Мазаровичъ ¹⁹⁾ отстроилъ Palais de Russie великолѣпнѣйшій. Мой домикъ, кабы не колебался такъ часто отъ землетрясеній, загляденье на Востоѣ. И вашихъ бы вы женщинъ у меня нашли! Именно—не одну,

¹³⁾ См. примѣчаніе 2.

¹⁴⁾ Крѣпость въ Терской области, нынѣ уже не существующая.

¹⁵⁾ А. П. Ермолова.

¹⁶⁾ Англійскіе офицеры, состоявшіе на персидской службѣ, для обученія персидскихъ ирегулярныхъ войскъ.

¹⁷⁾ См. примѣчаніе 5.

¹⁸⁾ Англійскій инженеръ, состоявшій при назначенномъ въ Персію англійскомъ министрѣ Макдональдѣ.

¹⁹⁾ См. примѣчаніе 3.

а многихъ, и одна прелестнѣе другой. Кто бы это предвидѣлъ мѣсяца два тому назадъ! Пути любви несповѣдимы.

Прощайте, любезный мой; не взыщите на скоропись и недостатокъ склада. Боленья жестоко и пишу съ удивительнымъ напряженіемъ тѣла и души.

Алексѣю Александровичу ²⁰⁾ мое почтеніе скажите.

Вамъ преданный и покорнѣйшій

А. Грибоедовъ.

(Адресъ) Его высокоблагородію М. Г. Николаю Александровичу Каховскому.

III.

Табризь 19 октября 1820.

Поздравляю васъ съ наступающимъ октябремъ, любезнѣйшій Николай Александровичъ, съ тѣмъ самымъ октябремъ, который, по вашимъ словамъ, долженъ свести насъ въ Тифлисъ. Слѣдовательно—для меня праздникъ. Не суетно-ли ваше предсказаніе? Хотя неправда, да отрада. Валетъ ²¹⁾ мой скажетъ вамъ, какъ я живу безъ Мазаровича: денегъ нѣтъ, ума нѣтъ.

Много благодарю васъ за ваше письмо. Его привезъ мнѣ Политическаго свойства армянинъ, Казаръ, глупѣйшее созданье, какое только есть въ двухъ союзныхъ Государствахъ. Пишите мнѣ о Мирзѣ-Массудѣ ²²⁾, какъ его Главнокомандующій принялъ. Если велить его побить, такъ это много наши дѣла въ Персіи поправить.

Въ вашихъ вѣстяхъ упоминается о будущей свадьбѣ. Поздравляю Коцебу ²³⁾, а не Елену Романовну ²⁴⁾. Стало бытъ покойнигъ Августъ фонъ Коцебу породнится съ Романомъ Ивановичемъ и съ Алексѣемъ Петровичемъ. Слѣдовательно, въ Тифлисѣ нельзя будетъ откровенно говорить объ его литературномъ пачваньи? Нѣтъ нигдѣ уже въ Русскомъ царствѣ свободы мнѣній! Прощайте. Завтра, чѣмъ свѣтъ, Амликъ ²⁵⁾ мой окажетъ свою курьерскую борзость. Ложусь спать.

Вѣрный вамъ

Грибоедовъ.

²⁰⁾ Вельяминову. См. примѣчаніе 12.

²¹⁾ Г. е. слуга (valet).

²²⁾ Статсъ-секретарь и главный переводчикъ Аббаса-Мирзы.

²³⁾ М. А. Коцебу, сынъ извѣстнаго драматическаго писателя А. фонъ-Коцебу, убитаго въ 1819 году студентомъ Зандомъ.

²⁴⁾ Дочь Р. И. фонъ-деръ Ховень.

²⁵⁾ Слуга Грибоедова, дѣлавшій съ бариномъ, что хотѣлъ. По словамъ М.

(Приписка сбоку). Алексѣю Александровичу засвидѣтельствуйте чувство глубочайшаго... ²⁶⁾.

(Вторая приписка сбоку, противъ послѣдняго абзаца). Секретно отъ Романа Ивановича, которому скажите мое искреннее почтеніе.

(Адресъ.) Его Высочайшему М. Государю Николаю Александровичу Каховскому, въ Тифлисъ. Ордена Св. Равноапостольной княжны и прелюбоугодной мученицы Анны 3-й степени Кавалеру.

IV.

Табризь, 27 декабря.

И такъ, вы въ негодованіи на меня, любезный Николай Александровичъ, за упрямство, съ которымъ я какъ будто присягнулъ не писать вамъ, такъ мнѣ Шамиръ говоритъ. Непонятный чело-вѣкъ, я бы на вашемъ мѣстѣ радовался, что унялись слушать вамъ свою скукою: потому что во всѣхъ моихъ письмахъ одно и то же, какъ вчера, такъ и нынче. Прощаемъ въ пустынѣ, брошенные людьми и Богомъ отверженные. Пришлите къ намъ Шамира скорѣе; авось оживитъ насъ нѣсколько, или—нѣтъ, пусть его веселится, женится, пѣсни поетъ: однимъ счастливецомъ больше на свѣтѣ.

Продолженіе впредь съ Канумомъ, который чрезъ три дня отправляется ²⁷⁾.

Вложенный здѣсь конвертъ возьмите на себя трудъ передать Роману Ивановичу; челомъ бью о пересылкѣ по адресу.

Sérieusement, il y a quelque chose qui m'empêche de Vous continuer ma présente, mais Vous serez pleinement récompensé par l'ennui que je m'apprete à Vous causer avec une epître longue de dix aunes *).

(Приписка сбоку). Попросите Романа Ивановича въ скоромъ времени переслать конвертъ ²⁸⁾ потому что мнѣ оно очень важно. Дружески васъ обнимаю и прошу не сердиться.

Н. Лонгинова, Амликъ былъ стихотворецъ и резонеръ. Разсужденія его были въ родѣ слѣдующихъ: „Какъ богатъ русскій языкъ! Ну, на какомъ языкѣ можно выразить слово: меланхолія?“—Или: „къ чему вводить иностранныя слова, на примѣръ, бульваръ, когда можно сказать по-русски: аллея?“

*) Окончаніе фразы заклеено.

*) (Переводъ). Кромѣ шутокъ: мнѣ нѣчто препятствуетъ продолжать настоящее письмо, но вы будете вполне вознаграждены тою скукою, которую я собираюсь вамъ причинить посланіемъ въ десять аршинъ.

27) Въ подлинникѣ, въ этомъ мѣстѣ, приписано по-персидски: „сепартъ-башидъ“, что по-русски можно перевести: „будьте поручены“. Кажется, что Грибоѣдовъ не дописалъ до конца своей фразы.

28) Одно слово, или нѣсколько, заклеено.

Д о п о л н е н і я

къ

Библиографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка.

Съ тѣхъ поръ, какъ „Библиографическій списокъ“ вышелъ въ свѣтъ въ отдѣльныхъ оттискахъ (августъ 1888 года), у меня собралось значительное число дополнительныхъ данныхъ: мнѣ доставлены и указаны были или новые списки уже отмѣченныхъ повѣстей, или новыя повѣсти, раньше неизвѣстныя. А именно болѣе или менѣе любопытныя рукописи были мнѣ сообщены гг. М. С. Сперанскимъ, П. Н. Тихановымъ, Н. С. Тихонравовымъ; нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены М. И. Соколовымъ, А. А. Титовымъ; Л. Н. Майковъ передалъ мнѣ библиографическія замѣтки о подлинникахъ нѣкоторыхъ повѣстей, а также объ отношеніяхъ рукописныхъ повѣстей къ печатнымъ ихъ изданіямъ. Весь этотъ матеріалъ мы расположили въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, каковой принятъ въ „Библиографическомъ спискѣ“. Какъ увидитъ читатель, прежній списокъ значительно размножился новыми списками и новыми названіями. Полагаемъ, что дальнѣйшіе поиски, своего рода литературныя раскопки, принесутъ еще новыя дополненія къ нашему списку. Въ концѣ мы помѣстили отдѣльно еще новую отрывшуюся попытку русской повѣсти, составленной вѣроятно по иноземному образцу, отъ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка.

Отмѣтимъ еще неточности, вкравшіяся въ „Библиографическій списокъ“, а именно: при нѣкоторой разницѣ заглавій списки одной и той же повѣсти, найденные мною въ разное время, поставлены врозь: „Великодушный Индіанецъ“, стр. 11 и 28; „Любимъ, принцъ“ стр. 37 и 71.

А. Пытинъ.

Ноябрь 1889.

Аделеида Африканская.

По сообщенію Л. Н. Майкова, въ печатномъ изданіи тотъ же переводъ, что въ рукописи.

Адельсонъ и Сальвини.

Въ печатномъ изданіи 1779 г. тотъ же переводъ, что въ рукописи. Повѣсть эта помѣщена также въ журналѣ „Городская и деревенская бібліотека“, М. 1782, ч. III, стр. 1—80 (сообщ. Л. Н. Майк.).

Алмеменесь.

— „Гисторія о скинскомъ королѣ Алмеменесѣ и королевѣ Меналиппѣ“,—въ рукописи собранія г. Шляпкина, XVIII вѣка, № 53.

Начало: „Государство скинское есть, какъ вамъ, предрагія принцессы, самимъ извѣстно, не токмо наидревнѣйшее“...

Конецъ: „конецъ осмой части о Клеопатрѣ. Клеопатры девятая часть первая книга“.

Аристоной.

— Рукопись XVIII-го вѣка, собранія г. Тихонова, № 325, на 52 листахъ 4^о.

На 1-мъ листѣ, новымъ почеркомъ: „Авантуры Аристоносовы (sic). Писаны рукою Александра Даниловича Янкова“; на оборотѣ: „A. de Уапсоф, можетъ быть, тою же рукою и чернилами, какъ самая рукопись.“

Л. 2-й: „Предисловіе к читателю“.—„Любезны читателю. Случилось мнѣ читать книги некоторыя и разные матеріи на французскомъ языкѣ; между которыми нашель авантуры Аристоносовы и которая мне велми полюбилась и не могъ себя удержатъ, чтобъ ея не переложить на русской языкъ какъ ради забавы своей, такъ общей ради пользы; любезный читателю оная авантура Аристоносова много добраго нравочученія в себе содержать“ и пр. Указавши, какъ авантура ведетъ къ познанію добродѣтели, предисловіе продолжаетъ:... „Токмо прошу покорнѣйше дабы отпустить мне, ежели явится какое погрешение в штиле, а ежели же кому угодно будетъ критиковать которое безсумненія можетъ статся и то меня не удивляетъ ни страшитъ понеже труды людей наипремудрѣйшихъ в свете и техъ не пощадили критиковали или пересмѣхали“ и пр.

4-й листъ пустой. На 5-мъ заглавіе: „Авантуры Аристоносовы“; нач.:

„Соверонимъ собранныя богатства предками своими потерявъ ихъ нещастиемъ на море, идеже разбило карабли его, и другими многими напастми, случившимися ему, утешалъ себя целомудриемъ своимъ, во островѣ Деллосъ, на которой брошенъ былъ бурью морскою, тамо поуще ему (согласуясь со гласомъ лиры златой) чудеса боговъ, потомъ рабо-

тая с музами, ими же весьма любимъ бе: любопытно же изыскивая всё секреты натуралныя“ и пр.

Конецъ:... „Тогда парка держащая в рукахъ своихъ нитеу жизни нашей и ножицы всегда готовы пресече жизнь Евхарисы; Соверонимъ погребѣ тѣло матери своей с великою честью и не возможе долго пребыти тамо продавъ все имѣние отпусти богатство свое в Лицію с вѣрнымъ отъ рабовъ своихъ, и учини волныхъ всехъ неволниковъ своихъ дабы болше умилостивитъ боговъ самъ же отиде с Нарбаломъ в Преницію, и тамо взя в жену себе любезнейшую свою Антионну и возвратился с нею в Лицію.—Конецъ“.

(Визу новѣйшимъ почеркомъ: „50 листовъ“,—т. е. не считая двухъ неписанныхъ.)

Бертольдъ.

Первое печатное изданіе „Итальянскаго Езона“, Спб. 1778. (Собщ. Л. Н. Майкова).

Брунцвикъ.

„Повѣсть о нѣкоемъ крагѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и о храбрости его како онъ ходилъ в морскихъ отокахъ съ великимъ звѣремъ лвомъ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4^о, л. 243—275.

Нач. „В лѣто шесть тысячъ осмь сотъ чetyредесятъ пятое, бысть въ чesкой земли кралевичъ именовъ Брунцвикъ сынъ славнаго короля Штылфрида и остана послѣ смерти отца своего в чesкой земли на кралевствѣ тринадцати лѣтъ и нача кралевство держати“ и пр.

Конецъ:... „и славу имѣлъ и не токмо во своей земли но и во иньныхъ незнаемыхъ славенъ былъ. Такому убо витязю и смерти не чаяти, егда же приде конецъ житія его и смерти часъ приспѣ его яво единого от простыхъ и ничтоже отъ сихъ взялъ и мало ползуетъ развѣ токмо добрыя дѣла яже къ Богу, слава же наша ни во что суетная и нѣсть пользы в ней во ономъ вѣцѣ а яже угодна Богу сотворихомъ то убо ждемъ воздаяніа, къ нему же сицѣ рцемъ: избави насъ Господи по милости своей страшныхъ и нестерпимыхъ мученій ащебо и зѣло согрѣшихомъ но тебѣ истиннаго творца не отступихомъ тебе Господи нашъ во вѣки вѣковъ аминь. Конецъ сей гисторіа“.

Василій Златовласый.

— „Гисторія о Василіи королевичѣ Златовласомъ земли Цесарской и о Полиместрѣ королевичѣ французской“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4^о; гисторія л. 176—194.

Начало: „Бысть в древнія лѣта в немецкихъ режахъ в цесарской земли во градѣ Прагѣ король именовъ Апанимдовъ зѣло благонравенъ богатъ и славенъ і всякія добродѣтели исполненъ имѣя у себя единого сына именовъ Валамемъ еже есть Василій зѣло добролична и добрословна и премудра. И таковыя ради красоты его прозва Златовласымъ“...

Конецъ:... „и раздѣли имъ королевства свои, Карлусу даде Францію, Александру свою Ческую землю и потомъ скончася с королевною своею Полиместрою, дѣти же ихъ по смерти родителей и сродства своего добрѣ управляли и поданнымъ своимъ великую честь творили, якоже и отецъ ихъ творилъ король Василій Златовласый.—Конецъ сей гисторіи“.

Издѣлованіе объ этой повѣсти А. Н. Веселовскаго (Загѣтки по литературѣ и народной словесности, въ приложеніи къ Запискамъ Акад. Н., т. XLV, стр. 62—80): авторъ объясняетъ отношеніе повѣсти къ народнымъ сказкамъ, но примаго источника ея не указываетъ. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Виргилій, бразильскій рыцарь.

— „Гисторія о преславномъ нѣкоемъ рыцарѣ именовъ Виргиліусѣ Бразильскомъ и о сынѣ его прекрасномъ королевичѣ Димитріи“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII вѣка, 4^о; гисторія л. 150—175.

Нач.: „Быль нѣкто бразильскій рыцарь именовъ Виргиліусъ красенъ бѣ зѣло и хитръ велии, которого красоты мѣры положить невозможно, а о школьныхъ его понятныхъ наукахъ и во многихъ странахъ было изображено ясно гдѣ и самъ пребывалъ красна кредитство и бесѣдъ со многими учителями имѣлъ желая видѣть свѣтъ и возобновленіе своего отечества“...

Конецъ: „.....И потомъ по воли всемогущаго Бога какъ бразильскій королевичъ Димитрій такъ и французская Репутация умре, а послѣ своей смерти оставили дѣтей своихъ о которыхъ значить выше оного и тако сия гисторія кончалась, а погребены оныя бразильскій королевичъ и королевна французская обще съ мужемъ своимъ честно въ мечети (sic) Петра и Павла, а въ ту мечеть дано денегъ для украшения сто тысячъ рублевъ и изъ сосудовъ нѣкихъ довольно“.

Въ текстѣ между прочимъ: „кнехтъ, а по російски холопъ“.

Дервишъ мухаметанскій.

— „Повѣсть персицкая о нѣкоторомъ дервишѣ, монахѣ мухаметанскомъ“,—въ сборникѣ собранія А. А. Титова, разныхъ почерковъ, полууст. и скороп. XVIII вѣка, № 3150, 4^о, л. 84—114.

Начало: „Нѣкоторый дервишь *), живущій въ пустыни близъ Астрахани **), возвращаясь однимъ вечеромъ съ рыбной ловли по берегу рѣки Волги и вошедъ въ сдѣланную для себя землянку, весьма удивился, увидя въ оной младенца совсѣмъ нагого, котораго взявъ онъ къ себѣ на руки, тотъ часъ побѣждалъ сказать о семъ приключеніи астраханскому портному, именемъ, Урбану, отъ котораго онъ часто милостыню получалъ“ и пр.

л. 99 об. „Продолженіе повѣсти Шемъ Эдиновой“ (это, кажется, найденный младенецъ). Нач.: „Астраханскій царь, слыша сіе, несказанно изумился, хотя тогдашнее его состояніе долженствовало единственно его побуждать къ отмщенію“...

Конецъ (л. 114 обор.): „Сія рѣчь дошла до Абубекера, которой (—му?) весьма то досадно было. Сносно ли это, говорилъ онъ женѣ своей и сыну, чтобъ усердіе, которое имѣлъ я о ханскомъ здоровьѣ, превращать въ шутку; какъ я самъ поѣду въ Серендибъ и посмотрю, справедливо ли о томъ писано, есть ли намѣреніе мое по желанію моему“.... (Сообщ. А. А. Титовымъ).

Ср. далѣе „Тысячу и одну четверть часа“.

Долторнь.

— „Гистория о гишпанскомъ знатнаго рода дворянине служившемъ при королевскомъ дворе имянуемомъ Долторне и о прекрасной королевно Елеоноре гишпанской и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ“,—въ рукописи П. Н. Тиханова, 1748 г. (см. „Ефродитъ и Максїонъ“), 4°, л. 34—65.

Начало: „В древние времена в Гишпани былъ король Асиноберхъ, которой силою и храбростію такоже и разумомъ европейскихъ самовладелцовъ превосходилъ [отчего Гишпанія обогатилась и очунъ прославилась“ и проч.

Донъ Рамиръ Деразасъ и донна Леонора Демендосъ.

Подлинникъ: *Avantures de don Ramire de Roxas et de dona Leonora de Mendocce, tirées de l'espagnol. Par m-me L. G. D. R. Paris. MDCCXXXVII. Соч. г-жи le Givre de Richebourg.* (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Едуардъ и Клеомелия.

Подлинникъ: *Histoire de Cléomélie. Nouvelle traduite de l'anglais, de m-lle Elise Haywood въ Bibliothèque universelle des romans, 1777, avril.*

*) „Дервиши называются магометанскіе монахи, они притворяютъ себя тихими, смиренными, терпеливыми и человеколюбивыми, ходятъ босикомъ и открывши грудь“, и т. д.

**) „Астрахань есть столица Астраханской провинціи, на границѣ пустой тѣтерїи (Татарїи), около устья рѣки Волги, на Каспійскомъ морѣ, по своему положенію, которое снѣжно съ Азіей и Европой, имѣетъ въ себѣ великій торгъ“.

Ефродить и Мансіонъ.

Въ рукописи П. Н. Тиханова, гдѣ помѣщена также гисторія о Долгорукомъ, 4°. „Ефродить“ занимаетъ л. 1—33, но перваго листа недостаетъ. Писано плохимъ почеркомъ; рукопись зачитанная, а также источенная червями. На послѣднемъ листѣ запись: „Сия гисторія лейбгварди семеновскаго полку 9 роты салдата Алексея Трубицына писана марта 23 дня 1748 году“; затѣмъ другою рукою: „Сия історія лейбгварди Семеновскаго полку 6 роты салдата Алексея Григорьева сына Берескина (или Берестина), а подписалъ я Берескинъ своею рукою“.

Задигъ.

„Задигъ или сутба, повѣсть восточная“. Въ той же рукописи, собранія П. Н. Тиханова, гдѣ находится еще „Францель“, л. 64—110. Въ концѣ недостаетъ одного листка съ послѣдними строками повѣсти.

л. 64. „Предупрежденіе“.

„Славнаго Волтера сочиненія для превосходнаго во оныхъ разума, хорошаго слога и нравоченія съ похвалою отъ всехъ приемлются, охотно читаются и на иностранныя языки переводятся. Между оными повести его темъ приятнее, что имея впротчемъ сходство со обыкновенными любовными скасками заключаютъ в себѣ несравненно болше острыхъ мыслей тонкой критики и разумныхъ наставленій. Задигова восточная повесть и виденіе Бабука суть изъ числа техъ первая переведена уже однажды на русскій языкъ и напечатана в сочиненіяхъ 1759 году но поже она печатана по частямъ в разныхъ местахъ а сверхъ того много в ней пропущено что можетъ веселить и наставлять читателя, то въздумалось некоторому охотнику перевести оную вновь и издать особливою книжкою придавъ к ней виденіе Бабука, которою отъ г. Волтера къ повести Задига также присовокуплено и к нимъ прибавить элегію Г. Душа которая будучи изъ лучшихъ и новыхъ въ семъ роде сочиненій упователно читателямъ ненеприятна будетъ“.

„Приношеніе султана Шераа отъ Сади. 18 числа месеца шевала Гегиры 834 года. Прелесть очесъ, мученіе сердцець, светъ разума. Я не целую праха ногъ твоихъ, для того что ты никогда не ходишь, или что ходишь по коврамъ иранскимъ, или по разамъ (т. е. розамъ) подношу тебе переводъ книги некотораго древняго мудреца, которы имея щастіе быть безъ дела, былъ щастливъ писать для забавы Задигову исторію; книгу изъявляющую болше нежели она изъявлять кажется“ и проч.

Конецъ, на л. 110 обор.: „....Сетокъ призванъ изъ Аравіи с прекрасною Алмоною и поставленъ начальникомъ надъ вавилонскими дорогами, Кадоръ былъ награжденъ и любимъ по мере своихъ заслугъ онъ зделался царевымъ другомъ“....

Нѣсколькихъ листковъ въ срединѣ недостаетъ.

Зекзекбекъ Индостанецъ.

Подлинникъ: Zeczech, anecdotes indostanes. La Haye. 1751. 2 vol. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Зеленая птица.

Подлинникъ: L'oiseau bleu, въ Contes des fées, par m-me d'Aulnoy (много изданій); перепечатано въ Bibliothèque universelle des romans, 1776, juin.

Зелимъ и Дамазина.

Въ изданіи Спб. 1761 не тотъ переводъ, что въ рукописи. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Изабелла Мендоза.

Подлинникъ: Histoire de la comtesse de Savoye, s. l. 1726. Сочиненіе г-жи L. de Givry comtesse de Fontaines, къ которой Вольтеръ написалъ хвалебное посланіе, напечатанное въ началѣ этой повѣсти. Вторую половину этой небольшой книжки составляетъ „Histoire du comte d'Eu“, рассказанная самимъ графомъ д'Э, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ первой повѣсти. Въ русскомъ переводѣ находятся обѣ повѣсти, какъ видно изъ сличенія приведенныхъ выше послѣднихъ строкъ рукописи съ французскимъ оригиналомъ.

Совершенно непонятно, почему авторомъ Приключеній графини Савойской какъ въ рукописи, такъ и въ печатномъ изданіи русскаго перевода названа г-жа Кошуа: такой писательницы неизвѣстно во французской литературѣ XVIII вѣка.

Печатный переводъ не тотъ, что въ рукописи. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Ипполитъ, англійскій кавалеръ.

Романъ объ Ипполитѣ и Жуліи, по указанію г. Шляпкина, находится также въ рукописи Тверскаго Музея, № 39.

Ицакъ, баронъ.

Подлинникъ французскій, предшествовавшій указанному выше нѣмецкому переводу: „L'heureux imposteur ou aventures du Baron de Janzas. Par de Mirone. Utrecht. 1740. (Сообщ. Л. Н. Майк.).

Кандидъ (съ печатнаго).

„Кандидъ или оптимизмъ, то есть, наилучшій свѣтъ. Переведенъ съ французскаго. Цѣна 60 копѣекъ. Въ Санктпетербургѣ 1769-го года. Съ печатнаго списанъ Дм. Сом. въ селѣ Горкахъ. Начать списывать 1801-го года февраля 23-го дня; а кончанъ марта 20-го того жъ году“.

Рукопись 4°, на 91 стр., прекраснаго четкаго письма, изъ собранія П. Н. Тиханова.

Карль Орлеанскій и Анибелла.

Первое изданіе русскаго перевода вышло въ свѣтъ не въ 1763, какъ показано у Сопикова, а въ 1765 г. Печатный переводъ отличенъ отъ рукописи.

Подлинникъ: *Leben Charl von Orleans und Anibelle. Dresden und Leipzig. 1749.* (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Коронатъ.

Огромная рукопись, сообщенная мнѣ М. Н. Сперанскимъ, писанная уборнѣстѣмъ полууставомъ середины прошлаго вѣка, 4^о, на 340 листахъ по старой помѣтѣ; въ старомъ холщевомъ переплетѣ. Верхняя часть книги, до половины ея, обгрызена мышами, такъ что почти во всей первой половинѣ рукописи на страницахъ недостаетъ строевъ шесть; къ серединѣ обгрызено меньше.

На 1-мъ листѣ заглавіе: „Исторія или“... Остальное заклеено. На оборотѣ: „О Коронате: томъ второй, и о его чудныхъ хожденіяхъ, о предивныхъ сказынныхъ ему отъ 7 человѣкъ исторей“.

Начало (послѣ обгрызеннаго):... „во волнахъ морскихъ и носить на брегъ моря; морская мгла къ высотѣ небесной предъ взяся; высокопарныя птицы морскія на камняхъ множествомъ облелѣны были. Вали морскія въ тишину обратились“ и проч.

На послѣднемъ, 340-мъ листѣ, обор.: „....Агала Расини ѣхалъ со охотники в поле, какъ увидѣлъ Короната и любезную своюедва въ память пришло; вспомнилъ отвѣтъ идола Дагока, что найдетъ свою любезную въ странѣ Награнской, палъ на ея выю цѣловалъ с плачемъ и благодарилъ Короната, что онъ ея приобрѣлъ.... взошедъ в город и в полаты была радость чудная во всемъ дворѣ Агрія царя. Нимало медля Расини взялъ ея себѣ в жену и былъ тутъ мѣсяць поѣхалъ в свою страну: идѣ же упомянется в томѣ — — —“. (Оставленъ пробѣлъ.)

Въ исторію Короната внесено здѣсь 18 вводныхъ повѣстей, а именно:

— „1-я исторія Алексаміра Триптолема Драндіона принца Фрейгрена, о принцѣ Гвильгельмѣ Гомере Лерме острова Моріаниса с принцессою Липидскою Олгеію Лятоною“. Далѣе отдѣльныя главы этой исторіи: „первая хитрость“ (далѣе оторвано); „Въ 2-я хитрость Лятоны надъ принцомъ Лермомъ“; (оторвано)... „надъ принцомъ Гомеръ Лермомъ“; „1 отщепеніе и хитрость отъ принца Лерма надъ женою своею Олгеію Лятоною“; „Вторая хитрость принца Лерма надъ женою Лятоною“; „Третья хитрость принца Лерма надъ женою своею Лятоною“.

— Заглавіе 2-й повѣсти отгрызено.

— „3-я исторія 2-го пришелца Еверміона Декондеа принца Тебаскаго с принцессою Геспериадскою и Теарскою Амеітрідою Горациєю Дюною и с прочими принцессами“.

— „Брань принца Еверміона с кумиры и китомъ“.

- „О превращеніи принца Еферміона отъ королевы Амамини в козла“.
- „4-я гісторія принца Еформіона с принцесою Гиперейскою Ішподамією“.
- „5-я Гісторія принца Еферміона Декондеа с принцесами Ацевинскими Абдесаною и Полукою“.
- „6-я історія старика Дулминара обо отцѣ своемъ мавританинѣ Арбитере и о принцесе Угробанѣ Беокѣ и о протчихъ принцесахъ“.
- „7-я історія старика Дулминара об себѣ и о арапской принцесе Амалеен Касіи“.
- „Продолженіе історіи Артиберовой“.
- „Продолженіе історіи принца Еерміона с принцесою Аббісінскою Полемоною“.
- „8-я історія 3-го пришелца Мітрена Меноврита Харанея восточнаго острова Сармасата и о двухъ его сестрахъ двоюродныхъ королевства Тіорскаго Азалкане Оладорскаго Амадазанѣ“.
- „Історія 9-я 4-го странника Діодора Хареса с принцесою Еѳіопскою Сакердоною, и со двумя ея братьями Епенетомъ и Трапезитомъ“.
- (л. 143) „10-я історія принца Бразильскаго Діодора, Хареса с принцесою Еѳіопскою Сакердоною и двумя везиры Кронбондомъ и Хаерасономъ“.
- (л. 155 об.) „11 історія принца острова Хіотиса Никомакъ Ахерона с купеческою дочерью града Ворита Оріеркою Дасаною“.
- (л. 176 об.) „12 історія студента віротскаго Элезбонта о Равенскомъ князѣ Олшанской еамиліи, зовомомъ Коріоре Сеорціи со вельтмаршельскою женою Измарагдою Леорой“.
- (л. 191) „13 історія 6-го странника принца Елезвинскаго Адмеда Аскалава Діора с прекрасною керенскою купеческою дочерью Диларою и о двухъ его соперникахъ принцахъ Коріоре Ерекирскомъ и Долидоне Иваронскомъ“.
- (л. 218 об.) „14 історія купца Усланбека, сына ево Солодина Солимана Хазисалама“.
- (л. 222) „15 історія купеческой дочери Оилистімы съ купцомъ Намаракомъ“.
- (л. 231) „Продолженіе Усланбекова сына Саладина с Оилистімою“.
- (л. 134, по ошибкѣ в м. 234) „16 історія купца Полиандра о бытѣ(и) его в Перси съ шахиною Дуканою“.
- (л. 152, в м. 252) „Окончаніе історіи Аскалавомъ“.
- (л. 157, в м. 257) „17 історія царя Агрія Потирія страны Нангранской“.
- (л. 298, в м. 297) „18 історія королевы Оаразины Агранны острова Лизана Кроада“.
- (л. 311 об.) „Докончаніе історіи Еерміономъ о мавританскомъ принце Дулминарѣ“.

— (л. 325 об.) „18 (должно быть: 19) гісторія везирскаго сына Агала Расинія с принцесою Ерикорскою Лазоной Одолатіюю“.

Въ рукописи, обыкновенно черезъ каждые 8 листовъ, дѣлаются помѣты о числѣ написанныхъ строкъ, около 500,—можетъ быть для расчета за переписку; а съ л. 144, также черезъ 8 листовъ и больше, дѣлаются отмѣтки, когда писано: отмѣтки идутъ съ 24 апрѣля 1763, на л. 144-мъ, до 2 марта 1764 г. на послѣднемъ листѣ.

Крестина дѣвица.

Подлинникъ: *L'Heroïne Mousquetaire, histoire véritable de Christine, comtesse de Meugas. Par de Prehac. Amsterdam, 1722.* (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Лафарій, французскій графъ.

— „Гисторія о славномъ европейскомъ ковалерѣ Лафаріи о прекрасной княжнѣ Медиоланской Маргаритѣ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII вѣка, 4^о; гисторія л. 92—142.

Начало: „Во Франціи подѣ владѣніемъ его величества короля французскаго близъ столичнаго града Парижа, былъ городъ Бардае, в которомъ по регламенту ево величества короля французскаго засѣдалъ графъ Лежуамеръ, которой имѣлъ у себя сына Лафарія“...

Конецъ: „...Спустя недѣлю Рехилій женился на Лафаріевой сестрѣ Румидѣ и стали жить оба в одномъ дому благополучно и въ радости, а камординеру Лафарій за великую службу и вѣрность далъ денегъ и отпустилъ его с волнымъ ашпетомъ, и тако сия чудная історія конецъ о себѣ показываетъ. Конецъ вѣнчаетъ сію історію“.

Магометъ второй и Іеронима.

Есть нѣсколько печатныхъ изданій перевода этой повѣсти, сдѣланнаго Иваномъ Шипкинымъ. Въ октябрѣ 1751 г. Ломоносовъ разсматривалъ въ рукописи трудъ Шипкина, тогда уже умершаго,—по порученію гр. Романа Лар. Воронцова, и одобрилъ его къ печатанію, о чемъ и донесъ канцеларіи Академіи Наукъ. Къ декабрю книга (5^а, листовъ) была уже отпечатана и экземпляры ея выданы Ломоносову для доставленія Воронцову (Биларскій, Мат. для біографіи Ломоносова, стр. 158). Первое изданіе книги означено у Соניкова, № 4810, подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: *Исторія о княжнѣ Іеронимѣ, дочери Дмитрія Палеолога, брата Греческому царю Константину Мануйловичу.* Переведена И. Шипкинымъ. Спб. 1752. Второе изданіе этой книги появилось въ 1765, третье—въ 1783, оба въ Петербургѣ, четвертое—въ 1796, въ Москвѣ. Извѣстное намъ 3-е изданіе содержитъ въ себѣ тотъ же переводъ, что въ рукописи.

Подлинникъ французскій; авторъ и время появленія повѣсти намъ

неизвѣстны, но перепечатку ея можно найти въ *Bibliothèque universelle des romans*, 1776, octobre.

В. И. Майковъ заимствовалъ изъ этой исторіи содержаніе своей трагедіи „Өемистъ и Іеронима“. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Марсель восхищенный.

— „Восхищенный Марсель испытавши свое несчастіе“. Рукопись собранія П. Н. Тиханова, 4^о, на 31 листѣ, письма конца прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія.

Начало: „Восхищенный Марсель побѣдивши всѣ страсти волнуяся въ сердцѣ своемъ, вышедъ изъ своей хижины, увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ лежація равнины“ и проч.

Заглавіе взято, кажется, отъ первыхъ строкъ повѣсти. Марсель предается философіи, презираетъ человѣческія страсти и тщеславіе и удаляется въ уединеніе; но и тамъ испытываетъ измѣну друга и любовницы, и мораль состоитъ, кажется, въ осужденіи самонадѣянности. Повѣсть весьма несладкая.

Мелентесь и Аріанна.

Годъ печатнаго изданія русскаго перевода у Сопикова, № 6124, показанъ невѣрно: вмѣсто 1792 долженъ быть 1789. Этотъ переводъ сдѣланъ Иваномъ Виноградскимъ и посвященъ московскому полицеймейстеру Петру Ив. Годееву. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Метаморфозы Овидія Назона.

„Славнаго римскаго стихотворца Публія Овидія Назона Метаморфозисъ или пятнадцать книгъ Превращенія а чрезъ Вильгельма Бауера на меди вырезаны и ради лучшаго разуменія сія книги съ латинскаго на немецкой переведены къ пользе малеровъ рещиковъ и тому подобныхъ художниковъ чрезъ Терелія Вольфа въ Аугсбургѣ. 1709“.

Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова, 8^о, на 114 перепремѣч. листахъ. Объясненіе 150 „фигуръ“.

Начало: „Фигура 1. Хаосъ смешенія древнія язычники слыша отъ своихъ предковъ что до зачатія свѣта было смѣшеніе, думали что все элементы были смѣшаны вместе“, и проч.

Конецъ:... „Кассій и Брутъ под видомъ освобожденія отечества, получивши случай в Сенате и давши ему 23 раны убили, богиня же Венера душу ево переменяла в комету.—Конецъ“.

Мурадъ и Туркія.

Въ печатномъ изданіи тотъ же переводъ, что въ рукописи. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Обольщенная Генриетта.

„Обольщенная Генриетта или торжество обмана надъ слабостію и заблужденіемъ. Истинная повѣсть. Санктпетербургъ“. На оборотѣ эпиграфъ: „Чувство невыразимое! Здѣсь изображаю тебя слабыми чертами“ и пр. 8^о. Рукопись П. Н. Тиханова.

Л. 2-й, посвященіе: „Его высокоблагородію господину коллегскому совѣтнику Павлу Александровичу Галахову, милостивому государю усерднѣйшее приношеніе“.

Л. 3—посвятительное письмо Ивана Свѣчинскаго.

Л. 4—24 (неперемѣч.). Начало повѣсти: „Такъ—есть чувствительныя сердца трогаящіяся злополучіемъ людей. Есть благотворительныя души сострадающіе съ несчастными и соболѣзнующие о ихъ жребіи“ и проч.

Конецъ:... „Дезормъ и теперь живетъ съ своею супругою—я перестала къ нему питать мстительныя чувствованія, и истребила изъ сердца къ нему ненависть. Но никогда не желаю видать, чтобъ мой взоръ не возмущалъ бы его покою. Здѣсь болѣе я ему ничего не скажу—я имъ несчастна, но могу ли не простить его?... Уповаю, что въ другой жизни мы увидимся, и—будемъ счастливые...! Конецъ“.

Экземпляръ вѣроятно подносный: книжка переплетена въ сафьянъ и на лицевой сторонѣ вытѣснено имя его высокоблагородія П. А. Галахова.

Смирдина, № 8422. Спб. 1801.

Съ печатнаго?

Пересмѣшникъ (съ печатнаго).

„Пересмѣшникъ или словенскія скаски. Часть 1-я. Сочинены в Санктпетербургѣ, 1766 году“. На оберточномъ листѣ: „Ивана Щербачева 1767 года“. Другою рукою: „Получена изъ морского кадетскаго корпуса отъ кадета Николая Селиванова“.

8^о, 227 листовъ неперемѣч., собранія П. Н. Тиханова.

Начало: „Глава 1-я. Господинъ Адударонъ котораго называли моимъ отцомъ, а право или нѣтъ, о томъ сумлеватца всякому позволяю, ибо достоверны сему свидѣтель была бы мать моя родная, которая в самое то время умерла, в которой меня родила“ и проч.

Перувіанка.

„Писма одной Перувіанки. Переведены с французскаго на Россійской языкъ (другимъ почеркомъ добавлено: „Әлигелъ адютантомъ Герасимомъ Савинымъ“) 1752 года“. 8^о, 337 неперемѣч. листовъ. Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова.

Л. 2-й. „Предуведомленіе. Хотя истинна, которая удаляется отъ вероятности, обыкновенно теряетъ свою доверенность предъ разумомъ. однажъ не совсемъ, а для ради малаго сумненія редко бываетъ она признана.“

„Итакъ не долженъ ли опасатся издатель сего сочиненія“ и проч.

Л. 5 об. „Письмо 1. Аза! любезной мой Аза! вопль твоеи нежной Цилии подобной утреннимъ парамъ пропадаетъ и исчезаетъ прежде нежели до тебя достигаетъ, тщетно зову я тебя в свою помощь; тщетно ожидаю я! дабы любовь твоя пришла разрушить оковы въ моемъ неволничестве, но охъ! можетъ быть, твои злополучія воишь я не знаю гораздо ужаснее! можетъ быть еще твои бедствія мои превосходятъ.

„Солнцевъ градъ подверженной ярости варваровъ долженъ былъ извлекать мои слезы; но моя печаль, моя опасность, и мое отчаянiе, единственно о тебе происходятъ“, и проч.

XXXVIII писемъ Перувианки, и VII другихъ писемъ.

Конечъ; „...Не гнѣвайтесь ни мало на мою сестру, ея любовь ко мнѣ и ея чувствительность к моему состоянiю принудило ея выдумать все доказательства, кои вы видели, для моего утешенiя и возобновленiя моихъ упованiевъ; в сеи притчинѣ достойна она извиненiя. Обещайтесь мне ея простить дрожащая Цилия, ничто не должно помрачить прiятности прелестнаго общества, которое мы желаемъ составить с вами“.

Петиметръ философъ.

Подлинникъ: *Le petit maitre philosophe*, par Mainvillers. Amsterd. 1751
Bibl.... de l'am. VI, 12. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Сицилианка добродѣтельная.

Переводъ, находящiйся въ рукописи, былъ дважды напечатанъ съ нѣкоторыми исправленiями и показанъ у Сопикова подъ № 3972—3973. Заглавiе 2-го изданiя: *Жизнь добродѣтельной Сицилианки или приключенiя маркизы Арбеллины*. М. 1794, двѣ части.

Подлинникъ: *La vertueuse Sicilienne ou mémoires de la marquise d'Albelini*. La Haye, 1743, 2 parties en 1 vol. (Сообщ. Л. Н. Майк.)

Тысяча и одна четверть часа.

„Тысяща і едина четверть часа представляющiя въ искусныхъ і чтенiя достойныхъ татарскихъ гисторiяхъ. Вторая и последняя часть въ Лейпциге напечатанная на немецкомъ языке въ 1738-мъ году а на русской переведенная в Москве секретаремъ И. N“.

Рукопись изъ собранiя П. Н. Тиханова, 8°, на 113 неперемѣч. листахъ.

Л. 2-й. „Предисловіе. Можетъ быть что сего ожидали отъ меня также долго, какъ і арапскихъ и персидскихъ гисторей которые под титуломъ тысящи единой ночи и тысящи единого дня напечатаны, я предугадываю, что можетъ быть читателя усумлѣваю или болѣе сказать прогневляю, что онъ окончанiе сей гисторiи во одной части находить“ и проч.

Л. 3-й. „Тысяща і едина четверть часа татарская гисторiя, часть

первая.—Единъ во уединеніи живущіи дервише, которые при Астрахани жилъ, і въ едино время ходилъ на реку Волгу с удомъ рыбы ловить, и какъ онъ назадъ возвратился то пришло въ великой ужасъ“ и пр.

Конецъ: „... Я сей перстень увидя почла себе за знакъ божіеи помощи, схвати вздела скоро себе на палець и лишь только кроткаго Фирнакса на помощь к себе призвала; то Дубана и жид на землю пали, река, которая препятствовала мнѣ кроткаго сего духа к полатамъ приближится, ищезла; и болше я на голове своей колдуньяна вредительнаго и ядомъ наполненнаго покрывала уже не увидѣла.—Конецъ первой части“.

Здѣсь заключаются: отъ первой до „тридцать пятой четверти часа“. Ср. выше „Дервишъ мухаметанскій“.

Феодонъ и Асвилберда.

— „Гисторія о италіанскомъ купцѣ Феодонѣ и о дочери его Освилбердѣ и о гишпанскомъ министрѣ Ордонѣ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей, собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4°; гисторія л. 215—242.

Начало: „Во второй нынѣшняго свѣта части то есть Еуропѣ в древнія времена в столичномъ градѣ Неополѣ былъ купецъ именемъ Феодонъ толико преизобилывалъ богатствомъ что мало чемъ развѣ не превосходилъ самаго славнаго во всемъ свѣтѣ богатствомъ царя Креза Медиоланскаго (sic), о которомъ повѣствуютъ древнія гисторія“...

Конецъ: „...Асвилберда же просила отца своего и мужа и брата не умертвять ихъ толко да выколупаютъ имъ глаза, дабы на красоту дѣвицы и женъ не прелщались и отпустить ихъ на волю, что тогожь часа и учинено, и по окончаніи того Феодонъ съ женою и зъ затемъ ево Ордоніемъ жили благополучно до скончания вѣка своего. Асвилберда жила долгое время во благополучіи до старости отъ сего свѣта отидоша по себѣ оставиша сию исторію.—Конецъ сей исторія“.

Въ текстѣ, между прочимъ: „гофместеръ, по російскому именованію управитель“.

Францель Венціанъ.

„Гисторія изърядна и дивна о славномъ и храбромъ Гишпанскомъ рыцаре Вѣнцыане и о славной прекрасной гишпанской королевне Ренцывене изъ четырехъ государствъ разныхъ изобретено яко изъ драгихъ цветовъ корона сплетена о семь славномъ и храбромъ гишпанскомъ рыцаре Вѣнцыане родители его многія народы дивилися понеже онъ Венціанъ изъ чрева матери своея (в) венце родивыися того ради от родителей своихъ именованъ Венціанъ“ и пр.

Начало: „№ 1. В томъ гишпанскомъ королевствѣ былъ некій славный король именемъ Бренбеусъ велми богатъ славенъ и храбръ къ воинскому (sic) делу: имелъ у себя жену велми прекрасну Зенгелию дщерь португалскаго короля и жилъ с нею в великой любви много летъ толко

не имель у себя ни единого детища и в томъ король былъ в великомъ печали“...

Л. 1-й сбор. „№ 2. „В том же гишпанскомъ королевстве былъ некий славный король именемъ Фридоръ велики силенъ и храбръ къ воинскому делу королже Бренбеусъ имель у себя князя Фридора за благородство его и храбрость за кровного брата которой имель у себя жену велики прекрасну именемъ Сканфеду“ и пр.

Рук. изъ собранія П. Н. Тиханова, 4^о, на 61 перемѣч. листѣ. Исторія раздѣлена на главы, означенныя нумерами; всего 36 номеровъ нѣсколько почерковъ.

Конецъ: „...И тогда была во всей Ишпани великая и неизречимая радость потомъ Францель авенцианъ одаривъ Злобулана многими драгоценными дарами пожаловалъ его в персидской державе вместо себя наместникомъ и отпустилъ его (с) персидскимъ войскомъ а самъ остался в Гишпанскомъ королевстве и начаша жить в великой славе с прекрасною своею королевою Ренцывеною не имея ни от кого обороны и приде в глубокую старость и отиде к вечному покою. Аминь“.

Въ той же рукописи „Задигъ“.

Фридоръ.

„Гисторія сия о гишпанскомъ князѣ Фридорѣ“.

Въ большомъ сборникѣ повѣстей собранія г. Тихонравова № 324, первой половины XVIII в., 4^о, л. 275—371.

Начало: „В гишпанскомъ королевствѣ былъ нѣкій удѣльный князь именемъ Фридоръ велики богатъ славенъ и силенъ и храбръ къ воинскому дѣлу. Король же гишпанской токмо (вѣр.: того) князя Фридора за благородство его и храбрость зѣло любилъ за кровного своего брата, и князь Фридоръ имѣлъ у себя жену велики прекрасну именемъ Ксанеоду“.

Это—исторія Францеля Венциана, безъ конца. Въ концѣ 371 листа, послѣдняго въ рукописи: „...но азъ за любовь твою и милость окажу тебѣ вѣрную мою услугу и службу противъ неприятелей твоихъ и дѣйство и службу мою самъ узриши. Францель же о прошеніи Злобилановѣ зѣло радостенъ бысть и рече: брате мой, что хочещи по воли твоей і ежели хочещи, то возми себѣ гишпанскихъ рыцарей если ж“...

Исторія идетъ безъ раздѣленія на главы; на л. 364 новое заглавіе:

„Сказаніе о томъ же храбромъ и младомъ юноше Францелѣ како онъ побѣдилъ съ рыцаремъ Злобиланомъ короля французского“.

Нач.: „Искони бѣ ненавидимъ діаволь роду человѣческому всегда вооруженіе войны и кровопролитія желаетъ внезапно злый племель французского короля и заже сердце его“ и пр.

Конецъ предыдущаго на л. 364:.... „разгорается великій огонь в сердцахъ ковалерскихъ и поднялася великая вражда и учинилось великое кровопролитіе и раззореніе государствъ и опустѣніе домовъ и паде-

ніе многихъ славныхъ честныхъ и храбрыхъ рыцарей оставилъ и (?) се благочинное учрежденіе законнаго брака кончалось“.

Карпъ Сутуловъ и его премудрая жена.

— „Повесть о некоторомъ госте богатомъ и о славномъ о Карпе Сутуловѣ и о премудрой женѣ его, како не оскверни ложа мужа своего“, въ небольшой тетради, 4°, письма половины XVIII вѣка, на 5 листахъ: свидѣніе сообщено М. И. Соколовымъ.

Начало: „Бѣ некто гость велми богатъ и славенъ zelo именовъ Карпъ Сутуловъ, имѣи жену у себя именовъ Татяну прекрасну zelo“...

Отправившись на куплю въ Литовскую землю, Карпъ Сутуловъ оставилъ женѣ денегъ на „частые пиры на добрыхъ женъ на своихъ сестеръ“, а въ случаѣ недостатка денегъ поручилъ ей обратиться къ его другу Аванасію Бердову. Когда она обратилась къ нему, тотъ сталъ дѣлать ей неприличныя предложенія; она пошла за совѣтомъ къ церковному челоуѣку, одному, а потомъ къ другому, болѣе высокопоставленному, и отъ нихъ получила тѣ же предложенія, съ обѣщаніемъ все болѣе и болѣе крупныхъ подарковъ (сто, двѣсти и триста рублей). Она обѣщаетъ каждому исполнить ихъ желаніе, зазываетъ всѣхъ тронхъ по одиночкѣ къ себѣ, и затѣмъ, пугая каждаго пріѣздомъ мужа, запраетъ всѣхъ раздѣтими въ сундуки и на утро везетъ сундуки къ воеводѣ, который отпустилъ ихъ, взявши съ купца 500 рублей, съ другого лица 1000, а съ третьяго 1500 рублей.

„И повелѣша воевода ихъ отпустить, а денги съ тою женою взяша и разделиша пополамъ. И похвали ея целомудренны разумъ, яко за очи мужа своего не посрамила и таковыя любви съ ними не сотворила и совету мужа съ собою не разлучила и великую честь принесла и му(жа) ложа своего не осквернила. Не по мноземъ времени приехалъ мужъ ея отъ купли своей, онъ (она) же ему вся поведаша порядку. Онъ же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми мужъ ея о томъ возрадовася“.

Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ, въ XVIII столѣтіи. *).

Общественная потребность въ театральныхъ зрѣлищахъ, водворенная въ Москвѣ еще Петромъ Великимъ, не смотря на тяжелыя и безпокойныя времена, наставшія послѣ его кончины, возрастала годъ отъ году сама собою и распространялась главнымъ образомъ въ кругу такъ называемыхъ *разночинцевъ*, составлявшихъ въ то время своего рода интеллигенцію Москвы, не дворянскую, но посадскую, слободскую или въ собственномъ смыслѣ городскую.

Руководителями и передовиками этой интеллигенціи являлись грамотные люди больше всего изъ отставныхъ или не окончившихъ науки школьниковъ Славяногреколатинской Академіи, особенно въ лицѣ *приказныхъ*, а также и изъ грамотныхъ дворовыхъ людей. Здѣсь нарождалась и своя литература, характеристикою которой могутъ служить отчасти тексты лубочныхъ картинковъ, лубочныя сказки и другія сохранившіяся въ рукописяхъ произведенія народнаго пера и которая, кромѣ передѣлокъ съ иностраннаго, дѣлывала попытки сочинять и отъ своего замысла и драматическія вещи. Очень многое изъ этой литературы исчезло безъ слѣда, какъ исчезла безъ слѣда и литература древнихъ свомороховъ, но кое-что сохранилось и требуетъ внимательнаго обследованія.

Разночинная интеллигенція посадской Москвы въ первой половинѣ XVIII ст. была единственнымъ хранителемъ, представителемъ и производителемъ театральнаго, если не искусства, то ремесла, которое недалеко находилось и отъ искусства, распространяя о немъ первыя понятія, развивая въ своей публикѣ вкусъ, охоту, потребность въ увеселеніяхъ этого рода.

Канцеляристы, копіисты, даже стряпчіе за одно съ дворовыми людьми съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ и, истра-

*) См. наши *Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи* ч. 2, стр. 351—506.

чивая по времени не малую сумму на наемъ помѣщенія, „производили гисторическія всякія приличествующія дѣйствительныя публичныя комедіи для желающихъ благоохотнѣйшихъ зрителей“, съ извѣстною платою за входъ и конечно не безъ разрѣшенія и подъ охраною полиціи.

Урочное время для такихъ представленій бывало всегда на праздникѣ Рождества, когда происходили, по всенародному обычаю, всякія дѣйства ряженыхъ. Этотъ сезонъ народнаго ряженья давалъ законное право присоединять къ его увеселеніямъ и новыя театральныя зрѣлища, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ связывалъ родственными узами новыя театральныя представленія съ древними скоморошескими дѣйствами, которыя всегда въ это празднество работали также съ особеннымъ успѣхомъ. Во мнѣніи народа новый театръ являлся какъ бы потомкомъ театра скомороховъ, тѣмъ болѣе что, по содержанію, по характеру иныхъ своихъ пьесъ, въ родѣ напр. Гаера, онъ сохранялъ родственныя черты съ представленіями скомороховъ.

Любопытныя подробности изъ исторіи нашего театра раскрываются съ большимъ трудомъ, а потому и предлагаемыя здѣсь отрывочныя свѣдѣнія по этому предмету не лишены интереса.

Въ 1749 году Декабря 11 Санктъ Петербургскаго пѣхотнаго полку сержанта Петра Канищева служитель Кондратій Байкуловъ подалъ въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію на Высочайшее имя челобитье, въ которомъ по пунктамъ прописывалъ: „Сего Декабря 11 дня нанялъ я для игранія во время будущихъ свяковъ *комедіи* за Пречистенскими вороты, въ приходѣ Живоначальная Троицы, что въ Зубовѣ, въ домѣ князя Николая Александрова Засѣкина четыре полаты, по контракту, съ котораго при семъ сообщаю точную копію, а какіе будутъ игры, о томъ при семъ предлагаю реестръ“. Затѣмъ по формѣ просилъ сіе челобитье принять и съ того контракта надлежащія по указамъ пошлины взять, а во игранію вышеписанной комедіи дать позволеніе и о томъ такожь, чтобъ во время игры шуму и драбъ отъ кого послѣдовать не могло для предосторожности въ Команду (въ полицейскую часть) послать приказъ.

Въ контрактѣ, заключенномъ тогожь числа, князь Засѣкинъ писалъ слѣдующее: „Отдалъ я князь Николай Александровъ Засѣкинъ въ наймы четыре палаты для игранія *комедіи* (которой мой дворъ состоитъ въ третьей командѣ, въ приходѣ Троицы въ Зубовѣ)... Сержанта Петра Гаврилова сына Канищева служителю

его Кондратью Байкулову съ сего Декабря да Генваря по 6 число. А во время игры мнѣ князь Николаю ему Кондратью помѣшательства ни въ чемъ не чинить и какова чину люди стануть приходить, и мнѣ не спорить. А денегъ я взялъ съ него Кондратья четыре рубли; а по прошествіи Генваря 6 числа взять толикоежъ число. А ежели въ чемъ я князь Николай противъ сего контракта не устою, то взять ему Кондратью съ меня Николая все, что ему Кондратью та камедія станеть, въ томъ я и подписуюсь. *А мнѣ ходить въ камедію смотреть, въ чемъ и подписуюся: князь Николай Засѣвнъ*“.

Слѣдуетъ реестръ играмъ, который помѣщаемъ въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ въ подлинникѣ:

По Аполонскому Арту (Акту?):

Купида.
 Слава.
 Геркулесъ.
 Паллада.
 Апполонъ.
 Красота.
 Венера.
 Эскуляпии.
 Дафна.
 Юпитеръ.
 Сонъ.
 Юнона.
 Меркурии.
 Разсужденіе.
 Реку Пеней.
 Случай.
 Премена.
 Авервамъ.
 Флоридентъ.
 Гермадонтъ.
 Мельзантіи.
 Виктория.
 Жалость.
 Увеселеніе.
 Лукавства.
 Совѣсть.

По Эсворскому Арту:

Купида.
 Зависть.
 Юнона.
 Паллада.
 Дианна.
 Венера.
 Дедалионъ.
 Ценесъ.
 Плятонъ.
 Весниъ.
 Физба.
 Пармусъ.
 Хиона.
 Апполонъ.
 Меркурии.
 Нептунъ.
 Бахусъ.
 Галцыона.
 Сарееи.
 Туча.

Къ сему реестру Кондратій Байкуловъ руку приложилъ.

Дальнѣйшихъ объясненій и подробностей намъ не встрѣтилось. Домъ кн. Засѣкина находился на мѣстѣ теперешней Зубовской Аптеки, въ самомъ концѣ Пречистенской улицы, и граничилъ съ правой стороны отъ входа во дворъ проѣзжею улицею у Землянаго города. Въ глубину этотъ дворъ занималъ 105 сажень, поперекъ по Пречистенкѣ 51 саж., въ заднемъ концѣ 38 саж. (Переписныя книги Москвы 1738—1742 г. 1, 439). Условіе кн. Засѣкина, что онъ тоже будетъ ходить въ Камедию смотрѣть, можетъ служить свидѣтельствомъ, что подобныя Комедіи усердно посѣщались и людьми знатнаго сословія, въ каковыхъ по обширности двора, долженъ быть причисленъ и кн. Засѣкинъ.

Ровно черезъ день, 13 Декабря 1749 года, въ Главную Полицейстерскую Канцелярію было подано такое же челобитье отъ цѣлой труппы актеровъ въ числѣ 20 человекъ, изъ которыхъ главными челобитчиками явились Государственной Бергъ-Коллегіи Канцеляристъ Василій Хилковской и Дворцовой Щетной Конторы Канцеляристъ Иванъ Глушковъ.

„Наняли мы именованные, писали они въ челобитной, для *шранія Россійской Камеди* съ товарищи двадцатью человекъ сего 749 году Декабря съ 25 будущаго 750 году Гепваря по 8 число, во второй Командѣ, въ Бѣломъ городѣ, на Дмитровкѣ, *дѣтъ полаты* Дѣйствительнаго Каморгера князь Андрея князь Федорова сына Вяземскаго, у служителя Никифора Евдокимова, за наемъ за двѣнадцать рублевъ, которые полаты оной служитель отдалъ съ приказу оного господина своего.“ Затѣмъ по формѣ просили прошеніе ихъ принять и съ того найма взять пошлины по указу и въ играніи той *Камеди* дать позволеніе, такоужъ и билетъ и о незапрещеніи въ Команду послать приказъ. Къ челобитью былъ приложенъ за рукоприкладствомъ челобитчиковъ „Реестръ, каковы будутъ играны акты.

- 1) О храбромъ Неаполитанскія Земли Герцоге Фридрихѣ.
- 2) О Кире царе Перскомъ и о Скиѣской царицѣ Тамирѣ.
- 3) О Леандре и Лювизе.
- 4) О Ипполитѣ и Жуліи.

1749 г. Декабря 13 въ Журналѣ Главной Полиціи было записано: „По оному челобитью приказали: освидѣтельствовавъ акты, ежели оныя не противныя и не богомерской игры, то, взявъ съ наемной цѣны пошлины по указу, въ содержаніи оной Камеди позволить, и о томъ въ Команду послать приказъ, а между тѣмъ, нѣтъ ли запретительнаго указа, справитца и выписавъ, доложить немедленно“.

Послѣднее обстоятельство должно служить указаніемъ, что Главная Полиція и сама еще не совсѣмъ твердо знала, какъ слѣдуетъ распорядиться въ такихъ случаяхъ безъ боязни за отвѣтственность.

Тѣмъ же порядкомъ устраивались и открывались театральныя зрѣлища и въ послѣдующіе годы въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы и главнымъ образомъ въ палатахъ и покояхъ большихъ барскихъ богатыхъ домовъ.

13 декабря 1755 года Собственной Ея Императорскаго Величества Вотчинной Конторы Стряпчій Казанской семинаріи студентъ обучающійся и происшедшій изъ Славяно-греко-латинскихъ наукъ Иванъ Варфоломѣевъ сынъ Нординскій, подалъ въ Московскую Полицимейстерскую Канцелярію объявленіе, въ которомъ излагалъ слѣдующее:

„Сего 1755 года Декабря отъ 25-го числа и въ наступающемъ 1756 году имѣю я намереніе въ Москвѣ вѣдомства Полицимейстерской 1-й команды у Ильинскихъ воротъ въ домѣ Новгородскаго драгунскаго полку подполковника Александра Прокофьева сына Соковнина, въ наемныхъ каменныхъ палатахъ, по контракту того дому со служителями Нивитою Савельевымъ да дворникомъ крестьяниномъ Петромъ Лебедевымъ, по наукамъ моимъ съ компаніею разныхъ чиновъ людьми производить гисторическіе всякіе приличествующіе дѣйствительныя публичныя для желающихъ благоохотнѣйшихъ зрителей комеди, при которыхъ подлежить быть по вечерамъ съ улицы въ наличности при нарочно учрежденномъ триумфальномъ изъ зеленъ щиту съ фонарями и плошками, люминаціямъ; съ котораго контракта при семъ сообщаю точную копію. Того ради Московскую Полицимейстерскую Канцелярію поворно прошу, дабы благоволено было для оного производства дать билетъ и во времена тѣхъ случаевъ при производствѣ дозволено бѣ было ото оной Полицимейстерской Канцеляріи изъ 1-й команды со съѣзжей для осторожности, чтобъ не имѣлось шумствъ и драгъ и ради прочихъ всякихъ случаевъ отправлять по 2 человекъ караульныхъ гранодеръ или солдатъ, и о томъ ученить благоразсмотрительную резолюцію“.

Въ контрактѣ прописывалось, что „отдали ему въ домѣ означеннаго господина, состоявшемъ въ Китаѣ городѣ близъ Ильинскихъ воротъ, въ имѣющихся каменныхъ полатахъ 5 покоевъ съ печами, кои ему потребны будутъ для жительства и произведенія комеди, да одинъ сухой погребъ по договору отъ вышеписаннаго

числа впредь на 3 мѣсяца, цѣною за 10 руб.; а въ какомъ состоянїи оныя покои имѣ по описи приняты будутъ въ такомъ и какъ по прошествїе срока отдать въ цѣлости; и изъ вышеписаннаго числа наемныхъ денегъ въ задатокъ взято нами напередъ денегъ 3 руб., а достальныя отдать по прошествїи срока; а что потребно ему будетъ въ тѣхъ покоехъ въ недостаткѣ или за ветхостїю для его надобности въ починкѣ и пристройкѣ, оное ему Нардинскому исправлять и печи топить своимъ коштомъ, а намъ до того дѣла нѣтъ и въ томъ ему не воспрещать“.

Отъ Московской Полицеймейстерской Канцелярїи 1-й команды гг. офицерамъ былъ отданъ 15 декабря приказъ, что „по опредѣленїю Канцелярїи велѣно къ означенному игранїю російскаго (sic) историческаго комедїи позволить съ такимъ обязательствомъ, чтобъ во время произведенїя той игры шуму и дракъ и другихъ непристойностей не происходило, а производить бы оную порядочнымъ образомъ“.

23-го ноября 1757 года былъ челомъ Государственной Юстицъ-Коллегїи копейскъ Михайла Алексѣевъ Кочергинъ:

„Сего 1757 году ноября 20 дня, нанялъ я именованны состоящїй за Пречистенскими вороты, въ третьей командѣ, въ приходѣ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Греси, лейбъ гвардїи Преображенскаго полку капитана поручика Андрея Егорова сына Фаминцына, у служителя ево Прохора Юдина, вышеписаннаго господина ево домъ, для публичной игры въ ономъ домѣ Камеди, въ верхнихъ апартаментахъ (три покоя) впредь на полтора мѣсяца, цѣною за пять рублей, въ чемъ съ оного служителя Юдина и контрактъ взялъ, съ котораго при семъ прошенїи приобщаю копію“.

По порядку онъ просилъ прошенїе его принять и для игры въ вышепоказанномъ домѣ камеди соблаговолено бѣ было дать билетъ, такожъ и для прекращенїя при оной камеди ссоръ и дракъ соблаговолено бѣ было дать пристойное число отъ оной команды подчиненныхъ.

Изъ Полиціи 28-го Ноября данъ приказъ: „оного Кочергина къ игранїю въ означенномъ домѣ камеди допустить, только притомъ смотрѣть накрѣпко, дабы богопротивныхъ игръ не происходило, а чтобъ во время той комедїи шуму ссоръ и дракъ не было, для того имѣть присмотръ.“

Въ тоже число, 20 Ноября 1757 года подалъ челобитную дому Подпоручика Петра Ивановича Матюшкина служитель Алексѣй Пичулинъ:

„Желаю я именованны для увеселенія народа сего Ноября съ 23 будущаго 1758 году Февраля по 20 число содержать *россійскую комедію*, для которой нанялъ домъ лейбъ гварди Преображенскаго полку капитана поручика Дмитрія Михайловича Матюшкина, имѣющейся во 2-й командѣ, на Здвиженѣ, цѣною за пятнадцать рублей.

„По резолюцы Полицмейстерской Канцеляріи велѣно означеннаго Пичулина къ игранію комеди допустить, толко при томъ смотреть, чтобъ въ той комеди богомерзкихъ и прочихъ непристойныхъ игръ не было, такожь шуму и дракъ не происходило, чего ради отъ команды имѣть присмотръ“.

9-го Декабря тогоже 1757 года въ Полицмейстерскую Канцелярію подалъ *доношеніе* Правительствующаго Сената Конторы копействъ Петръ Прокофьевъ Баскаковъ, назвавшій почему-то свое обыкновенной формы на Высочайшее Имя прошеніе доношеніемъ, въ которомъ объяснялъ: „Желаю я именованный для увеселенія народу содержать *Россійскую Комедію* сего 1757 Декабря съ 26 будущаго 1758 году Марта по 1-е число, подъ которую нанялъ я въ первой командѣ домъ поручика Ивана Михайлова сына Иванчина-Писарева, который обстоитъ близъ Ивановскаго Дѣвичья монастыря, цѣною за десять рублей, точію безъ позволенія Моск. Полиц. Канцеляріи оной Комедіи производить опасенъ“, почему просилъ доношеніе его принять и къ произведенію оной Комеди допустить, и о незапрещеніи въ производствѣ игры, такожь для прекращенія отъ приходящихъ зрителей шуму и дракъ, о поставкѣ во время игры пивета, въ первую Команду послать приказъ.

По резолюціи Полиц. Канцеляріи велѣно оното копейства Баскакова къ игранію Комедіи допустить, также при томъ смотрѣть, чтобъ въ той Комедіи богомерзскихъ и прочихъ непристойныхъ игръ не происходило, такожь шуму, ссоръ и дракъ не было, чего ради отъ Команды имѣть присмотръ, и о томъ послать приказъ 15 Декабря 1757 года.

Въ Декабрѣ 1767 г. въ Полицмейстерской Канцеляріи явился съ челобитьемъ Учрежденной при Сенатѣ передѣла мѣдной монеты Главной Экспедиціи копействъ Петръ Михайловъ Тимофеевъ и просилъ:

„Желаю я именованны въ 3 части, въ приходѣ Филиппа Апостола, что на Сивцевомъ Вражкѣ, *производить изъ исторіевъ всякихъ разныхъ интермедіевъ представленную людьми комедію*, для

которой нанялъ я домъ вдовы Капитанши Степаниды Ивановой дочери Нетесовой цѣною за 4 рублн^а.

Въ Полицейскомъ Приказѣ о дозволеніи этой комедіи прописывалось заявленіе просителя нѣсколько иными словами, что „желаетъ де онъ на однѣ будущіе нынѣшнія Святки для увеселенія народу содержать человѣческую (вѣроятно, обозначено для отличія отъ кукольной) представленную изъ гисторіевъ комедію *), въ чемъ дано ему позволеніе съ обычнымъ навазомъ, „когда въ ономъ покоѣ будутъ представлены комеди, отъ сѣззаго двора наряжать пристойную команду и велѣтъ того наблюдать, чтобы въ томъ домѣ ссоръ и дракъ и прочихъ непристойностей отнюдь не было и ежели кто въ томъ явится, оныхъ, забирая, представлять въ Полицію, 24 декабря 1767 года“.

Къ Святкамъ въ 1768 г. точно также явились челобитчики о дозволеніи играть Комедію. Это были Мастерской и Оружейной конторы полящичь Григорій Степановъ да московской типографіи чернильныхъ дѣлъ мастеръ Иванъ Ивановъ сынъ Голубевъ. Въ челобитной они писали: „Желаемъ мы именованные на однѣ нынѣшнія Святки *содержать представленную съ печатныхъ комедіевъ и всякихъ разныхъ интермедіевъ людьми комедію*, для которой наняли мы въ 5 части въ приходѣ церкви Живоначальныхъ Троицы, что въ Троицкой, домъ Статскаго Совѣтника Бориса Иванова сына Ярцева, цѣною за пять рублей“. Позволеніе было дано и въ приказѣ Капитану 5 части, 24 Декабря, прописанъ обычный навазъ о соблюденіи должнаго порядка, чтобъ въ томъ домѣ ссоръ и дракъ и прочихъ непристойностей отнюдь не было.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія обозначеніе просителей, что они будутъ играть Комедію *съ печатныхъ комедіевъ*, которое можно толковать въ томъ смыслѣ, что комедія будетъ несравненно занимательнѣе прежнихъ, непечатныхъ; но можно также подразумѣвать, что въ это время существовало уже какое либо наблюденіе или запрещеніе относительно непечатныхъ представлений, несомнѣнно выходившихъ нерѣдко изъ предѣловъ благопристойности и даже богомерзкихъ, какъ выражалась Полиція.

Кромѣ комедіи человѣческой, какъ обозначено выше, для увеселенія народа въ эти же годы существовала и *кукольная Комедія*, содер-

*) На словахъ, какъ Полиція вмѣстѣ съ тѣмъ сообщала въ Сироптательный (Воспитательный) Домъ для получения съ комедіи по новому установленію надлежащаго дохода. Такое обозначеніе дѣлалось съ той цѣлю, чтобы отличить словесное представленіе отъ музыкальнаго.

жателемъ которой въ 1753—1757 годахъ былъ дому вдовствующей штатсъ-дамы княгини Анны Львовны Трубецкой служитель Илья Якубовскій, нанимавшій помѣщеніе въ домѣ колл. сов. Вас. Нефлова въ 6 командѣ сначала въ 1753 г. за 20 руб., а потомъ 1755 г. одинъ покой на два мѣсяца за 6 руб. Въ 1757 году онъ переселился въ 1-ю команду въ домъ Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полку капрала Ив. Темешева, нанявши на два мѣсяца покои за 3 руб.

И эта комедія открывалась также только на Рождественскій мясоѣдъ, отъ праздника Рождества до конца масленицы. Полиція, давая позволеніе, всегда строго подтверждала, чтобъ содержатель ту игру производилъ порядочнымъ образомъ, чтобъ шуму и дракъ и прочихъ непристойностей не было и чтобъ въ игрانی той комеди богомерзскихъ и прочихъ непристойныхъ игръ не происходило.

Мы видѣли что антрепренеры очень заботились о полицейскомъ пикетѣ для прекращенія ссоръ и дракъ, которыя тоже случались.

Такъ въ 1758 г. пріѣхавшій въ Москву изъ Петербурга соціоръ, шпрингеръ и позитурный мастеръ Бержъ или Бержеръ, во время своихъ представленій въ новопостроенномъ комедіальномъ домѣ близъ Покровскихъ воротъ въ Лѣсномъ ряду, показывая свои *штучки*, вытерпѣлъ буйную осаду отъ господскихъ лакеевъ, быть можетъ и по той причинѣ, что, назначивъ цѣны за входъ на свои представленія, онъ объявилъ, что господскіе служители безъ платежа денегъ впущены не будутъ.

Это происшествіе возбудило большіе толки даже и въ Петербургѣ при Дворѣ, такъ что по именному Высочайшему указу 28 Февраля повелѣно было сенатору дѣйств. тайному совѣтнику Ив. Ив. Бахметеву произвести о томъ изслѣдованіе накрѣпко, въ самой скорости.

Призванный въ Сенатскую Контору англійскій шпрингеръ Бержеръ объявилъ, что „во время показанія искусства его любопытнымъ зрителямъ между господскими лакеями нѣсколько разъ происходили великія ссоры, выламывали двери и металы въ окошки, и между прочимъ съ кучера его сорвали епанчу; а которыхъ господъ лакеи оныя въ ссорѣ причиною были, о томъ онъ неизвѣстенъ, понеже находился всегда при отправленіи его искусства; и оныя ссоры которыхъ чиселъ (были), показать не можетъ; а во время тѣхъ ссоръ караулъ онъ имѣлъ отъ Полиціи одного офицера, одного капрала и шесть человекъ гренодеръ, а чьихъ помянутый офицеръ по фамиліи и которыхъ полковъ объявленные капралъ и солдаты, того онъ не вѣдаетъ; при томъ же имѣлъ онъ всегда сто человекъ

десятскихъ; и отъ Полиціи изъ помянутыхъ же лавеевъ нѣсколько разъ нѣкоторые братья были подъ караулъ, но всегда у нихъ уходили, и кому они принадлежать, то таже ему неизвѣстно“.

Начались большіе и скороспѣшныя розыски и допросы, кто въ то время были дежурными по Полиціи, кто находился на дежурствѣ изъ десятскихъ обывателей, были ли взяты въ Полицію буяны-лакеи и т. д. Оказался особенно виновнымъ въ непристойностяхъ одинъ только *человѣкъ* комиссаріатскаго секретаря Гарина, Андрей Быковъ, который за то наказанъ плетью и безъ зачету написанъ въ солдаты.

Изъ объясненій Бержера видимъ, съ какими предосторожностями со стороны полиціи происходили эти публичныя представленія. Со всѣхъ городскихъ командъ (частей) были собраны на дежурство и для охраны театра десятскіе въ числѣ ста человѣкъ, которые вмѣстѣ съ пріѣзжими господскими лавеями сами по себѣ составляли уже порядочную толпу, очень способную заводить ссоры и драки между охранителями, смотрѣвшими за порядкомъ, и своевольною господскою дворнею, въ иныхъ случаяхъ очень гордою по высотѣ и знатности своихъ господъ. Здѣсь такимъ образомъ собирались двѣ арміи, два полка, смотрѣвшіе съ различныхъ сторонъ на свои обязанности и на свое достоинство.

Другой подобный случай и въ двухъ дѣйствіяхъ повторился надъ Опернымъ Театромъ извѣстнаго итальянца Лователли въ 1761 году, о чемъ полицейскій чиновникъ, опредѣленный въ смотрѣнію при Оперномъ Домѣ, поручикъ Чертковъ доносилъ слѣдующее:

„Сего 1761 года Генваря 21 дня въ томъ Оперномъ домѣ во время театральнаго представленія произошелъ отъ господскихъ людей шумъ и видали въ окна щепками и мерзляками и перебили въ двухъ окошкахъ стеелы, а поймать оныхъ за темнотою было не возможно, потому что видали издали, изъ за каретъ... Да тогожь генваря 24 дня въ томъ же Оперномъ домѣ отъ господскихъ людей произошелъ азартъ, видали въ окна каменьями и полѣнами и перебили почти всѣ окошки, а видали стоя за каретами, издали и для того виноватыхъ поймать было не возможно, чего ради и для прекращенія оногo озарта посланъ былъ команды опредѣленнаго въ Оперному дому Навагинскаго полку поручика Карла Ив. Муееля солдатъ, которому велѣно надѣть шубу подъ образомъ господскаго человѣка и велѣно присматривать, кто мечетъ. И когда тотъ солдатъ, вышедъ, сталъ говорить, чтобъ перестали видать. тогда Сильверста Васильева сына Муромцева вучеръ ударилъ она-

го солдата въ шокъ и сказалъ, что ему до того нужды, (что ему за дѣло) и называлъ его мошенникомъ, чего ради взять подъ караулъ, а взять не у своей кареты, а гораздо далеко отъ оной, и ночью изъ подъ караула бѣжалъ“.

Слѣдствіемъ обнаружено, что по полицейскому распоряженію для охраны отъ беспорядковъ при Оперномъ домѣ во время театральныхъ представлений собирались и должны были находиться на лицо изъ каждой команды (части города) по пяти человѣкъ десятскихъ и по десяти чел. обывателей, всего отъ 12 частей—командъ 180 человѣкъ, между тѣмъ въ наличности собралось только не болѣе тридцати человѣкъ, а всѣ остальные не явились по спискамъ и на переключкѣ; да и изъ тѣхъ тридцати человѣкъ во время представленія нѣкоторые неизвѣстно куда отлучились. Полиція вмѣстѣ съ тѣмъ объясняла, что въ Оперномъ домѣ бываюмъ великіе сѣзды. На малолудство охранителей Полиція и сваливала весь случившійся грѣхъ, въ слѣдствіе чего ею же были посланы въ команды къ офицерамъ приказы, по которымъ велѣно всѣхъ *нотчииковъ*, неявившихся десятскихъ и обывателей, во всѣхъ командахъ собрать, и при собраніи командъ при сѣзжихъ дворахъ за нехождение ихъ къ Оперному дому учинить имъ наказаніе *кошками* и на будущее время тѣмъ командированнымъ по очереди десятскимъ и обывателямъ завсегда подтверждать накрѣпко, чтобъ они при Оперномъ домѣ являлись и безъ приказанія до окончанія въ немъ дѣйствія и переключки собою нигуда не отлучались подъ штрафомъ жестокаго наказанія. Предписывалось также на то время поставить пикеты, которымъ имѣтъ за холопьями крѣпкій присмотръ и если кто будетъ озартовать, такихъ безотмѣнно брать подъ караулъ, въ чемъ должны всевозможно помогать полиціи и приѣзжающіе господа, подтверждая каждый людямъ своимъ, чтобъ такихъ наглостей и своевольствъ отнюдь не было. При входѣ въ Оперный домъ былъ выставленъ публичный указъ съ изъясненіемъ, какія наказанія за какія дерзости по указамъ чинить велѣно. Любопытно, что господинъ Муромцевъ, кучеръ котораго одинъ изъ всѣхъ за свою продерзость попалъ подъ караулъ, жительство имѣлъ въ собственномъ домѣ за Калужскими воротами на Шаболовкѣ, въ приходѣ Св. Троицы. Вотъ откуда, изъ конца въ конецъ Москвы ѣзжали въ театръ къ Красному пруду.

Объ этомъ Оперномъ театрѣ Ягана Бабдиста Лакотели находимъ новыя свѣдѣнія.

28 Апрѣля 1758 года изъ Правительствующаго Сената въ Глав-

ную Полицеймейстерскую Канцелярію былъ присланъ указъ, въ которомъ сообщалось, что 27 Апрѣля „Ея Импер. Величество Всемилостивѣйше изволила указать: находящемуся при Дворѣ Ея Импер. Величества Итальянской Комической Оперы содержателю Локателлю дозволить имѣть въ Москвѣ Оперный домъ изъ его кошту для представленія зрителямъ комическихъ его сочиненій Оперъ и для построенія того Опернаго дому отвесь ему пристойное мѣсто и при томъ для свободнаго ему того дому содержанія и представленія въ ономъ Комическихъ оперъ дать ему привилегію“.

Сенатской въ Москвѣ Конторѣ [вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, чтобъ въ скорѣйшемъ (времени) удовольствоваться Локателли отводомъ мѣста для театра и въ томъ чинить ему надлежащее вспоможеніе.

29 Апрѣля Московской Полицеймейстерской Канцеляріи предписывалось учинить немедленно въ самой скорости исполненіе во всемъ въ силѣ объявленнаго Высочайшаго Указа, и что учинено будетъ, немедленно рапортовать.

Мѣсто было отведено въ 9 Командѣ за Красными воротами за Землянымъ городомъ близъ Артиллерійскаго Полеваго двора (на мѣстѣ котораго теперь вокзалъ Николаевской желѣзной дороги) у Краснаго пруда, но гдѣ именно, пока, за неизмѣнимъ планомъ, неизвѣстно.

Локателли спѣшилъ и въ Маѣ уже началъ строиться, заключивъ съ Московскимъ купцомъ Ив. Носовымъ контрактъ на эту постройку.

Между тѣмъ Управленіе Полеваго Двора, увидѣвъ возлѣ себя сооружаемое обширное деревянное зданіе, возбудило по этому предмету переписку, находя что „то мѣсто Полиціею отведено не въ дальности Артиллерійскаго Полеваго Двора, а понеже на ономъ дворѣ артиллерія и ея принадлежностей содержится не малое число, иногда же случаются и огнестрѣльныя вещи, и егда тотъ домъ построенъ будетъ, то отъ огня крайняя опасность состоятъ имѣть“, а потому требовало, „дабы за видимою къ Полевому Двору отъ пожарнаго случая, отъ чего Боже сохрани, опасностію строеніе показаннаго Опернаго дому на отведенномъ мѣстѣ, запретить, а отвесь въ другомъ безопасномъ мѣстѣ, чрезъ чтобъ миновать опасности, а въ Москвѣ и кромѣ вышеписаннаго имѣется, какъ за Стрѣтинскими воротами, за Землянымъ городомъ, близъ Ямской Переславской и прочихъ порозныхъ мѣстъ довольное число“.

Главная Полицеймейстерская Канцелярія, получивъ 14 Іюня

изъ Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи сіи *резомы* приняла ихъ во вниманіе и 16 Іюня предписала Моск. Полиціи отвести другое порозжее мѣсто близъ Ямской Переяславской или въ другомъ гдѣ способномъ мѣстѣ. Но было уже поздно. Строеіе Локатели росло не по днямъ, а по часамъ и должно было въ полной готовности выстроиться не позже Сентября того года.

Локатели въ Петербургѣ тоже не дремалъ да и дѣло для него было явно несправедливое и очень убыточное. Іюля 7 Главная Полиц. Канцелярія получила отъ Генералъ Адъютанта Генералъ-Фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина сообщеніе, что „Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что данное въ Москвѣ отъ Полицеймейстерской Канцеляріи Комедіанту Локатели подъ строеіе Оперного дому мѣсто, на которомъ онъ и строиться уже началъ, она, Полиція, обратно отбираетъ, черезъ что ему немалый убытокъ слѣдуетъ, того ради Всемилостивѣйше указать соизволила оного мѣста у него Локателя не отнимать, а то и зачатое достраивать ему дозволить“.

Контрактъ на постройку, какъ упомянуто, былъ заключенъ еще въ Маѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ это было первое обширное зданіе театра, выстроенное самимъ антрепренеромъ и въ послѣдствіи поступившее, какъ публичный театръ, въ вѣдомство Московскаго Университета, то содержаніе этого контракта, знакомящее вообще съ устройствомъ зданія, заслуживаетъ вниманія и потому мы приводимъ его съ нѣкоторыми сокращеніями.

„1758 году Маія дня Московской 2 гильди купецъ Алексѣй Ануфріевъ сынъ Носовъ договорился я съ г-мъ директоромъ Комической оперы Лавотелемъ въ томъ, что сдѣлать мнѣ на повязанномъ мѣстѣ оперной домъ, а имянно: 1) оной оперной домъ сдѣлать изъ еловаго лѣсу брусчатой, длиною на 32-хъ саж., въ ширину на 15 саж., вышиною отъ стульевъ 13 арш.; 2) подъ оной домъ, какъ подъ стѣны, такъ и подъ переводы поставить стулья сосновыя, обозженныя, до материка, сколько подъ все строеіе потребно будетъ; стѣны мшить мохомъ; нарубя оныя стѣны, поставить ко всѣмъ стѣнамъ столбы и укрѣпить оныя стѣны желѣзными болтами, дабы выпучить не могло; 3) потолокъ сдѣлать, какъ надъ театромъ, такъ и надъ всѣмъ домомъ подборчетой и подшить тесомъ, и верхъ потолоку сдѣлать шпренгели и въ стропила вязку, дабы можно потолокъ весь укрѣпить желѣзомъ; 4) стропилы сдѣлать подъ крышку брусчатая и вязкою такою, какъ показано будетъ, дабы ко онымъ потолокъ можно было привезать, и покрыть

по тѣмъ стропиломъ въ два теса и тотъ тесъ дорожить и подъ спай власть дрань струженку; и въ крышѣ сдѣлать слуховыя окна, сколько показано будетъ; 5) внутри оперного дому сдѣлать полы и для театра полъ сдѣлать выше, какъ показано будетъ, гладкія, и лѣсъ употреблять доброй; въ партерахъ сдѣлать скамьи; 6) сдѣлать въ два апортомена ложи съ раздѣленіемъ, въ каждую дабы ходъ особой былъ и въ нихъ сдѣлать скамьи; 7) въ верхнемъ апортоментѣ ложъ не дѣлать, а поставить галерею и сдѣлать скамьи; 8) оконъ сдѣлать сколько показано будетъ и величиною по показанію, и вставить въ нихъ окончины съ стеклами; 9) и все то строеніе дѣлать и укрѣплять желѣзомъ и вязку стропильную сдѣлать и все раздѣленіе внутреннее, какъ то пристойней будетъ оперному дому, по показанію архитекторскому и ево г. Лавотеля; а на укрѣпленіе желѣзо употреблять Сибирское маховое; 10) печей сдѣлать числомъ 4 кирпичныя; снаружи одного оперного дому и подъ партерами провести каналы, въ которыхъ будетъ проходить дымъ съ поворотами, и въ партеръ и на театръ вывести душники, и на трубахъ сдѣлать шатрики изъ листового желѣза съ флигорями, дабы могли поворачиватца и защиту дѣлать отъ вѣтру въ ходѣ дыму.

„Внутри одного дому сдѣлать 1 печь кирпичную. А до краски и до письма, какъ внутри, такъ и снаружи, мнѣ Носову дѣла нѣтъ. Выходовъ изъ одного дому оперного сдѣлать, сколько показано будетъ, такожь и лѣстницъ въ такомъ расположеніи, дабы одинъ входъ другому не препятствовалъ. Снаружи одного оперного дому сдѣлать два подъѣзда. При ономъ же оперномъ домѣ сдѣлать въ въ отдѣленіи въ пристойномъ мѣстѣ комнаты для житья ему Лавотелю, а именно 4 комнаты, 5-ю залу и при нихъ кухню и пристойное число сѣней и прочія надобности, длиною на 5-ти, поперегъ на 3-хъ саж.; полы и потолки дѣлать дощатыя и 2 печи сдѣлать изращатыя и окончины съ стеклами; крышку въ 2 теса съ подкладываніемъ подъ спай драни. И все то строеніе, какъ оперной домъ, такъ и ево г. Лавотеля, сдѣлать мнѣ Носову изъ своихъ матеріаловъ по показанію архитекторскому и ево г. Лавотеля къ будущему сего жъ году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. А рядился я Носовъ за оное строеніе взять по договору съ него г. Лавотеля денегъ 7500 руб., а напередъ взять мнѣ Носову въ задатовъ 1000 руб., а впредь брать мнѣ деньги, смотря по работѣ безостановочно“.

Какъ всегда бываетъ, постройка противъ условленной смѣты потребовала нѣкоторыхъ измѣненій и потому превысила опредѣ-

ленную въ контрактѣ сумму. Дабы вѣрнѣе узнать цѣну прибавочныхъ работъ сверхъ контракта, Локателли обратился къ начальнику Москвы князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому съ просьбою о приказаніи кому надлежитъ осмотрѣть и оцѣнить вновь выстроенное зданіе, что и было поручено архитектору Князю Дм. Ухтомскому 29 Декабря 1758 г.

Оказалось, что „сверхъ контракта тотъ домъ построенъ длиною вмѣсто 32 на 35 саженьяхъ, шириною вмѣсто 15 на 12 саж. высотой вмѣсто 13 арш. на 18½ аршинъ, за которое излишнее строеніе матеріалами и работою по истинной смѣтѣ слѣдуетъ за платить 1849 р. 75 коп. Прибавка высоты на 5½ аршинъ произведена, какъ можно полагать, для устройства третьяго апартамента должъ, какъ это будетъ видно далѣе.

Въ Генварѣ 1759 года все уже было готово въ открытію театра и 19 Генваря во вторникъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Локателли увѣдомлялъ публику, что начнетъ свои представленія на будущей недѣлѣ, то есть послѣ 24 числа. Между тѣмъ 20 Генваря изъ Сенатской Конторы въ Моск. Полицм. Канцеларію посланъ былъ указъ съ изложеніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

„Сего Генваря 18 дня 1759 году въ Собраніи Прав. Сената Конторы, дѣйствительной тайной совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ объявилъ полученное имъ отъ генералъ фельтмаршала сенатора и кавалера Александра Борисовича Бутурлина письмо, въ которомъ написано: что имѣетъ быть въ Москвѣ театральное оперное произведеніе и директоръ оного г. Локатели просить, чтобъ, по иностранству его, обидь никакихъ ему показывано не было, а какъ Ея Имп. Величеству не безызвѣстно уже, что бывшему въ Москвѣ агличанину балансеру Штуарту Бержу во время его дѣйствія отъ боярскихъ людей причинены были своевольствы, того ради, дабы таковыя не могли и ему Локатели показаваны быть, Ея Имп. Величество Всемиловѣвшая Государыня повелѣла ему генералъ фельтмаршелу о томъ въ Москву писать и тѣмъ письмомъ рекомендовано, дабы оной Локатели въ протекци его тайного дѣйствительного совѣтника состоялъ и въ пристойныхъ требованіяхъ удовольствованъ былъ.

„Что касается до дачи въ тотъ домъ караулу, о томъ отъ него генералъ фельтмаршала генералъ маіору и Московскому Каменданту царевичу Грузинскому ордеръ данъ. И тогожъ числа оной Локатели въ Сенатской Конторѣ поданнымъ доношеніемъ объявлялъ о позволеніи въ продажѣ ему Локателю кофе, чая, пуншта.

и прочихъ напитковъ, и что означенные пуншты дѣланы будутъ изъ араку, изъ Французской водки, кои покупать онъ будетъ на Каменномъ мосту (на Винномъ Дворѣ) и у Московскихъ вущцовъ, у кого оныя покупкою достать можетъ, и притомъ просилъ, чтобъ позволено было при томъ домѣ продавать вейновую водку и всякія виноградныя вина, аглинское пиво, также кофе, чай, шиваладь, и всякія фруиты и конфекты. И по указу Ея Имп. Величества Правительствующаго Сената Контора приказали: оному Лакотели въ продажѣ вейновой водки и всякихъ виноградныхъ винъ, аглинского пива, кофе, чаю, шивалату и всякихъ фруитовъ, и конфектовъ позволить; а что касается до пуншта изъ Французской водки и изъ араку и объ ономъ Каморѣ Коллегіи, справясь съ указами, рассмотретьъ, непротивноль будетъ въ томъ ему позволеніе дать, и по рассмотреніи въ Сенатскую Контору представить въ скорости. И о томъ въ тое Коллегію, такъ же и къ здѣшнему Каменданту царевичу Афанасію Грузинскому о удовольствованіи означенного Лакотели военнослужителями послать указы (и посланы). А какъ онъ Лакотели предъ собраніемъ Сенатской Конторы объявилъ, что оперы у него на будущей недѣлѣ начнутся, то бѣ въ такомъ случаѣ, дабы во время того показанія отъ боярскихъ и другихъ чиновъ отъ людей не послѣдовало какихъ своевольствъ и другихъ непристойностей, такъ какъ и прежде чинено было, во избѣжаніе того Московской Полиціи опредѣлить отъ себя изъ полицейскихъ оберъ офицеровъ челоуѣка состоянія добраго и съ нимъ изъ соцкихъ и десятицкихъ пристойное число, которымъ на вѣрѣнко подтвердить вышеписанныхъ непристойностей смотрѣть и какъ ему оберъ офицеру притомъ поступать, дать отъ оной Полиціи наставленіе; а въ предупрежденіе тѣхъ непристойностей во всѣ Полицейскія команды дать знать, а изъ оныхъ обывателямъ объявить съ подписками, когда кто на оныхъ операхъ будетъ, то бѣ они находящимся при нихъ служителямъ своимъ навѣрѣнко подтвердили, чтобъ они въ бытность при томъ Оперномъ домѣ никакихъ озорничествъ и непристойности не дѣлали подѣ опасеніемъ за то учиненію наказанія по указамъ, и въ томъ за показанною подпискою не иной кто, какъ тѣ ихъ помѣщики отвѣтствовать будутъ. А Лакотелю объявлено: когда у него оперы будутъ о томъ бы въ Полицію отъ себя сообщалъ заблаговременно“.

27 Января Локателли опять явился въ Сенатскую Контору съ доношеніемъ, что въ построенномъ имъ Оперномъ домѣ оперы начаться имѣютъ сего Генваря 29 числа и продолжатъ даже до Ве-

ликаго Поста, а во время показанія Оперъ надлежитъ необходимо быть при томъ домѣ для предосторожности отъ пожарнаго случая большой заливной трубѣ со всѣми принадлежностями и при той трубѣ надлежащему числу людей.

Исполняя всѣ эти приказы и требованія, Полиція сдѣлала слѣдующія распоряженія: 1) опредѣлила для надзора въ оперному дому полицейскаго поручика; 2) изъ каждой Команды къ 29 Января велѣла командировать по пяти человекъ десятскихъ, по очереди съ переменною, которые бѣ были не малолѣтние и не престарѣлые, а поручику приказано смотрѣть и подчиненнымъ своимъ подтвердить накрѣпко, дабы отъ боярскихъ и другихъ чиновъ людей не послѣдовало какихъ своевольствъ и другихъ непристойностей; 3) въ силу Сенатскаго указа обывателямъ, въ знатныхъ домахъ управителямъ, а прочимъ самимъ объявить о томъ съ подписками, на которыя въ каждую Команду послано по двѣ дести бумаги; 4) командировать къ дому двѣ пожарныя заливныя трубы или отъ Командъ или отъ фабрикъ, какъ возможно, чтобы Команды сами не оставались безъ трубъ. Къ трубамъ сверхъ того велѣно изъ всѣхъ Командъ изъ обывателей командировать съ ведрами по 2, съ кошелями по 2, съ топорами по 2, со щитами по 2, съ лейками по 2 человекъ, по очереди. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было господскимъ людямъ возлѣ Опернаго дома огонь раскладывать.

И такъ открытіе Опернаго Публичнаго Театра Локателли послѣдовало 29 Января 1759 года.

Желая возвратить значительныя издержки на постройку Театра, Локателли всячески заботился о томъ, чтобы собрать возможно больше доходовъ съ своихъ представлений, въ которымъ однако Московская публика не обнаруживала особаго увлеченія.

Приходило праздничное и всегда разгульное время Масляницы, которая въ томъ году наступила 14 Февраля; Локателли не могъ не воспользоваться случаемъ и испросилъ разрѣшеніе дать въ своемъ театрѣ публичный *Маскарадъ*, но или самъ онъ опоздалъ въ своей просьбѣ или разрѣшеніе замедлилось, только сборы къ этому Маскараду начались не далѣе какъ за два дня до его открытія.

15 Февраля, уже въ понедѣльникъ на Масляницѣ, въ собраніи Сенатской Конторы Ив. Ив. Бахметевъ объявилъ, что отъ Дѣйствительнаго Камергера Ив. Ив. Шувалова получено письмо, въ которомъ написано: „Ея Импер. Величество изволила указать, чтобы дозволить Локателли дать одинъ день маскарадъ на театрѣ“. Въ

томъ же собраніи Сената Локателли подалъ, каковымъ образомъ и котораго числа тому маскараду быть, *объявленіе*. Сенатъ приказалъ это объявленіе черезъ Полицію сообщить тогожь числа всѣмъ обывателямъ Москвы съ необходимымъ наказомъ крѣпко смотрѣть, чтобъ отъ боярскихъ и другихъ чиновъ людей не послѣдовало какихъ своевольствъ и другихъ непристойностей, а отъ обывателей взять о томъ подписки.

Маскарадъ былъ данъ 18 Февраля въ четвергъ на Масляницѣ. Разосланное при этомъ черезъ Полицію объявленіе обывателямъ знакомить насъ съ подробностями этого перваго въ Москвѣ Публичнаго Маскарада.

„По имянному Ея Имп. Величества указу дозволено сего Февраля 18 дня, то есть въ Четвергъ на Сырной недѣлѣ, имѣть публичной маскарадъ въ привилегированномъ Оперномъ домѣ Г. Лавотели. Чрезъ сіе во извѣстѣе объявляется, что желающіе во ономъ маскарадѣ быть имѣютъ, какъ дамы, такъ и кавалеры, съ персоны по 3 рубля за билетъ заплатить, и кто пожелаетъ брать на оной маскарадъ билеты, тѣ могутъ присылать за оными въ домъ Его Превосходительства камергера и гофмаршала барона Фонъ Сиверса, г-ну Лавотелю, или въ Оперной домъ, гдѣ получать могутъ тѣ билеты, но въ маскарадномъ платьѣ. Такожъ это пожелаетъ пріѣхать на балъ и безъ маски, тѣ могутъ изъ ложъ компаниями смотрѣть, а въ партеры, такъ и на театръ, гдѣ въ маскарадномъ платьѣ танцуютъ, тѣ господа ходить не могутъ. И заплатя три рубли для лучшаго покоя онымъ отперты будутъ перваго этажа ложи, гдѣ они могутъ веселится однимъ зрѣніемъ.

А ежели кто пожелаетъ съ фамили взять ложу втораго этажу, тотъ долженъ будетъ заплатить за влючь ложи два рубли, и сколько персонъ съ собою привезетъ, оны будутъ платить по 1 руб. съ персоны; должны быть безъ масокъ, веселится такожъ однимъ зрѣніемъ на протчихъ.

Въ третьемъ этажѣ зрители маскарада будутъ платить по 50 коп. съ персоны, такъ же безъ масокъ.

Во ономъ же Оперномъ домѣ продаваться будетъ чай, кофе, шекаладъ, разные вина, вейнова разная водка, ливеры, пуншты, разные фрукты и канфеты и прочее.

Такъ же кто пожелаетъ кушать, тѣ за плату денегъ получить могутъ кушанье и столъ готовой на сколько персонъ кто изволятъ. Буде же кто пожелаетъ со особливою компанією имѣть уженъ въ особливомъ покоѣ, тѣ могутъ наканунѣ оного дня, то есть въ сре-

ду договориться съ господиномъ Берлиромъ, и оному учинить приказаніе, то для нихъ на столько персонъ и кушанье изготовлено будетъ.

Черезъ сіе жь объявляется, что въ ономъ Оперномъ домѣ на разныхъ столахъ въ особливыхъ комнатахъ будутъ держать изъ наличныхъ денегъ банкъ Форо и ежели кто пожелаетъ въ сію игру веселиться, тѣ соизволятъ войти въ тѣ комнаты, гдѣ оныя будутъ.

Притомъ будутъ особливо столы для разныхъ игоръ, то есть ломберъ, квинтичъ, пикетъ и прочее, для всѣхъ, кто въ какую игру играть пожелаетъ.

Весь театръ будетъ сдѣланъ такою пространною залою, что на ономъ могутъ не только безъ всякаго утѣсненія, но съ довольнымъ покоемъ вмѣститца до 4000 персонъ; иллюминованъ такимъ образомъ, что хотя кто и танцовать не будетъ, но оныхъ довольно зрѣніе оной увеселить можетъ, ибо беспристрастно увѣрить можно, что такого украшенія достойно любопытнымъ людямъ смотрѣть и веселитца.

Во ономъ же домѣ имѣеть быть лотарей, въ которой разныя вещи золотыя и серебряныя голантеріи, парцелинъ (фарфоръ) Саксонской.

И будетъ около 1000 билетовъ, въ томъ числѣ будутъ нѣкоторое число и пустыхъ; цѣна оныхъ состоятъ будетъ по 25 коп. а вещи въ оной будутъ стоить нѣкоторые до 200 рублей; всякой можетъ вынимать своими руками, которыхъ числомъ выигрывать могутъ всѣхъ вещей до 500 билетовъ; а по припорціи и пустыхъ положено билетовъ.

Для будущаго маскарада содержатель оного Г. Лавотели продавать будетъ маски и разные италіанскіе натуральные цвѣты дѣланые; притомъ имѣеть будетъ разныхъ сортовъ маскарадныя платья, и такъ ежели кто пожелаетъ взять на время въ наемъ, тѣ могутъ о цѣнѣ, и давъ обязательство, получить у Г. Лавотели тѣ платья съ такимъ договоромъ, чтобъ оное на другой день возвратить во всякой цѣлости, для того что Маскараду дозволено быть только одинъ день; а маски продаваться будутъ, ежели кто купитъ пожелаетъ, въ домѣ жь Б. С. (Барона Сиверса).

Содержатель оного маскарада тѣмъ льститъ, что вся публика добрымъ оного порядкомъ будетъ довольна, но притомъ со всеглубочайшимъ почтеніемъ оной содержатель всѣхъ проситъ, чтобъ никакого замѣшательства, ссоръ или какаго шуму тутъ сдѣлано не было.

Всѣ кто будутъ находиться въ маскахъ и въ маскарадномъ

платяѣ, тѣ могутъ входить на мѣсто, гдѣ будутъ танцовать, но и притомъ знать должно, что въ самыхъ подлыхъ платяхъ маски на оное мѣсто впусканы бытъ не имѣють.

А съѣздъ будетъ на оной маскарадѣ къ Оперному дому—послѣ полудни въ 7-мъ часу вышеписанного числа“.

По малому времени, какое оставалось ко дню открытія Маскарада, конечно, далеко не всѣ желающіе обыватели могли къ нему приготовиться и потому едвали этотъ первый публичный балъ былъ удаченъ для доходовъ содержателя и строителя Опернаго дома. тѣмъ болѣе, что позволено было только одинъ разъ дать Маскарадѣ. Локателли жаловался вообще на малое число зрителей и въ оперныхъ представленіяхъ и очень надѣялся выручить свои издержки покрайней мѣрѣ на маскарадахъ, почему и выпросилъ разрѣшеніе давать ихъ съ осени во всю зиму. Они и начались съ 31 Октября того же 1759 года. Однако не помогли и маскарады и оперистъ года черезъ три оказался совершеннымъ банкротомъ.

Въ Генварѣ 1761 года, какъ видѣли, самое зданіе театра потерпѣло отъ нападенія боярскихъ холоповъ.

Въ это время театръ Локателли, вполнѣ или на половину, неизвѣстно, но перешолъ *подъ протекцію* Московскаго Университета, который 29 Апрѣля 1761 г. въ указѣ Московской Полиціи о полицейскомъ надзорѣ во время представленій, писалъ слѣдующее: „Понеже Россійскій (т. е. не итальянскій оперный) Московскій театръ, который представляется въ Оперномъ домѣ Оперы Директора Локателли, находится *подъ протекціей* Университета и въ случаѣ публичныхъ представленій, которыя бывають по два раза въ недѣлю, то есть въ среду и въ воскресенье, потребна для охраненія отъ опасностей полицейская команда, того ради опредѣлено требовать, чтобъ для всякой предосторожности во время публичнаго представленія, какъ нынѣ, такъ и впредь присылать изъ Полиціи офицеровъ съ пристойною командою и пожарною трубою“. Вѣроятно, оперы, а также и маскарады по прежнему оставались въ особомъ завѣдываніи Локателли.

Въ послѣдующіе годы 1762 и 1763 его публичные маскарады такъ и прозывались *Локателевыми*, бытъ можетъ, въ отличіе отъ другихъ, которые открывались и другими хозяевами, въ другихъ мѣстахъ города, напр. въ 1763 г. осенью на Срѣтенкѣ у Введенія.

Въ 1765 г. совсѣмъ на другомъ концѣ города, на Дѣвичьемъ Поля, былъ построенъ театръ и для простаго народа, такъ сказать, народный и притомъ бесплатный. Построенъ онъ былъ

по Высочайшему повелѣнію на средства Полицеймстерской Канцеляріи, которая, получая 2000 р. на особые полицейскіе расходы, изъ этой суммы и покрывала всѣ издержки по устройству и содержанию этого театра. Въ Іюль, 21 числа этого года „за построение на Дѣвичьемъ полѣ для народнаго увеселенія въ представленію комедіевъ и интермедіевъ театра и прочего Московскому купцу Максиму Мушникову выдано 190 рублей, да за написаніе на щитѣ ландшафта съ пристойною въ тому амблемою живописцу, дому Надв. Сов. Воейкова человѣку Семену Андрееву 35 р.; а 26 Іюля на наемъ игроковъ и музыкантовъ выдано полицейскому поручику Ремезову 40 р. Кромѣ того издержано на комедіанскій уборъ и разный въ оному прикладъ 19 р. 93 к., да портному мастеру дано 12 р. 41 к.“

Съ этого дня 26 Іюля и начались представленія, какъ можно заключить изъ того, что съ этого числа послѣдовала выдача платы музыкантамъ и игрокамъ. За 10 дней музыканты получили 20 р., игроки комедіанты 21 р. 25 коп. Кромѣ того поручику Семену Посниковъ выдалъ имъ же 39 р. 75 к. Повидимому вначалѣ должность антрепренеровъ исполняли полицейскіе поручики и занимали игроковъ по вольной цѣнѣ.

Представленія давали съ Оомина воскресенья только по воскреснымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ, сначала до 1 Октября, а потомъ до 1 Сентября. Театръ былъ открытый; и сцена и зрители помѣщались на вольномъ воздухѣ, почему во время дождя представлений и не было. Сцена была устроена живописными по холсту ширмами-декораціями, и весь партеръ состоялъ изъ лавокъ, обнесенныхъ вокругъ всего театра на столбахъ бревнами. Кто и гдѣ желалъ, тамъ и садился. Денегъ не брали и комедіантамъ было строго запрещено ни подъ какимъ видомъ не требовать и не брать денегъ.

Въ 1769 г. съ Ооминой недѣли является уже антрепренеръ, Гофъ-Интендантской конторы уволенный отъ дѣлъ канцеляристъ. Ив. Ив. Скорняковъ, съ которымъ Полиція заключила договорный контрактъ „въ томъ, что въ силу имяннаго Высочайшаго повелѣнія для народнаго въ Москвѣ увеселенія, на построенномъ отъ Полиціи на Новодѣвичьемъ полѣ, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ показано будетъ, содержать ему съ компанією актеровъ вольно-желательными разныхъ чиновъ людьми комедіанскіе увеселительныя дѣйствующіе представленія и интермедіи и курьезныя шпрингмейстерскіе дѣйствы, въ лѣтнее время, въ воскресные, праздничные и торже-

ственные дни и съ подлежащей въ тому театру трубною или валторною позывкою, а временемъ и съ битьемъ при томъ въ литавры, такожь хоромъ, музыкою и съ инструментами ихъ за договорную плату, за каждый представлятельной на театрѣ комедій день, за все оное по 10 рублевъ, ежели имѣеть быть хорошая, а не дождливая погода, во все дѣтнее время по день Покрова Пресв. Богородицы; начинать представленіе по полудни въ третьемъ, а оканчивать въ 6 часовъ по полуднижъ; позывку къ тому для собиранія народу музыкантамъ на трубахъ или валторнахъ напредь начинать въ началѣ перваго часа по полудни и продолжать до начинанія на театрѣ комедій; и содержать для того представленія комедей компанію актеровъ, шпрингмейстеровъ и парукмахеровъ всего не менѣе 12 челов., такожь хоръ и музыкантовъ и трубочей со инструментами ихъ до 8 челов.; плату ему получать безъ всякаго удержанія по окончаніи на театрѣ дѣйствующаго тогожъ дня представленія; а притомъ надлежитъ напредъ выдать ему за три дня 30 руб. на обзадачиваніе напредъ актерамъ, парукмахерамъ и музыкантамъ, чтобъ они къ тому дѣйствию комедіевъ были тверды и надежны и остановки бъ ни въ чемъ и ни какой не учинили, въ чемъ имѣеть онъ заключить съ ними договорные контракты; во время на томъ театрѣ дѣйствіевъ комедей, для прекращенія отъ зрителей шумства, ссоръ, дракъ и грабежа, удовольствовать его пристойною командою, также и подлежащимъ къ дѣйствию комедіантскимъ платьемъ и прочимъ, что въ тому нужно будетъ по его требованію безостановочно“. Такой контрактъ написанъ былъ и въ Мартѣ 1770 года.

Въ 1769 году Скорняковъ получалъ уплату тоже по контракту, согласно изложеннымъ условіямъ, и получилъ за 33 дня 330 р.

Отъ полиціи предписано наблюдать, чтобы какъ онъ Скорняковъ, такъ и прочіе комедіанты съ зрителей денегъ ни подъ какимъ видомъ не требовали и не брали, и чтобъ противъ закону и непристойныхъ комедей отнюдь представляемо не было; во время жъ представленія комедіевъ на театрѣ зрителей отнюдь никого не пускать.

Въ 1770 г. театръ отъ времени, а больше отъ дождей и непогодъ пришелъ въ ветхость: около театра надолбы и лавки многія подгнили и обвалились и съ передней стороны на самомъ театрѣ ширмы живописныя сгнили и отъ вѣтровъ изорваны, такъ что необходимо было сдѣлать ихъ вновь и со всею живописною работою, а остальное возобновить починкою, почему составлена

была смѣта на 86 р. 20 к., по которой требовалась 60 бревенъ длиною 9 арш., 46 досокъ длиною 9 арш. толщиною въ 1½, вершка, 200 арш. холста, за работу живописцамъ 35 р. и пр.

Быль ли театръ возобновленъ, намъ неизвѣстно, но Скорняковъ по уговору дѣйствовалъ въ свои дни: 18, 21, 25 Апрѣля; 2, 9, 13, 16, 23, 24, 30 Мая; 6, 13, 20, 27, 28, 29 Іюня; 4, 8, 11, 18, 25, 28 Іюля; 1, 6, 8, 16, 29, 30 Августа и Сентября 5 и 8. По видимому до 1 Октября дѣйства уже не продолжались, должно быть по той причинѣ, что въ это время послѣдовало уже распоряженіе: на наемъ комедіантовъ съ музыкантами и на разные при театрѣ исправленія употреблять во все лѣто каждый годъ не болѣе 300 р., а потому и представленія давать только отъ половины Апрѣля по 1 Сентября.

Съ наступленіемъ весны 1771 г. главный начальникъ Москвы графъ П. С. Салтыковъ повелѣлъ театръ и представленія на немъ комедій отдать въ лучшее смотрѣніе полицейскому поручику Семѣну Дан. Посникову, которому и положенную на содержаніе театра сумму 300 р. выдавать по мѣрѣ надобности, а представленіе комедій начать Мая съ 1 числа на прежнихъ условіяхъ, о чемъ и состоялся приказъ Полиціи 29 Апрѣля. Тогда же было предписана выдать Посникову на первый случай 50 руб.

Распоряженія о народномъ увеселеніи шли своимъ чередомъ, а между тѣмъ въ это самое время въ разныхъ мѣстахъ города и особенно между фабричными на Суконномъ дворѣ за Каменнымъ мостомъ мало по малу уже распространялась моровая язва. Въ томъ же Апрѣлѣ уже устраивались карантинныя и заставы; но въ городѣ мало кто вѣрилъ, что приходитъ настоящій моръ; всѣ думали, что умирають больше всего обыкновенною горячкою. Однако въ Іюлѣ вдругъ стали вымирать уже цѣлыя дома. Становилось очевиднымъ, что объ увеселеніяхъ помышлять уже невозможно. Намъ неизвѣстно, было ли хотя одно представленіе съ 1 Мая, но можно предполагать что въ видахъ успокоенія всенародной публики представленія давались по крайней мѣрѣ въ теченіи Мая и Іюня. Послѣ мора этотъ народный театръ кажется уже не возобновлялся.

Въ 1765 году въ домѣ ея превосходительства Вѣры Борисовны Лопухиной, во 2-й Командѣ, съ воскресенья второй недѣли Великаго Поста начали производить *концерты* Итальянцы Бельмонтій и Сантиній, по воскресеньямъ и четвергамъ. Какъ Москвичи приняли это новое удовольствіе, видно изъ суммы сборовъ за эти кон-

церы, которые по днямъ расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: на второй недѣлѣ поста въ воскресенье было собрано 14 рублей, въ четвертокъ 5 р.; на третьей недѣлѣ въ воскресенье 17 р., въ четвертокъ 1 р.; на четвертой средокрестной недѣлѣ въ воскресенье 11 р., въ четвертокъ въ сборѣ ничего не имѣлось; на пятой недѣлѣ въ воскресенье 23 р., въ четвертокъ 3 р., причемъ по новому установленію слѣдовало еще отдавать четвертую долю сбора въ новоучрежденный Воспитательный Домъ.

Впослѣдствіи Ив. Ив. Бельмонтій является содержателемъ театральныхъ зрѣлищъ въ особомъ имъ построенномъ на свой счетъ деревянномъ театрѣ на Знаменкѣ, по договору и контракту, въ наемномъ домѣ генералъ аншефа Романа Илар. Воронцова. Этотъ театръ былъ построенъ въ 1769 году, когда Бельмонтиемъ въ товариществѣ съ итальянцемъ же Чути была взята и привиллегія на 5 лѣтъ.

Белмонтій померъ 14 Марта 1772 г., оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей Антона и Александра и отказавъ по духовному завѣщанію все имущество и театръ съ разными машинами, гардеробомъ и всякими къ театру принадлежащими крупными и мелкими вещами, въ опеку своей свояченицѣ мамзели Терезѣ Адамовнѣ Бахнеровой. При утверженіи его духовной онъ наименованъ танцмейстеромъ Московскаго Театра а въ духовной между прочимъ онъ обозначилъ, что выѣхалъ въ Россію лѣтъ 14 тому назадъ, слѣдовательно въ 1758 году, быть можетъ по вызову Локателли.

Въ числѣ его должниковъ по векселямъ и роспискамъ находились: Графъ Мих. Фед. Апраксинъ 100 р. и 80 руб. по договору за наемъ ложи; Оберъ-архитекторъ Розберхъ 200 р.; Марья Еропкина 50 р.; бывшая актриса Татьяна Афремова 100 р., князь Петръ Гагаринъ 30 р., Александръ Петровичъ Сумароковъ по векселю 350 р. и по роспискѣ 50 р.

По смерти Белмонтія тетка малолѣтнихъ его дѣтей, баронша Де-Мота, „предпріяла въ пользу ихъ приступить къ содержательству по упомянутой привиллегіи театра“, для чего приняла въ товарищи премьеръ-маіора Матв. Герасим. Окулова.

Въ 1773 г. Де-Мота продала свою половину содержательства и привиллегію Губернскому Прокурору Кн. Петру Вас. Урусову. Затѣмъ и Окуловская половинная часть содержательства дошла по уступкѣ иностранцу Гротію, который по нѣкоторымъ частнымъ обязательствамъ съ кн. Урусовымъ принялъ на себя одинъ имя содержателя театра. Однако Воспитательный Домъ, собирав-

шій четвертую часть театральнаго дохода, за неустойками въ платежѣ Гротія, привлекалъ къ отвѣтственности все того же кн. Урусова. Гротій, не внося слѣдующихъ денегъ, жаловался на то, что въ это время былъ открытъ Дворянскій Клубъ, который въ теченіи болѣе чѣмъ цѣлаго года своими маскарадами отвлекъ все дворянство отъ его Гротіевыхъ маскарадовъ, а онъ именно только маскарадами и балами и падѣлся возмѣщать всегдашніе убытки отъ театральныя зрѣлищъ.

Въ 1776 г. Юня 15 истевъ уже и срокъ пятилѣтней привилегіи этому театру. Тогда кн. Урусовъ снова принялъ на себя содержание театра, выпросивъ предварительно привилегію уже на 10 лѣтъ, которая и была дана 17 Марта 1776 года. Въ привилегіи между прочимъ онъ обязывался черезъ пять лѣтъ построить на свой счетъ, на отведенномъ отъ Полиціи мѣстѣ, *каменный театръ*, при томъ съ такимъ наружнымъ убранствомъ, чтобъ служить могъ городу украшеніемъ. Конечно впереди всего содержатель требовалъ, чтобы „театральныя всѣхъ родовъ представленія, равножъ концерты, вокалы и маскарады открывать предоставлено было ему одному, а окромѣ его никакихъ подобныхъ сему веселій болѣе производить никому не позволять“. Всѣ эти требованія были утверждены главнымъ образомъ въ виду его обязательства построить каменный театръ, такъ какъ въ Москвѣ не было въ это время зданія для публичнаго театра и находился оный въ наемномъ и весьма неудобномъ мѣстѣ. Черезъ три мѣсяца послѣ выдачи привилегіи, 15 Юня, кн. Урусовъ принялъ къ себѣ въ товарищи англичанина Михаила Медовса на равныхъ половинахъ. Представленія продолжались все въ томъ же Знаменскомъ деревянномъ театрѣ, а между тѣмъ содержатели приступили уже къ постройкѣ Каменнаго театра на Петровѣ на отведенномъ полицію мѣстѣ въ приходѣ у Спаса въ Коньѣ.

Въ Февралѣ 1780 года Знаменскій театръ сторѣлъ, отъ чего содержатели понесли наичувствительнѣйшее раззореніе, потому что Каменный театръ хотя уже и строился, но далеко не былъ еще готовъ. Черезъ мѣсяць, 31 Марта того же года, и Кн. Урусовъ по договору передалъ всѣ свои права по привилегіи и все, что они въ двоємъ устроили, безъ малѣшаго возврата одному Медовсу.

Этимъ и закончилась исторія Бельмонтіева Знаменскаго театра, перешедшаго теперь къ Петровскому театру Медовса, который

вскорѣ выпросилъ себѣ новую особую привилегію еще на десять лѣтъ, данную ему 6 Марта 1781 г.

Хотя мѣсто Знаменскаго театра было очень неудобно по своему положенію въ наемномъ домѣ, но оно было очень удобно вообще для дворянской публики, населявшей по преимуществу окрестныя улицы: Пречистенку, Арбатъ, Никитскую, Тверскую. На этомъ же удобномъ мѣстѣ строился и Петровской театр.

Ив. Забѣлинъ.

160650 / 173

ОБМЕН

